

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1890
2

XIII

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Войс 48 78

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1882

№ 9 СЕНТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

I. — БОГЪ ГРѢХАМЪ ТЕРПИТЬ. III. Подозрѣваемые. Г. Успенскаго.	5
II. — КТО КОГО. (Разсказъ). О. Забытаго.	33
III. — ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРАЛІИ И ОКЕАНІИ. II. Аделаида. Эд. Циммермана.	87
IV. — ИЗЪ ДНЕВНИКА. (<i>Стихотвореніе</i>). Надсона.	111
V. — ВОЗРОЖДЕНІЕ МАЛЬТУЗИАНСТВА ВЪ СОВРЕ- МЕННОЙ ЕВРОПѢ. (Статья первая). В. Юр—ова.	113
VI. — НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ. Наканунѣ Иванова дня. (Быль). А. С. Шабельской.	145
VII. — УСТОИ. Исторія одной деревни. Гл. XIV—XVIII. Н. Златовратскаго	173
VIII. — СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. Гл. XII—XV. Н. Ще- дрина.	217
IX. — ФИНАНСОВЫЙ РЫЦАРЬ. Картина современныхъ нравовъ. Романъ Эдварда Дженкинса. (Приложеніе въ концѣ книги. <i>Окончаніе</i>).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — НАШЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРО- НОМІЯ. II. В. В.	1
XI. — СЕКТА ШАЛАПУТОВЪ. Я. Абрамова.	35
XII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Полити- ческія дѣла.— Неудавшаяся перестройка министер- ства.— Мертворожденный кабинетъ Леблона.— Об- ращеніе къ Бриссону.— Бюро лѣвыхъ.— Напрасная попытка возстановленія большинства.— Образованіе кабинета Дюклера. — Краткая программа мира и согласія. — Протестъ Клемансо.— Закрытіе палаты по случаю каникулъ, 8-го августа.— Равнодушіе об- щественнаго мнѣнія къ египетскимъ дѣламъ.— Усмиреніе Туниса.— Затишье въ департаментскихъ совѣтахъ.— Антиклерикальное социалистическое дви-	

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ.

264
ТОМЪ СЕДМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАЕВСКАГО (Бассейная, № 2).

1882.

△
PSC-539.14 (204, sent.)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 29 1963

23 * 2

БОГЪ ГРѢХАМЪ ТЕРПИТЬ.

III. ПОДОЗРѢВАЕМЫЕ ¹.

I.

Прошлою осенью, неподалеку отъ меня, т. е. отъ той деревни, въ которой я живу уже довольно давно, нанялъ себѣ квартиру въ крестьянскомъ домѣ одинъ мой пріятель. Поселился онъ въ деревнѣ и неподалеку отъ меня потому, во-первыхъ, что оба «мы хлѣбъ добываемъ литературнымъ трудомъ», ² а во-вторыхъ, потому, что въ Петербургѣ стало ужь очень тяжело и скучно жить, и, наконецъ, потому, что ощущаемая всѣми тяжесть мало-мальски сознательной жизни, отразилась на моемъ пріятелѣ сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ... «Пожить въ деревнѣ...» «отдохнуть...» «очувствоваться мало-мальски» — вотъ что думалъ мой пріятель, нанимая верхній этажъ крестьянскаго дома въ Ямской слободѣ. Намѣренія его, какъ видите, были самыя скромныя и безобидныя, но и такія намѣренія, какъ увидимъ ниже не всегда и не для всякаго осуществимы въ наши тяжелые дни. Прежде всего, необходимо сказать, что нѣтъ такой профессіи, которая, будучи перенесена изъ столицы въ деревню, въ такой степени смущала бы деревенскихъ жителей, какъ профессія литературная. Самый первый, самый существенный вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію деревенскихъ жителей, при появленіи въ ихъ средѣ новаго лица формулируется такъ: «зачѣмъ пріѣхалъ?»—И литераторъ не можетъ выяснитъ его не только вполне опредѣленно и точно, но даже и мало-мальски удовлетворительно. «Пріѣхалъ такъ.. жить... отдыхать...»—вотъ что можетъ отвѣтить онъ по сущей правдѣ; но такой отвѣтъ немедленно долженъ вызвать другой, еще болѣе затруднительной вопросъ, именно:—«Отды-

¹ «Отеч. Зап.» 1881 г. № 9—11.

² Ствх. Н. А. Некрасова «О погодѣ».

хоть... стало быть капиталъ имѣете?—А такъ какъ на это ничего другого не приходится сказать, кромѣ:—«Нѣтъ! капиталовъ не имѣю»—то это сразу дѣлаетъ его личностью подозрительною. Въ головѣ деревенскаго жителя, съ двухъ словъ, возникаетъ огромнѣйшее недоразумѣніе: — «отдыхать пріѣхалъ»... а капиталу не имѣеть?»—Что это за существо, и зачѣмъ сюда явился?

Въ настоящее время, по деревнямъ, особливо прихосейнымъ и прилегающимъ къ желѣзной дорогѣ, какъ тѣ, въ которыхъ поселились мы съ пріятелемъ, стало появляться много небывалыхъ прежде профессій, много людей, не имѣющихъ съ крестьянствомъ и земледѣіемъ почти никакой связи. Но всѣ эти «новые» деревенскіе жильцы, всѣ эти пришельцы всегда могутъ дать на предлагаемые имъ деревенскими жителями вопросы самыя точныя и опредѣленные отвѣты. Одинъ говоритъ «пріѣхалъ на счетъ телятъ» Другой «по сѣнной части», третій просто отвѣтитъ «грибы», четвертый скажетъ «на станціи служу» и т. д. Все это понятно и ясно съ перваго слова; даже такой, повидимому, неопредѣленный и таинственный отвѣтъ, какъ «пріѣхалъ по своей части», и тотъ понятенъ и удовлетворителенъ для деревенскаго жителя. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ «дѣловъ» и своихъ частей? Можетъ, онъ хочетъ «проникнуть» въ телячью часть, или въ грибную, или въ сѣнную, или, наконецъ, пронохиваетъ мѣстечко на желѣзной дорогѣ. За такимъ человѣкомъ нужно только «поглядывать», надо смотрѣть только *одно*, не сунулся бы онъ въ какую-нибудь изъ такихъ частей, сѣнныхъ, грибныхъ, и т. д., которыя уже абонированы мѣстными обывателями. Но такой отвѣтъ, какой даетъ литераторъ, т. е. *пріѣхалъ отдыхать* (подумайте: *пхалъ*, платилъ за билетъ—зачѣмъ?—отдыхать!), «а капитала не имѣю», это не отвѣтъ, а тѣма кромѣшная. Тутъ не видно той нити, которая дала бы возможность изучить специальность человѣка, тутъ сразу является необходимость смотрѣть «въ оба».

— Изъ господъ, что ли? спрашиваютъ обыватели того изъ своихъ собратьевъ, который первый имѣлъ несчастье получить вышеупомянутые неудовлетворительные отвѣты.

— А шутъ его знаетъ! Говорить: капиталу, говорить, не имѣю...

— Что-жь, на машинѣ, что ли мѣсто получилъ?

— Нѣту, какое на машинѣ...

— Чего-жь онъ здѣсь?

— Такъ вишь. Говорить: «отдыхаю!»

— А капиталу нѣту?

— Нѣту, говорить, капиталу.

— Чего-жь ему отдыхать безъ денегъ?
 — А пѣсь ихъ знаетъ!
 — Тоже народъ! Безъ денегъ прѣхалъ отдыхать... зимой!
 Поглядывать бы за ними надоть...

— Нонче, братъ, всякаго народу довольно. Гляди въ оба!
 Но невѣдомый человѣкъ хотъ и объявилъ, что капиталу не имѣеть, а платить за все, что беретъ. Попробуютъ запросить вдвое (собственно для пробы) — платить; очевидно, ничего не понимаетъ, и тѣмъ паче по телячей или какой части. Опробовали его по части пониманія «вобще», принесли барсучью шкуру и запросили рубль, даль, хотя шкурѣ красная цѣна сорокъ копеекъ. Очевидно, что хотъ капиталу и нѣтъ, а деньжонки есть. Не то чтобы довѣрие, а такъ только нѣкоторое вниманіе возбуждаетъ этотъ человѣкъ своимъ «непониманіемъ вобще» и расплатами. «Покуда платить—намъ какое дѣло?» говорятъ мѣстные обыватели. «А въ случаѣ чего... на то есть начальство».

А все-таки любопытно знать, чѣмъ, «какими способами» человѣкъ деньги достаетъ, коль скоро настоящаго капиталу не имѣеть. И вотъ начинаются разпросы издалека, разпросы, которые еще болѣе затемняютъ неизвѣстную личность.

- Чтò я все дивлюсь, какъ вы долго по ночамъ... Все огонь!
- Занимаюсь.
- Какія же ваши будутъ дѣла?
- Да вотъ все... по части книжекъ. Бумаги вотъ разныя...
- Что же, въ канцелярію какую пишете?
- Нѣтъ!
- Стало быть, не служите?
- Нѣтъ, не служу.
- Тепереча позволѣте сказать, которыя вы пишете бумаги, или хотъ книги, то по казенной они будутъ надобности или по своей?
- Нѣтъ, не по казенной...
- По своей, стало быть?
- Да, по своей.
- Слѣдовательно, такъ надо почестъ, что по судамъ дѣла дѣлаете?
- Нѣтъ, не по судамъ.
- И не то чтобы прошенія или прочія какія дѣла по судейской части?
- Нѣтъ, не по судейской.
- Стало быть, не по судейской?
- Нѣтъ, не по судейской.

— Не на счетъ какихъ прочихъ дѣловъ, или что касается, напริมѣръ, которые бываютъ, абвакаты, или по писарской части?

— Нѣтъ.

— Нѣту?

— Нѣтъ, не по этой части...

Молчокъ—затѣмъ:

— Та-а-а!

Чтобы понять всю глубину этого маленькаго словечка, глубину той бездны сомнѣнія и недовѣрія, въ которую повергаетъ вопрошатель вопрошаемаго, потрудитесь соединить въ одно все, что этотъ вопрошатель слышалъ отъ неизвѣстнаго человѣка со дня его прїѣзда.

— «Прїѣхалъ такъ... отдыхать... капиталовъ не имѣю... Не по писарской... не по судейской... не служу, не въ канцеляріи, ни на счетъ прочихъ дѣловъ». Итого: первое слово «отдыхать» и затѣмъ безчисленное множество «нѣтъ». Этого вполне достаточно, чтобы деревенскій житель окончательно усумнился во всемъ, въ каждомъ словѣ, которое было говорено ему вопрошаемымъ.—«Дурака-то, братецъ ты, мой изъ меня не выстроишь», думаетъ онъ про себя, а въ слухъ говоритъ: «Та-а-а!» и чтобы не дать замѣтить вопрошаемому своего полѣвшаго къ нему недовѣрія (очень искусно умѣютъ они это дѣлать), ласково прибавляетъ. «Ну, пока-что—до прїятнаго свиданія!..»

Въ концѣ-концовъ, волей-неволей, а приходится-таки давать подробное объясненіе. Идетъ долгій и продолжительный разговоръ, начинающійся чуть не съ Гутенберга. Приходится давать самыя обстоятельныя отвѣты на тысячи неожиданныхъ вопросовъ, (о томъ, что такое книга, какъ она печатается, какъ дѣлаются буквы, сколько въ книгѣ сотенъ тысячъ буквъ и т. д., и т. д.) и если въ концѣ этихъ откровеннѣйшихъ объясненій слушатель пойметъ, что есть какое-то дѣло, котораго онъ не знаетъ и о которомъ не слышалъ, то это еще слава Богу. Бѣльшею частію и этого результата нельзя добиться. «Что-то не такъ!» сидитъ въ головѣ обывателя, и если онъ перестаетъ допытываться и «доходить до корня», то единственно потому, что уже рѣшилъ: «Намъ какое дѣло? На то есть начальство! Наше дѣло — не касайся, а получай, коли есть за что... Какое у него дѣло—неизвѣстно; разнискать что доподлинно—ужь разыскивали, бормочетъ Богъ вѣсть что, лучше оставить... А деньги точно что получаетъ. Теперь необходимо «опробовать», много ли денегъ-то получаетъ. Что у него за работа, песь съ нимъ, а денегъ-то много ли?» И опробовають такъ: опять несутъ барсучью шкуру и запрашиваютъ три рубля.—Почему такъ? — Да

больно ужъ глубоко въ норы позабирались, каторжные, доставать-то ихъ отдедова оченно много хлопоть. — Какъ же я купилъ за рубль?—Да теперъ цѣны не тѣ. — И рубль-то дорого... Всѣ покупають по полтиннику... Вотъ вчера по полтиннику мужикъ продавалъ.—Какой такой?—Ужъ я не знаю.—Нни знаю... Такъ не возьмете?—Пятьдесятъ копеекъ.—Маловато! прибавьте. Мнѣ онъ вовсе не нуженъ, я просто такъ покупаю... — Прибавьте... ну, за шесть гривенъ.—Зачѣмъ же ты запросилъ три рубля?.. Слѣдуетъ великолѣпная во все лицо улыбка, точно солнце въ полномъ блескѣ, сіяетъ и блеститъ лицо вопрошателя.— Да намъ что больше, то пріятнѣе! — Ты что же думаешь, что у меня не деньги, а щепки?—Да вѣдь намъ почему же знать? Трешной не даете, такъ и шесть гривенъ возьмемъ... для вашего здоровья...

«— Нѣтъ, рѣшаетъ послѣ этого слѣдователь-обыватель: — не вполне при деньгахъ... Деньжонки есть, а не такъ, чтобы при полномъ капиталѣ». И дѣло все-таки оканчивается прежнимъ рѣшеніемъ: «Намъ что? Мы нешто что? Въ случаѣ чего—на то есть начальство. А намъ какое дѣло?»

Но и порѣшивъ такимъ образомъ, и, повидимому, успокоившись, обыватели не перестаютъ хранить полное недоувѣріе къ личности неизвѣстнаго человѣка, занимающагося неизвѣстнымъ дѣломъ. Дѣло имъ неизвѣстно, но достаточно ужъ того, что оно не крестьянское, не кулацкое, не торговое, а барское, господское. Отъ самаго послѣдняго мужиченки, отъ безпріютнаго нищаго, побирающагося подъ окнами, черезъ всю длинную лѣстницу крестьянскихъ типовъ разнообразныхъ степеней благосостоянія, черезъ всю лѣстницу типовъ, олицетворяющихъ собою благосостояніе кулацкое, вплоть до тузовъ-кулаковъ, до тысячникъ, нигдѣ, никогда ни отъ одного человѣка нельзя услышать словъ: «пріѣхалъ *отдыхать*», т. е. ничего не дѣлать, какъ только отъ барина. Онъ одинъ никогда ничего не дѣлаетъ—такъ ужъ порода и такое о ней мнѣніе къ тому, что, чтобы ничего не дѣлать всѣ они и стремятся, а чтобы «отдыхать», да ничего не дѣлать, нуженъ капиталъ, деньги. Вотъ эти-то деньги баринъ и хочетъ добыть какими бы то ни было каверзными способами. Это онъ все мутитъ и орудуетъ... И поэтому, что бы онъ тамъ ни толковалъ, какіе бы узоры не выводилъ языкомъ на счетъ «своихъ дѣловъ, на счетъ того, что, молъ, книжки печатаю»—все это пустыя слова, выверты, прикрывающіе уязвленное самолюбіе барина, который только и думаетъ, какъ бы «вернуть на старое»... «Отдыхать пріѣхалъ! Отдыхай, любезный, покуда деньженки маменькины не перевелись... А только-

что въ случаѣ чего, такъ вѣдь у насъ и начальство есть. Слава тебѣ Господи, не безсудная земля!»

II.

Такъ рѣшаютъ дѣло обыватели-крестьяне, люди хотя и не вполне полированные (а полированныхъ людей въ нашихъ мѣстахъ, благодаря близости Петербурга, очень и очень много), но и не лишенные ужъ нѣкоторой доли политуры, какъ и вообще всѣ здѣшніе крестьяне, въ огромномъ большинствѣ типъ не вполне симпатичный. Но здѣсь же, въ этихъ же мѣстахъ есть ужъ типъ вполне ополитуренный, т. е. ужъ перамышнигъ въ полномъ цвѣту. Скрытая, но непреклонная его ненависть къ барину—прикрыта многообразнѣйшими приемами, обнаруживающими, что человекъ понимаетъ до нѣкоторой степени общее положеніе дѣлъ. Онъ почти всегда лѣзетъ въ знакомство съ господами, и хотя, благодаря этому знакомству нагрѣваетъ мужиковъ, но и барину *всегда* отъ него приходится плохо. Играетъ онъ всегда на старыхъ «барскихъ» струнахъ: предупредительность, любезность, услужливость, холопство и т. д. Система его «потрафлять», и тѣмъ истощать барина и его карманъ. Онъ изучилъ господскій «нравъ», какъ охотникъ изучаетъ нравъ тетерева или барсука, и изучилъ для того, чтобы продать этого барсука или тетерева на базарѣ. Такіе политурные люди, хотя и смотрятъ на барина, въ сущности, точно также, какъ и остальные полуполитурные и совсѣмъ не ополитуренные крестьяне, но ужъ понимаютъ, что нельзя такъ зря приходить къ нему только за деньгами и брать ихъ, глядя въ сторону. Понимаютъ, что баринѣмъ еще можно попользоваться и другимъ родомъ. Они читаютъ въ трактирахъ «листки», знаютъ, что такое «газета», понимаютъ можно «писать» и не служить, не занимать писарской должности... Они знаютъ, что на свѣтѣ существуетъ печатная, газетная кляуза. И вотъ, къ новоприбывшему въ деревнѣ, невѣдомо чѣмъ занимающемуся человеку, начинается являться политурный кляузникъ, не за деньгами прямо, а съ кляузой, съ покорнѣйшей просьбой «репечатать». Кляузничество занимаетъ такую огромную область въ нравахъ современной ополитуренной деревни, и область эта до такой степени непривлекательна и смрадна, что говорить объ этомъ подробно невозможно: отвратительно. Скажу только, что современная кляуза группируется въ два типа: въ кляузу судебскую и открыто *личную*, и кляузу хотя тоже личную, но при-

крытую общественнымъ интересомъ. Кляузникъ перваго типа болѣею частью состоятельный мужикъ, самолюбецъ и злецъ; лѣтъ пятнадцать сряду онъ хочетъ донять какого-то дядю или какую-то тѣтку, донять на пустякахъ за то, что не уважили его въ чемъ-то на мѣдный грошъ; у него цѣлый мѣшокъ бумагъ изъ уѣздныхъ и земскихъ старыхъ судовъ: копій, рѣшеній, постановленій; кучи документовъ изъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, правительствующаго сената, отъ нотаріусовъ и т. д. Онъ просудилъ ужъ около тысячи рублей, будучи кругомъ неправъ, и зная, что неправъ, а все-таки не можетъ, не хочетъ остановиться, роется своею злостью, какъ крокъ, глубже и глубже, зарывается въ бумаги и т. д. Это самодуръ, и всегда онъ ищетъ такого человѣка, который бы взялъ изобрѣсти новую кляузу, прицѣпиться къ чему-нибудь, заварить вновь кашу, чтобы тѣтка еще на двадцать лѣтъ не знала покою. Онъ только и хочетъ, чтобы нашелся «человѣчекъ», который бы *непремѣнно кляузу* выдумалъ, хотя, болѣею частью, разговоръ идетъ всегда о правдѣ и о томъ, что не сыскать нынче правды нигдѣ. По глаза его говорятъ: «прицѣпись! замути!»

Но преобладающій кляузникъ несомнѣнно принадлежитъ ко второй категоріи кляузниковъ, кляузниковъ изъ-за личныхъ расчетовъ и обидъ, но непремѣнно во имя общественныхъ интересовъ и общаго блага. Какъ извѣстно, этотъ типъ «опустошителя своего отечества», до полнаго совершенства доведенъ и выработанъ не въ одной только народной средѣ. Башкирскія земли не расхищаются подобно тому, какъ расхищалось имущество во время еврейскихъ беспорядковъ, а раздаются на льготныхъ условіяхъ и непремѣнно во имя государственной, даже прямо народной пользы. Искусство представлять расхищеніе такъ, что оно представляется дѣломъ государственной важности—это искусство выработано не въ крестьянской средѣ, но крестьянская среда, переродившаяся въ вулацкую, поняла, что и ей нельзя пренебрегать этой *модой*. Въ виду этой всеобщей моды, кляузникъ, прерывающій свою акулью пасть общественнымъ интересомъ и благомъ, распространяетъ въ деревнѣ въ огромномъ количествѣ.

И вотъ начинаются визиты этого новаго рода кляузника. Съ первыхъ же словъ онъ объявляетъ, что для него главное дѣло во все «не что-либо изъ корысти или что...» но единственно только правда; «дорога мнѣ правда», говоритъ онъ и излагаетъ дѣло и просьбу. Просьба состоитъ почти всегда въ томъ, чтобы вы, человѣкъ мало въ деревнѣ извѣстный, мало понимаемый, а главное, уже подозрѣваемый въ чемъ-то, и, слѣдовательно, уже до

нѣкоторой степени находящейся во всеобщемъ сомнѣніи, составили ему ни много, ни мало, какъ «доносъ». Онъ и самъ, какъ оказывается изъ дальнѣйшихъ разговоровъ, ужъ не разъ «подавалъ» куда слѣдуетъ, но все не выходило, потому что не умѣеть составить. «Учили-то насъ на мѣдныхъ деньги. Такъ на словахъ-то я все могу, и сказать, и все... съ хорошими господами разговаривалъ... князья даже проѣзжали—и то могъ разговаривать, а вотъ на бумагу положить—не складно выходитъ, да и глаза болятъ, слеза бьетъ». Такъ вотъ этотъ общественный дѣятель и желаетъ, чтобы неизвѣстный человѣкъ, который «все пишетъ», настроилъ ему поядовитѣе доносца на священника, на учителя, на станового, писаря, волостного старшину. Сколько мнѣ ни приходилось слышать просьбъ о написаніи такихъ доносовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ глубинѣ побужденій, руководившихъ доносителей, всегда крылось какое-нибудь своекорыстнѣйшее побужденіе: копейка, грошъ, денежная выгода, которую врагъ перехватилъ, съѣлъ раньше доносителя, вырвалъ у него «изъ горла». Но не могу утаить также и того, что видалъ я просителей въ этомъ родѣ, которые и въ самомъ дѣлѣ побуждаемы были просто несправедливостью, неправдою, возмущаясь ею безъ своекорыстныхъ расчетовъ. Такихъ, впрочемъ, очень, очень мало, именно капля въ океанѣ своекорыстной кляузы. Но—вотъ какое ужасное положеніе!—и эти-то люди, несвоекорыстники, а въ самомъ дѣлѣ негодующіе на неправду, приходили все съ тою же просьбой: написать въ той или другой формѣ доносъ! Доносъ! Вотъ единственный проторенный путь для выраженія всѣхъ государственныхъ и общественныхъ стремленій, вотъ модный, общедоступный, популярный способъ, единственный даже для предьявленія хорошихъ побужденій!

Входить въ какія бы то ни было отношенія съ этими типами деревенскихъ кляузниковъ для человѣка, желающаго отдохнуть въ деревнѣ, нѣтъ ни малѣйшей возможности и резона. «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», пословица весьма подходящая для объясненія того положенія, которое долженъ принять въ деревнѣ человѣкъ, для нея совершенно посторонній. На всѣ жалобы о неправдѣ, какими бы хитросплетенными разглагольствованіями ни прикрывалъ ихъ деревенскій кляузникъ, необходимо отвѣчать самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ. Сразу поймутъ, что не туда попали, и отстанутъ. Но есть еще третій родъ посѣтителей и просителей, въ дѣлахъ, словахъ и просьбахъ которыхъ нѣтъ и тѣни кляузы, а чуется, въ самомъ дѣлѣ, пасущная горькая нужда: это крестьянинъ, мірянинъ,

хлопочущій о земельѣ... Повторяю, въ просьбахъ этого просителя нѣтъ кляузъ, ехидства или кляузнаго либерализма, но—увн!—входить съ нимъ въ разговоры для человѣка, который изъ океана столичной мѣки не хочетъ попасть въ еще болѣе бездоннѣйшій океанъ мученій деревенскихъ, также нѣтъ никакой возможности. Можно, конечно, съ ними толковать и разговаривать, и даже не грѣхъ жалѣть, глубоко сочувствовать, но (такова на Руси участь заправскаго, настоящаго не кляузнаго дѣла!), разговаривая, не нужно забывать, что отвѣтъ вашъ, послѣ всѣхъ разспросовъ, долженъ быть одинъ: «ничего не могу сдѣлать!» Этотъ отвѣтъ, по глубокому несчастію, преслѣдуетъ человѣка русскаго всякій разъ, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь серьезнымъ насущнымъ, всегда простымъ дѣломъ. Едва слышитъ русскій человѣкъ, что разговоръ идетъ о чемъ-то справедливомъ, какъ ужъ ему чудится: «нельзя», «лучше и не слушать». Вотъ именно объ этой-то напрасной мѣкѣ я и говорю, утверждая, что лучше не разстроивать себя, разспрашивая о подробностяхъ простаго крестьянскаго дѣла. Разспрашивая, вы всегда увидите, какъ это простое дѣло огромно, и какъ «ничего невозможно» для него сдѣлать... Когда-нибудь, Богъ вѣсть когда, что-нибудь сдѣлается, а когда—неизвѣстно.

До какой степени многосложны, а главное—безплодно мучительно эти простыя крестьянскія дѣла, я постараюсь сказать подробнѣе нѣсколько ниже. Какая-нибудь «простая» просьба въ родѣ того, что «некуда выгнать скотину», мгновенно ставитъ васъ на почву жгучаго несчастія нашихъ дней, въ которые точно такое же «простое» желаніе: сказать громко «простое» слово—мучить самыми подлинными мѣками массы людей многіе годы. Все это я ужъ испыталъ, зналъ доподлинно, и потому, когда неподалеку отъ меня поселился мой пріятель, я, зная его за человѣка болѣзненнаго, нервно больнаго, за человѣка, которому необходимо было хоть нѣсколько мѣсяцевъ пожить поспокойнѣе, настоятельнѣйшимъ образомъ посовѣтовалъ ему, во-первыхъ, «не мѣшаться», а во-вторыхъ, «ни объ чемъ»—т. е. буквально ни объ чемъ—не разспрашивать и не допытываться... Я ему говорилъ:

— Если хочешь отдохнуть, пожалуйста, не разспрашивай ни о чемъ и никого; не спрашивай также, почему молоко продается такъ дешево, почему телятина упала въ цѣнѣ... Ышь! Ышь и молчи! Иначе ты умрешь съ голоду! Ышь, спи и ничего не касайся... Кляузники сами разберутся. А не кляузникамъ ты ничего не можешь сдѣлать. Ышь, молчи и не разспрашивай! Вотъ что требуется въ настоящее время.

Кромѣ того, зная по опыту, что въ настоящее время всякій обыватель и тѣмъ паче всякая самомагѣйшая власть до деревенскаго пастуха включительно, обуяна жаждою установить порядки, зная, что всѣ эти установители, искоренители и т. д., каждый имѣетъ «собственный» свой взглядъ на порядки и не-порядки, на свои и чужія права и обязанности, что, наконецъ, недавно еще одно волостное правленіе присвоило себѣ право приговаривать вредныхъ людей—я посовѣтовалъ моему пріятелю поселиться не у какого-нибудь крестьянина, несвѣдующаго въ политикѣ мужика, а прямо у сельскаго старосты, чтобы жизнь его вся какъ есть, во всѣхъ подробностяхъ и съ утра до ночи, была передъ начальствомъ, «какъ на ладони». Пусть онъ изслѣдуетъ все, что найдетъ нужнымъ. Пусть роется въ ящикахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ — молчи, терпи, ѣшь и не спрашивай. Пріятель послѣдовалъ моему совѣту, такъ какъ хотѣлъ отдохнуть. Онъ ѣлъ и не спрашивалъ, пилъ молоко и не спрашивалъ; молча писалъ, молча спалъ, молча гулялъ. Пробовали его, помощью барсучьей шкуры—не сопротивлялся; пробовали его по части кланузъ—смирненно сознался въ незнаніи. Крестьянамъ съ первыхъ словъ объявилъ: «не могу!» Когда староста, подозрительно покачавъ головою, сказалъ: «Что-то больно ужъ будавъ много въ книжку-то влѣзаетъ, по вашему разговору», и явно заисподозрилъ пріятеля моего въ неблагонадежности — претерпѣлъ, перенесъ, не разсердился. Словомъ, какъ ни трудно было моему пріятелю выполнить мои совѣты, онъ выполнилъ, и достигъ того, что «вообще» относительно его личности было рѣшено: во-первыхъ, «какой-то баринъ», во-вторыхъ, «худого не видимъ», а въ-третьихъ, «въ случаѣ ежели—на то у насъ есть начальство».

III.

Само собою разумѣется, что три вышепоименованные характерныя признака, которыми деревенскій житель опредѣлилъ неизвѣстную личность, поселившуюся въ деревнѣ, должны были, дойдя до «начальства», получить какое-нибудь общее опредѣленіе. Если для мужиковъ довольно знать, что поселился «какой-то баринъ», что занятія его неизвѣстны и что начальство должно само принять на себя отвѣтъ «въ случаѣ чего», то для начальства, какъ бы оно ни было деликатно, является неизбѣжнымъ прибавить къ тремъ вышеупомянутымъ пунктамъ пунктъ

четвертый, заключительный, что оно, въ лицѣ урядника, и дѣлаетъ, говоря старостѣ:

— А ты того... между прочимъ... поглядывай тамъ... въ случаѣ ежели что... или что-нибудь тамъ... такъ ужь ты тово... соваться не суйся, а посматривай...

Само собою разумѣется, что староста, также по своему понижающей «нонѣшнія времена», сталъ поглядывать, а когда ему на цѣлую недѣлю пришлось отлучиться въ Петербургъ съ сѣномъ, то онъ, помня приказаніе «поглядывать», пошелъ къ лавочнику, своему сосѣду, и сказалъ ему:

— Подикось сюда, Михѣй Кузьмичъ, на парочку словъ...

— Чево надить?

— Теперича требуется мнѣ въ городъ по дѣламъ отлучиться, такъ ты ужь тово... На счетъ барина урядникъ сказывалъ мнѣ... не то что-либо какъ, а такъ въ случаѣ ежели. Времена нонѣ самъ знаешь какія? Ну, такъ вотъ урядникъ и сказывалъ, чтобъ поглядывать.

— Чего поглядывать?

— Да что ты? Оглохъ, что ли? Я говорю на счетъ барина... Урядникъ сказывалъ, въ случаѣ говорить ежели—не какъ-нибудь соваться или что-либо прочее, а больше ничего, что касаемое по нонѣшнему времени... поглядывать.

— За бариномъ?

— Ну, да... Объ чемъ же я говорю!

— Ну, ладно.

— Ужь ты тово, поаккуратнѣй.

— Ну, ладно.

Само собою разумѣется, что въ первый же визитъ прислуги въ лавку, вѣрный своему слову и собственному внутреннему убѣжденію, лавочникъ ознаменовалъ такимъ вопросомъ.

— А чтѣ баринъ вашъ подѣлываетъ?

— Мы ихнихъ дѣловъ не знаемъ.

— Ну все, чай, видно.

— Работаетъ свою работу... Книжку читаетъ.

— Что больно дюже книжки любить?

— Не наше это дѣло.

— То-то. Нонѣ всякаго народу много. Вонъ въ Петербургѣ тоже все тоже... книжки читали, учоные тоже... Читаетъ, читаетъ, да и тово...

— Намъ это неизвѣстно.

— Такъ-то такъ, а все надо съ опаской... Нонѣ времена—упаси Богъ! Книжки! Конечно, книга книгѣ розь... Глядя по человѣку, а все нѣтъ-нѣтъ да и надо подумать, что, молъ, за

человѣкъ? Нѣтъ ли какихъ дѣловъ? Я говорю, всякаго народу довольно. Иной и куцомъ обернется, а впоследствии того времени оказываешь одно злодѣйство. А иной и на барина сходствуетъ, а тоже, по дѣламъ-то, мало ему горло перервать. Такъ-то... Вамъ папирось требуется?

— Папирось.

— Какихъ прикажете?..

— Вотъ тутъ на бумажѣ написано...

— Папирось! Папирось-то папирось, а все-таки... не мѣшаетъ и поглядывать...

— Намъ все одно. На то есть начальство.

— Ну, а все-таки... Начальство! Начальству тоже не углядѣть за всѣмъ... Урядникъ то вонъ и то ужъ старосту просиль...

— На счетъ нашего барина?

— Да ужъ видно такъ.

— Опять же мы ничего не знаемъ.

— Да и мы ничего не знаемъ, а между прочимъ... И я говорю: не то чтобы соваться или какъ неакуратно, или грубо, намъ вѣдь нельзя знать, кто онъ и какъ его дѣло, а такъ, въ теченіи времени... полегоньку... Въ случаѣ что, или ежели такъ сказать въ какомъ-нибудь смыслѣ. Времена-то вѣдь какія! тоже не за горамъ отъ Питера-то живемъ! Ну, такъ вотъ я и говорю. Поосторожнѣй, повѣжливѣй, а все надо... Ужъ тамъ знаютъ, что говорить... Урядникъ-то вонъ говоритъ: «поглядывайте, говорить, между тѣмъ...» Не то чтобы какъ... а «на случай...» Вотъ и я про тоже... Такъ папирось?

— Да-съ.

— Извольте-съ... Съ полнымъ удовольствіемъ... До пріятнаго свиданія.

Прислуга, тоже не въ серъезъ, а такъ «между прочимъ» рассказала въ домѣ и у сосѣдей, а самъ лавочникъ, уѣзжая за патентомъ въ губернской городъ и не дождавшись возвращенія старосты, передалъ порученіе послѣдняго «курляндцу», потому что тотъ жилъ напротивъ дома моего пріятеля.

— Карла! крикнулъ онъ курляндцу, останавливая лошадь противъ его воротъ. Карла работала въ глубинѣ двора. — Подъ-ка сюда на пару словъ.

Выходитъ Карла.

— Вотъ чего... Тутъ староста наказывалъ на счетъ барина... Ты слушай обѣими ушами, что говорятъ-то!

— Я слюшай... чево? Говори!

— Такъ ты слушай, а ротъ-то не развѣвай...

— Ну-у-ну-у!

— Наказываль поглядывать, на счетъ сусѣда... Понимаешь али нѣтъ?

— Какова сусѣда?

— Эво! Больше ничего — поглядывай! Соваться не суйся, а такъ, «на случай». Повимаешь?

Курляндецъ не понималъ.

— Ахъ, колбаса нѣмецкая! Говорять... понимаешь въ чемъ дѣло? знаешь какія времена настали... Н-ну?

— А-а-а а а!.. Знай, знай!

— Не разѣвай пасть-то! Ну, чего заоралъ? Охъ нѣмчуря анаемская! Долбишь-долбишь ему въ голову—какъ въ камень! Ну, такъ слушай, мнѣ съ тобой растабарывать не время... Коли понялъ, что я говорилъ, такъ тово... поглядывай! Больше ничего. Не суйся, не ори, а такъ... на случай... коли-что... ежели... Понялъ? Да гдѣ тебѣ понять!..

— Понимай!

— Понимай! Дубина нѣмецкая! Помни одно: не суйся, а поглядывай.

— Ладно, ладно, гуть!

— Дубина! Ты помни!

Повторяю, никакого умышенно злостнаго намѣренія сдѣлать человѣка подозрительнымъ и стѣснить его существованіе, я увѣренъ, даже и не было въ поминѣ, когда начальство произнесло слово «поглядывай». Слово это, я очень хорошо понимаю, было только заключеніе, округленіе силлогизма. Посылка 1-ая—«какой-то баринъ», посылка 2-ая—что дѣлаетъ неизвѣстно, заключеніе:—«поглядывай».—Заклученіе это является, какъ видите, *само собою* (хоть оно и возможно *только-ю* нонѣшнимъ временамъ), но тѣмъ не менѣе не могу не сказать, что это округленіе въ дѣйствительности выразилось тѣмъ, что не было въ деревнѣ чело-вѣка, который бы не толковалъ о моемъ пріятелѣ и который бы не считалъ себя обязаннымъ «поглядывать». Говорили о немъ, соединяя его имя съ словомъ «урядникъ»—и лавочникъ, и курляндецъ, и староста, и кухарки, и сосѣдъ, и сосѣди и сосѣдки... «Въ случаѣ», «на случай», «ежели что», «что касаемое», «въ случаѣ ежели что». Эти ничего незначащія слова, которыхъ такъ много изобрѣло русское косноязычіе, обязательно перемѣшивались съ словами «поглядывай», «нонѣ какое время», и такъ далѣе. И замѣчательно (скажу встати), что этотъ родъ наблюденій называется «негласнымъ». Всѣ толкуютъ о чело-вѣкѣ, *котораго никто не знаетъ*, толкуютъ весьма худо, даже весьма подло, всѣ

даютъ себѣ полное право подозрѣвать человѣка, Богъ знаетъ въ чемъ, и все это называется наблюденіемъ «негласнымъ».

Пріятель мой все претерпѣлъ, всему покорился. Молчалъ, не разспрашивалъ никого и ни о чемъ, точно и подробно отвѣчалъ на каждый самый нелѣпый вопросъ; покорно опускалъ глаза всякій разъ, какъ какой-нибудь наблюдатель—староста, курляндецъ, лавочникъ, прислуга, сосѣдъ и т. д.—вперялъ въ него упорно бессмысленный и упорно недовѣрчивый взглядъ, (а это благодаря «негласности» наблюденія было ежеминутно). Правда, не разъ говорилъ онъ, что испытывалъ ощущенія птицы, на которую цѣлые дни наведено дуло ружья, и которая должна ежеминутно думать о томъ: выстрѣлить ли ружье или нѣтъ? заражено оно или нѣтъ? Почему не стрѣляетъ? И почему наведено и прицѣлено именно въ меня, а не въ другое мѣсто? Вѣдь если прицѣлено въ меня, такъ и выстрѣлить можетъ? Но тогда почему не стрѣляетъ? И т. д. А ружье все прицѣлено въ ту же точку, въ ту же птицу, и хотя не стрѣляетъ, но «вотъ-вотъ» можетъ выстрѣлить. «Хоть бы ужъ стрѣляли что ли!» не разъ говаривалъ мой пріятель, но я успокоилъ его, доказавъ ему, что «по нонѣшнему времени это завсегда такъ».

— «Тебѣ, говорилъ я:—непріятно, что какой-то глухой лавочникъ или курляндецъ тарачитъ на тебя глаза, а подумалъ ли ты о томъ, каково-то лавочнику или курляндцу пріятно твое сосѣдство?.. Они тоже по ночамъ ворочаются на постелѣ и ждутъ непріятностей отъ тебя, какъ и ты ждешь отъ нихъ. Такія отношенія установились во всемъ обществѣ. Человѣкъ, кто бы ни былъ, просыпаясь утромъ, думаетъ: «вотъ и опять какая-нибудь гадость случится...» И это всякій.

Успокоенный мною, пріятель кое-какъ притерпѣлся къ нонѣшнимъ временамъ и той формѣ общечитія, въ которой они выражаются, и никого «не касаясь», ни во что не вмѣшиваясь, прожилъ такъ мѣсяцевъ пять. Здѣсь оканчивается прісказка, а вотъ и маленькая сказка:

Нѣсколько дней тому назадъ, на станціи появился какой-то рваный и пьяный человѣкъ и сталъ выдавать себя за агента, посланнаго разыскивать какихъ-то двухъ преступниковъ.

Необходимо сказать, что слово «агентъ» въ настоящее время также всемогуще, какъ во времена Гоголя было всемогуще слово «реvisorъ». Намъ пришлось видѣть, между прочимъ, такую сцену въ одномъ изъ московскихъ загородныхъ садовъ. Двѣ компаніи гостинодворскихъ прикащиковъ, повидимому, незнакомыхъ, съ подругами изъ швеекъ, затѣяли въ хмѣльномъ видѣ ссору, кажется, тоже изъ-за подругъ; ссора разгоралась съ каждою ми-

нутой все больше и больше; одна изъ компаній, сильнѣйшая (въ ней было однихъ мужчинъ человѣкъ пять), чувствуя свое кулачное превосходство, стала довольно безцеремонно напирать на другую компанію, несравненно слабѣйшую, имѣвшую всего двухъ мужчинъ; ссора быстрыми шагами приближалась къ тому фазису развитія, когда на сцену должны бы выступить такъ называемые въ общежитіи «сусалы», но одинъ изъ представителей слабѣйшей компаніи не допустилъ до такого конца. Счастливая мысль осѣнила его. За минуту предъ тѣмъ, видя, что дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ при помощи сусаль, онъ видимо струхнулъ и началъ подаваться. Но «мысль», которая «мелькнула» въ его головѣ, сразу преобразила его изъ человѣка, готоваго отступить, въ человѣка, рѣшившагося дѣйствовать наступательно и притомъ вполне увѣреннаго въ успѣхѣ. Сразу переставъ отвѣчать ругательствами на ругательства, онъ выпрямился во весь ростъ и неожиданно для всѣхъ громко воскликнулъ: — «Да ты знаешь ли, дубина, съ кѣмъ ты разговариваешь?» — «Чего мнѣ знать! Я и такъ вижу, что съ дуракомъ...» — «С-с-съ кѣ-эмъ? Я шш... піонъ!» Эта фраза была произнесена съ такимъ потрясающимъ великолѣпіемъ, съ такой напыщенной гордостью, сопровождаемая такимъ геройскимъ закидываніемъ головы назадъ и ударомъ рукой съ отмахью въ грудь, что нетолько бушевавшая компанія, но и вся публика въ саду сразу замолкла, остановилась, кто гдѣ былъ, какъ вкопанная. Мгновенно послѣ этой могущественной фразы, бушевавшая компанія какъ бы окаменѣла; но въ слѣдующее за этимъ мгновеніе и компанія, и посторонняя публика, наблюдавшая ссору, какъ зайцы или какъ брызги, разлетѣлись, разбѣжались мгновенно, въ одинъ мигъ въ разныя стороны. — А-га! прибавилъ побѣдитель, оставшись съ своей компаніей. — Во-какъ-во! Только сунься теперь! Я тебя на пятьсотъ лѣтъ приспособствую...»

Торжественно, подъ ручку съ дамами вышла компанія изъ сада; народъ шпалерами стоялъ по дорожкамъ и безмолвовалъ. Выйдя наконецъ за ворота, компанія побѣдительница разразилась неистовымъ хохотомъ... «Хо-хо-хо-хо!» доносилось со стороны петровскаго парка. «Вотъ такъ ловко!» «Отмочилъ!» «Любо два!» и т. д. И точно—ловко. Слово, сказанное прикащикомъ, слово ходкое, и хотя оно не пользуется особенной симпатіей или любовью, какъ въ старину не пользовалось и слово «ревизоръ», но я сожалею, что послѣднее вышло изъ моды... Лучше, кажется мнѣ, еслибы было въ модѣ это старинное слово: помните, какъ оно пугало темное царство?

Будемъ, однако, рассказывать начатую быль. Человѣкъ, появив-

*

шійся на станціи, зналъ, что слово «агентъ» въ модѣ, что оно даетъ дорогу, заставляетъ разступаться направо и налево. Впослѣдствіи выяснилось, что этотъ несчастный человекъ, промотавъ въ Петербургѣ послѣднія деньжонки, пріѣхалъ на станцію, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ пьяномъ видѣ, и вотъ очень быть можетъ, что онъ объявилъ себя агентомъ только для того, чтобы ему, не спрашивая впередъ денегъ, дали стаканъ водки. Какъ въ былое время всякая мразь пугалась слова ревизоръ, такъ теперь всякая мразь спѣшитъ столпиться около новаго моднаго типа. Типъ, какъ мы видѣли, объявилъ, что онъ присланъ разыскивать какихъ-то двухъ подозрительныхъ людей. И вотъ начались трактирные разговоры на эту тему, разговоры въ томъ самомъ родѣ, въ тѣхъ самыхъ неопредѣленныхъ фразахъ, въ какихъ о томъ же предметѣ, какъ уже видѣлъ читатель, разговариваютъ урядники, лавочники, курляндцы... «Настоящаго какого-либо вреднаго человека, на примѣтѣ нѣту... а такъ, въ родѣ какъ... не то чтобы что... или что касаемое... живетъ тутъ баринъ... Богъ его знаетъ, что дѣлаетъ... худова чтобы или прочаго чего, не видимъ, а только что урядникъ сказывалъ—поглядывать», и т. д. Я вполне увѣренъ, что несчастный валетъ, собственно для того только, чтобы не узнали, что онъ проходимецъ и не потребовали денегъ за водку, придалъ этой болтовнѣ душу и тѣло вопросами о томъ, «каковъ изъ себя? возгласами—«э-ге-ге!...» и т. д. А чтобы окончательно заставить буфетчика на время забыть о платѣ, потребовалъ листъ бумаги и написалъ на немъ протоколъ, въ которомъ было сказано, что въ такой-то деревнѣ проживаетъ такой-то человекъ (имя и фамилія моего пріятели), который, какъ удостовѣряютъ мѣстные толки (всѣ эти «ежели», «нежели», «не то чтобы что», и т. д.), оказывается человекомъ неблагонадежнымъ. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ протоколъ онъ хотѣлъ представить въ Петербургъ, и надѣялся получить за это должность: все это пришло ему въ голову, разумѣется, съ пьяну. И вотъ, составивъ такой протоколъ, онъ для того, чтобы выскочить благополучно изъ трактира, немедленно побѣжалъ къ сельскому старостѣ, тому самому, у котораго мой пріятель жилъ, разбудилъ его (былъ третій часъ ночи) и, объявивъ себя агентомъ, потребовалъ печать, которую и получилъ *немедленно*. Такъ что, еслибы ему потребовался фальшивый паспортъ или какое-нибудь удостовѣреніе—онъ все бы могъ сдѣлать, еслибы дѣйствовалъ также, какъ рассказано. Уже послѣ того, какъ протоколъ былъ утвержденъ печатью и послѣ того, какъ мнимый агентъ былъ угощенъ водочкой, и собирался уходить, объявивъ, что завтра утромъ въ

девять часовъ у моего пріятеля будетъ обыскъ, староста очуствовался: вѣдь въ самомъ же дѣлѣ, пріятель мой не сдѣлалъ ничего худого?.. Его взяло раздумье, хорошо ли дѣлаеть онъ, прикладывая печать къ бумагѣ, въ которой жилецъ его подозрѣвается въ худыхъ дѣлахъ, а на самомъ-то дѣлѣ ничего худого онъ за нимъ не замѣчалъ... Замѣтилъ онъ также, что агентъ пьянъ, и попросилъ его сдѣлать приписку къ протоколу о томъ, что худого мы, молъ, не замѣчали. Агентъ сдѣлалъ эту приписку и ушелъ, подтвердивъ, что въ 9 ч. утра будетъ обыскъ. Онъ воротился въ гостинницу, занялъ номеръ и легъ спать. Безъ всѣхъ этихъ фокусовъ и гадостей едва ли бы оказали ему кредитъ за водку, закуску и за номеръ... Утромъ онъ проснулся, бумагу разорвалъ и, вѣроятно, придумывалъ что-нибудь новое, но въ это время не дождавшись обыска, который мнимый агентъ назначилъ въ девять часовъ, староста (не говоря ни слова моему пріятелю), отправился къ уряднику, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, а урядникъ, выслушавъ рассказъ, пошелъ разыскивать неизвѣстную личность; разыскавъ, весьма вѣжливо, до послѣдней степени деликатно (—Ну-во, думаю, онъ выпалить! говорилъ онъ впоследствии, въ объясненіе этой деликатности), выспросилъ его обо всемъ и попросилъ документъ, удостоверяющій профессію. Документа не оказалось: агентъ былъ поддѣльный... Какъ только узнали, что онъ *не настоящій иттионъ*, тотчасъ же стали обращаться съ нимъ грубо, требовали и за водку, и за закуску, составили протоколъ и, наконецъ, помѣстили въ холодную. Началось дѣло...

Прямо послѣ этой сцены, староста, оказавшійся въ дуракахъ, пришелъ ко мнѣ и во всемъ повинился. Старосту этого я и прежде зналъ, и я же рекомендовалъ ему и жильца. Признаюсь, рассказъ его до глубины души возмутилъ меня...

— Какъ же не стыдно вамъ, Миронъ Ивановичъ, дѣлать такія гадости! сказалъ я ему...

— Вить... (онъ высоко поднялъ плечи, растопырилъ руки и говорить шопотомъ)... вить... агентъ!

— Какой же агентъ? Вы видите, что просто прохвость какой-то... И вамъ не стыдно было не спросить его, кто онъ такой, зачѣмъ, откуда взялся?

— Вить тайный онъ... вить онъ говорить, я говорить, агентъ... Я такъ весь и задрожалъ... Печать! Я и даль... Вѣдь вы тоже подумайте: намъ отвѣчать въ случаѣ ежели что касаемое...

— Чтò такое? Чтò такое касаемое? Отчего вы документъ у него не спросили? Вѣдь эдакъ придетъ къ вамъ, кто хочеть, на-

зовется агентомъ, потребуеть, что захочеть, вы такъ ему и отдадите?

Миронъ Иванычъ молчалъ, пожимая плечами, разставляя руки и бормоталъ:

— Нѣшто мы, что? Мы — что намъ скажутъ... Обязаны не ослушаться. Говорить, тайный я... мы...

— Ну, а еслибы, перебилъ я его:—агентъ этотъ сказалъ вамъ такъ: я агентъ, приказано взять у тебя каурую кобылу?.. Вы тоже бы не ослушались?

Слово «кобыла» мгновенно, какъ напатырный спиртъ, освѣтило его... Ему стало совершенно ясно, до какой степени онъ глушь и даже подлъ.

— Мало мнѣ пятисотъ палокъ за это! вдругъ совершенно бодро и вполне сознательно воскликнулъ онъ...

— Вотъ видите! Кобылу-то вамъ жалко стало!.. Спроси онъ у васъ кобылу, вы бы непременно сказали: «покажи бумагу!» Вѣдь сказали бы?

— Кобылу-то ежели? Ну, ужъ это я бы безъ сомнѣнія поостерегся...

— Видите! А тутъ приходитъ клеветникъ, пишетъ на челоуѣвка пакость, да какую! Вѣдь вы знаете, что такое неблагонадежный...

— Слыхали однимъ ухомъ.

— Вѣдь за «эти дѣла» людей ссылаютъ въ Сибирь, а вы ничего отъ моего пріятеля, кромѣ пользы не видали, ничего не замѣчали за нимъ дурного, изъ жалости-то къ челоуѣку не подумали даже спросить у проходимца видъ! Сейчасъ печать приложили... вѣдь это челоуѣкъ, поймите вы пожалуйста! Вамъ жалко кобылу, а это душа христіанская, и вы его сразу, безъ разговору, печатью вашею подводите... подо что? Подумайте-ка хорошенько!.. Ну, еслибы проходимецъ-то не засидѣлся у васъ, а прямо бы отъ васъ, да на машину, да протоколь-то съ вашей подписью представилъ бы къ начальству, вѣдь моего пріятеля стали бы таскать... А онъ живетъ своимъ трудомъ, никого не трогаетъ, вамъ дѣлаетъ пользу... И не стыдно вамъ?

— Ужъ я сказываю, пятисотъ мало—что ужъ!..

Я помолчалъ, поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Безсовѣстно это, Миронъ Иванычъ. Вѣдь вы знали, что за «эти дѣла бываетъ».

— Да вѣдь... слышимъ!

— Ну, а пріятеля моего замѣчали въ чемъ-нибудь...

— Чего намъ замѣчать-то? Ничуть ничего не замѣчали...

— А печать приложили?..

— Глупость-то наша... ах-хъ ты, Боже мой?

Возможность утратить кобылу, хотя бы и по требованію настоящаго «агента», привела старосту въ чувство, въ разсудокъ, и, пользуясь этимъ, я не жалѣлъ словъ, которыя бы могли разсѣять въ его головѣ ни на чемъ не основанную подозрительность къ моему пріятелю. И чѣмъ больше я распространялся, поясняя, тѣмъ болѣе убѣждался, что Миронъ Ивановъ какъ будто успокоивается, теряетъ искренность раскаянія по отношенію къ моему пріятелю, а думаетъ о томъ только, что «эти дѣла» надо дѣлать съ опаской, а не зря. Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, отнимутъ «этакимъ манеромъ и кобылу, и что-нибудь другое»...

— Да, говорилъ онъ по временамъ, почти не слушая, о чемъ я говорю.— Да, далъ маху... Мнѣ бы бумагу надо спросить было.

И такъ мы проговорили очень долго. Я говорилъ о пріятелѣ, о томъ, какъ много ему надѣлали гадостей совершенно напрасно, а Миронъ Ивановъ сокрушался о себѣ, о томъ, что «зря дѣлалъ», а о пріятелѣ моемъ какъ будто и позабылъ.

Вотъ эта-то черта равнодушія къ моему пріятелю больше всего и трогала, и интересовала меня во всей этой исторіи. Не потому, что это былъ мой пріятель, не потому, что въ самомъ дѣлѣ гадость сдѣлана была напрасно, но потому, что это равнодушіе исключительное. Такой исторіи не можетъ быть ни съ кѣмъ изъ деревенскихъ обывателей; ни лавочникъ, ни бурлянецъ, ни кабатчикъ, никакой другой человѣкъ не можетъ быть предметомъ таковаго *непоколебимаго* равнодушія, понавъ въ бѣду, какое суждено переносить всякому, кто, такъ или иначе, получилъ наименованіе *барина*. Случись что-нибудь подобное съ лавочникомъ, съ кабатчикомъ и вообще съ любымъ изъ деревенскихъ обывателей, повѣрьте, что дѣло было бы не такъ просто и не такъ глупо: тутъ и спросили бы, и побоялись бы, и поостереглись, и потолковали бы. По отношенію же къ «барину», всѣ такія дѣла дѣлаются... рѣшусь сказать это, даже не безъ удовольствія! Пріятель мой слишкомъ повѣрилъ моимъ совѣтамъ «ни во что не мѣшаться» и, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался для деревенскихъ жителей отдѣльной, постороннею, независимой, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ несвязанной фигурой, и его опредѣлили словомъ «баринъ», «живетъ баринъ»... Вотъ этотъ-то «баринъ» и былъ причиною того, что Миронъ Ивановъ сразу вручилъ печать, удостоверяющую вредность моего пріятеля, тогда какъ онъ же, навѣрное, не сдѣлалъ бы этого по отношенію къ кабатчику.

IV.

Признаюсь, крѣпко обидѣлъ и разсердилъ меня этотъ тупомный деревенскій старичишка, котораго необходимо было разжалобить возможностью утратить лошадь, чтобы онъ почувствовалъ возможность задуматься надъ участіемъ человѣка. Деревянная башка была у этого старичишки, а такихъ деревянныхъ головъ весьма-таки много было въ деревнѣ. Но это не идетъ къ дѣлу. Повторяю: не мало негодованія излилъ я на эту деревянную башку, но въ тоже время не могъ не сознавать, что если деревянная башка старосты и виновата въ томъ, что дѣло съ моимъ пріятелемъ *сразу* вскрыло нутро этой башки, т. е. сразу показало, что башка «всегда готова приложить печать къ какой угодно бумагѣ», то скрытая готовность «сдѣлать барину что-нибудь подобное, если только можно», воспитана не въ однихъ только деревенскихъ башкахъ, подобныхъ башкѣ старосты, а таится рѣшительно во всемъ, что не причисляетъ себя къ разряду «баръ», господъ.

Въ этомъ затаенномъ антагонизмѣ, конечно, играютъ большую роль воспоминанія крѣпостного права. «Что было и что стало!» говорятъ иные, припоминая барщину и видя, какъ потомки баръ слабѣютъ и прогораютъ. Подъемъ народнаго духа въ этомъ отношеніи несомнѣненъ и мы современемъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, воснемся этихъ новыхъ явленій народной жизни. Теперь же будемъ говорить о главномъ предметѣ настоящей замѣтки, о происхожденіи скрытой вражды въ барину. Помимо крѣпостныхъ преданій, о которыхъ мы ужъ упомянули, не мало сдѣлало въ пользу воспитанія въ массахъ этого скрытаго ненавистничества, и поведеніе барина по отношенію къ массамъ за послѣдніе двадцать-пять лѣтъ. Какъ бы ни были жестоки и ужасны воспоминанія о крѣпостномъ правѣ, они всегда смягчаются фактической невозможностью возвратиться къ нему. «Это прошло», «этого больше не будетъ», надъ этимъ старымъ поставленъ крестъ, а надъ крестомъ для всѣхъ видна и ясна могила этого стараго, могила, обростающая травой. Глядя на эту могилу, не возгорается, а затихаетъ злоба.

Не то совсѣмъ возбуждаетъ поведеніе барина за послѣдніе годы. У барина, какъ у всякаго человѣка на бѣломъ свѣтѣ, имѣются права и есть обязанности. (Крайне сожалѣемъ, что иногда приходится говорить такіа ненужныя вещи). Во времена крѣпостного права, у барина, какъ и у мужика, были извѣстныя

права и извѣстныя обязанности. Права у господъ были огромныя, а обязанности только кой-какія, но онѣ несомнѣнно были, ихъ непремѣнно надо было выполнять, хотя только для того, чтобы получить деньги. Но пользоваться правами и исполнять обязанности, возлагаемыя этими правами, можно было разное. Вотъ почему говорятъ «хорошъ былъ баринъ», а этотъ — хуже разбойника» и т. д. Отъ худого барина мужики разбѣгались, а когда поселялся «хорошій баринъ» мужики возвращались изъ бѣговъ на старое пепелище. Хорошій баринъ не тиранилъ, не гнулъ въ бараній рогъ, не раззорялъ. «Хорошій баринъ» могъ (по тогдашнимъ обстоятельствамъ) сдѣлать *что-то хорошее* въ тѣхъ труднѣйшихъ условіяхъ народной жизни — и *дьямь*... Теперь баринъ, какъ видимая власть мужицкаго духа и тѣла, исчезъ. Отдѣльныя личности Петровъ Семенычей и Семеновъ Иваннычей не имѣютъ значенія и вѣса, но всѣ они въ кучѣ, въ массѣ, гдѣ-то тамъ, за предѣлами деревни — сохраняютъ права весьма многочисленныя... Но обязанностей, которыя бы несли они, уже нѣтъ. Мы, деревенскіе неграмотные люди, не видимъ ихъ. Права, сохраненныя коллективною массой господъ, мы видимъ каждый день. Постоянно идутъ взысканія или, по крайней мѣрѣ, напоминанія: «надо платить». И прежде платили, и оброки были громадныя, но было видно куда, а теперь — не видно куда.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и теперь «хорошій баринъ» существуетъ на Руси, но деревня не видитъ, не знаетъ, какъ онъ понимаетъ свои обязанности. А нехорошій баринъ ужь совсѣмъ нехорошъ сталъ. Вотъ два типа рядомъ — нехорошій типъ кулака и типъ нехорошаго «барина» — сравните ихъ. Оба они хлопочутъ, какъ бы добыть побольше денегъ, оба затааскали ихъ по судамъ и т. д. Но кулакъ такъ и останется мироѣдомъ; онъ жретъ и прячетъ деньги въ сундукъ, но во имя его не собираютъ какихъ-то особенныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, какія онъ самъ выжметъ и спрячетъ. А во имя «нехорошаго» барина, перенявшаго отъ кулака все дурное, еще какія-то особенныя деньги собираются; онъ, поступая по кулацки, не прячется въ нору, а наступаетъ, норовитъ крикнуть «какъ ты смѣешь», предъявлять права на какую-то «амбицію», которой у кулака нѣтъ, и которая у барина, поступающаго по кулацки, тоже совершенно непонятна, а, стало быть, и противна. Это ужь что-то излишнее, ненужное; безъ этой излишней «амбиціи» можно обойтись, успокоившись на скромныхъ кулацкихъ лаврахъ...

— Гдѣ же «хорошій» баринъ?

Хорошаго барина не видать. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется, съ деревенской точки зрѣнія. Хорошаго барина нѣтъ, а деньги отдай! Если же на дѣло смотрѣть съ точки зрѣнія хорошаго барина, то мы, понятно, должны бы горой стоять за него. Помилуйте! Развѣ хорошій баринъ не ходатайствовалъ, не входилъ съ прошеніями и докладными записками? развѣ онъ не мучился, не страдалъ за убѣжденія и т. д. Съ этой точки зрѣнія, можно бы собрать груды матеріала, который какъ нельзя лучше можетъ оправдать хорошаго барина. Хорошій баринъ старался, убивался, хотѣлъ пожертвовать, жертвовалъ, хлопоталъ. Но, увы! съ деревенской точки зрѣнія, весь этотъ огромный запасъ оправдательныхъ документовъ, которые хорошій баринъ несомнѣнно можетъ представить намъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, по той простой причинѣ, что всѣ эти оправдательные документы деревенскимъ жителямъ совершенно неизвѣстны, а главнымъ образомъ потому, что даже и почва-то для пониманія «хорошаго» барина, благодаря бездѣтельности послѣдняго, совершенно не подготовлена.

Въ старину свои хорошія качества и хорошія намѣренія, «хорошій баринъ» могъ проявлять только въ тѣсномъ кругу своихъ владѣній, среди ему принадлежавшаго народа; теперь же, когда народъ уже не его, и когда онъ взялся вѣдать вообще народное хозяйство, хорошія побужденія и цѣли должны бы были выступить предъ лицомъ сплошной массы народа и выразиться не въ частныхъ поступкахъ случайнаго добросердечія или личнаго душевнаго благородства во вниманіе къ «общему благу», а въ крупныхъ, всѣмъ видныхъ поступкахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего другого, кромѣ чести, правды, справедливости. Крупныя, всѣмъ видныя, высоко надъ людскимъ муравейникомъ стоящія заботы и цѣли сдѣлались для «хорошаго барина», въ новыхъ условіяхъ жизни, даже почти обязательными. Обязательны они для него: во-первыхъ, потому что онъ баринъ, т. е. человѣкъ не только обезпеченный, какъ обезпеченъ и купецъ, и купецъ, но и образованный, образованіемъ, умственностію и властью отличающійся отъ простаго богача, простаго мѣшка съ деньгами. А во-вторыхъ потому, что вѣдь онъ взялся за дѣло общаго блага, взялся и требуетъ денегъ, а когда неаккуратно платятъ, то жалуется становому приставу, а становой приставъ не хвалитъ, но если человѣкъ хорошо обезпеченный и образованный, берется дѣлать добро, и спеціально на это добро беретъ чрезъ станового пристава деньги, то мы, деревенскіе жители, въ правѣ требовать, во-первыхъ, явнаго дѣла, и во-вторыхъ, чтобы дѣло это было непремѣнно добро. За зло

нечего платить денегъ; намъ нужны ясныя, видныя всѣмъ благородныя поступки, въ которыхъ была бы по крайней мѣрѣ капля безкорыстнаго вниманія къ намъ деревенскимъ, несвѣдущимъ людямъ, вручившимъ свои права и заботы объ общемъ благѣ... хорошему барину.

Но, живя въ деревнѣ, и ничего не зная, не вѣдая объ оправдательныхъ документахъ, которые «хорошій баринъ» несомнѣнно можетъ представить въ огромномъ количествѣ, мы, къ ужасу нашему, на каждомъ шагу, въ буквальному смыслѣ слова убѣждаемся, что такъ называемаго «хорошаго» барина совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, что онъ исчезъ, изсякъ, махнулъ на все рукой. Очевидно, онъ не сумѣлъ отстоять для себя право поступать «по чести» и плоды этого неумѣнія мы, деревенскіе жители, ежеминутно ощущаемъ въ существованіи «ненужнаго» «излишняго» зла... Мы очень терпѣливы и выносливы и, кромѣ того, далеко не либеральны и не развиты такъ, какъ развитъ и либераленъ хорошій баринъ. Мы сами мастера создавать зло — да еще какое: неотразимое, звѣриное, зоологическое! Но хорошій баринъ не только ничего не противопоставляетъ этому зоологическому злу, но—вѣроятно вслѣдствіе забвенія собственнаго и чужого человѣческаго достоинства—допускаетъ, что кромѣ нашего доморощеннаго, зоологическаго зла, существовало бы еще зло ненужное, роскошь зла, изобиліе злодѣйства! Какіе бы у хорошаго барина ни были спрятаны въ письменномъ столѣ оправдательные документы, но потакать, мирволить, усиливать зло, воспитывая цѣлыя поколѣнія въ увѣренности, что на свѣтѣ нѣтъ даже самой элементарной правды—это ужъ нехорошо, и это запишется въ книгѣ живота хорошаго барина. Можно не подать нищему—вольному воля, но не подать и въ то же время ударить его—это ужъ безсовѣстно. Можно завести фабрику, положить, ситцевую, можно жать и прижимать рабочихъ, основываясь на томъ, что такъ молъ побуждаетъ дѣйствовать ученіе о капиталѣ, но предоставлять ситцевому фабриканту еще возможность сожигать ихъ живьемъ—это ужъ, ей-ей, напрасно, это ужъ подлинно роскошь злодѣйства! И «хорошій» баринъ могъ бы хоть въ полголоса крикнуть, что молъ такъ нельзя... Можно строить желѣзныя дороги, можно наживать милліоны, и т. д., но живьемъ зарывать десятки людей, и дѣлать изъ людей, желѣза, глины, бревенъ, камней одну сплошную массу—это ужъ опять слишкомъ роскошная приправа къ дивидендамъ, и «хорошій» баринъ, еслибы онъ только не позабылъ своего человѣческаго достоинства, могъ бы, не боясь скомпрометировать себя, воскликнуть: наживаться—наживайся, но убивать людей—не моги! Можно не да-

вать крестьянамъ больше земли, можно сказать: «не хочу и не дамъ» или «самому надо» или «довольно и того, что у васъ есть»... Но давать, вмѣсто земли, камни, буераки, болота, зная, что это «не земля», или давать земли доскутѣями въ двадцати мѣстахъ, напрасно изнуря работника — это опять таки роскошь нерадѣнія...

Эта роскошь ненужнаго зла, буквально на каждомъ шагѣ осаждающая васъ въ деревнѣ, дѣлаетъ жизнь въ ней невыносимой. Если вы хотите жить здѣсь, отдохнуть, то Бога ради не спрашивайте ни о чемъ, потому что нѣтъ того простого случайнаго вопроса, который бы не привелъ къ драмѣ. Ышите мясо и не спрашивайте, почему говядина, которая сегодня стоитъ 12 к., вчера стоила 20 к., а завтра будетъ стоять 8 к. Надобно молчать, покупать, солить и ѣсть; если же вы попробуете узнать, отчего такая дешевизна, то кусокъ не пойдетъ въ горло. Говядина дешева, потому что нечѣмъ кормить: некормленный голодный своть бабы и мужики ведутъ къ богатымъ мужикамъ и продаютъ за безцѣнокъ; крестьянскіе ребѣтишки остаются безъ молока — это зимой, а весной? Корму нѣтъ—дешевы коровы и лошади. Что же долженъ дѣлать мужикъ, чтобы добыть лошадь для весеннихъ работъ? Отвѣтъ: кабала, и кабала своему же брату. Но почему корму нѣтъ? Продали еще тогда, когда онъ и не выросъ, та же кабала. Рекрута поставили, умеръ кто-нибудь, недоимку взыскивали, лошадь пала, тысячи случайностей. Конечно, масса случайностей была бы отстранена, еслибы «хорошій» баринъ подумалъ серьезно о народномъ кредитѣ, который въ самомъ дѣлѣ нуженъ, какъ нуженъ и самому «хорошему» барину. Можетъ быть, «хорошій» баринъ и думалъ о немъ, а его все-таки нѣтъ до сихъ поръ. И когда вы ѣдите дешевое мясо, это значитъ, что кто-нибудь — и притомъ кто-нибудь въ огромномъ количествѣ — раззоряется. Итакъ, ѣшьте и не спрашивайте или не ѣшьте совсѣмъ... Не спрашивайте также, что это за драка происходитъ рядомъ въ сосѣдней хоборнѣ, отчего тамъ и ревъ и визгъ, и плачь. Затворите поплотнѣе дверь. Подерутся, перестанутъ, и все затихнетъ. Если же вы попытаетесь подробно разузнать, въ чемъ дѣло, то опять недобрымъ словомъ помянете хорошаго барина. Вся избитая, съ синяками по всему лицу, изуродованная женщина, истерически всхлипывая и кое-какъ держа на изодранныхъ рукахъ ревущаго ребенка, только что вырвалась изъ этой бойни и бѣжить. — Куда ты, Аксинья? — Сам-ма не знаю... трясаясь всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и захлебываясь лепечетъ она и едва можетъ въ пыхахъ сказать:—Мужъ съ матерью... рупь... сундукъ расшибли

топоромъ... Стирала... два рубли дали... сапожнику отдала... искали... пьяный пришелъ... топоромъ... отдай!..—И бѣжить—бѣжить куда то... къ сосѣдямъ, въ другую деревню, къ матери за двадцать верстъ—невѣдомо куда—но только дальше, дальше... въ поле! Не спрашивайте и этого несчастного ободраннаго восьмилѣтняго мальчика, который повадился ходить къ вамъ, просто затѣмъ, чтобы смотрѣть, какъ живутъ господа, какъ ѣдятъ и какой у нихъ горитъ свѣтъ въ горницѣ. Не спрашивайте, «не видалъ ли ты, тутъ на столѣ лежала бумажка красная»... Не спрашивайте, куда онъ ее дѣлъ: онъ отнесъ тятѣмъ пьяницѣ, плотнику и мамѣ; радуйтесь, что они всѣ трое на эту исчезнувшую десяти-рублевую бумажку купили муки, крупы и *цѣлую ночь* пекли и ѣли пироги.—Не раскапывайте этихъ исторій. Какъ въ первой, такъ и во второй непременно замѣшанъ «хорошій» баринъ и замѣшанъ не съ доброкачественной стороны... Семья, гдѣ губили женщину, отыскивая въ ея сундукѣ рубль, пулченный за стирку, опустилась, разорилась случаемъ. «Пала лошадь», «продали корову», «продали землю»... И въ семьѣ мальчика, утащившаго десять рублей, таже исторія, таже лошадь и корова, и земля, сланная въ аренду сосѣду.

Глядя и всматриваясь въ эти ежедневныя сцены деревенской жизни, вы видите, что «хорошій» баринъ (если онъ только чуть-чуть понимаетъ это слово) долженъ бы былъ и могъ бы, не нанося даже ущерба своему барскому положенію, отстранить массу этого ненужнаго, возмутительнаго зла. Чѣмъ объясните вы рядъ слѣдующихъ непостижимыхъ безобразій, воочію совершающихся передъ нами изъ года въ годъ?

Приходитъ крестьянинъ и предлагаетъ купить у него пять маленькихъ живыхъ липокъ. Просить онъ за нихъ по двугривенному. Я купилъ. Крестьянинъ посадилъ ихъ и, собираясь уходить, предлагаетъ еще. Я попросилъ посадить еще пять, но дня черезъ два, проснувшись часовъ въ семь утра, я увидѣлъ, что крестьянинъ посадилъ не пять, а цѣлыхъ пятьдесятъ липокъ. Чтобы успѣть посадить такую массу деревъ, т. е. чтобы вырыть пятьдесятъ ямъ и, посадивъ въ нихъ деревья, опять засыпать ихъ, и успѣть все это сдѣлать къ семи часамъ утра, надо было встать до свѣта, и это обстоятельство заставило меня призадуматься, не краденныя ли липки у кого-нибудь? Посадивъ липки, крестьянинъ общалъ вечеромъ придти за расчетомъ. Но прежде нежели наступилъ вечеръ, я получилъ записку отъ неизвѣстнаго мнѣ землевладѣльца, въ которой значилось, что липки украдены въ его лѣсу, и чтобы я не платилъ денегъ впредъ до особаго со стороны невѣдомаго мнѣ лица распоряженія. Подъ вечеръ пришло

крестьянинъ, продавшій мнѣ ворованныя липки, и я долженъ былъ показать и прочесть ему письмо. Сгорѣлъ со стыда не ждавшій бѣды мужикъ. — «Какъ хочешь, сказалъ я: — бери липки назадъ или поди уладь это дѣло». — «Пѣсъ ихъ возьми совсѣмъ! и стоють-то всего грошь, только-что за работу и за носку беру... Ахъ ты, горе, горе! Изъ за какой дряни воромъ сталъ! Ахъ Боже, мой! Такъ шестьсотъ десятиныхъ лѣсу-то, такъ даромъ стойтъ!» — «Ты бы изъ своего лѣса бралъ, а не изъ чужого...» «Да нѣту его, своего-то лѣсу; былъ влочекъ, давно весь сожгли... Ахъ, горе, горе!» Крестьянинъ побѣждалъ улаживать дѣло съ неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ. Въ тотъ же вечеръ онъ возвратился и принесъ записку, въ которой было сказано, что я имѣю право уплатить ему деньги, такъ какъ крестьянинъ такой-то взялся отработать причиненный убытокъ. Воровать съверно, но, порывшись въ подробностяхъ воровства, мы также непремѣнно наткнулись бы на апатію къ общественнымъ заботамъ хорошаго барина. И такъ въ концѣ концовъ получилось, что за пятьдесятъ липокъ, которыя ничего не стоятъ, если принять во вниманіе обиліе лѣсовъ, человѣкъ отработываетъ работу, которая иначе оплатилась бы деньгами, и чувствуетъ кромѣ того себя воромъ, да и не чувствуетъ только, а въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что онъ воръ.

Словомъ, какъ ни посмотри, дѣло съверное. Это съверное дѣло происходило раннею весной. Полая вода далеко еще не опала, и вся рѣчка, къ которой примыкають земли нашей деревни, была запружена трехсаженными бревнами, сплавляемыми водою. Дня чрезъ два, послѣ описаннаго эпизода съ липками, приходитъ ко мнѣ знакомый крестьянинъ и говоритъ: — «Вы что же не идете *получать свои (!) дрова.*» — «Какія такія дрова? — А съ рѣчки!» Что же это за дрова, о которыхъ я не имѣю никакого понятія? Оказывается, что, во имя какихъ-то законовъ, установлено мѣстнымъ обычаемъ, что дрова, принадлежащія какому-нибудь промышленнику, опустившись отъ мокроты на дно, принадлежать обывателямъ береговъ. Дрова сплавляются сгономъ, т. е. просто бросаютъ въ воду, а вода несетъ ихъ туда, куда надо, и гдѣ ихъ останавливаетъ искусственная запруда. По пути, на днѣ рѣки часто встрѣчаются камни и каменистая мели; стоитъ запнуться одному полѣну, какъ вслѣдъ за нимъ остановится вся сплошная масса дровъ; теченіе будетъ напирать и дрова начнутъ лѣзть другъ на друга рядовъ въ пять, иногда десять, иногда до самаго дна образуется сплошная масса дровъ. Это называется «заломъ». Промышленникъ знаетъ это и посылаетъ рабочихъ, которые идутъ по берегу съ жердями и разламываютъ эти заломы, пропускавая

дрова дальше. Но иногда заломы остаются неразломанными дня по два, по три и тогда нижніе слои бревенъ такъ сильно намокнутъ, что опускаются на дно, и вотъ эти-то лежащія дрова и принадлежатъ, согласно невѣдомому закону, обывателямъ береговъ. Дѣлежъ этихъ дровъ происходитъ совершенно правильно между односельчанами, также правильно, какъ дѣлежъ земли и вообще всевозможные деревенскіе дѣлежи. На основаніи этихъ-то законовъ, и мнѣ надо было «получить», по крайней мѣрѣ, кубъ или полтора березовыхъ дровъ. Огкуда мнѣ сіе? думалъ я:—вчера изъ за липовъ, которыя не стоятъ ни гроша, я чуть не попалъ въ укыватели краденнаго, помѣщикъ—въ обворованные, а мужикъ—и въ воры, и въ даровые работники, а сегодня я ни съ того ни съ сего «получаю» полтора куба дровъ, которыя я не рубилъ, не покупалъ, не сплавлялъ и которыя по петербургскимъ цѣнамъ могли бы дать мнѣ, считая по 6 р. сажень—тридцать рублей серебромъ чистаго барыша. Кто дѣлаетъ мнѣ этотъ подарокъ? Но подарокъ сдѣланъ—дрова лежатъ у берега, стоитъ только вытащить, распилить и топить печи всю зиму, благословляя Господа. Но какъ подарокъ ни великолѣпенъ, припоминая липки, я чувствую, что тутъ я буду ужъ не укывателемъ краденнаго, а прямо воромъ. Очевидно, я у кого-то отнимаю дрова, мнѣ совершенно непринадлежащія. И точно: дрова принадлежатъ промышленнику, который купилъ сто сажень (говоря примѣрно), а получаетъ, въ концѣ концовъ, семьдесятъ пять, такъ какъ двадцать пять получимъ мы. Но промышленникъ не хочетъ терять *своего* и наверстываетъ убытокъ тоже своимъ способомъ, избрѣтаетъ *свою* сажень, въ которой не три аршина, а четыре съ половиной. «У меня говоритъ онъ, *своя сажень!*» Крестьяне, подрядившіеся сплавить ему изъ мѣста порубки сто сажень, являясь за расчетомъ, встрѣчаются съ избрѣтеніемъ весьма непріятнымъ, съ *своей* саженью и получаютъ, благодаря ей, не за сто, а за семьдесятъ пять. Итакъ, вотъ у кого похитили мы двадцать пять сажень дровъ, у своихъ же сосѣдей, у такихъ же голяковъ и бѣдняковъ, какъ и мы. Отчего мы дѣлаемъ это? Нѣтъ лѣсу, а топить надо—дѣло очень простое.

Теперь потрудитесь сосчитать, кто остался доволенъ во всей этой операціи. Промышленникъ недоволенъ — у него меньше, чѣмъ онъ купилъ, да его и ругаютъ за свою сажень и грозятъ поджечь; я также весьма недоволенъ, потому что не желаю брать чужого, или ворованнаго; недовольны и тѣ, кто наловилъ дровъ, потому что промышленникъ слишкомъ скоро прислалъ народъ разломать заломъ и дровъ на зиму «не хватить», недоволенъ и

мужикъ, который своими руками срубилъ сто сажень, а расчетъ получилъ только за семьдесятъ пять.

Тутъ всѣ чувствуютъ себя дурно, скверно, не по себѣ.

Это только кусочекъ того паденія «хорошаго» барина, по части заботы объ общемъ благѣ, но и этого кусочка достаточно, чтобы не получить репутаціи внимательнаго къ нуждамъ народа человека. Не удивляйтесь поэтому, какъ и я пересталъ теперь удивляться, что крестьянинъ спѣшитъ приложить печать къ бумагѣ, въ которой про барина идетъ нехорошая рѣчь.

Г. Успенскій.

КТО КОГО.

I.

Постоялый дворъ. Огромная изба, безъ всякихъ перегородокъ. Въ углу, подлѣ окна, стоитъ большой шкафъ съ полками и ящиками. На выдающейся площадкѣ его красуется массивный графинъ со стаканчиками и жестяными «крючками», для установленнаго измѣренія «животворной влаги». Подъ окномъ сидитъ хозяинъ, крупный черноволосый мужикъ, съ широкой длинной бородой и съ выстриженными надо лбомъ воротцами. Выраженіе лица его сердито-меланхолическое. У шкафа топчется плюгавенькій старичокъ-солдатъ. Голова у него совершенно голая; лобъ изборожденъ частыми, мелкими морщинами; маленькіе, тусклые, сѣрые глаза, съ едва замѣтными бровями и вѣками, постоянно мигаютъ; острый стриженный подбородокъ нѣсколько выдался впередъ; углы тонкихъ губъ сильно сползли внизу. Поодаль сидятъ за шитьемъ двѣ женщины: бѣлая, пухлая хозяйка и красная, какъ кирпичъ, молодуха, ея сноха.

— Ужь видно, Ипать Семенычъ, позволъ еще! говорить солдатъ, кивая на графинъ.

— Сдѣлай милость... у насъ незапретно, отзывается хозяинъ и отмѣриваетъ гостю «крючокъ».

Солдатъ выпилъ и, крякнувъ, продолжалъ:

— То и хорошо, что незапретно; потому вотъ и идешь къ тебѣ. А теперь у меня старуха... и-и, страсть! Пробовалъ на домъ погунать, такъ что-жь ты думаешь? Увидитъ, схватитъ и въ дребезги разобьетъ. И не понюхаешь. А что, я не заслужилъ что-ль? За вѣру божію, да царское величество, вонъ сколько лѣтъ отмахалъ. На войнѣ, и то положенье идетъ—по чарѣ. А тутъ... что за бабья команда? Знать ничего не хочу! Наливай еще... Расплатимся. Она думаетъ, что у ней только и деньги. У меня поболѣ, да и то не горжусь.

Послѣднія слова старикъ произнесъ съ обидчивымъ крикомъ,

при чемъ весьма неудачно топнулъ ногой и покачнулся. Бабы захохотали. Хозяинъ сдвинулъ брови и кашлянулъ.

— А ты бойчись, а то упадешь, замѣтила свекровь.

— Я-то? Небось не упаду, защищался солдатъ.—Я тебѣ что хошь представлю... на одной ножкѣ.

— Ну-ка, представь! вставила сноха.

— Чего лѣзете-то? Шалавы! ограничилъ хозяинъ. — А ты, Архипычъ, плюнь на нихъ. Говори со мной. Ты говоришь, у тебя денегъ много?

— Да деньги чтѣ... пустое! А вотъ я имъ покажу, какъ у насъ въ лагеряхъ...

Онъ засучилъ рукава, уперся кулаками въ бока, широко раздвинулъ ноги и, быстро опускаясь и поднимаясь, бойко зашелестывалъ:

Засвистали казаченьки
Въ походъ съ полуночи,
Заплакала Марусенька
Свои ясны очи—ихъ!

— Вотъ такъ, Архипычъ! Ловко! одобрила хозяйка, поддерживая хохотъ снохи.

— Пошли отсюда! брысь! Ахъ вы, непутный! вскричалъ хозяинъ.— Архипычъ! уважь ты хоть себя-то самого; чтѣ ты для нихъ ломаешься? А еще говоришь, богатый ты человекъ.

— А то развѣ не богатый? рисуясь, возразилъ старикъ, принявъ солидную позу.—Только ходу мнѣ никакого нѣтъ отъ этой вѣдьмы, а то бы я...

— То-то и есть-то. Давай-ка, лучше поговоримъ. Садись-ка. Такихъ людей я всегда почитаю... А вы, бабы, молчите, коли не ушли; прикусите языкъ.

Архипычъ сѣлъ.

— Много у тебя денегъ-то?

— Да есть таки.

— Съ сотню будетъ?

— Хе-хе-хе!

— Нѣтъ, въ правду: будетъ съ сотню?

— Хе-хе-хе!..

— Да что жъ ты все: «хе-хе»? Ты говори дѣломъ.

— Съ сотню... Есть чѣмъ тутъ хвалиться! Объ этакой пустяковинѣ я и говорить-то не сталъ бы. У моей старухи — и то вонъ...

— Да гдѣ же ты ихъ взялъ?

— Хе-хе-хе!..

— Ну, пошелъ опять уродничать!.. Чтѣ ты, маховый, что-ль? Гдѣ взялъ-то?

— Богъ даль... за вѣру и отечество.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ. Погребѣли... ну, и-и... Хотя и на смерть идутъ, а тоже и на смерть безъ денегъ невозможно! Иной, царство небесное, сколько захватить... точно на ярмарку!.. Охъ, Господи прости! Раздумаешься — жалко, а кого, и самъ не знаешь... А главное—ходу нѣтъ. На доброе дѣло, и то, вѣдьма, не даетъ. Семишникъ на свѣчку, и то насилу выпросишь. Тьфу! Ну-ка еще!

Архипычъ выпилъ, утерся рукавомъ и, махнувъ рукой, воскликнулъ:

— Кажись, сейчасъ бы опять въ лагери ушелъ! Тамъ, по крайности, люди... Чуть что—сейчасъ:

Засвистали каза...

Старикъ пустился въ присядку, но въ этотъ моментъ растворилась изъ сѣней дверь, и въ ней показалась супруга Архипыча, Климиха. Неимовѣрно сгорбленная, съ вытянутымъ, почернѣвшимъ и морщинистымъ лицомъ и съ зеленоватыми большими глазами, гостя, какъ звѣрь, ринулась на плясуна, вцѣпилась въ него длинными, тонкими, костлявыми руками и, задыхаясь и хрипя, завопила:

— Губитель! Злодѣй! Отрѣчникъ!

— Постой! Отважись! Послушай... Да ну тебя совсѣмъ! жалобно визжалъ супругъ, вырываясь.

— Нѣ-ѣтъ, пѣсь, нѣ-ѣтъ, не раз-з-ста-анусь! злобно хрипѣла Климиха, отчаянно тряся супруга. — Обманомъ выпроводилъ... Сказалъ: дома будетъ сидѣть, а самъ вотъ гдѣ очутился... последнюю душу пропивать! Нѣ-ѣтъ, я вѣдь тоже не дура, из-звергъ, раз-збойникъ!..

Послѣ этихъ словъ, руки Климихи замерли въ фалдахъ Архипычева кафтана, и она, не зная что дѣлать, водила трясущейся головой вправо и влево и сверкала глазами. Жалкая жертва, выбившись изъ силъ отъ энергическихъ попытокъ освободиться отъ ея когтей, стояла какъ вкопанная, и, учащенно мигая, скорбнымъ взглядомъ просила хозяина о помощи.

— Послушай, старуха, что тебѣ надо? Поди съ Богомъ, поди домой! настойчиво проговорилъ хозяинъ, вставъ съ своего мѣста.

— Ну, да: что тебѣ надо? Ну? вскрикнулъ Архипычъ, мгновенно вырвавшись изъ рукъ жены и отпрыгнувъ въ уголъ, за спину защитника.

Наступила минутная нѣмая сцена, не совсѣмъ изъ обыкновенныхъ. Горбатая злока, низко опустивъ руки, казалась стоящею на четверенькахъ и, вертя головой, напоминала собой гienну; дворникъ, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за поясъ и нахму-

ривъ брови, пронизывалъ гостью угрожающимъ взглядомъ; за спиной его топтался и метался воинъ, робко выглядывая на свою госпожу то изъ за одного, то изъ за другого плеча своего защитника; бабы, невольно выпустивъ изъ рукъ шитье и вытянувъ шею, съ разинутыми ртами и затаеннымъ дыханіемъ ждали развязки. Развязка не замедлила послѣдовать. Митомъ схвативъ стоявшую возлѣ шкафа палку, старуха бросилась съ ней на супруга. Храбрый дворникъ сдѣлалъ отступленіе въ сторону, и лысина беззащитнаго Архипыча ощутила звонкій ударъ. Бабы вскрикнули и вскочили съ своихъ мѣстъ. Архипычъ, держась обѣими руками за голову, бросился изъ избы. Климьиха, съ палкой въ рукахъ, быстро заковыляла въ слѣдъ за нимъ.

— Бабъ бы этакъ лупить-то, а не этакого человѣка, который... внушительно проговорилъ дворникъ по удаленіи четы.

II.

Мысль о большихъ деньгахъ, о которыхъ проговорился подъ хмѣлькомъ Архипычъ, сильно заинтересовала дворника. Успокоившись послѣ разыгравшейся предъ нимъ супружеской драмы, онъ почти не могъ больше ни о чемъ думать, какъ только объ этихъ деньгахъ. Въ головѣ его смутно мелькали заманчивыя мысли, для разработки которыхъ онъ почувствовалъ, наконецъ, потребность уединиться.

— Эка вѣдьма! и трость унесла! проговорилъ онъ, взглянувъ въ тотъ уголокъ, гдѣ обыкновенно помѣщался увѣсистый посохъ, вѣчный спутникъ его во время прогулокъ.

Сказавъ это, онъ слегка потянулся, почесалъ въ затылкѣ, взялъ картузъ и вышелъ изъ избы. На дворѣ онъ мимоходомъ обругалъ работника и потомъ черезъ заднія ворота направился къ сараю.

— Неужели и въ правду у него много денегъ? мысленно спрашивалъ Ипать Семенычъ, переваливаясь съ ноги на ногу. — А что жъ ему врать? Къ тому же выпивши... На его мѣстѣ всякій бы набралъ. Никому вѣдь не нужны: бери, сколько хощь. Только какъ же это онъ ничего не обнаружилъ? Иной на его положеніи непременно бы свазался... А онъ ужъ сколько лѣтъ таскается, ни къ чему не приставши. Развѣ вотъ ходу-то ему нѣтъ, какъ онъ говоритъ... Какой тутъ, правда, ходъ? Ишь вѣдьма-то какая... Чистый дьяволъ! Да... Не людямъ добро достается. Ну, на что имъ, бобылямъ, деньги? Куда имъ? Нынче—завтра подохнуть... У ней у одной, вишь, сколько наготовлено... А

туть еще онъ притащилъ. Ни дѣтей, ни производства какого... Такъ лежать, попусту. А ты бьешься, колотишься, не знаешь, гдѣ прихватить. Вотъ объ веснѣ у барина землишка выпадала: всѣ локти обкусалъ, а ничего не сдѣлалъ. Будь у меня на этотъ случай лишнія, земля-то была бы моя. А то вонъ лѣшій, Бориска, подхватилъ... за бездѣножь.

Ипать Семенычъ остановился, обстоятельно высморкался и, положивъ оба локтя на плетень, продолжалъ:

— По настоящему, теперь бы вотъ скота нужно закупить, да на атаву бы его... да осенью бы побить. Все бы заправку сдѣлалъ. А между тѣмъ дѣломъ ничего не подѣлаешь. Торговля плохая, а тутъ долги... Въ городъ хоть не показывайся. Супонинъ еще зимой ворчалъ: что жъ ты, говорить, когда платить будешь?—говорить. Обожди, молъ: какъ-нибудь по веснѣ заплачу. А вотъ и весна прошла. Много заплатилъ! Вотъ кому бы деньги-то! А то какой-нибудь тамъ чортъ лысый напикаетъ ихъ цѣлый сундукъ, да и сидитъ надъ нимъ, какъ лѣшій. Ни себѣ, ни людямъ. Какъ бы этого Архипыча въ дѣло употребить? Малый—рубаха, податливый малый; зайти около него можно. Только какъ бы это? Завзвать его какъ-нибудь, склонить... Ну, едва ли этакъ добьешься толку. Положимъ, поддастся, согласится. Но вѣдь онъ весь въ рукахъ у демона своего. Вѣдь денегъ-то съ нимъ никогда нѣтъ. Коли семишникъ на свѣчку выпрашиваетъ, такъ ужъ что жъ тутъ? Придется черезъ нее эту машину провезть. А какъ къ ней подойдешь... особенно послѣ давешняго? Съѣсть, проклятая. Эка давеча-то я... прошибся немного. Мнѣ бы къ ней этакъ... не смекнешь сразу-то. Въ головѣ-то и то, и другое. Эхъ, шутъ ее побери! Вредно поступилъ, дѣло прошлое. Положимъ, я ея не обидѣлъ. Чѣмъ же я ее такъ ужъ очень особенно обидѣлъ? Только не вполне обошелся съ ней, но вѣдь я ее не ругалъ. Да и она... что жъ она? На мужа осерчала, а мнѣ вѣдь она ничего.

Въ это время массивная жирная ворона, усѣвшись на колу, не вдаль отъ прожектѣра, побѣдоносно заорала: ка-ар-ръ, ка-ар-ръ!

— Тѣфу, провалиться тебѣ! вздрогнувъ, заворчалъ Ипать Семенычъ. (Ворона продолжала каркать).—Чего пасть-то разинула, проклятая! вскрикнулъ прожектѣрь и сильно взмахнулъ сдернутымъ съ головы картузомъ. (Ворона лѣнливо снялась съ своего мѣста и тяжело потянула въ сторону).—Добро бы ужъ настоящая птица была... размышлялъ Ипать Семенычъ, снова опершись на плетень.—Дармождъ проклятый. Иныя по крайности за моремъ бываютъ, поютъ забавно; а эта, чортъ ее знаетъ, хайло какое-то...

точно вѣдьма нетѣсаная. Тѣфу! какая-нибудь тварь, напрімѣръ— и вдругъ смутить тебя можетъ. Даже испугала, негодная... Да-а! протанулъ дворникъ, переведа духъ:—нужно будетъ попытаться... кто ее знаетъ? Глядишь, дѣло-то и выгоритъ. Подъ лежащей камень вода не побѣжитъ. Самъ вѣдь никто не принесетъ, никто не скажетъ: нѣ вотъ тебѣ, Ипатъ, разживайся! Нужно самому... Теперь пока не время: теперь небось она его на всѣ бока ворушаетъ, самый небось пылъ у нихъ теперь идетъ, а вотъ денька два спущу...

«Ка-аррр, ка-аррр!..» заорала опять ворона, тоже но близости, но уже съ другой стороны Ипата.

— Да что за пропасть такая! вскричалъ Ипатъ и бросился къ тому мѣсту, откуда неслись назойливые звуки. На бѣгу онъ схватилъ съ земли щепку и пустилъ ею въ слѣдъ уже улетающей компаньонки.—И создастъ же Господь этакое чучело! бормоталъ онъ, стоя среди переулка.—Сообразить ничего не дастъ... Ну, птичка, нечего сказать!.. Что бишь я такое? Да! Денька черезъ два какъ разъ будетъ въ пору. Сперва этакъ ее заманить чѣмъ-нибудь, подмаслить хорошенько, а тамъ и...

Заднія ворота заскрипѣли, и изъ нихъ вышелъ работникъ.

— Что нужно? крикнулъ издали Ипатъ Семенычъ.

Работникъ не отозвался, а только ускорилъ шагъ.

— Что нужно? нетерпѣливо и съ досадою повторилъ хозяинъ.

Работникъ кашлянулъ въ кулакъ и продолжалъ идти молча.

— Ахъ, медвѣдь чортовъ! выругался Ипатъ Семенычъ и самъ двинулся на встрѣчу работнику.—Ну что? какъ-то брезгливо произнесъ онъ, уже приблизясь къ рабу.

— Тамъ... велѣли сказать: обѣдать, изъяснилъ рабъ, почесываясь.

— Ишь вѣдь тайну какую нѣсь! Ишь вѣдь съ какимъ секретомъ отъявился! воскликнулъ Ипатъ, укоризненно качая головой.—Обѣдать! Вамъ только бы обѣдать! Вы только и знаете, что обѣдать. Вамъ хоть трава не рости, лишь бы обѣдать! сердито причиталъ хозяинъ, далеко опередивъ на ходу работника.—Мо-олчи! на свою те-бѣ голову! добавилъ онъ, снова слышавъ крикъ вороны.—И что это такую погань не стрѣляютъ? Уму непостижимо!

III.

Архипъ съ своей супругой обиталъ чуть не въ столѣтней избушкѣ. Стѣны сильно покосились въ одну сторону. Толстая со-

ломенная крыша, когда-то правильно наслаившаяся через опредѣленные периоды, представляла теперь отвердѣвшую черноземную массу, хмуро нависшую надъ фасадомъ. Въстѣ крыльца, предъ входомъ въ сѣни, помѣщался неуклюжій, съ шероховатой поверхностью камень, болѣе половины вросшій въ землю. Всеобщее вниманіе обращалъ на себя толстый ставень съ тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ, закупоривающій единственное закоптѣлое окошечко избушки нетолько ночью, но не рѣдко и днемъ. Идея ставня, единственнаго во всей деревнѣ, принадлежала Клімихѣ, которая постоянно боялась воровъ и любопытствующихъ глазъ, хотя ни тѣ, ни другіе не думали проникать въ ея окно. «И чего это варга боится, когда солдатъ въ домѣ?» — съ недоумѣніемъ говорили сосѣди. Но не одинъ только ставень свидѣтельствовалъ въ жилищѣ варги о ея чрезвычайныхъ мѣрахъ къ самосохраненію. Наружная дверь запиралась у нея двойною запоромъ: тонкою желѣзною и толстою деревянною. Дверь, ведущая въ избу, тоже снабжена была своеобразною запоркомъ: на внутренней сторонѣ ея была привязана къ скобкѣ веревка, которая на ночь туго наматывалась на вбитый въ притолку деревянный гвоздь.

Внутренность избушки была поразительно жалкая. Полъ, покрытый толстымъ, бугорчатымъ слоемъ грязи, во многихъ мѣстахъ провалился; матица, лишенная поддержки въ прогнившей стѣнѣ, сильно наклонилась въ одну сторону, вслѣдствіе чего весь потолокъ представлялъ наклонную плоскость, напоминая видъ каюты въ одинъ изъ моментовъ морской качки. На полѣ, въ переднемъ углу, стояли три иконы, лицевая сторона которыхъ представляла сплошь черную поверхность. Въ томъ же углу стоялъ, не по семьѣ большой, столъ. Шаршавую сосновую крышку его неумодимое время свело коробомъ; ходуномъ ходящія ножки его были скручены внизу веревками. Въ правомъ заднемъ углу стояла треснувшая и расползающаяся печь, своимъ видомъ внушающая благоговѣніе предъ геройствомъ Клімихи, которая съ легкимъ сердцемъ ежедневно воспламеняла въ ней сосну и по временамъ грѣла на ней свои, хоть и архаическія, но все-таки довольно тяжеловѣсныя тѣлеса. Между печью и противоположной стѣной устроено былъ крошечный примостокъ, обычное мѣстопробываніе хозяина съ того самого времени, когда онъ возвратился со службы отечеству. На лавкѣ, близь стола, находилось непривосновенное дерюжное ложе Клімихи; подъ нимъ, подъ лавкой помѣщался завѣтный сундукъ, приходящійся своимъ замкомъ прямо противъ изголовья хозяйки. Впрочемъ, положеніе этого сундука, по обстоятельствамъ, измѣнялось. Когда Клімиха уходила изъ дома, то обращала свое казнохранилище замкомъ

къ стѣнѣ; когда же опять возвращалась къ своимъ пенатамъ, то сундукъ принималъ прежнее положеніе. Спала Клімиха всегда на одномъ боку, лицомъ къ замку, и сонъ ея былъ довольно тревожный. То ей привидится, что ее облапилъ въ лѣсу медвѣдь, то приснится, что ее грабятъ разбойники, то почудится, что домовою душитъ. Старуха сперва замычитъ, затѣмъ глухо застонетъ, потомъ запищитъ тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ и наконецъ проснется. Пощупаетъ замокъ, скажетъ: «Господи Іисусе» и долго потомъ лежитъ съ отертыми глазами, что-то шепчетъ и крестится. Между тѣмъ, «чуждый горя и заботъ» Архипычъ храпитъ во всю ивановскую, покрывая своимъ храпомъ не только сверчковъ, но и горланацаго за стѣной пѣтуха. Клімиха слушаетъ-слушаетъ этотъ храпъ, и станетъ ей завидно и досадно. «Ишь, вѣдь, разливаается, плюгавая муницья, ишь разливаается! ворчитъ старуха:—ему, хоть ножаромъ все подними, все едино... Ишь... ишь... Эко горло—сузонное бѣрдо!..» Не вынося тоскливаго одиночества, Клімиха, не вставая съ своего мѣста, начинаетъ, наконецъ, будить Архипыча. Но «муницья», успѣвшая прислушаться даже къ пушечнымъ выстрѣламъ, утратила способность воспринимать во снѣ звуки хриплаго голоса супружницы, и вопль старухи остается безотвѣтнымъ. Плюнетъ старуха, обругаетъ Архипыча чернымъ словомъ, еще разъ скажетъ: «Господи Іисусе», еще нѣсколько разъ перекрестится, пощупаетъ замокъ, и закроетъ глаза въ терпѣливомъ ожиданіи сна.

IV.

Не задолго передъ необычнымъ визитомъ Ипата Семеныча, въ хижинѣ стариковъ происходилъ слѣдующій діалогъ.

— Чего не чинишь сапоги-то? шигѣла Клімиха.

— Какіе?

— А Трофимовы. Дня три ужъ въ лоханкѣ лежать—мокнуть. Безпремѣнно просилъ къ воскресенью: къ обѣднѣ, говорить, не въ чемъ выйти.

(Нужно замѣтить, что Архипычъ слылъ въ своемъ селѣ сапожникомъ, хотя въ своемъ искусствѣ и не шелъ далѣе подвигиванія новыхъ подметокъ).

— А ты зачѣмъ брала?

— Какъ же не брать-то? Вѣдь надо же ихъ починить.

— А можетъ, я не хочу...

— Что? работать-то?! изумилась старуха.

— Работать-то! повторил Архипычъ, стараясь придать своему голосу тонъ спокойствія и равнодушія.

— Ай ты взбѣсился? окрысилась старуха.

— Хе-хе-хе! лицемѣрно благодумствоваль старикъ.

— Что же ты жрать-то будешь?

— Что жралъ, то и буду жрать.

— Вѣдь ты издохнешь.

— А ты развѣ не издохнешь?

— Мучитель, вѣдь тебя похоронить не на что!

— Хе-хе-хе!

— Какъ пѣсь, поверхъ земли валяться будешь!

— Хе-хе-хе!

— Чего осваляешься-то?.. уродина!

— Да какъ же!.. Вѣдь это, ей Богу, кому ни скажи... «Похорониться не на что?..» Съ ума вѣдьма сходить. Куда же ты деньги-то дѣла, свои-то... да мои-то? Ай любовнику отдала?.. хе-хе-хе!

— Тьфу, лысая собака! Господи Иисусе... тьфу! Какъ вотъ возьму хватать, да какъ начну... Чини, что-ль, сапоги!

— Чего я буду чинить? Не стану. Работникъ, что-ль, я у тебя? Работнику, и то, напимѣръ, платять, а я, выходить, копейки не вижу. Берешь деньги, такъ сама и чини. А я плюну, да и... да и наплюю! заговариваясь горячился старикъ.

— Варваръ, да для кого я берегу-то?

— А шутъ тебя знаетъ. Для сатаны, должно быть.

— Тьфу ты, сквернословецъ старый! Ну, какъ же послѣ этого...

Не успѣла старуха докончить фразы, какъ дверь изъ сѣней отворилась и въ избу шагнулъ, низко пригнувъ голову, Ипать Семеновъ. Климиха вздрогнула и, кашлянувъ, безпокойно зашевелилась на лавкѣ. Архипычъ быстро вскопчилъ на ноги и по военной привычкѣ вытянулся во фронтъ.

— Добраго здоровья! привѣтливо проговорилъ Ипать, раза два перекрестясь въ темный передній уголъ.

— Здравія желаемъ! отчеканилъ Архипычъ, точно на парадномъ смотру.

— Все ли здорова ты, Климовна? продолжалъ гость, подсаживаясь къ хозяйкѣ.

Климиха, уставясь въ полъ, молчала и тяжело дышала.

— Слава Богу, Ипать Семенычъ, въ лучшемъ видѣ, отвѣтилъ за жену Архипычъ.

— «Слава Богу» лучше всего, сказалъ гость, съ улыбкой взглянувъ на старуху.

Въ этотъ моментъ и Климиха взглянула на него. Въ той

улыбѣ Ипата, которая, по его расчетамъ, должна была изображать нѣжное участіе и любовь, старуха усмотрѣла нѣчто совсѣмъ иное и совершенно неожиданно спросила:

— Сманывать пришелъ?

— Кого? съ удивленіемъ спросилъ Ипатъ.

— Извѣстно кого: вонъ лодарь-то стоитъ, облизывается. Ты думалъ, меня дома нѣтъ? Ошибся. Не подошло.

— Что ты, Климовна! Богъ съ тобой. Зачѣмъ онъ мнѣ? трезвожно возражалъ Ипатъ.

— Зачѣмъ?.. Душу свою пропивать—вотъ зачѣмъ! строго проговорила Климовна и закашлялась.

Обвиняемый Архипычъ молча покачалъ головой, смыгнувъ подъ носомъ рукавомъ и, махнувъ рукой, присѣлъ на примость.

— Да развѣ онъ у тебя пьяница какой? началъ Ипатъ, выждавъ прекращенія капли собесѣдницы. — Зачѣмъ обижать человѣка? Ну, выпьетъ иной разъ, что-жъ тутъ такого? Ради труда—отчего же?..

— Да, ради труда... Вонъ сапоги-то который день мокнуть въ лаханѣ, а онъ и думать забылъ... и чинить не хочетъ.

— Не все же и работать: тоже вѣдь человѣкъ есть.

— Такъ, такъ. Вамъ-то и на руку, чтобъ поболѣ отъ дѣла лытали да къ вамъ послѣдній крестъ съ шеи несли, извила старуха.

— Климовна, къ чему же такая обида? Крестъ!.. Ай ужъ мы не православные? Не меньше другихъ думаемъ, какъ бы по Божьему. Всякому своей души жалко. А что у насъ это самое вино, такъ вѣдь это по закону. Патентъ отъ начальства имѣемъ, въ казну пошлину вносимъ. Не темное какое-нибудь дѣло, дѣло прямое, правое. Вѣдь мы по домамъ не разносимъ, силѣмъ не навязываемъ, а, извѣстно, приходятъ которые православные и утѣшаются... по своему состоянію. Вотъ и все. Это зависимо по занятію... кто чѣмъ занимается. Торговля... А торговля всякая бываетъ, и вся она повелѣнная и законная. Вотъ хоть бы ты. Ты вѣкъ свой продаешь то грибы, то мохъ, то лыки. Вѣдь это тоже торговля. Что-жъ тутъ такого? Всякъ своимъ питается: ты своимъ, я своимъ. Только мы за свое производство подать большую несемъ, а ты такъ, на свободѣ да можетъ еще поболѣ настоящаго торговца отеладываешь. Такъ-то, Климовна.

— Чтобы тебѣ вѣкъ свой столько-то отеладывать! злобно прерорчала старуха, сверкнувъ глазами, и отодвинулась отъ гостя.

— Что ты рычишь, какъ собака? встрялъ Архипычъ. — Добрый человѣкъ зашелъ безо всякаго, напимѣръ, зла, а она

вонь какъ его подчуешь! Эка звѣрь лютый, Господи Боже мой! Хуже всякаго турка.

— А ты молчи! Заступникъ! Что-то вы больно заступаетесь другъ за друга. Видно другъ другу дороги.

— Да какъ же: за что ты этакого человѣка обижаешь? за пальчиво вскричалъ Архипычъ, брызжа слюнями.

— Кто его обижаетъ? возражала Климиха.—Онъ самъ измывается. Нищему позавидовалъ! Откладываетъ!.. Чтوبъ твоимъ внукамъ столько бы откладывать!

— Ну, полно сердчать-то, успокоивалъ Ипать. — Ты видишь, я вѣдь не сердчаю и не ругаюсь, а говорю по человѣчеству, любя... и съ уваженіемъ. Чего тутъ тревожиться? Ты не тревожься. Правду ли я сказалъ, не правду ли, твое все при тебѣ останется.

Климиха немножко-было успокоилась, но послѣднія слова гостя снова взбудоражили ее.

— Что это при мнѣ останется? что такое останется? волновалась она — Одинъ свѣтъ Божій... да и тотъ плохо ужъ вижу. Съ рукой при своей старости ходить—вотъ, что скоро останется. И давно бы ужъ ходила, еслибы не совѣсть.

— Старуха, докуда ты будешь Бога гнѣвить? энергично произнесъ Архипычъ, соскочивъ съ примоста.—Каждый Божій день ты зудишь этакую... этакую, напримѣръ, хулу. Ужъ я слушалъ-слушалъ, терпѣлъ-терпѣлъ, наконецъ, пришло, нѣтъ моей мочи! И сама себя, какъ жидъ, измучила, и мнѣ пришло, хоть въ петлю полѣзай. Гдѣ у тебя твои деньги? Гдѣ у тебя мои, напримѣръ, деньги? Вѣдь ихъ вонъ сколько... а вѣдь ихъ не шутъ съѣлъ!

— Какія? Перекрестись! Что ты? Въ своемъ ли ты умѣ? зашипѣла старуха, затряснись всѣмъ тѣломъ и испуганно верта глазами.

— Какія... эхъ ты!.. Развѣ бы намъ съ тобой такъ жить-то? упрекалъ Архипычъ.

— Будеть, Архипычъ, будетъ! унималъ Ипать, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ страшнаго смущенія Климихи.—Зачѣмъ лишнее говорить? Ты лишняго не говори... Я зашелъ не затѣмъ, чтобы слушать ваши счеты да переборы. Это дѣло ваше, домашнее.

Наступило минутное молчаніе. Климиха крестилась и жевала губами. Ипать, прислонясь затылкомъ къ стѣнѣ, наблюдательно косился на сосѣдку. Архипычъ прошелся по избѣ и, усѣвшись снова на примостѣ, безучастно посматривалъ то на старуху, то на гостя. Физиономія его приняла столь спокойное выраженіе, какъ будто вовсе не онъ говорилъ, за полминуты назадъ, тѣ

необычайныя рѣчи, которыя такъ ошеломили старуху. Наконецъ, Ипать, выждавъ, какъ ему казалось, удобный моментъ, заговорилъ:

— Хоть Климовна и понимаетъ меня за плохого человѣка, который будто бы пришелъ за тѣмъ, чтобы заманить Архипыча въ кабакъ, но я о ней понимаю совсѣмъ напротивъ и безъ всякихъ сердцѣвъ. Да. Она вотъ всякое зло срекала мнѣ и внукамъ моимъ, а я радъ ей всякое добро дѣлать. Да.

— Спа-си-бо, прощентала старуха.

— Да я не «спасибо», я такъ. А тамъ скажешь спасибо или нѣтъ, это твоей души дѣло. Я вѣдь вотъ какой, а не то что... Вотъ Архипычъ сказалъ, что вамъ не такъ бы надо жить. Не зря же онъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ. Стало быть, и въ правду можно бы жить получше. И дай Богъ.

— Знай самъ себя, проговорила Климиха нѣсколько громче прежняго.— Архипычъ! Онъ тѣ наболтаетъ на свою голову. Вѣкъ свой не человѣкомъ прожилъ.

— Вотъ то-то и есть, подхватилъ Ипать. — Когда-нибудь нужно и человѣкомъ пожить. Вишь, ему и самому хочется. Гдѣ онъ, тутъ и ты. Ему будетъ хорошо, и тебѣ хорошо. Одни не съумѣете, можно общими силами... состояніе свое скрасить. Я вотъ для васъ первый готовъ... Я желаю всякому, чтобы жилъ, да Бога хвалилъ... особенно который самъ не съумѣетъ. Нынче только съобчѣ и можно жить. Вотъ у васъ есть кое-какіе грошники-то (Ипать ударилъ на словѣ «грошники»), а вы съ ними бѣдствуете и горьете. А скажемъ теперь такъ: положимъ, вы свои грошники присоединили... такъ къ примѣру... присоединили бы... хоть скажемъ—къ моимъ рублямъ или тамъ къ сотнямъ, тогда бы...

— Поди! поди, поди, поди! закипятилась Климиха, сѣрзнувъ съ лавки.

— Нѣтъ, да ты выслушай! упрасивалъ Ипать, поднявшись съ мѣста.— Вѣдь мы торговали-то бы съобща: что было бы мое, то было бы и ваше.

— Иди-иди-иди! Съ Богомъ! волновалась старуха, махая руками и наступая на гостя.

— Климовна, да ты внихни! продолжалъ Ипать, приложивъ ладонь къ груди.

— Убирайся, убирайся! И слушать не хочу! настаивала Климиха, уже толкая гостя въ бокъ.

— Н-ну, сама пожалѣешь! произнесъ гость, понизивъ голосъ и направляясь къ двери. Старуха двигалась за нимъ по пятамъ. Гость, нахлобучивъ картузь, уже толкнулъ дверь и пригнулся,

чтобы пройти въ нее, какъ вдругъ послышался голосъ Архипыча:

— Что ты, дура, бѣсишься-то? Дай ему договорить-то. Вѣдь онъ знатную штуку-то надумалъ.

Ипать выпрямился и, обертываясь назадъ, наступилъ Климихѣ на ногу. Старуха взвизгнула и плюхнула на конецъ лавки.

— Прости, матушка, я нечаянно, извинился Ипать.—Это ничего, это пройдетъ... пустое! А ты вотъ послушай-ка, въ самомъ дѣлѣ...

— Да отвязнись ты, пропасть тебя возьми совсѣмъ! завопила старуха, замахиваясь на гостя кулакомъ.

— Ну, Архипычъ, выходите, прощай! обратился Ипать къ хозяину.—Желалъ добра, а тамъ какъ хотите.

— Ну, что-жь теперь?.. отозвался Архипычъ, разводя руками.

— Прощай, Климовна и ты, адресовался гость къ хозяйкѣ, продолжавшей стонать отъ боли.—Можетъ, одумаешься, потолкуемъ.

— Охъ, батюшки мои, да уйдешь ли ты, врагъ этакой!.. отозвалась старуха.

Ипать, махнувъ рукой, шагнулъ въ сѣни, а Климиха послала ему въ слѣдъ «разбойника», «кровопійцу», «змѣя». Архипычъ почесалъ лысину, бросился было изъ избы, но старуха строго остановила его.

V.

У крыльца Ипата Семенова дома уже часа два стоялъ вороной жеребецъ, запряженный въ легонькій тарантасикъ. Отъ скуки онъ успѣлъ изгрызть колонку, къ которой былъ привязанъ, и вырыть копытами изрядную яму. Конь сей принадлежалъ мѣстному, не очень крупному лѣсопромышленнику, Трофиму Зотычу, стоящему въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Ипату Семенову.

Зотычъ принадлежалъ къ числу немногихъ въ уѣздѣ купцовъ-высочекъ. Отецъ и дѣдъ его, еще на памяти всѣхъ окрестныхъ современниковъ, жили на краю глухой деревушки, и жили сѣро и убого. Но когда послѣ 19-го февраля, князья, графы и другіе болѣе или менѣе именитые владѣтели окрестныхъ деревень, земель, лѣсовъ и т. п. благъ, принуждены были вступить въ невѣдомую имъ дотолѣ борьбу за существованіе, то эти сѣрые оказались вооруженными такими орудіями для борьбы, какія и не снились ихъ мягкотѣлымъ противникамъ. И вотъ они положили начало въ средѣ своихъ деревенскихъ собратій новому

типу, такъ сказать, новому виду homo sapiens. Однимъ изъ наиболѣе опредѣлившихся представителей этого вида и былъ Трофимъ Зотычъ, хотя по другимъ признакамъ, онъ и не совсѣмъ еще рѣзко выдѣлялся изъ прежней среды.

Это былъ цвѣтушій блондинъ, лѣтъ тридцати семи. Шелковистые вьющіеся волосы его, не чуждые знакомства съ помадой, затѣйливыми косичками падали на высокій выпуклый лобъ. Маленькіе, точно прачущіеся подъ нависшими, припухлыми рѣсницами, глазки смотрѣли всегда весело, плутовато и немножко насмѣшливо. Кончикъ врючковатаго носа слегка оттягивался книзу, когда Зотычъ говорилъ много и оживленно. Замѣчательны были его зубы: частые и кривые, какъ бы сидящіе другъ на другѣ, они не закруглялись напереді дугой, какъ обыкновенно, а сходились подъ угломъ. Вслѣдствіе этого фізіономія его, въ моментъ улыбки, принимала какой-то хищнической видъ: посмотрѣть на него въ это время, такъ и кажется, что вотъ-вотъ онъ укуситъ... Довольно нѣжный цвѣтъ кожи, бѣлыя руки, предохраняемая отъ вліянія стихій замшей, опрятный «штатскій» костюмъ, щегольская обувь, золотая цѣпь при таковыхъ же часахъ—все это полагало цѣлую пропасть между Зотычемъ и его ближайшими предками и ставило его въ рядъ людей культурныхъ. Но въ тоже время его рѣчь, испещренная выраженіями въ родѣ: «эфтоть», «оттедовыхъ», клала на него неизгладимую печать той самой деревенщины, надъ которой онъ такъ силился возвыситься. Не уничтожали въ немъ этой примѣты и многія иностранныя слова, которыя онъ тщательно подслушивалъ, гдѣ только могъ, и заботливо включалъ въ свой небогатый лексиконъ, потому что слова эти, въ невоздѣланной гортани Зотыча совершенно измѣняли свой морфологическій составъ и получали фізіономію, однородную съ «эфтоть» и «оттедовыхъ», или же приобрѣтали въ его головѣ иной смыслъ.

Такъ вотъ какой гость сидѣлъ у Ипата Семеныча. Сосѣди Ипата, видя у его крыльца знакомаго «вороного», совершенно вѣрно умозаключили, что у Ипата сидитъ Зотычъ, но только недоумѣвали, почему онъ на этотъ разъ такъ засидѣлся. А засидѣлся онъ потому, что пріятельская бесѣда съ хозяиномъ за чаемъ представляла для него на этотъ разъ особенный интересъ, какъ потому, что щекотала его самолюбіе, такъ и потому, что раздражала въ немъ стяжательный аппетитъ.

— Ну-ко ставанчикъ! потчивалъ Ипатъ гостя, лично завѣдуя чаеразлитіемъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, уволь, отрегаялся Зотычъ.

— Вѣдь не хмѣльное.

— Положимъ, но... Ты по себѣ судишь. Васъ бы вотъ съ моимъ батенькой покойникомъ посадить. Бывало, сколько въ самоварѣ, столько и въ него войдетъ, а самоваръ семейный. Бывало, при хорошихъ людяхъ ажъ совѣстно, на него глядя. Такъ вотъ и ты...

— Ну-у... А ты развѣ не такой же человѣкъ?

— Конечно, съ руками, съ ногами, да вѣдь изъ одного дерева и икона, и лопата. Я теперь какъ лишній стаканъ перелилъ, такъ сейчасъ въ животѣ «рѣзсимпантизмъ».

— Гм... Изнѣжился ты, посмотрю я... Господи! А давно ли—а? Зотычъ! Царица небесная!.. Родитель-то твой!.. А дѣдъ ужъ и толковать нечего... Въ зипунахъ ходили! А давно ли это—а? Вѣдь вотъ-вотъ... Отецъ-то ужъ при тебѣ жилъ въ новыхъ хороммахъ, и то по смерти остался мужикъ-мужиномъ. А ты-то теперь баринъ! Куда—баринъ! Что нынче баринъ? Тебя и называть-то ужъ не знаешь какъ!

Нужно замѣтить, что между привычками, унаслѣдованными Зотычемъ отъ родителя, особенно выдавалась привычка въ извѣстныхъ случаяхъ тереть ладонь объ ладонь. Растираніе ладоней, доведенное Зотычемъ до высокаго искусства, служило для него однимъ изъ средствъ къ выраженію различныхъ чувствъ. По высотѣ, на которой онъ держалъ ладони, по степени вытянутости рукъ, по скорости движеній и по характеру звука, издаваемого ладонями, хорошо изучившій его человѣкъ могъ бы издали подмѣтить различные отбѣнки его настроенія. Напримеръ, Зотычъ держитъ руки передъ грудью, ладони сдѣлалъ желобками, движетъ ими медленно, извлекаетъ изъ нихъ звуки, напоминающіе процессъ теченія топора—это значитъ онъ говоритъ о чемъ-либо серьезномъ и обдумываетъ каждое слово. Зотычъ держитъ руки вытянутыми между колѣнъ и продѣлываетъ свое теченіе съ среднею скоростью и почти беззвучно—это значитъ, онъ даетъ отвѣдъ на нѣчто непріятное. Плотно сжатая ладони съ неимовѣрною быстротою скользятъ одна о другую передъ самымъ носомъ или передъ ухомъ Зотыча, издавая легкій свистъ—это значитъ, онъ услышалъ нѣчто весьма пріятное или самъ только что рассказалъ о какомъ-либо своемъ подвигѣ, или же отпустилъ неожиданную остроу. Въ изображаемомъ случаѣ Зотычъ совершалъ свое теченіе именно по послѣдней методѣ, что служило несомнѣннымъ признакомъ его крайне благодушнаго настроенія.

— Что значить, Зотычъ, времена-то... а? продолжалъ Ипать.— Попробуй-ка, сличи теперь тебя съ мужикомъ — и не сличишь! Скажи я теперь своимъ внукамъ, которые будутъ, что де у Зо-

тыча родитель былъ вонъ какой—и не повѣрять... ни въ жизнь не повѣрять, хоть ты имъ что хошь говори! И какъ это случилось, Зотычъ-а? Скажи ты мнѣ на милость. Отчего это родитель твой выплылъ, а вотъ я не выплылъ? Вѣдь онъ не много постарѣ меня, а по своей линіи даже ниже меня стоялъ. Какъ это такъ? А?

— Я ужъ сказалъ: изъ одного дерева и икона, и лопата. Такъ оно и есть. Лопата ты и выходишь. Да и лопаты-то разныя бываютъ: одна зерна загребаетъ, а другая мусоръ. Такъ ты вотъ эта самая мусорная и есть.

Ипать нахмурился и началъ водить пальцемъ по лужѣ разлитого на столѣ чаю. Зотычъ насмѣшливо обвелъ глазами всѣ части его физиономіи и продолжалъ:

— Я тебѣ, другъ любезный, рацею скажу... Впрочемъ налей полстаканчика, пусть стоитъ: какъ-то веселѣй. Да, такъ я тебѣ рацею... Течеть, напимѣрь, рѣка...

— Развѣ подогрѣть? Попьемся еще, перебилъ Ипать.

— Нѣтъ, не надо, это я такъ, для скуки... Такъ ты слушай.

— Ну, ну.

— Течеть, напимѣрь, рѣка. А въ ней всякая рыба. Вотъ ефту самую рыбу — кто неведомъ, кто вершами, кто острогой, кто чѣмъ. И ѣдятъ потомъ ефту рыбку, да другихъ ею снабжаютъ, да денежки забираютъ. Другой же во время ефтихъ кондцій сидитъ себѣ на берегу да маційономъ занимается. А послѣ и завидуетъ другимъ, что они съ рыбой. Понялъ?

— Что-жь «понялъ»... Не всякій же рыболовъ!

— А-а, то-то и есть. А ты будь рыболовъ. Знаешь, что есть рѣка, знаешь, что въ ней есть рыба — вотъ и тяти. Не поймалъ—снова закидывай. Да еще нужно знать мѣста. Если зацѣпишь, такъ ужъ по крайности рыбину, а не чортъ знаетъ что. Такъ и въ жизни. Запускай и тяти — вотъ сила. А главное, чтобы страху никакого, ни-ни... ни Боже мой! Со страхомъ ты не только сома, даже пискаря не поймаешь. Настоящій рыболовъ никогда не боится, что утонетъ. Чего бояться? Подъ судъ?.. Пустое. Въ случаѣ чего:—«чье ишущество?»—Женино... Самого на скамейку посадятъ? Ну, что-жь! Либо осудятъ, либо нѣтъ, это еще бабушка надвое сказала. Знаемъ мы эти дѣла. Мало ли на скамейкѣ-то сиживало? Иной вѣдь сколько зацѣпилъ-то—страсть! Ну, думаешь, пропалъ. Глядь—«нѣтъ, не виновенъ!» И все какъ рукой сняло. Да по моему, за крупное дѣло и попасть куда-нибудь не стыдно. По крайности пожилъ, будетъ чѣмъ вспомнить... Да и роду-племени по вѣкъ на прожитіе останется. А то—страхъ! Это самый поганый предметъ. Съ нимъ никогда

ни до чего не дойдешь... Такъ-то, братъ любезный! Тани, тани смѣло, тани ежеминутно, и старайся, чтобы покрупнѣй. Вотъ и будешь человѣкъ. А то что ты теперь? Дрянъ! Ты извини, пожалуйста: вѣдь это я по антипатіи, любя.

— Ну, вотъ... Развѣ это не справедливо?

— То-то и есть. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ теперь твоя коммерція? Что ты на мѣркѣ овса возьмешь лишній семишникъ, да на пудъ сѣна копейку? Эка вѣдь страсть какая! По моему, это тѣфу—и больше ничего.

Зотычъ прихлебнулъ холоднаго чаю.

— Ахъ, Зотычъ, какъ это ты рассуждаешь! Развѣ я не вижу, что мое дѣло мелкое. У меня постоянно въ головѣ-то роится...

— Роится, а пчельника не заведешь и меду не ѣшь! Ха-ха-ха!

— Я весь измучился, продолжалъ Ипать, игнорируя шутку гостя.—Послушаешь: тотъ рошу купилъ, тотъ земли подцѣпилъ. Сердце такъ и рвется. Подумаешь: Господи! вѣдь это все нашъ же братъ. Какъ бы это мнѣ? Думаешь-думаешь, иной разъ ночь не спишь, а ничего не сдѣлаешь. И вотъ что диковинно: было время, когда я и хуже жилъ, и много хуже; а никогда не думалъ о томъ, о чемъ вотъ теперь въ голову приходитъ. Иной разъ одумаешься, особливо когда станешь на ночь Богу молиться; думаешь: благодарю тя, Господи... живъ я, здоровъ, сынъ у меня слесаремъ въ Москвѣ, одѣты мы, обуты, все у насъ есть... Должишки?—небольшіе! И заснешь себѣ, будто ничего... А поутру встанешь — и опять постарому. Нѣтъ моей мочи, горитъ мое нутро. Такъ и стоитъ въ головѣ: Бориска землю отхватилъ! Панкратка рошу отцѣпилъ! И все это наши. Обидно! Такое зло на всѣхъ возьметъ! Цѣлый день ругаешься; кажись, избилъ бы всѣхъ. А что тутъ подѣлаешь? Я бы и не хуже кого другого отцѣпилъ, да...

Ипать наклонилъ голову и развелъ руками.

— Да что-жь? Въ чемъ же дѣло-то? допрашивалъ Зотычъ.

— А въ томъ, что силы нѣтъ. На порядочный задатокъ не наберешь, не то что... Я вотъ сколько разъ думалъ... Теперь встати зашла рѣчь... Человѣкъ ты къ тому же свой... силу забралъ большую... Помогни мнѣ, сдѣлай милость, поставь меня на корени!

— Гм-гм... промычалъ Зотычъ и вытянулъ ладони между колѣнъ.—Что-жь, это можно... это изволь!

— Вотъ покорнѣйше благодаримъ. Я давно мекалъ. Мнѣ лишь бы...

Т. ССLIX.—Отл. I.

— Изволь, изволь, повторилъ Зотычъ.— Бери вотъ лѣсу. Дашь вексель—я его сейчасъ въ банкъ. И тебѣ и мнѣ хорошо.

— Да на что же мнѣ лѣсъ? Чтò ты, помилуй! произнесъ Ипать, вытаращивъ глаза. — Мнѣ строить нечего. Мнѣ собственно...

— Ужь не денегъ ли? перебилъ Зотычъ.

— Извѣстно. А то что же еще? Безъ нихъ-то мнѣ и больно.

— Ну, нѣтъ, другъ любезный, при всей моей антипатіи къ тебѣ, не могу.

— Чтò-о ты, Зотычъ! жалобно протянулъ Ипать.—Какъ-таки не можешь? Ужь ты не можешь, такъ кто же можетъ? Этакое состояніе! этакой капиталъ! Ну, чего тебѣ стоитъ ссудить... пока хоть тысячу?

— Ого! воскликнулъ Зотычъ.—Да знаешь ли ты, что такихъ денегъ у меня и въ рукахъ почти не бываетъ?

— Ну, полно. Кто же повѣрить...

— Честью тебѣ говорю. Все въ ходу. Круговоротъ. Иной разъ самому недостаетъ. Теперь вотъ въ виду одна статейка... Эхъ, кабы удалось!..

— Тебѣ-то удастся, а вотъ мнѣ... Э-эх-ма! Какъ надѣялся, уповалъ, думалъ: вотъ Зотычъ выручить!

— Да ежели я не могу—чудакъ ты эдакой! Развѣ мнѣ жалко?

— Такъ какъ же ты говоришь: цѣпляй, тни, лови... да еще покрупнѣй?.. какого чорта тутъ зацѣпишь?—И съ досадой толкнувъ отъ себя стаканъ, такъ что тотъ перекувырнулся, Ипать вскочилъ изъ-за стола.

— Да ты постой, ты не сердись! успокоивалъ Зотычъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ. (Ипать молча прошелся по избѣ). Присядь-ка, чтò я тебѣ скажу... Сейчасъ ужъ и впалъ въ эмблему... Поди-ка сюда.

— Ну? мрачно произнесъ Ипать, усѣвшись на прежнее мѣсто.

— Развѣ ты, кромѣ меня, ужъ не можешь?

— Да гдѣ-жь тутъ? Кругомъ голь. Самимъ жрать нечего. А такіе, какъ Бориска, и льду объ крещенье не дадутъ... Намедни мельнула было одна статья... какъ было обрадовался! Сунулся, а тамъ велѣли на лѣто объ этой порѣ приходить.

— Какая же это статья? полюбопытствовалъ Зотычъ.

— Да тутъ вотъ... гдѣ даже и не чаялъ, капиталы открылись... и пропадаютъ зря!

— Гдѣ же это? едва слышно спросилъ гость, глотая слюнки.

— У солдата... у этого у Архипыча.

— У Архипыча? Не можетъ быть!

— Вѣрно, это ужь доподлинно. Да какія вѣдь деньги-то! Никто и думать не могъ. Самъ разсказалъ...

Ипать подробно сообщилъ гостю всѣ обстоятельства, относящіяся къ данному вопросу, и въ заключеніи воскликнулъ:

— Къ этой вѣдьмѣ съ крестнымъ ходомъ, и то не подойдешь!.. А кому? Ни себѣ, ни людямъ, добавилъ онъ, вставая изъ-за стола.

Пока Ипать задумчиво шагаль по избѣ, Зотычъ, прищурясь, медленно потачивалъ ладони передъ грудью.

— И большія, говоришь, деньги? спросилъ наконецъ гость, поднимаясь съ мѣста.

— Большія... да не наши, пробурчалъ хозяинъ. — Куда-жь ты? Мы еще выпьемъ, закусимъ... Я такъ что-то разстроился.

— Нѣтъ, спасибо. Я и такъ съ ума сошелъ — замѣшгвался, изъяснилъ Зотычъ, подавая Ипату руку.

— Такъ не можешь? А то помоги... будь другъ! умолялъ хозяинъ, прижимая руку гостя къ своему сердцу.

— *Теперь*, ей-богу, не могу! увѣрялъ Зотычъ, склонивъ голову на бокъ.

— А когда-жь?

— А такъ... этакъ... съ теченіемъ времени.

— Ты хоть къ примѣру скажи.

— Не могу. Это судя по конструэціи обстоятельствъ.

— Эхма! съ горечью произнесъ Ипать и выпустилъ руку Зотыча.

— А солдатъ этотъ, должно быть, вретъ. Ты бы еще гдѣ-нибудь... утѣшалъ гость, подходя къ двери въ сопровожденіи хозяина.

Ипать молчалъ. Захлопнувъ за Зотычемъ дверь, онъ разразился монологомъ:

— Чортъ тебя приносилъ! Выхолился... молокососъ! Онъ ли, не онъ ли... Болталъ, болталъ: «зацѣпи», да «потяни», да «не пужайся». А ничего не разсказалъ, какъ самъ цѣплялъ... «Не пужайся»!.. А къ чему дѣло пришло—попросилъ тысячу рублей, такъ самъ первый испужался. И шутъ ихъ знаетъ, какъ это люди, напимѣрь, богатѣютъ!..

VI.

Послѣ сцены съ Ипатовъ въ настроеніи обоихъ членовъ старческой четы произошла нѣкоторая перемѣна.

Архипычъ скоро почувствовалъ себя виноватымъ. Хотя въ точ-

*

ности онъ не могъ уяснить себѣ собственной вины, тѣмъ не менѣе почувствовалъ потребность чѣмъ-нибудь загладить ее. Эта потребность появилась прежде всего въ томъ, что онъ на нѣсколько дней сразу безвыходно засѣлъ дома. Но этого мало: онъ взялся за работу, и притомъ безъ всякаго видимаго стимула. Вѣроятно для того, чтобы болѣе соответствовать идеалу сапожника, онъ натянулъ на свой голый черепъ совершенно ненужный ременный ободокъ и по цѣлымъ часамъ безъ разгиба ковырялъ невообразимо искалеченные и монструознѣйшіе сапоги, пыхтя, покашливая и по временамъ утирая осмолѣнными кулаками слезы, навертывавшіяся отъ чрезмѣрнаго напряженія инвалиднаго зрѣнія. Въ короткое сравнительно время онъ успѣлъ починить не только Трофимовы, но и Захаровы, Селиверстовы и Терентьевы сапоги, къ несказанному восторгу ихъ обладателей.

Клѣмиха, къ величайшему удивленію супруга, ожидавшаго, послѣ посѣщенія Ипата, потока брани и нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ, вдругъ какъ-то присмирѣла. Сидитъ, вздыхаетъ и ерестится. Архипычъ взглянуть на нее украдкой—и ничего понять не можетъ. «Когда же это она начнетъ ругаться?» — не разъ мелькало у него въ головѣ. Взглядывалъ онъ и на рогачь, и на другіе тому подобные проводники супружеской любви, но врагъ загадочно бездѣйствовалъ. Нѣсколько дней супруга безмолвствовала. Только разъ, на другой день послѣ «событія», утромъ, Клѣмиха промолвила—и то безъ всякаго раздраженія:

— Предатель, къ чему ты меня подводишь?

«Началось!» подумалъ Архипычъ, и промолчалъ.

— Добро бы ужъ съ «человѣкомъ» связался...

— Будетъ, старуха, будетъ... одно слово — будетъ! кротко отозвался Архипычъ.

— Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! со вздохомъ произнесла старуха.

И разговоръ прекратился.

Нѣсколько дней спустя, Клѣмиха, соскучась бездѣятельностью, порѣшила, не безъ нѣкоторой впрочемъ борьбы, отправиться въ лѣсъ за добычей. Вслѣдствіе непривычно долгаго сидѣнія дома, она чувствовала себя на этотъ разъ нѣсколько бодрѣе, и аппетитъ къ любимымъ занятіямъ ощущался въ ней сильнѣе. Съ довольно большой плетушкой на шеѣ она пробралась въ болѣе отдаленную часть лѣса и прослониалась тамъ часа четыре, страстно выискивая и жадно собирая разнаго рода грибы. Теплая, ясная и тихая погода, живительная влага лѣсной атмосферы и расправившіяся мускулы привели Клѣмиху въ благо-

душное настроеніе. Были моменты, когда она чувствовала себя совершенно по-дѣтски. Тихо потрескивая сучьями и зорко озираясь во всѣ стороны, она иной разъ бессознательно напѣваетъ сквозь зубы, почти шопотомъ: «я гри-боч-ковъ на-а-бе-ру и са-а-ма домой пойду». Потомъ точно спохватится, улыбнется, покачаетъ головой и вздохнетъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея головѣ мелькнетъ стихъ церковной пѣсни, и она, тоже бессознательно, нѣсколько разъ подрадь вытягиваетъ: «о-от-ло-жимъ по-пе-че-е-е-ніе». Потомъ снова: «я грибочковъ наберу», и тутъ же: аллилуія, и т. д. А то вступить въ разговоръ съ найденнымъ грибомъ.—Ишь вѣдь, шельмецъ, спрятаться хотѣлъ... листикомъ прикрылся. А что пользы? Стянулъ бы дуромъ... либо раздавилъ бы кто-нибудь. А я тебя ишь какъ: очистила, съ товарищами уложила. Такъ-то, шельмецъ этакой!... Но вотъ плетушка, наполняясь тяжелымъ сырьемъ, начала рѣзать шею старухи; въ ногахъ путешественницы почувствовалась усталость. Старуха нѣсколько разъ перемѣщала носу съ одного бока на другой, прилаживала ее по очереди, но непріятное впечатлѣніе отъ неудобства и тяжести не уменьшалось. Измѣнилось и настроеніе старухи. Она сдѣлалась мрачною и ворчливою: ругала сучья, на которые спотыкалась, ругала грибы, которые долго ей не попадались, ругала птицъ, которыя особенно рѣзко кричали и т. п. Наконецъ, когда грибовъ стало некуда уже класть, она прикрыла плетушку свѣжими вѣтвями (отъ «глазу» встрѣчныхъ) и, выбравъ удобный пѣнышекъ, присѣла отдохнуть. Цѣль путешествія была достигнута, лѣсъ потерялъ для своей гостьи значеніе, и она сосредоточилась мыслию на своемъ житьѣ-бытьѣ, особенно на послѣднемъ событіи въ немъ.

— Дома ли теперь лысый? думала она. — Какъ бы не высочилъ... ему что? Забѣжить, выпросить за починку — и къ Ипатѣ. Эка, не сказала я Захару, чтобы безъ меня не отдавалъ!.. А вѣдь за нимъ гривенъ шесть съ прежними то... Лысый песь! проживать только гораздъ, а вѣтъ — чтобы постараться... Объявилъ богатство свое. Такъ я тебѣ и выложила сейчасъ... держи! Этотъ идолъ еще присталъ, Ипатка... Стакнулись. Да вѣтъ, не подойдетъ. «Торговать будемъ»... Чѣмъ торговать то? Добро бы купецъ какой былъ. На шильце — мыльце исхитряется... Ежели бы у меня сынъ былъ, я бы тогда сама распорядилась; либо какой купецъ бы хорошій, добрый... А гдѣ его возьмешь? Да и какъ къ нему приступить? Настоящій купецъ дѣло большое имѣетъ, на что я ему? И вниманія не обратить. Остается одно: беречь, крѣпче беречь... Охъ, что-то тамъ теперь лысый! заключила старуха и поднялась съ пня.

Повѣсивъ на шею плетуху, она взглянула на солнце, сообразила, въ какую сторону ей нужно идти и направилась изъ лѣсу. Долго мелькала она между деревьями, пока не очутилась въ такой чащѣ молодого березняка, что съ величайшимъ усилиемъ дѣлала каждый шагъ, жмурясь, отплевываясь и сердито ворча. «Пропастъ те возьми совѣсы! бормотала она... Куда это я залѣзла? Господи помилуй! Ой-ой-ой! Охъ, провалъ те поглоти! У-у-у, да что же это такое? Царица небесная... и т. д. Наконецъ, ей удалось кое-какъ выбраться на пролегавшую по лѣсу дорожку, прорѣзанную глубокими колеями и заросшую травой. Сбросивъ на землю свою ношу, Клімиха ухватилась обѣими руками за грудь и залилась протяжнымъ удушливымъ кашлемъ. «Охъ, Царь ты мой небесный! Ой, смерть моя!» воскликнула она въ антрактахъ между подступами кашля, развѣвая ротъ, какъ рыба, трепещущая на берегу. Вдругъ ей послышался позади стукъ колесъ. Она вздрогнула и, продолжая кашлять, поспѣшно схватила плетуху. Не успѣла она сдѣлать и шагу, какъ ее кто-то окликнулъ:

— Бабушка! здравствуй, касатка!

Клімиха оглянулась: къ ней подъѣзжалъ, придерживая лошадей, извѣстный намъ Трофимъ Зотычъ. Онъ ѣхалъ на томъ же конѣ и въ томъ же тарантасикѣ, которые нѣсколько дней назадъ такъ долго стояли у дома Ипата Семенова. Старуха остановилась и стала всматриваться въ проѣзжаго.

— Чтò, не узнаешь? ласково произнесъ Зотычъ, поровнявшись съ Клімихой и туго натянувъ возжи. Вороной круто согнулъ шею и, раздымая ноздри, всталъ, какъ вкопанный.

— Зотычъ... Трофимъ Зотычъ! прошампила Клімиха и снова закашлялась.

— Уморилась? садись, подвезу! сострадательно предложилъ Зотычъ.

Старуха продолжала кашлять.

— Эка бѣдная—а! Садись, давай плетуху-то!

Клімиха махнула рукой и затрясла головой.

— Иди, небось, что стѣсняешься? Человѣкъ древній, уставши... А намъ это вѣдь ничего не стоитъ. Садись.

— Не надо, батюшка, Богъ съ тобой... спасибо! отозвалась наконецъ старуха.

— Садись, садись, чего тамъ! настойчиво проговорилъ Зотычъ, пригласительно махая рукой.

— Добреду, Богъ милостивъ, добреду, упорствовала Клімиха и двинулась впередъ.

— Касатка, вѣдь тебя жалѣючи говорю: присядь! приставаль Зотычъ, пустивъ вороного шагомъ.

— Охъ, господи, да что это ты... закобенилась старуха, поглядывая на тарантасикъ.

— Ну, полно, стоитъ того дѣло... Садись-ка, садись! упрасивалъ Зотычъ, снова остановивъ лошадь и подвигаясь въ уголокъ экипажа.

Клѣмиха начала снимать съ шеи плетушку.

— Ну во-отъ, давай ее сюда, давай! Съ чего не присѣсть— Господи помилуй! Ай ужъ мы боги какіе? Такіе же люди, бабушка, такіе же, милая, человѣки, тараторилъ Зотычъ, устраивая возлѣ себя старуху.

Они поѣхали. Отъ пункта ихъ встрѣчи до жилища Клѣмихи было версты двѣ. Болѣе половины этого пространства они должны были ѣхать по лѣсу. Настроивъ своего коня такъ, чтобы онъ шель шагомъ, Зотычъ поставилъ колѣни подъ прямымъ угломъ, охватилъ ихъ руками и забесѣдовалъ:

— Давно я тебя, бабушка, не видалъ. Стара ты стала.

— Стара, батюшка! подтвердила старуха, скорчась и уставивъ глаза на дно тарантаса.

— Небось ужъ много лѣтъ тебѣ?

— Много. Седьмой десятокъ дошелъ, а можетъ ужъ и перешель.

— А ты все трудишься—а? Сколько я тебя запомню, все-то ты трудишься, все-то ты хлопчешь.

— Чтожъ дѣлать то, батюшка. Душа-то не сусѣдъ: пить — ѣсть просить. Ты вонъ куда возвысился, а и то сложа руки небось не сидишь.

— Это такъ... Это вѣрно. Какъ можно, «сложь руки»? До тѣхъ моръ и хорошо, пока руки въ дѣйстви, а какъ только руки опустилъ, такъ и шабашъ: хоть миллионы будь, и тѣ не увидишь, какъ пройдутъ... Мое дѣло, по крайности, молодое, отдыхать мнѣ еще рано, совѣсть зѣзритъ. А вотъ тебя жалъ. Такой ты древній человѣкъ... Пора бы ужъ дать и покой своимъ косточкамъ.

— Видно, одна могила успокоить... косточки-то мои. Съ молододу не покоилась, а ужъ теперь не къ чему. Теперь немного осталось.

— То-то вотъ и жалостно. Цѣлый божій вѣкъ ты маешься, а никакой отрады себѣ не видишь. Я, какъ самъ вышелъ изъ бѣдности и потомъ вкусилъ пріятству, такъ мнѣ всегда это больно. Думаю: Господи, за что ты меня такъ возвелъ и наградилъ? Почему бы и прочимъ—другимъ не вкусить тоже самое,

хоть подь старость? И часто эти мысли приходять мнѣ на умъ. Проѣду, напимѣрь, мимо твоей избушки, взгляну—обольется сердце кровью, и примусь опять за мысли. Вспомню, какъ мы были бѣдны, вспомню, какъ намъ Богъ послалъ милость, и смерть хочется сдѣлать что нибудь такое богоугодное. Скажу не въ похвалбу — мы съ тобой не ровня, и выставляться передь тобой мнѣ нечего, да — такъ не въ похвалбу скажу: ты мнѣ часто приходила на умъ...

— И-и, ужь... Кому я нужна? возразила Клімиха.

— Ей Богу, вотъ какъ Богъ святъ... Часто приходила на умъ... Человѣкъ ты благочестивый, человѣкъ трудящій... а какая награда? Что ты видѣла и что видишь хорошаго? Иному, можетъ это все равно, какъ ни живи другой; иной съ послѣдняго готовъ содрать—съ послѣдняго бѣдняка...

— Есть такіе, процѣдила старуха.

— Есть? ты знаешь?

— Знаю... Не первый годъ живу.

— То-то и дѣло... Да вотъ, недалеко сказать — хотъ вапъ Ипать... вѣдь живодерь онъ!

— Приятель-то твой? спросила старуха, взглянувъ на сосѣда.

— Какой тамъ... прости Господи... какой онъ мнѣ приятель?

— А какъ же, ты къ нему ѣздишь.

— Такъ что-жь? Мало ли я къ кому ѣзжу по дѣламъ... Всѣ мнѣ, значить, и приятели? Невозможно. Особенно Ипать. Развѣ онъ можетъ мнѣ гармонировать? Совсѣмъ не можетъ соответствовать, поправился Зотычъ. — А что я ѣзжу къ нему, такъ что-жь... Потому-то я и знаю его вдоль и поперекъ, что часто вижу, потому и рѣчь завелъ о немъ. Это именно живодерь! Что у него на умѣ? Одно: какъ бы надуть, какъ бы обвѣсить, какъ бы прижать, либо опоить бѣднаго человѣка. Удивительно мнѣ это. Сколько разъ я ему говорилъ: Ипать! будь ты по добросовѣстиѣ, не черни свою душу, примись за дѣла благородныя. Не понимаетъ... и понять не можетъ. А почему? потому что...

Въ это время вороной сильно дрогнулъ и бросился въ сторону.

— Ой-ой-ой! вскрикнула Клімиха.

— Небось, небось, ничего, успокоивалъ Зотычъ.

Когда онъ снова направилъ своего коня на дорогу, то оказалось, что впереди ихъ по той же дорогѣ неся довольно крупный заяцъ, внезапное появленіе котораго и было причиною испуга лошади.

— Ишь косой дуракъ... И откуда вывернулся? пробормоталъ Зотычъ.

— Что, ай заяцъ? тревожно спросила старуха.

— Заяцъ.

— О, пропастъ те возьми... Не хорошо... не въ добру.

— Пусто-оо... Глушый звѣрь... мечется съ дуру и больше ничего. Развѣ онъ можетъ понимать организацію?

— А?

— Я говорю: можетъ ли такая мелочь знать высшую судьбу?

— Заяцъ-то, можетъ, и не знаетъ, да вѣдь его Богъ насылаетъ. Вотъ вѣдь что. И всегда сбывается. Какъ дорогу перебѣжить, такъ и...

— Да вѣдь онъ не перебѣжалъ. Онъ прямо бросился вдоль дороги.

— Развѣ вдоль?

— Вдоль. Пустое, не стоитъ толковать... О чемъ бишь мы разговорились? да! Ипать... Почему онъ благородства не понимаетъ? Потому, что онъ его не испыталъ. Грубость и кровошипство онъ знаетъ, а все же другое прочее, чистое, божеское для него темный лѣсъ. Ничего онъ этого не чувствуетъ. А вотъ я, напримѣръ: видѣлъ батюшку—царство ему небесное — видѣлъ дѣдушку покойника и вижу теперь *свою* жизнь. Вотъ я и сравниваю... Какому-нибудь Ипату нечего сравнивать: у него какъ была всегда подлость, такъ и идетъ сплошь. А я сравниваю, какъ лучше: съ благородствомъ или безъ благородства. И теперь ужъ такъ себя заправилъ, что безъ благородства не могу.

— Охъ, не всѣ-то, батюшка, такіе... сочувственно промолвила старуха.

— Не то, что *не всѣ*, а я тебѣ скажу: найдешь ли ты хоть одного такого? Повидалъ таки я народу-то: вездѣ идолъ на идолѣ сидитъ и идоломъ погоняетъ. Не всякого-то Господь смягчаетъ... Скажу тебѣ, какъ старому, достойному человѣку... наединѣ... какъ духовнику откроюсь, по душѣ: у меня въ настоящую пору въ виду очень большое дѣло... очень большое! Много придется убить и хлопотъ и капиталу. Но за то, какъ только обдѣлаю его—шабашъ! Полно жить для себя, начну жить на пользу общую... чтобы всѣмъ хорошимъ людямъ вѣрнуть было привольно... Сильно теперь занять я этимъ дѣломъ.

— Какое жъ это дѣло? полюбопытствовала Клімиха.

— Ну, что тамъ... тебя это не касается. Это такое, такое дѣло, что... ажъ духъ захватываетъ! Тебѣ не растолкуешь его; и понять ты его не можешь, не привыкла... Одно только думаю: эхъ, кабы Господь...

— Небось продается что нибудь? предположила старуха.

— Продается. Да что... боюсь, отобьют! Помилуй Господи! Тогда... тогда я ужь и не знаю!

— Что продается-то?.. допытывалась Клімиха.

— Продается-то? Эхъ, некогда рассказывать. Вотъ ужь и къ деревнѣ подѣхали, а мнѣ сейчасъ нужно налѣво поворачивать. Развѣ назадъ маленько поѣдемъ. Я тебя тогда опять подвезу.

— Ну что-жь... согласилась Клімиха.

Зотычъ повернулъ лошадь. Та бросилась было машистой рысью, но онъ ее тотчасъ осадилъ. Старуха оглянулась: надъ деревней стояло облако пыли; довольно ясно раздавались въ воздухѣ ревъ и бляеніе скота, веселый визгъ ребятишекъ и щелканье кнутовъ.

— Однако, скотину ужь пригнали... промолвила старуха, но безъ всякой тревоги. Рѣдкое вниманіе мѣстнаго туза и ожиданіе таинственнаго любопытнаго разсказа нѣсколько охладили въ ней «ревность къ дому».

— Ничего, мы сейчасъ, безъ нужды успокоивалъ Зотычъ.— У тебя развѣ есть скотинка-то?

— Коровенка.

— Ну, эка важность, старикъ загонить.

— Загнать-то загонить...

— И распрекрасно. А дѣло-то, бабушка моя милая, вотъ какое...

Зотычъ перевелъ духъ, поправилъ картузъ, осмотрѣлся во всѣ стороны и началъ:

— Продается лѣсъ.. не лѣсъ, а лѣсище: деревья во-о какія, чисто корабельныя; десятинь... конца краю нѣтъ! Ужасъ, а не лѣсъ: золотое дно!

— Ну?

— Ну, вотъ я и прицѣливаюсь.

— Кто же это продаетъ? Купецъ какой-нибудь?

— Нѣтъ, не купецъ. Купецъ этого не сдѣлаетъ. А это... какъ бы тебѣ назвать.. Неизвѣстный человѣкъ... баринъ одинъ... генераль, не то князь.

— Ну, чтожь, ну, и купи себѣ. Купишь, свезешь и будешь продавать, предложила Клімиха.

Зотычъ запустилъ палецъ подъ картузъ возлѣ уха, почесалъ голову и продолжалъ:

— Такъ-то такъ, да тутъ вышла одна закорючка. Я тебѣ все по порядку... Видишь ли: генераль-то, князь-то этотъ, пріѣхалъ въ городъ, остановился въ номерѣ, да объявилъ въ газетѣ, что такъ и такъ... продаю дескать лѣсъ, качества такого-то, десятинь столько-то, цѣна такая-то. Я узналъ, сей-

часъ — трахъ въ городъ. Ни мало не медля, отъявился въ номеръ: честь имѣю, ваше сіятельство... Наслышанъ, что такъ и такъ... «Очень пріятно», говоритъ... Такой сурьезный, видно, что добрый. Сидитъ, кофей пьетъ. Посадилъ и меня. Я опять за свое: изволите, молю ваше превосходительство, лѣсокъ продавать? — «Такъ точно. Цѣна извѣстна вамъ»? Извѣстна-то извѣстна, говорю, да позвольте надѣяться, ваше сіятельство, что будетъ уступочка.

— А много запросилъ-то? полюбопытствовала старуха.

— Пустое: сорокъ тысячъ, небрежно произнесъ Зотычъ.

— О-о, Господи! удивилась Клімиха.—Экая страсть, а тебѣ «пустое»!

— Извѣстно, пустое. Не въ томъ дѣло. Дѣло, милая бабушка, вотъ въ чемъ. Я по порядку... Какъ сказалъ я ему на счетъ уступки-то, онъ и говоритъ: ко мнѣ, говоритъ, ужъ многіе съ этимъ приходили, съ уступкой-то. Кто разсрочки, говоритъ, просить чуть не на пять лѣтъ, а кто сбавки чуть не на половину. Не могу, говоритъ, я этого. Это, говоритъ, возмутительно. Я, говоритъ, почти выгналъ ихъ отъ себя. Помилуйте, говоритъ: чуть не даромъ отдаю сокровище, а они еще торгуются... Много говорилъ. Руками этакъ размахиваетъ, губы дрожать. Видно, что человѣкъ благородный, только деньжонокъ, должно быть, жидковато... Вотъ, я выслушалъ, да и говорю: какое же, молю, ваше превосходительство, ваше послѣднее слово будетъ? — «А послѣднее слово мое, говоритъ, будетъ такое: деньги всѣ чистенькія и заразъ. Если, говоритъ, согласны на это, то тысячу уступить могу». А я, признаться тоже думалъ, что онъ подастся на большую уступку, и денегъ взялъ только для задатка, пятнадцать тысячъ. Подумалъ, подумалъ: торговаться — пожалуй прогонить! Лицо большое... А лѣсъ—я его хорошо знаю—одно слово — кладъ. Смерть хотѣлось приобрѣсть. Думаю: наскочить иной, отобьетъ; нужно ковать желѣзо, пока горячо. Ваше сіятельство, говорю, вѣрите честному слову?—«Что такое»? — Получите пока пятнадцать тысячъ, а остальные я вамъ въ скоромъ времени доставлю. Только домой съѣзжу. Всѣ чистенькими. Если уѣдете отсюда, то скажите, куда прислать.. Молчитъ, но видно, что радъ—«Ну, такъ и быть, говоритъ. Только какъ можно поскорѣе».—Въ самой скорости, говорю. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство..—Заключили мы это съ нимъ условіе. Онъ мнѣ адресъ оставилъ: это—гдѣ его значить, съисеать. Я и поѣхалъ. Пріѣзжаю домой. Сталъ считать деньги, глядь—двухъ тысячъ не достааетъ. Что тутъ дѣлать?

— Какъ же это не достаетъ? А ты говоришь: «пустое»? возразила старуха.

— Да оно и есть «пустое», подтвердилъ Зотычъ.—Какія это деньги? Тьфу! У меня денегъ пропасть, но дѣло-то въ томъ, что я ихъ уложилъ въ банкъ для процентовъ, чтобъ наростали. Угораздило меня положить ихъ на годъ, и раньше срока я не имѣю права ихъ взять. Собственныя свои денежки взять не могу—вотъ какъ строго въ этомъ банкѣ!

Разскащикъ щелкнулъ языкомъ, тряхнулъ головой и продолжалъ:

— А время не ждетъ. Ты сама, милая бабушка, знаешь: дорого яичко къ велику дню.

— Что говорить... Вѣстимо такъ.

— Да... Вотъ я теперь и мечусь. Думалъ-думалъ: къ кому обратиться? Тотъ самъ нуждается, другой, какъ собака на снѣгъ: ни себѣ, ни людямъ. А тутъ еще начать разспрашивать: зачѣмъ да на что? Скажешь имъ—пожалуй, отобьютъ какъ-нибудь. Просто голова кругомъ ходитъ. Этакое счастье и этакая помѣха! Добудь я теперь эти двѣ тысячи... пожалуй и меньше: остальные какъ-нибудь въ конторѣ наскребу... Добудь я это—и тогда мнѣ на свѣтѣ ничего не нужно. Начну жить на пользу бѣдныхъ, чтобъ всѣмъ вокругъ меня хорошо было. А ужъ какъ бы наградила того, кто помогъ бы мнѣ—и говорить нечего. Рубль на рубль бы отдалъ... два рубля отдалъ бы, и черезъ какой-нибудь мѣсяць. Лафа-то вѣдь какая, бабушка моя милая, ты и вздумать не можешь.

— Какъ это ты говоришь: рубль на рубль? Это сколько же? спросила старуха.

— А это значить: за одинъ рубль отдалъ бы два рубля, за одну тысячу двѣ. Однимъ словомъ—вдвое, а то и втрое бы отдалъ.

— Гм. А скоро тебѣ нужно? спросила Климиха и закашлялась.

— Никакъ не дальше, какъ черезъ недѣлю. Иначе все пропадетъ: нетолько лѣсъ, но и мой задатокъ въ пятнадцать тысячъ. Какъ подумаю объ этомъ, такъ всего точно огнемъ спалить. Эхъ, кабы Господь!.. Помолись, милая голубушка, своими праведными молитвами. Удастся мое дѣло, во вѣкъ тебя не забуду.

— Дай Богъ тебѣ, дай Богъ... за доброту за твою, промолвила Климиха.

— Только ты, бабушка, до времени никому объ этомъ не говори, предупредилъ Зотычъ.—Это я только тебѣ, какъ преклон-

ному человѣку. Не говори и про то, что вотъ мы съ тобой ѣхали. Это между нами.

— Ладно... согласилась старуха.—Ну, такъ ты меня подвези къ деревнѣ-то, а то ужъ мы опять далеко заѣхали.

Зотычъ поворотилъ вороного и хлопнулъ его мягкими возжами. Конь пустился во всю рысь, и путники мигомъ очутились на *задахъ* деревни, противъ Климихиной избушки. Стояли уже довольно густыя сумерки. Возлѣ овина сосѣдней усадьбы кто-то шуршаль соломой.

Заслышавъ стукъ въ наружную дверь, Архипычъ торопливо выскочилъ въ сѣни и залотошилъ:

— Что это ты до этакой поры? Я думалъ ужъ тебя волки съѣли.

— А ты бы и радъ, еслибъ волки... проворчала Климиха.

— Зачѣмъ же «радъ»? Я только такъ сказала, изъяснялся воинъ, сопровождая супругу въ избу. — Вѣдь это по твоему, я лиходѣй, а я... вотъ цѣлый день сидѣлъ, караулил. Вотъ что.

— Караулил... Небось ужъ окунулся къ Ипаткѣ?

— Небось не окунулся, обидчиво проговорилъ Архипычъ. — Тебѣ, я вижу, все ни почемъ, сколько ни сиди... Хотѣлъ-было къ Захару... за починку получить... и то не пошелъ. Думаю: пусть ужъ старуха сама... Посажу, покараулю. А старуха пришла, невѣсть откуда, и, какъ идолъ, рычитъ. Все не въ честь, не въ славу. Ужъ коли нынче ты недовольна, то я ужъ и не знаю. Ну, да погоди-жь ты...

— Чтò раззѣвался-то? Ишь вѣдь... хозяинъ какой!

— Я и говорить-то съ тобой не хочу, а не то что... «раззѣвался»! заключилъ воинъ и смолкъ.

VII.

Наступила ночь. Старики улеглись. Архипычъ, по обыкновенію, на примостѣ, Климиха тоже по обыкновенію на лавкѣ, надъ сундукомъ. Обоимъ не спалось, хотя ни тотъ, ни другой не говорилъ ни слова. Каждый былъ занятъ своими мыслями. Въ глазахъ старухи неотступно стоялъ образъ Зотыча, счастливаго, добраго, ласковаго, по душѣ откровеннаго. И она думала:

— Вотъ чировѣе... что я ему? Какая такая родня или ровня? А онъ пожалѣлъ, привѣтилъ, посадилъ. Этакой разговорчивый, про все рассказалъ, во всемъ открылся, словно матери родной. А богачъ-то... Господи! Сорокъ тысячъ, говорить, «пу-

стое». Боже мой, Боже мой!.. Это не то что Ипатка. Выдумалъ что: дай ему свои деньги!.. Ахъ ты, утроба этакая! А это чело-вѣкъ великятный: буду, говорить, жить на пользу... Какъ-то ему Господь приведетъ на счетъ этого лѣса... Не хватаетъ... Вдругъ этакая машина уйдетъ изъ рукъ?.. О-охъ-охъ-охъ! Второе, гово-рить, награжу... Иной подвернется, пожалуй, вчетверо сдереть, видючи, что чело-вѣку позарѣзъ нужно. И сдереть. Вотъ и де-нежки... ни оттуда, ни отсюда. Вдвое — и то много, а ежели вчетверо-то? И не выговоришь... Сколько, бишь, онъ сказалъ, не хватаетъ-то?.. Двѣ тысячи? Нѣтъ, менѣ, кажись... тысячу этакъ... съ чѣмъ-нибудь... Охъ, Господи помилуй!.. Старикъ! влигнула она вслухъ.

Архипычъ не отозвался.

— А старикъ! повторила Климиха.

Старикъ отвѣтилъ искусственнымъ легонькимъ храпомъ.

— Боже, милостивъ буди! прошептала старуха со вздохомъ и тихо поднялась съ постели.

Она засвѣтила ночникъ и, оглянувшись на примость, поста-вила его на уголь стола, возлѣ изголовья своего ложа. Доставъ изъ подъ подушки ключъ, она опустила передъ сундукомъ на колѣни и, прикусывая языкъ остатками зубовъ, почти совершенно беззвучно отомкнула замокъ. Архипычъ во всѣ глаза смотрѣлъ на дѣйствія супруги. Прежде чѣмъ открыть сундукъ, старуха еще разъ оглянулась на примость. Архипычъ зажмурился и уси-лилъ храпъ. Климиха осторожно достала изъ сундука трубку холста и, усѣвшись на полъ, стала развертывать ее у себя на колѣняхъ. По мѣрѣ развертыванія холста, она постепенно выни-мала изъ него разныхъ сортовъ кредитныя бумажки и акку-ратно складывала возлѣ себя на полу. Когда бумажки были, на-конецъ, всѣ выложены, старуха, отложивъ холстъ въ сторону, принялась считать ихъ. До сего момента она еще вспоминала объ Архипычѣ и по временамъ озиралась на примость, но сла-достный процессъ счота денегъ заставилъ ее забыть всѣхъ и вся. Смагуя губами, поглатывая слюнки и склоняя голову то на одну, то на другую сторону, старушка любовно разглаживала кредитки и въ какомъ-то полузабытѣи шептала: «восемь пятковъ... восемь пятковъ—значить четыре десятка, это выходитъ сорокъ, да десять по три — три десятка — тридцать... Тридцать да со-роеъ—это... гм-гм... семьдесятъ. Ну, семьдесятъ. Теперь: разъ четвертная, два четвертная, три, четыре... А сколько бишь тамъ-то? Да, семьдесятъ... Тутъ я насчитала четыре... Постой: четыре ли? Разъ, два, три, четыре... таъ, четыре. Теперь: пять четвертныхъ, шесть четвертныхъ, семь, восемь» и т. д.

Между тѣмъ, Архипычъ волновался по своему. Пока онъ лежалъ въ темнотѣ, мысли его текли какъ-то разрозненно и настроеніе его было только эллегическое. Но когда Климиха, засвѣтивъ ночникъ, принялась считать деньги, онъ устойчиво сосредоточился на одномъ пунктѣ, и чувства его принимали все болѣе и болѣе желчный характеръ. Смотри на затылокъ супруги, на концы черного платка, стягивающаго назадъ ея голову, на пряди сѣдыхъ волосъ, торчащихъ изъ-подъ него и на вынятившійся горбъ ея—онъ размышлялъ:

— ... Ишь припала! Замерла совсѣмъ. Покликала сперва: «старикъ»!.. Чтобъ не мѣшалъ. Одна—всему голова... Я только помѣха. Карга проклятая! Ишь роется... какъ въ своемъ собственномъ! Много-ль у тебя своего-то... безъ моего-то? А я вотъ только смотри! Да и смотри-то не моги. Озирается... врага какого нажила!

— ... Три сотни, четыре сотни, пять сотенъ, сосредоточенно шипѣла старуха.

— У-у, лѣшій трясучій! негодовалъ Архипычъ.—Когда-бъ ты ихъ накопила-то? Воевалъ-воевалъ, напримѣрь, и вдругъ этакая вещь! Пройди теперь весь свѣтъ: гдѣ это такое измывательство найдешь? Глава, напримѣрь, лежитъ, а баба деньги его тайкомъ считаетъ.

— ... Этихъ восемь сотенъ, да, значить, тѣхъ... Постой: сколько бишь? соображала Климиха, накрывъ ладонью восьмисотенную пачку.

— Фу, ты провѣляя... Точно дразнить! возмущался Архипычъ.—Довуда жъ это будетъ? Ждалъ-ждалъ, и что приждалъ? Всего какъ есть лишонъ. И чего это меня непріатели не убили? Вотъ дуракъ-то! Полковниковъ, генераловъ, штыковъ-пушекъ не боялся, а тутъ боюсь! Просто съума сошелъ. Право. Что я въ самомъ дѣлѣ? Честью видно ничего не сдѣлаешь, словами толку не добьешься. Нужно по-солдатски. Давеча сидѣлъ-сидѣлъ одинъ, день цѣлый. Изба заперта... И въ голову не пришло... Ахъ, дуракъ-дуракъ! Ишь складываетъ, ишь складываетъ! Уродина этакая—а? Не быть же этому, коли такъ! Вотъ тебѣ!

Архипычъ громко крикнулъ и повернулся къ стѣнѣ. Климиха вздрогнула и оглянулась. Архипычъ блисталъ голымъ затылкомъ и густо дышалъ въ носъ, Климиха наскоро достала изъ сундука вѣтчатый платокъ, завязала въ него кредитки, заперла узелъ вмѣстѣ съ холстомъ въ казнокранилице и, погасивъ ночникъ, улеглась на постель.

— Старикъ! кликнула она, уже съ минуту пролежавъ въ темнотѣ.

Архипычъ не отозвался.

— Ночникъ-то я не приняла со стола, подумала старуха и тотчасъ же поправила оплошность, отнеся источникъ скуднаго свѣта на загнетку.—Теперь тамъ еще рублевья бумажки, припоминала Клімиха.—Ну, этихъ я знаю сколько... Да рублевьявовъ серебряныхъ... это выходитъ... Да... А тамъ еще полтинники... Значить, окромя *этихъ* остается всего... Это еще слава тебѣ Господи. О-охъ, Боже мой!.. Помоги, Царь небесный! Ежели *твое*, то сколько-жь это выйдетъ?.. О-о, Господи... Вотъ бы... батюшки мои родимые!..

На другой день утромъ, Архипычъ наскоро умылся, небрежно перекрестилъ два-три раза лобъ и дрожащими отъ волненія руками натянулъ на себя сапоги и старую поддевку. Все это онъ дѣлалъ молча, насильственно кашляя и энергически отплеиваясь. Случай безпримѣрный. Обыкновенно, собираясь куда-ни, будь идти, онъ прежде обращался къ Клімихѣ приблизительно съ слѣдующими словами: «какъ же, старуха, мнѣ бы нужно пойти» и т. д. И только представивъ уважительныя причины отлучки и получивъ разрѣшеніе, онъ начиналъ обуваться и одѣваться. Понятно, что необычайный либерализмъ Архипыча въ данномъ случаѣ не могъ не встревожить Клімиху, тѣмъ болѣе, что воинъ нѣсколько дней тому назадъ уже нанесъ ударъ ея авторитету и власти. Только-что Архипычъ потянулся за картузомъ на полеу, какъ Клімиха строго спросила его.

— Ты куда?

— На кудыкинъ дворъ, грубо отозвался либераль.

— Чего мелешь-то? Говори толкомъ: куда поднялся?

— Вѣстимо не въ хороводъ. По дѣлу.

— Какое тамъ дѣло? Сиди дома. Я сама сейчасъ пойду.

— Ступай, я тебѣ не перечу.

— На кого-жь домъ-то оставить?

— Я сейчасъ ворочусь.

— Нечего тамъ... Раздѣвайся. Небось къ Ипаткѣ... хлебнуть захотѣлось?

— На кой шутъ мнѣ твой Ипатка? и на какіе крендели я буду хлебать? Много ты мнѣ дала? отгрызался Архипычъ, уже надѣвъ фуражку и держась за свободку выходной двери.—Вчера Власть сапоги просилъ взять... Ты уйдешь на цѣлый день, что-нибудь нужно же дѣлать. Тоска заѣсть дуромъ-то сидѣть.

— А ты гдѣ видѣлъ Власа-то? спросила старуха, нѣсколько смягчившись.

— Да все тутъ же... Вчера шоль мимо и стукнулъ въ окно.

Подхожу, а онъ говоритъ: «возьми, пожалуйста, сапоги». Я думалъ, онъ съ собой ихъ принесъ, а онъ говоритъ: нѣтъ, это я мимо шелъ да кстати вспомнилъ, а ты, говоритъ, самъ за ними придешь... завтра утречкомъ.

— Ну, ступай, да смотри—живо.

— Это дѣло наше, проговорилъ Архипычъ уже въ сѣняхъ, такъ что старуха не слыхала этихъ словъ.

На самомъ дѣлѣ, никакой Власъ не ходилъ къ Архипычу съ предложеніемъ работы. Воинъ придумалъ новое лицо лишь для отвода глазъ непріятелю. Торопливо выбѣжавъ изъ сѣней, онъ юркнулъ за уголъ избушки и чрезъ минуту очутился въ сосѣднемъ домѣ у своего давнишняго должника, Захара.

— Здравія желаю! привѣтствовалъ Архипычъ хозяина.

— Здорово. Что скажешь? отозвался Захаръ.

— Да тамъ за тобой причитается, нерѣшительно проговорилъ воинъ, почесывая голый затылокъ.

— Я знаю. Да теперь нѣту. Обожди. Развѣ я не отдамъ, что-ль?

— Я знаю, въ свою очередь сказалъ Архипычъ.—Да видишь ли, какая статья-то: старуха вотъ послала меня къ Ипату купить соли да масла, а денегъ велѣла у тебя взять. Такъ какъ же мнѣ теперь?—самъ посуди.

— Я не знаю, сказалъ Захаръ.

— Я не знаю! воспроизвелъ Архипычъ.—Старуха... вѣдь ты самъ знаешь... Такъ-то. Что же я теперича?

— Я не знаю, повторилъ Захаръ.

— Дай покажѣсть хоть двугривенный, а остальные за тобой будутъ, упрасивалъ гость.

Хозяинъ молчалъ.

— Ну, пожалуйста. Вѣдь не всѣ прошу. Опять же, ты видишь: соли, напимѣръ... А всего двугривенный. Нѣтъ, ты ужъ дай.

Захаръ полѣзъ въ карманъ висячей на стѣнкѣ поддевки.

— Вотъ двѣнадцать копеекъ есть, заявилъ онъ, доставъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ.—Пожалуй, отдамъ.

— Да что-жъ двѣнадцать... возразилъ Архипычъ. — Добавь по крайности хоть до пятацтыннаго.

— Да нѣту! почти крикнулъ Захаръ.—Говорю, обожди...

— Чего-жъ ты серчаешь? Вѣдь я не виноватъ. Нужно же отдавать должное. Я самъ въ тѣснотѣ. Поищи, авось ужъ гривну-то найдешь гдѣ-нибудь.

— Ты, Архипычъ, хуже всякаго слѣпого присталь. Вѣдь русскимъ языкомъ говорю: нѣту. Чего тебѣ еще? Вотъ возьму да не отдамъ, коли такъ...

Т. ССLIX. — Отд. I.

5

— Давай хоть двѣнадцать, что-жъ коли... сдался воинъ.— Я бы сколько хошь ждалъ, да ты видишь, дѣло-то какое. Поди, говорить, купи, а деньги у Захара... Ты не серчай; авось, Богъ дастъ, сойдемся.

Захаръ смягчился и уплатилъ кредитору двѣнадцатикопеечную сумму. Архипычъ поблагодарилъ и хотѣлъ-было уйти, но Захаръ остановилъ его неожиданнымъ вопросомъ:

— Откуда это твоя старуха съ Зотычемъ ѣхала?

— Когда? съ удивленіемъ спросилъ Архипычъ.

— Вчера вечеромъ.

— Развѣ она ѣхала?

— Ѣхала. Я вожусь этакъ на гумнѣ—припоздалъ маленько— а они по загуменью-то ѣдутъ... ѣдутъ и разговариваютъ. Я этакъ присмотрѣлся — лошадь его. Ну, да и по голосу сейчасъ же узналъ.

— А-а! протянулъ Архипычъ.

— Она тебѣ не сказывала?

— Нѣтъ.

— А я еще подивился: вотъ, молъ, оказія-то...

— Да... это... ну, да что-жъ!.. пробормоталъ Архипычъ и распростился.

Ипать только-что кончилъ счетъ съ кѣмъ-то изъ проѣзжающихъ. Съ громомъ опустивъ въ кассу нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ выручки, онъ погладилъ бороду, вздохнулъ и и угрюмо зашагалъ по избѣ. Въ одинъ изъ поворотовъ отъ двери къ окнамъ онъ взглянулъ на висящее въ простѣнѣ зеркало и направился къ нему. Стекло зеркала своими размѣрами не превышало листа писчей бумаги и сильно было засижено мухами; внизу у него, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, отлеолся порядочный уголъ; амальгама по мѣстамъ облѣзла. Желаящему навести въ этомъ зеркалѣ требуемую справку приходилось обозрѣвать свою физиономію по частямъ, лавируя между темными пятнами. Всѣ эти недостатки зеркала были извѣстны Ипату издавна, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Теперь же, стоя передъ нимъ, онъ испытывалъ горькое чувство. Онъ медленно и внимательно смотрѣлъ въ разрозненные части своего печальнаго образа и думалъ:

«У Зотыча-то это самое зеркало... Господи!.. во всю стѣну. Всего тебя насквозь видно; сапоги — и тѣ видать. Вотъ это жизнь. Купи-ка, попробуй, этакую вещь... Небось одно цѣлаго дома моего стоитъ. Вонъ барыши-то какіе: опустилъ мелочишки щепоть, да и не прогнѣвайся. А Зотычъ за эти же самые дни

нѣсколько тысяч прибавилъ. Поди теперь, догони его... да! Чтѣ бы это такое сообразить, чтобы этакъ... хоть малость подняться?»

Ипатъ повелъ голову нѣсколько вправо и наскочилъ на стеклянный прыщъ, вслѣдствіе чего правый глазъ его отдуло въ сторону огромнымъ пузыремъ, причеиъ лѣвый превратился въ едва замѣтную точку. Этотъ невинный карриатуристъ окончательно взбѣсилъ Ипата. Онъ плюнулъ и, быстро отвернувшись, проворчалъ:

— Проклятая жизнь! образа и подобія своего въ цѣлости не видишь!..

Какъ-разъ въ этотъ моментъ появился Архипычъ. Запыхавшійся и потный, онъ подбѣжалъ къ хозяину и, роясь въ карманѣ поддевки, торопливо заговорилъ:

— Ну-ка, Ипатъ Семенычъ, того... одну-другую... Вотъ это тебѣ за настоящее, а тамъ.. на дняхъ получу — и за прежнее отдамъ. Да поскорѣй, а то тамъ старуха... Признаться, обманомъ ушелъ.

Касса Ипата мгновенно восприняла его двѣнадцать копеекъ, и черезъ минуту Архипычъ уже жевалъ какую-то корку, воображая, что закусываетъ.

— Ну, чтѣ твоя старуха? тихо спросилъ Ипатъ.—Ничего не надумала... на счетъ знова?

Архипычъ, глотая послѣдній кусокъ, молча махнулъ рукой.

— А чтѣ, не подается? продолжалъ Ипатъ.

— Куда тамъ... Она теперь намъ не подстать. Съ богачами сдружилась.

— Какъ съ богачами? Съ какими?

— Съ Зотычемъ.

— Ну-у?

— Да. Я-то не видалъ, и она не сказывала, а вотъ Захаръ Смиряевъ вчера видѣлъ. Ъдутъ, говорить, и разговариваютъ. Она вчера, по своему обыкновенію, въ лѣсъ ходила. Такъ это ужъ вечеромъ... оттуда... Ъдутъ и разговариваютъ.

— А-а... Это штука не хорошая!

— Кто ее знаетъ!

— Вѣрно. Что-нибудь не такъ. Вотъ посмотри, онъ ее обойдетъ. Это такой волеъ, что Боже упаси. Такъ и рыщеть, гдѣ бы что урвать. Приѣзжаетъ это ко мнѣ: дай, говорить, въ займы... Ей-Богу... Я, извѣстное дѣло, не далъ. А деньги ему позарѣзъ нужны. Вотъ онъ и мечется теперь. Охъ, не хорошо это, право... Ты смотри! заключилъ Ипатъ тономъ полнѣйшаго участія и соболѣзнованія.

*

Архипычъ понурилъ голову и, съ минуту помолчавъ, въ раздумьи проговорилъ:

— Шутъ ее знаетъ... Она вчѣра все что-то деньги считала... почитай всю ночь считала. А я будто сплю...

— Такъ и естъ! воскликнулъ Ипатъ, всплеснувъ руками.— Рохля ты этакая, куда же ты смотришь? Вѣдь ты хуже бабы! Ей-Богу! А еще солдаты!.. На-ка выпей. Это тебѣ ужъ не въ счетъ.

— Хуже бабы... повторилъ Архипычъ, утираясь.—Небось, не хуже. Я вотъ посмотрю-посмотрю, да и...

— Непремѣнно, непремѣнно... всячески! перебилъ Ипатъ.— Какому-нибудь чорту лысому... Ахъ, батюшки мои родимые! Да вы тогда совсѣмъ пропадете... Я вотъ старухѣ-то предлагалъ. На что бы лучше? Люди мы свои, близкіе, простые; все бы у насъ душа въ душу... Посадилъ бы тебя за прилавокъ: торгуй Архипычъ... съ нашимъ почтеніемъ! Всего въ волю, самъ хозяинъ. Живи въ удовольствіи, наживай деньги... Нѣтъ, ты всячески старайся. Чтò ты это, въ самомъ дѣлѣ... напустилъ на себя? Отъ своихъ собственныхъ денегъ... Просто жалость смотрѣть! Я бы на твоёмъ мѣстѣ...

— Что-жь бы ты на моемъ мѣстѣ?

— Да просто силòмъ бы отнял. Ей-Богу. Чего на нее смотрѣть? Баба! Послѣ самой же слобится, благодарить будетъ. Нѣтъ, ты не упусти. Боже сохрани!..

— Ну, это какъ-нибудь послѣ, засуетился Архипычъ, озираясь.—Она вѣдь теперь дома. Пожалуй, тово... Она и то ужъ небось...

Онъ не докончилъ рѣчи и устремился вонъ изъ избы.

— Смотри въ оба, а то пропадешь! крикнулъ Ипатъ ему въ слѣдъ.

— Пусто ему будь, проклятый! разразился Архипычъ, переступая порогъ своей избышки.

— Чтò? спросила старуха, недовѣрчиво посматривая на супруга.

— Точно провалился, оглашенный! ворчалъ Архипычъ, снимая поддевку и стараясь не смотрѣть на Клімиху.—Искаль-искаль... Сказали, на дворѣ — нѣту! Пошелъ въ сарай — нѣту! Сказали, пошелъ къ старостѣ: подождаль-подождаль—нѣту. Самъ къ старостѣ пошелъ—нѣту! Тьфу! Самъ же, напримѣръ, говорилъ, и самъ же пропалъ. Что теперь будешь дѣлать день-деньской? То бы вотъ работалъ, а то...

— Да развѣ безъ Власа не могли сапоговъ-то отдать? возразила старуха.

— Стало быть, не могли. Они почему знают? отвѣтил Архипычъ.

— Смотри, не врешь ли?.. заподозрила Клімиха.

— Чего я буду врать? У кого хочешь спроси. Люди-то, я думаю, видѣли меня, оправдывался воинъ.—Ты пойдешь, что ли, нынче?

— Пойду.

— Ну, иди, а я тутъ хоть свое что-нибудь почию.

— Да смотри, чтобъ дома сидѣть, наказывала старуха: — а то вѣдь ты... только и смышляешь, какъ бы сбѣжать. Тебѣ бы только...

— Ну, опять зачитала, перебилъ Архипычъ.—Нарочно сходилъ при тебѣ, чтобъ ужъ послѣ не отлучаться—нѣтъ, тебѣ и этого мало! Все читаетъ, все читаетъ... Ну, къ чему пристала? Сказалъ—буду сидѣть. И буду. Ну?..

VIII.

Провожая супругу, Архипычъ громко заперъ за нею дверь, чтобъ показать, что вотъ, дескать, заключился—видишь?—будь покойна...

Онъ возвратился въ избу, присѣлъ подъ окномъ и, провожая глазами старуху, въ полголоса ворчалъ:

— Ступай себѣ, ступай... Такъ-то лучше... Хоть за тридцать земель... Не заплачу. Вѣдьма трясушая! Ты думаешь, я все дуракъ буду? Какъ разъ!

Клімиха скрылась съ глазъ. Архипычъ слѣзъ съ лавки, подошелъ къ кассовому сундуку, толкнулъ его ногой и задумался. Постоявъ съ минуту, онъ быстро нагнулся, поворотилъ сундукъ замкомъ къ себѣ и снова задумался. Маленькіе глазки воина перебѣгали съ предмета на предметъ. Еще черезъ минуту онъ подскочилъ къ двери, замоталъ ее на веревку и, схвативъ на возвратномъ пути доску, покрывавшую ушатъ съ водой, заслонилъ ею окно. Въ избушкѣ, и безъ того не изобиловавшей свѣтомъ, водворился почти полный мракъ. Архипычъ припалъ къ сундуку и потянулъ къ себѣ замкъ. Неровно стоявшій сундукъ покачнулся. Старикъ наклонилъ набокъ голову и, прищуривъ глаза, внимательно всмотрѣлся въ отверстие замка. Замкъ оказался винтовымъ. Архипычъ вскочилъ на ноги и началъ шарить по угламъ. На одной крошечной полочкѣ, подъ кучею грязныхъ тряпокъ, онъ нащупалъ старый гвоздь и въ волненіи подбѣжалъ къ казнохранилищу. Сердце старика сильно стучало, дыханіе учащалось, руки дрожали. Бездушный стражъ кассы не

долго сопротивлялся. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже постыдно валялся на полу съ вытянутымъ нутромъ. Выхвативъ узелъ съ деньгами, Архипычъ вскочилъ на ноги и нѣсколько времени комкалъ въ рукахъ платокъ, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ слабору шурпанію бумажекъ.

— Вотъ онъ... свои собственныя! шепталъ онъ.— Совсѣмъ отвыкъ... Точно ужъ и не мои. Дрожь беретъ... ровно укралъ что... Вѣдьма, шутъ те подери... Развернуть? Нѣтъ, что-жь... Вѣдь я видѣлъ, какъ она считала. Все равно. Тамъ...

Онъ положилъ было узелъ на столъ, но тотчасъ же схватилъ его и перенесъ на примость. Наскоро одѣвался, онъ размышлялъ:

— Этакъ-то лучше. А то я вижу, этому конца-краю не будетъ. По крайности къ одному концу. Свои люди... Хоть свѣтъ увижу, нежели какъ чорту лысому... А тамъ читай, вѣдьма, что хочешь: мнѣ все едино. Небось, и самой слюбится... Блажь-то пройдетъ. Нужно спрятать. Куда бы это ихъ? Да на что лучше— за голенищу. Эво—какія широкія... Вотъ этакъ вѣдь... Ну, теперь тово... Пора. Сундукъ-то открыть... Ну, да все едино. Послѣ...

Отомкнувъ всевозможные запоры, Архипычъ соскочилъ съ камня крыльца, взволнованный и красный. Но въ тотъ же моментъ къ тому камню приблизилась запыхавшаяся Клімиха. Супруги встрѣтились носъ съ носомъ.

— Ты куда? прошептала Клімиха.

— Я... я такъ. А ты развѣ... тово? пробормоталъ пораженный и растерявшийся Архипычъ.

— Чтò это у тебя въ самогѣ?

— Гдѣ? Это... это ничего. Это рогъ.

— Какой такой рогъ?

— Съ табакомъ, сплелъ Архипычъ, никогда не нюхавшій табакъ.

— Это что за новости? Что ты городишь? Ну-ка, ну-ка, постой...

Архипычъ хотѣлъ-было бѣжать, но уже было поздно. Усмотрѣвъ торчащій изъ-за его голенища кончикъ завѣтнаго платка, Клімиха съ визгомъ бросилась на татя, какъ голодный звѣрь, и обвилась около его ногъ. Завязалась борьба. Архипычъ ожесточенно ругался, рвался и дрыгалъ ногами, но казна была спасена! Вырвавъ у врага добычу, Клімиха крѣпко стиснула ее, повалилась на камень и завyla, а уничтоженный и взбѣшенный Архипычъ заоралъ во все горло:

— Чтòбъ тебя чортъ побралъ! Чтòбъ тебѣ околѣтъ! Дьяволъ! дьяволъ! дьяволъ! Подавись! подавись! Не хочу съ тобой жить! Издыхай одна! Уйду, ва вѣки вѣковъ уйду! И не сыщешь! Пропадай ты, вѣдьма проклятая!

Изливъ свое зло въ ругательствахъ, Архипычъ рѣшительно зашагалъ по улицѣ. Ноги его по временамъ все еще дрыгали, рефлексивно продолжая оконченную борьбу. Между тѣмъ, Клімиха все выла и выла, не обращая вниманія ни на ругательства, ни на угрозы супруга. Видно, что она сильно была потрясена и поражена въ самую глубь сердца.

Когда она, оправившись, вошла, наконецъ, въ избу, то искусственный мракъ избы и выдвинутый изъ-подъ лавки сундуекъ съ откинутой крышккой, снова разбередили ея душевную рану. Грудь старухи заволновалась; рыданія душили горло. Пошатываясь и всхлипывая, подошла она къ оскверненной святыни своей.

— Песъ ты, песъ! разбойникъ, разбойникъ! тихо причитала она, поднимая съ полу замокъ.—Гвоздемъ... Ну, не супостатъ ли? Вотъ онъ... съ горечью прошептала она, доставъ изъ-подъ подушки ключъ. — Изъ-за чего спѣшила? Тревожилась, что позабыла, а онъ, извергъ, и безъ ключа обошелся, и искать не сталъ: прямо за гвоздь! Ну, не измывательство ли это? Ахъ, мучитель, мучитель! И какъ это Господь спасъ... Еще бы минуточку—и поминай какъ звали: все пустилъ бы на вѣтеръ, оставилъ бы голышомъ ходить... Слава тебѣ Господи! заключила она, любовно прижимая къ груди узелъ съ деньгами.

Клімиха обревизовала казнохранилище и, убѣдившись въ неприкосновенности бумажныхъ и серебряныхъ рублей, полтинниковъ и т. п., вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ. Удачно совершивъ операцію надъ изуродованнымъ замкомъ, она заперла сундуекъ, сняла съ окна ненавистную доску и, съ завѣтнымъ узломъ въ рукахъ, усѣлась на лавку. Недавнія волненія и нервное напряженіе старухи смѣнились теперь состояніемъ расслабленія и дремоты. Чуть-чуть потрогивая пальцами узелъ, она шептала:

— Нѣтъ, не убережешь... Куда вотъ ихъ теперь? Не нынче, завтра — опять тоже самое. Ему, псу, теперь все равно: на то пошелъ. Разъ вернула, а въ другой и не воротишь. Взбѣсился, старый... За этакія дѣла принялся! Чистый грабитель! Какъ есть грабитель!

При словѣ «грабитель», пальцы правой руки Клімихи сложились для изображенія крестнаго знаменія. Черезъ минуту лысая, дурковатая образина супруга-«лодаря» представилась ей какимъ-то пугаломъ, наводящимъ трепеть. Ей начало мерещиться, что инвалидный штопальщикъ рваной обуви присталъ уже къ шайкѣ разбойниковъ и въ сообществѣ новыхъ друзей ломился къ ней въ избушку, чтобъ совершить смертоубійство и завладѣть ея капиталомъ.

— Охъ, душегубецъ! воскликнула старуха, встрепенувшись и широко раскрывъ глаза.—Господи Иисусе... Что это такое? Неужели я заснула? Охъ, до чего я дожила, Боже мой!.. Нѣтъ, теперь ужъ нечего откладывать. Кабы знато-вѣдомо, такъ я бы еще вчера...А те смолчала. Мнѣ бы еще тогда же... Благо, подоходило встати. Сейчасъ бы ему: что жъ, возьми, молъ, Зотычъ, у меня, молъ, есть... Вѣдь *второе!* Что жъ тутъ?.. Нѣтъ, вотъ поди жъ ты, промолчала... на свою голову. Вотъ теперь бы его повидать. А гдѣ увидишь? Хорошо, какъ встрѣтится по вчерашнему! Можетъ, и встрѣтится, кто его знаетъ? А другое дѣло—можно и въ домъ къ нему сходить: не дождо далеко. Податься больше некуда, беречь больше нельзя. Тутъ по крайности барышъ: наростъ наростеть... *второе!* Ну, а какъ же *эти-то?* Вѣдь ихъ тоже нельзя оставить. Опять песь взломаеть... Эка грѣхи тяжкіе, Господи!

Подумавъ немного, Клѣмиха достала изъ сундука остальные деньги, завернула бумажки въ одну тряпицу, серебро въ другую и все это вмѣстѣ завязала въ отдѣльный платокъ.

— Возьму и эти съ собой, рѣшила старуха, взвѣсивая на ладони новый свертокъ.—Пойду... Пусть изба пустая стоитъ. Караулить нечего. Не страшно. Пуцай лисый разлетится: не много возьметъ.

Черезъ нѣсколько времени, Клѣмиха уже направлялась къ лѣсу, придерживая запрятанную за пазуху казну и поминутно озираясь во всѣ стороны.

Въ тотъ же день, Зотычъ, кончивъ утренній чай, долго раскачивалъ молча по своимъ хоромамъ и на всѣ манеры потиралъ ладони. Наконецъ, онъ приказалъ запретъ лошадь и, по-свистывая, сталъ глядѣть въ окно, какъ ее запрягали. Раза два онъ улыбнулся широкою, счастливою улыбкою, подмигнулъ и оживленно поточилъ ладони передъ самымъ ухомъ. Вскорѣ подали лошадь и онъ поѣхалъ. Выбравшись на лѣсную дорогу, онъ сталъ разѣзжать по ней шагомъ взадъ и впередъ, ни разу не доѣзжая до открытаго поля. Долго Зотычъ прогуливался такимъ образомъ. Наконецъ ему стало нѣсколько неловко.

— Еще пожалуй замѣтятъ, думалъ онъ.—Скажутъ: что это онъ ѣздитъ по одному мѣсту? И пойдутъ разводить разныя разности! Эка досада, право! Видно придется на домъ съѣздить. Но тутъ опять... не совсѣмъ. Очень наглазно. Ипать какъ разъ разнохаеть. Обижень... не вѣсть что натворить можетъ... Эка, старая, не попадается! Вчера—какъ разъ набрела! Придуманно, кажется, ничего. Довѣряеть; это видно, что довѣряеть! Если теперь еще вотъ это... такъ дѣло навѣрное будетъ въ шляпѣ.

(Подъ словомъ *это* Зотычъ разумѣлъ новый остроумный подходъ, придуманный имъ въ то же утро послѣ чаю и чрезвычайно восхитившій его).

Зотычъ чуть не въ двадцатый разъ двигался по направлѣнію къ своимъ хоромамъ, то-и-дѣло поворачивалъ голову назадъ и пристально всматривался въ узкую перспективу лѣсной просѣки. Но вотъ вдали замелькала какая-то человѣческая фигура. То былъ желанный звѣрь, бѣгушій на хитраго и счастливаго ловца. Зотычъ самодовольно крякнулъ и быстро оборотилъ коня. Климьиха, задыхаясь и спотыкаясь, суетливо перебѣгала съ одной стороны дороги на другую. Зотычъ пустил коня рысдой и, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ встрѣчнаго, зѣвалъ по верхушкамъ деревьевъ. Ближе, ближе...

— А, бабушка! воскликнулъ Зотычъ, остановившись.—Опять Богъ привелъ! Что же это ты нынче безъ плетушки?

Старуха, прихвативъ грудь обѣими руками, тяжело переводила духъ и молча посматривала на богача.

— Чтò ты, моль, безъ плетушки? переспросилъ Зотычъ.

— Я, батюшка, теперь по другому, не за грибами ужъ, объяснила Климьиха, приблизившись къ тарантасу.

— По другому? Та-аъ... Дай Богъ. Что же ты хочешь собирать?

— Да я не собирать...

— А что же?.. Эка встрѣтились-то мы не въ-время, а то бы я тебя опять подвезъ.

— Ну-у... протянула Климьиха.—А ты вотъ что...

— Что?

Старуха оглянулась и спросила:

— Раздобылся?

— Что такое?

— А ты говорилъ на счетъ денегъ-то.

— О, да... Я и забылъ... Нѣтъ, покамѣстъ не досталъ. Да я не сомнѣваюсь. Теперь ужъ я успокоился. Кто жъ таки можетъ отказать? Двойная нажива... Всякій радъ будетъ попользоваться. На боку лежатъ получить этия деньги! Эхъ, бабушка милая, вѣдь это только дурагъ не пойметъ. Одно: не хотѣлось бы зря пользу приносить; хочется наградить какого-нибудь хорошаго человѣка...

— Послушай-ка... тихо начала Климьиха, суетливо взявъ въ пазухъ.

— Ну? произнесъ Зотычъ, наклонившись къ собесѣдницѣ.

— Я вотъ тебѣ, пожалуй... (Старуха вынула узелъ.) Охъ, нѣтъ, не тотъ. (Она вынула другой свертокъ). Я вотъ тебѣ, пожалуй... На-ка вотъ...

— Что это? съ притворнымъ недоумѣніемъ спросилъ Зотычъ, принимая узелъ.

— А тутъ я собрала... которыя были, съ нервною дрожью проговорила Климиха, утирая со лба потъ.

— Деньги что ль? Неужли деньги?

— Деньги. Можетъ тебѣ, по теперешнимъ дѣламъ, пригодятся?

— О, милая моя, да развѣ твои деньги мнѣ помогутъ? нѣзначаль Зотычъ, комкая свертокъ.—Вѣдь мнѣ много нужно-то.

— Да и тутъ не мало.

— А сколько?

— Да почитай столько, какъ ты говорилъ.

— Не можетъ быть?!

— Сочти... Я считала—вѣрно!

— Да откуда жъ ты взяла столько? спросилъ Зотычъ, пряча деньги.

— Ну, бабушка, это... это дѣло божье.

— Ахъ ты, благодѣтельница моя! вселиленуль Зотычъ и, спрыгнувъ съ гарантаса, расцѣловаль старуху.—Какая ты добрая! А? Вотъ добрая-то! выхваляль онъ, потирая ладони.

— Ну-у... Тамъ... за что почтешь... А ты только не обидь.

— Господи помилуй, кому ты говоришь! Если ужъ другимъ обѣщаль вдвое, такъ тебѣ ужъ вѣрно втрое. Вѣдь не забуду! Гм... «Не обидь»... Да тогда меня вотъ подъ самымъ этимъ дровомъ... вотъ это самое мѣсто... первый громъ разразить.

— Чтò ты... Зачѣмъ это? Живи себѣ на здоровье... А вотъ грамотку ты ужъ мнѣ выдай.

— Какую грамотку? спросилъ Зотычъ, снова садясь въ экипажъ.

— А вотъ... обыкновенно... расписочку, что получилъ отъ меня сполна...

Зотычъ сдѣлаль удивленную мину и рѣзко проговорилъ:

— Послушай, бабушка: если ты мнѣ вѣришь, такъ вѣрь; а не вѣришь, такъ лучше... Богъ съ тобой и съ деньгами! Возьми ихъ назадъ. Пусть лучше другой отъ меня наживется.

— Нѣтъ, я не въ тому... я такъ... какъ водится... А ежели на вѣрность, такъ мнѣ все равно. Я и безъ грамотки...

— То-то и есть. Нельзя же такъ. Нужно знать, съ кѣмъ дѣлимъ. Вѣдь я не Ипатъ: мнѣ всякій съ удовольствіемъ. Какія-нибудь двѣ недѣли... много, если мѣсяць... ты вонъ сколько получишь! Такъ-то, бабушка милая. А то тамъ... Эхъ ты!... Ну, прощай, родимая, спасибо тебѣ.

— Охъ, прощай, касатикъ... Только ты ужъ пожалуйста!

— Что?

— Да деньжонки-то... Что-бъ ужь вѣрно было.

— Ты опять свое! Ахъ, ты какая-а!

— Ну-ну, Богъ съ тобой...

— То-то и есть. Ну, до пріятнаго свиданія.

Зотычъ стегнулъ коня и покотилъ. Скрывшись изъ глазъ старухи, онъ снова придержалъ вороного, оглянулся... и восторженно захохоталъ.

— Вотъ это такъ штука! ликовалъ онъ, пощупывая карманъ.— Это я вамъ скажу!.. Молодецъ Трофимъ Зотовъ! Даже и безъ *этого* обошлось... Фу ты, какъ ловко! Вотъ такъ ловко! Ипатка-то, Ипатка-то! О, рыло этакое, туда же лѣзетъ! Хе-хе-хе-хе... Здорово!

Клѣммиха долго стояла на одномъ мѣстѣ и изъ подъ ладони смотрѣла въ ту сторону, куда укатилъ должникъ ея. Наконецъ, она глубоко вздохнула, перекрестилась и заплакала. Были ли то слезы радости въ виду близко ожидаемой наживы, или слезы сожалѣнія и раскаянія, или то и другое вмѣстѣ, она и сама не знала. Только во всю дорогу она почти слѣда подъ собой не видѣла и ежеминутно протираала глаза.

— Ворона ты и больше ничего! обличалъ Архипыча Ипать, продолжая давно начатую бесѣду.

Архипычъ сидѣлъ на скамьѣ возлѣ стола и, скорчивъ самую вислоу фізіономію, угрюмо молчалъ.

— Какъ есть ворона! Больше и имени тебѣ нѣтъ, допекалъ Ипать.— Ну, кто повѣритъ, что ты солдатъ?.. Вчужь досадно! Ну, что ты теперъ будешь дѣлать—ну?

Архипычъ молча пожалъ плечами. Ипать нѣсколько минутъ постоялъ передъ нимъ тоже молча, посмотрѣлъ сверху внизъ на его голый черепъ и наконецъ, ткнувъ пальцемъ ему въ макушку, заговорилъ:

— По моему, тебѣ остается одно: коли что на что пойдетъ, коли она подсунетъ ему эти самыя деньги, ты сейчасъ на нее въ судъ: такъ и такъ, молъ, господа судьи, свои собственныя деньги пропали черезъ жену и безъ всякаго спроса; прикажите отдать.

— Какъ же это въ судъ? на жену-то? возразилъ удивленный Архипычъ.

— Эва! Нынче, братъ, на кого хошь подавай. Всѣмъ вольно. И тебѣ дремать нечего. Прямо по горячему слѣду...

— Въ волостное?

— Зачѣмъ? Въ самый настоящій судъ. Подавай и шабашъ

Всѣ до копеечки велеть отдать и сдѣлають тебя настоящимъ хозяиномъ по закону... Этакъ не похвалятъ, чтобы всякая баба... да еще старуха... Ни на что не зриай, прямо дѣйствуй. Въ случаѣ чего—я въ свидѣтели пойду. Мы ее, старую, сожжемъ!..

При послѣднихъ словахъ Ипать поднялъ кулакъ. Архипычъ тряхнулъ головою, улыбнулся и, поднявшись съ мѣста, обратился къ хозяину:

— За мною, Ипать Семенычъ, не задолжится: я какъ разъ подамъ... особливо, если ты поддержишь.

— Да ужъ сказалъ... Прямо въ свидѣтели пойду, обнадежилъ Ипать.

— Только какъ бы это... тово... для смѣлости, проговорилъ Архипычъ, почесывая затылокъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, не дамъ. Это баловство. Нужно дѣло дѣлать. Обдѣлаемъ дѣло, тогда можно, тогда сколько хошь. А теперь ступай домой, рѣшилъ Ипать.

— Мнѣ бы такъ... самую малость. Измучился здорово, приставаля Архипычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ Богомъ! Домой! Нужно ухо востро... Нельзя. Ступай. Послѣ. Не уйдетъ, убѣждалъ хозяинъ, выпроваживая гостя.

IX.

Прежде чѣмъ прійти домой, старикъ долго бродилъ по загуменью, избѣгая всякихъ встрѣчъ. Эта прогулка объяснялась частью тѣмъ, что, направляясь домой, онъ вспомнилъ недавнюю угрозу старухѣ скрыться отъ нея на вѣи, частью желаніемъ кое-что сообразить на просторѣ о предстоящемъ судѣ. Пробродивши около часу, Архипычъ переступилъ порогъ своей избушки все-таки съ довольно смутной программой дѣятельности.

Старуха была уже дома. Она сидѣла въ темномъ углу, поджавъ руки и тихо покачиваясь. Архипычъ сперва не замѣтилъ ея и, раздѣваясь, громко произнесъ:

— Погоди, старая, я тебѣ покажу... Да... Я тебѣ покажу!

Клѣмиха кашлянула. Архипычъ вздрогнулъ и безсознательно отозвался тоже кашлемъ. Онъ торопливо усѣлся на примость и потушился. Съ минуту длилась въ избушкѣ такая тишина, что можно было слышать даже дыханіе стариковъ.

— Чтò, подсунула? спросилъ наконецъ Архипычъ съ нѣкоторымъ ехидствомъ.

Клѣмиха промолчала.

— Наградила встрѣчнаго-поперечнаго? продолжалъ воинъ.

— А хоть бы и наградила... Тебѣ какое дѣло? спокойно отозвалась Клімиха.

— Какъ какое дѣло? вскрикнулъ Архипычъ, сильно брызнувъ слюнями.—Вѣдь *онъ* мой? Съ чѣмъ же я теперь останусь? Изъ за чего же я жить? Зачѣмъ я *ихъ* добывалъ?.. Врагъ меня дернулъ жениться на тебѣ... Пошелъ бы *холостымъ въ солдата*, постарался бы получше, вышелъ бы въ офицеры, подхватилъ бы кралю... Небось бы...

— О, дуракъ, о, дуракъ старый! Спохватился! Умирать пора, а онъ о краляхъ... Ополоумѣлъ совсѣмъ! упрекала старуха.

— А ты, вѣрно, и впрямь умираешь, коли деньги спровадила? Не нужны, выходить?..

— Это дѣло Божье.

— Нѣтъ, не Божье. А ты вотъ собирайся-ка въ судъ.

— Что-о? удивленно спросила Клімиха.

— Я говорю: въ судъ собирайся. Завтра подамъ на тебя просьбу: не крадь мои деньги! Такъ-то... Завтра же подамъ. У меня свидѣтели есть. Вотъ тебѣ крылья-то подшибуть. Накланяешься мнѣ. Будешь изъ моихъ рукъ смотрѣть.

Всю эту реплику Архипычъ проговорилъ читкомъ и сильно заплетаясь въ словахъ. Старуха нѣсколько секундъ пристально всматривалась въ него, стараясь опредѣлить, пьянъ онъ или нѣтъ, и къ величайшему удивленію убѣдилась, что не пьянъ. Она почувствовала себя нѣсколько неловко и, немного подумавъ, начала:

— Дура гологоловая, когда ты у меня будешь уменъ? Вѣдь ты совсѣмъ взбѣсился. Подумай, что ты такое говоришь? Вѣдь это кому пристойно? либо ребенку малому, несмысленному, либо врагу заклятому и самому послѣдному разбойнику. Какой ты мужъ? Какой ты хозяинъ? Какой ты христіанинъ, при старости лѣтъ? Куда ты смотришь? Кому подражаешь? Кто тебѣ ближе? А? Ты подумай! Что я тебѣ сдѣлала, овромя того, что, со всякими твоими ругательствами и злодѣйствами, твое добро тебѣ же сберегла...

— Сберегла!.. а гдѣ же оно? Вѣдь сама же говоришь, что отдала, возразилъ Архипычъ.

— Да вѣдь это все нужно понять, неразумный ты этакой! Нужно разсудить съ толкомъ, по человѣчеству, а не зря. Я не меньше тебя живу на свѣтѣ; есть же и у меня какой-нибудь разумъ. А у тебя его нѣтъ. Кабы ты былъ мужъ настоящій, нешто я съ тобой не посовѣтовалась бы? А какъ мнѣ съ тобой совѣтоваться, когда ты, какъ разбойникъ, ломаешь замки и несешь невѣсть кому свою плоть-кровь, и къ тому же чуть не

убилъ меня каблуками? Подумай-ка. Что-жъ мнѣ остается дѣлать? А тутъ на счастье Господь послалъ человѣка... Ты бы никогда такъ не съумѣлъ. Нужно Бога благодарить. Для тебя же стараюсь!

— Отдать-то и безъ старанія можно. Всякій возьметъ, замѣтилъ Архипычъ.

— Нѣтъ, не всякій. Всякій-то тебя ограбить, а этотъ... слава тебѣ Господи! Ужъ такая-то милость Божія! Ты вотъ все не подумавши болтаешь, а ты бы лучше спросилъ: какъ, молъ, это ты сдѣлала?

— Ну, какъ же это ты сдѣлала? повиновался супругъ.

Старуха перевела духъ. Произошла небольшая пауза.

— А? какъ же это ты сдѣлала-то? нетерпѣливо переспросилъ Архипычъ, уже безъ всякой воинственности.

Старуха протерла губы и подробно, съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ разсказала о сдѣлѣхъ и ея выгоднѣйшихъ условіяхъ.

— Вѣдь вдвое! А можетъ, и втрое... закончила она, поднявъ кривою согнутой указательный палець. — Ты думалъ ли объ этомъ? А?

Архипычъ облизывался, улыбался и ѣрзалъ на мѣстѣ.

— То-то и есть, продолжала Клімиха, не дождавшись отвѣта.—Ты все думаешь, что я тебѣ врагъ, аяъ вотъ видишь... Вѣдь твой же капиталъ-то будетъ. Веди теперь меня въ судъ.

— Ну, а ты ужъ и въ правду... Какой тутъ судъ? Мало ли что! залезбилъ Архипычъ, соскочивъ съ примоста.

— Да какъ же? Самъ вѣдь сказалъ, съ мягкимъ упрекомъ замѣтила старуха.

— Будетъ, что тамъ! перебилъ супругъ, отмахиваясь рукой.

— Ахъ, старикъ, старикъ! и какъ только тебѣ не стыдно?

— Да ну, эо вѣдь...

— Выдумалъ судбище съ женой, на старости лѣтъ!

— Перестанъ же, сдѣлай милость. Ну, было, да прошло, чего тамъ? изъяснялся воинъ, стоя передъ старухой въ смиренной позѣ и потирая руки.

— Этакого совѣтчика нашолъ! Ипатеу промѣнялъ на жену! не унималась Клімиха.

— Э, Господи... ну, прости... ну! Ну, не буду, напимѣръ, ну! Что я, въ самомъ дѣлѣ, дуракъ что-ль? Нашло затменіе и прошло... Ну! И къ Ипаткѣ теперь ни ногой, вотъ посмотри. Ему лишь бы ограбить, напимѣръ—развѣ я не вижу. Онъ за стаканъ вина удавиться готовъ, нежели, напимѣръ, безъ денегъ... Пропастъ его возьми совсѣмъ! Будемъ по Божью! Развѣ мы нуждаемся? Только не вспоминай мнѣ это самое...

— Ну, дай Богъ.

— Да ужь... Молебень отслужу!

— Такъ-то лучше. Давно бы такъ-то!.. И въ избушкѣ престарѣлыхъ супруговъ поселился ангелъ мира, дотогѣ невѣдомый несъютимой четѣ.

— Старуха, а чтѣ ежели онъ меня въ конторщики произведетъ? спросилъ Архипычъ послѣ ужина, уже лежа на постели.

Клѣмиха не отозвалась, ибо, послѣ сильныхъ ощущеній знаменательнаго дня, заснула на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго.

— Вотъ бы, ежели бы... мечталъ Архипычъ уже самъ съ собою, но въ слухъ. — Или бы прикащикомъ, или тамъ какимъ-нибудь надсмотрщикомъ. Вѣдь ему только захотѣтъ, а то и въ помощники возьметъ. Будемъ разъѣзжать по разнымъ дѣламъ. Кто ни посмотритъ, мы все вмѣстѣ. Ишь, скажутъ, Архипычъ-то! А вѣдь былъ простой солдатъ, сапоги чинилъ. Какъ же, стану я вамъ теперь чинить! Нашли дурака! Старуха-то моя... вотъ такъ старуха! А я-то, напримѣръ... И правда, что взбѣсился. Ну, теперь ужь заживемъ! Поди-ка, Ипатка, достань меня теперь! Вѣдь этакому мужлану, напримѣръ, клянялся: Ипатъ Семенычъ, Ипатъ Семенычъ!.. Тьфу!

Х.

Прошелъ мѣсяцъ. Во все это время Клѣмиха ни разу не видала Зотыча, ни въ деревнѣ, ни въ лѣсу, въ который она теперь путешествовала уже исключительно съ цѣлью свиданья съ интереснымъ должникомъ. Не разъ сиживала она близъ лѣсной дороги, нетерпѣливо ожидая его проѣзда, но проѣзда не послѣдовало. По расчету Клѣмихи, основанному на общаніяхъ Зотыча, «пора бы ужь и тово»... (Подъ словомъ *тово* старуха разумѣла получение возжелѣнныхъ результатовъ сдѣлки). Ожиданіе и нетерпѣніе ея съ каждымъ днемъ возрастали и, достигнувъ высшей степени напряженія, наконецъ, восприняли въ себя довольно ощутительную горечь сомнѣнія. Что касается Архипыча, то онъ остался неизмѣнно ликующимъ. Со времени примиренія съ супругой, онъ порвалъ всякія связи со всѣмъ, чтѣ находилось внѣ родной избушки. Назойливыя мечтанія, одни другихъ колоссальнѣе, одни другихъ причудливѣе, постоянно переливались въ его душѣ волнами и непрерывно держали его въ состояніи восторга и умиленія. Даже тогда, когда на чело старухи, временно проясненное, начали снова набѣгать мрачныя облака, Архипычъ съ наивно-сладостной улыбкой продолжалъ докучать ей дѣтскими вопросами.

— Старуха, а что ежели онъ теперь вотъ справился, а опосля ему опять понадобятся... и опять вдвое, либо втрое? А? Сколько-жь это у насъ будетъ тогда? А? допрашивалъ мечтатель, семени около супруги.

— А ты погоди, не лотоши. Зачѣмъ впередъ забѣгать? Что Господь дастъ, то и будетъ. Молчи побольше, Господь скорѣй поможетъ! внушала Климиха, между тѣмъ, какъ два-три дня назадъ вполне терпимо относилась къ болтовнѣ супруга, даже поощряла его. Наступилъ какой-то праздникъ. Старуха чувствовала такое «разслабленіе во всѣхъ своихъ членахъ», что не могла даже идти къ обѣднѣ. Когда Архипычъ собрался въ церковь, то былъ крайне удивленъ щедростью Климихи, которая вручила ему на свѣчку цѣлый гривенникъ. Въ головѣ его мельнула-было искусительная мысль уэкономить пятачекъ на подкрѣпленіе послѣмолитвенныхъ подвиговъ, но онъ немедленно же осудилъ себя за этотъ помыселъ и рѣшился принести жертву полностью, тѣмъ болѣе, что показываться къ Ипату, единственному «винооторговцу» въ селѣ, онъ считалъ теперь неудобнымъ.

— Богъ милости прислалъ! благодушно произнесъ Архипычъ, вернувшись изъ церкви и подходя къ лежащей старухѣ.

— О-охъ, Господи! простонала Климиха вмѣсто отвѣта.

— Хотѣлъ-было просвиру выпнуть, продолжалъ супругъ:—денегъ хватило бы, да ты велѣла на свѣчку, думаю пусть ужъ на свѣчку. Большущую дали! Народъ косится. Думаю: ладно, возьми да поставь такую же, коли есть усердіе. Не запрещается.

— Зотычъ не былъ у обѣдни? полюбопытствовала старуха.

— Не видалъ, отвѣчала Архипычъ.—Ипата видѣлъ издали. Стоитъ себѣ. А я будто не вижу. Ну, теперь бы тово, пообѣдать бы маленько.

Старуха молча накормила старика, но сама ничего не ѣла.

— Ты бы къ Зотычу-то сходилъ, предложила старуха, убравъ со стола.—Я бы сама, да ужъ очень моей мочи нѣтъ.

— Да что-жь я тамъ? Я не знаю... заколебался старикъ.

— Какъ что? Надо же узнать. Пора. Хоть между словами этакъ распросить: что, молъ, какъ? Купилъ ли и какъ дѣла? Ежели не купилъ, такъ долженъ назадъ отдать.

— Пожалуй, схожу, да только... Вѣдь ты давала, а не я, ты получить должна. Пожалуй, еще потеряю дорогой.

— Я не за получкой тебя посылаю, а такъ развѣдать, чтобъ знать. А тамъ я сама. Сходи-ка, сходи. Дѣло великое. Тутъ день дорогъ.

Архипычъ пошелъ.

Хоромы Зотыча стояли на возвышенной полянѣ въ лѣсу. Прямо противъ нихъ, черезъ довольно большую площадь, тянулся рядъ различныхъ службъ. Направо отъ хоромъ виднѣлось начало дороги, уходящей въ глубь лѣса. При самомъ выѣздѣ, подъ сѣлономъ поляны, устроены были драгненькій мостикъ, по обѣимъ сторонамъ котораго зеленѣло тинистое полотно болота, окаймленное осокой. Въ видѣ продолженія мостика тянулся слой хвороста, толстые концы котораго беспорядочно торчали по обѣ стороны дороги.

Зотычъ праздновалъ именины своей супруги (пухлой бабы, драпировавшейся въ потребныхъ случаяхъ, въ шелки, атласы, лисицы и куницы). Къ нему собралось уже нѣсколько гостей изъ мѣстной знати: волостной старшина, мельникъ, фабрикантъ, помощникъ какого-то управляющаго, живущаго въ Петербургѣ и т. п. На случай прибытія новыхъ гостей, поставленъ былъ возлѣ мостика караульный, долженствовавшій защищать пѣшихъ и конныхъ отъ разнаго типа собакъ, которыя во множествѣ разгуливали по двору. Хозяинъ и гости успѣли уже подерѣпиться. Мужчины, ощутивъ въ себѣ подъемъ температуры, выбрались на дворъ, и предались невинной забавѣ. Оттуда-то появился огромный, разноцвѣтный мячъ. Кто-то подбросилъ его на крышу хоромъ; мячъ гулко загремѣлъ по желѣзу и черезъ нѣсколько секундъ ловко былъ подхваченъ чьими-то пригоршнями. Это чрезвычайно всѣмъ понравилось, и «знать» пришла въ движеніе. То и дѣло мячъ взвивался вверхъ, то и дѣло простирались къ нему на встрѣчу руки или поднятыя полы длинныхъ сюртуковъ. Взрослыя дѣти распалились во всю ивановскую. Другъ друга пихаютъ, сбиваютъ одинъ съ другого шапки, дуютъ другъ друга увѣсистымъ мячемъ по чему ни понало, прыгаютъ, кривляются. Хохотъ и визгъ оглашаютъ поляну и легкимъ эхомъ отдаются въ лѣсу. Весело. Между тѣмъ, изъ открытыхъ оконъ дома вылетаютъ орѣховыя скорлупки, бумажки съ конфетъ и другія свидѣтельства того, что женская половина тоже не безъ забавы.

Раздался лай собакъ. Представители «знать» стихли и устремили взоры къ мостикъ.

— Цыцъ! смирно! на мѣсто! кричалъ сторожъ, махая руками на собакъ.

Собаки смолкли. У мостика мелькнула высокая и пухлая фуражка Архипыча.

Зотычъ нахмурился, но этого никто не замѣтилъ, потому что гости, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, послѣ минутной бездѣятельности, принялись за прерванную работу съ удвоеннымъ

воодушевленіемъ. Когда Архиписчъ сталъ приближаться къ играющимъ, Зотычъ обернулся къ нему спиной и, какъ будто не замѣчая его, выкрикнулъ кому-то несладкую остроту. Архиписчъ, снявъ шапку, съ минуту постоялъ за спиною Зотыча и, наконецъ, осмѣлился зайти къ нему спереди.

— Здравія желаю, Трофимъ Зотычъ! съ праздникомъ! отчека-
ниль воинъ, силясь посолиднѣй вытянуться.

— А, это ты... спасибо! пробормоталъ Зотычъ. — Поди, тамъ тебѣ поднесутъ.

— Благодарствую, Трофимъ Зотычъ. Я не за тѣмъ.

— А что же тебѣ?

— Я пришелъ-было... Старуха велѣла... началъ солдатъ почти шопотомъ, пододвигаясь къ самому носу собесѣдника.

— Ой! Ахъ ты, чортъ тебя возьми!.. Ха-ха-ха-ха! шумѣла, между тѣмъ «знать», заглушая Архиписча.

— Не слышу! сказалъ Зотычъ, наморщась и наклоняя ухо къ солдату.

— Старуха велѣла, напримѣръ, спросить, скоро ли будетъ... изъяснилъ Архиписчъ.

— Что будетъ?

— А какъ же... *эти*-то, которыя она тебѣ дала-то?

— Чего дала? съ сердцемъ спросилъ богачъ, все болѣе и болѣе хмурясь.

— А какъ же? А лѣсъ-то ты хотѣлъ покупать, у генерала-то? Небось ужъ купилъ? Такъ вотъ она говорить: теперь ужъ пора и получить.

— Что ты городишь?

— Какъ городишь? Я говорю... извѣстно... ты самъ знаешь. Самъ же обѣщала. Что ты это? Ай забылъ? Прямо сказать: деньги тебѣ старуха дала, такъ вотъ ежели ты ужъ управился, такъ когда можно получить? Затѣмъ и послала.

— Во имя Отца... во имя Отца! удивленно произнесъ богачъ, пародируя рукой благословеніе священника. — Ты угорѣлъ, я вижу!

— Затѣмъ угорѣлъ? Ни чуть. Нѣтъ, Трофимъ Зотычъ, кромѣ шутокъ, управился что-ль, аль еще нѣтъ? Я такъ и скажу ей. А то она тревожится.

— Ты либо пьянъ, либо съума сошелъ. Ничего я не бралъ, отрѣзалъ Зотычъ и отвернулся.

Архиписчъ съ минуту стоялъ ошеломленный, утирая со лба холодный потъ.

— Накаливай его! наяривай! Такъ-такъ-такъ! Здорово! Ха-

ха-ха-ха!.. неистовствовала толпа играющихъ, въ которую успѣлъ уже вмѣшаться Зотычъ въ качествѣ самаго дѣятельнаго члена.

Взрывъ хохота веселыхъ людей точно отъ сна пробудилъ Архипыча. Ему почему-то показалось, что это надъ нимъ хохочутъ. Закипѣло солдатское ретивое. Онъ ухарски надѣлъ фуражку, подбоченился и закричалъ:

— Нѣтъ, брать... вотъ что! Подай деньги! Вотъ что! Мошенникъ ты, напимѣръ! Вотъ что!

Играющіе образовали тѣсную группу и молча устремили любопытствующіе взоры на воина, который продолжалъ стоять поодаль въ угрожающей позѣ.

— Прочь отсюда! скомандовалъ Зотычъ.

Архипычъ презрительно потрясъ головой.

— Да что ему нужно? спросилъ кто-то изъ гостей.

— Помилуйте! воскликнулъ Зотычъ:—дай, говорить, сто рублей, иначе, говорить, убью. Этакую традицію подпускаетъ!

— А-а-а! изумилась «знать».

— Нѣтъ, не сто! Вотъ что! Не сотней пахнетъ! Вотъ что! кричалъ Архипычъ, топая ногой.—Подай деньги! Подай, мошенникъ ты этакій!

— Прочь! съ глазъ долой! гнѣвно загремѣлъ Зотычъ, выступая изъ группы.

— Не пойду, напимѣръ! Вотъ что! упорствовалъ воинъ.

— Эй, Левонъ, въ шею его отсюда! обратился кредиторъ къ караульному.

Левонъ со всѣхъ ногъ бросился къ непріятелю.

— Не пойду! Пусть становой... вотъ что! Безъ станowego не пойду! горячился воинъ, топоча ногами и размахивая руками.— Ты у меня вспомнишь! Разстрѣляю прокля...

Но герою не дали договорить и двухъ словъ. Левонъ энергично сгрѣбъ его за шиворотъ и, какъ барана, потащилъ къ мостику.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ!.. Такъ его! такъ! галдѣли гости, съ наслажденіемъ слѣдя за дѣйствіями Левона, который одной рукой тащилъ жертву, а другой угощалъ ее напутственными тычками.

— Брось его теперь, брось! кричалъ хозяинъ, когда Архипычъ былъ уже приволоченъ къ мосту.— Волчокъ! Зубарь! Жолтый! фтью! взы-взы-взы! Катай-катай-катай! фью-ю-ю-фюить!

И разношерстная стая мощныхъ псовъ бросилась на Архипыча. Старикъ боязливо оглянулся и побѣжалъ. — Стая рвала его помы и грызла икры. Онъ запутался въ хворостѣ, упалъ и

*

неистово закричалъ. Собаки брызнули въ разныя стороны и одна за другой побѣжали назадъ.

— О-го-го-го! гоготала «знать».

— Социлисть паршивый! выдѣлился голосъ Зотыча.

— Разбойники, напимѣрь! оппонировалъ Архипычъ, но уже такимъ голосомъ, звуки котораго никакъ не могли долетѣть по адресу.

Въ это время колоссальный косматый Зубарь, точно вспомнивъ что-то, тавенуль и оглянулся — и вся песья рота съ быстротою молніи устремилаь доѣдать война. Архипычъ бросился въ сторону, въ лѣсъ. Нѣсколько минутъ воздухъ оглашался лаемъ и отчаяннымъ крикомъ въ одномъ пунетѣ, и гоготаньемъ и хохотомъ въ другомъ. Наконецъ, все стихло. Гости и хозяинъ молча потянулись на крыльцо. Изъ оконъ хоромъ высовывались распухшія тупыя и осовѣвшія бабьи морды.

XI.

Клѣмиха лежитъ на своемъ обычномъ ложѣ. Щеки ея глубоко впали; подъ глазами почернѣло; нижняя губа отвисла. Она учащенно дышетъ и тревожно водить неестественно-блестящими глазами. Подъ головой у нея, сверху большой подушки, подложена еще крошечная, едва замѣтная, въ которой послѣ гибели крупнаго займа, запиты были остальные деньжонки, предварительно обращенныя въ пятирублевыя кредитки.

Старуху только что пособоровали. Батюшка, отпустя причтъ, остался сказать больной два-три слова назиданія:

— Ты, Клѣмиха, не смущайся, утѣшалъ онъ. — У васъ есть предрасудокъ, что если чловѣка пособоровали масломъ, такъ ужъ и конецъ ему. Это не болѣе, какъ предрасудокъ. Мы не можемъ знать своей кончины. Даже отъ святыхъ людей, и то она сокрыта.

— Нѣ-ѣтъ, это ужъ... съ трудомъ возражала старуха. — Дымъ-то... ладонь-то... *изъ избы* пошелъ. Это ужъ... ежели... по избѣ носится... А то... *изъ избы*: тутъ ужъ... нечего. Охъ! Охъ! (Старуха выговаривала слова подъ тактъ прерывистаго дыханія).

— Что же? И все-таки нечего смущаться, продолжалъ батюшка. — Пожила, слава Богу. Не всякаго Господь удостоиваетъ такого долголѣтія. Ужъ самое долголѣтіе твое свидѣтельствуеть, что Богъ былъ милостивъ къ тебѣ. Иному въ юности, даже въ младенчествѣ жизнь пресѣкаетъ, а тебѣ вотъ...

— Можетъ лучше бы было.

— Что?

— Въ младенчествѣ-то.

— Это дѣло не наше. Всякому свое. Не плохо и тебѣ: прожила вѣкъ въ честныхъ трудахъ, совѣсть свою очистила. Нужно Бога благодарить. Это вотъ Архипычъ, царство ему небесное, ну, тотъ самъ себя сгубилъ отъ невоздержанности. А ты исполни по-христіански...

— Батюшка!

— Ну?

— Батюшка! повторила старуха и заплакала.

— Чтò тебѣ, матушка, что тебѣ? успокойся, успокойся!

— Будешь меня съ старикомъ поминать?

— Да мы поминаемъ всѣхъ усопшихъ.

— Нѣтъ, меня-то, меня-то съ старикомъ. Запишешь?

— Отчего же? Мы многихъ записываемъ. Только вѣдь нужно за это положить что-нибудь по усердію. А то отчего-жъ не записать?

Старуха пошевелила руками подъ головой и снова заплакала.

— Будеть, будетъ, успокойся! проговорилъ батюшка, прикасаясь ко лбу больной.

— Батюшка! простонала старуха.—Вѣдь у меня нѣту-ти, ничего-то у меня нѣту-ти!

— Ну, что-жъ дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ, сказалъ священникъ.

— Вѣдь ты не станешь...

— Что?

— Поминать-то?

— Помянемъ, помянемъ, не скорби.

— Сдѣлай милость, вмѣстѣ съ старикомъ.

— Ладно, ладно.

— Тебѣ Господь заплатитъ.

Сказавъ это, старуха закрыла глаза. Батюшка молча благословилъ ее и ушелъ. Съ больной осталась единственная родственница ея, внучка, молодая бабенка изъ сосѣдней деревни. Она тихо подошла къ бабушкѣ и, жалобно подперши щеку рукой, молча уставилась на ея фізіономію.

— Ты чтò? тревожно спросила старуха, проглянувъ.

— Ничего, бабушка.

— Чтò тебѣ нужно? (Старуха пощупала подушечку).

— Можеть, испить хочешь?

— Не надо. Ступай отсюда!

Внучка закрыла глаза рукой и отошла къ примосту.

— А гдѣ же батюшка-то? спросила старуха, озираясь.

- Ушоль, сквозь слезы отвѣтила внучка.
- Какъ же это? Что-жь ты мнѣ не сказала?
- Я думала, ты спишь.
- Спишь! Погоди, засну! Не чаешь добраться? Охъ!
- Что ты, бабушка, Господь съ тобою. Я пришла походить за тобою, а ты... Человѣкъ ты слабый, одинокій. Помилуй Богъ...
- А?
- Я говорю: человѣкъ ты слабый, одинокій...
- А? Гдѣ онъ? слабо проговорила старуха, вода пальцами по лицу и какъ будто снимая съ него паутину.
- Внучка подбѣжала къ постелѣ бабѣи.
- Ой! кто тутъ? воскреснула больная, широко раскрывъ потухающіе глаза.
- Это я, я, бабушка.
- Что ты? Ступай! Нѣту. Сама наживи... Разбойниги! Господи, Господи! Ой! Гдѣ? Пстой...
- Голосъ больной становился все тише и тише. Внучка, заливаясь слезами, молча нагнулась надъ ней и охватила ее обѣими руками. Старушка уже не чувствовала ея прикосновенія. Зарывъ глаза и сжавъ рукой подушечку подъ головой, она съ большими паузами шептала:
- Ишь ты... Ишь ты! Вотъ... будетъ... Господи! И-и-и... Да-а... Ну... Господи! Ой!
- Черезъ минуту бабушки не стало. Внучка вскрыла таинственную подушечку, вытерла слезы и чинно принялась убирать тѣло покойницы.

Ипать, чувствуя себя одураченнымъ и пылая завистью къ счастливцу Зотычу, становился къ каждымъ днемъ все злѣе и злѣе. Разбилъ ненавистное зеркало, то-и-дѣло сгонялъ работниковъ, началъ колотить жену и сноху, такъ что послѣдняя, занявъ (подъ закладъ шубы и разныхъ платковъ) красненькую, уѣхала къ мужу съ синяками и подтѣками.

Одинъ Зотычъ благодумствовалъ. Ни у какого генерала лѣсу не покупалъ и не думалъ покупать. Но субсидія старухи не пропала даромъ въ его хозяйствѣ. Онъ постепенно и понемногу округлялъ свои владѣнія и, порвавъ дружескія сношенія съ «нищей братією» — какъ онъ сталъ называть людей въ родѣ Ипата—пролѣзъ въ настоящую аристократію и пошелъ въ гору.

0. Забытый.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ.

II.

АДЕЛАИДА.

Складъ жизни въ гостинницѣ.—Аделаида слѣпокъ съ городовъ Англіи.—Вѣрнопопданіе англичане и памятникъ королевы.—Система Вавфильда; основаніе колоній и города.—Бѣдственное состояніе его, изъ котораго выручаютъ туртовщики, овцеводы и мѣдные рудники.—Сѣверная и Южная Аделаида; планъ послѣдней.—Кингъ-Вильямъ-стритъ и печатмъ.—Рендль-стритъ и магазины.—Рынокъ и утро въ городѣ.—Многолюдство послѣ полудня и чрезмѣрное населеніе.—Демократическій вечеръ въ субботу.—Воскресный законъ и широкая вѣротерпимость.—Прогулки къ поморью и рестораны для гуляющихъ путешественниковъ.—Ботаническій садъ и директоръ Шомбургъ.—Сравненіе европейской флоры съ австралийской.—Курить въ саду запрещается.—Профессоръ музыки и докторъ Муръ.—Семейная жизнь и прислуга въ домѣ.— Прогулка на высоты Лофтиранжа.— Воробьиный вопросъ и газеты.

Еслибъ не увѣренность, что, пересѣвши экваторъ, мы находимся на южномъ полушаріи, а не въ Европѣ, то съ перваго взгляда, прибывъ въ Аделаиду, всякій могъ бы подумать, что попалъ въ одинъ изъ городовъ старой доброй Англіи—особенно если при этомъ еще вспомнить тревожную дѣятельность и живымъ ключемъ бьющую жизнь, какими подхватывается путешественникъ въ молодыхъ городахъ Сѣверной Америки. Ожидая и здѣсь встрѣтить нѣчто подобное, я, напротивъ того, пораженъ былъ относительной тишиной и спокойствіемъ, какия засталъ въ этомъ молодомъ городѣ. Сходя съ дебаркадера желѣзной дороги, я едва доискался извозчика, чтобы перевезть чемоданъ въ гостинницу. А въ самомъ отелѣ никого не оказалось въ передней, такъ что я не зналъ куда дѣться съ своимъ багажемъ. Наконецъ-то, появился джентльмэнъ съ весьма важной осанкой и, узнавъ о моемъ желаніи занять комнату, позвалъ слугу, который, подхвативъ мой чемоданъ, повелъ меня наверхъ въ назначенный мнѣ номеръ.

Господствовавшая тишина и вообще весь чинный складъ жизни въ домѣ — все напоминало подобныя гостинницы въ Лондонѣ. Тогда какъ въ любомъ американскомъ отелѣ общая пріемная зала кипитъ народомъ, шумно разговаривающимъ и совершающимъ тутъ же свои дѣла и даже свои торги, словно на биржѣ, въ то же время здѣсь царствуетъ ни чѣмъ не нарушаемое спокойствіе и глубокое молчаніе. Пріѣзжіе сходятся въ назначенный часъ къ завтраку или обѣду, чинно садятся за общій столъ, изрѣдка перемолвивъ, и то лишь шопотомъ, слово-другое съ сосѣдомъ. За столомъ соблюдается своего рода чинный этикетъ. Стюарты, во фракахъ съ блестящими пуговицами, подаютъ требуемыя блюда въ разныхъ затѣйливыхъ сосудахъ, на такихъ же серебряныхъ подставкахъ, и все это для того, чтобы накормить васъ просто ростбифомъ или бараниной и картофелемъ. Порядокъ дня наблюдается тотъ же, что былъ на пароходѣ, который привезъ меня сюда: въ тотъ же часъ подается завтракъ, потомъ полдникъ и обѣдъ; такъ что переѣзжающіе сюда англичане вполне сохраняютъ свои привычки, съ какими освоились въ отчизнѣ. Послѣ стола постояльцы расходятся въ разные стороны. Въ гостинницѣ рѣдко кто остается, оттого уже, что отведенный вамъ номеръ — не что иное, какъ спальня, гдѣ, кромѣ кровати, стула и умывальника, нѣтъ ни стола и никакой иной мебели. Кому вздумается писать или читать, тотъ отправляется въ нарочно для того отведенную общую комнату, гдѣ на столѣ лежатъ всѣ возможныя газеты и гдѣ находятся также всякія письменныя принадлежности. Но и сюда посѣтители заходятъ больше передъ самымъ обѣдомъ, въ ожиданіи созывающаго ихъ звонка.

Нетолько гостинница напоминаетъ складъ жизни въ старой Англии, но и самый городъ, хотя и новый и чрезвычайно правильно по компасу выстроенный, какъ-будто цѣликомъ перенесенъ сюда изъ какого-нибудь англійскаго графства. Архитектура домовъ, или скорѣе отсутствіе всякой архитектуры, устройство подземныхъ оконъ, магазины и размѣщеніе въ нихъ разныхъ товаровъ, самыя эти товары, начиная отъ простаго гвоздя и до модной шляпки послѣдняго фасона, отъ малѣйшихъ игрушекъ англійскихъ бебэ и до велосипеда и крикета, этой всеобщей игрушки взрослыхъ англичанъ, аптеки и торгующіе виномъ, такъ называемые, бѣры — все вывезено изъ Англии. Даже цвѣты на окнахъ какъ-будто пересажены сюда изъ англійскихъ теплицъ. Торгующіе въ магазинахъ комми, съ ихъ тщательно причесанными, лоснящимися волосами съ пробормомъ по серединѣ, какъ-будто только-что пріѣхали съ Риджинсъ-стрита въ Лондонѣ. А

въ мѣстахъ удаленныхъ отъ торговой суетни, вы увидите такіе же коттеджи, по одному для каждой семьи особо, какими отличаются англійскіе города. Да и встрѣчающіяся на улицѣ личности большею частью кровные англичане. Словомъ, все — какъ люди, такъ и дома, и экипажи — поразительно напоминаетъ Великобританію и носить на себѣ ея отличительный отпечатокъ. Нѣмецкая поговорка гласитъ: «отчизну не унесешь съ собою на пяткахъ». Это, пожалуй, примѣнимо къ нѣмцамъ, но ужь никакъ не къ англичанамъ, которые, какъ мы видимъ, нашли средства чуть ли не цѣликомъ перенести съ собою отчизну изъ одного полушарія въ другое. Этимъ отчасти и объясняется то обстоятельство, что изъ всѣхъ переселяющихся націй англичанинъ менѣе всего страдаетъ тоскою по родинѣ: пересаживая въ чуждый край всю обстановку, къ которой привыкъ съизмала, онъ вездѣ на земномъ шарѣ чувствуетъ себя, какъ дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заставляеть и нѣмца, и француза пріурочиться къ своему уставу домашняго строя, который считаетъ какъ бы идеальнымъ, и который вводитъ всюду на чужбинѣ, вопреки даже не совсѣмъ подходящимъ климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, вопреки нашей пословицѣ: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ!»

Понятно, что вмѣстѣ съ внѣшними предметами сыны гордаго Альбіона переносятъ съ собою также эгоистическую привязанность къ родинѣ и вѣрноподданническія чувства къ королевѣ. Это обнаруживается отчасти въ появленіи на улицахъ волонтеровъ въ круглыхъ шапочкахъ, едва прикрывающихъ макушку, и въ туго перетянутыхъ куцыхъ мундирахъ. Иначе нельзя понять, на какой конецъ служатъ здѣсь эти воины, такъ какъ никакій внѣшній врагъ не угрожаетъ странѣ, конвиктовъ здѣсь также нѣтъ, туземныя племена никогда не были опасны, а теперь и вовсе исчезли изъ края, удалившись далеко на сѣверъ во внутрь страны. Однако, такая цѣпкая привязанность къ родинѣ понесла сильный ущербъ съ той поры, какъ англійское правительство, признавъ за колоніями право полного самоуправленія, окончательно вывело оттуда своихъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ. Но колонисты утѣшились и въ этомъ отношеніи, одѣвъ въ такого же цвѣта фраки своихъ кольпортеровъ, разносящихъ биржевые чеки и векселя по торговымъ домамъ. Вообще вѣрноподданническія чувства проявляются здѣсь при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: въ имени самого города, прозваннаго въ честь супруги короля Вильгельма IV, потомъ также въ названіяхъ улицъ — Кингъ-Вильямъ-стритъ, Викторія-Елизабетъ-стритъ, и пр. На одной изъ главныхъ улицъ увидѣлъ я новый

мраморный монументъ, изображающій королеву Викторію во весь ростъ съ короной на головѣ и въ полномъ королевскомъ облаченіи. Этотъ монументъ выставленъ тутъ художникомъ: рассчитывая на вѣрнопопданническія чувства горожанъ, онъ предлагаетъ городу купить его. На такой конецъ въ думу явилась депутація отъ нѣкоторыхъ изъ горожанъ съ предложеніемъ, чтобы дума внесла половину суммы; другую же половину депутаты берутся собрать по подпискѣ. А сумма значительная для такого молодого города — именно 4,000 ф. ст. По моемъ отъѣздѣ изъ Аделаиды памятникъ все еще стоялъ на мѣстѣ и предлагался въ продажу, такъ что не знаю навѣрное, купилъ ли его городъ, и осталась ли королева на занимаемомъ ею мѣстѣ?

По всему видно, что колонисты этого свѣжаго края не успѣли еще переродиться сообразно мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, подобно тому, какъ тѣ же англичане, переселившись въ сѣверную Америку, чрезъ нѣсколько поколѣній переродились въ особый типъ такъ называемыхъ американцевъ, совершенно отличный отъ типа англосаксонскаго племени. И не удивительно: въ Австраліи не успѣло еще сложиться новое, въ странѣ народившееся поколѣніе; лица, пріѣхавшія сюда прямо изъ Англіи при zaloженіи новой колоніи и основаніи молодого города, еще живы. А сверхъ того многое окажется еще болѣе понятнымъ, когда узнаемъ, какимъ путемъ возникла колонія и какъ основался городъ.

Первыми свободными переселенцами въ Сѣверную Америку, были, какъ извѣстно, пуритане, покинувшіе родину вслѣдствіе гоненій, какимъ секта подвергалась въ Великобританіи. Эти такъ называемые отцы-пилигримы внесли въ новый свѣтъ отпечатокъ строгой жизни, дѣятельнаго трудолюбія и для всѣхъ равно доступнаго образованія. Суровые выходцы, переселяясь, окончательнo сжигали за собой корабли и навѣки покидали родной край, съ тѣмъ, чтобы начать новую многотрудную жизнь по своимъ твердо сложившимся убѣжденіямъ. Это и послужило исходнымъ началомъ для будущаго развитія Соединенныхъ Штатовъ, и, несмотря на проникшіе въ нихъ впоследствии чуждые элементы, все-таки начала, положенныя пуританами въ основу общественнаго строя, сохранились въ Штатахъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Совершенно инымъ путемъ предстояло заселяться Австраліи, въ различныхъ фазисахъ ея колонизаціи. Какъ въ Западную, такъ точно и въ Южную Австралію никто не переселялся по нуждѣ или вслѣдствіи гоненій и никто не думалъ порвать связь съ родиной. Тутъ переселеніе было затѣей людей иного свойства:

оно большею частью было дѣломъ чистой спекуляціи вслѣдствіе гоньбы за наживой.

Переносъ съ собою житейскія привычки и своеобразныя нравы въ новый край, англичане во что бы то ни стало хотѣли перевести туда также господствующее въ ихъ отчизнѣ крупное землевладѣніе. Но въ Западной Австраліи, какъ мы уже видѣли, оказалось на опытѣ, что обширныя пространства земли, приобретаемыя богачами почти задаромъ, при отсутствіи рабочихъ, не приносятъ никакой выгоды: одинъ только прилагаемый къ почвѣ трудъ человѣка придаетъ ей настоящую цѣнность. Умудренный этимъ опытомъ, Вакфильдъ, бывшій крупный владѣлецъ въ Австраліи, создалъ въ 1829 г. новую систему эмиграціи. Онъ исходилъ отъ слѣдующихъ положеній: для успѣшнаго заселенія края необходимы прежде всего рабочія руки; но въ странѣ, гдѣ всякій легко можетъ приобрести кусокъ земли, рабочіе всегда будутъ чрезвычайно дороги, оттого что каждый изъ нихъ постарается скорѣе сдѣлаться мелкимъ фермеромъ и будетъ воздѣлывать землю на свой пай. А потому необходимо поднять цѣны на землю, такъ чтобы только обладающіе значительнымъ капиталомъ въ состояніи были приобрести ее. Деньги же, выручаемыя продажей участковъ, слѣдуетъ обратить на введеніе въ край недостаточныхъ землевладѣльцевъ. Этимъ переселенцамъ поневолѣ придется идти въ рабочіе къ крупнымъ землевладѣльцамъ и понизить цѣну на свой трудъ.

Система Вакфильда гѣмъ знаменательна, что она представляетъ отличительную характерную черту заселенія Австраліи въ прежнія времена. Будучи составлена въ угоду достаточнаго класса, она можетъ быть названа аристократическою, или, всего вѣрнѣе, буржуазною, въ противоположность другой системѣ, болѣе демократическаго пошиба, практикуемой въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ наоборотъ исходятъ отъ того начала, что владѣть землею имѣетъ право лишь тотъ, кто воздѣлываетъ ее и лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее воздѣлываетъ, и гдѣ поэтому по возможности ограничивается величина участка, приобретаемаго однимъ лицомъ.

Однако, достаточному классу въ Англіи система Вакфильда пришлось по нраву и показала въполнѣ цѣлесообразною. Потому тамъ вскорѣ составилось общество изъ негоціантовъ и спекуляторовъ подъ именемъ южно-австралійской земельной компаніи. Еще никто и не думалъ переселяться, а компанія уже раздавала свои акціи. Обладатель каждой изъ нихъ имѣлъ право на 120 акровъ земли внутри края и на одинъ акръ въ предполагаемомъ главномъ городѣ. На митингахъ, въ газетахъ, бро-

шюрахъ успѣли разгласить весьма увлекательныя вѣсти о новомъ краѣ. Такъ, между прочимъ, на одной изъ главныхъ улицъ въ Аделаидѣ я посѣтилъ типографію, въ которой до сихъ поръ печатается газета, подъ названіемъ «Register»; эта газета старше самого города и колоніи, потому что, съ цѣлью прославить новый край, первый номеръ ея вышелъ въ Лондонѣ въ 1836 г. за шесть мѣсяцевъ прежде, чѣмъ Южная Австралія была признана правительствомъ британской колоніей. Второй номеръ вышелъ уже годъ спустя послѣ перваго, въ только что возникшемъ тогда городѣ Аделаидѣ. Это и было первое печатное произведеніе въ колоніи.

Благодаря распространяемымъ такимъ путемъ заманчивымъ объявленіямъ, въ тотъ же годъ, на вырученные за акціи капиталы, снарядили три корабля для отправки въ Южную Австралію. Туда же прибыли: назначаемый отъ правительства губернаторъ, секретарь его и члены компаніи. При самомъ основаніи колоніи постановлены были слѣдующія главныя условія: чтобы въ нее ни подѣ каемъ видомъ не были ввозимы преступники изъ метрополіи; чтобы она поддерживалась своими собственными средствами, не прибѣгая къ помощи правительства; чтобы въ ней никакая церковь не признавалась господствующею, и чтобы всѣ сеты пользовались равными правами. Мѣстомъ высадки трехъ кораблей съ переселенцами избрали островъ Кенгуру, который находится передъ вѣздомъ въ заливъ св. Викентія. Но островъ оказался бесплоднымъ, а потому избрали другое мѣсто, на востокъ отъ залива, на берегу рѣчки Торренса, гдѣ въ 1836 г. распланировали будущую столицу новаго края, придавъ личныя наименованія улицамъ и площадямъ, такъ что городъ, на бумагѣ конечно, предсталъ въ весьма привлекательномъ видѣ. Каждый изъ акціонеровъ получилъ приходящійся на его долю участокъ, а остальные участки въ городѣ были распроданы съ молотка.

Такимъ образомъ, скоро вся земля въ городѣ и его окрестностяхъ была раскуплена капиталистами и спекуляторами въ Англіи, а въ Аделаидѣ, между тѣмъ, возникли уже общественныя зданія, магазины и отели. Въ Европѣ газеты разносили вѣсть о быстро возникающемъ благосостояніи въ новомъ краѣ, благодаря чему, спекуляторы спѣшили сбывать участки за высокія цѣны; тогда какъ въ самой странѣ еще ничего не производилось, а только потреблялось все привозимое изъ Англіи. Это продолжалось года четыре. Затѣмъ, вдругъ прекратилась столь прибыльная для компаніи распродажа земель, а когда въ Лондонѣ усомнились въ блестящемъ ходѣ новаго заселенія, то англійскій банкъ

наложилъ протестъ на векселя изъ Аделаиды, вслѣдствіе чего тамъ и наступило всеобщее банкротство. Тогда началось сильное выселеніе изъ города: многіе изъ землевладѣльцевъ отправились въ свои владѣнія, съ тѣмъ чтобы тамъ по возможности поправить свои дѣла инымъ, болѣе производительнымъ путемъ. Вслѣдъ за ними вышли изъ города также рабочіе, оставшіеся вслѣдствіе общаго застоя дѣлъ безъ заработковъ, такъ что населеніе сократилось на половину, и колонія была уже близка къ окончательному распаденію.

Къ счастью, въ это время явились въ Южную Австралію гуртовщики и овцеводы изъ сосѣднихъ колоній. Прослышавъ о чрезвычайно высокихъ цѣнахъ на съѣстные припасы въ Аделаидѣ, они прогнали свои стада по необозримымъ пустынямъ въ новый край и прибытіемъ своимъ вдохнули свѣжую, здоровую жизнь въ молодую, неопытную колонію. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыло нѣсколько нѣмецкихъ семей изъ Германіи и, пріобрѣвъ значительно подешевѣвшіе послѣ банкротства участки, принялись, съ свойственнымъ нѣмцамъ трудолюбіемъ и выдержкою, за воздѣлку земли. Но въ этомъ случаѣ Южная Австралія болѣе всего была одолжена открытію богатыхъ мѣдныхъ рудниковъ на сѣверѣ, благодаря которымъ колонія окончательно оправилась отъ бѣдственнаго состоянія, въ какое вовлечена была бумажными спекуляціями.

Въ послѣднія десятилѣтія система Вагфильда была измѣнена въ пользу земледѣльческаго класса. Во время моего здѣсь пребыванія, въ парламентѣ прошелъ билль, въ силу котораго хлѣбопашцу предоставляется пріобрѣсть по выбору участки не свыше 640 акровъ на одно лицо съ условіемъ, чтобы это лицо проживало на участкѣ, по крайней мѣрѣ, по девяти мѣсяцевъ въ году и учинило на немъ сельско-хозяйственныя улучшенія. Намѣреваясь отправиться во внутрь края съ цѣлью посѣтить нѣкоторыя хозяйства, я имѣю въ виду впослѣдствіи нѣсколько подробнѣе изслѣдовать вопросъ о здѣшнемъ землевладѣніи и о средствахъ къ пріобрѣтенію новыхъ участковъ.

Несмотря на такія переменныя къ лучшему, въ городѣ до сихъ поръ сохранился буржуазный, или, какъ здѣсь называютъ для пущей важности, аристократическій пошибъ, внесенный въ него первыми пришельцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекратилась также страсть къ бумажнымъ спекуляціямъ. Этимъ объясняется существованіе въ немъ такого множества лендъ - броверовъ (Landbrokers), представляющихъ въ продажу участки, какъ въ разныхъ концахъ колоніи, такъ и въ разныхъ частяхъ города съ окружающими его пригородами.

Аделаида разбивается рѣкою или вѣрнѣе потокомъ Торренсомъ на двѣ части, на сѣверную и южную. Въ послѣдней совершается собственно коммерческая дѣятельность, тогда какъ въ сѣверной находятся большею частью виллы и коттеджи семействъ, въ средѣ которыхъ, окончивъ торговля дѣла, отдыхаютъ обыкновенно дѣльцы отъ своихъ дневныхъ занятій, пользуясь тутъ болѣе широкимъ просторомъ и свѣжимъ воздухомъ среди мало занятыхъ еще полей и парковъ. Обѣ части города раздѣляются не только рѣчкою Торренсомъ, но еще довольно обширнымъ паркомъ, растянувшимся по обѣ ея стороны; а соединяются онѣ тремя мостами.

Южная Аделаида, т. е. настоящій городъ, занимаетъ довольно ограниченное почти со всѣхъ сторонъ замкнутое пространство, такъ что ему некуда расширяться вдоль. Окраины его и улицы расположены до того правильно, что планъ города можетъ начертить всякій, даже не видавши его. Возьмите для этого листъ бумаги и начертите правильный четырехугольникъ такъ, чтобы стороны были размѣщены двѣ съ сѣвера на югъ, а другія двѣ съ востока на западъ. Представьте себѣ, что первыя тянутся на одну англійскую милю въ длину, а послѣднія—на полторы. Это и будутъ рубежи города. Для болѣе точности замѣтимъ только, что восточный рубежъ нѣсколько уклоняется отъ прямолинейнаго направленія, представляя на чертежѣ подобіе лѣстницы. Раздѣлите сѣверный рубежъ на четыре равныя части, а западный на десять, потомъ проведите черезъ точки дѣленія линіи параллельныя съ сторонами четырехугольника. Эти параллели — однѣ съ сѣвера на югъ, а другія съ востока на западъ — изобразятъ на планѣ главныя улицы города. Чтобы дополнить планъ, начертите въ самой серединѣ на перекресткѣ двухъ улицъ небольшой продолговатый четырехугольникъ: это будетъ центральнй такъ-называемый Викторія-скверъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, тамъ, гдѣ пересѣкаются другія улицы, находятся еще четыре такихъ же сквера въ симметричномъ расположеніи. Остается еще провести нѣсколько узкихъ переулковъ между главными улицами — и планъ города готовъ. По рубежамъ тянутся широкіе бульвары, называемые здѣсь террасами. Сѣверная терраса идетъ вдоль парка, который поватымъ спускомъ нисходитъ къ Торренсъ-риверу; у западной террасы находится обсерваторія и кладбище, а за южной тянется другой паркъ, тогда какъ къ восточной примыкаютъ подгородныя мѣстности, гдѣ точно такъ же, какъ въ сѣверной части города за рѣкою находятся коттеджи жителей, торгующихъ и работающихъ въ теченіи дня въ южной Аделаидѣ. При такомъ распредѣленіи го-

рода, въ немъ трудно заблудиться, особенно съ компасомъ въ карманѣ.

Главная поперечная улица, Кингъ-Вильямъ-стритъ пересѣкаетъ городъ съ сѣвера на югъ по самой серединѣ и раздѣляетъ его на двѣ равныя и симметричныя части, на восточную и западную. На этой улицѣ и находятся важнѣйшія оффиціальныя зданія, а именно: городская дума, казначейство, окружной судъ и почтамтъ. Всѣ они расположены вокругъ Викторія-севера. Надо отдать справедливость горожанамъ, они не поскупились на свои общественныя зданія, между которыми особенно отличается почтамтъ, выстроенный изъ темнаго дикаго камня въ итальянскомъ вкусѣ, съ широкой, открытой, украшенной колоннами галлерей, обращенной выходомъ къ главной улицѣ, и съ башней, наверху которой находятся большіе часы. По обѣ стороны довольно обширной галлерей открываются большія окна, за которыми въ конторахъ и орудуютъ почтовые чиновники, то принимая письма, посылки и пр., то выдавая ихъ предъавителямъ. Въ той же галлерей всякій можетъ навести справки касательно отхода и прихода почты, пароходовъ, потому также касательно состоянія погоды въ разныхъ частяхъ Австраліи. Эти извѣстія нарочно сообщаются по телеграфу и написанныя на бумагѣ вывѣшиваются наружу для публики. Въ дополненіе къ нимъ на стѣнѣ виситъ еще барометръ съ термометромъ.

Жители и тутъ не преминули заявить о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Закладка почтамта совершалась въ 1867 году, когда Австралію посѣтилъ принцъ Единбургскій; онъ положилъ краеугольный камень башни, на которомъ, въ память такого событія, и высѣчена надпись, гласящая, что этотъ камень положенъ принцемъ и пр. Самая башня въ честь королевы названа Викторія-туеръ.

Какъ почтамтъ, такъ и другія общественныя зданія производятъ здѣсь тѣмъ большій эффектъ, что остальные большею частью каменные дома не высоки, обыкновенно въ два, изрѣдка въ три этажа. Изъ этихъ домовъ своею архитектурою отличаются особенно банки, которые также почти всѣ на Кингъ-Вильямъ-стритѣ. Меня удивило, какъ въ такомъ небольшомъ городѣ, въ которомъ всего около 35,000 жителей, можетъ существовать, а судя по щегольскимъ зданіямъ, даже процвѣтаетъ такое большое число банковъ. На Кингъ-Вильямъ-стритѣ ихъ девять, и каждый изъ нихъ щеголяетъ фасадомъ, обращеннымъ къ главной улицѣ. Кингъ-Вильямъ-стритъ вообще служитъ главнымъ поприщемъ для крупныхъ коммерческихъ и спекулятивныхъ опе-

рацій. На немъ то и дѣло попадаются вывѣски съ надписями: Land-Brokers, т. е. продавцы земель. Тутъ на окнѣ вы видите планы и объявленія о продажѣ участковъ въ самомъ городѣ или его окрестностяхъ, а тамъ предлагается дѣвственная почва въ сѣверныхъ, незаселенныхъ еще мѣстностяхъ, или готовая станція, какъ называютъ здѣсь хозяйство съ угодьями, светомъ и овцами. Само собою разумѣется, что на той же улицѣ находится нѣсколько гостинницъ и отелей; а близъ почтамта собирается большая часть омнибусовъ, служащихъ для постоянного сообщенія центра города съ окрестностями и болѣе отдаленными мѣстами. Галантерейные и другого рода магазины также находятся здѣсь, но главное мѣсто этого рода розничной и мелочной торговли собственно въ сѣверной части города, на такъ-называемомъ Рендль-стритѣ, пролегающемъ съ востока на западъ.

Одна сторона этой самой многолюдной улицы находится постоянно въ тѣни, а другая обращена въ теченіе дня къ солнцу; но, замѣтимъ встать, не сѣверная, какъ было бы у насъ на сѣверномъ полушаріи, а напротивъ — южная, такъ какъ здѣсь солнце въ полдень проходитъ по сѣверной половинѣ неба. Было бы нестерпимо жарко на каменномъ тротуарѣ подъ солнечными лучами, когда даже въ тѣни здѣсь въ лѣтнее время обыкновенно выше двадцати пяти градусовъ по Реомюру. Для избѣжанія такого неудобства, вдоль всей улицы надъ южнымъ тротуаромъ возведены навѣсы изъ гальванизированной бѣлой жести, предохраняющіе пѣшеходовъ отъ солнечныхъ лучей и дождя. Тутъ-то въ магазинахъ подъ навѣсами и производится главнѣйшая торговля готовыми платьями, обувью, табакомъ, разными галантерейными товарами, выписываемыми болѣею частью изъ Англіи, Франціи и Америки. Тутъ имѣются также мясныя, овощныя и другія лавки, снабжающія жителей разными съѣстными припасами. Надо замѣтить, что на этотъ конецъ въ Аделаидѣ нѣтъ собственно рынка. То, что здѣсь называютъ рынкомъ, не что иное какъ мѣсто, покрытое простыми навѣсами, подъ которыми собираются наѣзжающіе въ извѣстные дни фермеры и поселяне изъ ближнихъ и дальнихъ селеній, съ тѣмъ, чтобы сбыть тутъ произведенія своего хозяйства. Доставляемые ими продукты скупаются болѣею частью зеленщиками и мясниками. Обыватели города снабжаются уже изо-дня въ день въ ближайшихъ къ ихъ дому мясныхъ и овощныхъ лавкахъ, разсыпанныхъ въ разныхъ концахъ города въ значительномъ количествѣ. Мнѣ, однако, не случалось видѣть, чтобы хозяйки или хозяева изъ болѣе достаточнаго класса сами закупаали свою провизію, какъ это дѣлается обыкновенно въ Америкѣ и у

насъ. Здѣсь, напротивъ, для этого съ ранняго утра рассылаются слуги верхомъ на лошади.

Впрочемъ, городъ вообще не рано пробуждается отъ ночнаго отдыха: до восьмого часа улицы почти пусты и магазины закрыты. Кое-гдѣ развѣ прогремитъ двухколесная телега масника или хлѣбника, съ запасами для постоянныхъ покупателейъ, или покажется приставленный отъ думы рабочій, подметающій мостовую. Раньше всѣхъ открываются мясныя и овощныя лавки, также булочныя, а по мостовой скачутъ въ галопъ верховые, съ большими корзинами подъ мышкой, и, забравъ что нужно въ лавкахъ, возвращаются домой. Затѣмъ уже, часу въ девятомъ, начинаютъ открываться табачныя и другія мелочныя лавки, а позже всѣхъ модныя и галантерейныя магазины. По мостовой грохочутъ уже omnibusы, влекомые четверкою добрыхъ коней дугомъ и сверху до низу битвомъ набитые пріѣхавшими изъ своихъ дачныхъ квартиръ банкирами, негодьями, ихъ клерками и вообще всякимъ дѣловымъ людемъ. Выѣзжаютъ извозчики и становятся по очереди въ рядъ, занимая середину мостовой. По тротуарамъ мужчины и женщины спѣшнымъ шагомъ направляются прямо къ своей должности. Теперь недосугъ предаваться постороннимъ дѣламъ; какъ пріѣзжающіе, такъ и пѣшеходы едва успѣваютъ по дорогѣ просмотрѣть въ газетѣ самыя свѣжія новости, сообщаемыя по телеграфу прямо изъ Лондона.

Другое дѣло, послѣ лѣнча, т. е. полдника: тогда наступаетъ болѣе досужая пора. Въ это время до обѣда, т. е. до шести часовъ, появляется на улицахъ здѣшняя аристократія, какъ называютъ тутъ вообще всякаго рода богачей, не справляясь о томъ, каковымъ путемъ добыто богатство. Джентльмены и лэди прогуливаются и толкуются подъ навѣсами южнаго тротуара на Рендль-стритъ, снуютъ по магазинамъ, гдѣ, Впрочемъ, болѣе перебираютъ и осматриваютъ модныя товары, чѣмъ покупаютъ.

Меня всякій разъ удивляло многолюдство на улицахъ въ такомъ относительно маломъ городѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, въ Аделаидѣ всего около 35,000 жителей, а со всѣми къ ней примыкающими пригородами 60,000. Но, при видѣ густой толпы пѣшеходовъ и частой ѣзды omnibusовъ, конной-желѣзной дороги и экипажей, можно подумать, что тутъ обитаетъ чуть ли не цѣлый миллионъ. Стоить, Впрочемъ, походить день-другой по улицамъ и тогда вы замѣтите, что то и дѣло попадаютъ однѣ и тѣ же личности, съ которыми вы встрѣчались уже не разъ гдѣ-нибудь въ другихъ концахъ города. Дѣло въ томъ, что здѣсь мало кто остается дома: всѣ съ утра уже спѣшаютъ на улицу—

все равно по дѣлу или бездѣлю. Оттого здѣсь рѣдко кого можно застать у себя дома. Однако, надо замѣтить, что въ другомъ отношеніи число жителей въ городѣ съ его пригородами сравнительно съ краемъ все-таки чрезмѣрно велико. И дѣйствительно, во всей провинціи или, какъ здѣсь обыкновенно называютъ, въ колоніи Южной Австраліи, по послѣднему народосчисленію 1880 года, всего около 240,000 человекъ, такъ что городъ заключаетъ въ себѣ четвертую часть всего населенія страны. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что въ Южной Австраліи кромѣ Аделаиды есть еще нѣсколько городовъ, такъ что на долю сельскаго населенія останется весьма скудный процентъ населенія со всего обширнаго края, растянутого на огромномъ пространствѣ отъ залива Карпентарія на сѣверѣ и до залива св. Викентія на югѣ, такъ что Южная Австралія занимаетъ болѣе четвертой части всего материка. Кстати замѣтимъ, она расположена отнюдь не въ самой южной части континента, какъ можно бы подумать по ея названію; напротивъ, сосѣдняя колонія Викторія находится большею своею частью южнѣе такъ называемой Южной Австраліи.—Едва ли въ какой-нибудь другой странѣ можно еще встрѣтить такое несообразное отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ. Эта характеристическая черта Аделаиды осталась за нею, по основаніи ея, когда вопреки здравой колоніальной политикѣ городъ залагался прежде, чѣмъ явились настоящіе колонисты, т. е. земледѣльческое населеніе.

Воротимся къ описанію уличной жизни въ Аделаидѣ.

Къ шести часамъ лэди и джентльмэны спѣшатъ домой обѣдать, и вслѣдъ затѣмъ магазины запираются, такъ что все закрыто уже засвѣтло, исключая баровъ и табачныхъ лавокъ и еще нѣкоторыхъ ресторановъ, гдѣ обѣдаютъ колостяки, не успѣвшіе обзавестись своимъ хозяйствомъ. Послѣ солнечнаго заката на улицахъ встрѣчается уже масса народу, и одни только газовые фонари вдоль тротуаровъ тускло мерцаютъ, едва освѣщая предавшійся покою городъ. Такъ продолжается изо дня въ день.

Но вотъ наступила суббота, и какъ удивился я, выйдя вечеромъ послѣ обѣда на улицу и увидавъ, что магазины и лавки не заперты, а, напротивъ, освѣщаемы многими газовыми рожками, сіяютъ въ полномъ блескѣ всѣми своими галантерейными, золотыми, серебряными и мишурными товарами. Еще ярче освѣщены театры и концертные залы. А на улицахъ публика толчется словно на раутѣ: народъ толпится не только по тротуарамъ, но пѣшеходы заняли даже всю мостовую, такъ что ѣзда

по ней почти совсѣмъ прекратилась. По временамъ лишь омни-бусы, проходя шагомъ, едва въ состояніи пробраться сквозь густую толпу, состоящую большею частью изъ простаго люда. Тутъ показались такія личности, какихъ вовсе нельзя встрѣтить въ городѣ въ иные дни: широкоплечіе, неуклюжіе рабочіе съ заскорузлыми руками, дебелия жены ихъ; нѣмцы-фермеры со всею семьей, т. е. съ женой и кучею дѣтей малъ-мала меньше. Попадаютъся, между прочимъ, суровыя, подозрительныя фізіономіи, съ которыми непріятно было бы встрѣтиться въ безлюдномъ мѣстѣ. Они невольно напомнили мнѣ бывшихъ конвиктовъ, т. е. ссыльныхъ въ Австралію. Хотя теперь давно уже не ссылаютъ сюда преступниковъ, а въ Южной Австраліи конвиктовъ даже никогда не было, однако, убійства ради грабежа все-таки случаются изрѣдка. Недавно еще совершено было убійство въ одномъ изъ сосѣднихъ парковъ, какъ узналъ я по объявленію отъ полиціи, назначившей 25 фунтовъ стерлинговъ награды тому, кто уважетъ на слѣдъ убійцы. Несмотря на густыя толпы таковаго разнороднаго люда, на улицахъ встрѣчается мало полиціи, состоящей здѣсь изъ такихъ же опытныхъ полисмэновъ, какъ и въ Лондонѣ. Хотя ея и не видать, но она на самомъ дѣлѣ вездѣ поспѣваетъ. И, дѣйствительно, вы рѣдко встрѣтите здѣсь пьяныхъ, не оттого, чтобы ихъ вовсе не было, а благодаря тому, что полиціа ревностно подбираетъ ихъ, и вы только на другой день по газетамъ узнаете, сколько было арестовано за пьянство. Круглымъ числомъ приходится по семи-восми человѣкъ на день, и странно то, что между этими пьяными чаще всего попадаютъ женщины. Это надо полагать оттого, что мужчины, какъ болѣе привычныя, удачнѣе уклоняются отъ зоркихъ взоровъ полисмэновъ.

Вотъ для какой публики магазины и лавки предстали въ праздничномъ освѣщеніи! Здѣшней аристократіи теперь совсѣмъ не видно на улицѣ. Ужь не празднуетъ ли простой народъ свою годовщину демократіи? думалъ я. Но дѣло скоро объяснилось гораздо проще. По англійскому обычаю въ воскресенье не дозволяется ни работать, ни торговать, ни даже предаваться какимъ-либо увеселеніямъ: весь этотъ день слѣдуетъ посвятить церкви. Этотъ обычай, напоминающій еврейскій шабашъ, англичане точно такъ же, какъ и все остальное, перенесли съ собой съ сѣвернаго полушарія въ южное. Богачи-аристократы, конечно, вознаграждаютъ себя за воскресную скуку во всѣ остальные дни недѣли. Но рабочему люду недосугъ въ будни, а потому онъ и избралъ для себя субботу, съ тѣмъ, чтобы, послѣ проведенныхъ

*

въ потѣ лица трудовыхъ дней, хотъ разъ въ недѣлю отвести душу и насладиться городскими удовольствіями. На такой конецъ во всѣхъ мастерскихъ и на заводахъ рабочихъ рассчитываютъ въ этотъ день тотчасъ послѣ полудня. Получивъ заработанную въ теченіи недѣли плату, они со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ спѣшатъ затѣмъ въ городъ, гдѣ закупаютъ разныя нужныя и ненужныя для нихъ вещи, посѣщаютъ театры, концерты и до полуночи проводятъ время на улицѣ, заходя въ рестораны или бары, гдѣ иногда, на бѣду и горе бѣдныхъ семействъ, пропиваютъ не малую часть заработковъ. Вообще, въ субботу вечеромъ здѣшніе торговцы выручаютъ значительную прибыль.

Послѣ полуночи газъ въ магазинахъ потухаетъ и улицы пустѣютъ. А на слѣдующій затѣмъ день городъ словно вымеръ. На улицахъ не видать уже ни скачущихъ съ корзинами верховыхъ, ни телегъ, ни омнибусовъ; магазины заперты, тротуары обезлюдѣли. Кое-гдѣ лишь на перекресткахъ собираются пять-шесть молодыхъ прикащиковъ и, покуривая изъ коротенькихъ трубочекъ, неистово зѣваютъ отъ скуки. Однѣ только церкви отворяютъ свои двери для богомольной публики. По окончаніи службы въ нихъ, джентльмены и разряженные лэди, съ маленькими молитвенниками въ рукахъ, выходятъ изъ храмовъ и чинно расходятся по домамъ. А церквей здѣсь, надо прибавить, даже черезчуръ много для такого небольшого города: я насчиталъ ихъ въ Аделаидѣ болѣе тридцати, и это на 35,000 жителей; такъ что почти на каждую тысячу душъ приходится по одной церкви. Едва ли даже въ гордящейся своими золотоглавыми храмами Москвѣ окажется такое относительное обиліе ихъ. Но что касается до звона колоколовъ, то, конечно, Москва остается недосыгаемою. Съ этимъ нечего и сравнивать звонъ при здѣшнихъ церквяхъ. При нихъ бываетъ обыкновенно по одному весьма малыхъ размѣровъ колоколу, издающему какой-то дребезжащій, унылый звукъ.

Здѣсь, въ Аделаидѣ, церкви не бросаются такъ въ глаза, какъ выстроенные въ византійскомъ вкусѣ храмы въ Москвѣ, оттого что архитектура ихъ здѣсь зачастую мало чѣмъ отличается по наружности отъ архитектуры обыкновенныхъ домовъ; такъ что церковь не сразу замѣтишь по маленькому, часто вовсе незамѣтному кресту на фронтисписѣ. Лучше всего можно еще узнать ее по вывѣшиваемой обыкновенно наружу черной доскѣ, на которой золотыми буквами начертано объявленіе о часахъ, въ какіе имѣетъ производиться служба въ воскресенье. Богослуженіе отправляется обыкновенно утромъ до завтрака, въ полдень и вечеромъ до обѣда.

Существованіе такого множества храмовъ объясняется тѣмъ, что каждая изъ сектъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, по одной, а нѣкоторыя даже по нѣскольку церквей. Кромѣ приверженцевъ англо-епископальнаго вѣроисповѣданія, здѣсь находятся римско-католики, лютеране, конгреціоналы, пресвитеріане, баптисты и анабаптисты, методисты, сведенборгіане, унитаріане, поклонники св. Патрика и проч., не считая еще евреевъ, у которыхъ также своя синагога. Такое обиліе церквей въ городѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о полной свободѣ вѣроисповѣданія въ краѣ: правительство вовсе не вмѣшивается въ церковныя дѣла, и каждая изъ сектъ содержитъ церковь на свой счетъ.

Но до какой степени ревниво каждая изъ сектъ соблюдаетъ свои интересы, можно видѣть по возбудившему въ послѣдніе дни горячія пренія въ парламентѣ вопросу касательно преподаванія закона Божія въ школахъ. Для того, чтобы не давать повода къ соблазнительнымъ столкновеніямъ между разнаго рода религіозными толками, здѣсь въ школахъ не только не назначается уроковъ закона Божія, но отмѣнено даже чтеніе библіи. Вообще самимъ родителямъ и священникамъ разныхъ сектъ предоставляется обучать дѣтей религіи по своимъ убѣжденіямъ, но только внѣ общественной школы. Въ послѣднее время нѣкоторые лица изъ духовенства, особенно католики предъявили требованіе, чтобы въ школахъ введено было, по крайней мѣрѣ, чтеніе священнаго писанія съ толкованіемъ со стороны учителя. При этомъ, конечно, имѣлось въ виду подчинить образованіе молодого поколѣнія влиянію духовенства. Но, несмотря на такого рода посползновенія, парламентъ остался вѣренъ положенному при основаніи колоніи принципу полной вѣротерпимости, и преподаваніе закона Божія ни подъ видомъ чтенія библіи и ни подъ какимъ инымъ видомъ не допускается въ школахъ.

Нельзя сказать, чтобы церкви посѣщались здѣсь очень ревностно: несмотря на весьма ограниченное помѣщеніе въ нихъ, онѣ и на половину не наполняются молящимися, большая часть которыхъ принадлежитъ къ женскому полу. Жители, осужденные почему-либо имѣть свои квартиры въ самомъ городѣ, покидаютъ его въ воскресенье, съ тѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ парковъ и нагорныхъ полей по сосѣдству съ Аделаидой. Послѣ полудня omnibusы начинаютъ свои поѣздки въ загородныя мѣста, и даже нѣкоторые изъ поѣздовъ желѣзной дороги разрѣшаются по воскресеньямъ, по крайней мѣрѣ, до ближайшихъ дачныхъ станцій.

Къ наиболѣе пріятнымъ мѣстамъ подобнаго рода относится, между прочимъ, извѣстное уже намъ приморское мѣстечко Гленель, отстоящее всего въ шести миляхъ отъ Аделаиды. Публика гуляетъ тутъ по прекрасной набережной и пользуется морскимъ купаньемъ въ устроенной обширной купальнѣ. Отправляющіеся на такія дальнія прогулки обыкновенно берутъ съ собою въ сакъ-воажѣ разные съѣстные припасы и лакомства. Расположившись на зеленомъ дугу, гдѣ-нибудь въ тѣни деревьевъ, они закусываютъ на чистомъ воздухѣ. Впрочемъ, какъ въ Гленелѣ, такъ точно и въ паркахъ и другихъ посѣщаемыхъ гуляющими мѣстахъ всегда находятся рестораны, которымъ вопреки воскресенью разрѣшается продажа какъ съѣстнаго, такъ и напитковъ. Въ этомъ отношеніи англичане являются замѣчательными формалистами и въ нѣкоторомъ родѣ фарисеями. Для того, чтобы торговля въ ресторанахъ и гостинницахъ за городомъ не послужила соблазномъ, не показалась престолюдину нарушеніемъ воскреснаго устава, они применили къ послѣднему законное постановленіе, въ силу котораго гостинницамъ и ресторанамъ разрѣшается принимать проѣзжающихъ путешественниковъ и продавать имъ какъ съѣстное, такъ и напитки. Путешественникомъ считается всякій, кто не живетъ въ мѣстѣ пребыванія гостинницы, а прибылъ туда откуда бы то ни было, лишь бы не ближе, какъ за двѣ мили. Пріѣзжающіе изъ города для прогулокъ, конечно, тоже считаются такими путешественниками; а потому всегда и принимаются въ загородныхъ отеляхъ и снабжаются тамъ всѣмъ необходимымъ для подкрѣпленія силъ.

Впрочемъ, горожане вездѣ въ окружающихъ Аделаиду паркахъ находятъ много пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ. Охотиѣ всего посѣщается ботаническій садъ, расположенный даже въ чертѣ самого города, считая, конечно, южную и сѣверную Аделаиду за одинъ городъ. Входъ въ садъ съ сѣверной террасы, тамъ, гдѣ по обѣ стороны рѣчки Торренса вытянулся паркъ. Казалось бы, ботаническій садъ назначенъ вовсе не для того, чтобы служить поприщемъ для публичныхъ прогулокъ; но на дѣлѣ выходитъ, что онъ составляетъ одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ гуляющими мѣстъ.

Садомъ управляетъ директоръ Шомбургъ, извѣстный путешественникъ по Бразилии. Когда я въ первый разъ вошелъ въ садъ, то засталъ директора у строящагося фонтана, гдѣ онъ съ мастеромъ разсуждалъ о томъ, какъ приладить къ верхнему отверстію трубки Сегнерова колесо, съ цѣлью учинить, такимъ образомъ, крутящаяся брызги. Мнѣ показалось страннымъ, что ди-

ректоръ ботаническаго сада занимается такими не имѣющими никакого отношенія къ ботаникѣ вещами. Но Шомбургъ послѣ самъ выразился по этому поводу: «Нашъ садъ, хотя и называется ботаническимъ, но въ строгомъ смыслѣ слова его нельзя назвать такимъ: онъ скорѣе публичный. Садъ содержится на счетъ города, а потому горожане и требуютъ, чтобы онъ служилъ имъ пріятнымъ мѣстомъ прогулки. Намъ поневолѣ и приходится угодить вкусамъ публики, отчасти даже въ ущербъ наукѣ». Занимаясь украшеніями въ родѣ фонтановъ, статуй, бесѣдокъ, и разводя въ саду большую коллекцію разнаго рода цвѣтновъ, садовники, конечно, не успѣваютъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ научной ботаники. Для послѣдней отведено небольшое пространство, гдѣ нѣкоторыя растенія размѣщены въ систематическомъ порядкѣ. Стараніями Шомбурга теперь сооруженъ въ саду прекрасный ботаническій музей, который понемногу наполняется разнаго рода предметами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ ботаникѣ. Тамъ, между прочимъ, я видѣлъ довольно полный гербарій австралійской флоры, и притомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; такъ что директоръ предлагаетъ для желающихъ по одному экземпляру въ обмѣнъ. Въ оранжереяхъ процвѣтаютъ тропическія растенія такъ роскошно, какъ мнѣ никогда не приходилось видѣть въ нашихъ теплицахъ. Когда я замѣтилъ директору, что намъ, жителямъ холоднаго сѣвера, приходится позавидовать здѣшнимъ садоводамъ, не вынужденнымъ топить оранжереи, то Шомбургъ возразилъ, что, напротивъ, мы еще можемъ бороться съ холодомъ, устраивая топки, тогда какъ имъ труднѣе бороться съ жаромъ и сухимъ воздухомъ, столь вреднымъ для многихъ растеній. Шомбургъ гордится своимъ большимъ акваріемъ въ родѣ фонаря, въ которомъ каждый годъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, цвѣтетъ открытая имъ вмѣстѣ съ его умершимъ братомъ великолѣпная Викторія регина. Показывая этотъ акварій, гдѣ на водѣ плавали уже молодые листья, величиною въ поларшина, онъ тутъ же привелъ нѣкоторыя подробности касательно самаго открытія на Амазонкѣ. Сверхъ того, въ саду положено начало для звѣринца, въ которомъ содержатся нѣсколько туземныхъ животныхъ и птицъ, собранныхъ здѣсь, впрочемъ, болѣе для развлечения публики, чѣмъ для изученія австралійской фауны.

Хотя все это и не вполне отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ, однако, желающіе заняться ботаникой найдутъ здѣсь для изученія богатые средства. Особенно интересно сравненіе европейской флоры съ австралійской. Директоръ подвелъ меня къ пло-

щадѣ и, указавъ на разросшіяся передъ нею густымъ лѣсомъ деревья, сказалъ: «Вотъ передъ вами, съ одной стороны, европейскій, а съ другой—австралійскій лѣсъ: тутъ можете видѣть разницу между тѣмъ и другимъ». И дѣйствительно, контрастъ поразительный: съ одной стороны вы видите свѣжую, сочную, ярко-зеленую листву нашихъ тѣнистыхъ ясеней, кленовъ, тополей и плакучихъ ивъ, съ ихъ нависшими надъ водою вѣтвями, а съ другой — сухіе, зеленовато-пепельнаго цвѣта серповидные листья эйкалиптовъ, съ ихъ облупившейся корой, покрытые колючками, почти безлиственные вѣтви акацій, кожистую листву фикусовъ и другихъ австралійскихъ породъ, дающихъ вообще мало тѣни. Въ саду разводятся австралійскія деревья и кусты, но на туземные полевые цвѣты и луговые травы вообще обращается мало вниманія. Всѣ подобнаго рода растенія, украшающія садъ, вывезены сюда изъ Европы, и ни одного австралійскаго цвѣтка не культивировали здѣшніе садовники. А когда я обратился къ директору съ запросомъ касательно сѣмянъ туземныхъ травъ, то онъ отвѣтилъ: «Такихъ сѣмянъ мы не собираемъ; мы, напротивъ, стараемся ввести европейскія и уничтожить туземныя травы, такъ какъ онѣ малопитательны, а нѣкоторыя даже вредны для овецъ. Тамъ, гдѣ теперь прокармливаются пара овецъ, на томъ же лугу, покрытомъ европейскими травами, можно легко прокормить ихъ паръ пять». Шомбургъ по этому поводу издалъ даже сочиненіе подъ заглавіемъ: «О приуроченныхъ травахъ и другихъ растеніяхъ въ Южной Австраліи».

Всякому, заѣхавшему сюда иноземцу, всего страннѣе покажется то, что въ этомъ саду, назначенномъ преимущественно для общественныхъ прогулокъ, настрого запрещается курить, какъ гласитъ надпись на вывѣшенной у воротъ доскѣ. Это тоже одинъ изъ обычаевъ, вывезенныхъ англичанами изъ ихъ доброй старой Англій. Вообще здѣсь мало найдется такихъ общественныхъ мѣстъ, гдѣ не запрещалось бы курить. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ всюду вывѣшаны объявленія, что за куреніе на платформѣ взимается два фунта стерлинговъ штрафа. И все это ради того, чтобы не оскорбить обонанія черезчуръ щепетильныхъ на этотъ счетъ лэди. Для курящихъ вездѣ отводятся особыя мѣста, недоступныя для женскаго пола, а по желѣзнымъ дорогамъ назначаются особыя курительные вагоны. Курия въ такомъ вагонѣ во время остановки поѣзда, вы на ту же платформу, на которой куреніе запрещено, вольны пускать клубы дыма; это ничего не значитъ: для англичанина дорого лишь то, чтобы была соблюдена формальность.

Директоръ Шомбургъ сообщилъ мнѣ, что въ Аделаидѣ живеть выходецъ изъ Россіи, а именно учитель музыки изъ Риги. Я, конечно, не преминулъ познакомиться съ нимъ. Профессоръ музыки, какъ здѣсь обыкновенно зовутъ учителей, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ покинулъ Ригу и поселился съ женой въ Аделаидѣ, гдѣ и жилъ все это время, давая уроки на фортепіано. Онъ увѣрялъ меня, что горожане вообще, а изъ болѣе достаточнаго класса, въ особенности, большіе любители музыки. Концерты посѣщаются ими весьма охотно. Онъ же, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ, что въ первое время его пребыванія здѣсь дикіе австрайлцы бродили еще въ окрестностяхъ города, и ему не разъ случалось встрѣчаться съ партіями дикарей, въ первобытномъ ихъ состояніи, несмотря на то, что тогда самъ городъ Аделаида существовалъ уже безъ малаго двадцать лѣтъ. Такъ туго въ началѣ подвигалось заселеніе края. Теперь, конечно, о дикихъ здѣсь давно уже и помину болѣе нѣтъ.

Учитель познакомилъ меня съ своимъ сосѣдомъ, докторомъ Мурѣ, однимъ изъ старожиловъ въ Аделаидѣ, пригласившимъ насъ къ себѣ. Докторъ—человѣкъ преклонныхъ уже лѣтъ—занимаеть теперь мало практикой и большую часть дня проводитъ въ своемъ кабинетѣ, четыре стѣны котораго съ потолка до полу наполнены произведеніями ученой литературы, не только по части медицины, но и по части философіи, исторіи и естественныхъ наукъ. Въ то время, когда мы вели бесѣду о Спенсерѣ и Дарвинѣ, до слуха нашего долетали звуки віолончели и флейты. Докторъ, наконецъ, повелъ насъ въ залъ, гдѣ мы и застали трехъ молодыхъ людей, одинъ изъ которыхъ игралъ на рояли, а двое другихъ акомпанировали на флейтѣ и віолончели. Тутъ же присутствовали три молодыя слушательницы. Когда кончилась симфонія, то докторъ познакомилъ меня съ своимъ сыномъ и его двумя товарищами. Всѣ трое служатъ въ различныхъ банкахъ, гдѣ и заняты въ теченіи дня; а по вечерамъ собираются въ одномъ или другомъ мѣстѣ и упражняются въ музыкѣ. Одна изъ двѣицъ была дочь доктора, а другія двѣ—ея пріятельницы. Жена его умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а потому теперь дочь хозяйничаетъ въ домѣ.

Благодаря этимъ знакомствамъ и приглашеніямъ, я имѣлъ случай приглядѣться нѣсколько къ здѣшней семейной жизни и къ домашнему обиходу. Для насъ, избалованныхъ всегдашней готовностью русскихъ слугъ исполнять во всякое время наши приказанія, самая отличительная черта въ здѣшнемъ домашнемъ обиходѣ состоитъ въ крайне рѣдкомъ появленіи

прислуги въ домѣ вообще. Все дѣлается въ опредѣленное время: въ положенный часъ обѣда слуга или служанка накрываетъ столъ, разставляетъ на немъ блюда съ кушаньемъ, потомъ, позвонивъ въ колокольчикъ, извѣщаетъ хозяевъ, что все готово и удаляется изъ столовой. Явившись на этотъ звонъ въ столовую, хозяинъ садится на одномъ концѣ стола, хозяйка— на другомъ, а остальные размѣщаются по обѣ ихъ стороны. Обязанность разрѣзать жаркое принадлежитъ хозяину. Дамы здѣсь никогда не берутъ назначеннаго для этого большого ножа въ руки. Онѣ разливаютъ обыкновенно чай или накладываютъ желаемымъ овощъ на ихъ тарелки. Когда всѣ повончили съ жаркимъ, то хозяйка звонитъ. Является прислуга и, убравъ что нужно со стола, приноситъ другія блюда, разставляетъ ихъ и опять удаляется. По окончаніи обѣда всѣ уходятъ изъ столовой въ такъ называемый парлуръ или гостинную. Такимъ образомъ, слуги изрѣдка лишь показываются на глаза, и здѣсь никому не вздумается помыкать ими изъ-за всякой бездѣлицы. Отношеніе къ нимъ господъ, вообще, таково, что не оскорбляетъ человѣческаго достоинства. Надо, впрочемъ, сознаться, что такое отношеніе сложилось поневолю: не вслѣдствіе внесеннаго сюда принципа со стороны господъ, а скорѣе вслѣдствіе того, что прислугу здѣсь, какъ вездѣ въ молодыхъ колоніяхъ, очень трудно добыть, и она оплачивается довольно дорого.

Въ домѣ всѣмъ распоряжается, конечно, хозяйка. Мужъ является домой только на отдыхъ: поприще его дѣятельности въ банкѣ, магазинѣ, конторѣ или оффисѣ, какъ здѣсь называютъ, гдѣ онъ проводитъ цѣлый день за дѣлами. Уѣхавъ съ утра изъ дому, онъ возвращается лишь къ обѣду, часовъ въ шесть, по окончаніи котораго проводитъ вечеръ въ семьѣ, принимая иногда гостей у себя, а не то и самъ отправляется къ знакомымъ или въ какое-нибудь публичное собраніе, гдѣ проводитъ вечеръ. Надо замѣтить, что послѣ обѣда, за которымъ пьютъ обыкновенно чай или кофе, ничего болѣе не подается, такъ что послѣ семи часовъ вечера прислуга, убравшись, свободна: въ ней нѣтъ болѣе надобности.

По воскресеньямъ часто совершаются недалнія прогулки всей семьей. Для этого болѣе достаточные держатъ своихъ лошадей. Впрочемъ, здѣсь всегда можно нанять экипажъ на цѣлый день въ такъ называемыхъ лейвери-стеблѣ (Livery-stable), гдѣ содержится на этотъ конецъ большое число лошадей и нѣсколько экипажей. Послѣдніе устроены болѣею частью по образцу американскихъ богге; они также легки и помѣстительны. Для такихъ

поѣздокъ рѣдко берутъ съ собою кучеровъ: одинъ изъ членовъ семьи правитъ лошадыю, а пріѣхавъ на мѣсто, оставляетъ экипажъ въ одной изъ ближайшихъ гостинницъ.

Къ любимымъ прогулкамъ такого рода относится, между прочимъ, поѣздка на ближайшія къ городу высоты, такъ называемыя, Лофти-ранжа (Lofty-range). Эти самыя высокія возвышенности въ малогористой колоніи Южной Австраліи тянутся, подобно валу, въ три тысячи футовъ вышиною съ сѣвера на югъ, пролегая на востокъ верстахъ въ пяти отъ города. Тамъ можно видѣть туземную растительность въ ея настоящемъ состояніи безъ примѣси подавляющей и изгоняющей ее европейской флоры, которая вездѣ уже успѣла проникнуть въ болѣе населенныя мѣста. Воспользовавшись хорошей погодой, я разъ отправился туда пѣшкомъ.

Пересѣвши на Рендль-стритъ такъ называемую восточную террасу, я незамѣтно перешелъ изъ Аделаиды въ подгородное мѣстечко Кенсингтонъ: оно до того сливается съ городомъ, что трудно даже догадаться, гдѣ кончается Аделаида и начинается Кенсингтонъ — тѣмъ болѣе, что въ отдаленной части города такіе же одноэтажныя коттеджи, изъ какихъ большею частью состоитъ и мѣстечко. Изъ Кенсингтона, полями, въ часъ времени, дошелъ я до другого мѣстечка у подножія высотъ, на скатѣ которыхъ въ этомъ мѣстѣ сооруженъ бассейнъ водопровода, снабжающаго жителей водою. Тутъ же обнажались темнобурыя скалы, и я увидѣлъ передъ собою каменоломни, въ которыхъ добывается матерьялъ для постройки городскихъ зданій. Въ горы ведетъ хорошо поддерживаемое шоссе. Подымаясь все выше и выше, я, наконецъ, очутился среди настоящей австраліи флоры. По скатамъ горъ растетъ скудная туземная трава: издали кажется вамъ, будто голыя скалы покрыты легкимъ зеленымъ налетомъ или плесенью; а мѣстами обнажаются плѣшины. Трава эта не похожа на нашу: она какая-то шероховатая, тусклая, такъ что поэтическое выраженіе — бархатъ дерна — придаваемое нашимъ лугамъ, вовсе не примѣнимо здѣсь. Здѣшніе луга съ виду напоминаютъ скорѣе суровый плющъ, чѣмъ бархатъ. Но всего болѣе поразилъ меня здѣсь мелкій кустарникъ, которымъ мѣстами покрыты болѣе отлогіе скаты. Онъ весь состоитъ изъ колючихъ растений, большею частью изъ рода акацій, и пройти этимъ кустарникомъ можно развѣ въ здоровыхъ кожаныхъ брюкахъ, хотя кусты не выше колѣна. Здѣшніе поселяне называютъ его скрубъ (scrub). Этотъ колючій скрубъ внутри страны тянется иногда на сотни миль по равнинѣ, представляя весьма сильное

препятствіе для путешественниковъ. Кое-гдѣ кустарникъ смѣняется разсыпанными по вершинамъ и скатамъ эйкалиптами, а мѣстами эти деревья, сплотившись, образуютъ небольшія рощи. Что за унылый видъ представляютъ эйкалипты, все равно, стоятъ ли они по одиночѣ или сплотившись въ лѣса. Свѣтлобурая кора лупится и висячіе клочья, словно грязное тряпье, окружаютъ голый стволъ. Сучья и вѣтви дерева, величиною съ наши осины, начинаются лишь на значительной высотѣ и, подымаясь кверху, образуютъ кудрявую, но не густую макушку. Узкіе, сухіе, пепельно-зеленаго цвѣта висячіе листья по формѣ напоминаютъ серпъ. Напрасно искалъ я тѣнистаго мѣстечка подъ деревьями: вездѣ просвѣчиваетъ солнце.

Все кругомъ—и покрытая скудной травой темнобурая скалы съ плѣшинами, и тусклый цвѣтъ лугового дерна, и скрубъ съ его обильными колочками, и малотѣнистые эйкалипты съ ихъ ободранной корой, представляло унылый, какъ будто выжженный солнцемъ ландшафтъ. Но, благодаря холмамъ и долинамъ съ ихъ мрачными рытвинами, и тутъ, такъ же какъ и вездѣ, природа являетъ своего рода прелесть и величіе: растительность какъ будто не успѣла еще развернуться вполне и, увядая, она служитъ только наземомъ для почвы, на которой со временемъ имѣетъ разростись иная болѣе пышная флора. И въ самомъ дѣлѣ: подымаясь на гору, я замѣтилъ, что даже сюда, на эти еще никѣмъ не занятыя высоты, успѣла уже проникнуть чужеземная растительность. По сторонамъ дороги разросся мѣстами нашъ шиповникъ, покрытый розовыми цвѣтами; въ поляхъ здѣсь и тамъ попадались наши желтые одуванчики, а кое-гдѣ изъ-подъ туземной травы краснѣли головки клевера.—Съ перевала горы, до котораго я поднялся, открылся прекрасный видъ на городъ, на дальнее море и на разсыпанныя между ними селенія и фермы съ ихъ фруктовыми садами и виноградниками по скатамъ холмовъ...

Возвращаясь въ городъ, я прошелъ паркомъ, въ которомъ между эйкалиптами и фикусами росли тополи, дубы и другія растенія европейской породы. Подъ однимъ изъ дубовъ я увидѣлъ четырехъ мальчиковъ, внимательно высматривавшихъ что-то въ вѣтвяхъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ полѣзъ на дерево и сталъ осматривать оказавшееся наверху отверстіе въ стволѣ. Я думалъ, ужъ не охотятся ли они здѣсь за опоссумомъ, который днемъ прячется обыкновенно въ дуплахъ. Но оказалось не то: они просто разыскивали воробьиныя гнѣзда, чтобы добыть оттуда яйца. Лѣтъ съ десятокъ тому назадъ, кому-то вздумалось привезти сюда изъ

Европы нѣсколько паръ воробьевъ, для того, чтобы они уничтожали вредныхъ для растительности гусеницъ. Воробьи добросовѣстно исполняли предназначенную имъ должность и гусеницы стали менѣ беспокоить фермеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ воробьи въ короткій срокъ расплодились чрезмѣрно, какъ здѣсь размножается вообще все, что привозится сюда изъ Европы, и стали цѣлыми стаями нападать на фруктовые сады, огороды и особенно на пшеничныя поля. И вотъ теперь воробьи въ свою очередь сдѣлались страшною заразою для фермеровъ, до такой степени, что послѣдніе во что бы то ни стало хотятъ окончательно уничтожить въ краѣ этихъ пернатыхъ пришельцевъ. Точно такую же заразою для сельскихъ хозяевъ оказались еще кролики и зайцы, тоже вывезенные сюда какимъ-то спортсменомъ съ цѣлю охоты. Но фермеры пуще всего озлоблены на воробьевъ, и газеты наполнены жалобами на нихъ, такъ что наконецъ дѣло о нихъ поступило въ здѣшній парламентъ. Правительство въ угоду фермерамъ назначило премію: за дюжину воробьиныхъ головъ 6 пенсовъ, а за сотню яицъ 2 шиллинга 6 пенсовъ. Вотъ школьники и принялись за дѣло, и въ свободное отъ школьныхъ занятій время они разыскиваютъ воробьиныя гнѣзда по деревьямъ. Но все это мало помогаетъ: не обращая никакого вниманія на жестокия преслѣдованія, воробьи продолжаютъ распространяться на широкомъ привольѣ и беззаботно чирикаютъ среди новой для нихъ листвы. Въ парламентѣ одинъ изъ ораторовъ, горячо ратуя противъ вредныхъ пришельцевъ, требовалъ даже, чтобы правительство установило законъ объ обязательномъ уничтоженіи воробьевъ и побудило къ тому же другія сосѣднія колоніи, такъ какъ воробьи и туда успѣли уже забраться. По тому же поводу въ газетахъ происходитъ теперь горячая полемика между сторонниками воробьевъ, доказывающими пользу ихъ для уничтоженія гусеницъ, и гонителями ихъ. Какъ не позавидовать публикѣ, у которой злоба дня ограничивается подобнаго рода воробьиными вопросами, и странѣ, гдѣ заботы отцовъ такъ дружно сливаются съ потѣхами молодого школьнаго поколѣнія!

Къ сожалѣнію, нельзя умолчать здѣсь, что въ воскресенье не выходятъ даже газеты, составляющія въ этой странѣ насущную потребность всякаго, начиная отъ банкира и до послѣдняго поденщика. Случилось, что одному изъ фермеровъ почта не доставила во-время слѣдующій ему номеръ. Обратившись съ жалобой къ почтмейстеру, фермеръ въ сердцахъ воскликнулъ: «я могу еще обойтись безъ своей трубки, но безъ вѣдомостей—никогда!»—

Этимъ и объясняется существованіе здѣсь относительно большого числа газетъ разныхъ отгѣнковъ. И въ самомъ дѣлѣ: въ Аделаидѣ выходятъ 4 ежедневныя газеты, а еженедѣльныхъ 11, не считая притомъ разныхъ мѣсячныхъ журналовъ. Хотя эти вѣдомости расходятся въ большомъ количествѣ внутри страны, тѣмъ не менѣе въ каждомъ городѣ, въ провинціи, выходятъ также свои газеты по малой мѣрѣ по одной. Но въ воскресенье весь край лишается даже этой самой насущной своей потребности, и даже воробинный вопросъ никого не тревожитъ въ этотъ день.

Чтобы посѣтить мѣста, куда не залетали еще воробьи, я рѣшился отправиться по желѣзной дорогѣ на сѣверъ во внутрь страны. Объ этомъ—въ слѣдующемъ письмѣ.

Аделаида, ноябрь 11, нов. стили.

Эд. Циммерманъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

....И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней—
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья,
И кровь пролитая, и рѣзкій звонъ цѣпей...
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами —
И трудъ поруганный... Смѣющійся глупецъ,
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!...
И это значить жить?... И это—перль творенья,
Разумный человекъ?... Но въ пошлой суетнѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ—ни мысли, ни значенья,
Какъ въ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ...
Но эта жизнь томить, какъ слепецъ томить живаго,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь
Въ часы бессонницы томить и жжетъ больнаго—
И некуда бѣжать... И некогда вздохнуть!...

Порой прекрасный сонъ мнѣ снится: предо мною
Привольно стелется нѣмая даль полей,
И зблуются хлѣба, и дремлетъ надъ рѣкою
Тѣнистый садъ, въ цвѣтахъ и въ золотѣ лучей...
Родная глушь моя таинственно и внятно
Зоветь меня придти въ объятія свои,
И все, что потерялъ я въ жизни невозвратно,
Вновь общаетъ мнѣ для счастья и любви;
Но не тому сложить трудящіяся руки
И дать бездѣйствовать тревожному уму,
Кто понялъ, что борьба, провлятія и муки —
Не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему:

Какъ жалкій трусь, я жизнь не пряталъ за обманъ
 И не радилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
 Но безбоязненно въ зіяющія раны,
 Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты;
 Огнемъ и пыткой правдиваго сомнѣнья
 Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать —
 И нѣту для меня покоя и забвенья,
 И вѣчно буду я бороться и страдать!..

II.

Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья...
 Я презрѣнъемъ клеймилъ этихъ сытыхъ людей,
 Промѣнявшихъ туманы и холодъ ненастья
 На отраду и ласку весеннихъ лучей...
 Я твердилъ, что покуда на свѣтѣ есть слезы
 И покуда царитъ непроглядная мгла,
 Безконечно-постыдны заботы и грезы
 О теплѣ и довольствѣ родного угла—
 А сегодня—сегодня весна золотая,
 Вся въ цвѣтахъ, и въ мое заглянула окно—
 И забилось усталое сердце, страдая,
 Что такъ бѣдно за этимъ окномъ и темно...
 Милый взглядъ, мимолетнаго полный участья,
 Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица—
 И безумно, мучительно хочется счастья,
 Женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца!...

Сем. Надсонъ.

1882 г.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МАЛЬТУЗИАНСТВА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПѢ.

Je ne propose rien,
j'expose!

(Статья первая).

28-го іюня 1877 года въ Лондонѣ происходилъ рѣдкій процессъ по дѣламъ печати, привлекшій общее вниманіе публики: въ главномъ судѣ Королевиной Скамьи судился Чарльзъ Брадло, столь извѣстный нынѣ членъ радикальной партіи въ Англіи, не допускаемый въ парламентъ за отказъ отъ присяги, и г-жа Анна Безантъ, извѣстная своею литературною дѣятельностью того же направленія. Оба эти литератора судились за изданіе небольшой книги (или точнѣе брошюры въ пятьдесятъ шесть страницъ) одного американскаго доктора Нольтона, называющейся: «Плоды философіи. Опытъ по вопросу о народонаселеніи»¹. Приговоръ суда былъ очень строгій: Брадло и Безантъ приговорены къ шестимѣсячному тюремному заключенію, къ двумъстамъ фунтамъ штрафа каждый; и сверхъ того, согласно постановленію суда, оба обвиненные, по отбытіи срока тюремнаго заключенія, обязаны были еще представить по пяти-сотъ фунтовъ стерлинговъ, какъ «ручательство за хорошее поведеніе ихъ въ теченіи двухъ лѣтъ». Къ счастью, впрочемъ, для подсудимыхъ приговоръ этотъ, вслѣдствіе одной ошибки въ постановленіи и благодаря характерной особенности англійскаго судопроизводства, былъ отвергнутъ апелляціоннымъ судомъ и согласно обычаю подсудимые не были притянуты къ отвѣтственности въ другой разъ и отъ перваго приговора въ силѣ осталось лишь запрещеніе продажи книги.

¹ *Fruits of Philosophy. An Essay on the Population Question. By Charles Knowlton, M. D. New edition, with Notes. One Hundred and Eighty—Fifth Thousand. London.*

Прошло всего полгода съ небольшимъ, какъ въ томъ же судѣ происходилъ другой аналогичный процессъ по дѣламъ печати, а именно судился извѣстный книгопродавецъ Эдвардъ Трюловъ за изданіе книги «Нравственная Физиологія» Роберта Дэля Оуэна¹. Если въ этомъ случаѣ не послѣдовало осужденія и одинаково строгаго приговора, какъ относительно Брадло и Безанта, то не было собственно и оправданія, ибо голоса присяжныхъ раздѣлились, и никакъ не могло составиться единогласіе, требуемое по англійскому закону для постановленія приговора.

Оба эти процесса весьма интересны и характерны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, какъ было уже упомянуто, между ними существуетъ полнѣйшая аналогія. Обѣ книги—однороднаго содержанія, принадлежать къ категоріи такъ называемыхъ серьезныхъ или научныхъ книгъ и трактуютъ одинаково вопросъ о народонаселеніи, вопросъ, повидимому, самый безобидный, даже и не въ странѣ съ хваленой свободой прессы, какова Англія. Затѣмъ оба сочиненія, какъ «Плоды философіи», такъ и «Нравственная физиологія»—книги старыя: вышли въ свѣтъ еще въ тридцатыхъ годахъ, т. е. около 50 лѣтъ обращались безвозбранно, безнаказанно въ публикѣ; авторы обоихъ сочиненій были американцы и оба давно уже умерли и, слѣдовательно, въ обоихъ процессахъ поманутыя лица судились лишь за переизданіе книгъ, уже существующихъ въ публикѣ и ей извѣстныхъ. Тѣмъ не менѣе оба процесса надѣлали достаточно шума и привлекли, какъ видѣли, довольно строгое отношеніе суда. Первая книжка «Плоды философіи» Нольтона до сихъ поръ запрещена для продажи и ее можно получить лишь тайкомъ и разумѣется за увеличенную цѣну.

Читателю, конечно, извѣстна широкая свобода англійской прессы, которой эта страна такъ гордится, а потому каждый невольно придетъ въ изумленіе послѣ сообщенныхъ фактовъ, что значить такая несообразность общихъ принциповъ съ даннымъ случаемъ, и чѣмъ объясняется это непонятное привлеченіе къ отвѣтственности новыхъ издателей—сочиненій, обращающихся въ публикѣ уже пятьдесятъ лѣтъ?! Очевидно, что если эти сочиненія безусловно вредны, то онѣ должны были бы быть давно изъяты изъ обращенія и уже первые издатели, если не сами авторы, привлечены къ судебной отвѣтственности; если же нѣтъ, т. е. если вредъ этихъ сочиненій подверженъ еще сомнѣнію, то остается одно изъ двухъ предположеній, или Англія въ смыслѣ свободы

¹ *Moral Physiology; or a Brief and Plain Treatise on the Population Question.* By *Robert Dale Owen.* New edition. London E. Truelove, 256 High Holborn,

печати пятится назадъ, запрещая сочиненія прежде дозволенные, или же, наконецъ, въ этихъ процессахъ преслѣдовались собственно не двѣ названныя книги, а извѣстное ученіе, признанное вреднымъ лишь въ настоящее время. Говоря иначе, можно предположить, что эти два сочиненія выхвачены случайно и привлечены къ отвѣтственности изъ кучи другихъ однороднаго направленія, которое, во-первыхъ, прстивно существующему порядку или общественнымъ воззрѣніямъ, и, во-вторыхъ — и это главное — сказанное направленіе настолько усилилось, имѣетъ столько приверженцевъ, что невольно привлекаетъ вниманіе цѣлаго общества, возбуждаетъ уже безпокойство и находитъ своихъ ревностныхъ и добровольныхъ обвинителей, что прежде, при ничтожности означеннаго движенія, не могло имѣть мѣста. Какъ извѣстно, въ Англии до самыхъ послѣднихъ лѣтъ не существовало публичнаго обвинительнаго органа, и оба процесса были возбуждены по частной инициативѣ «Общества для преслѣдованія и подавленія порока» («Society for the Prosecution and Suppression of Vice»).

Чтобы рѣшить, которое изъ этихъ предположеній вѣрнѣе и болѣе согласно съ истиной, необходимо, конечно, знать не только содержаніе обѣихъ книгъ, послужившихъ поводомъ къ сказаннымъ процессамъ, но и всю исторію новѣйшаго умственнаго движенія въ области вопроса о народонаселеніи, представителями котораго два указаннаго сочиненія служатъ. Цѣль настоящей статьи и заключается именно въ томъ, чтобы познакомить читателей съ характеромъ этого новѣйшаго направленія мысли, при обсужденіи и рѣшеніи этого капитальнаго вопроса, обуславливающаго все будущее человѣчества. Что направленіе это, къ которому принадлежатъ въ Европѣ люди самаго различнаго общественнаго положенія, заслуживаетъ вниманія мыслящаго читателя, что оно имѣетъ тысячи приверженцевъ и сотни изданій не только въ Англии, но и въ другихъ странахъ Европы, въ этомъ читатель убѣдится далѣе изъ самой статьи. Можно допустить, что направленіе это, представляя собой крайній логическій выводъ изъ извѣстнаго ученія Мальтуса, носитъ на себѣ печать болѣзненности и скорѣе принадлежитъ къ области патологии человѣческой мысли, нежели къ нормальнымъ и здоровымъ явленіямъ европейской культуры. Но разъ такое направленіе существуетъ, является фактомъ и имѣетъ многочисленныхъ представителей въ образованномъ классѣ одной изъ передовыхъ странъ Европы, оно — какъ бы ни казалось дико — заслуживаетъ безпристрастнаго изслѣдованія и ознакомленія съ нимъ русской публики. Если самыя страшныя болѣзни тѣла и аномаліи обществен-

*

наго устройства подлежатъ въ настоящее время одинаково настойчивому изученію, то, конечно, съ не меньшимъ правомъ заслуживаетъ того же самаго и изученіе аномалій человѣческой мысли, выражающихся въ одностороннемъ, какъ увидитъ читатель, рѣшеніи столь важнаго и основнаго общественнаго вопроса, каковъ вопросъ о народонаселеніи и причинахъ происхожденія бѣдности. Читатель не долженъ во всякомъ случаѣ забывать, что даже самое вѣрное и безспорное положеніе, если проводить логически, послѣдовательно до конца, упуская изъ вниманія всѣ другія стороны вопроса, можетъ легко привести къ абсурду; тѣмъ болѣе это правило приложимо къ вопросу еще далеко не рѣшенному и даже спорному. Ознакомленіе съ новымъ направлениемъ и его изслѣдованіе является такимъ образомъ важнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, само по себѣ, какъ способъ узнать и подвергнуть надлежащей оцѣнкѣ новое и весьма странное теченіе человѣческой мысли, и, во-вторыхъ, какъ средство познакомиться съ нѣкоторыми особенностями и аномаліями общественной жизни современной Европы. Начнемъ съ изложенія сущности этого направленія и знакомства съ его исторіей и литературой.

Чтобы легче понять и усвоить сущность новаго направленія въ вопросѣ о народонаселеніи, необходимо въ краткихъ чертахъ напомнить читателю содержаніе знаменитаго закона Мальтуса о народонаселеніи, уже болѣе восьмидесяти лѣтъ время отъ времени занимающаго европейскихъ ученыхъ и публицистовъ, несмотря на всю критику и оппозицію, противъ него направленную.

Еще д-ръ Франклинъ въ прошломъ вѣкѣ замѣтилъ, что размноженіе растений и животныхъ задерживается только вслѣдствіе соперничества и взаимной борьбы ихъ за средства существованія. Еслибы, говорилъ онъ, на поверхности земнаго шара не росло другихъ растений, то вся она могла бы постепенно засѣяться и покрыться однимъ какимъ-нибудь растительнымъ видомъ. Точно также, еслибы на земной поверхности не было другихъ обитателей, то по прошествіи немногихъ вѣковъ вся она могла бы заселиться одной только націей. Вообще и въ животномъ и въ растительномъ царствѣ природа обильно разсѣяла повсюду сѣмена жизни; но она была экономна относительно мѣста и пищи для развитія этой жизни. Еслибы эти сѣмена жизни, находящіяся на нашей землѣ, могли всѣ развиваться свободно, то черезъ нѣсколько тысячелѣтій они наполнили бы собой цѣлые миллионы міровъ, подобныхъ нашему. Только нужда, этотъ повелительный всеобщій законъ природы, сдерживаетъ

развитіе жизни въ опредѣленныхъ границахъ. Растенія и животныя подчиняются одинаково ограниченію этого великаго закона и никакими усиліями своего разума, утверждаетъ Мальтусъ, человѣкъ не можетъ освободиться отъ его вліянія.

У животныхъ инстинктъ размноженія не сдерживается никакими заботами о средствахъ существованія. Поэтому вездѣ, гдѣ только способность размножаться можетъ проявляться, она проявляется; излишекъ въ размноженіи уничтожается впоследствии отъ недостатка мѣста и пищи. На человѣка это ограниченіе оказываетъ гораздо болѣе сложное дѣйствіе. Инстинктъ, такой же могущественный, какъ и у животныхъ, побуждаетъ его къ размноженію своего вида, а разумокъ останавливаетъ его и задаетъ ему вопросъ: не произведетъ ли онъ на свѣтъ существъ, которымъ не въ состояніи будетъ доставить средства къ существованію? Если онъ послушается этого естественнаго внушенія, то само побужденіе сдѣлается источникомъ пороковъ, если же не послушается, то потомство будетъ постоянно стремиться размножаться быстрѣе, чѣмъ станутъ увеличиваться средства къ существованію. Но какъ по законамъ нашей природы пища существенно необходима для поддержанія нашей жизни, то населеніе въ дѣйствительности никогда не можетъ возрасти до такой степени, чтобы выдти изъ границъ, которыя опредѣляются наименьшимъ количествомъ пищи потребной для существованія; недостатокъ ея неизбежно ощущается гдѣ-нибудь и неизбежно является въ какой-нибудь формѣ бѣдствія или страха нищеты.

На основаніи статистическаго обзора разныхъ странъ и особенно Соединенныхъ Штатовъ Америки, Мальтусъ пришелъ къ убѣжденію, что если населеніе не встрѣчаетъ препятствій къ своему размноженію, то оно удваивается въ каждые двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ *въ геометрической пропорціи*. Въ то же самое время онъ приходитъ также, на основаніи изслѣдованія разныхъ странъ, къ заключенію, что средства для продовольствія этого населенія или количество продуктовъ земли въ данный періодъ возрастаетъ гораздо медленнѣе, а именно *въ пропорціи арифметической*; и такимъ образомъ весьма быстро, хотя и постепенно, наступаетъ перевѣсъ населенія надъ средствами къ его существованію и появляется, слѣдовательно, на сцену голодъ—самое могущественное и конечное препятствіе къ размноженію человѣчества. Этой конечной причинѣ приостановки размноженія предшествуютъ, впрочемъ, непосредственныя препятствія, которыя состоятъ во всѣхъ тѣхъ обычаяхъ, привычкахъ и болѣзняхъ, которыя происходятъ отъ недостатка средствъ къ существованію и также во всѣхъ тѣхъ причинахъ моральнаго

или физическаго свойства, которыя стремятся преждевременно разслабить или разрушить человѣческій организмъ.

Всѣ эти препятствія къ возрастанію населенія, которыя постоянно дѣйствуютъ съ большею или меньшею силою въ каждомъ обществѣ и удерживаютъ населеніе на уровнѣ средствъ къ существованію, можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи—на препятствія предупредительныя и положительныя. *Положительныя* препятствія къ возрастанію населенія чрезвычайно разнообразны; къ числу ихъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ причины, которыя стремятся сократить естественную продолжительность человѣческой жизни, будутъ ли эти причины отъ бѣдности или порока. Къ этой категоріи, слѣдовательно, должны быть отнесены всѣ нездоровыя занятія, тяжелая работа, вредный климатъ, дурное обращеніе съ дѣтьми, городская жизнь, излишества всякаго рода, цѣлый рядъ болѣзней и эпидемій, война, зараза и голодъ. *Предупредительныя* препятствія по своей произвольности свойственны только человѣку и зависятъ отъ отличительнаго превосходства его умственныхъ способностей, которое заставляетъ его разсчитывать *отдаленныя послѣдствія* его дѣйствій. Препятствія къ безпредѣльному развитію растений и животныхъ всѣ положительныя, а если они и предупредительныя, то не произвольны. Другое у человѣка: прежде нежели слѣдовать естественному инстинкту, онъ задумывается и соображаетъ, можетъ ли онъ связать свою судьбу съ особой другого пола. Оглядываясь вокругъ себя и вида нужду, часто гнетущую многочисленную семью, и соображая, что расходуется на себя и что у него останется, если придется свой доходъ раздѣлить на нѣсколько частей, человѣкъ не можетъ не задаться вопросомъ, будетъ ли онъ въ состояніи поддерживать существованіе потомства, которое, вѣроятно, произведетъ на свѣтъ, если послѣдуетъ своимъ наклонностямъ. Отсюда, изъ такихъ-то и подобныхъ имъ соображеній, возникаетъ сильное препятствіе къ браку, и нѣтъ сомнѣнія, что эти соображенія способны удержать и, дѣйствительно, удерживаютъ значительное число людей всѣхъ цивилизованныхъ націй отъ естественнаго влеченія связать рано свою судьбу съ женщиной. Это-то воздержаніе отъ брака, если оно не ведетъ къ пороку, пока человѣкъ не имѣетъ возможности содержать будущей семьи, называется Мальтусомъ «*нравственнымъ обузданіемъ*»; оно составляетъ наименьшее зло, могущее истекать изъ принципа населенія и потому рекомендуется имъ какъ главнѣйшее средство противъ развитія бѣдности и нищеты.

Сумма всѣхъ этихъ предупредительныхъ и положительныхъ препятствій, взятыхъ вмѣстѣ, составляетъ непосредственную пре-

граду въ возрастанію населенія. Двѣ категоріи этихъ препятствій находятся до извѣстной степени въ обратномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. напримѣръ, въ странахъ отъ природы нездоровыхъ или почему-либо подверженныхъ большой смертности, предупредительныя препятствія рѣдко дѣйствуютъ, напротивъ того, въ странахъ здоровыхъ или культурныхъ предупредительныя причины преобладаютъ, положительныя ослабѣваютъ и смертность относительно незначительна.

Изъ этого краткаго резюмѣ сущности ученія Мальтуса видно, что для счастья и благополучія человѣчества желательно возможно медленное его возрастаніе; а единственнымъ желательнымъ средствомъ для того должно служить нравственное обузданіе, т. е. половое воздержаніе. «Всякое неблагоразумное удовлетвореніе, говоритъ онъ: — всѣхъ нашихъ похотей имѣетъ дурныя послѣдствія. Если мы неумѣренно ѣдимъ или пьемъ, то страдаемъ; если мы даемъ волю гнѣву, то вредимъ самимъ себѣ и своимъ ближнимъ. Если мы слишкомъ быстро размножаемся, то умираемъ отъ нищеты и заразительныхъ болѣзней».

«Бѣдствія отъ слишкомъ быстраго размноженія, къ сожалѣнію, не такъ непосредственны или очевидны, какъ въ другихъ случаяхъ; чѣмъ и объясняется, почему люди такъ мало обращали на это вниманіе... Такъ-какъ нравственное воздержаніе, выводитъ онъ отсюда, представляетъ единственно добродѣтельный способъ избѣгать золь, обусловленныхъ принципомъ населенія, то наша обязанность соблюдать его основана на одномъ и томъ же принципѣ добродѣтели—на пользѣ. Какъ бы снисходительно мы ни смотрѣли на случайное нарушеніе тягостнаго долга, мы не можемъ, однако же, сомнѣваться въ томъ, что этотъ долгъ слѣдуетъ исполнять. Наша обязанность не вступать въ бракъ до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ надежды на возможность содержать своихъ дѣтей, должно бы обратитъ, повидимому, вниманіе моралистовъ, если можно доказать, что исполненіе этой обязанности предупредитъ развитіе нищеты. Еслибы вошло въ общее обихованіе слѣдовать первому побужденію природы и вступать въ бракъ въ раннюю пору половой зрѣлости, то господство даже всевозможныхъ добродѣтелей было бы не въ состояніи спасти общество отъ самой отчаянной нищеты, болѣзней и голода, которыя обыкновенно появляются».

Во всѣхъ старыхъ и населенныхъ странахъ, по мнѣнію Мальтуса, только ограничивая предложеніе труда, можно рассчитывать на существенное и постоянное улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ. «Находя, что при всевозможной быстротѣ производства число потребителей возрастаетъ еще быстрѣе, мы должны наконецъ

убѣдиться, что наши усилія, направленныя въ одну только эту сторону, никогда не достигнутъ своей цѣли; мы должны слѣдовательно попробовать привести населеніе въ соотвѣтствіе съ количествомъ пищи, такъ какъ нельзя сдѣлать обратнаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія». «Надо одновременно стремиться къ обѣимъ цѣлямъ и такимъ образомъ добиться двухъ желаемыхъ результатовъ, большого народонаселенія и такого состоянія общества, при которомъ нищета и зависимость были бы сравнительно мало извѣстны. Еслибы мы всѣ захотѣли жениться въ молодости, надѣясь быть въ состояніи преодолѣть всѣ несчастія, всякія болѣзни и нищету, то убѣдились бы скоро, что всѣ усилія будутъ напрасны. Природа не хочетъ, не можетъ быть обойденною, побѣжденною. Необходимая смертность должна явиться въ той или другой формѣ; если человѣческое искусство искоренить одну болѣзнь, то это будетъ только началомъ зарожденія другой, можетъ быть, болѣе губительной».

Примѣнительно къ Англии Мальтусъ приводитъ еще нѣсколько мѣръ второстепеннаго значенія, которыя могутъ также отчасти регулировать населеніе и способствовать уменьшенію нищеты, но главнымъ и универсальнымъ средствомъ имъ рекомендуемымъ для задержанія быстрого размноженія, является все-таки *нравственное обузданіе* (moral restraint), которое выражается въ строгомъ цѣломудріи до брака и позднемъ, по крайней мѣрѣ, для большинства населенія, вступленіи въ него. «*Не въ порядкѣ вещей, говорить онъ, что-бы возможно было какое-нибудь постоянное и общее умилшеніе въ положеніи бѣдныхъ безъ усиленія предупредительнаго препятствія къ увеличенію населенія*».

Ученіе Мальтуса въ наше время, какъ извѣстно, получило еще подерѣвленіе въ трудахъ знаменитаго Чарльза Дарвина, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о происхожденіи видовъ, цѣликомъ даже примѣняетъ къ борьбѣ за существованіе Мальтусовскій принципъ геометрической пропорціи размноженія живыхъ существъ. «Въ этой борьбѣ за существованіе, говоритъ онъ, на примѣръ:—выражается ученіе Мальтуса въ примѣненіи ко всему растительному царству, но въ примѣненіи страшномъ, которое не допускаетъ уже ни искусственнаго увеличенія средствъ къ существованію, ни благоразумнаго воздержанія отъ брака. Хотя въ настоящее время нѣкоторые виды и могутъ размножаться съ большей или меньшей скоростью, однако же, такое размноженіе возможно не для всѣхъ видовъ, потому что для нихъ не достало бы мѣста». Наконецъ, къ числу приверженцевъ Мальтуса принадлежатъ нѣсколько и другихъ не менѣ знаменитыхъ натуралистовъ, каковы Лайель, Гекслей, Оуэнъ и Уоллесъ. Что касается до экономистовъ Англии, то принятіе ученія Маль-

туса ими можно признать почти всеобщимъ. Д. С. Милль, на-
примѣръ, болѣе другихъ англійскихъ экономистовъ свободный
отъ всѣхъ предразсудковъ ортодоксальной доктрины, былъ тѣмъ
не менѣе большимъ почитателемъ Мальтусовой теории народо-
населенія. «Попытки отвергнуть ученіе Мальтуса о народонасе-
леніи, говоритъ Милль въ своей «Логикѣ» наприимѣръ: — были
большою частію примѣрами *ignoratio elenchii* (т. е. заключеніемъ,
не относящимся къ вопросу). Думали, что ученіе Мальтуса будетъ
опровергнуто, если докажется, что въ какихъ-нибудь странахъ
или въ какія-нибудь времена населеніе не размножалось; но
Мальтусъ никогда не утверждалъ, что населеніе всегда возрос-
таетъ въ данной прогрессіи, а доказываетъ только, что оно
стремится размножиться въ томъ случаѣ, если не сдерживается
благоразуміемъ или не ограничивается нищетою и болѣзнію. Вы-
ставляютъ на видъ также факты, что народъ живетъ лучше, если
размножается больше, или, что та страна богаче, гдѣ населеніе
гуще. Но Мальтусъ вовсе не доказывалъ, что при густотѣ насе-
ленія народъ не можетъ жить хорошо; напротивъ того, сущность
его ученія состоитъ въ томъ, что въ странѣ, гдѣ много капитала,
можетъ быть и больше населенія безъ развитія нищеты».

Уже одно лишь признаніе ученія Мальтуса столькими совре-
менными авторитетами науки указываетъ на всю его важность
и даетъ право заключить, что это ученіе еще съ начала появле-
нія книги Мальтуса ¹, несмотря на всю его односторонность, какъ
мы постараемся доказать въ будущей статьѣ, должно было про-
извести необычайно сильное впечатлѣніе на умы большей ча-
сти его современниковъ. Это впечатлѣніе, нѣтъ сомнѣнія, и дало
толчокъ многимъ изъ приверженцевъ новаго ученія, обладавшихъ
болѣе послѣдовательностью, нежели, можетъ быть, высокою ум-
ственной силою, къ дальнѣйшему развитію принциповъ Мальтуса
и доведенію ихъ даже до крайняго предѣла. Къ категоріи та-
кихъ крайнихъ послѣдователей Мальтуса, число которыхъ было
уже велико въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго
столѣтія, принадлежатъ почти во всѣхъ странахъ Европы изо-
брѣтатели разнородныхъ проэктвъ, иногда странныхъ, иногда
прямо дикихъ, для уменьшенія размноженія народонаселенія, и къ
этому же самому періоду (къ тридцатымъ годамъ) относится по-
явленіе въ свѣтъ двухъ сочиненій: «Нравственная физиологія»
Роберта Дэль Оуэна и «Плоды философіи» д-ра Нольтона, пе-
реизданіе которыхъ вызвало въ современной Англии два су-

¹ Книга Мальтуса о народонаселеніи появилась въ 1798 году и за первые
шесть лѣтъ уже выдержала пять изданій, породивши массу противниковъ, а
еще болѣе приверженцевъ.

дебныхъ процесса, о которыхъ мы говорили. Сочиненія эти, совершенно однородныя по своей цѣли и характеру, не заключали въ себѣ, строго говоря, ничего такого, что было бы вполне новымъ, даже для тридцатыхъ годовъ. Еще раньше въ книгѣ Франсиса Плэса, а главное Ричарда Карляйля (*Every Woman's Book*)¹ высказывались въ сущности тѣ же самыя соображенія о законѣ народонаселенія и въ томъ же самомъ направленіи, какъ и въ двухъ книгахъ, съ содержаніемъ которыхъ мы будемъ теперь знакомить читателей. Разница лишь та, что сочиненія Роберта Дэль Оуэна и Нольтона гораздо лучше и полнѣе (особенно же—Оуэна) оформили и выразили тѣ же воззрѣнія крайнихъ мальтузіанцевъ, и, во-вторыхъ, что имъ посчастливилось появиться на свѣтъ вновь въ настоящее время, когда ученіе Мальтуса видимо опять оживилось и крайніе мальтузіанцы составляютъ сильную и многочисленную партію не въ одной даже Англии, а самыя ученія ихъ, повидимому, переходятъ въ жизнь.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги Мальтуса, по поводу «нравственнаго обузданія» имъ рекомендуемаго и позднихъ браковъ, нѣкоторые изъ его приверженцевъ упоминали уже въ печати о широко распространенномъ будто бы во Франціи «супружескомъ благоразуміи», которое можетъ де замѣнить мѣсто позднихъ бракосочетаній или допустить браки болѣе ранніе; объ этомъ, между прочимъ, много распространяется въ своей книгѣ уже упомянутый нами Франсисъ Плэсъ. Однажды, рассказываютъ мальтузіанцы, знаменитый филантропъ Робертъ Оуэнъ, готовясь основать свою извѣстную промышленную ассоціацію Нью-Ланаркъ, бесѣдоваль съ Франсисомъ Плэсомъ о ея будущемъ. Въ разговорѣ Плэсъ поставилъ въ тупикъ Оуэна своимъ замѣчаніемъ, что его планъ навѣрное рухнетъ, какъ скоро работники новой ассоціаціи, достигнувъ благосостоянія, начнутъ быстро жениться и наплодятъ кучу дѣтей, благодаря чему опять впадутъ въ бѣдность и ассоціація распадется. «Неужели противъ этого не существуетъ никакого средства?» спросилъ Оуэнъ. «Да, отвѣчалъ Плэсъ:—французы когда женятся слѣдятъ за тѣмъ, чтобы у нихъ было не болѣе двухъ или трехъ дѣтей». Услышавши это, Оуэнъ немедленно отправился во Францію и старался изучить у парижскихъ родителей средства, употребляемыя ими для ограниченія ихъ семействъ. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ основалъ Нью-Ланаркъ, который, какъ извѣстно, имѣлъ значительный успѣхъ, и, какъ утверждаютъ по этому поводу мальтузіанцы, этимъ де Оуэнъ обязанъ въ значительной степени тѣмъ совѣтамъ,

¹ За книгу эту авторъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности.

которые онъ давалъ сочленамъ на основаніи опыта изъ своей поѣздки во Францію ¹.

Еще болѣе отца обратилъ вниманіе на ученіе Мальтуса сынъ его Робертъ Дэлъ Оуэнъ, извѣстный въ Америкѣ, какъ литераторъ и политическій дѣятель, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Робертъ Дэлъ Оуэнъ, человекъ весьма не дюжинныхъ способностей, въ теченіи своихъ многочисленныхъ путешествій по Европѣ, гдѣ онъ въ разныхъ странахъ занималъ постъ посланника америганской республики, заинтересовался серьезно вопросомъ о народонаселеніи и въ 1830 году выступилъ въ свѣтъ уже рѣшительнымъ мальтузіанцемъ, съ книгой: «Нравственная физиологія», которая можетъ считаться самымъ крупнымъ по своему значенію произведеніемъ новой партіи ².

Появленіе въ свѣтъ «Нравственной физиологіи» Оуэна вызвано было чистымъ случаемъ. Вотъ какъ онъ передаетъ объ этомъ, въ предисловіи своей книги. Нѣсколько времени передъ этимъ одинъ пріятель автора, пріѣхавшій въ Америку изъ Англіи, передалъ ему нѣсколько англійскихъ книгъ, врученныхъ ему издателемъ съ цѣлью представить ихъ какому-либо американскому типографскому обществу, какъ образчикъ англійскаго типографскаго искусства. Исполняя просьбу пріятели, Робертъ Дэлъ Оуэнъ препроводилъ эти книжки въ типографское общество въ Нью-Йоркѣ при соотвѣтственнаго содержанія формальной запискѣ. Къ его величайшему изумленію, спустя короткое время, онъ получилъ эти образчики англійскаго типографскаго дѣла обратно съ приложеніемъ длиннаго и весьма гнѣвнаго письма, подписаннаго тремя членами общества, обвиняющими Оуэна, приславшаго эти книги, «въ принципахъ, противныхъ всякой добродѣтели, стремящихся нарушить всѣ десять заповѣдей», а специально же обвиняющихъ его за то, что онъ «далъ де свою санкцію сочиненію, имѣющему стремленіе совращать и соблазнять въ распутство нашихъ дочерей, сестеръ и женъ». Этотъ неожиданный аффронтъ обратилъ вниманіе Оуэна на самое содержаніе посланныхъ имъ книгъ и между ними оказалось уже упомянутое нами сочиненіе Ричарда Карляйля (*Every Woman's Book*), одно изъ первыхъ Мальтузіанскихъ твореній въ томъ же духѣ, какъ и тѣ, которыя мы будемъ излагать въ нашей статьѣ. Робертъ Дэлъ Оуэнъ внимательно прочелъ ее и хотя нашелъ ее, какъ о томъ заявилъ въ *New-Harmony-Gazette*, можетъ быть неудобною для чтенія незрѣ-

¹ См. *Der Neo-Malthusianismus, das Heilmittel des Pauperismus*. Von d-r G. Stille. Berlin, 1880. См. стр. 76.

² *Moral Physiology or a Brief and Plain Treatise on the Population Question*. By Robert Dale Owen.

лымъ читателямъ, но тѣмъ не менѣе книгой нетолько не безнравственной, но крайне важной и полезной. Мало того, живя въ Индіанѣ, два года спустя, онъ предполагалъ даже переиздать книгу Карлайля въ Америкѣ, но затѣмъ послѣ нѣкотораго размышленія, принявши во вниманіе нѣкоторые ея недостатки, рѣшился написать свой собственной трудъ по тому же предмету о населеніи, и такимъ-то трудомъ и явилась означенная «Нравственная физиологія».

«Нравственная физиологія» состоитъ изъ семи коротенькихъ главъ, написанныхъ весьма сжатымъ языкомъ, и приложения. Глава 1-я играетъ роль вступленія къ главному предмету книги. Прежде всего автора видимо озабочиваетъ мысль, чтобы его трактатъ не причислили, какъ это сдѣлало нью-йоркское типографское общество относительно Карлайля, къ категоріи той распространенной литературы, которая бьетъ на низменные инстинкты человѣка. Поэтому онъ изслѣдуетъ первоначально понятіе о томъ, что слѣдуетъ называть приличнымъ и что неприличнымъ предметомъ изслѣдованія, и, сопоставляя выдержки изъ разныхъ путешествій по этому предмету, показывающія какъ понятія о приличіи разнообразятся по странамъ, Оуэнъ приходитъ къ заключенію совершенно справедливому, что приличіе или неприличіе содержанія извѣстной книги опредѣляется намѣреніемъ, съ которымъ она написана, а вовсе не предметомъ изслѣдованія и затѣмъ дѣлаетъ такое краснорѣчивое воззваніе къ своимъ будущимъ читателямъ, которое мы приводимъ почти цѣликомъ:

«Молодые люди и женщины! вы, которые, если и находитесь еще о многомъ въ невѣденіи, то, по крайней мѣрѣ, не испорчены; вы, въ умахъ которыхъ честныя и простыя слова не вызываютъ ничего, кромѣ честныхъ же и простыхъ мыслей; вы, не имѣющіе въ виду никакого зла, вы, еще вѣрующіе въ человѣческую добродѣтель и человѣческое счастье; вы, которые, подобно вашимъ прародителямъ въ раю, одинаково не посвящены въ лицемѣрныя приличія и страшные пороки псевдо-цивилизациі; вы, у которыхъ любовь сильнѣе страха и для которыхъ законъ совѣсти могущественнѣе всякаго писаннаго закона; вы, чувства которыхъ еще не притуплены и симпатіи которыхъ все еще горячи и безкорыстны; вы, которые принадлежите къ лучшей части вашего рода и которые составляете свое представленіе о человѣчествѣ по такимъ же незлобнымъ сердцамъ, какъ ваши собственныя—молодые люди и женщины! къ вашимъ чистымъ чувствамъ я желалъ бы обратиться; я желалъ бы, чтобы мой трактатъ и мои мотивы обсуждались вашими не искаженными еще софизмомъ сердцами».

«Люди развращенные и люди распутные! эта книга не для

вась! Вы не способны оцѣнить предметъ, о которомъ она трактуетъ. Прилагая къ обсужденію ея, какъ вы не приминете это сдѣлать, недовѣріе и презрѣніе къ человѣческой расѣ и, къ несчастію, вслѣдствіе привычки смѣшивать свободу съ распутствомъ и удовольствіе съ дебоширствомъ, ваши притупленныя чувства и оживотненныя ощущенія окажутся уже неспособными познать нравственную истину въ ея чистотѣ и простотѣ. Я никогда не обсуждаю этого предмета съ подобными вамъ, потому что считаю это бесполезнымъ и знаю, насколько это непріятно. Уже замѣчено, что ничто такъ не подозрительно въ женщинѣ, какъ сильная претензія на особо строгую цѣломудренность, но не менѣе вѣрно и то, что наиболѣе настойчивые и чувствительные приверженцы ортодоксальной нравственности очень часто въ то же время являются самыми безсердечными негодяями. То небольшое знакомство, какое я имѣлъ съ вашимъ обществомъ, заставляетъ меня избѣгать обсужденія съ вами какого-либо рода нравственной ереси. Вы приступаете къ такимъ предметамъ въ тонѣ и духѣ одинаково возмущающаго хорошаго вкуса и добраго чувства. Вы, по видимому, впередъ предполагаете изъ вашего личнаго, собственнаго опыта, можетъ быть, что сердца всѣхъ людей, а спеціально же женщинъ, прежде всего обманчивы и коварны; что насилие и порокъ свойственны и прирожденны человѣческой натурѣ и что ничто, кромѣ законовъ и церемонныхъ обычаевъ, не удерживаетъ свѣтъ отъ того, чтобы сдѣлаться обширной бойней и универсальнымъ публичнымъ домомъ... Вы склонны судить о нашемъ собственномъ и о другомъ полѣ по тѣмъ образцамъ, съ которыми вы встрѣчаетесь въ притонахъ продажности и распутства; и съ такимъ мѣриломъ передъ глазами, я не удивляюсь, что вы неисправимо продолжаете не вѣрить въ какую-либо добродѣтель, кромѣ той, которая выращена въ теплицѣ предразсудковъ, свѣтскихъ приличій и церемоній. Вы никогда не довѣритесь естественной почвѣ, орошаемой подъ открытымъ небомъ и согрѣваемой животворящимъ солнцемъ. И не можетъ быть это иначе! Для васъ на ней вырастаютъ лишь сорняки и ядовитыя травы. Распутники и развратники! отбросьте мою книгу въ сторону. Вы не найдете въ ней ничего, могущаго удовлетворить ваше болѣзненное любопытство; а если вы прочтете ее, вы, вѣроятно, предположите съ моей стороны мотивы и побужденія лишь подобныя вашимъ».

«И вы, поклонники свѣтскихъ приличій, фарисеи и лицемѣры, вы, которыхъ Христосъ сравнилъ съ гробами поваленными, красивыми снаружи, но наполненными всякою мерзостью внутри; вы, которые краснѣете, когда въ обществѣ употребляется слово

пиколова (!) и готовы читать въ своей комнатѣ, съ запертыми дверями, всякія непристойности; вы, которые за объѣдомъ избѣгаете употребить слово «грудинка», чтобы не вызвать неприличную ассоціацію идей; вы, которые скромно опускаете глаза при всякомъ намежѣ днемъ и назначаете rendez-vous ночью... Фарисеи и лицемѣры! я обращаюсь съ своей книгой вовсе не къ вамъ! Даже если вы честны въ вашемъ крайнемъ поклоненіи внѣшнему приличію, ваши идеи о правомъ и неправомъ во всякомъ случаѣ такъ искусственны и спутаны, что вы ничего не можете вынести полезнаго изъ моего разсужденія; если же вы безчестны, то я не желаю подавно имѣть никакого дѣла съ вами».

Затѣмъ авторъ въ своемъ оригинальномъ обращеніи къ читателямъ просить всѣхъ лицемѣровъ и людей распутныхъ оставить и не читать его книгу, такъ какъ ея чтеніе не удовлетворитъ ихъ ни въ какомъ отношеніи. Лицемѣрные поклонники приличія, пожалуй, будутъ крайне шокированы, а люди развращенные найдутъ его книгу слишкомъ скромною.

Но, не довольствуясь этимъ пышнымъ вступленіемъ съ цѣлью оградить себя отъ всякихъ подозрѣній и попрековъ въ дурныхъ мотивахъ и побужденіяхъ, Робертъ Дэль Оуэнъ находитъ даже нужнымъ повѣдать съ видимою искренностью читателю и его моральномъ облигѣ, какъ лишнюю рекомендацію добродѣтели его сочиненія. Своимъ родителямъ, напримѣръ, онъ обязанъ привычкою къ строгой во всемъ умѣренности; никогда въ жизни онъ не пилъ вина или иного возбуждающаго напитка, а въ послѣднее время пересталъ даже ѣсть животную пищу; никогда его нога не вступала въ домъ терпимости и никогда онъ не касался продажной женщины. Однимъ словомъ, нѣтъ никакого-де основанія заподозрить его настоящій трактатъ въ дурныхъ, безнравственныхъ цѣляхъ...

«Теперь, читатель, заключаетъ онъ такъ свое введеніе:—если я только успѣлъ пробудить ваше вниманіе и убѣдить въ моей искренности, мы обратимся къ предмету моего изслѣдованія, крайне интересному и важному, какъ для меня, такъ и для васъ и для всѣхъ нашихъ собратій—людей. Если вы женщина, забудьте, что я мужчина; если вы мужчина, то слушайте меня, какъ вашего брата; будемте бесѣдовать не какъ мужчина и не какъ женщина, но какъ человѣческія существа—съ общими желаніями, интересами, инстинктами и слабостями, будемте бесѣдовать, если возможно, безъ предубѣжденія и безъ страстности...»¹.

¹ См. «Moral Physiology», p. 10—12.

Между многоразличными инстинктами, которые способствуютъ благополучію и сохраненію человѣка на землѣ, выдающееся мѣсто занимаетъ инстинктъ воспроизведенія себѣ подобныхъ. Онъ населяетъ землю, онъ продолжаетъ родъ, находясь подъ контролемъ разума и очищаемый добрыми чувствами, онъ сообщаетъ социальнымъ отношеніямъ много прелести и очарованія. Въ то же время, однако, управляемый себялюбиемъ или подъ господствомъ силы, этотъ инстинктъ служитъ источникомъ несчастія и разнообразнаго страданія. Такъ или иначе, вліяніе этого инстинкта составляетъ господствующій принципъ, окрашивающій въ темныя или свѣтлыя краски всю судьбу человѣка. Нѣкоторые говорятъ объ этомъ инстинктѣ, какъ о низкой и себялюбивой наклонности и секта шекеровъ, на примѣръ, окрепчиваетъ инстинктъ именемъ «плотской, чувственной страсти». — «Я не вижу ничего, возражаетъ имъ Оуэнъ: — въ самомъ инстинктѣ, что бы заслуживало эти эпитеты: подобно другимъ инстинктамъ и этотъ можетъ имѣть себялюбивый, продажный или животный характеръ; но самъ по себѣ онъ является, можетъ быть, наиболѣе социальнымъ и наименѣе себялюбивымъ изъ всѣхъ нашихъ инстинктовъ. Доставляя наслажденіе, онъ сообщаетъ его и другому лицу и культурными существами послѣднее его свойство пѣнится гораздо выше, чѣмъ первое. Ни одинъ изъ нашихъ инстинктовъ не даетъ столь обширнаго поля или мѣста для обнаруженія душевнаго безкорыстія и лучшей выставки нравственнаго чувства нашей расы. Ни одинъ инстинктъ не порождаетъ отношеній болѣе деликатныхъ, болѣе гуманизирующихъ и болѣе сближающихъ людей; ни одинъ инстинктъ, наконецъ, не лежитъ болѣе непосредственно въ основаніи благой взаимной помощи между людьми и самыхъ благородныхъ импульсовъ, которые дѣлаютъ честь и составляютъ лучшее украшеніе человеческой натуры».

Что касается, по мнѣнію автора, до убѣжденія, что этотъ инстинктъ составляетъ лишь низкое себялюбивое свойство, изслѣдованіе котораго лучше избѣгать, то такія воззрѣнія, думаетъ онъ, служатъ лишь доказательствомъ развращенности нашего вѣка и недостаточной чистоты псевдо-цивилизованнаго духа. Я воображаю, говоритъ онъ, что еслибы всѣ мужчины и всѣ женщины были обжорами и пьяницами, то нѣтъ сомнѣнія, подобнымъ же образомъ у насъ стыдились бы говорить о воздержаніи въ пищѣ и умѣренности въ напиткахъ!..

Но инстинктъ воспроизведенія обусловливается или желаніемъ потомства, или удовольствія.

На языкѣ оптимистовъ замѣчаетъ Оуэнъ, «удовольствіе здѣсь

дано какъ бы въ придачу»; но это послѣднее обстоятельство (само по себѣ счастливое, такъ какъ увеличиваетъ сумму человѣческаго счастія) служить часто, къ сожалѣнію, и причиною несчастія и изъ благословенія обращается въ проклятіе. Удовольствіе ведетъ къ излишеству, а часто къ тираніи и варварской несправедливости. Еслибы инстинктъ воспроизведенія не былъ связанъ ни съ какимъ удовольствіемъ, то онъ одинаково не доставлялъ бы наслажденія, но и не велъ бы къ злоупотребленію. Это, разумѣется, возлагаетъ на насъ обязанность спеціально заботиться объ его регулированіи, дабы великое благо не обращалось въ великое зло.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Оуэна, этотъ инстинктъ можно разсматривать въ двоякомъ свѣтѣ: *первое*, какъ дающій силу воспроизведенія, и, *второе*, какъ доставляющій удовольствіе. На этомъ-то различіи инстинкта, такъ сказать, на двухъ его сторонахъ, и покоится все разсужденіе Оуэна. Большею частью случается, говоритъ онъ, что человѣчество повинуется предписаніямъ инстинкта отнюдь не изъ разсчета послѣдствій; но слѣдуя лишь животному импульсу; отсюда происходитъ, слѣдовательно, что многія дѣти появляются на свѣтъ не вслѣдствіе сознательнаго убѣжденія ихъ родителей, что ихъ рожденіе желательно, но просто благодаря необдуманному инстинкту, которому люди въ массѣ не выучились ни сопротивляться, ни контролировать.

Итакъ, является на сцену весьма важный вопросъ, можетъ ли человѣкъ получить этотъ контроль и будетъ ли отсюда польза, т. е., говоря другими словами, желательно ли, чтобы этотъ инстинктъ никогда не удовлетворялся безъ увеличенія населенія? или желательно ли, чтобы, удовлетворяя его, человѣкъ былъ способенъ сказать себѣ, должно ли быть потомство непремѣннымъ результатомъ удовлетворенія этого инстинкта или нѣтъ? ¹

Чтобы отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно, надо, разумѣется, имѣть въ виду, чтобы такой контроль могъ быть полученъ безъ вреда физическому здоровью, безъ насилія моральнымъ чувствамъ и безъ серьезнаго также пожертвованія удовольствіемъ. Такимъ образомъ, выставленный тезисъ распадается на двѣ части: *желательность* такого контроля и затѣмъ *возможность* его. Первая часть тезиса тѣсно связана съ вопросами экономическими, моральными и иными, а потому авторъ и посвящаетъ ей наибольшее вниманіе въ своей книгѣ, рассматри-

¹ R. D. Owen. Moral Physiology, Chapter II, Statement of the Subject, pp. 14—16.

вая необходимость такого контроля, во-первыхъ, *in abstracto* (глава III), во-вторыхъ, связь вопроса съ политической экономіей (глава IV) и, въ-третьихъ, вопросъ разсматривается въ его социальнихъ отношеніяхъ (глава V).

При изслѣдованіи вопроса о желательности или нежелательности контроля человѣка надъ его инстинктомъ воспроизведенія выдвигается на сцену тотъ фактъ, что уже такой контроль въ дѣйствительности существуетъ относительно различныхъ человѣческихъ инстинктовъ. Ежедневный опытъ и сравненіе человѣка въ этомъ отношеніи съ животнымъ убѣждаетъ насъ въ этомъ. Ничто притомъ такъ не возвышаетъ человѣка надъ животнымъ, какъ такой контроль. Низшія животныя слѣдуютъ инстинктамъ слѣпо, не размышляя, и неспособны къ самоусовершенствованію. Только люди имѣютъ власть культивировать себя, совершенствоваться и возвышать свою натуру отъ поволенія къ поколѣнію. Только люди могутъ контролировать свои инстинкты, принимая во вниманіе послѣдствія имѣющаго совершиться факта и могутъ регулировать свои страсти предписаніями мудрости. Уже поэтому, конечно, какъ это ни странно можетъ казаться, замѣчаетъ Оуэнъ, приходится повторять избитый афоризмъ и напоминать людямъ, что всякое знаніе фактовъ полезно, а по меньшей степени не можетъ быть вредно. Правда, знаніе нѣкоторыхъ фактовъ можетъ быть не важно, но никакое знаніе не приноситъ ущерба. Человѣческое существо было бы куклой, рабомъ, еслибы его невѣжество было стражемъ его добродѣтели. Трудно было бы на чемъ-нибудь остановиться, еслибы признать противный принципъ за вѣрный. Допустить хоть разъ, что знаніе вредно, значило бы его отвергнуть. Напримѣръ, должны ли мы учить нашихъ сыновей механикѣ? Но вѣдь съ знаніемъ ея, они могутъ легко научиться ломать замки и поддѣлывать ключи. Должны ли мы учить ихъ читать? Но они тогда получаютъ широкій доступъ къ обману и разнаго рода продѣлкамъ, предусмотрѣннымъ закономъ. Должны ли мы учить ихъ писать? Но вѣдь они легко могутъ поддѣлать вѣсель!

Такимъ образомъ, времена, когда какое-либо незнаніе допускалось оправдывать, прошли безвозвратно и на всякое знаніе нужно смотрѣть прежде всего какъ на пользу; и знаніе, поэтому, инстинкта воспроизведенія, со всѣми его послѣдствіями и сторонами, должно необходимо не задерживаться, а распространяться свободно въ человѣческомъ обществѣ.

Разбирая отношеніе трактуемаго вопроса къ политической экономіи, Оуэнъ повторяетъ законъ Мальтуса, подвергая его въ тоже время критикѣ, мѣстами довольно остроумной, что, впрочемъ.

чемъ, не мѣшаетъ ему, тѣмъ не менѣе, оставаться горячимъ приверженцемъ своего великаго учителя.

Въ двухъ словахъ, теорію Мальтуса, какъ говоритъ Оуэнъ, можно выразить въ слѣдующемъ положеніи: «Народонаселеніе, ни тѣмъ не задерживаемое, стремится опередить средства къ существованію», что въ нѣкоторыхъ странахъ уже совершается, а въ другихъ еще нѣтъ, хотя тѣмъ не менѣе тенденція и продолжается существовать. Какъ на главное средство противъ возрастающаго зла, Мальтусъ указываетъ на цѣломудріе до поздняго возраста, напримѣръ, до 30 лѣтъ, и утверждаетъ, что до тѣхъ поръ, пока это нравственное обузданіе не будетъ принято и распространено, бѣдность, нищета и порокъ будутъ по прежнему служить главнѣйшимъ препятствіемъ къ размноженію, со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями.

Признавая книгу Мальтуса источникомъ великаго добра для человѣчества, Оуэнъ тѣмъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ реакціонной тенденціи такихъ принциповъ, находя ихъ въ данномъ отношеніи весьма опасными по возможнымъ изъ нихъ выводамъ. «Я слышалъ уже, говоритъ онъ:—какъ нѣкоторые изъ его учениковъ открыто объявляли, что они смотрятъ на преступленія и нищету общества, какъ на необходимыя, какъ на своего рода вѣднія Провидѣнія, съ цѣлью предупредить избыточность населенія на землѣ. Я слышалъ дальше отъ людей съ положеніемъ, богатствомъ и вліяніемъ, что различіе богатаго и бѣднаго, нравственнаго и безнравственнаго, богатство и нужда будутъ и должны существовать до конца міра; что тотъ, кто пытается уничтожить это, тотъ борется противъ Бога и природы, и если онъ частью въ этомъ успѣетъ, то черезъ это доставитъ только человѣческой расѣ случай увеличиться, пока земля окажется опять неспособной ихъ прокормить и люди принуждены будутъ пожирать другъ друга».

Оуэнъ съ большимъ негодованіемъ возражаетъ противъ такихъ выводовъ и толкованій Мальтусова ученія, порожденныхъ класснымъ себязубіемъ. «Нельзя не сознаться, замѣчаетъ онъ:—что такая доктрина крайне комфортабельна для богатыхъ лѣнтяевъ; она представляетъ своего рода цѣлительный бальзамъ для больной совѣсти, своего рода усыпительное снадобье, чтобы заглушить и безъ того скромный голосъ справедливости и гуманности, который зываетъ къ каждому человѣку стоять на стражѣ и принимать свою долю участія въ дѣлѣ облегченія человѣческихъ страданій, которыя колятъ всѣмъ глаза»¹.

Далѣе Оуэнъ яснѣе констатируетъ свое отношеніе къ ученію

¹ Moral Physiology, стр. 19.

Мальтуса, не оставляя въ тоже время его критику. Онъ считаетъ вполне доказаннымъ его основное положеніе о возрастаніи населенія, *ничѣмъ не ограничиваемо*, быстрѣ средствъ существованія, и что оно удваивается примѣрно въ періодъ отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ. Это положеніе, по его словамъ, неоспоримо и раньше или позже должны быть приняты какія-нибудь ограниченія для того, чтобы задержать размноженіе, иначе такимъ ограниченіемъ и препятствіемъ послужить пороку и нищета. Но тутъ начинается фактъ крупнаго несогласія Оуэна съ Мальтусомъ и особенно съ его аристократическими толкователями, образцы сужденій которыхъ мы только-что видѣли. Мальтусъ видѣлъ необходимость выдумать какое-нибудь препятствіе или ограниченіе размноженію, которое бы не было такимъ зломъ, какъ битье челоуѣчества—нищета, и рекомендовалъ для того, какъ мы знаемъ, цѣломудріе и вступленіе въ бракъ примѣрно не раньше 28—30 лѣтъ. Но въ этомъ предложеніи и состоитъ главный пунктъ Мальтуса и оружіе, которымъ воспользовались его аристократическіе приверженцы, какъ ихъ Оуэнъ называетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мальтусъ можетъ проповѣдовать хоть до конца свѣта такой способъ воспрепятствованія размноженію; могутъ найтись, конечно, индивиды, которые, заглядывая въ будущее, въ отдаленныя послѣдствія и согласятся пожертвовать своимъ настоящимъ благомъ ради будущаго блага челоуѣчества и подѣлаются безбрачными шекерами, но нѣтъ ни малѣйшаго основанія вѣрить, чтобы масса челоуѣчества согласилась отказаться въ теченіи десяти лучшихъ лѣтъ жизни отъ любви, этой наиболѣе нѣжной и каждому дорогой формы челоуѣческихъ отношеній, ради предполагаемыхъ и возможныхъ въ будущемъ катастрофъ. Ожиданіе это требуетъ такой вѣры, которой, конечно, никакой благоразумный изслѣдователь челоуѣчества не обладаетъ.

Слабость этого рекомендуемаго Мальтусомъ ограниченія, его аристократическіе приверженцы весьма скоро смекнули, а затѣмъ, если, конечно, такое ограниченіе не можетъ привести ни къ какому серьезному послѣдствію и поздніе браки, съ полнымъ цѣломудріемъ до нихъ, не могутъ пріостановить размноженіе, то остаются одни лишь положительныя препятствія, пороки и нищета, которые и объявляются ими вѣчными и неизлечимыми спутниками челоуѣчества. Но здѣсь именно и заключается фактъ глубокаго несогласія Оуэна и всѣхъ за тѣмъ новѣйшихъ мальтузіанцевъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ нашихъ статьяхъ, съ его первыми аристократическими приверженцами. Оуэнъ именно, какъ скоро увидимъ, отнюдь не счи-

*

дать, какъ это дѣлается теперь, крайность и нужду. Это вѣрно и должно помнить, заключаетъ онъ, что препятствія, которыя я предлагаю далѣе для ограниченія населенія, сдѣлаютъ трудъ болѣе рѣдкимъ и слѣдовательно болѣе высокой цѣны на рынкѣ и въ этомъ его политическая важность значительна; но въ тоже время нельзя сомнѣваться, что наша аномальная система торговой конкуренціи вновь можетъ привести, исключая отдѣльныхъ случаевъ, рабочее населеніе къ тому же низкому предѣлу заработной платы. Я не ожидаю по этому, скромно говорилъ авторъ, политическихъ чудесъ отъ моего маленькаго труда».

«Корень зла лежитъ глубже нежели тотъ, который трактуется, а потому и средство должно быть болѣе радикально»...

Вслѣдъ за этими доводами въ пользу важности и необходимости контроля чловѣка надъ своей воспроизводительной способностью, или, говоря иначе, важности придумать новое препятствіе къ задержкѣ населенія, на мѣсто предлагаемаго Мальтусомъ, Оуэнъ переходитъ къ разсмотрѣнію того же вопроса въ тѣхъ социальныхъ отношеніяхъ. Общій его выводъ заключается въ томъ, что дѣйствіе, которое оказало бы подобный контроль, было бы спасительно и морально, что контроль предупредилъ бы многія несчастія, что онъ уменьшилъ бы невоздержанность и распущенность, смягчилъ бы нравы и улучшилъ бы моральное чувство; облегчилъ бы тягости бѣдныхъ и заботы богатыхъ, что наконецъ контроль этотъ былъ бы крайне благодѣтеленъ для юнаго, подрастающаго поколѣнія, давши родителямъ возможность вообще болѣе заботливо воспитывать и болѣе комфортабельно содержать свое потомство.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ числа многихъ перечисляемыхъ имъ въ подтвержденіе этого общаго положенія. Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, во-первыхъ, что семьи многихъ брачныхъ паръ очень часто возрастаютъ значительно дальше того предѣла, который долженъ былъ бы полагаться благополучіемъ какъ дѣтей, такъ и родителей. Во сколькихъ случаяхъ, восклицаетъ онъ, отецъ, обремененный тяжелымъ трудомъ и особенно мать бѣднаго семейства, остаются рабами всю свою жизнь и тянуть лямку непрестаннаго труда, работая, чтобы жить и живя только, чтобы умереть, въ то самое время, когда, еслибы число дѣтей ограничивалось двумя или тремя, они могли бы жить въ сравнительномъ комфортѣ и достаткѣ! Какъ часто здоровье матери отъ ежегодныхъ рожденій замѣтно слабѣетъ, давая существованіе все болѣе и болѣе слабымъ и болѣзненнымъ дѣтямъ и въ то же время ея собственныя силы и самая жизнь отъ тяжелаго труда, при быстро растущей семьѣ, приносятся въ жертву. Бѣдной матери въ этомъ случаѣ приходится нѣрѣдко

браться за работу въ то самое время, какъ по законамъ естества ей требовался бы отдыхъ и спокойствіе. Возможность контроля надъ производительной способностью безъ сомнѣнія оказалась бы великимъ благомъ этимъ несчастнымъ труженикамъ.

Далѣе другой примѣръ. Каждый врачъ знаетъ, что организмъ многихъ женщинъ такого рода, что онѣ не въ состояніи родить здоровыхъ, а иногда даже живыхъ дѣтей. Спрашивается, желательно ли и нравственно ли, чтобы такія женщины становились беременны? Однако это постоянно повторяющійся случай, несмотря на всѣ предостереженія врачей. Существуютъ такія лица, которыя никогда собственно не должны бы дѣлаться родителями, потому что, дѣлая это, они переносятъ на свое потомство наследственные болѣзни; очень часто, напримѣръ, худшую изъ болѣзней, сумасшествіе. Однако же, они не ведутъ холостую жизнь, а женятся и плодятъ дѣтей на несчастіе всего свѣта и своихъ ближнихъ.

Наконецъ, какъ могутъ быть разнообразны случаи, коихъ и предусмотрѣть нельзя, въ которыхъ можетъ оказаться безусловно желательнымъ для родителей навсегда или только на время приостановить свою воспроизводительную способность! Кто можетъ потерять отъ этого? и сколько лицъ между тѣмъ могутъ выиграть! Прежде всего выиграютъ, конечно, дѣти, произведенныя уже на свѣтъ, которыя будутъ лучше воспитаны и вскормлены, и слѣдовательно выиграетъ все общество; а еще больше сами родители: сколько ссоръ, спора, безпорядка, домашнихъ несогласій черезъ это были бы устранены изъ многихъ семействъ...¹

Но контроль этотъ, по мысли Оуэна, важенъ и въ другомъ отношеніи. Какъ извѣстно каждому, въ настоящее время довольно значительный процентъ населенія, особенно въ среднемъ классѣ, совсѣмъ не вступаетъ въ бракъ или вступаетъ въ него поздно, но, конечно, отнюдь не вслѣдствіе совѣтовъ и соображеній Мальтуса, а изъ опасенія имѣть семью, которую не въ состояніи будетъ содержать, или ради которой придется отказаться отъ многихъ привычекъ. «При настоящемъ порядкѣ свѣта, такъ объясняетъ этотъ вопросъ Оуэнъ:—когда общественное мнѣніе относится съ неодобреніемъ ко всякой внѣ брачной связи, почти всѣ молодые люди обоого пола достигши зрѣлаго возраста желали бы сочетаться бракомъ; поэтому ранніе браки были бы почти всеобщими, еслибы тутъ не вмѣшивались соображенія благоразумія. Молодой человѣкъ думаетъ: «я не долженъ однако жениться, я не могу содержать семью, я долженъ сначала нажить денегъ и уже потомъ думать о брачномъ союзѣ». И вотъ,

¹ Moral Physiology, Chap. V. стр. 26—28.

рѣшившись вполне искренно, рисуетъ картину Оуэнъ, поскорѣе наработать денегъ и затѣмъ сочетаться съ предметомъ своей любви, молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь; но страсти сильны, а искушенія велики. Любопытство, можетъ быть, приводитъ его въ компанію тѣхъ погибшихъ созданій, которыхъ общество первоначально довело до самой постыдной торговли, а затѣмъ проклинаетъ за то, что онѣ ею занимаются. И вотъ здоровое и нравственное чувство молодого человѣка терпитъ кораблекрушеніе. Запасъ этихъ чувствъ, который онъ думалъ раздѣлить съ своимъ первымъ предметомъ любви, охлаждается распутствомъ и разсѣвается излишествомъ. Онъ едва ли имѣетъ скоро какую-либо другую страсть, кромѣ алчности. Проходятъ года, года распущенности и погони за деньгами; его первое желаніе исполнено: онъ сдѣлалъ состояніе. Но гдѣ же теперь его чувства и мечты юности? Увы, о нихъ сказалъ поэтъ».

«Like the dew on the mountain
Like the foam on the river,
Like the bubble on the fountain
They are gone—and for ever!»¹

«И вотъ заключеніе весьма извѣстное: прежній молодой человѣкъ смѣется надъ романомъ своей юности и женится на богатомъ состояніи»².

Отсюда Оуэнъ выводитъ несостоятельность рекомендуемаго Мальтусомъ препятствія къ задержанію населенія. Поздніе браки, не говоря уже о холостой жизни на весь вѣкъ, ведутъ лишь къ созданію страшнаго бича современнаго общества — разврата и проституціи съ одной стороны, съ другой—крупнаго диссонанса самой семейной жизни—къ брагамъ по расчету, къ бракамъ не равнымъ по возрасту. Нѣтъ сомнѣнія, что во многомъ дѣло бы измѣнилось и все общество выиграло бы въ данномъ случаѣ, если бы существовалъ извѣстный намъ контроль надъ инстинктомъ воспроизведенія. Каждый желающій жениться, имѣя возможность по произволу регулировать число членовъ своего будущаго семейства, сообразно своимъ матеріальнымъ средствамъ, гораздо скорѣе могъ бы привести въ исполненіе свое желаніе, чѣмъ нынѣ. Ранніе браки увеличились бы въ числѣ и принесли бы съ собой неисчислимую пользу для общества, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Родители, напри- мѣръ, имѣли бы возможность, большею, конечно, чѣмъ при рас-

¹ Какъ роса на горѣ,
Какъ пѣна рѣчная,
Какъ пузырь на водѣ,
Навсегда, навсегда исчезая!

² *Rob. D. Owen: Moral Physiology, стр. 32.*

пространенныхъ теперь позднихъ бракахъ, слѣдить за развитіемъ ума и характера своихъ дѣтей, даже до ихъ возмужалости, и видѣть ихъ пристроенными, вмѣсто того, чтобы, умирая, оставлять ихъ на свѣтѣ юными и неопытными на жертву случая и руководство чужихъ людей, не говоря о худшемъ...

Итакъ, какъ мы видимъ, Оуэнъ, вопреки Мальтусу, является сторонникомъ раннихъ браковъ, признавая негоднымъ совершенно рекомандуемое имъ средство поздняго брака для задержанія населенія. Очевидно, по его мнѣнію, нужно другое средство въ видѣ изобрѣтенія способа контроля, о которомъ онъ столько толкуетъ. Этотъ контроль, слѣдовательно, является съ его точки зрѣнія, крайне желательнымъ, какъ по всѣмъ тѣмъ частнымъ причинамъ, которыя изложены, такъ и вообще для разрѣшенія вопроса о народонаселеніи. Если разъ будетъ найденъ наукой такой вѣрный способъ регулированія человекомъ его воспроизводительной способности, тѣмъ самымъ будутъ разрѣшены всѣ разнообразныя, перечисленныя затрудненія въ социальной жизни человѣка.

Но тутъ выдвигается на сцену одно изъ многочисленныхъ возраженій (значительную часть которыхъ, трактуемыхъ Оуэномъ, мы обходимъ молчаніемъ): можно ли считать естественнымъ и справедливымъ самое стремленіе человѣка управлять своей производительной силой? Найдутся лица, говоритъ Оуэнъ, которыя станутъ утверждать, что сама природа объявляетъ свойственнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы мы размножались безъ всякаго расчета и обузданія.

«Я спрошу въ отвѣтъ на это, уже не объявляетъ ли природа справедливымъ и цѣлесообразнымъ, что когда термометръ указываетъ жаръ въ крови, то мы должны пить жадно холодную воду и падать мертвыми на улицѣ? Весь свѣтъ долженъ знать, что если природа даетъ намъ страсти и извѣстныя наклонности, то она даетъ намъ и власть мудро контролировать ихъ; и что, когда мы колеблемся проявить эту власть, то спускаемся до уровня низшихъ созданій, становимся игрою фортуны и рабами случая». Ни къ чему, можетъ быть, не относятся въ такой степени слова нѣмецкаго поэта, какъ къ данному предмету разсужденія:

Tapfer ist der Löwensieger
 Tapfer ist der Weltbezwinger,
 Tapferer—wer sich selbst bezwang ¹.

Итакъ первая часть тезиса, выставленнаго Оуэномъ въ на-

¹ Храбръ тотъ, кто укротилъ льва,
 Храбръ тотъ, кто побѣдилъ весь свѣтъ.
 Въ сто разъ храбрѣе тотъ, кто укротилъ себя.

чалъ его книги, *желательность* контроля надъ извѣстною способностью имъ посылно разрѣшена: контроль такой, какъ онъ старался доказать читателю, былъ бы не только полезнымъ и, слѣдовательно, желательнымъ, но во многихъ случаяхъ жизни даже положительно необходимымъ для благополучія человѣка. Когда мы получимъ такой контроль, говоритъ онъ, мы получимъ возможность сберечь себя, и что еще выше и похвальнѣе — нашихъ женъ и дѣтей отъ нищеты и страданія; съ знаніемъ такого контроля молодежь будетъ вступать въ брачные союзы, вмѣсто того, чтобы пускаться въ распутство, или дѣлаться аскетами. «Благодаря ему, ранніе браки лишатся своихъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій, а обольщеніе и обманъ — своей побудительной причины; благодаря ему, мужчина можетъ себя сберечь отъ нравственнаго упадка, а женщина отъ сокрушающаго ее безчестія; первая, чистая любовь можетъ получить законное удовлетвореніе, вмѣсто того, чтобы быть отвергнутой и заглушенной.»¹

Такова вся важность для человѣка, по мнѣнію Оуэна, владѣть контролемъ надъ его инстинктомъ воспроизведенія.

Теперь предстоитъ разрѣшеніе второй наиболѣе существенной части тезиса, выставленнаго Оуэномъ въ началѣ его книжки и намъ знакомой — *возможность такого контроля*. Положеніе это весьма существенно по многимъ причинамъ: во-первыхъ, въ немъ именно и заключается главное отличие новыхъ мальтузіанцевъ, нынѣ многочисленныхъ въ Европѣ и отцомъ которыхъ можетъ считаться разсматриваемый авторъ, отъ самаго Мальтуса. Первую часть тезиса, желательность контроля in abstracto — Мальтусъ вполне допускалъ, какъ Оуэнъ и ново-мальтузіанцы; но за то онъ рѣшительно отступаетъ отъ своихъ послѣдователей *въ самыхъ способахъ этого контроля*. Кромѣ того, вопросъ этотъ важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ касается крайне щекотливыхъ отношеній двухъ половъ и, противорѣча въ извѣстномъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ существующему нравственному кодексу, какъ показываетъ опытъ нѣсколькихъ судебныхъ процессовъ современной мальтузіанской партіи, описаніе способовъ этого контроля именно и привлекло преслѣдованіе на ихъ изданія.

И между тѣмъ эта столь важная вторая часть тезиса, на которой главнымъ образомъ и покоится весь центръ тяжести какъ книги Оуэна, такъ и всей агитаціи нынѣ возрожденнаго мальтузіанства, изложена у него весьма кратко, слаба и не обработана, представляя лишь результатъ нѣкоторыхъ эмпирическихъ наблю-

¹ Moral Physiology, стр. 44.

деній. Способъ этого контроля—столь важный, опять напоминаемъ читателю, заключительный пунктъ мальтузіанской школы, повторяемый всѣми ея писателями лишь съ небольшими вариантами—заключается въ разныхъ правилахъ «супружескаго благоразумія» и нѣкоторыхъ приемахъ большею частію механическаго свойства, предупреждающихъ фактъ зачатія. Почти всѣ эти способы, которые, мы, конечно, излагать не будемъ, давно извѣстны и практикуются медициной для тѣхъ или иныхъ цѣлей здоровья чловека; здѣсь же рекомендуются исключительно для воспрепятствования къ проявленію его воспроизводительной способности.

Книга Оуэна имѣла большой успѣхъ, опередившій всѣ его ожиданія: въ теченіи *семи мѣсяцевъ* «Нравственная физиологія» выдержала *пять* изданій въ Америкѣ, а въ 1832 г., т. е. меньше нежели черезъ два года, появилась *восьмымъ* изданіемъ въ Лондонѣ (Англіи). Точно также, вопреки предположеніямъ автора, его книга не вызвала отнюдь слишкомъ рѣзкаго нападенія критики, или осужденія со стороны строгихъ моралистовъ; напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, благодаря ея скромному тону и обаянію имени Мальтуса, приемъ книги былъ не только снисходительный, но и сопровождался большими похвалами многихъ представителей прессы. Со всѣхъ сторонъ Робертъ Дэль Оуэнъ получалъ кучу писемъ: нѣкоторыя—съ выраженіемъ сочувствія, другія—благодарности за указанный имъ путь къ разрѣшенію труднаго житейскаго вопроса и, наконецъ, третьи—съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями или дополненіями и указаніями на опытъ, или новыя предупредительныя средства.

Уже болѣе сорока лѣтъ книга Оуэна обращалась въ американской и англійской публикѣ и выдержала множество изданій, какъ вдругъ въ 1878 году «Общество для уничтоженія порока» (Society for the Suppression of Vice) въ Лондонѣ привлекло ея англійскаго издателя, книгопродавца Эдварда Трюлова къ судебной отвѣтственности за ея, будто бы, безнравственность. Трудно понять, принимая во вниманіе общій скромный характеръ книги, а также ея долгое обращеніе въ публикѣ, причину ея привлеченія къ суду: существуетъ и обращается въ Англіи, безъ сомнѣнія, много иныхъ книгъ, которыя съ точки зрѣнія морали гораздо болѣе заслуживаютъ уголовнаго преслѣдованія, нежели произведеніе Оуэна; даже между сочиненіями ново-мальтузіанцевъ, какъ мы увидимъ дальше, встрѣчаются книги гораздо болѣе крайнихъ воззрѣній и болѣе противорѣчація существующему кодексу нравственности. Очевидно, что здѣсь книга Оуэна сама по себѣ была не причесть, и лишь выбрана для судебного

преслѣдованія случайно—какъ представительница воззрѣній извѣстной партіи, слишкомъ усилившейся въ народѣ ¹...

Процессъ Трюлова за книгу Оуэна продолжался нѣсколько сутокъ и привлекъ большое вниманіе общественнаго мнѣнія. Адвокатъ обвиняемаго, извѣстный ораторъ профессоръ Хѣнтеръ (Hunter), говорилъ съ перерывомъ болѣе двухъ дней; предсѣдательствовалъ знаменитый юристъ Лордъ — главный судья Кокбѣрнъ. Хѣнтеръ въ своей длинной рѣчи болѣе защищалъ «Нравственную Физиологію» отъ обвиненія ея въ какихъ-либо безнравственныхъ цѣляхъ, нежели собственно самого издателя ². Онъ подробно изложилъ ученіе Мальтуса и указалъ на его огромную важность специально для Англіи и подтвержденіе его новѣйшей теоріей Дарвина, выставялъ на видъ невозможность обойтись въ вопросѣ народонаселенія безъ предупредительныхъ препятствій, распространенность мнѣній подобныхъ Оуэну и ихъ невинность, сравнительно съ криминальными случаями воспрепятствованія дѣтороженію, воспрещенными всѣми законодательствами, ссылаясь наконецъ на высокое общественное положеніе Роберта Дэль Оуэна (сенаторъ и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ), а также его безупречную жизнь, равно и его знаменитаго отца, какъ косвенное доказательство его неспособности къ созданію литературнаго произведенія, которое могло бы счастливо безнравственнымъ ³. Предсѣдатель Кокбѣрнъ въ своей заключительной рѣчи, несмотря на весь объективизмъ изложенія, тѣмъ не менѣе высказывался въ значительной степени въ пользу обвиняемаго: «Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ, между прочимъ о «Нравственной физиологіи»:—не слѣдуетъ терять изъ виду, что эта книга не принадлежитъ къ числу сочиненій, предназначенныхъ распалать воображеніе и страсти. Тутъ нѣтъ никакого непристойнаго или неприличнаго описанія, рассчитаннаго на возбужденіе извѣстныхъ инстинктовъ... Это просто сухой физиологическій трактатъ».

¹ Въ процессѣ, впрочемъ, встрѣчается неблагоприятный намекъ еще, что цѣлью привлеченія Трюлова къ суду могло быть также желаніе представителей «Общества для подавленія порока» обратить на себя вниманіе публики, ради пополненія опустѣвшаго фонда общества.

² См. обо всемъ этомъ отчетъ процесса: In the High Court of Justice etc... The Queen v. Edward Truelove for publishing The Hon. R. D. Owen's «Moral Physiology» etc. London. 1878.

³ Знаменателенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, имъ переданный изъ жизни Роберта Дэль Оуэна: въ 1851 г., дамы въ штатѣ Индіана, желая выразить ему свою глубокую благодарность за ту пользу, которую Оуэну принесли ихъ полу своей дѣятельностью (т. е. изданіемъ «Нравственной физиологіи»), поднесли ему роскошный подарокъ на многолюдномъ собраніи, которое происходило въ его честь въ зданіи судебныхъ учреждений штата (!!) подъ предсѣдательствомъ одного изъ судей высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, полного оправданія не послѣдовало: мнѣнія присяжныхъ, отъ которыхъ по англійскому закону требуется единогласіе, раздѣлились, и такъ какъ по соображеніямъ предсѣдателя нельзя было надѣяться на общее соглашеніе, то засѣданіе было закрыто и самое дѣло прекращено.

Познакомившись довольно подробно съ содержаніемъ книги Оуэна, одного изъ первыхъ и важнѣйшихъ произведеній новой мальтузіанской партіи, мы тѣмъ легче и скорѣе можемъ сдѣлать обзоръ остальной ея литературы, вполне однородной, прежде нежели перейдемъ къ оцѣнкѣ результатовъ ея дѣятельности и критики самого ученія. Скажемъ еще нѣсколько словъ о другомъ современномъ Оуэну произведеніи «Плоды философіи» доктора Нольтона и затѣмъ исключительно сосредоточимся на литературѣ ново-мальтузіанцевъ настоящаго времени. ¹

«Плоды философіи» доктора Чарльса Нольтона появились на свѣтъ въ первый разъ также въ Америкѣ, годъ спустя послѣ извѣстной намъ книги Роберта Дэлъ Оуэна, т. е. въ 1831 году; съ тѣхъ поръ эта небольшая книжка нѣсколько разъ перепечатывалась разными лицами въ Англіи и свободно обращалась въ публикѣ, пока предпослѣдній ея издатель Чарльсъ Ваттсъ (Watts) въ Бристолѣ не былъ въ 1876 году привлеченъ къ отвѣтственности полиціей, и сама книга запрещена. Въ томъ же году два члена мальтузіанской партіи, нынѣ столь извѣстный и недопускаемый въ Парламентъ членъ ея Чарльсъ Брадло и Анна Безантъ рѣшили вновь перепечатать книгу Нольтона по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, они имѣли въ виду, въ случаѣ дальнѣйшаго ея преслѣдованія, довести дѣло до суда присяжныхъ и выяснить, въ интересахъ гласности, вопросъ о свободѣ всесторонняго обсужденія ученія Мальтуса, и, во-вторыхъ, въ видахъ пропаганды самаго ученія. Съ первою цѣлью оба издателя сочли нужнымъ даже извѣстить судъ и полицейскія власти о своей перепечаткѣ для продажи въ публикѣ запрещенной книги. Въ слѣдъ за этимъ извѣщеніемъ издатели «Плодовъ философіи» немедленно были привлечены къ отвѣтственности; обвинителемъ, возбудившимъ преслѣдованіе, явился агентъ «Общества для уничтоженія порока», а на судѣ обвиненіе поддерживали со стороны правительства, три извѣстныхъ юриста: сэръ Гардинджъ Джиффардъ, Дугласъ Стрэйтъ (Straight) и Г. Мидъ (Mead); защищались подсудимые сами.

Обѣ цѣли были дѣйствительно достигнуты блестящимъ образомъ, хотя податели едва не заплатились за свою рѣшительность

¹ Fruits of Philosophy. An Essay on the Population Question By Charles Knowlton, M. D. London.

весьма жестоко. Дѣло тянулось довольно долго, отчеты о немъ печатались въ разныхъ газетахъ и вообще оно произвело много шума, задѣвая чувствительную струну всѣхъ англичанъ — уваженіе къ широкой свободѣ прессы, а потому возбуждая даже сочувствіе въ кружкахъ, очень далекихъ отъ направленія и взрѣвнѣй обоимъ подсудимыхъ. Книга, какъ было уже раньше сказано, вновь была запрещена въ продажѣ, и дѣйствительно, ее нельзя было скоро найти въ магазинахъ, но за то тайная продажа на улицахъ разнощиками достигла огромныхъ размѣровъ, а при отсутствіи въ Англіи всякаго контроля за типографіями, она перепечатывалась множество разъ и многими тысячами за разъ, уже первый мѣсяцъ по выходѣ... ¹

Между тѣмъ при всѣмъ этомъ огромномъ успѣхѣ книжки Нольтона, она не представляетъ ни по своему содержанію, ни по своей формѣ, чего либо новаго, или выдающагося, на примѣръ передъ извѣстной книгой Роберта Дэлъ Оуэна. Сами издатели ея Брэдло и Безантъ въ предисловіи къ отчету о своемъ процессѣ выражаются весьма условно объ ея достоинствѣ: она не имѣетъ, по ихъ словамъ, существенной важности сама по себѣ и ея важность заключается прежде всего въ томъ, что она осуждена судомъ. «Гораздо лучшія книги могутъ быть по этому вопросу теперь написаны, уже потому, что со времени выхода въ свѣтъ книги доктора Нольтона прошло болѣе 40 лѣтъ... но тѣмъ не менѣе доктора не хотятъ писать такихъ книгъ, а книгопродавцы — продавать, изъ опасенія попасть въ тюрьму. Книга эта и издана нами главнымъ образомъ ради полученія права свободнаго обсужденія даннаго вопроса... не столько ради защиты самаго сочиненія, сколько ради того, чтобы проложить путь изслѣдованія по данному предмету для всякаго желающаго, мы рискнули навлечь на себя судебную отвѣтственность со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями»... ²

Книга Нольтона во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ является повтореніемъ книги Оуэна, лишь въ болѣе сжатой и сухой формѣ трактата по физиологій и безъ той мѣстами страстности и наивной вѣры въ спасительность средствъ, предлагае-

¹ Экземпляръ «Fruits of Philosophy», купленный авторомъ настоящей статьи въ Лондонѣ лѣтомъ 1880 года, уже носилъ на себѣ обозначеніе *сто восемьдесятъ пятой тысячи* (185,000), выпущенной въ свѣтъ!! Появилось даже множество фальсификацій этой книги, т. е. съ другимъ содержаніемъ, но подъ тѣмъ же названіемъ, а также нѣсколько пародій, что лучше всего указываетъ на огромную распространенность и спросъ на книгу.

² *In the High Court of Justice. Queen's Bench Division. June 18-th, 1877, The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant (Specially reported). Съ портретами обоимъ подсудимыхъ.*

мыхъ для задержки размноженія, которой отличается авторъ «Нравственной физиологіи». Во многихъ мѣстахъ Нольтонъ цѣликомъ заимствуетъ у Оуэна по нѣскольку страницъ, отличаясь отъ него лишь тѣмъ, что часть вопроса, собственно относящаяся къ физиологіи, обширнѣе у перваго, а относящаяся къ общественнымъ наукамъ, у втораго писателя. Вообще передавать содержаніе «Плодовъ физиологіи» уже бесполезно потому, что это значило бы повторять въ сильной степени «Нравственную физиологію» Оуэна.

Profession de foi по данному вопросу автора, равно какъ и издателей и вообще цѣлой партіи лучше всего выражена въ заключительныхъ словахъ предисловія къ новому изданію. «Мы вѣримъ вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что народонаселеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе, нежели средства къ существованію и что *нѣкоторыя* препятствія должны поэтому задерживать ростъ населенія, препятствія нынѣ существующія—голодаваніе и болѣзни. Огромная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ бѣдныхъ классовъ между прочимъ составляетъ одно изъ важныхъ препятствій, которое задерживаетъ теперь народонаселеніе. Но тѣ препятствія или задержки, которыя мы проповѣдуемъ, имѣютъ научный характеръ. Мы думаемъ, что гораздо нравственнѣе предупредить зачатіе дѣтей, нежели послѣ того, когда они уже родятся, умерщвлять ихъ недостаткомъ пищи, воздуха и одежды. Мы защищаемъ научныя препятствія къ размноженію по той причинѣ, что пока бѣдные люди имѣютъ большія семейства, до тѣхъ поръ бѣдность является необходимымъ послѣдствіемъ, а отъ бѣдности рождается преступленіе и болѣзнь. Заработокъ, который могъ бы поддержать родителей и двухъ или трехъ дѣтей прилично и удовлетворительно, совершенно недостаточенъ, чтобъ содержать семью изъ двѣнадцати или четырнадцати лицъ, и мы считаемъ за преступленіе производить на свѣтъ человѣческія существа, осужденныя лишь на несчастія и раннюю смерть» ¹.

Рѣчи подсудимыхъ въ процессѣ Брандо и Безантъ отличались своей продолжительностію; рѣчь перваго занимаетъ въ отчетѣ болѣе 60 страницъ мелкой печати in 8°; 1-жи Безантъ даже болѣе 120 страницъ ²; содержаніе обѣихъ рѣчей заключалось въ аргументаціи существенныхъ положеній ново-мальтузіанства, защитѣ предлагаемыхъ ими средствъ задержанія или препятствій къ размноженію и доказательствѣ важности, полезности и нрав-

¹ Fruits of Philosophy. An Essay on the Population Question. By Charles Knowlton. Preface, p. V, VI.

² In the High Court of Justice, Queen's Bench Division June 18-th 1877. The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant. (Specially reported).

ственности рекомендуемыхъ для того мѣръ. Въ обѣихъ рѣчахъ приводится масса разнообразнѣйшихъ данныхъ, указывающихъ на избытокъ населенія въ англійскихъ городахъ, скученность и вредные для здоровья народа результаты; отсюда приводятся картины вопіющей нищеты рабочаго населенія, безнравственности, господствующей въ этомъ классѣ, какъ послѣдствія скученности и бѣдности, сильной смертности въ дѣтскомъ возрастѣ и преступленій, направленныхъ съ цѣлью уменьшить излишнее дѣторожденіе. Брадло, между прочимъ, приводитъ страшный фактъ изъ *Journal of Health* доктора Ланкастера, что будто бы въ одномъ лишь только Лондонѣ ежедневно происходитъ не менѣе *шестнадцати тысячъ случаевъ* дѣтубійства и вытравленія плода.

Въ виду всѣхъ этихъ бѣдствій, порождаемыхъ излишнимъ дѣторожденіемъ, подсудимые старались доказать законность и желательность распространенія въ бѣдномъ классѣ главнѣйшей идеи, на которой держится ихъ партія и которую преслѣдуетъ книга доктора Нольтона, ранніе браки между молодежью и затѣмъ принятіе мѣръ, предупреждающихъ зачатіе, какъ единственнаго средства задержать быстрый ростъ населенія со всѣми его бѣдствіями. Эти мѣры, какъ утверждали подсудимые, значительно распространены на континентѣ Европы, особенно во Франціи, гдѣ родители никогда почти по собственному ихъ желанію не имѣютъ болѣе двухъ, много трехъ дѣтей, не прибѣгая при томъ ни къ какимъ противозаконнымъ средствамъ, вообще тамъ менѣе распространеннымъ, нежели въ Англии. Кромѣ богатыхъ классовъ, масса народа въ Англии знаетъ де одно лишь предупредительное средство, притомъ самое вредное и недѣйствительное: существуетъ именно предразсудокъ въ бѣдномъ населеніи, что въ періодъ кормленія грудью женщина, будто бы, не можетъ забеременеть, почему не отнимаютъ ребенка нерѣдко по два года. Но, какъ доказываютъ многіе медицинскіе авторитеты по этому поводу, препятствіе это вполне недѣйствительное и ведетъ лишь къ истощенію организма матери и болѣзненности дѣтей, какъ уже рожденнаго такъ и вновь зачатаго. Въ подтвержденіе означеннаго факта говорили вызванные защитой эксперты—женщина докторъ Алиса Вивери (парижскаго университета и женскій врачъ многихъ лондонскихъ госпиталей) и докторъ Дриздэль (*Drysdale*); между прочимъ, они же подтверждали также и сильную распространенность во Франціи способовъ «супружескаго благоразумія», ограничивающихъ возможность имѣть большія семьи. Наконецъ Брадло и Безантъ въ своихъ рѣчахъ проводили множество указаній изъ медицинской литературы Англии, что предупредительныя средства, этотъ главный пунктъ, за который

кннга Нольтона запрещена, а онн прнвлечены въ отвѣту, по тому или другому поводу указываются во множествѣ капиталныхъ сочиненій по акушерству, женскимъ болѣзнямъ и т. д. и даже въ популярныхъ кннгахъ по гннгенѣ, издаваемыхъ преимущественно для богатыхъ классовъ, которые уже давно и пользуются знаніемъ, оттуда извлекаемымъ... Вся разннца-де, слѣдовательно, отъ ннхъ памфлета Нольтона состоитъ лншь въ томъ, что онъ стоитъ всего six pence (около 25 коп.) и доступенъ для прнобрѣтенія каждому бѣдняку.

Резюме пресѣдателя Лорда—главнаго судьи было, какъ и въ первомъ случаѣ, довольно благопрнятно для подсудимыхъ. Онъ явно высказалъ свое согласіе съ сущностью мальтузіанскихъ воззрѣній и даже прнвелъ одннъ новый аргументъ въ пользу «супружескаго благоразумія» и предупредительныхъ мѣръ. Человѣкъ отвѣчаетъ за всякое нарушеніе правъ или посягательство на жизнь лица существующаго, или имѣющаго существовать, поэтому всѣ законодательства одинаково строго караютъ за вытравленіе плода; но нн одннъ законъ, конечно, не можетъ покарать родителей за то только, что онн не хотятъ имѣть дѣтей; точно также какъ холостыхъ людей за то, что онн не хотятъ жениться и слѣдовательно плодиться. «Но если разъ согласиться съ этимъ положеніемъ, то слѣдуетъ считать равно ненаказуемымъ и нравственнымъ прнятіе супругами мѣръ благоразумія, не нарушающихъ ничьихъ интересовъ, напримѣръ, полное воздержаніе ихъ, или воздержаніе въ тотъ періодъ, когда существуютъ наибольшіе шансы для зачатія, а равно и другія мѣры, регулирующія дѣторожденіе *до момента зачатія*».

Тѣмъ не менѣе присяжные прнзнали «Плоды философіи» кннгой безнравственной, хотя и отвергли всякій дурной умыселъ со стороны издателей. Судъ, прннмая во вниманіе, что издатели трактуютъ кннгу, несмотря на ея запрещеніе, еще раньше повторенное прн ихъ прнвлеченіи къ отвѣтственности, продолжали ее распространять и какъ высказался самъ подсудимый Брадло въ своей рѣчи, въ теченіи лншь времени процесса, прндали ее до 125,000 экземпляровъ—постановилъ весьма строгое рѣшеніе, намъ извѣстное. Какъ мы знаемъ дальше, счастливая звѣзда благопрнятствовала издателямъ и случайность избавила ихъ отъ суроваго наказанія: ошибка въ прнговорѣ и недосмотръ англійскаго законодательства прнвелъ къ тому, что высшій судъ уничтожилъ все дѣло, оставнвшн въ силѣ лншь запрещеніе продажн самой кннги, уже доставнвшей хорошей доходъ издателямъ.

В. Юр—овъ.

НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ.

НАКАНУНЪ ИВАНОВА ДНЯ.

(БЫЛЬ).

Глава I.

Опять Верхняя Маліивка! Опять она. Эта захолустная Маліивка, куда скачи — не доскачешь, откуда ближайшій городъ находится въ тридцати пяти верстахъ, а во время половодья къ нему и не доберешься; гдѣ о Крымской войнѣ говорятъ: «тотъ годъ, когда у насъ ратниковъ брали», а о послѣдней: «тоди, когда хлѣбъ на корнѣ погнилъ», гдѣ при звукѣ колокольчика всѣ останавливаются и, разинувши рты, смотрятъ на проѣзжающаго.

Но къ этой Маліивкѣ приросли люди всѣми помыслами души, и потому о ней пужно говорить, несмотря на то, что она некрасива, не имѣетъ лѣса и воды и что весь ея югозападный склонъ выжженъ солнцемъ.

Маліивка стоитъ какъ бы на рубежѣ между лѣсной мѣстностью и степями. Къ юго-западу отъ нея тянутся непрерывныя балки, покрытыя кое-гдѣ еще невырубленнымъ лѣсомъ, а въ пятнадцати верстахъ уже начинаются Святогорскія пущи; за то, въ противоположную сторону, къ юго-востоку, разстилается необозримая степь, гдѣ, по выраженію маліивцевъ, «нима ни гилочки»¹. Тамъ на Троицу украшаютъ избы вербой и осиною. А что такое верба? Это дерево родится съ дряблой сердцевиною и потомъ всю жизнь оплакиваетъ свои сѣдые волосы и свою преждевременную старость. А осина? Она съ того времени, какъ на ней повѣсилса Іуда, мятежно шепчется, дрожить и рвется куда-то, несмотря на то, что годится только на одни колья. Зато какія степи окружаютъ Маліивку и какая трава въ этихъ

¹ Кусты, вѣтви.

степяхъ! Когда въ концѣ іюня зацвѣтеть воронецъ, точно раскаленный уголь въ махровой темной зелени, когда полевой макъ, приподнявшись, высунетъ свою растрепанную головку, а его въ это время обовѣютъ душистая розовая березка, колокольчики, пахучая материнка, разстрѣль-трава, кукушкины слезки, гвоздики и маргаритки—все это переплетется, перемѣшается и представитъ такой роскошный коверъ, что только Богу ходить по немъ. И среди этой зелени вѣтся дорога; куда она бѣжитъ?

Вечеромъ, когда зайдетъ солнце, эта степь раскрываетъ свои горячія, благоухающія объятія, зоветъ и манитъ человѣка. Кто можетъ прильнуть къ ней послѣ горькихъ слезъ отчаянія, послѣ безплодныхъ, томительныхъ ожиданій—тому спасеніе. Кто можетъ не алчнымъ взоромъ властелина, а полнымъ душевнаго умиленія взглядомъ обнять эту роскошь—тому спасеніе!

Маливцы гордились своей степью. Если на траву былъ урожай, и она доходила до колѣнъ, они говорили: «трава до пояса», если до пояса, тажъ лошадь съ всадникомъ пряталась; и никто никогда не протестовалъ противъ подобныхъ гиперболъ, потому что Маливка могла дать своимъ дѣтямъ все, что имъ было нужно. Не земля виновата въ томъ, что въ послѣднее время маливцамъ стало жить худо. Я, на примѣръ, знаю, что Артемъ Якуша, предки котораго благоденствовали въ Маливкѣ, зажегъ свою избу и при свѣтѣ зарева со слезами отчаянія воскликнулъ: «Будь проклята, будь тричи ¹ проклята Маливка!» Помнѣнію деревенскихъ властей, Якуша былъ мужикъ мятежный: онъ осмѣлился искать управы на старшину.

Какъ жаль, что я не могу тотчасъ описать исторію этого мятежника! А почему не могу? Потому что другіе образы неожиданно встали въ душѣ моей и властно требуютъ: «Опиши насъ! Мы жили, любили, страдали и ненавидѣли. Мы переживемъ все, переживемъ и старшину, и писаря, и даже урядника! Переживемъ! Переживемъ!» И никуда не уйдешь отъ этихъ докучливыхъ заявленій.

Начать мой рассказъ я должна издадека.

Посреди Маливки, наискосокъ отъ старой заброшенной ратуши, жилъ Василій Стрѣлецъ, братъ того Стрѣльца, который былъ сосѣдомъ Шершню. Что его не даромъ называли стрѣльцомъ, свидѣтельствовало ружье и старая заржавленная пороховница. Эта эмблема поэтическихъ наклонностей хозяина висѣла на почетномъ мѣстѣ недалеко отъ образовъ. Ружье послужило когда-то предметомъ раздора между братьями, Василюмъ и Ива-

¹ Трижды.

номъ. Василій былъ младшій и палилъ, Иванъ — старшій и боялся взять ружье въ руки; но онъ привыкъ видѣть его на стѣнѣ съ тѣхъ поръ, какъ только сталъ сознавать себя, и поэтому не уступалъ ружья брату. Пришлось прибѣгнуть къ старшинѣ. Шершень, презиравшій всякое баловство, присудилъ ружье младшему и такъ краснорѣчиво доказывалъ всю несообразность охоты съ мужицкимъ положеніемъ, что тяжущіеся почувствовали себя пристыженными. Однако, Василій взялъ ружье и долго съ нимъ не разставался.

Когда онъ лишился жены своей, вздорной и злой бабы, ему было только сорокъ три года. Онъ былъ статный, красивый мужикъ и имѣлъ трехъ взрослыхъ сыновей. Злая жена, которую онъ никогда не любилъ, и страсть къ охотѣ наложили на него печать свою. Онъ былъ тихъ, кротокъ, задумчивъ, религиозенъ. Все у него было свято: святой дождикъ, святыя зайчики, святая травва. Когда его выбрали въ церковныя старосты, онъ на радостяхъ принесъ пятьдесятъ рублей на поправку иконостаса. Но говорили, что эти деньги не послѣднія: Василій считался богачемъ.

Старшій сынъ его былъ весь въ мать: приземистый, широкоплечій, жестокій, съ такими кулаками, что всякій патылся отъ него; было что-то звѣрское въ очертаніи его безконечнаго рта. И вотъ однажды онъ объявилъ отцу, что желаетъ жениться и, о, ужась! на горничной полковника, Марѣѣ. Василій взвылъ. Это было до освобожденія крестьянъ; приходилось, значитъ, выкупать дѣвку. На слѣдующій день отецъ отправился къ прикащику на барскій дворъ и тамъ узналъ, что Марѣя, тово... съ паничами... Что дѣвка она красивая, но замужь за крѣпостного не пойдетъ. Василія даже покорило отъ всѣхъ этихъ разсказовъ.

Вернувшись домой, онъ, несмотря на свою кротость, задалъ порядочную нахлобучку сыну. Сынъ не унимался и продолжалъ настаивать. Дѣло было осенью. Василій въ воскресенье отправился на охоту; ему посчастливилось, и онъ понесъ полковнику цѣлый десятокъ уточекъ. Полковникъ на прощанье велѣлъ поднести ему водки. Василій задумчиво стоялъ, опершись на свое ружье. Вдругъ раздался мягкій, звучный голосъ. Онъ поднялъ голову: передъ нимъ, съ подносомъ въ рукахъ, стояла дѣвушка, высокая, стройная, съ пышной грудью, прикрытой тонкой сорочкой. Она улыбнулась, а изъ-подъ опущенныхъ длинныхъ рѣсницъ свѣтились, точно уголья, два черные глаза.

У Василія почему-то рука дрогнула, когда онъ протянулъ ее, чтобъ взять рюмку; онъ сталъ разсѣянно слушать, что ему го-

*

ворилъ полковникъ; взглядъ его полуопущенныхъ глазъ невольно слѣдилъ за быстрыми ножками, которыя, точно нарочно, мелькали передъ его глазами. Наконецъ, онъ поклонился и вышелъ.

За усадьбой ему послышались торопливые шаги, и знакомый голосъ звалъ его: «Дядько! а дядько!»

Василій остановился.

Передъ нимъ стояла таже дѣвушка. Она запыхалась отъ скорой ходьбы; щеки покрылись яркимъ румянцемъ; силой и жизнью вѣяло отъ нея.

— Деньги забыли, сказала она.

Василій сконфузился. Онъ стоялъ передъ ней и чувствовалъ себя—точно въ чемъ-нибудь провинился, и ему нужно просить у нея прощенія.

— Чего сватовъ не плете? сказала она, и расхохоталась.

Василій еще болѣе смутился.

«Такъ вотъ она, Марѳа!» подумалъ онъ, и—странно—ему не только не хотѣлось бѣжать отъ нея а, напротивъ, какая-то непреодолимая сила приковывала его къ мѣсту.

— Пришлите сватовъ отъ Василія, сказала она.

И голосъ ея зазвучалъ такъ повелительно, что тотъ поспѣшилъ отвѣтить:

— У меня нѣтъ сына Василія.

— Такъ батько у нихъ Василій, отвѣчала красавица, и опять залилась серебристымъ смѣхомъ.

Тутъ точно кто кипяткомъ ошпарилъ его, мурашки забѣгали по спинѣ; онъ быстро повернулся и пошелъ. Сердце такъ и стучало, такъ и прыгало въ его груди.

Дома ему почему-то неловко было смотрѣть на своего старшаго сына. Онъ долго и горячо молился, ложась спать.

Прошло нѣсколько дней.

Въ воскресенье онъ, по обыкновенію, раньше другихъ отправился къ обѣдни: ему предстояло продавать свѣчи. Когда церковь наполнилась народомъ, и уже невозможно было протолкаться къ алтарю, онъ заперъ ящикъ. На душѣ у него смутно, непокойно. Онъ сталъ въ углу на колѣна и почти вслухъ повторялъ слова немногосложной молитвы.

Вдругъ онъ поднялъ голову и увидалъ ее. Она стояла впереди и, полуобернувъ голову и улыбаясь, во всѣ глаза смотрѣла на бѣднаго мужика. Василій почувствовалъ, что онъ холодѣетъ подъ этимъ взглядомъ; онъ силился перекреститься и не могъ; руки повисли и губы шепчутъ какія-то безсвязныя слова.

Служба кончилась. Онъ торжественно тушитъ свѣчи. Лицо его блѣдно и серьезно; онъ смотритъ только передъ собой. На-

родъ валить изъ церкви. Василій мѣшкаеть; онъ нѣсколько разъ попробоваль крышку отъ церковной кассы: не было сомнѣнiя, что ящикъ запертъ.

— Сватовъ пришли отъ Василiя, шепчетъ ему опять знакомый голосъ, отъ котораго кровь стынетъ у него въ жилахъ.

Онъ прислонился къ стѣнѣ, уставился глазами въ потемнѣвшiй образъ и не двигается съ мѣста.

— Да идите же! раздается позади его сердитый голосъ дьякона.

Василій обернулся. Церковь совсѣмъ опустѣла; нѣсколько старухъ, стоя на паперти и осторожно отступая, набожно крестились.

Дьяконъ и Василій сходятъ со ступеней. Впереди ихъ на небольшомъ разстоянiи, гордо поднявъ голову, и слегка раскачиваясь во всѣ стороны плыла, Марѳа.

— Видишь, чортова невѣста! толкнулъ его подъ бокъ дьяконъ: — сатана! кого захочеть — приворожить!

Василій ничего не отвѣтилъ, но въ эту минуту онъ съ болью въ душѣ созналъ, что она его приворожила.

Все его благочестiе, вся набожность и степенность разлетѣлись въ прахъ. Онъ далъ зарокъ не жениться, но сердце, никогда не знавшее любви, рвется къ ней. Она стоитъ передъ нимъ и манить его. Сына старшаго стыдно, другихъ дѣтей жалко. Ну, какъ ему, степенному мужику, старостѣ церковному, въ такое дѣло впутаться? Какъ взять за себя непутячую дѣвку да еще выкупъ нести за нее, деньги, собранныя трудомъ и потомъ всей семьи?

Въ такiя минуты Василій хватался за голову и готовъ былъ повѣситься. Наконецъ, онъ отправился къ Шершнихѣ. Онъ излилъ передъ ней всю свою душу, плакалъ и каялся. Шершниха поняла трагичность его положенiя. Она отчитывала его, поила настоемъ разныхъ травъ, но такъ какъ ничего не помогало, то и рѣшила, что Марѳа, или обвила его куричьимъ зубомъ, или подсыпала чего-нибудь въ ту водку, которую поднесла ему у полковника.

Въ домѣ Стрѣльца стало неладно. Кондрать, прежде часто ходившiй на барскiй дворъ, вдругъ прекратилъ свои посѣщенiя, запиль и сталъ грубо обращаться съ отцомъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, еслибы сама судьба не пришла на помощь.

Наступила рекрутчина. Кондрать пошелъ въ солдаты, а Василій послалъ старостъ сватать Марѳу.

Ахнула вся Малiевка, какъ узнала объ этомъ. Полковникъ

отговаривалъ, священникъ страшалъ: ничто не помогло. Марѳа рѣшила, что пойдетъ за вольнаго, за богатаго и настояла на своемъ. До дѣтей Василя ей не было никакого дѣла: она знала, что посредствомъ мужа, приберетъ всѣхъ ихъ къ рукамъ. Разгульная жизнь стала претить ей; выходить за подневольнаго, за такого, какъ она сама, ей не хотѣлось; оставаться въ дѣвушкахъ тоже не радость. Она-бъ пошла и за Кондрата, но, увидавъ, какое впечатлѣніе произвела на Василя, съ радостью остановилась на немъ; съ нимъ было больше простора для ея честолюбія.

Марѳа властвовала надъ нимъ, но не раззоряла. Напротивъ, она придала дому особенную щеголеватость и домовитость. Правда, она не любила ходить въ поле, но этого отъ нея и не требовалось. Второго сына женили, младшій былъ уже работникъ; вчетверомъ они могли отлично управиться со своимъ хозяйствомъ, а молодая мачиха прала, шила и носила имъ ѣсть въ поле.

Такъ прошло три года. Женили и третьяго сына, а у Марѳы дѣтей все нѣтъ да нѣтъ. Невѣстки втихомолку посмѣивались, что это ей въ наказаніе за прежнюю жизнь. Однако, имъ пришлось разубѣдиться въ этомъ.

Марѳѣ было уже тридцать лѣтъ, когда ей пришлось родить перваго ребенка. Тутъ она, бѣдная, настрадалась. Чего, чего съ ней не дѣлали: и клали на порогъ, заставляя переступить черезъ нее мужа, и водили на чердакъ и тамъ подвѣшивали на перекладинѣ. Доведенная до отчаянія, она кидалась на колѣна передъ мужемъ и каялась во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ: она жила съ Кондратомъ, и будучи за мужемъ, она... Василій былъ убитъ, потрясенъ; онъ самъ плакалъ; наконецъ, побѣжалъ къ священнику и сталъ умолять его отворить царскія врата въ церкви.

Когда онъ вернулся домой, то засталъ слѣдующую сцену: бабы уложили Марѳу подъ образа и велѣли ей умирать; она была въ забытїи. Въ избѣ царила мертвая тишина. Василій, сгорбившись стоялъ у стѣны и покорно ждалъ смерти. Однако, черезъ два часа родилась Прися. Когда Марѳу прибрали, къ ней подошелъ Василій.

— Дочку бажала? спросилъ онъ.

Въ голосѣ его звучала безпредѣльная нѣжность.

— Дочку хотѣла, прошептала она едва слышно.

— Лежи и не вставай: невѣстки все за тебя сдѣлаютъ.

Онъ провелъ рукой по ея головѣ.

— Ну-те поворачивайтесь! обернулся онъ, и грозно крикнулъ на невѣстою.

Это былъ первый властный окликъ въ семьѣ; онъ вышелъ изъ груди человѣка, который чувствовалъ въ настоящую минуту необъятную радость, что его молодая жена жива, здорова и родила ему дочь. Въ этомъ окликѣ слышалось приказаніе не смѣть помнить того, что она говорила, уважать ее, какъ онъ ее уважалъ.

Всѣ остальные члены семьи отошли на задній планъ; Марѳа съ Присей стала всѣмъ для него; и она это поняла. Она встала съ постели совсѣмъ не той снисходительной и нѣсколько легкомысленной женщиной, какою была; вся ея страсть обратилась теперь на дочь. Она кормила ее до трехъ лѣтъ, таскала на рукахъ до тѣхъ поръ, пока дѣвочка стала сама стыдиться этого. Она сдѣлалась одной изъ тѣхъ матерей-самокъ, которыя готовы принести въ жертву своему дѣтищу все остальное маленькое пожеланіе. Она ненавидѣла внучать своего мужа, она готова была ежеминутно обдѣлать ихъ, вырвать изо рта кусокъ и отдать своей дочери. Она копилка ей приданое, съ боя отбирая у остальной семьи все, что можно было отобрать. Въ домѣ у Василія была безпрестанная борьба. Умеръ у старшей невѣстки сынъ—она клялась, божилась, что Марѳа отравила его; заболѣть ли Прися—мачиха кричать, что невѣстки подсыпали ей чего нибудь.

Дѣвочка росла между двухъ огней, Она переносила толчки, побои и боялась жаловаться; видя общую ненависть къ матери, слыша ужасные разсказы о прежней ея жизни, она больше боялась, чѣмъ любила ее; невѣстою она тоже не могла любить, потому-что онѣ были къ ней несправедливы. Все это образовало изъ нея скрытную, сосредоточенную натуру. Она была впечатлительна, застѣнчива и безпрестанно краснѣла. Больше всѣхъ въ семьѣ она любила своего кроткаго отца. Она наслѣдовала отъ матери большіе черные глаза, хорошій ростъ и величавую поступь.

Марѳа съ каждымъ годомъ такъ зазнавалась, что къ тому времени, какъ Прися сдѣлалась семнадцатилѣтней дѣвушкой, вся деревня ненавидѣла ея мать за надменное обращеніе и непривѣтливость.

Прися была особнячекъ между своими подругами. Мать берегла ее, какъ зѣницу ока; она, какъ всѣ раскаявшіяся, не вѣрила въ женскую добродѣтель и никогда не пускала дочь на гулянки и на вечерницы. Она не знала ей равнаго, и всякій, кто осмѣливался заглядѣться на нее, становился ея врагомъ. Прися слыла холеной, балованной батьковой дочкой.

ГЛАВА II.

День наканунѣ Ивана Купалы былъ прекрасный. Съ утра по небу ходили тучки и дулъ прохладный вѣтерокъ. Это былъ день, когда тѣни бѣгаютъ по полю, придавая ему самыя фантастическія очертанія. Набѣжить тѣнь на несконченную полоску травы, и кажется, что та находится въ долинѣ, а сверху, какъ на пригорѣѣ, сверкаетъ созрѣвающая рожь; потомъ рожь очутится точно въ углубленіи, а макъ и воронецъ зардѣютъ на солнцѣ; вдругъ на горизонтѣ вытянется длинная-длинная темная полоса и обманутому взору представляется она какимъ-то невѣдомымъ, далекимъ лѣсомъ.

Въ этомъ году урожай на траву былъ прекрасный, дожди не мѣшали, засухъ не было. Ужь къ двадцать-третьему іюня почти вся трава была скошена. Къ счастью молодежи, любимый ихъ праздникъ приходился какъ разъ въ воскресенье. Работы кончились ранѣе обыкновеннаго, и многія дѣвушки въ вѣнкахъ возвращались домой.

Прися рѣшилась отойти отъ своего воза и присоединиться къ нимъ. До сихъ поръ она не участвовала ни въ одномъ сельскомъ праздникѣ: она не смѣла послушаться матери; но сегодня какія-то смѣлыя, совсѣмъ особенныя мысли бродили у нея въ головѣ. Ей такъ легко работалось, она ничуть не устала. Напротивъ, она чувствовала такой сильный приливъ жизни, что могла бѣгомъ добѣжать домой; грабли, точно перышко, качались на ея плечѣ. По своей природной застѣнчивости она не смѣла ни громко засмѣяться, ни забѣжать впередъ, чтобъ поднять пылъ какъ разъ передъ носомъ проходившей толпы, какъ это дѣлали болѣе смѣлыя. Она только вспыхивала и улыбалась, причежь на щекахъ ея образовывались ямочки, и зубы сверкали ослѣпительной бѣлизной.

Когда дѣвушки поравнялись съ Грачинымъ, онѣ всей толпой бросились въ этотъ маленький лѣсокъ, принадлежавшій полковнику, чтобъ сломать молодое деревцо клена и нарвать вѣтокъ. Лѣсокъ затрещалъ подъ ихъ беспощадными руками и громкіе крики и взвизгиванія понеслись по лощинѣ. Одна Прися не присоединилась къ общему хищничеству, не потому, что она находила это дурнымъ или непозволительнымъ — панскій лѣсъ всегда можно обдирать, только бы не попасться—но въ ней происходила борьба: присоединиться ли къ дѣвушкамъ, или вернуться за своимъ возомъ домой, какъ приказала мать?

Солнце зашло и послѣдніе лучи его, какъ зарево, горѣли на западѣ. Съ ложбины, гдѣ находился лѣсокъ, вѣяло прохладой; скошенное, но не собранное въ копны сѣно, привяленное солнцемъ, издавало одуряющій запахъ; деревья, столпившіяся внизу, манили къ себѣ. Но Прися не смѣла послушаться. Она со вздохомъ направилась къ своему возу, на которомъ сидѣла ея невѣстка съ ребенкомъ, и смиренно пошла за нимъ. Но по мѣрѣ того, какъ онѣ приближались къ деревнѣ, и веселыя пѣсни раздавались уже тамъ гдѣ-то далеко отрывистыми возгласами, Прися становилось все болѣе и болѣе досадно, зачѣмъ она не осталась, зачѣмъ такъ боится матери.

Единственное развлеченіе, какое позволяла ей Марѳа, было сидѣть у воротъ и лускать сѣмечки, да пригласить которую-нибудь изъ сосѣдокъ пряхъ на досвитахъ.

При вѣздѣ въ деревню, чей-то возъ перегналъ ихъ, кто-то быстро снялъ передъ ней шапку и, хотя Прися едва отвѣтила на поклонъ, расположеніе ея духа мгновенно измѣнилось: она уже не жалѣла, что не присоединилась къ дѣвушкамъ. Какія-то, еще не выясненныя желанія вдругъ забродили въ ней, и когда она входила во дворъ своей хаты, то чувствовала себя способной выдержать какую угодно сцену съ матерью и поставить на своемъ. Она рѣшила идти сегодня на Ивана Купала и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ непокорныхъ мыслей, швырнула грабли и не поздоровалась съ матерью.

Марѳа, все еще статная, красивая женщина, съ блаженной улыбкой смотрѣла на дочь. Она приготовила всѣмъ ужинать и приглашала ее ѣсть; но Прися желала идти по воду и, несмотря на всѣ доводы матери, что за водой можно сходить и послѣ, настояла на своемъ. Она перекинула коромысла на плечо и отправилась огородами внизъ.

Земля Василя кончалась лѣвадой; она отдѣлялась отъ другой усадьбы густыми вербами и высокимъ бурьяномъ. Путь до колодца былъ не близокъ. Прися не спѣшила. Отойдя на довольно большое разстояніе отъ избы, она запѣла, сильно выкрикивая; голосъ ея вибрировалъ и обрывался; она видимо волновалась.

Возлѣ колодца лежала сломанная бурей старая верба съ безпомощно распростертыми вѣтвями. Прися сѣла на нее и спокойно стала всматриваться въ густыя вербы. Сердце ея билось. Она пришла не на условленное свиданіе, но ей хотѣлось, чтобы сейчасъ изъ этихъ вербъ вышелъ «онъ». Она нарочно выкрикивала пѣсню: его хата была тамъ на верху; если онъ услышитъ, то прибѣжитъ навѣрное. Она давно замѣтила, что онъ ходилъ около ихъ избы, и въ церкви всегда около нея становился, и

вчера поднесъ ей букетъ земляники, за что мать обрушилась на него руганью...

Но вотъ сухія вѣтви затрещали подъ чьими-то ногами, это-то бѣжалъ, перепрыгивая черезъ гряды. Прися вскочила и схватилась за ведро; вода плескалась въ ея дрожащихъ рукахъ, а черезъ минуту передъ нею сконфуженно стоялъ парень. Это былъ Карпо, первый ловеласъ, но зато и первый красавецъ на всю деревню. Голова его имѣла прелестныя очертанія, это была голова молодого патриція. Прися казалась дурнушкой сравнительно съ нимъ. Но онъ ее любилъ; онъ извѣдалъ много въ жизни; дѣвушки и женщины льнули къ нему, но его привлекла къ Присѣ ея недоступность и какой-то ореолъ невинности, который окружалъ ее. Съ ней онъ не смѣлъ продѣлывать грубыхъ шутокъ, не смѣлъ ворваться къ ней въ домъ или влѣзть въ окно. У нея была строгая мать, но не Марѳа пугала его, сама любовь держала его на почтительномъ разстояніи. Онъ робѣлъ въ ея присутствіи, онъ страстно искалъ свиданія съ ней, собирался наговорить много и до сихъ поръ не сказалъ ничего.

Теперь, когда онъ стоялъ передъ ней съ шапкой въ рукахъ, у него не находилось словъ для привѣтствія.

— Испугалъ ты меня, сказала Прися.

— Я, какъ слышалъ твой голосъ, соскочилъ съ воза и прибѣжалъ.

— Зачѣмъ прибѣжалъ?

— Тебя увидѣть! отвѣчалъ онъ.

— Туда-жъ! проговорила Прися небрежно и перекинула козырь на плечо.

Но ей не хотѣлось уходить. Она ждала, что онъ силой удержитъ ее, и ей становилось досадно, зачѣмъ онъ мѣшкаетъ.

— Прися, сказалъ Карпо:—я чуть ногъ не поломалъ, прыгнувши съ воза, а ты уходишь.

Прися засмѣялась.

— А вѣдь безъ ногъ тебя никто любить не станетъ.

— Ты меня и съ ногами любить не хочешь, отвѣчалъ онъ печально.

Прися ничего не отвѣтила: она была недовольна. Всѣ легенды объ его удали оказались обманчивыми. Она не понимала, что одержала самую блестящую побѣду: смирила необузданнаго. Это была критическая для него минута, и Карпо, точно понявъ свое положеніе, взялъ ее за плечо, силой усадилъ на вербу и самъ сѣлъ близко къ ней.

— Поцѣлуй меня! попросилъ онъ.

Прися застынчиво приблизила лицо къ его губамъ, но, не поцѣловавши, отвернулась въ сторону и закрыла лицо рукавомъ.

Карпо обнялъ ее.

— А Христа забылъ? спросила она.

Никакое признаніе въ любви не было такъ для него пріятно, какъ это напоминаніе о женщинѣ, которою онъ увлекался и которую онъ теперь бросилъ для нея.

— Хай ей чортъ! отвѣчалъ Карпо:—я тебя люблю.

Прися тихо смѣялась.

— Меня одну? спросила она.

Онъ крѣпко обнялъ ее, и они поцѣловались.

— Приходи сегодня на Ивана Купала, шептала онъ ей на ухо:—я провожу тебя домой. Приходи, сердце!

— А гдѣ будетъ? спросила она, прикидываясь, что не знаетъ.

— У Христиной левады, отвѣчалъ онъ нѣхотя.

— Что же ты точно галушкой подавился? замѣтила она и засмѣялась.

— Не люблю я ее! отозвался Карпо.

— И меня такъ разлюбишь?

— Тебя... моя ясочка, моя зирочка!

Ночь сгущалась надъ ними; Прися сама подвинулась къ нему. Онъ такъ крѣпко стиснулъ ее въ рукахъ, что она едва не вскрикнула.

— Придешь? спрашивалъ онъ.

— А ежели Христа испортить меня? сказала она не то шутя, но то серьезно.

— Ты принеси ей что-нибудь и низенько поклонись. Ты—батькова дочка, она обрадуется.

— А правда, что она вѣдьма?

— Не знаю.

— А какъ ты женишься, а она приворожитъ тебя опять къ себѣ?

На этотъ разъ въ голосъ ея звучала неподдѣльная боязнь.

— Не бойся, отвѣчалъ Карпо:—ты меня навѣки приворожила. Такъ пойдешь за меня замужъ?

Прися нѣсколько минутъ молчала.

— Что мать скажетъ, отвѣчала она.—Не любить она тебя, Карпо... За что она не любить тебя?

— За то, что у моего батько волы здохли.

Оба они разсмѣялись.

— Ты отца проси, заговорилъ онъ:—проси отца. Отецъ у тебя добрый; онъ большой выкупъ далъ за твою мать.

У Приси забилося сердце; она боялась, что Карпо скажетъ

что-нибудь дурное объ ея матери. Но онъ ничего не сказалъ, и Прися почувствовала облегченіе. Любовь къ нему выросла въ эти нѣсколько мгновеній.

— А что, если отецъ не позволить? спросила она.

— Тогда никому не жениться на тебѣ! заговорилъ онъ то-ропливо и страстно: — слышишь, никому ты не достанешься! Многихъ дѣвокъ я зналъ, а люблю тебя одну!

Сердце Прися рвалось на части отъ радости. Вотъ какимъ она его любила; отнынѣ онъ становился властелиномъ ея.

— А если мать и отецъ не позволять—что тогда? спрашивала Прися и съ тайнымъ трепетомъ ждала его отвѣта.

Карпо усмѣхнулся.

— Если ты меня любишь, такъ сама знаешь что! проговорилъ онъ быстро.

Присѣ было и жутко, и сладко, точно она сидѣла на краю пропасти, на днѣ которой былъ кладъ, и ей и хотѣлось, и страшно было достать его. Она молчала.

— Придешь? спросилъ онъ опять:—безъ тебя скучно будетъ.

— Приду, отвѣтила она.

— Мать тебя не пустить.

— Я спрашиваться не буду.

— Она дверь запретъ, поддразнивалъ Карпо.

— Я въ окно вылѣзу!

— Ау, Прися! послышался громкій голосъ Марен.

Эхо повторило его на другой сторонѣ. Прися встала и взяла коромысло, но не слѣшила. Отойдя нѣсколько шаговъ, она обернулась.

— Карпо! позвала она.

Карпо быстро подошелъ къ ней.

— Правда, что въ эту ночь черти по землѣ ходятъ?

— Говорятъ люди, отвѣчалъ онъ.

— А правда, что иной прикинется паробкомъ, да и пристаесть къ дѣвкѣ? Може, и ты чортъ?

Карпо засмѣялся.

— Иная дѣвка сама прикинется чортомъ, да и лѣзетъ къ нашему брату, сказалъ онъ.

— Ишь якій! протянула Прися.

— Но ты не такая, заговорилъ Карпо и сталъ ласково водить рукой по ея плечу:—ты, какъ намалеванная! смотришь на тебя, а приступить не смѣешь.

— Ау, Прися! опять раздался болѣе нетерпѣливый голосъ матери.

И эхо опять повторило его.

— Кто это откликается? спросила Прися.

— Гора, отвѣчалъ Карпо.

— А можетъ быть, чортъ! проговорила она, и пошла такъ быстро, какъ только позволяла темнота ступать ей босыми ногами.

Она не отделилась: пусть мать сердится. Въ настоящую минуту она всецѣло принадлежала Карпу. Никакихъ сомнѣній не было въ ея душѣ; онъ знаетъ что сдѣлать, если мать не позволить. Онъ ее любитъ, потому что она не такая, какъ другія. Она слыла гордой дѣвушкой: многіе на нее заглядывались, но она ни на кого не смотрѣла. Карпо обѣднѣлъ; у него умеръ старшій братъ и волю издохли; но Присяю это не беспокоило. Напротивъ, Карпо былъ тѣмъ и заманчивъ для всякой дѣвушки, что никого не было въ его семьѣ, кромѣ стараго отца. Присѣ такъ наскучили братья, невѣстки, ихъ дѣти и вѣчная ругань изъ-за каждаго лишняго куска. У Карпо она будетъ хозяйка и никто не станетъ попрекать ее. Что ей, однако-жъ, дѣлать, если мать не позволитъ? Карпо потребуеетъ, чтобъ она жила съ нимъ, а потомъ мать волей-неволей отдастъ за него. При этой мысли сердце ея сжалось: вдругъ съ ней случится то, что съ Домной? Карпо не захотѣлъ на ней жениться, и она вышла замужъ за стараго Госенко. Какъ ее били на свадьбѣ! Все существо ея возмущалось при одной мысли, что она можетъ дойти до подобнаго позора. Нѣтъ! утѣшаетъ она себя мысленно: — мать отдастъ, отецъ отдастъ! И Карпо защититъ ее. А если... если...

Рука ея беспокойно лежитъ на коромыслѣ, вода плещется во всѣ стороны; ея слабая мысль терается передъ трудной задачей, которая предстоитъ ей. Но будь, что будетъ! Сегодня она все-таки непременно пойдетъ на Ивана Купала, пойдетъ, хоть бы ей пришлось въ трубу вылѣзть. И Карпо будетъ съ ней. А какъ приметъ ее Христа? Она понесетъ ей яиць и курипу, она ей низко-низко поклонится. Страхъ разбираетъ ее при одной мысли предстать передъ своей соперницей.

Она вошла во дворъ и поставила ведра на скамью.

Глава III

Та часть Верхней Маліивки, которая охватывала усадьбу поручика, оканчивалась глубокой долиной, окруженной съ трехъ сторонъ врытыми возвышенностями. Эта-то долина, находящаяся на краю деревни, совершенно замкнутая и уединенная, называлась Христиной левадой. Левадой она была потому, что пред-

ставляла низкое мѣсто сравнительно съ окружающими ее возвышенностями. Въ нее со всѣхъ сторонъ лилась вода, образуя весной что-то въ родѣ заливного луга, который къ концу іюня покрывался тучной и сочной травой. Скаты возвышенностей мѣстами заросли вишнями, бузиной, черникой, а въ той части, которая была обращена къ деревнѣ, до іюля мѣсяца стояла вода на протяженіи пятнадцати саженой, образуя маленькій прудокъ съ его неизбѣжными спутниками: вербами и осиною. Сколько тутъ гнило цѣлое лѣто разной драни, сколько мѣзмовъ распространялось по всей деревнѣ, заражая лихорадкой взрослыхъ и особенно дѣтей!

Мѣсто это было не менѣе страшно, чѣмъ владѣтельница его, солдатка Христа, о которой ходили самыя фантастическія слухи. Ее боялись, и договнице ея считалось самымъ лучшимъ и желаннымъ мѣстомъ во всей Малиивкѣ. Здѣсь изъ года въ годъ горѣлъ Купальскій огонь, сюда собиралась молодежь на вечерницы.

Христа, двадцатипестилѣтняя красавица, слыла на все село «преподобницей», но это совсѣмъ что-то отличное отъ городской кокетки. Такая женщина должна быть хороша, непременно умна, лихая работница, веселая, пѣвунья, плясунья, или замѣчательная разскащица и, конечно, ворожея, потому что народъ иначе не можетъ объяснить ея побѣдъ, какъ дѣйствіемъ чаръ. Она предается разгулу по страсти, по увлеченію и рѣдко съ расчетомъ. Чаще она сама помогаетъ своимъ поклонникамъ.

Христа была маленькая, смуглая, тонкая женщина, съ черными курчавыми волосами и необыкновенно правильнымъ, подвижнымъ лицомъ. Никто не могъ рѣшить, какого цвѣта ея глаза: одни говорили—зеленые, какъ у жабы, другіе—сѣрые, какъ у кошки, и всѣ единогласно утверждали, что въ темнотѣ она видитъ и что ночью, когда она спитъ, одинъ глазъ ея смотритъ. Дѣтей у нея никогда не было; она ихъ не любила и близко не подпускала къ своей усадьбѣ. Бабы, имѣющія взрослыхъ дочерей, ненавидѣли ее, а тѣ, у которыхъ были сыновья, боялись, чтобъ она ихъ не приворожила. Молодежь относилась къ ней съ какимъ-то робкимъ недовѣріемъ; она принимала отъ нея услуги, но никто сердечно не былъ расположенъ къ ней. Христа же, напротивъ, любила только молодежь. Она не знала себѣ равной между женщинами, она была такъ увѣрена въ своихъ побѣдахъ, что презирала соперничество. Ей всѣ скоро надоѣдали, любовь глубокая, нѣжная была чужда ей, пока она не позналась съ Карпомъ.

Этотъ страстный, легкомысленный юноша, который ни передъ

чѣмъ не останавливался, никого не боялся, любя, презиралъ и насмѣхался, разбилъ ея самоувѣренность. Христя, всегда безмятежная, веселая, стала задумываться и грустить, стала зорко слѣдить за Карпомъ; а онъ все рѣже и рѣже заходилъ къ ней и наконецъ совсѣмъ прекратилъ посѣщенія. Христя угадала соперницу свою и возненавидѣла ее, тѣмъ съ большею силой, что Прися обладала свойствами, которыхъ у нея никогда не было. Высокая, пышная, величавая, Прися даже въ физическомъ отношеніи представляла полную противоположность съ ней. Ее, Христю, называли змѣей, а Присю павой. Часто, измученная напраснымъ страстнымъ ожиданіемъ любовника, она шла къ избѣ Стрѣльца, чтобъ хоть издали взглянуть на свою соперницу, и мысленно выругать ее. Прися, завидѣвъ ее, пугливо пряталась, а Марѳа начинала ругаться, впрочемъ, тихо, потому что Христя была единственная женщина, которая не переименалась съ Стрѣльчихой. Послѣ подобныхъ бесплодныхъ экскурсій, Христя возвращалась въ свою одинокую избу еще съ большей тоской и съ сильнѣйшей ненавистью въ душѣ.

Послѣдніе три дня наканунѣ Ивана Купала она, вмѣстѣ съ батракомъ, лихорадочно трудилась надъ уборкой сѣна. Она ничего не готовила, почти ничего не ѣла; какой-то внутренней огонь сжигалъ ее; глаза ввалились и зловѣще сверкали. Она съ тайнымъ трепетомъ ждала этой ночи: какъ разъ годъ тому назадъ, въ такую ночь, она, сбросивъ свою головную повязку, съ распустившейся косой, украшенная вѣнкомъ, прыгала черезъ огонь. Карпо всячески старался толкнуть ее въ пламя; это ему не удавалось. Тогда, онъ бросилъ Домну и остался ночевать у нея. Что-то будетъ теперь?

Она безпокойно оглядывала свою леваду. Копны сѣна, нарочно сложенные поближе къ деревьямъ, чтобъ очистить мѣсто для игръ, могли бы порадовать всякій хозяйскій глазъ. Ночь, теплая, чудная, нѣжная, полная чаръ и благоуханій, спускалась на землю. Вѣтерокъ утихъ, все смолкло и точно прислушивалось къ отдаленному эху пѣсни, разносившейся по селу. Батракъ угрюмо жевалъ корку хлѣба, а Христя, сидя на опрокинутой «дижѣ», представляла собой олицетвореніе безпокойства и ожиданія.

Но вотъ звуки, несшіеся издалева, ворвались въ долину, наполнили ее всю, и, по мѣрѣ того, какъ пѣніе раздавалось все ближе и ближе, лицо Христи успокоивалось и принимало обычное выраженіе. Завидѣвъ толпу дѣвушекъ и молодыхъ бабъ, она встала и пошла навстрѣчу такъ покойно и величественно, точно никогда никакое горе не касалось ея души, точно всѣ помыслы

ея были такъ же чисты и дѣвственны, какъ ея бѣлая головная повязка съ вышитыми краями.

Между пришедшими была и веселая Домна, брошенная Карпомъ и теперь жена старика, и остроглазая Палазка, и хмурая, некрасивая Настя, и богатая Сашка, приходъ которой видимо польстилъ хозяйкѣ. Дѣвушка принесла ей въ платочекъ бѣлый пшеничный хлѣбъ и горшечекъ меду. Обѣ женщины, стоя другъ передъ другомъ, церемонно и долго раскланивались. Христя назвала ее «гарнесенькой», а Сашка, улыбаясь, съ запинками рассказала, какъ она обманула мать, сказавъ, что пойдетъ къ замужней сестрѣ, и пришла къ ней.

Всѣ дѣвушки были украшены громадными вѣнками, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ красовались макъ, собачья роза, васильки и гвоздики. У нѣкоторыхъ вѣтки клена и бересты доставали до спины; молодые колосья ржи и пшеницы дрожали при каждомъ движеніи. Онѣ принесли съ собою маленькое деревцо клена и со смѣхомъ стали рассказывать, какъ прикащикъ полковника гнался за ними, какъ онъ догналъ Горпинку и хотѣлъ ее побить, а той порой онѣ всѣ утiekли. Утвердивъ деревцо въ землѣ, онѣ сдѣлали изъ соломы идола, привязали его къ клену и начали одѣвать: сначала надѣли женскую сорочку, привязали допечку вмѣсто лица и нарисовали глаза и усы, потомъ обвѣшали его платочками, наместами, лентами, и надѣли вѣнокъ на голову. Все это дѣлалось съ пѣснями, шутками и прибаутками. Палазка долго не позволяла Домнѣ надѣть идолу свои бусы. Она доказывала, что у купала будетъ жена старая и что онъ, бѣденный, такъ зажурится, что всѣмъ имъ сумно станеть. Домна хохотала, хвалила своего старика Юсенко и, уловивъ минуту, когда никого не было, сняла съ идола вѣнокъ и надѣла ему свой очипокъ. Выходка эта привела всѣхъ въ неописанный восторгъ. Домнинъ очипокъ повѣсили на тонкую вѣтку клена, гдѣ онъ, при малѣйшемъ движеніи воздуха, раскачивался во всѣ стороны и возбуждалъ общій смѣхъ.

Всѣ принялись собирать сухія вѣтви, листья, солому и устроить костеръ. Вдругъ на верху послышался свистъ, шиканье; чьи-то имена выкрикивались и неслись по воздуху, а черезъ минуту толпа хлопцевъ, сокрушая все на своемъ ходу, ворвалась въ леваду. Они набросились на костеръ и въ одно мгновенье отъ него не осталось и былинки. Поднялся невообразимый визгъ и шумъ. Домна тузила какого-то паробка по спинѣ; Сашка побѣжала въ чашу, чтобы набрать вѣтокъ; ее опередилъ Омелька Перепечка, подставилъ ногу, она растянулась во весь ростъ, обидѣлась и чуть не ушла домой. Возня продолжалась до тѣхъ поръ,

пока Христа не вступила въ свои права и не водворила порядка. Тутъ подошли еще дѣвушки, еще паробки и костеръ наконецъ запылалъ.

Женщины, взявшись за руки, съ пѣснями плясали вокругъ него. Огонь трещалъ, вспыхивалъ; гонимый отовсюду, онъ нетерпѣливо мотался во всѣ стороны, то вдругъ змѣей стлался по землѣ, то съ трескомъ рвался вверхъ, далеко раскидывая горящія искры и освѣщая яркимъ заревомъ смѣющіяся лица молодежи; струя дыма вилась и дрожала въ воздухѣ. Кусты, окружающіе поляну, приняли гигантскіе, фантастическіе размѣры, а ночь, все болѣе и болѣе темная, болѣе и болѣе таинственная, сыпала на землю мятежныя желанія и сладострастныя грезы.

Ой, купався Иванъ,
Та и въ воду упавъ
На Ивана на Купала!

раздавалась пѣсня. Паробки вривались въ кругъ, и каждый силится повернуть его въ обратную сторону. Ихъ выталкивали, они часто падали, быстро вскакивали, и опять начиналась возня. Христя стояла поодаль, не принимая никакого участія въ весельи. «Его» не было; Приси она, конечно, и ждать не могла.

Вдругъ что-то затрещало за ея спиной. Она обернулась—это былъ Карпо. Онъ слегка кивнулъ ей головой, направился къ кругу и, озаренный яркимъ пламенемъ, съ жадностью всматривался въ лица, мелькавшія мимо него. Христя слѣдила за нимъ: она знала, кого онъ ищетъ, и жгучая ревность закипѣла въ груди ея. Она зашла за близъ стоявшее дерево и, схватившись за стволъ, затрясла его такъ сильно, что одна дѣвушка вскрикнула и отбѣжала въ сторону.

А хоръ, между тѣмъ, пѣлъ:

На Ивана на Купала,
Гдѣ ты, Домна, ночувала?
Пидь яворомъ зелененькимъ!

подхватило нѣсколько паробковъ, со смѣхомъ глядя на Домну:

Та съ Юсенкомъ молоденькимъ!

Домна вырвалась изъ круга и, вмѣсто всякаго отвѣта, первая перелетѣла черезъ огонь.

— Ишь, молоденькая! закричалъ ей кто-то.

А Домна, оббѣжавъ кругъ, опять перелетѣла черезъ огонь. За ней другая, третья. Паробки нарочно скакали напротивъ и старались толкнуть дѣвушекъ въ костеръ. Пламя лизало ихъ боссыя ноги. Маруся жопала въ объятія хлопца, который за ней ухаживалъ, но котораго она не любила, и между ними завязалась борьба. Кто-то, чтобъ разнять ихъ, закричалъ: «Маруся горить!» и обезумѣвшая Маруся, которая вовсе не горѣла, плюх-

нулась въ воду. Она вылѣзла оттуда вся покрытая тиной и, при общемъ взрывѣ смѣха, спряталась въ избу. Игры и шумъ долго продолжались, пока наконецъ кто-то замѣтилъ, что Христи нѣтъ, и всѣ бросились искать ее.

Она сидѣла поодаль на травѣ. Всѣ засыпали ее вопросами, почему она не принимаетъ участія въ общемъ весельи. Христия отговаривалась старостью, но выраженіе лица ея такъ мало гармонировало съ словами, что никто знать не хотѣлъ о ея старости, и всѣ упрасивали ее перескочить хоть разъ черезъ огонь. Но Христия не согласилась.

Когда, наконецъ, всѣ утомились отъ бѣготни и смѣха, нѣкоторые начали упрасивать хозяйку рассказать что-нибудь. На костеръ поставили треножникъ и затѣяли варить кулишъ. Дѣвushки усѣлись попарно съ хлопцами, а Христия принялась рассказывать.

Сначала она рисовала мрачныя картины похождения чертей; потомъ вдругъ оживилась, впала въ шуточный тонъ и стала говорить о томъ, какъ чортъ однажды подшутилъ надъ ней:

— Я была молода, да красива, пачала она оживляясь, при чемъ лицо ея дѣйствительно сдѣлалось и молодо, и красиво.

Карпо расхохотался.

— Перехвалила на одинъ боже, перехвали же и на другой, сказалъ онъ.

— Съ похвалы сорочки не сошьешь, отрѣзала Палазка.

А Христия продолжала:

— Хлопцы около меня такъ и увивались, такъ и бились; а мать была сердитая, да строгая, никогда на вечерницы не пускала. Какъ прознаетъ, что собираются — и всегда она чула, вать ¹ ее зна якъ—возьметъ, спрячетъ все на горище ², а лѣстницу приметъ. А у насъ на горницѣ буры неслись. Ну, какъ съ пустыми руками на вечерницу идти? никакъ нельзя! Вотъ я разъ стою пидъ горищемъ, да и думаю: «хоть бы мнѣ бакая чертяка що-небудь оттуда подала!» Глядь, а съ горища что-то висить: не то палка, не то веревка. Я и уцѣпилась за нее, а то бувъ чортовъ хвистъ!

— Ой, лишечко! проговорила Сашка и, придвинулась ближе къ своему сосѣду.

А Христия продолжала:

— Я держу, а чортъ просить: «Пусти, дѣвка!» Говорю: «Не пуцу!»—«Пусти!»—«А что дашь?»—«Что хочешь».—Я и кажу: «Дай яиць».—А онъ мнѣ: «Держи скорѣй передникъ». Я обѣи-

¹ Палаць.

² Чердакъ.

ми руками схватила передникъ, глядь, а чорта нѣту! Только какъ зариготавъ онъ на горницѣ, да такъ зариготавъ, что хата задрожала, и я чуть не упала на землю.

— Вотъ оно! замѣтилъ кто-то:—говорять, гдѣ чортъ ничего не сдѣлаеть, туда бабу пошлетъ, а тутъ—чортъ бабу проведъ.

— Другой разъ, продолжала Христа:—я опять стою подъ горницемъ, а онъ свѣсилъ и держитъ полную жменю ¹ яицъ; я подставила передникъ, а онъ и началъ класть. Кладе, кладе, кладе, кладе, кладе.

— А за пазуху тебѣ ничего не положилъ? спросилъ Карпо.

Онъ былъ сердитъ, что нѣтъ Приси, и это былъ грубый намекъ на сухощавую фигуру разсказчицы.

— Нѣтъ, отвѣчала Христа невозмутимо:—чортъ былъ умнѣе тебя!

Всѣ расхохотались, и кто-то прибавилъ:

— Спрячь свои вытрибенъи ² за пазуху. Карпо сконфузился. Въ эту минуту прибѣжали двѣ дѣвушки.

— Чтò такъ поздно? засыпали ихъ всѣ вопросами.

— Мы Присю ждали, отвѣчали онѣ, печально глядя на огонь, который едва теплился подъ котелкомъ. Это были двоюродныя сестры Приси.

— Гдѣ жъ она? спросилъ Карпо.

— Черти вхопили, сострилъ кто-то.

Карпо выругался, а одна изъ дѣвушекъ разсказывала:

— Мать Приси нарочно спать не ложилась, все толелась; ну, Прися выдѣзла изъ окна...

— Гдѣ же она дѣлась? спросилъ Карпо.

— У нея курица изъ рукъ вырвалась, а она и говорить: «Стыдно въ первый разъ идти съ пустыми руками; пойду поймаю!» да и пошла. Мы ждали, ждали, ждали. Должно быть, мать проснулась и въ хату ее загнала.

Въ это время на горѣ раздались неистовые крики. Всѣ вскочили и слушали.

Кто-то бѣжалъ, точно отъ чьей-то погони. Сухія вѣтки трещали подъ ногами. Земля гудѣла, и черезъ минуту три дѣвушки запыхавшись выбѣжали на долину.

— Чтò такое? чтò такое? обступили ихъ всѣ съ разспросами.

Но онѣ дрожали, диво оглядывались и ничего не могли выговорить.

Всѣ столпились около нихъ. У Христа ротъ поддергивала су-

¹ Горсть.

² Глупости.

дорога. Испуганнымъ дѣвушкамъ принесли напитокъ и, когда онѣ нѣсколько успокоились, одна изъ нихъ заговорила:

— Мы бѣжимъ черезъ деревню, вдругъ кто-то какъ закричитъ, какъ закричитъ! Ра-т-у-й-те кто въ Бога вѣруетъ! да такъ жалобно, такъ страшно. Мы оглянулись, а за нами что-то бѣлое бѣжитъ. Мы — кричатъ, а оно за нами. Мы — бѣжать, а оно за нами.

— Это Дашка за вами бѣжала, сказала вдругъ Христа.

Всѣ отступили отъ нея на нѣсколько шаговъ и со страхомъ на нее смотрѣли.

— Вы не знаете, кто Дашку повѣсилъ, а я знаю, произнесла она торжественно.

Огонь вспыхнулъ подъ котелкомъ и освѣтилъ эту толпу съ поблѣднѣвшими, перепуганными лицами.

Христа сѣла ближе къ костру и пригласила всѣхъ садиться. Никто не рѣшился ея послушаться: она знала то, чего другіе не вѣдали. И когда она заговорила, голосъ ея тонкій и нѣсколько разбитый, врѣзывался въ душу робкихъ слушателей.

— Вы знаете вдову Кравченко, что живетъ около дьякона? начала она:— такъ вотъ къ этой вдовѣ Степанъ Овчаренко ходилъ. И какъ ужъ она его любила, такъ любила, что на то мѣсто дула, куда онъ садился! у самой ни рисочки ¹ во рту, а ему яичницу; у самой рубашки нѣтъ, а ему новую чинарку сшить. И завидно стало людямъ смотрѣть на ихъ счастье; вѣдь за бѣдную вдову никто не заступится.

Голосъ Христа зазвучалъ патетически: она подразумѣвала въ настоящую минуту саму себя, одинокую, покинутую единственнымъ человѣкомъ, котораго она страстно любила.

— Ой, лишечко! сказалъ Карпо, который инстинктивно чувствовалъ, куда рѣчь клонится:— коли-бъ твоя знала, що моя казала, твоя-бъ плакала, сказалъ онъ, подражая ея жалобному голосу.

Христю передернуло, но она выдержала и продолжала, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Вотъ и стали завидовать люди, особенно Дарья. Много хлопцевъ было на селѣ, такъ нѣтъ, ей Степана Овчаренко захотѣлось, да какъ захотѣлось: ко мнѣ приходила просить приворожить, а я ей сказала: «На худое дѣло нѣтъ моей вороги». Вотъ она и пойди въ ночи подъ мостъ, на Полковничью греблю, да тамъ чорту и пообщала, что какъ приворожить онъ къ ней Степана, такъ она подъ пятницу на цѣлую ночь къ нему придетъ. Онъ и приворожилъ.

¹ Капля воды.

Всѣ слушали, притаивъ дыханіе, а Карпо небрежно замѣтилъ:
— Говори до горы, а съ горы и само поватится.

— На твою погибель, бисовъ сынъ! закричала Христа и вско-
чила на ноги.

Глаза ея пылали и вся она дрожала отъ негодованія.

— Гедъ, Карпо! крикнулъ на него кто-то:—не мѣшай!

Карпо всталъ, отошелъ въ сторону и легъ на травѣ. Онъ дѣ-
лалъ видъ, что не слушаетъ, а между тѣмъ не пропускалъ ни
одного слова изъ того, что говорила Христа.

— Такъ вотъ, продолжала она:—чортъ и приворожилъ Сте-
пана; а она думаетъ: «Дай, чорта надю!» да и пошла не къ
чорту, а къ Степану. Только смотритъ, а Степанъ и въ сторону
ея не озирается, на слѣдъ ея плзаетъ. Тогда она и вспомнила,
что чорту обѣщала, приходитъ въ сторожку, смотритъ, а на
стѣнѣ что-то свѣтится, какъ жаромъ горитъ. Хочетъ убѣжать—
не можетъ; такъ ее и тянетъ, такъ и тянетъ! Вдругъ ее наче
що скопило, та и распяло на спине. А она какъ закричитъ
Рату-й-те, кто въ Бо...

Но не успѣла она выговорить, какъ надъ ними точно выр-
вавшійся изъ подъ земли пронесся чей-то отчаянный, глухой
воплъ.

Перепуганная толпа вскочила и, какъ стадо овецъ, сбилась
въ кучу.

— Это Дашка кричитъ, сказала торжественно Христа, подни-
мая руку вверхъ:—и будетъ кричать до скончанія вѣка.

Голосъ ея раздавался, какъ набатъ въ тишинѣ ночной.

— Всякому, продолжала она:—это отобьетъ чужаго полюбоб-
ника или чужую полюбовницу, будетъ такъ!

— Христа! отведи меня отъ грѣха! раздался отчаянный голосъ.

И одна изъ прибѣжавшихъ перепуганныхъ дѣвушекъ съ ры-
даніемъ кинулась цередъ Христей на колѣни.

— Это за мной Дашка бѣжала! говорила она, надрывающимся
голосомъ:—это я отбила Петра у Насти! Ой, лихо! рыдала она,
ломая пальцы.

Лицо Христи получило вѣщее, торжественное выраженіе: ей
казалось, что какая-то сверхъестественная сила за нее заступи-
лась. Она собралась опять вѣщать, но Карпо перебилъ ее:

— Провлятая! заговорилъ онъ бытстро и страстно:—это тебя
двадцать разъ распять нужно! Это ты отбивала чужихъ мужей!
Это ты привораживала чужихъ полюбобниковъ! Ты будешь кри-
чать до скончанія вѣка. Изъ-за тебя я бросилъ Домну и погу-
билъ ее; изъ-за тебя, провлятая вѣдьма, взялъ грѣхъ на душу!

Онъ хотѣлъ броситься на нее, нѣсколько паробковъ схватили и
силой оттащили его.

Всѣ были объаты неописаннымъ ужасомъ, всѣ чувствовали себя точно во власти этой женщины. Кругомъ возвышались горы, покрытыя кустарниками, которые въ ночной тѣмѣ казались высовыми, грозными и зловѣщими, точно ихъ загнали сюда на погибель. А тутъ еще Карпо вздумалъ бороться съ вѣдьмой.

Вся толпа кинулась изъ проклятаго мѣста, и Карпо былъ увлеченъ этой толпой. Черезъ минуту Христина левада опустилась. Дѣвушки, у которыхъ не было провожатыхъ, отправились цѣлой гурьбой, прижимаясь другъ къ другу, и оглядываясь, не бѣжитъ ли что бѣлое за ними и не раздастся ли зловѣщій крикъ.

Глава IV.

Когда Карпо, увлеченный толпой, выбрался изъ Христиной левады, онъ остановился и снялъ шапку; потъ градомъ катилъ по его разгоряченному лицу. Испуганные дѣвушки и парни бѣжали мимо него не останавливаясь, всѣ боялись заговорить съ нимъ, всѣ точно считали его причастнымъ тому страшному, что совершалось въ эту ночь.

Карпо былъ сильно взволнованъ, онъ боялся за Присю. Гдѣ она? Что съ нею случилось? Точно этотъ крикъ, который всѣ слышали, былъ связанъ съ тѣмъ, что она не пришла въ леваду. За себя онъ не боялся: Христа такъ часто кляла его, столько смертей призывала на его голову, а онъ все-таки оставался живъ и невредимъ. Онъ былъ увѣренъ, что нечистая сила властна надъ слабыми душами и особенно надъ бабами; себя же онъ считалъ способнымъ бороться съ нею. Еслибы не хлопцы, задалъ бы онъ этой вѣдьмѣ!

Онъ вспомнилъ, что прошлый вечеръ на избѣ Стрѣльца сидѣлъ пугачъ и громко кричалъ: это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ.

Было около двѣнадцати часовъ ночи, луна не восходила, мориады звѣздъ свѣтили. Онъ быстро шелъ, но не къ себѣ, а къ Стрѣльцовой хатѣ. Земля подъ ногами казалась совсѣмъ черной, только привычный человекъ могъ ступать безъ страха провалиться. Бѣлая изба Василя съ балкончикомъ на улицу едва вырѣзывалась на темномъ фонѣ. Онъ подошелъ ближе. Ворота были чуть-чуть открыты. Карпо постоялъ около нихъ; все было тихо. Онъ взялся руками за верхнюю перекладину и только что хотѣлъ приподнять, чтобы войти во дворъ, какъ на него бросилась собака; Карпо отскочилъ и спрятался за уголь.

Вдругъ послышался легкій стукъ, кто-то отодвинулъ окно и чей-то голосъ произнесъ:

— Ты, Прися?

Карпо вздрогнулъ и опять бросился въ воротахъ.

Но окно затворилось и опять водворилась тишина, глухая, подавляющая. Онъ слышалъ, какъ стучало его сердце.

Первымъ его желаніемъ было разбудить кого-нибудь въ хатѣ и узнать, дома ли Прися, но страхъ передъ Марѳой удержалъ его. Притомъ же, Прися могла лечь гдѣ-нибудь подъ амбаромъ.

Что-то скрипнуло, дверь отворилась, и на порогѣ показался старшій внукъ Стрѣльца, мальчикъ лѣтъ пятнадцати.

— Васька! позвать его Карпо:—не бойсь, это я!

Васька подошелъ къ нему.

— Гдѣ Прися? спросилъ Карпо.

— Ушла въ Христину леваду.

— Ея тамъ не было!

— А гдѣ-жь она? спросилъ въ свою очередь Васька и прибавилъ: — а ты слышалъ, какъ ето-то гукать на деревнѣ? да такъ страшно!

— Слышалъ, отвѣчалъ Карпо и попросилъ Ваську посмотрѣть на дворѣ, нѣтъ ли тамъ Приси.

Васька вернулся и объявилъ, что ея нигдѣ нѣтъ.

У Карпо вся кровь отхлынула отъ сердца и ударила въ голову; онъ повернулся и опрометью бросился бѣжать обратно въ Христину леваду. Въ ушахъ у него звенѣло, какія-то безумныя мысли вихремъ мчались въ его разгоряченной головѣ.

А Христя, оставшись одна, сначала посылала проклятія удаляющейся толпѣ, потомъ бросилась на землю и, раскачиваясь во все стороны, зарыдала. Развѣ она не сирота? Развѣ она не самая горемычная баба въ мирѣ? Ее ли не обижаютъ? Сколько попрековъ, сколько ругательствъ наслышалась она отъ бабъ! А чтѣ она имъ сдѣлала? Семнадцати лѣтъ завелъ ее мужъ на чужую сторону, пошелъ въ солдаты и ее одну оставилъ, какъ былину при дорогѣ! «Хто не иде, то скубне! сиротина, сиротина!» вопила Христя, и грудь ея надрывалась отъ слезъ.

Батракъ, проглотивъ весь ужинъ, завалился на солому и богатырски храпѣлъ. Гдѣ-то вдали слышно было какое-то смоетанье, точно свиныя челюсти работали. А Христя все плакала, да плакала.

Полюбила она Карпо, полюбила первый разъ въ жизни, душу-бъ за него отдала! И тому люди позавидовали, и его отбили отъ неа! Она знала, что онъ не вернется къ ней и что не быть ей счастливой во вѣкъ. Не вѣрила она теперь и въ то, что говорила сейчасъ здѣсь собравшейся толпѣ: никого чортъ не распиналъ и не распнетъ. Передъ ея глазами прошло столько измѣнъ! Сколькихъ мужей сама она переманила! Карпо женится на Присѣ и

будеть счастливъ, а она останется одна со своей кручиной, со своимъ лихомъ; а чѣмъ она хуже тѣхъ бабеноекъ, которыя, проходя мимо нея, отворачивались? И какъ она его любила! Какая-бъ жена была она ему! Но этому не быть! не быть! не быть!.. Она — солдатка и обречена на одиночество! А потомъ вернется мужъ, лѣнивый, пьяный, старый; начнетъ бить и пререкать ее!

Разбитая, измученная, она встала, направилась къ избѣ и безсильно опустилась на порогъ. Вотъ какую ночь проводить она нынче подъ Ивана Купала; а годъ тому назадъ?

И та первая ночь, и послѣдовавшій затѣмъ кратковременный періодъ любви предстали передъ ней со всей сладостью испытаннаго счастья. Но она выплакала всѣ свои слезы, и самое пылкое воображеніе не могло уже посулить ей впереди возвращеніе Карпо. «Онъ женится, женится!» твердила она, и измученное сердце ея готово было бы даже покориться, лишь бы онъ пожалѣлъ ее. Она жаждала въ настоящую минуту увидать его не ради любви и страсти, а только чтобы взять его за рученьку и выплакаться, выплакаться передъ нимъ. Тогда пусть онъ броситъ ее, и пойдетъ къ своей провѣлятой Присыѣ и будетъ счастливъ.

— Господи! шептала она, вглядываясь во тьму:— приведи его ко мнѣ, приведи!

И какъ бы въ отвѣтъ на ея мольбы послышались чьи-то торопливые шаги, кто-то спѣшилъ.

Христя вскочила. Любовь, безумная надежда, желаніе, страхъ, все это разомъ запылало въ ней. «Это онъ! онъ!» говорило ей сердце, и она съ крикомъ радости повисла у него на шеѣ.

Карпо схватилъ ее за плечи и грубо оттолкнулъ отъ себя.

Христя сложила руки и смотрѣла на него съ мольбой и отчаяніемъ.

— Гдѣ Прися? заревѣлъ онъ.

— Не знаю, проговорила она кротко:—видитъ Богъ, не знаю!

— Врешь, проклятая вѣдьма! ты знаешь, гдѣ она!

— Карпо! за что ты лаешься? Что я тебѣ сдѣлала? Я душу свою за тебя отдамъ, я тебѣ...

— Не надо мнѣ твоей поганой души! Отдай ее чорту въ зубы! Гдѣ Прися? Говори!

Христя стояла, безмолвная, блѣдная, съ дрожащими губами, полная страха, мольбы и отчаянія.

— Говори! заревѣлъ Карпо и, схвативъ ее за плечи, повалилъ на землю.

Между ними завязалась борьба, жестокая, страшная; онъ топталъ ее ногами; она извивалась, какъ змѣя, кусалась, царапалась, хрипѣла; наконецъ, схватила его за руку и прокусила па-

лець до крови. Карпо заревѣлъ отъ боли, а она вырвалась, вскочила въ избу и заперла за собою дверь.

Избитая, измученная, облитая кровью, едва держась на ногахъ, она оцупью дошла до лавки и въ изнеможеніи опустилась на нее. Но Карпо не хотѣлъ успокоиться; онъ стучалъ кулаками въ дверь и грозилъ выломать ее. Христя вскочила; ненависть, оскорбленіе придали ей силы; она приподняла оконницу и кричала ему: «Твою подлую Приську черти въ сторожкѣ распяли! Черти распяли! Черти!» кричала она въ изступленіи. Карпо схватилъ полѣно и ткнулъ имъ въ открытое окно.

Христя отскочила, но зашаталась и грохнулась о землю.

За садомъ поручика, на небольшой полянѣ, тамъ, гдѣ пролегла крестьянская дорога и оканчивался узкой полосой прудъ поручика, стояла полуразвалившаяся каменная конюшня; здѣсь же около нея находилась сторожка для табунщиковъ. Самый видъ этихъ развалинъ, съ зияющими отверстіями, способенъ былъ внушить страхъ. Неподалеку находилась гребля и мостикъ черезъ прудъ. Все это бы еще ничего, но въ позапрошломъ году здѣсь замерзъ какой-то человѣкъ, забитый ночью мятелью, а весной повѣсилась Дарья. Одни говорили—оттого, что на ней не хотѣлъ жениться Степанъ; другіе утверждали, что она была испорчена. Съ тѣхъ поръ всѣ боялись пройти мимо этого мѣста, и оно сдѣлалось пугаломъ для бабъ. О сторожкѣ этой ходили самые несообразные толки. Карпо, однако, не побоялся идти.

Когда онъ выбрался изъ Христиной левады, взоселъ мѣсяцъ большимъ, тускло-краснымъ шаромъ, точно раскаленный чугунокъ. Чудная лѣтняя ночь не ласкала его, не нашептывала сладкихъ грезъ; все казалось ему зловѣщимъ и грознымъ. Онъ шелъ, и впереди шла его длинная тѣнь и цѣплялась за бѣлыя хаты. Его душу наполняло отчаяніе; онъ спѣшилъ точно на битву; онъ не сомнѣвался, что Христя наворожила, но готовъ былъ силой вырвать Присю изъ рукъ сатаны. Когда онъ ступилъ въ густую траву, окружающую развалины, изъ-подъ ногъ его вылетѣла птица и, тяжело махая крыльями, полетѣла надъ землей. Мурашки забѣгали у него по спинѣ; онъ остановился противъ двери сторожки и съ ужасомъ сталъ всматриваться, нѣтъ ли огненнаго горящаго мѣста на стѣнѣ. Но все было темно и спокойно. Онъ перекрестился и шагнулъ черезъ порогъ: никто не схватилъ его. Онъ нѣсколько успокоился, вышелъ изъ сторожки, обошелъ конюшню, взглянулъ во всѣ отверстія, перекрестилъ всѣ углы; ничто не нарушало могильнаго спокойствія проклятаго мѣста. Карпо успокоился. Онъ чувствовалъ сильную усталость и медленно направился въ деревню.

Проходя мимо хаты Стрѣльца, онъ опять остановился около

воротъ. Ворота были заперты, собаки спали и даже не заворчали при его приближеніи. Видъ этой избы, погруженной въ безмятежный сонъ, разсѣялъ его мрачныя грезы. Можетъ быть, Прися ужъ пришла; можетъ быть, она почуветъ у какой-нибудь дѣвки; можетъ быть, она испугалась крика и не рѣшилась идти къ Христъ. При воспоминаніи о Христъ, ему стало неловко. Зачѣмъ онъ такъ сильно избилъ ее? Онъ не былъ золъ и жестокъ; до сихъ поръ ему приходилось драться только съ мужчинами, и ему стало стыдно за себя.

Но онъ не могъ долго предаваться подобнымъ чувствамъ. Укушенный палецъ горѣлъ и болѣлъ, и это его раздражало. Кромѣ того, онъ чувствовалъ невообразимую усталость. Дойдя до хаты, онъ вошелъ въ пустую кѣть и бросился на солому.

Сначала онъ всталъ въ какое-то оцѣпенѣніе; ему казалось, что кто-то навалился на него, что къ его рукамъ и ногамъ привѣшены пудовики; онъ не зналъ, спать онъ или нѣтъ? Но вотъ точно кто-то опять кричить. Онъ силится проснуться, вскакиваетъ: вокругъ все тихо, только палецъ его ноетъ. Онъ хлопнулъ кулакомъ ни въ чемъ неповинную руку, подвернулъ ее подъ себя и опять заснулъ.

И снится ему, что онъ вездѣ ищетъ Присю, и что его поиски продолжаются не день и не два. Тоска терзаетъ его; руки у него окровавлены и болятъ, голова трещитъ. Вдругъ онъ повернулся на другую сторону и видитъ: Прися сидитъ около него, вся бѣлая-бѣлая. — «Прися, голубка моя! заговорилъ онъ:—я искалъ тебя, я весь свѣтъ исходилъ, я поранилъ себѣ руки и ноги, а ты сидишь тутъ, и никто тебя не примѣтилъ! Прися, сердце мое, моя ясочка!»—Но она сидитъ холодная, неподвижная. Онъ потянулся къ ней, но она, какъ утренній туманъ, растаяла въ воздухѣ, и только бѣлый свѣтъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла.

Онъ вскочилъ на ноги. Занимающійся день смотрѣлъ въ открытую дверь кѣты. Онъ сѣлъ на солому и силится припомнить, что было съ нимъ вчера? На пальцѣ рана, вся одежда окровавлена, руки искусаны и поцарапаны. Сновидѣнія и дѣйствительность перепутались и свинцомъ залегли у него въ головѣ.

Онъ вышелъ на улицу. Было еще очень рано; вся деревня молчала, погруженная въ сладкій сонъ; на горизонтѣ, подобно зареву, показывались первые лучи восходящаго солнца; воробьи суетливо чирикали надъ самой его головой. Карпо сѣлъ на завалинѣ и припоминалъ. Тревожное чувство наполнило его душу, точно лишникъ нѣсколько лѣтъ свалилось ему на плечи, точно между тѣмъ часомъ, когда онъ видѣлся у колодца съ Присей, и

теперешнимъ утромъ прошло такъ много времени, что онъ успѣлъ постарѣть. Онъ вспомнилъ, какъ бѣжали всѣ, перепуганные, отъ Христа, какъ онъ отыскивалъ Присю, какъ Христа кричала ему въ окно, что ее черти распяли, какой страхъ онъ испытывалъ, осматривая сторожку. Гдѣ же она была? возникъ въ его душѣ вопросъ. Наставшій день разогналъ всѣ ночныя чары и видѣнія—негдѣ ей было погибнуть!

Маливка стала просыпаться. Непобѣдимое желаніе увидѣть Присю одолѣло его; онъ умылся, приодѣлся и направился къ избѣ Стрѣльца. О томъ, какъ встрѣтитъ его Марѳа, онъ не думалъ; онъ боялся только, чтобъ она не увидала его растрепаннымъ и окровавленнымъ. Палецъ, который успѣлъ распухнуть за ночь, онъ перевязалъ тряпкой и, по мѣрѣ того, какъ приближался къ дому своей возлюбленной, страхъ за Присю смѣнялся надеждой. Невѣроятно было, чтобъ онъ не увидалъ ея опять. Онъ расскажетъ ей, какъ онъ мучился въ эту ночь, какъ онъ искалъ ее, какъ прибилъ Христа... нѣтъ, этого онъ ей не скажетъ! Но онъ расскажетъ, что обшарилъ всѣ углы сторожки и что сталъ теперь совсѣмъ другой.

Вотъ ужъ видна труба ея хаты, вотъ ему нужно пройти мимо старой развалившейся ратуши, которая стояла наискосокъ отъ избы Стрѣльца. Радость наполняетъ сердце Карпо. Конечно, онъ увидитъ ее, а если не увидитъ сейчасъ, то она выйдетъ къ нему и расскажетъ, почему не пришла въ Христину леваду. Среди такихъ блаженныхъ мыслей, вдругъ слухъ его былъ пораженъ протяжнымъ стономъ. Карпо вздрогнулъ и безпокойно сталъ озираться по сторонамъ. Опять тотъ же стонъ. У Карпо стали волосы дыбомъ: ему почудилось, что это голосъ Присы. Весь ужасъ, пережитый имъ, когда онъ бѣжалъ къ Христѣ и потомъ въ сторожку, мгновенно воскресъ въ его душѣ.

— Ра-туй-те! послышался страдальческій вопль.

Карпо уналъ на колѣни, простеръ руки, точно вся Маливка наполнилась раздирающимъ душу призывомъ.

— Прися! Прися! кричалъ онъ:—гдѣ ты? гдѣ ты? И въ ужасѣ озирался кругомъ. Опять раздался стонъ, но совсѣмъ уже слабый, и замеръ.

Карпо вскочилъ и побѣжалъ къ ратушѣ. Гнилая, развалившаяся лѣстница вела на чердакъ; она гнулась и едва не сломилась подъ его поспѣшными шагами. Цѣлая стая куръ засуетилась при его появленіи и, махая крыльями, суетливо спустилась внизъ; половину ериши снесло вѣтромъ; а тамъ въ углу что-то бѣлѣло. Карпо идетъ въ этотъ уголокъ и видитъ: Прися лежитъ на полу, голова закинута вверхъ, на губахъ запекшаяся кровь. Яркій свѣтъ ворвался въ отверстіе и освѣтилъ ея мерт-

венно-блѣдное лицо, застывшее въ страданіи. «Прися!» кричить Карпо, но остановившіеся глаза ея не двигаются.

— Прися! Прися!

Онъ схватилъ ея руку—рука холодна, какъ ледъ; онъ взялъ ее за плечи, хочеть приподнять, она не подается, точно пригвожденная къ чему-то. Какъ безумный, онъ кинулся внизъ, перебѣжалъ черезъ улицу и замертво повалился у порога Стрѣльцовой хаты.

Не веселый это былъ праздникъ для Маліивки! Наѣхало начальство; Марѳа билась головой объ землю и клялась, что Христа погубила дочь ея. Всѣ, присутствовавшіе въ Христиной левадѣ, были призваны, и всѣ подъ присягой показали, что Христа не отлучалась изъ своей усальбы; но такъ какъ Карпо и многіе положительно утверждали, что это она, то начальство разсудило ее высѣчь.

Но какъ погибла Прися?

Очень просто. Когда у нея убѣжала курица, она не могла рѣшиться идти къ Христѣ съ пустыми руками, а въ избу войти бсялась. Во дворѣ напрасно бѣгала за одной насѣдкой, и потому рѣшилась на отчаянное средство: въ старой ратушѣ, на чердакѣ водились ихъ куры. Она ползла подъ кровлю и, дѣйствительно, ей удалось схватить спящую курицу, но тутъ она оборвалась и упала бокомъ на желѣзный зубецъ бороны. Оказалось, что многіе слышали ея отчаянные крики, но въ эту ночь, подъ Ивана Купала, по повѣрію народному, дѣлается такъ много чудеснаго, что всѣ слышавшіе принимали эти вопли за дьявольское навожденіе, и Прися погибла по истинѣ мученической смертью.

Въ Маліивѣ съ этого времени не горятъ купальскіе огни. Христа возненавидѣла Маліивка и куда-то исчезла; левада ея опустѣла. Бѣдная Марѳа была нѣкоторое время, какъ помѣшанная, потомъ стала изъ году въ годъ ходить на богомолье и, говорятъ, умерла въ Кіевѣ во время холеры. Василиій до сихъ поръ живетъ.

А Карпо?

Карпо женился, но не любитъ жены, часто бьетъ ее и сталъ совсѣмъ гулящимъ человѣкомъ. Онъ любилъ разъ въ жизни, и это была несчастная Прися, коленная батькова дочка.

Нѣкоторыя злоязычныя бабы утверждаютъ, что она погибла за грѣхи своей матери.

А. С. Шабельская.

Кіевъ.

Іюль 1882 года.

УСТОИ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

XIV.

Новые гости—Митродоръ Графъ и Петръ Ванифантьевъ, сопровождаемые хозяевами: Пимономъ, Катериной Петровной и старшими ихъ сыновьями, вошли въ ворота, подъ навѣсъ просторного, чистаго и свѣтлаго Пимонова двора. Къ нимъ, слѣдомъ, присоединились и прочіе «солидные и хозяйственные гости: старичокъ Ермилъ изъ Груздей, два сосѣда Пимона—его сверстники, и два «средняка»—сверстники его сыновей.

Едва только Петръ вступилъ во дворъ, какъ его вдругъ охватило какое-то пріятное ощущеніе, напомнившее что-то старое: этотъ просторъ и чистота истинно-хозяйственнаго двора, эта печать порядочности, строгости, крѣпости и устойчивости, это видѣвшееся во всемъ сознаніе силы, правоты, прочности — сразу сказало Петру, что онъ не ошибся и знаетъ, съ кѣмъ имѣть дѣло. Онъ зналъ, какимъ путемъ возможно для крестьянина достиженіе этого хозяйственнаго идеала, безъ всякой сторонней помощи или счастливой удачи: это дѣло крѣпкой, суровой энергии, разбреннаго, упорнаго и неустаннаго труда, постоянной выдержки, неуклонной строгости во всемъ, до послѣднихъ мелочей; строгой гармоничности общаго труда всей семьи, гдѣ безповоротно каждый подчиненъ общей гармоніи, какъ колесо въ сложной машинѣ. Тутъ рѣдко допускается фантазирующая расплывчатость, нѣтъ мѣста «рукосуйству», лишней рюмкѣ водки, лишней личной прихоти, лишнему слову, выходящему изъ предѣловъ хозяйствованія. Потому что, случись малѣйшее нарушеніе кѣмъ-либо этой «строгости», и общая гармонія затрепичитъ по всѣмъ швамъ: выпита лишняя рюмка водки, и общая гармонія уже спѣшитъ заявить, что въ этой рюмкѣ выпита часть крови каждаго изъ созидателей этой гармоніи.

Хозяйственный союзъ такая же страшная деспотическая сила, какъ и союзъ суровыхъ сектантовъ. Петръ понялъ сразу, что здѣсь ведется борьба за существованіе, строгая и неуклонная, безъ послабленій, безъ колебаній; онъ зналъ также, чего стоитъ эта борьба, безъ униженія собственнаго достоинства, однимъ упорнымъ трудомъ и всегда трезвымъ, бдительнымъ умомъ, всецѣло пригвожденнымъ къ одному пункту. Увидаль онъ въ омпаниѣ выколеннаго молочнаго теленка и понялъ, чего стоитъ общей гармоніи «этого телёнокъ», какой «строгостью» онъ воспитанъ, а главное—въ самыхъ веселыхъ глазахъ этого телёнка такъ и жила увѣренность, что онъ не будетъ пропить «душевному» мужикомъ съ пріятелемъ въ кабаѣ, въ счастливую или несчастную минуту жизни, или сведенъ за недомку въ податахъ и затѣмъ матерью и дѣтьми вымоленъ у начальства, у еулаковъ-торгашей, на колѣнахъ, путемъ униженій, слёзъ, ползанья въ ногахъ, цѣлованья ручеъ... Петръ какъ-то инстинктивно понялъ все это: понялъ не только то, какъ это люди ухитрились все устроить (это онъ знавалъ, видѣлъ и въ своей семьѣ, у своего дѣда), но, что всего важнѣе было для него, онъ понималъ, что эти люди съумѣютъ и удержать все это, не подвергая ни одной мелочи, ни одного куринаго яйца риску какой-нибудь собственной оплошности, обусловленной душевной или умственной необстоятельностью.

Петру было очень пріятно такое открытіе, и онъ выразилъ желаніе заглянуть и въ коноплянникъ, и въ сѣнницу, и въ житницу. Хозяева тотчасъ выразили и свое удовольствіе, въ особенности дѣти Пимона. Каковы бы ни были нравственныя качества Графа и Петра, для хозяйственнаго мужика прежде всего шла несомнѣнная увѣренность, что они были «умственные» люди, и что единственно только эти умственные люди и могутъ оцѣнить все значеніе «сурьзнаго» хозяйства. Они инстинктивно поняли, что эти люди съумѣютъ ихъ оцѣнить, хотя гости не говорили объ этомъ ни слова, не выражали своего удовольствія ни какими восклицаніями; напротивъ, Графъ даже очень сердито позѣвывалъ. Гости просто спрашивали только о цѣнѣ поподавшихся имъ вещей, говорили, гдѣ встрѣчали дешевле и лучше, и все въ этомъ родѣ; тѣмъ не менѣе, между гостями и хозяевами сразу установилась та внутренняя гармонія отношеній, въ которой главную роль играетъ безмолвное, но лстящее и пріятное взаимное пониманіе. Эти чистохозяйственныя ощущенія охватили какъ Петра, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ. Катерина Петровна не представляла въ этомъ случаѣ исключенія. Было бы даже странно, еслибъ она, глав-

ная зжидательница и хранительница этой хозяйственной гармоніи въ теченіи сорока (и какихъ еще!) лѣтъ, подъ гнѣтомъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, осталась хлоднокровной. И она не послѣдняя вполне сочувствовала дѣтямъ, когда они говорили: «только умственные люди вполне оцѣнить могутъ, чего крестьянину все это стоитъ! Не легко оно крестьянину это дается!.. Да! Какъ вотъ держишь себя въ страхѣ, да стараешься, какъ бы ужомъ-то обладать, а не то что на первой косушѣ его размѣнять, такъ и по нонѣшнему времени еще можно крестьянину жить. Да, это надо оцѣнить! А кто у насъ цѣнилъ или цѣнитъ? Баринъ только изъ своей пользы цѣнилъ... А начальство теперешнее развѣ цѣнитъ? Случись что, оно первое до конца добьетъ, а не то что оцѣнить, али бы помочь оказать... Все вишь, говорятъ, сами обертывайтесь. На то вы и вольные стали... Только вотъ развѣ умственные люди, которые ежели понимаютъ... Да! коли хочешь свое крестьянство выдержать, чтобы въ глаза тебѣ не плевали, бороду не брили, да на спинѣ не бѣдили, такъ и увидишь, чего это стоитъ!»

Въ такомъ родѣ очень долго говорили дѣти Пимона: Андронъ и Сергѣй, и всѣ вполне оцѣнили справедливость этихъ словъ; всѣ до такой степени были охвачены идеаломъ хозяйствованія, свободнаго, трудового, сознающаго свою силу, достоинство и правоту, что, казалось, забыли все окружающее: и міръ, что копошился тамъ, сбоковъ, сзади, спереди, и Мина, и молодежь, веселившуюся на улицѣ, и недавніе споры съ раскольникомъ по поводу «слова о двухъ мужикахъ»... Все это исчезло, ступевалось моментально, лишь только хозяйственный крестьянинъ попалъ на свою излюбленную тѣму. Даже скучающій и давнымъ давно уже ушедшій отъ хозяйства краснорядецъ Митридоръ Графъ, и тотъ былъ завлеченъ этимъ всеобщимъ крестьянскимъ умиленіемъ передъ хозяйственностію. Такъ и чувствовалось, что всѣ были охвачены полнотою довольства людей, выбившихся, наконецъ, на волю изъ подъ вѣкового гнета нужды и приниженія.

Вернувшись въ избу, всѣ были веселы и довольны до того, что Катерина Петровна, хотя и была пріятельницей Ульяны Мосевны, тѣтки Петра, и вмѣстѣ съ ней очень неодобрительно относилась къ продѣлкѣ Петра съ семьей, приведшей всю семью къ раздѣлу и почти къ раззоренію, но и она теперь еще развѣ встрѣтила гостей въ избѣ съ тѣмъ радушнымъ, безразличнымъ гостепримствомъ, съ которымъ вообще крестьяне встрѣчаютъ одинаково всѣхъ, и изъ-подъ котораго трудно узнать отношенія хозяевъ къ нравственнымъ качествамъ гостей. Катерина Пе-

тровна хлопотливо принялась угощать, а Петръ весело осматривалъ чистую, просторную избу.

— Это у васъ кто же занимается художествомъ-то? обратилъ онъ вниманіе на узорные карнизы и переборы на перегородкахъ, по печкѣ, по окнамъ, на рѣзной работы большую божницу.

— Это?.. это еще отъ отца мнѣ осталось... Вотъ полсотни лѣтъ, какъ храню. Большой былъ искусникъ, говорилъ Пимонъ:— умиралъ, говорилъ: смотри, Пимонъ, хозяйство наблюдай наипаче всего, то и крестьянинъ будешь!.. Какая бѣда ни постигнетъ, все прими, а изъ хозяйства ничѣмъ не поступиайся... Всего пережилъ за вѣкъ-то, баръ пережилъ, а все охранилъ... Слава Богу, теперь все же полегче намъ: авось, умру, дѣтямъ передамъ—пойдетъ въ вѣкъ... Я отъ него и хозяйство все принялъ, еще въ юношествахъ...

— А изъ васъ по этому художеству никто не пошелъ?

— Гдѣ ужъ!.. Послѣ того, настали времена тяжелыя: какое тутъ художество!.. Думали, какъ бы и то, что есть, охранить, да свою шею соблюсти, чтобы не свели ее совсѣмъ... Тутъ ужъ было не до художества, улыбаясь отвѣчалъ Пимонъ.—Вотъ теперь, можетъ, попрочнѣе наше слово станеть, посвободнѣе будетъ... Теперь, слава Богу, кажись бы, прочно устроено...

— Ой, не скажи, Пимонъ Севельичъ! вмѣшался старичокъ Ермиль изъ Груздей:— нѣтъ еще прочности у крестьянина, нѣтъ...

— Ну, все же попрочнѣе какъ будто, сказали дѣти Пимона:— коли ежели сами будемъ прочны, да къ себѣ строги, и все будетъ прочно!

— Ой, не скажи, другъ!.. Крестьянинъ живетъ на вѣтру, на міру: занесло искру—въ одночасье сгибъ.

— Конечно, все Богъ! прибавилъ Пимонъ.

— Полно, Ефимъ Кузьмичъ, пророчить... Что же! и міръ насъ не утѣсняетъ, мы съ міромъ ладно живемъ.

— Да нѣтъ, вѣдь я такъ къ слову...

— Мы съ міромъ всегда хорошо жили... Отъ міра мы никогда не отбивались... Да вѣдь и мы въ міру не одни!.. Коли что и бывало, такъ вѣдь со всякимъ можетъ прилучиться... Побранятся, и опять свои, замѣтила Катерина Петровна Ермилу.

— Это что!.. Кто говоритъ!.. Вѣдь я не то что про ссору, или бы про утѣсненья... Я говорю: живемъ молъ на-вѣтру, на-міру... Все одно, что въ пожаръ: загорится вонъ еще въ моемъ концѣ — а глядишь, и ты не уцѣлѣлъ... Я вотъ про что!.. И Ермиль аппетитно понюхалъ табачку изъ табачницы.

— А мы къ вамъ, должно, не совсѣмъ чтобы сразу... Незва-

ные гости—всегда не въ мѣсту, сказалъ Митродоръ Графъ, зѣвнувъ въ руку.

— Что такъ?

— Да вишь, сговоръ у васъ, должно быть.

— Сговоръ-то!.. Нѣтъ, это такъ, сказалъ улыбаясь Пимонъ.

— Это такъ! Пока еще такъ; вонъ старичокъ Минъ балуется, тоже засмѣявшись сказали и дѣти:—сонъ ему, вишь ты, снился... Ну, а онъ у насъ весельчакъ... Сейчасъ это въ представленіе пустить...

— Что-жь, хоть и сговоръ, сказала Катерина Петровна:—хорошіе люди всегда къ мѣсту.

— Это такъ, повторилъ Пимонъ:—старый пріятель онъ мнѣ, Минъ-то... Мы еще изъ младости съ нимъ дружили, ну, и тогда ужъ уговоръ положили—породниться.. Да вотъ—пятьдесятъ годовъ прошло, а все помѣхи были!..

— Долгонько же вы ждали!..

— Да вѣдь по крестьянству впередъ ничего не загадаешь... Теперь не загадаешь, а прежде и того лучше... Ты думаешь такъ, анъ вышла—вонъ куда... Да я молодыхъ не утѣсняю въ этомъ... Какъ хотять... Нынче ужъ не прежнія времена: и намъ надо молодымъ уступать...

— А молодые рѣшили, должно быть? спрашивалъ Графъ, стараясь говорить возможно хладнокровнѣе, и какъ бы мимоходомъ, мало этимъ интересуясь.

— Ничего, ничего, другъ, нельзя впередъ въ крестьянствѣ сказать, вдругъ перебилъ Ермилъ изъ Груздей: ему пришелъ въ голову смѣшной анекдотъ и онъ, будетъ ли это кстати или не кстати, непременно захотѣлъ рассказать его. — Вотъ, говорилъ я вамъ про пожаръ... Такъ еще чище было дѣло. Ъхали, съ базара три мужика, вмѣстѣ они, значить, въ городѣ по-пріятельски выпили, вмѣстѣ въ сани ввалились, обнялись и ѣдутъ назадъ домой, сказки рассказываютъ... Ъхали, ѡхали, видятъ — лежитъ на снѣгу пара новыхъ голицъ. Подняли. Какъ теперь дѣлать? Вотъ задача: ихъ трое, а голицъ одна пара! (и, задавъ эту задачу, старичокъ Ермилъ поднялся, засмѣялся, обвелъ всѣхъ взглядомъ и сталъ неторопливо нюхать изъ тавлинки).

— Трудно, замѣтили дѣти Пимона:—что-жь? По-деревенски, чай—жеребій бросать?

— Вотъ вѣрно; такъ. Рѣшили — жеребьевку. И старичокъ Ермилъ, хитро улыбаясь и понюхивая табакъ, продолжительно и обстоятельно рассказывалъ, какъ мужики кидали жеребій по двухъ голицахъ, какъ бинувши выпили, а выпивши опять заспорили, какой у кого жеребій былъ; одинъ говорилъ, что у

него былъ пятакъ, а другой говоритъ: мой пятакъ, а твоя была гривна. Заспоривши о гривнѣ, дошли до рублей; отъ рублей дошли до дѣтей, отъ дѣтей до матерей; да пока своимъ селомъ ѣхали — всю родню перебрали. Услыхала родня, кто за кого: Иваны за Власовъ, Власы за Павловъ, Павлы за колья. Пошли колья погуливать по мужицкимъ скуламъ. Ъдетъ начальство: что здѣсь такое?.. Міръ, говорятъ, ваша милость, пару голицъ дѣлать!.. «Засадить, говорятъ, десятаго въ тюрьму!»

— Такъ-то вотъ, слышь, и до сихъ поръ отъ суда міръ откупиться не можетъ... А и всего было, что ѣхали три мужика, да пару голицъ нашли! заключилъ старичокъ Ермиль, поощренный дружнымъ смѣхомъ слушателей. Гостямъ, видимо, очень понравился этотъ рассказъ и, по ихъ просьбѣ, Ермиль еще не одинъ разъ повторялъ снова всю исторію дѣлежа пары голицъ.

— Міръ, други, что стадо овецъ: одной въ омутъ броситься — всѣ за ней полѣзутъ, замѣтилъ Ермиль.

— У кого свой умъ есть — за дураками, сломя голову, не полѣзеть, думать надо, сказалъ Петръ серьезно.

— Конечно, не полѣзеть, подтвердили и дѣти Пимона: — мало ли чего въ міру бываетъ... Коли у тебя умъ есть, ты къ сторонѣ отойди...

— Ой, не скажи, дружокъ, замѣтилъ опять Ермиль: — молоды вы, потому такъ и говорите... Вы вотъ постарше кого спросите... Вотъ хоть бы Митродора Васильича: онъ живаль въ міру, знаетъ...

— Знаемъ... видали! протянулъ Митродоръ, все съ тѣмъ же неизмѣннымъ выраженіемъ бывалаго человѣка, котораго ничѣмъ не удивить: — возились съ мужицкими мірами не мало; надоѣло!.. Ежели у тебя умъ, да хочешь ты спокой себѣ — отъ мужицкаго міра бѣги... Съ нимъ и умъ, и спокой загубишь!.. Ежели ты міру вотъ хоть съ эдакую росину повѣрилъ — дуракъ! сердито закончилъ Графъ, неожиданно выходя изъ себя.

— То-то вотъ оно и есть, прибавилъ Ермиль.

— Ежели есть умъ... началъ было Петръ, сомнѣваясь въ словахъ Графа.

— Оболванять!.. И не увидишь, дуракомъ станешь, порывисто оборвалъ Графъ. — Ежели не хочешь себя загубить — изъ міра бѣги...

— Вотъ то-то, дружокъ, и есть, сказалъ опять Ермиль, уже обращаясь исключительно къ Петру: — вотъ что опытные-то люди говорятъ. Въ міру ни за что поручиться нельзя, въ міру по своему ничего не рассчиташь. Въ одиночку жить — одно, въ міру — другое. Міръ — великъ человѣкъ, хоть и изъ малыхъ лю-

дей. Какой большой человекъ ни приди, а миръ его побѣдитъ... Бываль ли ты на большихъ базарахъ, въ толпѣ? Заройся-ка ты въ эту толпу-то погуще и узнаешь, какая въ ней сила: ты бы по своему-то уму хотѣлъ сюда, а она тебя тащитъ вонъ куда; ты бы вырваться, а она тебя на уносъ! У тебя умъ, а у толпы свой, у тебя душа, а у ней своя... Пока ты въ сторонѣ стоишь, потоль и въ своей силѣ, а попалъ въ миръ, глядишь, анъ своей-то силы на половину и нѣтъ. Потому и сказано: миръ—великъ человекъ!..

— Въ міру, что въ церкви, всѣ одному Богу молятся, подержала Ермила Катерина Петровна: — всѣ поклонъ—и ты поклонъ.

— Миръ — сила; и радъ бы отъ нея отбиться, да невидимо сробѣешь, прибавилъ Пимонъ.

— Миръ бываетъ, поди, всякій, сказалъ Петръ, обращаясь къ Митродору Графу (хотя онъ и слушалъ, что говорили прочіе, но видимо мало довѣрялъ и его больше интересовало мнѣніе Графа): — неужто-жъ умъ дуракамъ покорится?

— Какая въ мужицкомъ міру сила? сказалъ опять сердито Графъ:—конечно, дурацкая.

— Дурацкая, а все сила, подхватилъ Ермилъ.—Тутъ не въ томъ, кто уменъ, кто глупъ (ты по моему уменъ, а по его глупъ), а въ томъ, кто сильнѣе...

— Это вѣрно, свазали дѣти Пимона.—Отчего-жъ у насъ кто умнѣе, тотъ и отъ міра бѣжитъ... Отъ самой отъ, этой, отъ дурацкой силы... Что съ ней сдѣлаешь, коли она тебѣ жить не даетъ въ свое полное удовольствіе?.. Вотъ твой крестный, Строгий, ушелъ, вотъ Митродоръ Васильичъ!..

— Ну, чтò дальше будетъ, а пока тоже еще не далеко ушелъ... Глянь, гдѣ ни то загорится, и ихъ еще захватить: еще мужики пока и они, замѣтилъ Ермилъ.

— Чего еще!.. Отъ мужицкой глупости не скоро отобьешься! проворчалъ Графъ.

— То-то и есть... Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Вотъ мы здѣсь то ли не въ свое удовольствіе пкруемъ да погуливаемъ, свазалъ Ермилъ изъ Груздей, снова берясь за тавлинку: — а кто-е знаетъ? Можетъ, вонъ тамъ, у кабака, а можетъ и еще гдѣ дальше, можетъ, въ Грачахъ или Пузыряхъ мужики пару голицъ нашли, да не раздѣлять... Хватъ, анъ мы завтра изъ-за этихъ голицъ всѣ въ тюрьму угодимъ!.. Прямо съ пиру!.. То-то и сказано: отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся... заключилъ, улыбаясь, Ермилъ.

— Полно пророчить-то пустое! замѣтила Катерина Петров-

*

на:—Мина послушаешъ — ровно въ Божью церковь сходишь, а тебя, Ермилъ Петровичъ, послушать, такъ въ пору въ грѣбъ ложиться да умирать!

— Чего-жь отъ него и ждать? добродушно засмѣялся Пимонъ:—вѣдь онъ изъ подъ петли!.. Онъ однимъ глазомъ на томъ свѣтѣ былъ, вотъ ему здѣсь и не по праву все!..

— Какъ такъ? спросили удивленные гости, для которыхъ это было, повидимому, новостью.

— А вотъ спросите его, коли захочетъ, такъ расскажетъ самъ. А не захочетъ—его секретъ. Онъ мало кому довѣрялся въ этомъ, отвѣтилъ Пимонъ, совсѣмъ смутившись; видя, что неосторожно сболтнулъ, такъ какъ старичокъ Ермилъ вдругъ заеряхтѣлъ, поднялся, отыскалъ свою шляпу и подогъ и сталъ собираться домой.

— Чего ты, Ермилъ Кузьмичъ? Да полно... Вѣдь я такъ, вѣдь я пошутилъ, извинялся Пимонъ.

— Смотри, старикъ... Этимъ не шути! Ой, не шути! Еще не въ монастырѣ, въ міру живешь, сказалъ Ермилъ ни на кого не глядя, полусутоливо, полусерьезно, пророчески и, постуцая слегка подогомъ о порогъ, вышла, отвѣтивъ на всѣ упрасиванія остатьса двумя словами: «Спасибо! Богъ васъ храни!»

— Чтò съ нимъ было? спросили Пимона въ одинъ голосъ Графъ и Петръ. Въ особенности Петръ, котораго, повидимому, эта исторія Ермила очень заинтересовала. Но Пимонъ, боявшійся, какъ всѣ хозяйственные крестьяне, какихъ бы то ни было предвѣщаній, имѣвшихъ отношеніе къ ихъ хозяйственному слову, долго не соглашался рассказывать.

— Ну, да расскажи, полно! сказали дѣти: — чего боишься? Чай сломя голову, какъ Ермилъ, въ омутъ не бросимся, въ самомъ дѣлѣ.

— Да что! сказалъ, улыбаясь, Пимонъ:—самъ я не знаю хорошенько... Слышалъ, смѣхомъ болтають про него... да можетъ это одно и было... Былъ, вишь, онъ мужикъ крѣпкій, хозяйственный; семья у него трезвая, работающая, одинъ къ одному. Сто всѣхъ въ округѣ уважаемъ былъ; матерно въ жизнь не ругался, водки не пивалъ, ни съ кѣмъ не бранился, ни дрался; отъ соблазна и на сходь ходилъ рѣдко. Много надъ его стойкостью и мужики подсмѣивались. «Ну, говорили, нарвешься какъ ни то и ты на чорта! Не такихъ святыхъ онъ смущалъ!» Другой разъ, бывало, мужики еще нарочно поддерживали его. Нѣтъ, стоитъ на своемъ Ермилъ строго! Вотъ проѣзжаютъ какъ-то мужики черезъ дальнюю барскую пустошь, видятъ стоитъ на пустоши стогъ сѣна. Соблазнилися мужики—пощипали. Сошло.

Стало имъ въ соблазнѣ, они еще разъ ужъ нарочно съѣздили, пріятелей пригласили. Опять сошло съ рукъ. Разожглись мужики на этотъ стогъ, стали о немъ ужъ на міру говорить. Долго они другъ друга усовѣщевали стогъ больше не трогать, а, наконецъ того, поставили рѣшеніе всѣмъ міромъ по очереди на подщипку ѣздить, а послѣ дѣлать. Приступили къ Ермилу. Ермилъ на сладъ не дается... Плюнули на него. Вотъ ѣздитъ міръ ночь, ѣздитъ другую, отъ стога ужъ половины не осталось. «Ну, говорятъ мужики: — будетъ! Надо и барину оставить! А пока сошло съ рукъ—и слава Богу!» Замѣчаютъ, на Ермилѣ лица нѣтъ, ходитъ, какъ опалѣлый, всѣ ночи не спалъ, когда мужики къ стогу ѣздили. Какъ міръ въ лѣсъ, такъ его и подымаетъ: поѣзжай да поѣзжай! Ну, не выдержалъ, а міру сознаться не хочетъ. Услыхалъ онъ, что міръ порѣшилъ больше не ѣздить, первой же ночью собралъ сыновей, да что бы никто не слышалъ обвязалъ колеса соломой и къ стогу. Тутъ ихъ, какъ на грѣхъ, и накрыли. Самъ не свой сталъ Ермилъ, ровно подкошенный въ ноги сторожамъ упалъ, просить, молить, за все брался заплатить: и за полстога, и сторожамъ пообѣщалъ, и штрафъ выплатить, только бы на міръ славы не пускали. Взяли сторожа деньги, а барину все же его представили... Такъ вотъ какъ вышло дѣло; все хозяйство почестъ раззорилъ на это дѣло, лошадей, коровъ попродавалъ, за все вдвое и втрое платилъ, только бы скрыть дѣло.

— Ну, что же, такъ и не узнали?

— Какъ не узнать! Узнали скоро, на міру въ хохотъ надъ нимъ. Такъ онъ три года послѣ того на міръ не показывался. Ну, кое-какъ сталъ хозяйствомъ оправляться... А тутъ опять подвернулось дѣло, міръ бунтовался, десятого пороли и попали подъ десятого Ермилъ. Онъ опять откупаться. Денегъ просорилъ много, высѣчь все же высѣкли, а онъ на стропилахъ и повѣсился... Хорошо, скоро сыновья увидали...

XV.

Пимонъ кончилъ, гости громко смѣялись и острили надъ Ермиломъ, Петръ скептически улыбался, какъ вдругъ съ улицы сталъ доноситься шумъ. Всѣ какъ-то смутились и смодели, въ особенности оробѣлъ Пимонъ; надъ нимъ кто-то пошутилъ. Но когда Катерина Петровна вышла и полуотворила дверь, всѣ ясно различили что-то кричавшій на улицѣ голосъ Бориса. Пимонъ, сдерживая безпокойство, врякнулъ и тяжело поднялся со скамьи.

Сыновья Пимона съ суровымъ безпокойствомъ стали смотрѣть то въ окно, то въ дверь. Гости почувствовали себя неловко, хотя ни они, ни хозяйева не хотѣли этого высказать.

— Кушайте, пожалуйста! угощала Катерина Петровна, вернувшись, но не сказавъ, что было на улицѣ; у нея лицо только стало какъ-то сдержанно серьезнѣе.

— Вольница! лаконично сказалъ кто-то, мотнувъ головой на улицу.

— Да, праздничное дѣло... Собирается народъ всякій, замѣтила Катерина Петровна.—Кушайте!

— Вернулся, слышь, Борисъ-то? спросилъ одинъ изъ гостей Пимона:—давно его не видать было.

— Давно, проговорилъ Пимонъ какъ-то механически, и затѣмъ притворилъ дверь. Шумъ на улицѣ усиливался, а вмѣстѣ съ тѣмъ, среди гостей Пимона разговоръ становился натянута. Графъ и Петръ невольно взглянули одинъ другому въ глаза и поняли, что обоимъ хотѣлось одного: уѣхать. Петръ чувствовалъ, что его снова охватываетъ неопредѣленное волненіе при шумѣ толпы на улицѣ: собственно говоря, онъ боялся не толпы, а боялся, что эта толпа «всякаго народа», въ пьяномъ видѣ, рѣдко стѣсняется и продѣлаетъ какую-нибудь нелѣпую штуку, которая поставитъ Петра или въ комическое положеніе, или заставитъ какъ-нибудь «измѣнить себя», измѣнить этому проникавшему все его существо «умственному равновѣсію», умственной неуязвимости. Чего онъ больше всего боялся и не любилъ—это именно зависимости отъ улицы, залѣзанья этой улицы въ душу каждаго, кто на ней жилъ или только показывался, этого сознанія въ улицѣ права контроля надъ всякимъ, кто попадалъ въ ея границы. Очевидно, деревенская улица изъ всѣхъ улицъ наиболѣе сознавала и сознаетъ еще это свое право и, очевидно, поэтому, что Петръ всего болѣе не любилъ ея. По крайней мѣрѣ, ему самому казалось, что онъ именно только поэтому ея боится и только потому чувствуетъ при видѣ ея непреодолимое волненіе. Графъ же не любилъ улицы потому, что она-то и была та «дурацкая сила», которая могла всегда нарушить хотя на минуту его «спокой» и вывести его изъ полупрезрительной ко всему окружающему спячки.

Надо, однако, признать, что эта полусознательная боязнь улицы приводила къ раздраженію какъ Петра, такъ и Графа, какъ раздражаетъ людей, занятыхъ серьезнымъ дѣломъ или воображающихъ, что они таковымъ заняты, шумъ и гвалтъ за тонкой перегородкой, гдѣ «люди толпы», какая-нибудь чиновница или сапожница, съ азартомъ набрасывается на своего сожителя или сосѣдку, поднимаетъ весь домъ коромысломъ, заявляя о какихъ-

то своих великихъ нуждахъ, о какихъ-то великихъ несправедливостяхъ и обидахъ, беря въ свидѣтели и Бога, и ревущихъ благимъ матомъ ребятишекъ, и, наконецъ, самихъ занятыхъ серьёзнымъ дѣломъ людей, врываясь къ нимъ за перегородку, съ разбитой въ кровь физиономіей, умоляя ихъ покорнѣйше засвидѣтельствовать ея обиду и проч. Можно себя представить раздраженіе серьёзныхъ людей, такъ-было пріятно занявшихся разговоромъ о матеріяхъ важныхъ, и вдругъ втянутыхъ «улицей» въ свидѣтели о какихъ-то негнѣпныхъ и глупѣйшихъ нуждахъ и обидахъ! Но еще болѣе раздражала Графа и Петра та очевидная боязливая зависимость отъ улицы, которую выказали хозяйственные и степенные Пимоны и ихъ гости, эти деревенскіе люди, еще не научившіеся, или не могущіе смотрѣть на улицу съ презрѣніемъ. Эта полусознательная растерянность, охватившая хозяевъ, эта поспѣшность, съ которою сосѣди, бывшіе тутъ же въ гостяхъ, ушли, даже не простившись, эта сердитая и загадочная торопливость, съ которою зачѣмъ-то сыновья Пимона спрашивали у отца, заперта ли житница, сѣнница, брали ключи, выглядывали въ окна, однимъ словомъ, весь этотъ рядъ «уступокъ», который продѣлывалъ подъ вліяніемъ уличнаго шума «хозяйственный мужикъ», приводили Петра почти въ негодованіе.

— И часто это у васъ вольница-то властвуетъ? спросилъ онъ не безъ ироніи.

— Мошенники! головорѣзы! негодуя, сказали дѣти Пимона:— истинному крестьянину ни отъ кого заступы нѣтъ! Бездѣльный народъ! чтѣ хочетъ, то и творить.

— Воля! внушительно сказалъ Митродоръ Графъ, но тотчасъ же зѣвнулъ и на лицѣ его опять отразилось одно: «надоѣло!»

Между тѣмъ, гдѣ-то когда-то начавшееся мелкой рабью волненіе росло все шире и шире, волны становились все больше, все большее пространство захватывали собой; послѣдняя волна докатилась ужъ до избы Пимона. Вдругъ кто-то ударилъ здоровымъ кулакомъ въ ворота. Была ли то шутка веселаго подвыпившаго парня или же просто случайность, но теперь этотъ стукъ почему-то показался сдѣланнымъ не спрѣста. Пимонъ съ сыновьями, стараясь не смотрѣть на гостей, вдругъ какъ-то совсѣмъ присмирѣли, какъ будто неволью прислушиваясь и дожидаясь второго удара. Петръ взглянулъ на Графа: Графъ былъ невозмутимъ; взглянулъ на хозяевъ—и вдругъ весь вспыхнулъ: ему стало стыдно, обидно за нихъ; ему показалось, что эти степенные, солидные, здоровые, умественные люди какъ будто прячутся чего-то, смотреть какими-то виноватыми, не находятъ

въ себѣ силѣ громко и грозно заявить правоту своего существованія, грозно и стремительно подавить авторитетомъ этой несомнѣнной правоты безшабашную, пьяную улицу.

— Что же, такъ ихъ и усмирить нельзя! такъ всѣ степенные люди отъ нихъ прячутся, и гуляютъ они сколько хотять? не выдержалъ онъ и спросилъ, презрительно кивая головой къ окну.

— Что-жъ съ ними сдѣлаешь? сказалъ Пимонъ, размахнувъ руками:—воевать съ ними, что ли? Воевать мы не привычны... Коли въ міру война—крестьянину не жить.

— Съ чужими тяжело воевать, а съ своими того пуще, замѣтила Катерина.

— Чужой воръ—бѣда, а свой въ дому заведется—вдвое, сказали его сыновья.

— Свои грѣхи, продолжала Катерина Петровна.—Какъ вѣкъ-то проживешь, такъ и-и много грѣховъ-то за собой потащишь!.. Обернешься взадъ-то, анъ ихъ за спиной—видимо-невидимо! Хвать, что прежде и за грѣхъ не считалъ, думалъ—добродѣтель, анъ оно послѣ грѣхомъ обернется, да такимъ, что и умолить времени ужъ не хватить...

Такъ говорила Катерина Петровна, серьезно и грустно, одна изъ всѣхъ своимъ домашнихъ сохранивши полное и спокойное самообладаніе; ее не смущалъ ни шумъ на улицѣ, ни безпокойство мужа и дѣтей, какъ будто въ ней жила увѣренность, что это такъ должно быть и иначе быть не могло; но ее, какъ хозяйственную женщину, конечно, тревожило это нарушеніе обычнаго хода жизни, и на лицѣ ея отразилась сердитая грусть. Съ выраженіемъ этой же грусти взглянула она пытливыми и пронизательными глазами на вбѣжавшую съ заплаканнымъ лицомъ свою дочь Пашу, спустившую на лобъ платокъ и стыдливо прятывшую красные наплаканные глаза; также внимательно-спокойно посмотрѣла она и на пробѣжавшую на другую половину, вслѣдъ за Пашей, Аннушку, взволнованную и покраснѣвшую до корня волосъ. Катерина Петровна не сказала имъ ни слова и не пошла за ними въ свѣтелку, куда онѣ обѣ спрятались.

Въ эту минуту вошелъ староста Макридій Софроничъ и, не позабывъ на-своро помолиться, тотчасъ же, волнуясь, замахалъ руками и заговорилъ: «Что же вы? Ступайте на улицу. Не слышите, что ли? Чтò вы, въ самомъ дѣлѣ, по угламъ-то прятались?»

— А что тамъ? спросили Пимоны.

— Что тамъ! Посмотрите, что тамъ... Чего прячетесь?..

— Что же намъ? сказали дѣти Пимона:— твое дѣло. Ты староста.

— Староста, староста!.. Да что мнѣ, разорваться что ли, волновался Макридій Софроньчъ: — чай, я не царь?.. Вѣдь это не прежній міръ... Посмотри только, что дѣлается!.. Того гляди до смертоубійства дойдутъ... Вѣдь это прежде было такъ-то: все староста; забаламутить кто ежели, выйдутъ старички, палками постучать, кого слѣдуетъ изъ буяныхъ на міру разложить, да кашей и накормятъ!.. Поди-ка, теперь такъ-то... Сунься!.. Тоже своя голова дорога, господа мужички... А вы вотъ, старички-то новѣшніе, какъ чуть мало—по угламъ запрятались... Староста!.. Да что, въ самомъ дѣлѣ, царь я, что ли?

— Царь не царь, а все же власть, хотя и львомъ шить, сказалъ Графъ и засмѣялся.

— Вамъ хорошо, господа бояре, смѣяться-то!.. Засѣли по угламъ, да пироги съ вашей ѣдятъ!.. А вы вотъ въ міру пожили бы, да съ мое послужили бы міру...

— И вы бы ушли... Кто вамъ мѣшаетъ? У насъ, братъ, житье спокойное! сказалъ Графъ.—Сбоку на бокъ переваливайся, знай!..

— Ушли бы?.. И уйду!.. Вотъ тебѣ Христось—уйду... Крестьянству такъ нельзя, чтобы война... Что мы за турки, воевать-то!.. На то солдаты есть—воевать-то!.. Чтò же вы сидите?.. Ахъ, Господи! заволновался опять Макридій Софроньчъ: — я, коли, тоже на гуменники уйду, спрячусь... Какъ вы хотите!.. Коли что случится — будете сами отвѣтчики!.. Вотъ помяните мое слово—смертоубійство, али бо чтò другое будетъ!

— Полно пугать-то, Макридій Софроньчъ, попустому! замѣтила Катерина Петровна:—пошумять—и будетъ. Развѣ впервые?

— Ты, Катерина Петровна, оставь, коли не понимаешь... Это не бабье дѣло... Тутъ и мужицкій умъ не осилить... Говорю: не по старому нынче въ міру... Что было—нынче въ примѣръ ставить нельзя! Идете, говорю, что ли? спросилъ онъ Пимоновъ.

Пимоны сурово молчали и какъ будто чего-то еще ждали.

— Чтò же, сидите? Водку пить на міру, такъ вы тутъ, сейчасъ...

— Да когда же мы водку-то пьемъ? спросили дѣти Пимона:—ты ужъ и то, кажись, изъ ума вышелъ...

— Выйдешь!.. Не воде, такъ балясы точить подъ вазомъ... Балясы-то разводитъ мы умѣемъ! До полночи готовы на улицѣ торчать! А какъ вотъ... такъ староста!..

— Мы сами не казаки—воевать-то! сказали Пимоны.

— Ну, драть коли васъ на шестъ!.. Мнѣ все одно... Я что ли ташу воевать-то!.. Какъ вотъ пустякъ краснаго пѣтуха, такъ выскочитъ!.. Не бойсь!.. Тогда завоюете сразу...

И Макридій Софроничъ, сердито хлопнувъ дверью, вышелъ съ обычной своей хлопотливостью и стремительностью.

— Надо сходить, сказалъ старикъ Пимонъ, неохотно поднимаясь, съ прежнею растерянностью:— а вы посидите пока вотъ съ бабой, обратился онъ къ гостямъ.

— Нѣтъ, ужъ мы поѣдемъ, вразъ сказали Графъ и Петръ:— видно, не въ урочный часъ мы къ вамъ попали...

— Да полноте! что вы! Пустое! заговорили дѣти Пимона:— ну, чтѣ! пьяницы гуляютъ... Хорошаго на нихъ начальства, на подлецовъ, нѣтъ!.. Только добрыхъ людей, мошенники, тревожатъ... Чего же вы спѣшите?..

— Нѣтъ, ужъ мы поѣдемъ!.. Мы ужъ лучше поѣдемъ, говорилъ, хитро улыбаясь, Графъ:— мы тоже воевать-то не любимъ, отвыкли... Оно дома-то у насъ поспокойнѣе вашего!.. Заѣзжайте-ка вотъ ко мнѣ... Мы на прохладѣ побесѣдуемъ... Да и молодежь-то съ собой захватите: моя жена—баба веселая... Скучно не будетъ...

— Ваши гости, сказала Катерина Петровна.

— Такъ въ воскресенье я васъ ждать буду... Вотъ и онъ, Петръ Вонифантычъ, ко мнѣ пріѣдетъ... Мы и поспрадуемъ на свободѣ, въ привольѣ... Улица-то ужъ къ намъ въ горшокъ тамъ не полѣзетъ!..

— Да вѣдь и у насъ, кабы вотъ не мошенники...

— А вы свадьбу-то, поди, еще не скоро будете праздновать? замѣтилъ Графъ, все также лукаво улыбаясь и смотря прищуренными, сонливими глазами.

— Гдѣ еще скоро!.. Скоро эти дѣла не дѣлаются: не на день, на вѣкъ люди располагаются, сказала Катерина Петровна.

— То-то!.. Это вѣдь не въ хороводъ сходить. Вы люди сурьезные; вы не завтрашнимъ днемъ только живете, а и впередъ раскидываете, продолжалъ Графъ:—это вонъ Мину какому-нибудь, такъ ему все равно: онъ хоть тутъ же на улицѣ готовъ дѣтей повѣнчать. Ему что!.. Нынѣче сытъ, а завтра съ сумой пошелъ—и опять сытъ; съ него какъ съ гуся вода... А хозяйному крестьянину, настоящему—такъ нельзя.

— Какъ можно! сказали дѣти Пимона:—у насъ свой стыдъ есть... Намъ тоже бросаться зря нельзя...

Пока говорили Графъ и Пимоны, Петръ думалъ о томъ, какъ бы опять увидать Аннушку: ему было досадно, что «улица» помѣшала ему повороче познакомиться и получше рассмотреть ее. Но такъ какъ желанія молодыхъ людей часто совпадаютъ, то, несмотря на вызывающую суровость, съ которою Аннушка приняла Петра, когда онъ только пріѣхалъ, ей самой очень хотѣ-

лось, хотя издали—и именно издали, чтобы онъ не замѣтилъ ея любопытства—вглядѣться хорошенько въ этого «умственного» молодца, о которомъ такъ много говорили и который такъ рѣзко отличался отъ прочей деревенской молодежи. Но «улица», по-видимому, нынче хотѣла помѣшать и этому скромному желанію: пришлося имъ встрѣтиться при обстоятельствахъ, очень не располагающихъ къ знакомству. Аннушка ужъ выглянула было изъ «горницы», пріотворивъ дверь и дожидаясь, когда будутъ выходить гости изъ избы, когда услышала необычно суровый голосъ отца, вышедшаго раньше другихъ къ воротамъ. На этотъ голосъ, какъ сумасшедшая, выскочила Паша, а изъ избы вышли гости и братья.

— Мошенникъ!.. мошенникъ!.. кричалъ отчетливо и усиленно Пимонъ голосомъ, совершенно непохожимъ на тотъ мягкій, ровный, «душевный», которымъ онъ говорилъ пять минутъ тому назадъ.

— Живодеры!.. Кровь вы нашу выпили!.. Будеть!.. отвѣчали ему, чьи-то отчаянные голоса...

— Мошенники!.. Вяжите ихъ!.. Андронъ! Сергѣй!.. кричали Пимона сыновья:—вонъ отсюда! вонъ, голытьба!.. Вонъ, змѣя!..

— Татенька!.. Алеша!.. Батюшка!.. Алеша!.. Борисъ Пимонъ!.. голосила Паша.

Всѣ эти выкрики, сопровождаемые какимъ-то усиленнымъ пыхтеньемъ: «Стой!.. Па-ага-ди!.. Нѣтъ, не смѣешь!.. Да-а-вольво!».. неслись отъ воротъ.

— Батюшки, никакъ дерутся! сказала въ волненіи Катерина Петровна и бросилась вслѣдъ за Андрономъ и Сергѣемъ, бѣжавшимъ на помощь отцу, къ воротамъ.

— Надо уѣхать задами, тихо сказалъ опытный Графъ и спустился во дворъ къ лошади. Петръ и Аннушка случайно остались въ сѣняхъ одни.

— Какъ у васъ гуляютъ, проговорилъ Петръ съ легкой насмѣшкой:—пріятное времяпровожденіе!..

Аннушка была самолюбивая дѣвушка и притомъ дерзкая и грубая.

— Какіе есть! не вамъ чета: по стрункѣ не ходимъ! дерзко сказала она, вспыхнула и убѣжала въ горницу. Здѣсь она сѣла на лавку и заплакала слезами негодованія, стыда за своихъ и досады на чужихъ.

Петръ остался одинъ и съ секунду не зналъ, что дѣлать, когда вдругъ ворота на улицу распахнулись и онъ увидѣлъ безобразную сцену: на улицѣ переливалась толпа, надъ которою висѣлъ цѣлый гомонъ голосовъ; у самыхъ воротъ стоялъ старый

Пимонъ, котораго Петръ не узналъ: онъ какъ-то весь выпрямился, правый рукавъ рубахи былъ засученъ, воротъ разорванъ, глаза сурово, звѣрски смотрѣли изъ подъ сѣдыхъ бровей; теперь онъ стоялъ, опустивъ обѣ руки, и усиленно дышалъ своей старой, провалившейся грудью. Между тѣмъ, въ сторонѣ, у житницы, возилась около какихъ-то мѣшковъ цѣлая куча тѣлъ. Петръ замѣтилъ тутъ Андрона, Сергѣя, Пимаху—внука, въ особенноти бросился ему въ глаза молодой Пимаха—внукъ, остервенѣвшій какъ волченокъ, и постоянно съ засученными рукавами красной рубахи бросавшійся между кѣмъ-то высокимъ и огцомъ, съ тѣмъ же беззавѣтнымъ ухарствомъ физической удалы, съ какимъ нѣкогда онъ, поглощенный имъ до самозабвенія, навивалъ стога. Потомъ онъ видѣлъ зятя Пимона—Алѣшу, рвавшего на груди рубаху, кричавшаго раздражающимъ голосомъ, ругавшагося невозможнымъ подборомъ словъ, и въ тоже время заливавшася слезами, которые текли по его лицу рѣкой. Онъ то налеталъ на мѣшки, то отбивался отъ жены, тащившей его сзади, то летѣлъ кубаремъ, оттолкнутый въ грудь Сергѣемъ, опять вскакивалъ, опять бросался... А надъ улицей попрежнему стоялъ гомонъ... И вдругъ Петръ увидѣлъ невдалекѣ отъ этой возившейся кучки высокую, могучую фигуру своего дяди Хицы¹. Онъ еще его не видывалъ со времени переселенія всего Волчьяго поселка вновь въ Дергачи... Его ласковый, неповоротливый, смиренный силачъ дядя Хица, носившій, бывало, его на ладони, водившій съ собой на бой, на пристань, дававшій ему такъ много пряничныхъ батонковъ и коврижекъ, которые онъ собственно для него «выбивалъ» на парѣ у городскихъ разношниковъ и лоточниковъ, этотъ дядя былъ теперь неузнаваемъ: растрепанная рыжая лохматка его развивалась по вѣтру, какъ взъерошенный стогъ сѣна, лицо было все красно, какъ кумачъ; широкія ноздри раздувались; толстыя губы что-то выговаривали грубое, жесткое, скверное; мутными и какъ-то совсѣмъ животно-безмысленными глазами выглядывалъ онъ кого-то пристально, смотря въ окна Пимоновой избы... И вдругъ онъ застучалъ своими здоровыми кулаками въ раму.

— Гдѣ... вы?..

Но Петръ ужъ не слыхалъ дальше—онъ вдругъ поблѣднѣлъ и затрясся. Ему припомнилось вдругъ, какъ года два тому, онъ, послѣ тяжбы, прѣхалъ въ Волчій поселокъ съ миролюбивымъ предложеніемъ своимъ дядьямъ поселиться опять вмѣстѣ, лишь

¹ Одинъ изъ братьевъ Мосеевой семьи, раззорившихся въ тяжбѣ съ братомъ Ванифатіемъ и его сыномъ Петромъ.

съ условіемъ «покориться уму», и какъ тогда этотъ дядя Хипа вдругъ бросился на него, остервенѣлый, и закричалъ «убью»!.. Тогда Петръ тоже побѣднѣлъ, но не струсилъ: Онъ не былъ, какъ извѣстно, трусомъ. Но теперь—онъ, дѣйствительно, испугался: его вдругъ обьялъ ужасъ и вмѣстѣ негодованіе, при видѣ этой расходившейся на улицѣ физической силы, внезапно сознавшей, что выше ея ничего нѣтъ...

— Петръ Ванифантьчъ! крикнулъ со двора Митродоръ Графъ: — ѣдемъ! Готово!.. Теперь ты ихъ не дождешься... Теперь, дай Богъ, чтобы дня въ три улеглось у нихъ...

Петръ, не говоря ни слова, смущенный, вбѣжалъ во дворъ внизъ, торопливо вскочилъ въ плетушку, рядомъ съ Графомъ, и они быстро рѣхали въ задніе ворота, черезъ задворки, мимо житницъ и гумень.

— Куда? Митродоръ Васильчъ? Чтò вы задами? вдругъ окрикнулъ ихъ кто-то такъ неожиданно, что они вздрогнули и Графъ невольно остановилъ лошадь. Они обернулись. Къ нимъ подходилъ Минъ Аеонасьчъ.

— Куда вы, рѣдные, такъ рано съ праздника-то? Али улицы испугались? спрашивалъ онъ добродушно:—то-то вотъ, съ улицы-то бѣгать... Я вотъ какъ на улицѣ-то живу почестъ — мнѣ ея и не бояно...

— Тебѣ тамъ и мѣсто! сказалъ сердито Графъ и стегнулъ возжами лошадь.

Минъ Аеонасьчъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ моргающими глазами, подумалъ что-то, махнулъ рукой и наивно сказалъ самъ себѣ: «да тяжело, тяжело оно, какъ правота-то заговорить... А ужъ ей сказаться надо... Какъ ни то, а надо!.. Такъ-то, други мои, нельзя, надо какъ нибудь правотѣ себя оказать... Отъ нея не убѣжишь!.. Ты вотъ, дружокъ, уѣхалъ, а она за тобой побѣжить, разговоривалъ онъ самъ съ собой:—нѣтъ ужъ, не уйдешь отъ нея, какъ она, правота-то, съ неправотой заговорить... Ишь ты какъ лютуетъ улица-то... Утиши, Господи-Батюшка! Долго ли до большого грѣха!.. Да никакъ это Пимонъ кричить? прислушался Минъ Аеонасьчъ и, услыхавъ необычный крикъ пріятеля, онъ, крестясь, пустился бѣжать на улицу:—не до нихъ ли ужъ волна-то съ улицы добралась? думалъ онъ тревожно.

А между тѣмъ Графъ и Петръ быстро уѣзжали изъ Дергачей. Оба они молчали.

— Вѣдь эдакъ хорошимъ людямъ и жить совсѣмъ здѣсь нельзя, наконецъ, замѣтилъ Петръ:—что-жъ это за порядки?—И онъ весь вспыхнулъ, какъ будто ему лично было нанесена кѣмъ-то кровная обида.

Но Графъ въ отвѣтъ ему смачно зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

XVI ¹.

Войдемте, читатель, въ двѣ крайнія дергачевскія избы, къ нашимъ давнимъ, очень давнимъ знакомымъ, которыхъ хотя блѣдныя тѣни еще можетъ быть живутъ въ вашемъ воображе-

¹ См. «Отч. Записки», 1878 г. «Устой» (часть первая), «Исторія одного поселка». Въ поясненіе послѣдующаго повѣствованія, напомню вкратцѣ содержаніе этой части. Крѣпостной крестьянинъ Мосей Волкъ, служившій лѣсникомъ, такъ полюбилъ рошу, отданную подъ его присмотръ, что когда узналъ, что баринъ хочетъ ее продать, онъ упрямилъ барина, кланяясь въ землю, не продавая рошу никому, кромѣ него. Баринъ согласился, а Мосей исчезъ на нѣсколько лѣтъ. Вернулся онъ богатымъ мужикомъ, заплативъ барину деньги за рошу съ прилежащей къ ней землей. Какъ человѣкъ не наживы, а «идейный», всецѣло преданный крестьянству, Мосей тотчасъ же облекся въ крестьянскую сермягу, окончательно порвавъ съ тою дѣятельностію, которою онъ нажилъ деньги—и ушелъ въ свою рошу, гдѣ поставилъ избу. Семья же его оставалась въ Дергачахъ, «на прежнемъ положеніи», хотя отецъ и разбогатѣлъ. Всѣ думали, что Мосей, по крайней мѣрѣ, хотя старшаго сына пустить по той же дорогѣ, по которой нажилъ деньги самъ, но Мосей, вынесъ изъ опыта, что нажива денегъ для «не-идейнаго» человѣка сопряжена съ большимъ соблазномъ и влечетъ за собой много «грѣха», не только не сказавъ никому секрета своей наживы, но чтобы отстранить отъ своей семьи всякій соблазнъ, отдалъ «въ мѣръ» купленную въ собственность пахатную землю, оставилъ себѣ только рошу: «такъ какъ земли для насъ самихъ хватить съ достаткомъ, а батраковъ заводить не желаемъ». За это выговорилъ онъ у міра только кое-какія льготы въ повинностяхъ, по общественной и солдатской службѣ. И всѣ вполнѣ раздѣляли въ семьѣ взгляды старика, такъ какъ были люди добрые, недалекіе и привычшіе ограничиваться крайне неприхотливыми потребностями, удовлетвореніе которыхъ было уже для нихъ полнымъ довольствомъ. Когда въ дергачевскомъ міру сталъ ощущаться «послѣ воли» недостатокъ въ землѣ, Мосей переселилъ всю семью къ себѣ въ рошу, гдѣ такимъ образомъ основалъ поселокъ, прозванный Волчьимъ, сначала заселенный только троими сыновьями Мосея—Вахрамѣемъ, Хипой и Вонифантіемъ съ семьями (изъ которыхъ у послѣдняго былъ Петръ и дочь Луша), и дочерью-незамужней и начетчицей Ульяной Мосевной, деревенской лекаркою и учительницей стараго времени. За старостію старика Мосея, «большина» въ семьѣ принадлежала, по внѣшности, старшему брату Вонифантію, человѣку слабому и недалекому, въ сущности же хранительницей очага и «дѣдовскихъ завѣтовъ» была тольковая дѣвка Ульяна Мосевна, уважаемая всѣмъ окрестнымъ крестьянскимъ миромъ. Такъ какъ въ поселкѣ было полное довольство то скоро, по добротѣ, стали Волки позволять селиться на своей землѣ бѣднякамъ, которымъ уже не хватало земли въ Дергачахъ. Сами дергачевцы часто приходили въ Волчій поселокъ, и просили «снять съ міра тяготу» въ лицѣ того или другого бѣдняка. Такъ поселились въ Волчьемъ поселкѣ: солдатка Сиклетее съ малыши ребятами, заштатный пономарь Θεотимичъ, старушка-

ни. Въ этихъ избахъ, какъ-то сбоку, хвостомъ прилипшихъ къ Дергачамъ, какъ лишній доскутъ, поселились обитатели тахъ еще недавно смытаго стремительными потоками новой жизни Волчьяго поселка, устои котораго были заложены когда-то старозавѣтнымъ земледѣльцемъ Мосеемъ. Въ первой избѣ жили Ульяна Мосевна съ братомъ Вахромѣемъ и его семьей; во второй — братъ Хипа съ семьей, а въ маленькой двухъоконной избушкѣ, едва поднявшейся отъ земли и скорѣе напоминавшей

пасечница Оеклуша, бобылка, а мужичку Клопу, обремененному семьей, по просьбѣ міра, сдали въ аренду изъ третьей части. Кромѣ этихъ лицъ, поселился, тоже по просьбѣ міра, старый дворовый человекъ, Сатиръ, съ дочерью Аннушкой. Такъ заселился Волчій поселокъ въ глубинѣ рощи и зажилъ жизнью, почти изолированную отъ окружающаго міра, по «дѣдовскимъ завѣтамъ», образовавъ сельскую общину. Въ числѣ близкихъ знакомыхъ семьи Мосея Волка, былъ бездѣтный дергачевскій умный мужикъ Строгий, сильно привазававшійся къ своему крестнику, Петру, малолѣтнему сыну Вонифантія; онъ часто бралъ его къ себѣ, училъ читать Четин-Минею и бесѣдовалъ съ нимъ обо всемъ, желая сдѣлать его человекомъ умственнымъ. Онъ посвящалъ его въ своеобразную философію полусектантскаго характера и училъ жить «по справедливости». Видя, что «по справедливости» жить стало въ міру трудно, онъ, заекучавъ порядками новой деревенской жизни, задумалъ уйти изъ міра въ городъ, искать «умственныхъ людей» и выпросилъ у Волковъ отдать ему крестника на воспитаніе. Ему, какъ человекъ «строгихъ нравовъ», не отказали. Прошло десять лѣтъ, когда вернулся къ своимъ старикамъ молодой мужикъ Петръ, прожившій долгое время въ Москвѣ, явился уже въ качествѣ «новаго», «умственного» человека. Воспитавъ въ себѣ много новыхъ потребностей, какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ, подъ вліяніемъ Строгаго и въ Москвѣ—онъ захотѣлъ возвыситься до этихъ потребностей и своихъ родныхъ, старыхъ людей, прежде всего желая научить ихъ утилизировать съ болѣею выгодой находящуюся въ рукахъ ихъ землю. Старики испугались, такъ какъ операція должна была очень чувствительно коснуться многихъ старыхъ привычекъ общиннаго быта, и отозвать, съ неминуемымъ изгономъ изъ выселка, старинныхъ людей, съ которыми всѣ уже сблизились и которымъ грозила неминуемая бѣдность. Такъ какъ Петръ, подъ вліяніемъ дѣтскаго самодовольства, слишкомъ свысока и надмѣнно смотрѣлъ на своихъ недалекихъ деревенскихъ родныхъ, то это еще болѣе обострило ихъ отношенія. Когда же на сторону Петра перешелъ и его отецъ, безхарактерный Вонифантій, то вся семья въ дѣятельности ихъ увидала лишь желаніе разорить ее, и потому возстала противъ предложеній Петра, предводимаго Ульяной Мосевной, защищавшей «дѣдовскіе завѣты» общинныхъ отношеній. Братья потребовали раздѣла—и между Петромъ съ отцомъ съ одной стороны, и прочими братьями началась тяжба, окончившаяся обдѣяніемъ послѣднихъ, и притомъ, оставившая въ ихъ рукахъ лишь небольшую часть изъ общаго имущества. Все же прочее, какъ и роща, перешло къ Вонифантію съ Петромъ. Петръ послѣ тяжбы вновь предложилъ всѣмъ соединиться и жить вмѣстѣ, но дядя, разсерженный, уже не согласился. Петръ же, заложивъ полученную землю въ банкъ, купилъ еще барскую усадьбу, гдѣ и поселился, въ качествѣ крестьянина-землевладѣльца вмѣстѣ съ отцомъ. Такъ кончилось существованіе Волчьяго поселка.

Вторую часть «Устоевъ», въ которой разсказывается о пребываніи Петра въ Москвѣ, см. въ «Отч. Запискахъ» 1880 годъ. (Кн. 11 и 12).

шалашъ, чѣмъ избу, пріютился молчаливый охотникъ Сатиръ съ своей единственной дочерью. Не покинули раззоренную семью и заштатный старый пономарь Θεотимычъ и старая бобылка Θεклуша: Θεотимычъ прилѣпился къ Вахромѣю, а Θεклуша къ Хипѣ. Только солдаты Секлетей съ ребятишками не было: новыя волны жизни унесли и ее въ жестокой и непонятный водоворотъ.

Мы зайдемъ къ нимъ въ поздній вечеръ того несчастнаго дня, когда мирная дергачевская улица была потрясена однимъ изъ тѣхъ конвульсивныхъ содроганій, которыя въ періодъ, нами описываемый, спорадически разъ-два въ годъ охватываютъ, какъ болѣзненные нервные припадки, наши деревни. Такъ по населенной ниткѣ вдругъ вспыхнувшій огонь пробѣжитъ съ одного конца до другого и потухнетъ. И было въ этихъ припадкахъ нѣчто такое странное, необычное, что вотъ наши давнишніе знакомые, эти «старые» деревенскіе люди, собравшись, по старинной привычкѣ, въ избу Ульяны Мосевны, какъ издавна привыкли они дѣлать во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, скорбно покачиваютъ головами и, вмѣсто того, чтобы въ качествѣ «мирскихъ» людей пойти на улицу и помочь поскорѣе распутаться ей, говорятъ: «Что дѣлается-то, что дѣлается-то! Создатель Милосердый!» И продолжаютъ повторять это и тогда, какъ шумный гомонъ стоялъ надъ улицей, и послѣ, когда все какъ-то сразу улеглось и стихло на улицѣ, и слышались лишь отъ времени до времени отдѣльные выкрики. Мосеева семья—всѣ были трезвые люди, и хотя любили «улицу», но когда, въ праздникъ эта улица разгуливалась уже черезчуръ, всѣ мосеевцы обыкновенно, незамѣтно ни для кого, тихо уходили по своимъ избамъ. Теперь же они не только давно уже ушли съ улицы, но Вахромѣй сердито скликалъ съ улицы всѣхъ ребятишекъ, этихъ самыхъ любопытнѣйшихъ смертныхъ, и, къ великому огорченію ихъ, усадилъ на полаты, отъ времени до времени покрикивая на тѣхъ, которые намѣревались потихоньку улизнуть.

— Не зачѣмъ, ребяти, туда ходить, говорила и Ульяна Мосевна: — ну, что тамъ смотрѣть, что слушать? Пьяныхъ смотрѣть, скверное слово слушать. А этого Богъ не любитъ... Потому Богъ не любитъ, что будешь ежели смотрѣть да смѣяться чужому горю—не знаешь какъ его осудишь... Ты его осудишь, а тутъ, можетъ, горе... Охъ, Господи, Господи! вздохнула Ульяна Мосевна и опустила голову.

И всѣ словно замерли, такъ какъ всѣмъ были ясны и понятны и ея слова, и ея вздохи; даже ребятишки какъ будто что-то понимали, потому что слышали совершенно явственно до-

носившійся съ улицы буйный голосъ смирнаго и ласковаго Хипы, отца однихъ и дяди другихъ.

— Унять бы ихъ, что ли? Очень ужъ всё разожглись, наивно сказалъ старшій сынъ Вахрамѣя, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, пугливо смотря въ глаза тѣтки: видимо, онъ былъ или очень робокъ, или то, что онъ видѣлъ на улицѣ, было для него ново и необычно.

— Кого унимать-то будемъ, да и судить кого, коли праваго не найдешь, да и виноватаго не сыщешь? отвѣчала Ульяна Мосевна.

И опять всё молчали и какъ будто ясно понимали и сочувствовали Ульянѣ; только Вахрамѣй, по привычкѣ сидѣвшій съ трубкой на порогѣ полуотворенной въ сѣни двери и выпускавшій медленно дымъ въ щель, поднялся и, выбивая о шестокъ трубку, сказалъ сердито: «Поискать бы — нашли!.. Авось оказались бы!»

— Ну, братецъ, насъ съ Петрушей людямъ не разсудить: Богъ разсудитъ одинъ! отвѣчала Ульяна, съ одного слова понавшая, на чтò намекалъ братъ.

— А изъ-за чего-жъ это у нихъ, тѣтенка, вдругъ? Все сидѣли, пѣсни пѣли, хороводы водили, а тутъ вдругъ и загорѣлось? спрашивали опять любопытные ребятишки, устремивъ полные недоумѣнія глаза на замолчавшихъ большаковъ.

Но большаки, повидимому, были сами преисполнены тѣмъ же дѣтскимъ недоумѣніемъ, такъ какъ на вопросъ дѣтей никто ничего не отвѣтилъ, и только Оеклуша повторяла, когда съ улицы доносились до ихъ отдаленныхъ задворокъ взрывы криковъ: «Святъ, святъ, святъ! Господи Милосердый! Чтò у нихъ дѣлается-то, чтò дѣлается-то!..»

— Война! уже не впервые категорически отвѣчалъ ей Θεотимъчъ, каждый разъ нюкая табакъ: — война, Митревна, компанейская война... Я читывалъ когда-то: бываютъ такія войны...

— Какія-жъ это такія войны? спрашивала Оеклуша.

— А такія—безъ солдатъ. Тутъ всё ужъ воюють... Тутъ ужъ ни командировъ, ни полководцевъ: одно — баталія.. Братъ съ братомъ воюеть, сынъ съ отцомъ...

— До что они, окаянные! вскрикнула Оеклуша. — Рехнулись, что ли?.. Али ужъ нонѣ на нихъ суда нѣтъ?

— То-то что нѣтъ... Самосудное время!.. Когда компанейская ежели война, тогда самосудамъ время всегда. Вотъ въ двѣнадцатомъ году—ты, чай, сама помнишь? компанейская война была... Казаки Платовъ воевалъ; всё мужики тогда воевали, съ вилами,

съ косами, избы жгли, хлѣбъ таскали, французовъ топили да обухомъ били... Кто не понравился, того и туютъ!..

— Такъ чать тогда французъ былъ... А понѣ гдѣ онъ, французъ-то? Чать француза-то батюшка бѣлый царь всего на океанѣ-море заточилъ?

— Вотъ развѣ что француза-то нѣтъ! глубокомысленно сказалъ Θεотимычъ.

— Полно, старикъ... Это ты все только меня пугаешь, не повѣрила даже Оеклуша, а ребятишки давно уже смѣялись: — какъ не быть начальства? Чтобы надъ мужикомъ да начальства не было? Кто же ихъ, голворѣзовъ, учить-то будетъ?

— Ахти-хти! вздохнулъ Θεотимычъ.— Пугаешь? Испугаешься... Мы вотъ съ тобой, старушка, жили въ Волчьемъ поселкѣ, что у Христа за пазухой, ничего не вѣдали, не знавали... А тутъ люди жили да поживали... да и ни вѣсть куда усажали!..

— Вѣрно, Θεотимычъ, вѣрно ты это сказалъ, замѣтила Ульяна Мосевна.— Намъ ужъ, Оеклуша, нынѣшній народъ не понять... Не намъ его и судить!

Дѣйствительно, если разсужденія Θεотимыча вначалѣ и были довольно-таки фантастичны ради устрашенія восьмидесятилѣтней Оеклуши, то послѣднее его замѣчаніе было вполнѣ справедливо.

Тому уже около пятнадцати лѣтъ, какъ семья Мосея Волка, вслѣдъ за нимъ, переселилась въ его любимую роццу, перешедшую къ нему въ собственность, и основала тамъ чистую земледѣльческую колонію, мирную, неприхотливую, «по божески», по дѣдовскимъ завѣтамъ. Въ этомъ Волчьемъ поселкѣ прожили они всѣ пятнадцать лѣтъ, какъ Робинзоны, переселившіеся на необитаемый островъ, сами удовлетворяя почти всѣ свои неприхотливыя потребности, и только изрѣдка, и то больше одна Ульяна Мосевна, выходили они за границы выселка и отъ времени до времени сталкивались съ окружающимъ ихъ міромъ, въ которомъ, какъ имъ казалось, шло все такъ же, что и прежде. Были жалобы, были страданія, такъ же, какъ и прежде, родили бабы въ полѣ, страдали отъ страды, также били ихъ подъ пьяную руку мужья; были бѣдные, забираемые богатыми, были несчастные, забиваемые, вмѣсто барина, какимъ-то «начальствомъ». (Они даже не знали, какое это начальство было, какъ не знали и теперь, какой-то исправникъ, непремѣнный членъ, земство, мировой судья—все это смѣшивалось для нихъ въ одно прежнее лицо: «барина», только этому барину царь не позволялъ уже много «баловаться», не позволялъ людей продавать, на барщину гонять; однимъ словомъ, за все, что прежде вносилось «натурой»,

вѣсно вносить деньгами). Все было, повидимому, такъ же, какъ и прежде, на все считала своимъ долгомъ, по прежнему, отъливаться «благомысленная» женщина Ульяна Мосевна, по прежнему помогала и сочувствовала чѣмъ и какъ могла, утѣшая всѣхъ тѣмъ, что «правоту Господь не оставитъ, что неправота, которая есть, погибнетъ, что не надо отчаиваться, а надо вѣрить и надѣяться». И вотъ въ этой массѣ мелкихъ, будничныхъ явленій для нея совершенно пропадалъ внутренній смыслъ ихъ; она не замѣчала, что надъ этимъ видимымъ, прежнимъ, однообразіемъ струилось что-то другое. Таково же, или еще наивнѣе было отношеніе въ окружающему и всѣхъ прочихъ обитателей поселка. И вдругъ какая-то волна изъ житейскаго моря оторвалась и кинулась на ихъ укромный островъ, сразу потопила его въ пучинѣ, а ихъ, утопавшихъ и безнадежно и тщетно борющихся съ нею, снова выкинула на материкъ!.. Что это была за волна, они, конечно, не знали; не знали, что она именно и родилась отъ того непримѣтнаго родника, который прежде мирно и ни для кого не видимо текъ подъ внѣшней неизвѣстностью будничной жизни, и вдругъ теперь сталъ все чаще и чаще заявлять о своемъ присутствіи какими-то внезапными, періодическими всплесками на поверхность. Но слава Богу! благодаря счастливому случаю, они все же выброшены были въ родное гнѣздо, въ свой старыи «міръ».

— Что-жь, селитесь, селитесь! говорилъ Макридій Софроничъ:—свои люди... Какъ своимъ людямъ откажешь? Пока мѣста хватить, а что послѣ, то въ божьихъ рукахъ!

И они чувствовали, что это, дѣйствительно, свои люди, прежніе люди. На первый взглядъ, да и долго еще въ обычныхъ будняхъ своей родной деревеньки они видѣли все, все «по прежнему»: таже «земля-кормилица», тотъ же «хлѣбъ», тотъ же трудъ, тѣже мірскіе порядки, тѣже «свои люди», только молодежь подросла какъ-то скоро, да старики какъ-то стали старѣе... Попрежнему оставались тѣже жалобы, тѣже страданія; но вотъ, мало по малу, въ этихъ жалобахъ и страданіяхъ вдругъ они стали примѣчать что-то другое; и чѣмъ больше переселенцы всматривались и вдумывались въ эти жалобы, тѣмъ меньше они ихъ постигали. И вотъ скоро наши Робинзоны, эти наивные, старые *хорошіе люди деревни, сдѣлались людьми недоумкніи*. Эти люди, которые все были зрячими, которые все до мелочи понимали въ прежней своей жизни ясно, вдругъ ослѣпли, какой-то туманъ заволокъ ихъ очи, все передъ ними какъ будто стало мѣшаться, перевертываться верхъ-дномъ. Какъ будто, вмѣсто прочной, устойчивой почвы, подъ ихъ ногами оказалась вода:

*

вотъ она заливаешь все больше и больше, они видятъ, что кто-то гибнетъ, кто-то хочетъ другого спасти, но этотъ другой, тонущій, самъ тащитъ въ пропасть своего спасителя; вотъ одинъ карабкается на берегъ, а другой хватается за него сзади и тащить опять назадъ; всѣ кругомъ что-то кричатъ, говорятъ странное, новое, непонятное, все, что прежде называлось добромъ — въ ихъ устахъ стало зломъ, потерялось различіе между зломъ и добромъ... И вотъ даже сами они, для которыхъ прежде все было такъ ясно и опредѣленно, сами они, спѣша и видя зовущихъ на помощь, готовы ринуться къ нимъ, стоятъ пораженные недоумѣніемъ, ибо не знаютъ кому, какъ, даже зачѣмъ помогать... Даже тѣ боли, жалобы и страданія, которыя искони ни въ комъ не возбуждали сомнѣнія, а тѣмъ болѣе въ Ульянѣ Мосевнѣ, которая всегда спѣшила къ нимъ на помощь, даже то зло, которое было для нея и для всѣхъ всегда ясной причиной этого страданія, все это вдругъ приняло такой странный видъ, что не разъ становилась уже въ тупикъ сама Ульяна Мосевна и передъ этими болями и жалобами, и передъ этимъ «зломъ», противъ котораго она когда-то, не задумываясь, ратовала съ такой непосредственной прямою... Да неужели сама она измѣнилась? Неужели измѣнилась внутренняя сущность этихъ людей «непосредственной прямоты» и измѣнилась вдругъ, такъ-таки взяла и исчезла эта нравственная сила, пережившая тысячелѣтіе? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, въ томъ-то и тяжелое недоумѣніе, въ томъ-то и гнетущая загадка, что вотъ она, Ульяна Мосевна, чувствуетъ въ глубинѣ своей души, что она не только не измѣнилась, но съ тою же прежнею, если еще не большею охотою, готова идти помогать болямъ и жалобамъ; чувствуетъ она, видитъ, что и всѣ его близкіе и присные, которыхъ она уже знаетъ давно, весь этотъ міръ, съ которымъ она выросла, всѣ они, все тѣже *въ сущности*, съ тѣми же грѣхами и добродѣтелями, и между тѣмъ — что же это случилось съ ними, что она перестала ихъ понимать? Что такое совершилось, что тѣже люди — не тѣ; что-то, что прежде она считала въ нихъ несомнѣннымъ добро, несетъ съ собою зло, несетъ страданія, вызываетъ боли и жалобы; съ другой стороны, то, что нѣкогда она считала несомнѣннымъ зломъ, вдругъ приняло видъ несомнѣннаго «добра», вдругъ заговорило языкомъ несомнѣнной «правоты», требовало себѣ сочувствія, и нельзя было отказать въ немъ. Въ концѣ-концовъ, ясность различенія между «добромъ» и «зломъ» вдругъ исчезла, такъ какъ невидимо народилась цѣлая масса явленій, изъ которыхъ каждое было столь же виновно, сколько и право. Очевидно, не эти прис-

ные изменились въ своей сущности (да какъ же этого не видѣть? Вѣдь вотъ они, всѣ тутъ, на лицо, живые!), а произошло что-то другое, народилась нѣчто «новое», что сразу вышло изъ сферы ясности прежняго цѣльнаго мировоззрѣнія. Это нѣчто «новое», непонятное, ввергающее въ недоумѣніе, потребовало созданія новаго мировоззрѣнія, новыхъ рамокъ, новаго мѣрила добра и зла... И притомъ это «новое» было такъ объемисто, такъ глубоко захватывало всѣ основы жизни; оно было такъ неудовимо, порывисто, что не поддавалось уже никакимъ компромиссамъ, никакимъ сдѣлкамъ съ прежнею «совѣстью», съ прежнимъ мировоззрѣніемъ. Въ такіе моменты внезапнаго народненія «новаго» ничего нельзя себѣ представить болѣе печальнаго, жалкаго и трагическаго, какъ положеніе стариковъ, притомъ же не воспитанныхъ въ условіяхъ дисциплины ума и чувствъ, не способныхъ быстро ориентироваться въ новыхъ сферахъ и не вооруженныхъ противъ неожиданностей. Положеніе это, иногда трагикомическое, но всегда тяжелое и грустное, сразу вырываетъ у человѣка изъ-подъ ногъ, у самого гроба, всю ту «гармонію жизни», которою онъ жилъ, въ которой считалъ все яснымъ, опредѣленнымъ, понятнымъ, въ которой для него такъ ярво горѣлъ идеаль несомнѣнной «правоты». Не легко, нетолько у дверей гроба, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при полномъ обладаніи здоровьемъ и умомъ, вдругъ узнать, что твои вѣрованія и идеалы уже устарѣлые идеалы, что твое мѣрило добра и зла стало коротко, неприложимо, фальшиво, что непремѣнно, вотъ сейчасъ, тутъ же надо взять въ руки новое мѣрило, если ты не хочешь остаться индифферентнымъ къ окружающимъ тебя болямъ, жалобамъ, страданіямъ, требованіямъ...

XVII.

Ульяна Мосевна была «благомысленная» женщина деревенскаго міра, стараго закала, воспринявшая въ свою душу все то чистое, любовное, мирное, устойчивое, что только выработалъ народный романтизмъ въ суровую пору своей жизни; изъ того же великаго неизсякаемаго, искони одухотворяющаго народа источника черпала свою силу и Минъ Аэонасытъ. При этомъ условіи, Ульяна Мосевна не могла не быть съ нимъ пріятельницей. Но оба они были далеко не одно и то же. Ульяна Мосевна была простая, недалекая женщина; къ тому, что она знала, впитала въ себя, невидимо, какъ чистая губка, изъ народной жизни, профильтровавъ все это въ своей безхитростной романтической

душѣ — она ничего не прибавила, не могла прибавить своего собственнаго; душа ея была именно только фильтра, не придававшая тому, что черезъ нея проходило, ни собственнаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса. Иное дѣло былъ другой народный романтикъ, Минъ Аеонасычъ; хотя онъ почерпалъ свою силу изъ того же источника, что и Ульяна Мосевна, но онъ былъ вмѣстѣ и «творецъ». «Народная правда», прошедшая черезъ душу Ульяны Мосевны, въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, не пригнетала его, не давила его самостоятельное творчество такъ фатально, какъ Ульяну Мосевну; постоянно опираясь на эту «народную правду», онъ тѣмъ не менѣе, въ данный моментъ, какъ беззавѣтный художникъ, властвовалъ надъ нею, вносилъ въ нее нѣчто изъ своего творчества, придавалъ ей каждый разъ, своеобразный вкусъ и цвѣтъ. Онъ весь жилъ этой постоянной трансформированной «народной правдой»; его маленькая голова ежеминутно работала надъ этими новыми формами правды, никогда не измѣняя ея сущности; и потому, не было такого положенія, гдѣ бы и когда онъ не могъ ориентироваться съ этой «правдой»; много проходило передъ нимъ этихъ положеній, много вокругъ него падало подъ игомъ ихъ народныхъ романтиковъ, многие впадали въ мрачный и отчаянный пессимизмъ, но для Мина Аеонасыча непрестанно сіала эта «правда», вѣчно юная, вѣчно живая — и непрестанно разукрашивалъ онъ ее цвѣтами воображенія и фантазіи. Были эти фантазіи, часто и очень часто, глупы, нелѣпы до очевидности, иногда больше раздражали, обостряли раны страдающихъ, за что эти страдающіе платили ему презрѣніемъ, насмѣшкой, даже негодованіями — но изъ подъ этихъ нелѣпыхъ фантазій и зарисовокъ всегда сіала все та же неувадаемая «правда». Сколько уже людей, носителей «старой правды» сгибло, извѣрилось въ эту «старую правду» или заскорузло въ ней фанатически, когда измѣнились положенія и являлась необходимая поправка въ этой «старой правдѣ», но въ то время, какъ эти люди упорно, въ отчаяніи силились удержаться за эту «старую правду» и заскорузнуть въ ней, будучи не въ силахъ понять новыя положенія — Минъ Аеонасычъ уже творилъ «новую правду». — Нѣтъ не «*новую правду*». «Правда» всегда оставалась неизмѣнной, въ какія бы путы и паутины ни была она заткана — это неизбываемая «*правота въ себѣ*», внутренняя правота собственнаго существованія всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, ибо у народа только и есть двѣ правоты, и нѣтъ больше: это правота производителей необходимыхъ потребностей жизни и правота романтика, какъ безкорыстнаго носителя и ратника за «идею» этой правоты. Нѣтъ, не «*новую правду*».

творилъ Минъ Аеонасычъ—такъ какъ никакой «новой правды» народъ сотворить не можетъ—а творилъ новыя формы ея.—Вотъ въ этомъ-то и различались между собою два романтика: Ульяна Мосевна и Минъ Аеонасычъ. Этой способности творчества, этого умѣнья отрѣшаться отъ формы, не измѣняя содержанія, этого умѣнья въ новыхъ положеніяхъ открыть присутствіе неуывадаемой «правды» и не имѣла «благомысленная» женщина Ульяна Мосевна. И вотъ, когда вмѣсто ясной, опредѣленной, понятной и разработанной столѣтіями «старой правды», передъ нею выступили новыя положенія, повидимому, поколебавшія эту правду до самыхъ основъ—любящая, романтическая натура ея подсказала ей только одно: что въ новыхъ положеніяхъ тоже нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Но идти дальше этого она не могла.

Не мало передумала своимъ непосредственнымъ умомъ Ульяна Мосевна за то время, когда надъ Волчьимъ поселкомъ пронеслась гроза и съ корнемъ сорвала столѣтній дубъ съ его вѣтвонныхъ устоевъ; но сколько она ни думала, она ничето не поняла въ новыхъ жизненныхъ положеніяхъ, ничего не поняла въ Петрѣ—и рѣшила, что все это послано Богомъ въ наказаніе за какіе-нибудь ихъ, личные грѣхи. Но когда, возвратившись въ старый знакомый дергачевскій міръ, она увидѣла, что и тамъ вездѣ бушуетъ та же непонятная буря, и также рушить старыя «устои», видимымъ образомъ разрушая прежнюю гармонию и не созидая вмѣсто нея никакой новой, она рѣшила, робко и скромно, съ болью въ сердцѣ: нѣтъ больше въ мірѣ правды!.. Но развѣ прежде, при крѣпостномъ правѣ, была правда для нея? Была: кромѣ общей, неуывадаемой правды труждающихся и обремененныхъ—для нея существовала еще правда, тотъ нравственный устой, который давалъ возможность ясно различать добро, ясно осознать страданіе и идти на помощь; была возможность подвига, былъ смыслъ въ самоотреченіи, были смыслъ и возможность «идейной» жизни для народнаго романтика. Этой возможностью, этимъ смысломъ жили миллионы «человѣческой жизни», полною значенія, и умирали въ сознаніи этого «значенія», какъ люди, а не какъ подъяремные скоты. И вдругъ эта правда исчезла, стала непригодной, ненужной—и почему знать (она могла судить по Петру, по всей исторіи со своей семьей), можетъ быть, она уже приносить зло, вмѣсто добра, вызываетъ страданія, вмѣсто испѣленія. Вотъ она и пошла на проломъ за эту «старую правду», она не щадила ни силы, ни энергіи, ни достатковъ, она все отдала на эту борьбу противъ племянника—и что же получилось въ концѣ?—Хипа спился, озлобился; озлобилась его жена Прасковья;

нелюдимъ сталъ Вахромей, сталъ бояться міра, улицы; сталъ «обособляться», чтобы только не тронули, даже дѣтей держить въ сторонѣ отъ улицы... А что случилось съ Ванифантіемъ, вдругъ оторвавшимся отъ прежнихъ устоевъ, съ солдаткой Се-клетеей? что станется съ ея ребятишками? Кто же виноватъ? Петръ? Да виноватъ ли онъ, полно? Развѣ не добра онъ имъ хотѣлъ? Развѣ бы ихъ не могли также раззорить, но уже другіе, «чужіе», напимѣрь, барыня, которая уже и намѣревалась это сдѣлать, не подоспѣй Петръ и не спаси ихъ имущество? Что бы они стали противъ нихъ, противъ этихъ чужихъ дѣлать? Также искать правды? но нашли ли бы они ее? Ужъ если не нашли тутъ, то тѣмъ паче не нашли бы тамъ... И навѣрно погибли бы они еще хуже, и еще больше было бы зла и страданій. Развѣ не знала она такихъ примѣровъ, гдѣ погибали смирные старые люди отъ «чужихъ» людей? А поселись она вмѣстѣ съ Петромъ, съ этимъ человѣкомъ, знающимъ все въ новыхъ положеніяхъ, можетъ быть, знающимъ уже и «новую» правду—покорись они его уму — кто же бы ихъ раззорилъ такъ легко тогда? И столько было бы избѣгнуто золъ и страданій!.. Такъ думала Ульяна Мосевна, у которой уплывала изъ рукъ «старая» правда, терялся смыслъ жизни; такъ безпомощно работала ея мозгъ, силась постигнуть и разобраться въ новыхъ положеніяхъ, но не имѣя силъ, чтобы создать для себя «новую правду»... Да и когда же создать ее? Если на выработку «старой правды» потребны были столѣтія, то почему же на созданіе «новой правды» достаточны должны быть два десятилѣтія? И если уже въ недоумѣніи между старой и новой правдой остановилась Ульяна Мосевна—то сколько миллионовъ деревенскихъ людей, завѣдомо хорошихъ, этой деревенской старой интеллигенціи, стоитъ теперь въ томъ же недоумѣніи, растерявшіеся, потерявшіе смыслъ жизни, ушедшіе въ себя, боязливые, бѣгущіе «мірской улицы», на которой нѣкогда они чувствовали себя какъ дома, въ которой все понимали, и въ которой теперь все стало выше ихъ пониманія. Ибо въ данный моментъ она поставила задачи столь глубоки и велики, которыя не стояли никогда передъ «старой правдой»... И когда же все это совершилось? Совершилось — когда такъ еще недавно «старая правда» торжествовала и ликовала, обѣщая освобожденіе для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ!

Много передумала обо всемъ этомъ Ульяна Мосевна. Часто вспоминала она Еремѣя Еремѣича Строгаго: вотъ - то-ли не «умственный чловѣкъ» былъ, то-ли не чловѣкъ «старой правды», а что сдѣлалъ? Ушелъ отъ міра, отъ своихъ, ушелъ въ городъ,

какъ себялюбець, не захотѣлъ за одно съ міромъ тяготу нести. А еще лучше: какъ онъ отнесся къ горю ихъ семьи, когда они изнемогали въ тяжбѣ? «Да, говорить, дѣла!» Вотъ и онъ такой-же, и онъ не знаетъ, что дѣлается съ народомъ. Конечно, думала Ульяна Мосевна:—много, много несправедливости надъ народомъ, жмутъ все еще бары, жмутъ кулаки-еушцы, поборы большіе, мало у крестьянина земли и лѣсу, все это такъ, да съ *самимъ*-то народомъ что дѣлается? Вѣдь при барщинѣ житье не лучше было, а народъ былъ не такой, дружнѣе жилъ, ровнѣе, тѣснѣе... Что говорить! Были и тогда драки, и несправедливость была, да вѣдь видно было, изъ-за чего эта драка и кто въ ней виноватъ, кто правъ, и несправедливость была для всѣхъ явнѣ: ежели несправедливый человекъ и дѣлалъ несправедливое дѣло, такъ онъ и самъ зналъ, что несправедливое дѣло дѣлаетъ. Ты ему скажешь, а у него одинъ отвѣтъ: «а вотъ хочу такъ, и дѣлаю!» Тутъ явное дѣло, что человекъ только «ндравомъ» да нахрапомъ беретъ, а нынче... Развѣ Петръ ей такъ отвѣчалъ?

Когда два года тому назадъ, семья Мосея Волеа изнемогала въ тяжбѣ съ племянникомъ и братомъ, Ульяну Мосевну съ ея близкими еще поддерживала вѣра въ «старую правду»; она говорила тогда, несмотря на всѣ испытанія: «ежели бы не знать, что у Бога правду сыщешь, лучше бы въ гробъ лечь»; теперь же она чувствовала, что и сама «старая правда» стала безсильна...

Все это она думала и передумывала и въ этотъ вечеръ, все съ тѣмъ-же безнадежнымъ результатомъ въ концѣ, съ тѣмъ же скорбнымъ покачиваніемъ головы.

На улицѣ уже темнѣло все больше и больше, а Мосеевцы все еще хорошенько не знали, что случилось въ дергачевскомъ міру, хотя они по прошлогоднимъ подобнымъ же исторіямъ и предполагали, въ чемъ могло быть дѣло. Они все поджидали, не зайдетъ ли кто съ улицы. То Вахромѣй, то Ульяна Мосевна выглядывали въ волоковое окно, но кромѣ все больше и больше таявшей въ сумеркахъ толпы, какъ темныя волны качавшейся вдаль, никого не видали. Вотъ, наконецъ, отъ толпы остались только чуть видныя силуэты небольшихъ разорванныхъ группъ.

— Что это Прасковья пойдетъ съ Хипой? Вѣдь уже поди часа два, какъ она за нимъ побѣжала, сказала Ульяна Мосевна.

— Не набѣдилъ бы чего, прибавилъ Вахромѣй: — вѣдь оно въ толпѣ-то, что на водѣ: снесетъ въ омутъ—и не почувешь.

— Спаси Господи, Мать Пресвятая Богородица, по суши

странствующихъ, по водамъ плавающихъ... Долго ли человѣку до бѣды! благочестиво шептала Оеклуша.

Но вотъ послышались тяжелые и нетвердые шаги, затѣмъ какое-то ворчанье—и въ избу стала валиться, держась за косяки, могучая туша Хипы, безъ шапки, въ однорукавкѣ на одну правую руку, съ осовѣлыми глазами и уставшимъ лицомъ.

— Куда лѣзешь медвѣдь, говорю!.. Ступай въ избу да дрыхни!.. Куда ты теперь годишься? кричала сзади Прасковья, держа въ одной рукѣ мужнину шапку, а другою силясь вытащить его назадъ.

— Оставь его, Паша, сказала Ульяна Мосевна: — дай, отсидится немного... Чтѣ съ него взять!

— Ну, ступай, сиди, толкнула мужа на лавку Прасковья и сама тотчасъ же опустилась на другую, съ истомленнымъ лицомъ, поправляя на головѣ платокъ.

— Охъ, батюшки мои!.. Охъ, силъ нѣтъ!.. Изъ моченьки выбилась! выговаривала она, задыхаясь отъ одышки:—охъ, проклятыя! Охъ, ненавистники! Охъ, головорѣзы! повторяла она.

Всѣ такъ ясно понимали эти вздохи, что никто и не думалъ о нихъ спрашивать у Прасковьи, а тѣмъ болѣе разспрашивать ее о томъ, что было, такъ какъ навѣрно отъ нея услышали бы больше причитаній и крѣпкихъ словъ, чѣмъ дѣла.

— За-аду-ушу... всѣхъ за-аду-ушу-у!.. Вотъ какъ возьму, какъ поро-сѣнка... ворчалъ между тѣмъ Хипа, сидя на лавкѣ, и склонивъ безпомощно державшуюся на шеѣ голову. Онъ вытягивалъ кулакъ и, ссерица зубами—что придавало его широкому, добродушному лицу больше комическое, чѣмъ устрашающее выраженіе—показывалъ видъ, какъ бы душилъ поросенка.

— Сиди! крикнула на него Прасковья: — ворчи тамъ! Нажрался зелья-то и развозился, что пьяный медвѣдь!.. Доваливался бы ужъ до берлоги-то!.. Задушишь!.. Какъ же! Передужишь ихъ всѣхъ-то, ненавистниковъ!.. Развѣ сами себѣ горло перегрызутъ, одна надежда!

— Пере-е-душу-у! Всѣхъ передущу! вдругъ заоралъ Хипа, протянулъ руки, оглянулъ всѣхъ мутными глазами, вскочилъ и опять повалился на лавку: — подавай ихъ... А-а! По-о-длыя души... Вишь за окномъ прячутся... Я васъ разышу-у-у!.. ворчалъ онъ, съ неизбѣжнымъ уснащеніемъ каждой фразы цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ словъ.

— Али его кто раздражилъ? спросила Ульяна Мосевна.

— Кто? Извѣстно кто!.. Петрушку увидалъ...

— Да развѣ онъ пріѣхалъ? спросила съ невольнымъ изумленіемъ Ульяна Мосевна, такъ какъ извѣстно, что Петръ въ Дер-

гачахъ, со времени прїѣзда изъ Москвы и поселенія въ барской усадьбѣ, еще не заявлялся:—да къ кому онъ? Съ кѣмъ?

— Къ кому? Не къ намъ... Не бойся! Рыло-то тоже чай стыдно показать нищимъ-то... Они по насъ не ѣдятъ... Къ Пимонамъ проѣхали, на праздникъ вишь, съ Графскимъ Митродоромъ...

— Зачѣмъ онъ? все въ большемъ недоумѣннїи, спрашивала Ульяна Мосевна.

— А я почему знаю!.. Спроси поди!.. Чтò имъ, подлецамъ! ѣдятъ въ шарабанахъ, да нищамъ глаза мозолятъ!.. Имъ что! Имъ еще любо, что у нищихъ-то отъ зависти слюни текутъ, на нихъ глядя, что они отъ злости въ кабакѣ винищемъ полоскаются... Имъ что, подлецамъ!.. Не ихъ бокамъ достается... У нихъ жеребцы хорошіе! Какъ начала вольница-то, съ пьяна да съ досады, въ мертвую голову бунтовать на улицѣ, такъ они, не бойсь, жеребца-то поворотили, да черезъ задворки... Проклятые!.. Кровопійцы!.. сыпала безостановочно раздраженная, нервная, грубая Прасковья.

— Передуп-ш-у-у! Всѣхъ передуп-шу! вторилъ ей Хипа.

— Да и надо бы... Все одно отвѣчать-то!.. Авось жадность поукурили бы... Сама бы своими руками красивую-то рожу испарала! неистовствовала Прасковья: — каломъ бы всѣ ихъ пенжаки-то облѣпила!.. Ходи! Гуляй, тогда!.. Ищи богатыхъ невѣсть!.. Ха, ха, ха!.. И Прасковья захохотала нервнымъ, болѣзненнымъ, нехорошимъ смѣхомъ.

— Ну, полно-те, Паша!.. Ишь ты разгасилась! сказала Ульяна Мосевна:—пойдемте-ка и въ самомъ дѣлѣ, я васъ провожу; ложитесь-ка со Христомъ... Сонъ все покрываетъ!.. Бери мужа-то, а вы, ребятки, пойдите со мной... Я васъ провожу... Темно вѣдь, говорила она дѣтямъ Хипы.—Пойдемъ, Оеклуша.

— Ну, медвѣдь! Поворачивайся!.. толкала Прасковья уже дремавшаго Хипу. — Ну, вались, ступай къ женѣ подъ бока, пока въ губу кольцо не продѣли... Глядишь, и не почувешь, какъ съ эдакой битвы въ тюрьму угодишь!.. Вѣдь имъ, подлецамъ, что до того, что медвѣдь съ женой спать не будетъ! Охъ ты, горе мое! говорила Прасковья съ какой-то болѣзненно-отчаянной иронїей.—Ну-ка, помогите, родные, обратилась она къ сидѣвшимъ. Молчаливый Вахромѣй всталъ и, не выпуская изъ-рта трубку, подхватилъ, не говоря ни слова Хипу подъ правое плечо, а Θεотимычъ, крехтя, схватился обѣими руками за лѣвую его руку, и Хипу благополучно сволокли за ворота.

Хипа былъ, дѣйствительно, очень похожъ на медвѣдя, у котораго раззорили зачѣмъ-то берлогу, въ которой цѣлыми столѣ-

тіями и цѣлыми поколѣніями его прапрадѣдовъ все было такъ плотно уложено, укладено и облежано, такъ мягко и тепло лежалось. И вотъ теперь, зачѣмъ-то побезпокоенный, смиренный и неповоротливый Михайлъ Иванычъ, выпуча глаза, ничего не понимая, носился по лѣсу, безъ пути ревѣлъ, безъ пути ломалъ сосны, безъ пути бросался на проходящихъ, такъ какъ всѣ ему казались виноватыми въ его непонятной и непостижимой ему невзгодѣ. И будетъ онъ носиться до тѣхъ поръ, пока вновь не попадетъ на глубокую, всю усѣянную на днѣ, какъ пухомъ, сухими листьями яму, и, свалившись въ нее, почувствуетъ, что стало опять тепло, уютно, улежно и, главное, никто опять долго его не увидитъ и не побезпокоитъ.

У воротъ избы Хицы, Ульяна Мосевна передала ребятишекъ Оеклушѣ и, не надѣясь уже получить отъ Прасковьи какія-либо болѣе точныя свѣденія объ уличной исторіи и о Петрѣ, она приостановилась, посмотрѣла вдоль улицы, по которой изъ оконъ еще мелькали огни и двигались еще чьи-то тѣни, и подумала, въ какому бы человѣку получше зайти? Кто же для нея могъ быть лучше Мина Аеоносъича? Сказавъ въ окно Вахромѣю, что она зайдетъ ненадолго къ Мину, она направилась на другой конецъ деревни.

На улицѣ уже стояла полная тишь и мракъ осенняго вечера сгущался все больше и больше, какой-то мгlistый, пронизывающій, влажный и холодный; огни въ темнотѣ горѣли ярко и падали изъ маленькихъ оконъ избъ полосами черезъ дорогу. вмѣстѣ съ влажностью подымались и плыли по улицѣ пары отъ свѣжаго навоза. То тамъ, то здѣсь со дворовъ слышались фarkanье лошадей, похрюкиванье свиней и стукъ отъ ударявшейся, въ темнотѣ дворовъ, о стѣны скотины. На улицѣ всякій звукъ слышался отчетливо, рѣзко. Слышно было, какъ въ однѣхъ избахъ, ужинавшіе хозяева говорили медленно, протяжно, прожевывая пищу. Только въ большой шести-оконной избѣ Пимоновъ, освѣщенной керосиновой, висѣвшей съ потолка лампой, отъ которой яркій колыхающійся свѣтъ широкой полосой освѣщали противоположную половину деревни, слышался громкій разговоръ Андрона и Сергѣя, перебивавшихъ другъ друга, и старосты Макридія. Хозяева и староста сидѣли за самоваромъ. Вотъ навстрѣчу Ульянѣ шелъ тихо кто-то пьяный, качаясь и едва двигая ногами, остановился, посмотрѣлъ на Ульяну и, выругавшись, прошелъ дальше. Вотъ, отъ чьихъ-то воротъ отдѣлились двѣ фигуры, вышли на середину улицы, и вдругъ въ сумерѣхъ раздались звуки гармоника. Это шелъ съ кѣмъ-то—но съ кѣмъ именно Ульяна Мосевна не разглядѣла—наскучившій фабрикой

Прошка. Онъ игралъ на гармоникѣ, пѣлъ, говорилъ и смѣялся въ одно и тоже время.

— Ахъ ты удивительная, восхитительная! Изъ кусточковъ шла, сапожки нашла, пѣлъ Прошка и затѣмъ, захохотавъ, говорилъ:—весьма хорошо вышло!... Ве-есьма даже... занятно! Ха, ха, ха!... А то заспались безъ на-асъ... Да-а!... Заспались старички безъ на-а-асъ!...

И опять выдѣлывалъ трели на гармоникѣ:

Ахъ, изъ кусточковъ шла,
Сапожки нашла,
Сафьянненькіе.

— И изъ-за чего, братецъ мой!... Предположительно, что ровно не изъ чего... Такъ, истинно позаспались всѣ... Кровь разбить!... Да вѣдь всѣ... Старухи—и тѣ... Хипа завозилса... Разозгли старичковъ!...

— Все Борисъ, сказалъ спутникъ.

— Чтò Борисъ! говорю: заспались... Полировку надо было въ кровь пустить... Конечно, тоска, скука здѣсь... Какое удовольствіе!... Это вотъ на фабрикахъ, выйдешь въ праздники, музыка, пѣсни, развлеченіе... А здѣсь...

И опять гармоника:

Ахъ, сафьянненькіе,
Чулочки нашла,
Со стрѣлочками...
Ахъ ты, удивительная,
Восхитительная.

— Все раскольникъ это... Мишка Раскольниковъ теперь разжегся на «стояннѣ» такъ, что... Мы, братъ, это очень понимаемъ, ежели въ эдакомъ часѣ тронуть!... Упаси Богъ!... Ни отецъ родной, ни мать родная — никто... Потому—кровь крови просить! На кровь просится! Ежели теперь кровь на кровь просится и ежели ей помѣху сдѣлать—въ эдакомъ разѣ она на все бросится, а свое возьметъ... Вотъ, посмотри, у него съ отцомъ даромъ это не пройдетъ... У насъ родители очинно строги были, но что касательно «стояннѣ», ежели парень съ дѣвкой «стоятъ» — никогда чтобы препятствовать... Потому, безъ помѣхи—либо сама кровь отойдетъ, либо свадьба будетъ... Ну, только, ежели помѣха...

Ахъ, чулочки нашла,
Со стрѣлочками...

— А Петька-то Ванифантьевъ, продолжалъ Прошка: — фа-арсисъ, братъ!... Надо бы его въ науку...

— Онъ далеко пойдетъ... Его не загонишь, прибавилъ спутникъ.

— А Анютѣ Пимановой за нимъ быть!... Это ужъ какъ пить

даты!... Янька пиши отпускную! Потому теперича, послѣ такого, можно сказать, происшествія, ему пропишутъ Пимоны-то...

Гдѣ-жь сапожки нашла?
Гдѣ чулочки нашла?
Я вдоль улицы шла,
Подъ кусточки зашла...

Звуки гармоник и голоса постепенно пропадали вдали. Ульяна Мосевна нарочно приостановилась и прислушалась, что говорили парни; сначала она мало поняла, но когда Прошка сказалъ, что Аняукѣ быть за Петьювой, Ульяна Мосевна невольно перекрестилась и пошла дальше. Почему она перекрестилась — радовалась-ли она этому, или же отрещивалась, какъ отъ бѣды—она и сама не знала хорошенько. Просто, въ ней связалась вдругъ старая привязанность къ племяннику, котораго растила она сиротой, какъ родная мать; и вотъ она перекрестилась теперь такъ же, какъ крестилась при каждомъ важномъ актѣ его жизни, когда онъ былъ близокъ къ ней.

Ульяна Мосевна дошла до двужильной избы Мина Аеонасыча; въ первой половинѣ, у его брата, должно быть уже всѣ спали. Огонь свѣтился только на половинѣ Мина Аеонасыча, откуда раздавался громкій, суровый голосъ его жены, очевидно, ругавшей Мина. Ульяна Мосевна невольно приостановилась, прислушалась и задумалась: идти ей или нѣтъ.

XVIII.

— Ну что, уличные скоморохи? Что? Спраздновали свадьбу на улицѣ? Вишь какое веселье было! А? У кого такія свадьбы бывають? Натко-сь вся улица пировала!.. Еще бы, нѣто другой—скоморохи уличные свадьбу играли! Чему другому и быть! говорила однообразнымъ басистымъ тономъ Федора, дудя словно майскій жукъ, попавшій въ комнату въ открытое окно.

— Ахъ вы, скоморохи! Долго ли вамъ добрыхъ-то людей смѣшнить? вдругъ подходила она къ столу, за которымъ сидѣли мужъ и сынъ, и внезапно поднимался выше тонъ, какъ тотъ же жукъ, стучавшійся то въ стѣны, то въ потолокъ: — хорошее дѣло придумали, что говорить! Пора бы за умъ хватиться... Пора бы къ хорошимъ людямъ, а не къ пьяной улицѣ поближе стать... Да вѣдь, милые мои, надоть бы прежде рыло-то суконное вымыть! Вѣдь прямо съ улицы-то, въ грязныхъ лаптяхъ, въ чистые-то хоромы не пускають... Вишь разлетѣлись!.. Вѣдь Пимоны-то,

други любезные, люди, хозяйственные крестьяне, а не уличные шатуны... Вѣдь Пимонь-то...

И вдругъ Ѳедора, не докончивъ словъ, мѣняла тонъ и жужжала уже иронической пѣвучей мухой.

— Стыдъ-то я съ вами потеряла!.. Голову свою загубила!.. Ну, какъ я теперь на улицу покажусь... Ну? Что я скажу?.. Поздравлять станутъ: «поздравляемъ — да молю, Ѳедора Васильевна, съ нарѣченнымъ»... Ну, что мнѣ говорить? Что я скажу? Ну, совѣтуйте, учите!.. Ну-у...

— У-у, оглашенные! неожиданно заканчивала она уже опять басомъ.

Но, странное дѣло, какъ ни измѣняла тонъ Ѳедора Васильевна, какія руганья ни выдѣлывала ея голосъ—она не дождалась ни обычныхъ «рацей», ни внезапныхъ взрывовъ Мина Аеоносыча, ни обычной добродушной улыбки отъ Яньки, которая неизмѣнно витала на его лицѣ во время войны между отцомъ и матерью. Это, наконецъ, она замѣтила и даже съ безпокойствомъ, не переставая жужжать, стала внимательно всматриваться въ ихъ лица.

Яня сидѣла за столомъ, надувшись, какъ большой ребенокъ, у котораго отняли куклу: ему какъ будто уже и самому стыдно, что онъ по такимъ пустякамъ капризничаетъ, хочется ему разгнать уже взрослому, и въ то же время непонятная, еще дѣтская связь съ игрушками, которыя доставляли еще вчера такъ много удовольствія, невольно заставляла ребячески дуться. Онъ сидѣлъ, опустивъ носъ, и неохотно жевалъ хлѣбъ.

Миня Аеоносычъ сидѣлъ по другую сторону стола и моргающими глазами смотрѣлъ то въ одинъ уголокъ избы, то въ другой, стараясь избѣгать взглядовъ жены. Отъ времени до времени, онъ то потиралъ кулакомъ поясницу, то всей спиной чесался о стѣну. Маленькое лицо его свѣтилось по-прежнему; по-прежнему, казалось, сияли его большіе, добрые, сѣрые глаза той вызывающей веселостію, съ которою онъ привыкъ встрѣчать обрушивавшіеся на него суровые упреки «солидныхъ людей». Тѣмъ не менѣе, однако, было замѣтно, что онъ весь какъ-то съезжился; иногда по его лицу пробѣгало выраженіе усталости и полного изнеможенія, какъ будто онъ весь нылъ подъ тяжестью какого-то невидимаго, непонятнаго угнетенія. Такъ бываетъ, когда человѣкъ давно уже привышій въ извѣстному явленію, къ которому всегда относился подозрительно — неожиданно узнаетъ, что оно имѣетъ значительно большіе размѣры, чѣмъ онъ предполагалъ. Нѣчто подобное было и съ Миномъ Аеоносычемъ. Давно, цѣлый свой вѣкъ провелъ онъ подъ непрерывнымъ угне-

тением деревенскаго «хозяйствованія», которое, съ самаго момента его рожденія, обрушилось на него всею тяжестью, всевозможными способами давало знать о себѣ, всѣми самыми ничтожными мелочами деревенскаго обихода неуклонно кричало о своей силѣ, о своемъ значеніи, грозило, за легкомысленное отношеніе къ нему, всѣми житейскими кознями, болѣзнями, униженіями, холодомъ и голодомъ, душило всякую малѣйшую попытку мятежнаго духа вырваться изъ подъ его гнета — все это зналъ Минъ Аэонасычъ, и со всѣмъ этимъ дѣтски-наивно воевалъ; но онъ не предполагалъ, чтобы разгулъ этого «хозяйствованія» оказался вдругъ такъ жестоко, такъ грубо, въ то время, когда Минъ Аэонасычъ такъ давно уже жилъ надеждой, что этой жесткости и суровости положенъ конецъ. И вотъ этотъ разгулъ хозяйствованія, неожиданно сказавшійся лишь только его потревожили, въ то время, когда онъ уже укладывался было въ мирныя и мягкія формы — этотъ-то внезапный разумъ и угнеталъ Мина Аэонасыча, какъ внезапно вдругъ пригинаятъ къ землѣ ударъ молніи въ ясный, веселый день, при свѣтломъ, чистомъ небѣ, по которому весело неслись только бѣлыя, молочныя облака. И въдѣ ни Мина, ни Яни никто не оскорбилъ, никто прямо не насмѣялся имъ въ лицо, какъ это можно предположить изъ словъ Ѳедоры Васильевны; ничего подобнаго не было. Когда Минъ Аэонасычъ, послѣ встрѣчи съ Графомъ и Петромъ на задворкахъ, услыхавъ крики Пимона, побѣжалъ опять на улицу и увидалъ безобразную драку у воротъ Пимоновой избы — онъ на первый разъ закричалъ: «батушки-свѣты!.. Да что вы отцы родные? Господи Милостивый!».. и бросился было разнимать, но когда тутъ же оттолкнутый кѣмъ-то въ грудь, всмотрѣлся въ безобразную, барахтающуюся кучу тѣлъ, когда разсмотрѣлъ остервенившіяся лица дѣтей Пимона, Андрона и Сергѣя, уже прижимавшихъ коленками грудь, плечи, руки и ноги валявшагося Бориса, злое лицо котораго смѣялось такимъ нехорошимъ смѣхомъ, когда увидалъ Пимку—внука, бросавшагося, какъ щенокъ, истерзаннаго Алешку, наконецъ, самого Пимона, дрожавшаго отъ гнѣва и старости, сердитую Катерину Петровну — онъ нагнулъ на уши шапку и пошелъ домой, не обертываясь, повторяя въ слухъ: «ну, какъ хотите!».. Богъ съ вами!.. какъ хотите!.. Не намъ ужъ, вамъ жить... Какъ хотите!» По дорогѣ онъ увидалъ Яню, который стоялъ на углу прогона, прислонившись къ чьей-то избѣ, и какъ будто забывшись, разсѣянно перебиралъ лады гармоникки, словно не замѣчая, что это было вовсе нехстати. «Пойдемъ, Янька, домой!».. зачѣмъ-то сказалъ мимоходомъ старикъ, все потряхивая головой, какъ будто въ ней

что-то стало неловко! И Янька, почему-то, то же не зная зачѣмъ, пошелъ за отцомъ нога за-ногу. Съ человѣкомъ вообще бываетъ такъ, а съ непосредственными натурами тѣмъ чаще, что иногда онъ рѣшительно не въ силахъ разобраться и понять самые бьющіе въ глаза факты и упорно лѣзетъ на рожонъ; напротивъ, другой разъ весь преисполняется таковой чуткостью, что вдругъ бессознательно проникаетъ интимную глубину самыхъ сложныхъ явленій. Онъ ничего не можетъ объяснить въ нихъ, не можетъ ясно проанализировать даже для себя эти явленія, но внутренняя чуткость говорить въ немъ сильнѣе всякихъ доводовъ разсудка.

Вотъ это-то неопредѣленное ощущеніе неполноты въ прежней цѣльности и округленности, такъ неожиданно сказавшееся въ этотъ вечеръ, и угнетало Мина Аванасьича; оно-то сразу и обезсилило его... На выкрики жены онъ не обращалъ никакого вниманія; они его только начинали раздражать, какъ раздражаетъ жужжащая подъ ухомъ муха; онъ уже начиналъ сердиться и, можетъ быть, между ними произошла бы обличная баталія съ ухватами, кочергами и прочими орудіями, всегда такъ смѣшившая Яньку, какъ въ избу вошла Ульяна Мосевна. Минъ Аванасьичъ сначала всматривался въ нее, не узнавая, пока она молилась, и вдругъ въ его глазахъ что-то блеснуло яркое, веселое, мягкое, сердечное, потомъ все это разлилось по маленькому лицу, по лучистой бородеѣ, по широкимъ губамъ, по жиденькимъ, растрепаннымъ волосамъ, изъ-подъ которыхъ свѣтилась желтоватая лысина, и онъ сказалъ:

— А, благомысленная жена!

И, сказавъ это, моргнувъ, улыбнулся и съ особеннымъ уже удовольствіемъ почесалъ кулакомъ поясницу. Сразу повернулся на мѣстѣ и Янька, какъ будто съ тряской мостовой, по которой онъ ѣхалъ, телега свернула на гладкую и ровную дорогу. Сразу измѣнила выраженіе лица и Ѳедора. Такъ всегда, въ минуты неопредѣленныхъ томленій и тяжелыхъ отношеній между близкими, бываетъ пріятно появленіе добраго гостя, съ которымъ каждый любилъ не разъ говорить по душѣ и который съ одинаковымъ вниманіемъ относился къ жалобамъ, болямъ и горю cadaго.

— Здравствуйте... Ишь я какъ поздно!.. Не взыщите, сказала Ульяна Мосевна.

— Здравствуй, Ульяна Мосевна... Чтò за взыски? Хорошему человѣку всегда рады, перемѣнила опять тонъ Ѳедора Васильевна на жалобный и плаксивый и стала вытирать рукой столъ,

зная, что Ульяна Мосевна была чистоплотная женщина и могла худо отозваться объ ея хозяйственности.

— Чтò дѣлается-то, чтò дѣлается! сказала Ульяна Мосевна, присаживаясь къ Мину Аѳанасичу на скамью и покачивая головой.

— Война, улыбнувшись ей какъ-то любовно, съ прежней вызывающей беззабѣтностью, отвѣтилъ Минъ Аѳанасичъ.—Вездѣ война... Вотъ и мы съ женой все воюемъ... Чѣмъ бы Богу молиться, а мы, дураки, воюемъ!.. Вотъ ужъ сколько лѣтъ отбиваюсь!.. Думаю, вотъ миръ, анъ...

— Да ужъ пора бы вамъ перестать... Старики ужъ, а все пустымъ дѣломъ занимаетесь, замѣтила Ульяна Мосевна, шутя.

— Да вѣдь, Мосевна, что мнѣ съ нимъ дѣлать-то! вдругъ заняла Ѳедора.—Вѣдь, голубушка, все думается, авось въ умъ придетъ...

— Ужъ гдѣ, Васильевна, на старости лѣтъ мѣняться? Трудно, мать, это... Ужъ тебѣ бы оставить надо... Изъ стараго молодого не сдѣлаешь.

— Да мнѣ-то плевать на него, одра эдакаго, да вѣдь сынъ ростеть... Надо ли ему человѣкомъ быть?.. Въ отца, что ли, ему быть? Вѣдь ему жить надо! плакалась Ѳедора.

— Богъ дастъ, и онъ человѣкъ будетъ: въ кого ему худымъ быть? прибавила больше для утѣшенія Ѳедоры Ульяна Мосевна, мало, повидимому, интересуясь ея давно знакомыми всѣмъ въ Дергачахъ жалобами, и тотчасъ же снова обратилась къ Мину Аѳанасичу.

— Ну-ка, Минъ Аѳанасичъ, ты тò скажи, чтò въ мирѣ-то дѣлается, а? Правда-то гдѣ? Правды-то вѣдь въ мирѣ не стало: оттого ли, что всѣ мы виноваты, али оттого, что ужъ и виноватыхъ нѣтъ—не знаю.

— Правота есть, проговорилъ Минъ Аѳанасичъ:—неправотой, можетъ, только сказывается, какъ-то необычно робко добавилъ онъ.

— Да какая же это правота, ты тò подумай: люди дерутся, отецъ на дѣтей, братья на братьевъ... А виноватаго нѣтъ!.. Какъ же это? Вѣдь это, по старинному говорятъ, послѣднія времена...

— Можетъ, и послѣднія... неправотѣ! сказалъ Минъ Аѳанасичъ и какъ-то конфузливо улынулся:—можетъ, ей предѣлъ пришелъ... Дальше куда пойдешь?.. Дальше нельзя. (Минъ Аѳанасичъ пріостановился).—Дальше нельзя, повторилъ онъ еще разъ.

— Ну, а это какъ же, что всѣ правы, что виноватаго никого нѣтъ? Коли правотѣ сказаться, такъ и виноватый былъ бы и правый видѣнь... А мы всѣ себя правыми почитаемъ. Это какъ

же? Вѣдь вотъ, взять хоть бы старое время: грѣха было тоже не мало... Всѣ грѣшны были... Развѣ тоже жадности, али злобы, али обмановъ, зависти, али жестокосердія не было? Все было... Да за то же всякій, по грѣхамъ своимъ, и каялся... Развѣ кто себя, въ грѣхѣ, правымъ почиталъ? Бывало, другой мужикъ жадничаетъ - жадничаетъ, безобразить - безобразить, а придетъ смертный часъ, али бы такъ — очухается вдругъ—возьметъ да все и раздастъ, что нажадничалъ, по людямъ или въ храмъ божій, Богу пойдетъ молиться... «Простите, скажетъ, православные христіане, грѣшныя великій я грѣшникъ!» А почему такъ? Значить, неправоту свою восчувствовалъ... Али вотъ тоже другой мужичокъ запынствуется, отъ хозяйства отобьется, ребятишекъ, жену бросить, гуляеть-гуляеть, а все вернется назадъ, да міру-то въ ноги, и женѣ-то, и ребятишкамъ... Опять, значить, неправоту восчувствовалъ. А нонѣ? Нутка-сь, Минь Аванасъичъ, пораздумай: кто нонѣ себя виноватымъ считаетъ? Да въ чемъ, скажетъ, я не правъ? Въ чемъ мнѣ каяться-то? Ну, точно, есть такіе жадные мужики, что вонъ въ волости жрутъ да пьютъ, да съ живого и мертваго дерутъ, ну, тѣ точно—больше отъ нахрапу такъ говорятъ... А вѣдь другого возьмешь—и точно, подумаешь: да и впрямь виновать ли онъ? Въ чемъ ему каяться-то? Посмотри кругомъ — всѣ такіе: всѣ заѣлись, задрались, и люди-то всѣ хорошіе, кажись; кабы были виноваты, покалялись бы сами, сами бы очнулись, а всѣ правы! Всѣ правы, а правды вѣтъ? Это что значить?

И Ульяна Мосевна съ искреннимъ недоумѣніемъ смотрѣла на Мина Аванасъича: видимо, все, что она говорила, было слишкомъ хорошо ей знакомо, слишкомъ тяжело лежало на сердцѣ. Но видно было также, что она пришла сегодня къ Мину Аванасъичу, если не для того, чтобы получить разрѣшеніе своихъ недоумѣній, то хотя бы душу отвести съ нимъ. Она знала, какъ умѣлъ это дѣлать Минъ Аванасъичъ съ своей обычной безавѣтностью. Бывало, сейчасъ же подхватить и заговорить, заговорить!.. И чего только онъ не наговорить, а въ концѣ выйдетъ легко на душѣ: какъ будто онъ и дѣйствительно разрѣшилъ всякія недоумѣнія. Такой ужъ отъ него всегда вѣрой отдавало. Не даромъ говорилъ про него Ермилъ изъ Груздей: «И знаешь, что не надо бы его слушать, а вѣришь, хочешь-не хочешь, а вѣришь». И вотъ сегодня Минъ Аванасъичъ молчалъ, и какъ будто чѣмъ дальше говорила Ульяна Мосевна, тѣмъ онъ больше робѣлъ, какъ будто къ тому угнетенію, которое уже лежало на немъ, Ульяна Мосевна съ каждымъ словомъ прибавляла все новья и новья гири. Это невольное, необычное молчаніе было

*

даже для него самого какъ-то не въ порядкѣ вещей, и онъ то теръ глаза, то бороду, то клалъ руки на столъ, то опять сжималъ, то потихоньку перхалъ и брягалъ, какъ овца, шевелилъ губами, постоянно думая что-нибудь сказать, и не говорилъ ничего, какъ будто всѣ слова, которыя онъ зналъ, были все неподходящія, *старья*, которыхъ не хотѣлось повторять.

— Какъ же это? повторяла Ульяна Мосевна, не дождавшись возраженія Мина Аванасъича:—что это такое, милые, подѣлалось?.. И вѣдь во всемъ, вездѣ такъ.. Вѣдь вотъ ужъ вы меня знаете: у кого я, гдѣ не перебивала... Слава Богу, вездѣ меня принимаютъ, нигдѣ передо мною дверь не закрывали... Видѣла я и прежде всякаго народу, и богатаго, и бѣднаго, и счастливаго, и несчастнаго, вдоволо наглядѣлась и теперь вижу.. И вездѣ одно теперь: ежели всѣ правы—правды нѣтъ; ежели всѣ виноваты—каяться не въ чѣмъ... Вотъ хоть бы взята мѣрское дѣло... Что это сталось, что хорошіе люди мѣрскаго дѣла бѣгутъ? Бѣгутъ и бѣгутъ... Ужъ на что пустое дѣло: въ закончики или полѣсовщики, озимъ отъ скотины беречи—нейдутъ хорошіе люди!.. «Богъ, говорятъ, съ вами, управляйтесь какъ хотите!» Всѣ въ одно слово, всѣ бѣгутъ: изъ старшинъ бѣгутъ, изъ судей, изъ старость, отовсюду бѣгутъ... Говорятъ, вишь, потому, что хорошихъ-то людей не стало. Да полноте, други!.. Да куда-жь они дѣвались? Все были-были, да вдругъ провалились... Да что же это съ ними подѣлалось? Коли такъ, такъ ужъ, значить, и раньше они не были хороши... Нѣтъ, милые, есть они, какъ ихъ не знать, да что съ ними подѣлалось, что правыхъ не видятъ и виноватыхъ не сыщутъ... Вотъ хоть бы судъ взять... Въ судѣ, говорятъ, правды мало, а все скажу: въ мѣрскомъ судѣ, по старинѣ, все старики умѣли правду найти, потому, знали праваго, знали и виноватаго... Бывало, что ни случись: у мужа ли съ женой, у отца ли съ сыномъ, у сосѣда ли съ сосѣдомъ — все разсудятъ, грѣха на совѣсть не беря, потому грѣхи-то были для всѣхъ видимые, прямые; дѣла-то были простыя. А нынче... Вотъ видѣлась я съ Иваномъ Ѳедотычемъ изъ Добраго. Ужъ то ли не благомысленный былъ старикъ, строгихъ правилъ, сколько лѣтъ въ судьяхъ ходилъ, а теперь ушелъ... «Что такъ, спрашиваю:—Иванъ Ѳедотычъ?»—«Нѣтъ, говорить, не могу».—«Отчего такъ?»—«А оттого, говорить, что по двумъ правдамъ судить нельзя...»—«Какъ же такъ по двумъ правдамъ?»—«А такъ, говорить, теперь зайди ты къ намъ въ судъ и увидишь: станутъ передъ тобой либо двѣ неправды, либо двѣ правды. Какъ ты ихъ разсудишь? Пока ты руками разводишь, а негодный человѣкъ этому и радъ. «Какая, говорить, у васъ теперь правда? *Вашей правды*

уже теперь нтъ: дѣлай, коли такъ, по закону, а не по правдѣ... Эй, писарь, какой такой есть законъ? Есть законъ, чтобы мнѣ праваго дожать? — Есть, говорить, по закону ты правъ... «Ну, такъ, говорить, съ тѣмъ вы, старички, и останьтесь...» Такъ вотъ оно какъ!.. Вотъ, говорить, хоть бы взять ваше дѣло съ Петромъ: какъ бы мы васъ судить-то стали по старой-то правдѣ, коли у васъ либо у обоихъ неправда, либо у обоихъ правда?.. Бывало, забалуешься сынъ, забунтуешься, запьянствуешь, задуди — ну, сейчасъ и видишь, въ чемъ его противъ родителей вина: разложимъ на міру и выдеремъ! Глядишь, онъ еще самъ благодарень... Такъ ты Петьку-то твоего разложишь что ли теперь? А? разложишь что ли, говорю?.. Чтò онъ: пьяница, распутникъ, объ домѣ что ли небрежетъ? Буянъ? Драчунъ? Ну, говори! кричить на меня Иванъ-то Ѳедотычъ:—какъ намъ его судить?» — «Такъ вѣдь и мы развѣ виновны? говорю:—зачѣмъ же насъ зорить-то?» — «То-то, говорю тебѣ, и есть, что разобрать мы не можемъ теперь: двѣ ли у васъ неправды, али двѣ правды—все одно, ничего не разсудишь, коли виноватаго не видать!.. Жизнь стала другая—другую и правду надо... а ее не вотъ возьмешь! Оттого-то вотъ, посмотришь-посмотришь, да отъ міра и уйдешь!»

Ульяна Мосевна остановилась и, подперевъ голову рукой, долго смотрѣла въ поле, не говоря ни слова, какъ будто забыла, что она въ гостяхъ: дома, въ послѣднее время, послѣ своихъ обычныхъ поѣздокъ по больнымъ и знакомымъ изъ сосѣднихъ деревень, она часто сидѣла такъ на лавкѣ, по нѣскольку разъ перебирая въ головѣ все, что ей пришлось увидеть и услышать. Такъ сидѣла она и теперь, пока не закашлялъ Минъ Аванасычъ, у котораго въ головѣ такъ все и кружилось, и суетилось въ какой-то непонятной сутоловѣ и который все боролся съ тщетнымъ желаніемъ что-нибудь сказать.

— Чтò-жь это, скажи, Минъ Аванасычъ, у насъ нонѣ на улицѣ подѣлалось? Не доберусь я хорошенько-то, спросила Ульяна Мосевна.

— У насъ-то? вдругъ оживился Минъ Аванасычъ, какъ будто обрадовавшись, что, наконецъ, явилась ему возможность говорить.—У насъ-то?.. А вотъ все это и объявилось, чтò ты говорила... Какъ есть все это!

— Да съ чего же это, сразу-то?

— А такъ, загорѣлось... Деревня, конечно!.. Народъ, что съ норовомъ конь: все ходитъ, все ходитъ — бьешь ли ты его, ласкаешь ли... возить себѣ да возить... А тутъ попалъ на такое мѣсто, можетъ камешекъ не тѣмъ бокомъ подъ колесо попалъ—

и пошелъ, и пошелъ! Ты его ласкать, а онъ конькомъ въ зубы, ты его бить, а онъ закусилъ удила и...

— Да съ чего же загорѣлось-то?

— А Богъ е знаетъ!.. Можетъ и я тому причиной: я вотъ у Пимона со старовѣромъ Юной поспорилъ... Ну, онъ огорчился... А можетъ Петрушка твой, что не въ часъ приѣхалъ... А можетъ... Кто е знаетъ отъ чего? Другой разъ то ли еще дѣлается, да ничего... Другой разъ хоть всю деревню коломъ избей—хоть бы тебѣ голосъ подали, а въ иное время спичку подставь—глянь, все и вспыхнуло!.. Миръ не одинъ человѣкъ... Гуляемъ мы, значить, пѣсни поемъ, въ полномъ довольствѣ всѣ, стѣной по улицѣ ходимъ. Идемъ это мимо избы Губина, старовѣра, а онъ и крикни, ровно собака, на Мишку, слынишку своего, чтобы домой шелъ. А тотъ съ Митревой Олѣнкой «стоялъ», женихался съ ней... Мишка что-то ему отвѣтъ... А тотъ вышелъ съ подогомъ, взялъ Мишку за воротъ, да подогомъ и давай домой гнать... Вѣдь онъ дуракомъ, чортъ! Вѣдь онъ на крещеный-то миръ, что на собаку смотреть... «Я-де одинъ святой, а вы-де давно всѣ бѣсу запроданы!» Глядимъ, на Мишкѣ лица нѣтъ... Наши-то парни, съ Борисомъ, въ хохоть, кричатъ: «Вотъ такъ-то нашихъ-то молодцовъ, вали по загровку!.. Дуй его и въ усь, и въ рыло!.. Мы вѣдь не Петюшки Ванифантьевы!.. Валяй его!.. Чего намъ въ зубы-то смотрѣть!» А Иона весь поблѣднѣлъ, зарычалъ: «Головорѣзы! кричить, пропойцы! Воры, говорить, вы. Изъ-подъ машины мошенники!.. Трактирные пьяницы!.. Голытѣба фабричнаа!» Ну, а фабричные, ты знаешь, ругаться-то не уступятъ Юнѣ: сдѣлался съ нимъ Прошка, да еще трое. А Борисъ хохочетъ да травить... Ты знаешь, какой онъ, Борисъ-то!.. У него сердце-то, что кипятокъ. Глядь, за фабричныхъ жены да матери встали, кричатъ на Юну, а за Юну ужъ Макары да Наумы старовѣрскіе изъ воротъ повылѣзли... Наши-то кричатъ: «Ахъ, говорятъ, безстыжіе ваши глаза. Вотъ святые выбрались! Да какъ у васъ языкъ поворотился нашихъ дѣтей срамить!.. Да вѣдь кабы не вы, жадные, развѣ бы мы на фабрики-то въ омутъ головой бросились!.. Да кабы они по фабрикамъ-то не жили, вѣдь вы бы всѣ съ голоду подохла!.. Вѣдь вы только тѣмъ и живы, что наши земли похватали... Еще вы намъ землю-то подайте!.. Еще мы подумаемъ пускать ихъ опять на фабрики-то!» Господи Боже мой! Отъ малой искры и пошло, и пошло!.. За старовѣрскую вить встали Коты, а противъ нихъ Строгіе да Поперешные, а ужъ коли Поперешные развозились, тутъ ужъ всякіе резоны оставь!.. Я было и тѣмъ, и семъ: «братцы, говорю, да изъ чего! Господи! Да развѣ мы виноваты, что земли нѣтъ?»

Куда тебѣ, огонь такъ и рветъ, такъ и разносить... Махнулъ я рукой, да и ушелъ на задворки... Гляжу, анъ твой Петрушка съ Графомъ задами уѣзжаютъ!.. Испужались! Признаться, посмѣялся я надъ ними вслѣдъ...

И Минъ Аванасъичъ, щуря глаза, долго смѣялся тихимъ смѣхомъ.

— Ну, милая моя, продолжалъ онъ: — думаю, вотъ теперь утихнетъ... Перегоритъ и утихнетъ. Вернулся, а тамъ ужъ всѣхъ обняло: какъ старики-то изъ Строгихъ за старовѣровъ встали, за отцовъ, тѣ съ своими молодыми перессорились. Гляжу, и вашъ медвѣдь-то, Хипа, пьяный развозился, все къ Пимону въ избу рвется, къ Петюшкѣ... А Пимонъ у воротъ стоитъ, не пускаетъ... Смотрю, а тутъ и Алешка ихній шумитъ, что вѣникъ... Борисъ, вишь, напоилъ его, а самъ кохочетъ, да надъ стариками издѣвается... А Алешка за нимъ того пуще: «Брюхѣ растутъ захотѣли! Въ богатѣи лѣзете! На дуракахъ хотите выѣхать! Не бойсь, у кого мошна толста, тѣхъ въ передній уголъ... А вамъ, молъ, дуракамъ, и сухой каши будетъ! Подай, говорить, мою одежду, свое беру!.. Будетъ вамъ!..» Лѣзетъ сдуру-то въ клѣть, мѣшки тащить... А Борисъ то ли пару поддаетъ, ровно лѣшій, разливается... Вишь Пимонъ-то не вытерпѣлъ, да ему въ грудь вцѣпился, а тотъ его толкнулъ да объ ворота... Выбѣжали Андронъ съ Сергѣемъ... Накинулись на Алешку, да на Бориса... Господи!.. Чѣмъ бы стихать, а пожаръ такъ и забираетъ!.. Шуму-то, шуму-то...

И вздрогъ, увлекшійся рассказомъ объ уличной дракѣ, Минъ Аванасъичъ какъ-то внезапно смолкъ, словно сконфузился, словно припомнилъ что-то и уже тихо прибавилъ:

— Строгоньки они, Пимоны-то, строгоньки!..

— Хорошіе люди, трезвые, работащіе, а строги, сказала и Ульяна Мосевна:—вотъ недавно у Клопа чуть лошадь не убили, что на атаву къ нимъ зашла... Андронъ съ Сергѣемъ ровно съ ума сошли; кричатъ: «Голодомъ поморимъ!.. Васъ, говорятъ, учить надо, голяковъ, потому вы знать не хотите, чего чужой трудъ да забота стоятъ!.. Привыкли, говорятъ, спуская рукава на свѣтъ жить...» Насилу ужъ уняли мы молодыхъ-то съ Катериной! Да вотъ и Алеша... Парень хорошій, взяли къ себѣ во дворъ, а будто дурачкомъ считаютъ... Ну, ужъ ему и въ обиду, какъ будто чести не даютъ...

— Строгоньки они, строгъ сталъ народъ! повторилъ опять Минъ Аванасъичъ:—вотъ я было то же, заговорилъ онъ, желая рассказать что-то, но опять остановился и замолчалъ. Ульяна

Мосевна тоже ничего не сказала. Наступило минутное молчаніе, какъ вдругъ Ѳедору что-то словно сорвало съ лавки.

— Такъ дураковъ-то и учатъ умные люди! выкрикнула она съ какимъ-то даже визгомъ, сразу разсердившись на всѣхъ и на мужа, и на сына, и даже на Ульяну Мосевну. Метнувъ на нихъ сердитымъ взглядомъ, она быстро вышла, хлопнувъ за собой дверью.

И Ульяна Мосевна, и Минъ Аѳанасьичъ, и Янька не сказали ни слова и продолжали молчать. А тамъ на дворѣ слышно было, какъ Ѳедора стучала дверями, засовомъ, скрипѣла по мосту.

— Какъ же это жить-то будетъ, Минъ Аѳанасьичъ, а? Жить-то какъ же будетъ? тихо спросила Ульяна Мосевна:—неужто такъ никто объ этомъ въ мірѣ и не думаетъ?

И вдругъ при этихъ словахъ Мина Аѳанасьича словно что-то осябло. По лицу его скользнула привычная добродушно-лукавая и вызывающая улыбка. Онъ заморгалъ и, когда вошла опять Ѳедора, прибавилъ весело:

— Хочу вотъ Богу сходить помолиться!

— Что же, дѣло доброе, замѣтила Ульяна Мосевна, поднимаясь.—Простите, Бога для, что засидѣлась.

Ѳедора стояла въ дверяхъ и сердито смотрѣла на мужа.

— Богъ-то на насъ, кажись, не взыскалъ бы, проворчала она.

— Али и то правда? подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ.— До Бога ли? спросилъ онъ и засмѣялся какимъ-то дребезжащимъ смѣхомъ, въ которомъ сказалось все—и обманутыя надежды, и иронія, и вѣра, опять вѣра, потому что звучала въ немъ мягкая, сердечная веселость.

Когда возвращалась Ульяна Мосевна домой, для нея уже не было сомнѣнія, что Минъ Аѳанасьичъ уйдетъ изъ Дергачей, исчезнетъ внезапно... уйдетъ такъ же, какъ онъ нѣкогда уходилъ не одинъ разъ и раньше.

И Ульянѣ Мосевнѣ почему-то вдругъ стало легче, веселѣе... Она истово перекрестилась три раза.

Н. Златовратскій.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ ¹.

XII.

На окраинахъ Петербурга, въ Нарвской и Каретной частяхъ и теперь встрѣчаются небольшіе каменные дома-особнячки, возбуждающіе въ проѣзжемъ людѣ зависть своею уютностью и хозяйственнымъ характеромъ обстановки. Обыкновенно, дома эти снабжены по улицѣ небольшими палисадниками, обсаженными липами и акаціями, а внутри — просторными дворами, гдѣ, помимо конюшенъ, амбаровъ и погребовъ, не въ рѣдкость найти и небольшое огороженное пространство, въ которомъ насажено нѣсколько кустовъ сирени и гдѣ-нибудь въ углу ютится плетеная бесѣда, увитая бобовникомъ, осыпаннымъ краснымъ цвѣтомъ. Видъ этихъ жилищъ напоминаетъ провинцію, а въ особенности Замоскворѣчье, откуда, въ большинствѣ случаевъ, и появились первоначальные заселители этихъ мѣстъ. Проѣзжему человѣку сдается, что тутъ пожирается несмѣтное количество пироговъ съ начинкой и другого серьезнаго харча, что въ хлѣвахъ отпаиваются бѣлоснѣжные поросята и откармливаются къ рѣзговинамъ неподвижныя отъ жира свиньи, что на дворѣ гуляютъ стада куръ, а гдѣ-нибудь, въ наполненной водой

¹ Первые главы были помѣщены въ «Отеч. Зап.» 1879 и 1880 гг. Мнѣ во второй разъ приходится извиняться передъ читателями въ перерывѣ, допущенномъ въ изложеніи предлагаемой исторіи. Считаю нелишнимъ, въ короткихъ словахъ, напомнить, въ чемъ дѣло. Герои разсказа (самъ разсказчикъ и другъ его, Глузовъ) — люди умѣренно-либеральнаго направленія, о которыхъ, тѣмъ не менѣе, идетъ слухъ, будто они, сидя въ квартирахъ, «распускаютъ революціи». Зная, съ какою легкостью такого рода слухи находятъ доступъ къ сердцамъ, герои наши предпринимаютъ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя, по мнѣнію ихъ (весьма, впрочемъ, ошибочному) должны доставить имъ репутацію несомнѣнной благонамѣренности. Прекращаютъ разсужденіе, предаются исключительно питанію и тѣлеснымъ упражненіямъ, входятъ въ дружескія сношенія

ямъ, полощутся утки. Все въ этихъ значныхъ мѣстахъ поперекъ себя толще, и люди, и животныя. Хозяева—съ трудомъ могутъ дышать скопившіеся внутри храпы; кучерь—отъ сытости не отличаетъ правую руку отъ лѣвой; дворникъ—стоитъ съ метлой у воротъ и брюхо объ косякъ чешетъ, кухарка—то и дѣло робятъ родить, а лошади, раскормленныя словно доменные печи, какъ угорѣлая выскакиваютъ изъ каретнаго сарая съ полной готовностью вонзить дышло въ любую крѣпостную стѣну.

Именно въ одномъ изъ такихъ особнячковъ обитала Фаинушка, «штучка» купца Парамонова. Солидно и приземисто выглядывала ея домъ своими двумя этажами изъ-за ряда подстриженныхъ липъ и акацій, словно приглашая прохожаго наѣсть и выспаться, но въ тоже время угрожая ему завистливымъ лаемъ двухъ псовъ, злобно скакавшихъ на цѣпяхъ по обѣимъ сторонамъ каменныхъ службъ. Верхній этажъ, о семи окнахъ на улицу, занимала сама хозяйка, въ нижнемъ помѣщался странствующій полководецъ, Полканъ Самсонычъ Редедя, года полтора тому назадъ возвратившійся изъ земли зулусовъ, гдѣ онъ командовалъ войсками короля Сетивайо противъ англичанъ, а теперь, въ свободное отъ междоусобій время, служившій по найму метрдотелемъ у Фаинушки, которая съ великими усилиями переманила его отъ купца Полякова.

Фаинушка происходила отъ благочестиваго корня. Отецъ ея былъ церковнымъ сторожемъ въ селѣ Зяблицынѣ Моршанскаго

съ сычikomъ и черезъ него получаютъ доступъ въ кварталъ. Въ кварталѣ они до такой степени пѣвнютъ всѣхъ своею скромною разсудительностью, что начальникъ квартала предлагаетъ одному изъ нихъ жениться на «штучкѣ» купца Онуфрія Парамонова, занимающагося бакирскимъ дѣломъ въ мѣняльномъ ряду. Къ счастью, является на выручку адвокатъ Балалайкинь, который соглашается, за умѣренное вознагражденіе, вступить съ «штучкой» въ фиктивный бракъ. Оказывается, однако, что Балалайкинь уже женатъ, но это нисколько не останавливаетъ героевъ разсказа, которые (конечно, ошибочно) полагаютъ, что и устройство двоеженства можетъ входить въ программу благонамѣренности. Поэтому, они не только не отступаютъ отъ своего плана, но предполагаютъ совершить и еще два подвига: окрестить жида и принять участие въ поддѣлкѣ векселей. Во всемъ этомъ имъ оказываютъ содѣйствіе: во-первыхъ, бывшій тапѣръ въ пансіонѣ (безъ древнихъ языковъ) Кубарихи, Иванъ Ивановичъ Очищенный, нынѣ женатый на содержательницѣ гласной кассы ссудъ и сверхъ того состоящій вольнонаемнымъ редакторомъ газеты «Краса Демидрова», во-вторыхъ, письмоводитель квартала Прудентовъ и, въ-третьихъ, брантмейстеръ Молодкинь. Купно съ этими послѣдними, герои прозектируютъ «Уставъ о благопристойномъ поведеніи», въ которомъ, по обстоятельствамъ, съ каждымъ днемъ ощущается все болѣе и болѣе настоятельная надобность. Разсказъ прерывается на томъ мѣстѣ, когда начальникъ квартала, Иванъ Тимоѣевичъ, передаетъ дѣйствующимъ лицамъ приглашеніе на обѣдъ къ «штучкѣ» купца Парамонова. На этомъ обѣдѣ Балалайкинь долженъ быть представленъ не-мѣстѣ, а потомъ и обвинчанъ.

Авт

уѣзда, мать—пекла просвиры. Но зяблицкая церковь посѣщалась прихожанами не усердно. Самые сильные и зажиточные изъ прихожанъ открыто принадлежали къ мѣняльной сектѣ, а оставшаяся вѣрною мелюзга была настолько забита и угнетена бѣдностью, что даже въ своихъ естественныхъ передъ мѣнялами преимущества находила мало утѣшенія. Парамоновъ тоже былъ уроженцемъ этого села, и хотя давно перенесъ свою торговую дѣятельность въ Петербургъ, но отъ времени до времени посѣщалъ родное мѣсто, и числился главнымъ ревнителемъ тамошняго «корабля». Благодаря связямъ, заведеннымъ въ Петербургѣ, а также преступному попустительству мѣстныхъ полицейскихъ властей, мѣняльная пропаганда высоко держала свое знамя въ Зяблицкѣ, такъ что была минута, когда главный ересіархъ, Гузновъ, не безъ нахальства утверждалъ, что скоро совсѣмъ прекращеніе роду человѣческому будетъ, за исключеніемъ лицъ, на заставахъ команду имѣющихъ, которымъ онъ, страха ради іудейска, предоставлялъ плодиться и множиться на законномъ основаніи. Приѣзды Онуфрія Парамонова въ Зяблицко имѣли совершенный видъ торжествъ. Онъ разсыпался надъ селомъ золотымъ дождемъ; въ честь его назначались особенныя радѣнія, на которыхъ Гузновъ гремѣлъ и прорицалъ, а «голуби» кружились и скакали, выкрикивая: «накатилъ, сударь, накатилъ!» Жертвы мѣняльнаго фанатизма вербовались десятками, а становой приставъ, получивъ мзду, ходилъ по улицѣ, и дѣлалъ видъ, что все обстоитъ благополучно.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, Онуфрій Петровичъ доглядѣлъ Фаннушку. Дѣвушка она была шустрая и, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, представляла такіе задатки въ будущемъ, что старый голубъ даже языкомъ защекалъ, когда хорошенько взглянулъ въ нее. И вотъ, когда старому сторожу и просвири сдѣланы были, по ея поводу, предложенія, они не устояли. Сразу же приняли большую печать и затѣмъ объявили третью гильдію по городу Моршанску, гдѣ и поселились въ купленномъ для нихъ Парамоновымъ домѣ. А Фаннушку увезъ Парамоновъ въ Петербургъ, обѣщавъ родителямъ научить ее по-французскому и потомъ выдать замужъ за офицера корпуса путей сообщенія, нынѣ, впрочемъ, не существующаго.

Повидимому, первоначальное намѣреніе Онуфрія Петровича заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Фаннушки мѣняльную богиню, которая предсѣдательствовала бы на радѣніяхъ, а самому назваться ея сыномъ¹, но когда онъ разсмотрѣлъ дѣвочку

¹ Считаю нелишнимъ оговориться: я недостаточно знакомъ съ обрядами и догматами мѣняльной секты и потому могу впасть въ ошибку. *Лет.*

ближе, то имъ овладѣлъ духъ лакомства, и онъ рѣшилъ поступить съ нею иначе. Отдалъ въ обученіе къ мадамъ, содержавшей на Забалканскомъ проспектѣ пансіонъ для дѣвицъ, и когда Фаинушка выучилась говорить бонжуръ и танцовать па-де-шаль, купилъ на ея имя описанный выше домъ и устроилъ ее въ качествѣ «штучки».

Фаинушка была умна, и потому взглянула на свое положеніе серьёзно. Разцвѣтши полнымъ цвѣтомъ, она не увлеклась ни офицерами, ни чиновниками, ни молодыми апраксинцами, стадами сновавшими мимо ея оконъ, а пользовалась своею молодостью степенно и безъ оказательствъ. Не пренебрегая радостями любви, она удостоивала довѣріемъ не перваго встрѣчнаго вертопраха, но лишь такого мужчину, который основательностью сужденій и добрымъ поведеніемъ вполне того заслуживалъ, хотя бы былъ и не первой молодости. И затѣмъ, съ согласія Парамонова, помѣнала избраннаго въ нижній этажъ, въ качествѣ метродотеля, и всѣмъ служащимъ въ дожѣ выдавала въ этотъ день по чарѣ водки. Стараго «голубя» она не называла ни пакостникомъ, ни мѣнялой, а напротивъ снисходила къ его калѣчеству, кормила лакомными блюдами и всегда собственноручно подвязывала ему подъ голый подбородокъ салфетку, такъ какъ старіеъ ѣлъ неопратно, и могъ замарать свое полупшелковое полукафтанье. Съ своей стороны, и Парамоновъ снисходилъ къ ея женской слабости и не заявилъ ни малѣйшей претензіи, когда она въ первый разъ завела себѣ метродотеля. Сначала, Онуфрій Петровичъ не рѣшался давать ей по многу денегъ, опасаясь, что она дастъ стрелка, но, мало-по-малу, убѣдился въ ея благонадежности, и пролилъ на нее такія щедроты, что въ настоящее время она уже самостоятельно объявляла первую гильдію. Впрочемъ, лично она торговли не производила, а имѣла на всякій случай на Калашниковской пристани кладовую, на которой красовалась вывѣска съ надписью: «Оптовая торговля первой гильдіи купчихи Фаины Егоровой Стѣгнушеиной». По временамъ, Парамоновъ отъ имени ея производилъ болѣе или менѣе значительную операцію, и, разумѣется, подносилъ ей хорошіи кушъ.

Поведеніе столь основательное несомнѣнно заслуживало достойнаго увѣнчанія. Достигнувъ двадцати пяти-лѣтняго возраста, Фаинушка пожелала прикрыться, и начала мечтать о законномъ бракѣ. Но и тутъ, какъ дѣвица умная, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобъ предполагаемый союзъ ни въ какомъ случаѣ не стѣснилъ ни ее, ни стараго голубя. Претендентовъ явилось множество, и съ оружіемъ, и безъ онаго, но покамѣстъ она еще ни на комъ окончательно не остановила своего вниманія. Од-

нажды, правда, она чуть-было не увлеклась, и именно когда къ ней привели на показъ графа Ломпопò, который отрекомендовалъ себя камергеромъ Донъ-Карлоса, состоящимъ, въ ожиданіи торжества своего повелителя, на службѣ распорядителемъ танцевъ въ Палè-де-Кристалъ (рюмка водки 5 к., бутылка пива 8 к.); но Ломпопò съ перваго же раза выказалъ алчность, попросивъ заплатить за него извощику, такъ что Фаинушка заплатитъ заплатила, но отъ дальнѣйшихъ переговоровъ отказалась. Въ сей крайности, за устройство брака взялся Иванъ Тимоеичъ, и, какъ мы вилѣли, сыскалъ адвоката Балалайкина, который, хотя и не вполне подходилъ къ этой цѣли, но за то у него въ гербѣ былъ изображенъ римскій огурецъ, обвитый лентой, на которой читался девизъ рода Балалайкиныхъ: *Прасковья мнѣ тётка, а правда мнѣ мать.*

Мы пріѣхали съ Глузовымъ какъ разъ въ четыре часа, хотя у подъѣзда уже стояла двухъствная извощичья карета, въ которой, какъ объяснилъ намъ извощикъ, пріѣхали посажные отцы. Внутреннее расположеніе дома Фаинушки тоже напоминало Замокворѣчье и провинцію. Деревянная, выкрашенная желтой краской лѣстница съ деревянными же перилами и съ узенькимъ ковриккомъ по срединѣ, вела во второй этажъ и заканчивалась небольшою площадкой, въ глубинѣ которой былъ устроенъ чуланъ, отдававшій запахомъ вчерашняго съѣстного, а съ боку виднѣлась дверь въ прихожую. И дверь была старинная, замоскворѣцкая: одностворчатая, массивная, обитая дешевой клеенкой и запиравшаяся стариннымъ замкомъ съ подвижною ручкой. Въ прихожей пахло отчасти ягодами, которыя здѣсь, повидимому, недавно чистили для варенья, отчасти сапожнымъ товаромъ, потому что обыкновенно тутъ пребывалъ старый Родивоничъ, исправлявшій должность комнатнаго лакея, и въ свободное время занимавшійся сапожнымъ мастерствомъ, о чемъ и свидѣтельствовала забытая на огнѣ сапожная колодка. Встрѣтилъ насъ именно этотъ самый Родивоничъ, сѣдой, но еще бравый старикъ, въ синемъ суконномъ скруткѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ очками, въ мѣдной оправѣ, на носу.

— Невѣсту проивать пріѣхали? весело спросилъ онъ насъ:— а у насъ тутъ замѣночка вышла: молодець-то нашъ заартачился.

— Какъ заартачился?

— Обнаковенно какъ женихи артачатся. Выложи, говоритъ, сначала деньги на столъ, а потомъ и веди хоть въ трюсподню.

— Однако, какъ это непріятно!

— Ничего, обойдется! Молодкинъ ужъ поѣхалъ... Деньгами

двѣсти рублей повезъ, да платомъ шелковый на шею. Это ужь сверховъ, значить. Приѣдетъ! только вотъ развѣ, что аблакагы они, такъ званіемъ своимъ подорожитья захотятъ, еще рубликовъ сто запросятъ. А мы ужь и посажныхъ отцовъ припасли. Пообѣдаемъ, а потомъ и окрутимъ...

Мы вошли въ залу. Это была длинная и узкая комната, три окна которой выходили на улицу, а два—въ сѣни на лѣстницу, по которой мы только что вошли. Посрединѣ залы былъ накрытъ старинный раздвижной столъ съ множествомъ колеблющихся ножекъ. Около стола, молча и безшумно ступая ногами, хлопотали двое молодыхъ мѣняль, очевидно, прихваченныхъ изъ лавки, съ испитыми, блѣдными и безбородыми лицами. Въ сторонѣ, у стола, обремененнаго всевозможными закусками, суетился мужчина въ бѣломъ пикейномъ скюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами. Это то именно и былъ странствующій полководецъ. При нашемъ появленіи, онъ, проворно переваливаясь и ловко вилля круглымъ брюшкомъ, направился къ намъ навстрѣчу.

Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, чрезвычайно подвижной и совершенно овальный. Точно весь онъ былъ составленъ изъ разныхъ оваловъ, связанныхъ между собой ниткой, приводимой въ движеніе скрытымъ механизмомъ. Въ срединѣ находился основнѣй овалъ—животъ, и когда онъ начиналъ колыхаться, то и всѣ прочіе овалы и овалики приходили въ движеніе. Выраженіе его лица было любезное и добродушное, такъ что съ перваго взгляда казалось, что на васъ смотритъ сычугъ изъ колбасной Шписа, получившій способность улыбаться. Хотя же и ходили слухи, будто на полѣ брани онъ умѣлъ сообщать этому сычугу суровые и даже кровожадные тоны, но въ настоящее время, благодаря двухлѣтнему глубокому миру, едва ли онъ не утратилъ эту способность навсегда. Губы его прищухли и покрылись масломъ, вслѣдствіе безпрерывнаго закусыванья, которое, впрочемъ, не только не умаляло его аппетита, а напротивъ, какъ бы ожесточало. Глаза были небольшіе, слегка подернутые влагой, чтò придавало имъ грустно-сентиментальный характеръ. Носъ—мягкій, которому можно было двумя пальцами сообщить какую угодно форму; голосъ—звонкій, чрезвычайно удобный для произнесенія сквернословій, необходимыхъ для побужденія ямщиковъ при передвиженіяхъ къ полямъ брани. Скюртучекъ на немъ былъ сѣрной бѣлизны, а на свѣтло вычищенныхъ пуговицахъ красовался геральдическій знакъ страны Зулусовъ: на золотомъ полѣ взвившійся на дыбы змѣй-боа, и по бокамъ его: скорпионъ и тарантулъ. По толкованію Редеди, аллегорія эта означала самого владыку зулусовъ (змѣй) и двухъ его главныхъ

министровъ: министра оздоровленія корней (сборпюнь) и министра умиротвореній посредствомъ въ отдаленныя мѣста водвореній (тарантуль).

— Рекомендуюсь! привѣтствовалъ онъ насъ:— Полканъ Самсоновъ Редедя. Былъ нѣкогда печенѣгъ, а нынѣ всѣ подѣ одной державой благоденствуемъ!

Это было высказано съ такою неподдѣльной покорностью передъ совершившимся фактомъ, что когда Глумовъ высказалъ догадку, что, кажется, древніе печенѣги обитали на низовьяхъ Днѣпра и Дона, то Редедя только рукой махнулъ, какъ бы говоря: обитали!! мало ли кто гдѣ обиталъ! вотъ и ты сегодня здѣсь обитаешь, а завтра—гдѣ ты, человекъ!

— Вотъ и балыгъ, сказалъ онъ вслухъ:— въ первоначальномъ видѣ въ низовьяхъ Дона плавалъ, тоже, чай, думалъ: я-ста, да мы-ста! а теперь онъ у насъ на столѣ-сь, и мы имъ закусывать будемъ. Янтарь-сь. Только у мѣнялъ и можно встрѣтиться съ подобнымъ сюжетомъ!

Въ гостинной, между тѣмъ, гости были ужъ въ сборѣ, но отсутствіе жениха, видимо, на всѣхъ производило тяжелое впечатлѣніе. На диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣла сама Фаинушка, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, въ брилліантахъ и съ флёръ-доранжемъ въ великолѣпныхъ черныхъ волосахъ. Это была замѣчательно красивая женщина, прозрачно-смуглая (такъ что бѣлое платье, въ сущности, не шло къ ней), высокая, съ большими темными глазами, опущенными густыми и длинными рѣсницами, съ алымъ румянцемъ на щекахъ и съ алыми же и сочными губами, надъ которыми трепеталъ темноватый пушокъ. Сложена она была какъ богиня; не было ни безъ толку наваленныхъ грудъ, ни той удручающей скатертью дороги, которая благоприятна только для скорой ѣзды на почтовыхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, въ пропорцію и настолько пріятно для глазъ, что когда я мелькомъ взглянулъ на себя въ зеркало, то увидѣлъ, что губы мои сами собой сложились сердечкомъ. Повидимому, она тоже замѣтила это «сердечко», и оно было ей не непріятно.

Возлѣ нея, на томъ же диванѣ, сидѣлъ бесполезный мѣняло, въ длинномъ черномъ полшелковомъ сюртукѣ, отливавшемъ глянецомъ при всякомъ его движеніи, и не отрывая, по-собачьи, глазъ отъ собесѣдниковъ, тоненькимъ голосомъ вель пустопорожнюю бесѣду. Лицо у него было отекшее, точно у младенца, страдающаго водянкой въ головѣ; глаза мутные, слезящіеся; на бордѣ, въ видѣ запятыхъ, торчали четыре бѣлыхъ волоска, по два съ каждой стороны; надъ верхнею губой висѣлъ рыжева-

тый пухъ. Въ довершеніе всего, волосы на головѣ, желто саврасаго цвѣта, были заботливою рукой Фаинушки напомажены и зачесаны, черезъ весь обнаженный черепъ, съ уха на ухо.

По обѣимъ сторонамъ стола, на креслахъ, сидѣли посаженные отцы, тайные совѣтники Перекусихинъ 1-й и Перекусихинъ 2-й, уволенные отъ службы въ воздаяніе отличныхъ заслугъ. Оба были грустны. Одинъ потому, что получили уфимскую землю и потомъ ее возвратилъ, другой—потому, что не получили уфимской земли и потому ничего не могъ возвратить. Сверхъ того, оба съ утра ничего не ѣли, въ ожиданіи мѣняльной кулебяки, и вслѣдствіе этого, когда разговоръ на минуту пережегся, изъ животовъ ихъ слышалось тихое урчаніе. Вообще, это были люди очень несчастные, потому что газеты каждодневно называли ихъ «хищниками», несмотря на то, что Перекусихинъ 1-й полностью возвратилъ похищенное, а Перекусихинъ 2-й даже совершенно ничего не получилъ. Такъ что и несомнѣнная невинность Перекусихина 2-го не принималась во вниманіе, потому что всякій говорилъ: а кто ихъ, Перекусихиныхъ, разберетъ!

У нихъ у однихъ Фаинушкины красы не заставляли складываться губы сердечкомъ, такъ что, въ этомъ смыслѣ, они казались даже гораздо мѣняльнѣе самого Парамонова.

У стѣны, по обѣ стороны ломбернаго стола, сидѣли Иванъ Тимоеичъ и Прудентовъ, а у окна—Очищенный, приведшій съ собой изъ редакціи «Краса Демидрона» *нашего собственнаго корреспондента*, совсѣмъ безумнаго малаго, который сидѣлъ вытараща глаза и жевалъ фіалковый корень.

Отрекомендовалъ насъ Иванъ Тимоеичъ.

— Сотрудники наши! сказалъ онъ кратко:—были заблудшіе, а теперь полезными гражданами сдѣлались...

— Вотъ какъ! пріятно изумился Перекусихинъ 1-й.

— Ахъ, голуби, голуби! вздохнулъ Парамоновъ.

— Гдѣ-жь это вы заблудились? любезно спросила Фаинушка и такъ пріятно при этомъ улыбнулась, что Глумовъ стиснулъ зубы и всѣмъ существомъ (очень, впрочемъ, прилично) устремился впередъ.

— Нельзя сказать, чтобъ въ хорошемъ мѣстѣ, объяснилъ Иванъ Тимоеичъ:—такую чепуху городили, что вспомнить совѣстно. А теперь—такъ поправились, какъ дай Богъ всякому!

Мы были еще въ нерѣшимости, какія выразить чувства по поводу этой аттестаціи, какъ у воротъ раздался стукъ экипажа и черезъ минуту въ дверяхъ показался Редедя и поманилъ пальцемъ Ивана Тимоеича.

Всѣ смодели, такъ что изъ зала явственно доносился до насъ.

шопотъ. Еще минута, и Иванъ Тимоѳеичъ, въ свою очередь, поманилъ меня и Глумова.

— Мерзавецъ-то! не ѣдетъ! сообщилъ онъ намъ вполголоса.

— Чтò же случилось?

— Да такъ вотъ, объяснилъ Молодкинъ:—пріѣхалъ я, а онъ сидитъ во фракѣ, въ перчаткахъ и въ бѣломъ галстухѣ—хоть сейчасъ подъ вѣнецъ! «Деньги»! Отдалъ я ему двѣсти рублей, онъ пересчиталъ, положилъ въ ящикъ, щелкнулъ замкомъ: «остальные восемьсотъ!» Я туда-сюда—слышать не хочетъ! И галстухъ снялъ, а ежели, говорить, черезъ полчаса остальные деньги не будутъ на столѣ, такъ и совсѣмъ раздѣнусь, въ баню уѣду.

— Да ты бы, голубчикъ, ему пригрозилъ: по данной, м олѣ, власти—въ мѣста не столь отдаленныя! предложилъ Глумовъ.

— Говорилъ-съ. Не дѣйствуетъ.

— Вотъ вѣдь сквернавецъ какой! негодовалъ Иванъ Тимоѳеичъ.—А здѣсь, между тѣмъ, расходъ. Кушанья сколько наготовили, посаженнымъ отцамъ по четвертной заплатили, за прокатъ платья для Очищеннаго отдали, отмѣтчика изъ газеты подрядили, ему самому, невѣжѣ, карету на невѣстинъ счетъ наняли—и по сейчасъ тамъ у крыльца стоитъ...

И вдругъ свѣтлая мысль осѣнила его голову.

— Друзья, да чтò-жъ мы! воскликнулъ онъ, простирая къ намъ руки:—да вы... ну, чтò-жъ такое! Чтò на него, на невѣжу, смотрѣть! изъ васъ кто-нибудь... разъ-два-три... Господи благодать! Ягодка-то вѣдь какая... видѣли?

Я такъ и обомлѣлъ при этихъ словахъ, но, по счастью, Глумовъ не потерялъ присутствія духа.

— Не дѣло ты говоришь, Иванъ Тимоѳеичъ, сказалъ онъ резонно:—во-первыхъ, Балалайкѣ ужъ двѣсти рублей задано, а во-вторыхъ, у насъ впередъ такъ условлено, чтобъ непременно быть двоеженству. А я вотъ что сдѣлаю: сейчасъ къ нему самъ поѣду, и не я буду, если черезъ двадцать минутъ на трензелью сюда не приведу.

Глумовъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Молодкинымъ, а я, въ видѣ аманата, остался у Фаинушки. Разговоръ не визался, хотя Иванъ Тимоѳеичъ и старался оживить его, объявивъ, что «такъ нынче ягода дешева, такъ дешева—кому и вредно, и тѣ ѣдать! а вотъ грибовъ совсѣмъ не видать!» Но только-что было мѣняло началъ въ отвѣтъ: «грибы, да ежели въ смѣтанѣ», какъ внутри у Перекусихина 2-го произошелъ такой переполохъ, что всѣмъ показалось, что въ сосѣдней комнатѣ заводятъ органъ. А невѣста до того перепугалась, что инстинктивно поднялась съ мѣста, сказавъ:

— Ваши превосходительства! водочки! милости просимъ заку-
сить, господа! не взыщите!

Это разомъ всѣхъ привело въ нормальное настроеніе. Тайные совѣтники забыли объ уфимскихъ земляхъ и, плавно отгибывая ногами, двинулись за хозяйкой; Иванъ Тимоѣевичъ бросился впередъ расчищать гостямъ дорогу; Очищенный вытянулъ шею, какъ боевой конь, и щелкнулъ себя по галстуху; даже «нашъ собственный корреспондентъ» — и тотъ сдѣлалъ движеніе языкомъ, какъ будто собрался его пососать. Въ тылу, неслышно ступая ногами, шель злополучный мѣняло.

У закусочнаго стола насъ встрѣтилъ Редедя, но не сразу допустилъ до водки, а сначала самъ посмаковалъ понемногу отъ каждаго сорта (при этомъ онъ одинъ глазъ зажмуривалъ, а другимъ стрѣлялъ въ пространство, точно провидѣлъ вдали богъ вѣсть какія перспективы) и, наконецъ, остановившись на зорной, сдѣлалъ капельмейстерскій жестъ руками:

— Можете смѣло!

Тоже самое продѣлалъ онъ и надъ закусками; всякаго сорта пожевалъ, объясняя при каждомъ кускѣ, въ чемъ заключаются его достоинства и какіе могутъ быть недостатки. Какая должна быть селедка, ежели она селедка, и какой долженъ быть балыкъ, ежели онъ балыкъ. А такъ какъ замѣчанія свои онъ, сверхъ того, скрашивалъ разказами изъ жизни достопримѣчательныхъ русскихъ людей, то закусываніе получало разумно-историческій характеръ, и не прошло десяти минутъ, какъ уже мы отлично знали всю русскую исторію осмнадцатаго столѣтія, а благодаря новымъ закусочнымъ поддѣржпленіямъ, надѣялись узнать, что происходило и дальше.

— И гдѣ вы, Фаина Егоровна, такое сокровище отыскали? спросилъ восхищенный Перекусихинъ 1-й, указывая на Редедю.

— Самъ пришелъ, очень мило нашлась невѣста.

— Онъ у насъ, вашество, Аника-воинъ, долго на одномъ мѣстѣ не усидитъ! отозвался старый мѣняло:—изъ похода, да и опять въ походъ... Вотъ и теперъ фараоны зовутъ...

— Скажите! и выгодно это? обратился Перекусихинъ 2-й къ Редедѣ.

— Какъ вамъ связать... Намеднись, какъ ѣздилъ къ зулусамъ, однихъ прогоновъ на сто тысячъ верстъ, взадъ и впередъ, получилъ. На осмнадцать лошадей по три копейки на каждую — сочтите, сколько денегъ-то будетъ? На станціяхъ, между тѣмъ, ямщики и прогоновъ не хотятъ получать, а только «ура» кричать... А потомъ еще суточные по положенію, да подъемныя, да къ родственникамъ по дорогѣ заѣхать...

— Одного военачальника я зналъ, такъ тотъ, кромѣ прогоновъ, еще на «милую» тысячь сто выпросилъ, сказалъ свое слово Очищенный.

— И это бываетъ, согласился Редедя.

— Тсс... А хорошая это сторона... Зулусія?

— Такая, вашество, сторона! такая это сторона! Отдай все, да и мало!

— И все тамъ есть? икра, напимѣрь, балыкъ, селедка... все какъ слѣдуетъ?

— Всего вдоволь. И все втунѣ, все равно какъ у насъ богатства въ нѣдрахъ земли. И много, да приступиться не знаемъ. Такъ и они. Осетрины не ѣдятъ, сардинокъ не ѣдятъ, а вотъ змѣи, скорпионы, летучія мыши—это у нихъ первое лакомство!

— Ахъ-ахъ-ахъ!

Покуда шелъ этотъ разговоръ, Фаинюшка отвела меня въ сторону и вполголоса допрашивала:

— Это пріятель вашъ... вотъ который сейчасъ за Балалайкинымъ уѣхалъ?

— Да, пріятель.

— Какой онъ смѣшной!

— Чтò такъ?

— Давеча я всего два слова сказала, а онъ ужъ и размоетъ: глаза зажмурилъ, чуть не свалился... хоть бы людей постыдился!

Она стояла передо мной, держа двумя пальчиками кусокъ балыка и отщипывая отъ него микроскопическіе кусочки своими ровными, бѣлыми зубами. Очевидно, что поступокъ Глумова не только не возмущалъ ея, а скорѣе даже нравился; но съ какой цѣлью она завела этотъ разговоръ? Были ли слова ея фразой, случайно брошенной, чтобъ занять гостя, или же они предвѣщали перемѣну въ судьбѣ моего друга?

— А у насъ сегодня Полванъ Самсонычъ къ фараонамъ уѣзжаетъ, продолжала она, не глядя на меня.

— Сегодня?

— Да; отпразднуемъ свадьбу у Завитаева, а оттуда поѣдемъ на машину проводить.

— А жалко вамъ его?

— Мнѣ-то? закусываетъ онъ слишкомъ ужъ часто... Надоѣлъ.

— А вамъ нужно...

— Ничего мнѣ не нужно, а вотъ скажите вашему пріятелю, чтобъ онъ за обѣдомъ подлѣ меня сѣлъ. Я хочу ему на ухо одно слово...

Она подняла глаза и не договорила. Перекусихинъ 1-й отдѣ-

*

лился отъ закусывающихъ и, меланхолически склонивъ на бокъ голову, обстрѣливалъ ее взорами.

Произошла пѣмая сцена.

— Вотъ кабы мнѣ полководцу-то квартиру!.. безъ словъ ходатайствовалъ тайный совѣтникъ.

— Отдана! то же безъ словъ, но твердо и отчетливо отвѣтила Фаинушка.

Тутъ только я понялъ, какое великое будущее открывается передъ Глузовымъ.

XIII.

Боевая репутація Редеди была въ значительной мѣрѣ преувеличена. Товарищи его по дворянскому полку, правда, утверждали, что онъ считалъ за собой нѣсколько лихихъ стычекъ въ Ташкентѣ, но при этомъ какъ-то никогда достаточно не разъяснялось, въ географическомъ ли Ташкентѣ происходили эти стычки, или въ трактирѣ Ташкентъ, что за Нарвской заставой. Начальство, однакожь, не особенно цѣнило подвиги Редеди и довольно медленно производило его въ чины, такъ что сорока пяти лѣтъ отъ роду онъ имѣлъ только полковничій чинъ. Наскучивъ начальственнымъ равнодушіемъ, онъ перемѣнилъ родъ дѣятельности и направился, въ качествѣ обрусителя, въ западный край. Тутъ онъ сразу ознаменовалъ себя тѣмъ, что произвелъ сильную рекогносцировку между жидами, и, сбивъ ихъ съ позицій, возвратился во свояси, обремененный добычей. Но и этотъ подвигъ не былъ оцененъ. Тогда онъ вышелъ въ «чистую» и напечаталъ во всѣхъ газетахъ слѣдующее объявленіе:

«ПОЛКОВОДЕЦЪ!!!

«Дѣлаетъ рекогносцировки, беретъ хитростью и приступомъ большія и малыя укрѣпленія, выигрываетъ большія и малыя сраженія, устраиваетъ засады, преслѣдуетъ непріятеля по пятамъ, но, въ случаѣ надобности, и отступаетъ. Въ особенности можетъ быть полезенъ во время междоусобій. Въ мирное время можетъ быть и редакторомъ газеты. Трезваго поведенія. Спросить Полкана Редеду, Забалканскій проспектъ, домъ № 4—105, на дворѣ, въ палатѣ. Комиссіонерамъ не приходять.»

Втайнѣ Редедя рассчитывалъ на Донъ-Карлоса, который въ это время поддерживалъ спасительное междоусобіе на сѣверѣ Испаніи. Онъ даже завязалъ съ графомъ Ломподо (о немъ зри

выше) переговоры насчетъ суточныхъ и прогонныхъ денегъ, по Ломподо заломилъ за комиссію пять рублей, а Редедя могъ дать только три. Такъ это дѣло и не состоялось.

За то въ Африкѣ Редедѣ посчастливилось: онъ получилъ нѣсколько ангажементовъ сряду. Прежде всего его пригласилъ эіоіопскій царь Амонасро (изъ «Аиды»), который возложилъ на него орденъ Аллигатора, и вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ въ плѣнъ. Изъ Эіоіопіи Редедя проѣхалъ въ страну Зулусовъ, владыка которой, Сетивайо (нынѣ обучающійся въ Лондонѣ парламентскимъ порядкамъ), повѣсилъ ему на шею яйцо строфовамала, и тоже былъ взятъ въ плѣнъ. По пути, Редедя не дремалъ, и помогалъ экваторіальнымъ державцамъ въ ихъ взаимныхъ пререканіяхъ, причемъ аккуратно сдалъ ихъ другъ другу въ плѣнъ, и вездѣ получилъ прогоны и суточные по расчету отъ Петербурга. А теперь къ нему обратился за помощью Араби-папа, который, по словамъ Редеди, былъ его однокашникомъ по Дворянскому полю.

Несмотря на то, что Редедя не выигралъ ни одного настоящаго сраженія, слава его, какъ полководца, установилась очень прочно. Московскіе купцы были отъ него въ восхищеніи, а глядя на нихъ постепенно воспаменялись и петербургскіе патріоты-концессіонеры. Во особенноти плѣнялъ Редедя купческія сердца тѣмъ, что задачу Россіи на востокѣ отождествлялъ съ тѣми блестящими перспективами, которыя, при ея осуществленіи, должны открыться для плисовъ и миткалей первѣйшихъ російскихъ фирмъ. Когда онъ развивалъ эту идею, рисуя при этомъ безконечную цѣпь каравановъ, танущихся отъ Иверскихъ воротъ до Мадраса, всѣ мануфактуръ-совѣтники кричали «ура», онъ же, подъ шумокъ, истреблялъ такое количество снѣдей и питій, что этого одного было достаточно, чтобъ навсегда закрѣпить за нимъ кличку витязя и богатыря. Цѣлыхъ два года онъ пилъ и закусывалъ отчасти на счетъ потребителей плисовъ и миткалей, отчасти на счетъ пассажировъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что, быть можетъ, принялъ косвенное участіе и въ кукуевской катастрофѣ, потому что нужны на ремонтъ насыпи деньги были употреблены на чествованіе Редеди. Въ эти два года онъ изнѣжилъ себя до того, что курилъ сигары не иначе, какъ съ золотыми концами, и при этомъ, вмѣсто иностранныхъ, давалъ имъ собственнаго изобрѣтенія названія, патріотическія и военныя. Напримѣръ, одному сорту онъ далъ кличку «Забалканскія» въ честь Забалканскаго проспекта, гдѣ онъ первоначально квартировалъ, другому — «Синопъ», въ честь гостиницы Синопъ, въ которой онъ однажды такъ успѣшно маневрировалъ, что ни одного стакана и ни одной тарелки не оставилъ не разбитыми.

Въ этотъ же періодъ привольнаго житья, наружность его пріобрѣла ту овальность, которая такъ пріятно поражала всѣхъ посѣщавшихъ Фаинушкину обитель. Но нужно сказать правду, овальность эта болѣе приличествовала метрдотелю, нежели полководцу, потому что послѣдній, какъ тамъ ни говори, все-таки долженъ быть готовъ во всякое время проливать кровь. Поэтому, люди даже искренно расположенные къ Редедѣ, когда узнали о полученномъ имъ отъ Араби-паши приглашеніи — и тѣ сомнительно покачивали головами, не ожидая въ будущемъ ни побѣды, ни одолѣній.

— Развѣлся, старикъ, лѣнивъ сталъ! говорили они между собой:—посмотрите, вся грудь у него въ складкахъ, точно у стараго раскормленнаго тирольскаго быка!

Нѣкоторые даже пытались уговорить его отъ поѣздки, объясняя, что если англичане теперь его возьмутъ въ плѣнъ, то ужъ не выпустятъ, а продадутъ съ аукціона какому-нибудь выжигѣ, который станетъ его возить по армаркамъ, а тамъ мальчишки будутъ его дразнить; но перспектива полученія прогонныхъ денегъ до Каира и обратно была такъ соблазнительна, что отяжелѣвшій печенѣгъ остался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ. Къ тому же, и Фаинушка явно погрѣшила въ этомъ случаѣ, не только не отговаривая его отъ поѣздки, но, напротивъ, всемѣрно разжигая въ немъ жажду военныхъ подвиговъ.

Отношенія Фаинушки къ странствующему полководцу были очень сбивчивы. Наравнѣ съ другими купеческими фирмами, она увлеклась его боевою репутацией, и, какъ уже сказано было выше, не пожалѣла расходовъ, чтобы переманить его отъ Полякова къ себѣ. Но, сошедшись съ нимъ ближе, она скоро убѣдилась, что изъ всѣхъ прежнихъ доблестей въ немъ осталась неприкосновенною только страсть къ закусыванію. Было бы, однакожь, несправедливо думать, что Редедя сознательно обманулъ ее. Вѣроятно же всего, что, постепенно закусывая и изыскивая способы для легчайшаго сбыта московскихъ пливсовъ и митгалей, онъ и самъ утратилъ привычку критически относиться къ своимъ собственнымъ силамъ. Какъ бы то ни было, но онъ сразу до того вошелъ исключительно въ роль метрдотеля, что Фаинушка даже нѣсколько смутилась. Нѣкоторое время она надѣялась, что вопросъ о выходѣ замужъ за Баладайкина разбудитъ въ немъ инстинктъ полководца, но, къ удивленію, при этомъ извѣстіи онъ только языкомъ щелкнулъ, и спросилъ, насколько персонъ слѣдуетъ готовить свадебный обѣдъ. Тогда она окончательно растерялась. Стала нюхать спиртъ и ходить къ ворожеямъ. Съ ужасомъ видѣла она себя навсегда осужденною на безрадостную жизнь въ обществѣ мѣняль, и во-

ображеніе ея все чаще и чаще началъ смущать образъ черноокаго Ломпонд... Не разъ она рѣшалась бросить все и бѣжать въ Палестину-Кристалъ, но невидимая рука удерживала ее на стезѣ благо-разумія. И не вотще. Въ самую критическую минуту къ ней неожиданно явился на помощь Араби-паша, вызывавшій Редедю на поле брани. Въ одинъ присѣсть она связала два кошелька: одинъ для Балалайкина, другой, съ надписью золотымъ бисеромъ «отъ русскихъ дамъ» — отдала Редедѣ для передачи знаменитому египетскому патриоту.

Но возвратимся къ разсказу.

Балалайкина, наконецъ, привезли, и мы могли приступить къ обѣду. Женихъ и невѣста, по обычаю, сѣли рядомъ, Глумовъ помѣстился подлѣ невѣсты (онъ даже изумленія не выказалъ, когда я ему сообщилъ о желаніи Фаинушки), я—подлѣ жениха. Противъ насъ сѣлъ злополучный мѣняло, имѣя по бокамъ посаженныхъ отцовъ. Прочіе гости размѣстились какъ попало, только Редедя отвелъ себѣ мѣсто на самомъ концѣ стола, и почти не сидѣлъ, а стоялъ, и, распростерши руки, командовалъ арміей мѣнялъ, прислуживавшихъ за столомъ.

Балалайкинь былъ одѣтъ щегольски и смотрѣлъ почти прилично. Даже Иванъ Тимоѣичъ его похвалилъ, сказавши: ну вотъ, ты теперь себя оправдалъ! А невѣста, прежде чѣмъ сѣсть за обѣдъ, повела его въ будуаръ и показала шелковый голубой халатъ и расшитыя золотомъ торжковскія туфли, сказавъ: это—вамъ! Понятно, что послѣ этого, веселое выраженіе не сходило съ лица Балалайкина.

Но даже въ эти торжественныя минуты Фаинушка не покинула своего «голубя». Какъ и всегда, она усадила его на мѣсто, завѣсила салфеткой и потрепала по щежѣ, шепнувъ на ухо (но такъ, что всѣ слышали):

— Сиди тутъ, папаша, и не скучай безъ меня! а я на своего голубка смотрѣть буду.

За обѣдомъ всѣ гости оживились, и это было въ особенности лестно для насъ съ Глумовымъ, потому что преимущественно мы были предметомъ общихъ разговоровъ и похвалъ. Иванъ Тимоѣичъ соловьемъ разливался, рассказывая подробности нашего чудеснаго обращенія на стезю благонамѣренности.

— Вижу я, повѣствовалъ онъ: — что на Литейной неладное что-то затѣвается; сидятъ молодые люди въ квартирѣ—ни сами никуда, ни къ себѣ никого... какая есть тому причина? Одна-кожь, думаю: грѣхъ будетъ, ежели сразу молодыхъ людей въ отчаянность привести—подослать, знаете, дипломата нашего, говорю: смотри, ежели что—ты въ отвѣтъ! И что же! не прошло

двухъ недѣль, какъ слышу: помилуйте! да они хоть сейчасъ на какую угодно стезю готовы! Ну, я немножко подождать-таки, поиспытать, а вотомъ вижу, что медлить нѣчего — и самъ открылся: будьте знакомы, друзья!

— А теперь они намъ въ письменныхъ дѣлахъ по кварталу помогаютъ, подтвердилъ Прудентовъ.

— И мнѣ по пожарной части, отозвался Молодевичъ.

— А сколько тайныхъ благодѣяніевъ дѣлаютъ! вселигнулъ отъ полноты сердца Очищенный:—одна рука даетъ, другая—не вѣдаетъ.

— Ахъ, голуби, голуби! вселигнулъ старый мѣняло.

Потокъ похвалъ былъ на минуту прерванъ созерцаніемъ громадной кудебьяки, которая оказалась вполне соответствующею только-что съѣденной ухѣ. Но когда были проглочены послѣдніе куски, Иванъ Тимоѣичъ вновь и еще съ большимъ рвеніемъ возвратился къ прерванному разговору.

— На дняхъ-это, начали мы, по требованію, въ кварталѣ «Уставъ о благопристойномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи» сочинять, сказалъ онъ:—бились бились — ни взадъ, ни впередъ! И вдругъ.. они! Сейчасъ же сообразили, вникли, промежду себя поговорили — откуда что взялось! Статья за статьей! статья за статьей!

— Такъ вы и законодательными работами занимаетесь? привѣтливо обратился ко мнѣ Перекусихинъ 1-й.

— Я всѣмъ занимаюсь-съ. И сочинить законъ могу, и упразднить могу. Смотря по тому, что въ сферахъ требуется.

— И представьте, вашество, какую они, въ видахъ благопристойности, штуку придумали! продолжалъ рекомендовать насъ Иванъ Тимоѣичъ: — чтобы при каждой квартирѣ безпремѣнно имѣть два ключа, и одинъ изъ нихъ хранить въ кварталѣ!

При этомъ извѣстіи даже Перекусихины рты разинули, не смотря на то, что оба достаточно-таки понаторѣли въ законодательныхъ трудахъ.

— Чтобъ, значить, во всякое время: пришелъ гость, что надобно взять, и ушелъ! пояснилъ Очищенный.

— Гм... это... Это, я вамъ доложу... Это все равно, что безъ мыла въ душу влѣзть! молвилъ Перекусихинъ 1-й.

— Позвольте, однакожь! обезпокоился Перекусихинъ 2-ой: — а ежели у кого... напиримѣрь, деньги?

Опять всѣ разинули рты, ибо слово Перекусихина 2-го было вѣское, и на всѣхъ нагнало тоску. Но тутъ ужъ Иванъ Тимоѣичъ вступился.

— Ахъ, вашество! сказалъ онъ съ чувствомъ:—что же такое

деньги? Деньги—наживное дѣло! У васъ есть деньги, а вотъ у меня или у нихъ (онъ указалъ на Прудентова и Молодегина) и совсѣмъ ихъ нѣтъ! Да и что за сласть въ этихъ деньгахъ — только собласъ одинъ!

— Однако!

— Нѣтъ, я вамъ доложу, отозвался Перекусихинъ 1-й: — у насъ, какъ я на службѣ состоялъ, одинъ отставной фельдъегеръ такой проэктъ подалъ: чтобы весь городъ на отряды раздѣлить. Что ни домъ, то отрядъ, со старшимъ дворникомъ въ главѣ. А кромѣ того, еще легучіе отряды... въ родѣ какъ воспособленіе!

— Вотъ это безподобно! откликнулись со всѣхъ сторонъ.

— А я такъ иначе бы распорядился, сказалъ Редедя:—двойные ключи, отряды — это все прекрасно; а я бы по пушечкѣ противъ каждаго дома поставилъ. Въ случаѣ чего: дворникъ! выполняй свою обязанность!

— Безподобно! безподобно!

— И на случай войны не безъ пользы, согласился Перекусихинъ 1-й:—тамъ, какова пора ни мѣра, а мы—готовы! Милости просимъ въ гости, честные господа!

Словомъ сказать, въ какихъ-нибудь полчаса, выплыло наружу столько оздоровительныхъ проэктвъ, что злополучный мѣняло слушалъ-слушалъ, да и пришелъ въ умиленіе.

— Ахъ, голуби, голуби! вздохнулъ онъ:—все-то вы отагощаетесь! все-то придумываете, какъ бы для насъ лучше, да какъ бы удобнѣе... Легко ли дѣло изъ пушекъ палить, а вы и того не страшитесь, лишь бы польза была!

Но упоминеніе о пушкахъ и возможности войны не могло и на разговоръ не повліять соответствующимъ образомъ. На сцену выступилъ вопросъ о боевой готовности.

— А какъ вы полагаете, Полванъ Самсонъчъ, спросилъ Перекусихинъ 1-й:—ежели теперича нѣмецъ или турокъ... готова ли была бы Россіи дать отпоръ?

— То есть, ежели сейчасъ... сію минуту... пиши пропало! отчеканилъ Редедя.

— Что ужъ это такъ... очень ужъ какъ будто рѣшительно испугался Перекусихинъ 1-й.

— Да какъ вамъ сказать... Что боевая сила у насъ въ исправности—это вѣрно; и оружіе есть... средственное, но есть—допустимъ и это; и даже порохъ найдется, коли поискать... Но чего нѣтъ, такъ нѣтъ — это полководцевъ-съ! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Ужъ будто...

— Несомнѣнно-съ. И нетолько у насъ — нигдѣ полководцевъ нѣтъ! И не будетъ-съ.

— Однако же, если есть потребность въ полководцахъ, то должны же отыскаться и средства для удовлетворенія этой потребности?

— И средства есть. И предлагали-сь.

Редедя видимо ожесточился и началъ съ такою быстротою посылать ножомъ въ ротъ соусъ съ тарелки, что тарелка скрежетала, а сталь ножа, сверкая, отражалась на стѣнѣ въ видѣ мелкихъ зайчиковъ.

— И штука совсѣмъ простая, продолжалъ Редедя:—учредите международную корпорацію странствующихъ полководцевъ — и дѣло въ шляпѣ. Ограничьте число — человекъ пять-шесть не больше—но только чтобъ они всегда были готовы. Понадобился кому полководецъ — выбирай любого. А не выбралъ, понадѣлся на своего доморощеннаго—не прогибвайся!

— Но кого же въ эту корпорацію назначать будутъ? и кто будетъ назначать?

— Охотники найдутся-сь. Ужъ ежели кто въ себѣ эту силу чувствуетъ, тотъ звать не будетъ. Самъ придетъ и самъ себя объявить...

— Гм...

Проектъ былъ удивительно странный, а съ перваго взгляда даже глупый. Но когда стали обсуждать и разсматривать, то онъ оказался не безъ пользы. Главное, что соблазнило—это легкость добыванія полководцевъ. Понадобилось воевать: господинъ полководецъ Непобѣдимый! вотъ вамъ войско, а сухари «вѣрный человекъ» поставитъ—извольте вести къ побѣдамъ! И поведетъ. Идея эта до того увлекла Перекусихина 2-го, что онъ сейчасъ же началъ фантазировать и отыскивать для нея примѣненія въ другихъ вѣдомствахъ. Оказалось, что точь въ точь такія же корпорація было бы вполне удобно устроить по вѣдомствамъ: финансовъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ и проч. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Очищенный.

— Теперича ежели денегъ нѣтъ, если баланецъ у кого не въ исправности, разсуждалъ онъ: — сейчасъ опустилъ руку въ мѣшокъ: господинъ финансистъ Грызуновъ! извольте деньги сыскать!

Мнѣнью же съ своей стороны такъ разотеревенничался, что чуть-было не обнаружилъ своей коммерческой тайны.

— Ахъ, голуби, голуби! сказалъ онъ: — и какъ это вы говорите: денегъ нѣтъ—развѣ можно этому быть! Есть онѣ, деньги, только ищутъ ихъ не тамъ, гдѣ онѣ спрятаны!

Тогда начали разсуждать о томъ, гдѣ деньги спрятаны и какъ ихъ оттуда достать. Надѣялись, что Парамоновъ пойдетъ дальше по пути откровенности, но онъ ужъ спохватился и скор-

чиль такую мину, какъ будто и знать не знаетъ, чье мясо кошка съѣла. Тогда возложили упованіе на Бога и перешли къ изобрѣтеніямъ девятнадцатаго вѣка. Говорили про пароходы и паровозы, про телеграфы и телефоны, про стеаринъ, парафинъ, олеинъ и керосинъ, и во всемъ видѣли руку Провидѣнія, явно Россіи благодѣющаго.

— Давно ли я самъ въ Москву въ дилижансѣ на четвертыя сутки поспѣвалъ? дивился Перекусихинъ 2-ой:—а нынче съѣлъ, поѣхалъ и пріѣхалъ!

А Очищенный къ сему присовокушилъ:

— Прежде, вашество, письма-то на почтѣ шнильками изъ конвертовъ вылучивали — какая это времени трата была! А нынче взялъ, надъ паромъ секундчку подержалъ — читай да почитывай!

Опять подивились, но только-что хотѣли разсмотрѣть, слѣдуетъ ли тутъ видѣть руку Провидѣнія, явно Россіи благодѣющаго, какъ Перекусихинъ 1-ый далъ разговору нѣсколько иной оборотъ:

— А что, въ этой Зулусіи... финансы есть? обратился онъ къ Редедѣ.

— Настоящихъ финансовъ нѣтъ, а въ родѣ финансовъ—какъ не быть!

— И деньги, стало быть, чеканять?

— Чеканить не чеканять, а такъ дѣлаютъ. Ъсть, напримѣръ, Сетивайо крокодила, маленькую косточку выплюнетъ—рубль серебра! побольше косточку—пять, десять рублей, а ежели кость этакъ вершковъ въ десять выдастся—прямо сто рублей. А министры тѣмъ временемъ такимъ же порядкомъ размѣнную монету дѣлаютъ. Иной разъ какъ присядутъ, такъ въ одинъ день миллиончикъ и подарятъ.

— Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Вотъ вѣдь какую лѣгость придумали!

— А внутренняя политика у нихъ есть?

— И внутренней политики настоящей нѣтъ, а есть оздоровленіе корней. Тутъ и полиція, и юстиція, и народное просвѣщеніе—все! Возьмутъ этакъ «голубчика» гдѣ почувствительнѣе, да и не выпускаютъ, покуда всѣхъ не оговоритъ.

— И это лѣгость большая.

— А пути сообщенія есть?

— Настоящихъ тоже нѣтъ. Но недавно устроено министерство кукуевскихъ катастрофъ. Стало быть, теперь только строить дороги поспѣвай.

Слово за слово, и житье-бытье зулусовъ открылось передъ

нами какъ на ладони. И финансы, и полиція, и юстиція, и пути сообщенія, и народное просвѣщеніе — все у нихъ есть въ избыткѣ, но только все не настоящее, а лучше, чѣмъ настоящее. Оставалось, стало быть, разрѣшить вопросъ: какимъ же образомъ страна, столь благоустроенная и цвѣтущая и притомъ имѣя такого полководца, какъ Редедя, такъ легко поддалась горсти англичанъ? Но и на этотъ вопросъ Редедя отвѣтилъ вполне удовлетворительно.

— Оттого и поддалась, что команды нашей они не понимаютъ, объяснилъ онъ:—я имъ команду: впередъ, ребята! — а они назадъ пруть! Туда-сюда: стойте, подлецы! а ихъ ужъ и слѣдъ простылъ! Я-то кой-какъ въ ту пору улепетнулъ, а Сетивайо такъ и остался на тронѣ середъ поля!

Пожалѣли. Выпили по бокалу за жениха и невѣсту, потомъ за посаженныхъ отцовъ, потомъ за Парамонова и наконецъ... за Сетивайо, такъ какъ, по словамъ Редеди, онъ могъ бы быть полезнымъ для Россіи подспорьемъ. Хотѣли еще о чемъ-то поговорить, но отяжелѣли. Наконецъ, разнесли фрукты, и обѣдъ кончился. Естественно, я сейчасъ же бросился къ Глумову.

Изъ словъ его, я узналъ, что онъ предполагилъ завтра же переѣхать на квартиру Редеди. И что всего удивительнѣе, передавая мнѣ о своемъ рѣшеніи, онъ не только не смутился, но даже смотрѣлъ на меня съ большимъ достоинствомъ, нежели обыкновенно. Признаюсь, я не ожидалъ, что все произойдетъ такъ легко, безъ борьбы, и потому рискнулъ сказать ему, что во всякомъ мало-мальски уважающемъ себя романѣ, человѣкъ, задумавшій поступить на содержаніе къ женщинѣ, которая, вдобавокъ, и сама находится на содержаніи, все-таки сколько-нибудь да покобенится. Но и на это онъ возразилъ кратко, что, однажды рѣшившись вступить на стезю благонамѣренности, онъ уже не считаетъ себя вправѣ кобениться, а идетъ прямо туда, куда никакія подозрѣнія на счетъ чистоты его намѣреній за нимъ не послѣдуютъ. И въ заключеніе, назвалъ меня маловѣромъ.

Поеуда мы такимъ образомъ полемизировали, Фаинушка, счастливая и вся сіяющая, выдерживала новую нѣмую сцену со стороны Перекусихина 1-го.

— Такъ не будетъ квартирны? спрашивалъ взорами тайный совѣтникъ.

— Не будетъ! взорами же отвѣчала Фаинушка.

— Но въ такомъ случаѣ, надѣюсь, что хотя квартирныя деньги...

— И квартирныхъ денегъ не будетъ!

— Однако! ха-ха-ха!

Онъ залился горькимъ смѣхомъ, а счастливый Глумовъ толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ на ухо:

— Ты посмотри на нее, бабочка-то какая! А ты еще разговариваешь... чудака! Ишь вѣдь она... ахъ!

Я не стану описывать дальнѣйшія перипетіи торжества; скажу только, что все произошло въ порядкѣ, и балетъ въ кухмистерской Завитаева прошелъ такъ весело, что танцы кончились только къ утру. Всѣ квартальные дамы Литейной и Нарвской частей тутъ присутствовали, кавалерами же были, по преимуществу, «червонные валеты», которыхъ набралось до двадцати пяти штукъ, потому-что и приставъ Нарвской части уступилъ на этотъ вечеръ свой «хоръ». Но больше и искреннѣе всѣхъ веселился Глумовъ, который совсѣмъ неожиданно получилъ даръ танцевать *мелкіе* танцы. Правда, онъ выполнялъ эту задачу не вполне правильно: то замедлялъ темпъ, то топтался на одномъ мѣстѣ, то вдругъ впадалъ въ бѣшенство и какъ ураганъ мчался по залѣ; но Фаинушку даже неправильности его приводили въ восхищеніе. Она не сводила съ него глазъ, и, потомъ всѣмъ и каждому говорила: видали ли вы что-нибудь уморительнѣе и... милнѣе? Такъ-что, когда я, удивленный и встревоженный этой внезапностью, потребовалъ у Глумова объясненія, то она не дала ему слова сказать, а молча подала мнѣ съ конфетки билетикъ, на которомъ я прочиталъ:

Любовь сладка, всему научить (.)

Коль кровь кипитъ (,) а сердце пучитъ (,)

Напрасно будемъ мы стеречься (,)

Но прелестьми должны увлечься (.)

Alea jacta est...

Удивительно какъ странны дѣлаются люди, когда ихъ вдругъ охватитъ желаніе нравиться! думалось мнѣ, покуда Глумовъ выдѣлывалъ ногами какіе-то массонскіе знаки около печки. Никакъ онъ не могъ оторваться отъ этой печки, словно невидимая сила приколдовала его къ ней. Лицо его исказилось, брови сдвинулись, зубы скрипѣли. Казалось, онъ даже позабылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ, а помнилъ только, что у него въ рукахъ находится предметъ, который предстоитъ истрепать... А Фаинушка не только не сердилась, а весело и добродушно хохотала, видя, что всѣ ея усилія сорвать его съ мѣста остаются напрасными. Наконецъ, послышался трескъ, посыпалась штукатурка, и Глумовъ понесся въ пространство...

Мысль, что еще сегодня утромъ я имѣлъ друга, а къ вечеру уже утратилъ его, терзала меня. Сколько лѣтъ мы были не-

разлучны! Вмѣстѣ «пуцали революціи», вмѣстѣ ощутили сладкія волненія шкурнаго самосохраненія и вмѣстѣ же рѣшили вступить на стезю благонамѣренности. И вотъ, теперь я одинъ долженъ идти по стезѣ, кишачей гадами.

Я не обманывалъ себя: предстоящій путь усѣянъ опасностями, изъ коихъ многія даже прямо могутъ быть названы подлостями. Но есть подлости, согласныя съ обстоятельствами дѣла, и есть подлости, которыя, кромѣ подлости, ничего въ результатѣ не даютъ. Сдѣлать подлость, съ тѣмъ чтобы при помощи ея превознестись—полезно; но сдѣлать подлость для того, чтобы прослыть *только* подлецомъ—просто обидно. Но какимъ тонкимъ чутьемъ нужно обладать, чтобы, совершая полезныя подлости, не обременять себя совершеніемъ подлостей глупыхъ и ненужныхъ!

Въ сихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, въ особенности важны помощь и присутствіе *друга*. У друга во всѣхъ подобнаго рода вопросахъ имѣется въ запасѣ и совѣтъ, и слово утѣшенія. Возьмите, напримѣръ, такой случай: вы идете по улицѣ и замѣчаете, что впереди предстоитъ встрѣча, которая можетъ васъ скомпрометировать. Вы колеблетесь, спрашиваете себя: слѣдуетъ ли перебраться на другую сторону или положиться на волю Божию и принять идущій на встрѣчу ударъ?—Вотъ тутъ-то именно и приходится на помощь другъ. Ежели возможность убѣжать еще не исчезла, онъ скажетъ: улепетывай скорѣе! Если же время ушло, онъ предостережетъ: не бѣгай, ибо тебя ужъ замѣтили и, слѣдовательно, бѣгство можетъ только безъ пользы опакостить тебя! И, наконецъ, ежели и за всѣми предосторожностями, безъ опакостенія обойтись нельзя—онъ утѣшитъ, скажетъ: ничего! въ другой разъ мы въ подворотню шмыгнемъ!

Таковы друзья... конечно, ежели они не шпионы.

Не скрою, однако-жь, что въ моихъ сѣтованіяхъ на Глумова скрывалась и нѣкоторая доля зависти. Оба мы одновременно препоясались на одинъ и тотъ же подвигъ, и вотъ, я стою еще въ самомъ началѣ пути, а онъ не только дошелъ до конца, но даже получилъ квартиру съ отопленіемъ. Ему не предстоитъ ни жиды окрестить, ни подложные векселя писать. Поступивъ на содержаніе къ содержанкѣ, онъ сразу такъ украсилъ свой обывательскій формуляръ, что упразднилъ всѣ промежуточные подробности. Теперь, онъ хоть Маратомъ сдѣлайся—и тутъ Иванъ Тимошенчъ скажетъ: не можетъ этого быть! А я долженъ весь процессъ мучительнаго оподленія продѣлать сначала и по порядку; я долженъ на всякій свой шагъ представить доказательство и оправдательный документъ, и все это для того, чтобы

получить въ результатѣ даже не усыновленіе, а только снисходительно брошенное разрѣшеніе: живи!

Да, не хорошо, когда старые друзья оставляютъ; даже въ томъ случаѣ не хорошо, когда, по справкѣ, оказывается, что другъ-дезертиръ всегда былъ, въ сущности, прохвостомъ. Ежели хорошій другъ оставляетъ—горько за будущее; если оставляетъ объяснившійся прохвостье—обидно за прошедшее. Ну, какъ-таки пятнадцать-двадцать лѣтъ прожить, и не замѣтить, что въ двухъ шагахъ отъ тебя—воняетъ. И что несмотря на эту вонь, ты и душевные чертоги свои и душевное свое гноище—все отрывалъ настешъ—кому?.. прохвосту! Но, кромѣ того, какъ хотите, а и квартира съ отопленіемъ свою прелесть имѣетъ. Перекуси-хинъ 1-й—тайный совѣтникъ!—какъ ни хлопоталъ, а Файнушка и вниманія не обратила на его мольбы. А Глумовъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, сразу все получилъ безъ словъ, безъ просьбы, безъ малѣйшихъ усилій. А потомъ пойдутъ пироги, закуски, да еще мѣняло, пожалуй, въ часть по банкирскимъ операціямъ возьметъ! И все это досталось не мнѣ, добросовѣстному труженику литературы и публицистики (отъ 10 до 15 копеекъ за строку), а ему... «гулякѣ праздному»!

О Балалайкинѣ, между тѣмъ, совсѣмъ забыли. Какъ только пріѣхали къ Завитаеву, Иванъ Тимоѣичъ, при двухъ благородныхъ свидѣтеляхъ, отдалъ ему остальные деньги, а съ него взялъ росписку: «Условленную за бракъ сумму сполна получилъ». Затѣмъ, онъ словно въ воду канулъ; вполнѣдствіи же, какъ ни добивались отъ него, куда онъ пропалъ, онъ городилъ въ отвѣтъ какую-то неслыханную чепуху:

— Я-то? Я, mon cher, сѣлъ въ шарабанъ и въ Озерки поѣхалъ. Только ѣхалъ-ѣхалъ—что за чудеса!—въ Мустаеми пріѣхалъ! Дѣлать нечего, выкупался въ озерѣ, сѣлъ порцію уки, купилъ у начальника станціи табакерку съ музыкой—вонь она, въ прошломъ году мнѣ ее кліентъ приподнесъ—и назадъ! Пріѣзжаю домой—глядь, апелляціонный срокъ пропустилъ... Сейчасъ—въ палату. Чтò, говорятъ, испугался?—Ну, ужь Богъ съ тобой, мы для тебя заднимъ числомъ...

Такъ что Иванъ Тимоѣичъ слушалъ-слушалъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Экій вѣдь ты... ахъ ты, ахъ!

Наконецъ, въ шестомъ часу утра, когда солнце ужь наводило лицу тепломъ и лучами, мы всей гурьбой отправились на Николаевскую желѣзную дорогу проводить нашего безцѣннаго полководца. Экстренный поѣздъ, заказанный Араби-пашой, былъ

совѣмъ готовъ, а на платформѣ Редедю ожидала свита, состоявшая изъ двухъ египтянъ, Хлѣбодара и Виночерпя, и одного арапа, котораго, какъ мнѣ показалось, я когда-то видалъ въ художественномъ клубѣ прислуживающимъ за столомъ. При нашемъ появленіи, за неимѣніемъ египетскаго народнаго гимна, присланные московскими миткалевыми фабрикантами пѣвчіе грянули: «Идѣ домувъ муй».

Редедя молодецкимъ аллюромъ подкатилъ къ свитѣ и скомандовалъ:

— На лѣво вѣруг-гѣмъ!

Послышался звукъ холоднаго оружія; по направленію къ вагонамъ раздались удаляющіеся шаги.

Когда все смолкло, Редедя обратился къ намъ, и видя, что братья Перекусихины плачутъ, взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Успокойтесь, старики. Съѣзжу въ Каиръ, получу прогонныя деньги, сдамъ Араби-пашу въ плѣнъ — жаль однокашника, а дѣлать нечего! — и возвращусь.

Сказавши это, онъ преслѣдовалъ въ вагонъ, а за нимъ размѣстившись по вагонамъ и пѣвчіе.

Поездъ помчался.

Мы долго стояли на опустѣвшей платформѣ и махали платками, желая египтянамъ побѣды и одолжнія.

— Вотъ увидите, сказала пророческимъ голосомъ Глумовъ: — если Редедя предоставитъ нашимъ миткалямъ путь въ Индію — не миновать ему монумента въ Вознесенскомъ посадѣ!

— А быть можетъ, и въ Москвѣ, въ Ножѣвой линіи, отозвался чей-то голосъ.

Тогда Очищенный не выдержалъ и торжественно, отъ лица редакціи «Красы Демидрона», провозгласилъ:

— Sapienti sat!

.....
 Когда я проснулся, на столѣ у меня лежалъ только что отпечатанный номеръ «Красы Демидрона», въ которомъ «нашъ собственный корреспондентъ» отдавалъ подробный отчетъ о вчерашнемъ празднествѣ. Привожу этотъ отчетъ дословно.

«Вчера, на одной изъ невидныхъ окраинъ нашей столицы произошло скромное, но знаменательное торжество. Одно изъ свѣтилъ нашего юридическаго міра, безприорышный адвокатъ Балалайкинъ, вступилъ въ бракъ съ сироткой-воспитанницей извѣстнаго банкира Парамонова, Фаиной Егоровной Стѣгнушкиной, которая, впрочемъ, уже нѣсколько лѣтъ самостоятельно производитъ оптовую торговлю на Калашниковой пристани. Смотри

на молодыхъ, можно было только радоваться: оба одинаково согрѣты пламенемъ любви, и оба одинаково молоды и могучи! И вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно было подумать, какой страстной драмѣ предстояло, черезъ нѣсколько часовъ, разыгратъ среди стѣнъ дома Стѣгнушеиной, который еще утромъ такъ цѣломудренно смотрѣлся въ волны Обводнаго канала! И сладко, и жутко...

«Всѣмъ извѣстная привѣтливость и любезное обращеніе г. Балалайкина (кто изъ кліентовъ уходилъ отъ него безъ папирсы!) въ значительной степени скрашивала его тѣлесные недостатки; что же касается до невѣсты, то красотой своею она напоминала знойную дочь юга, испанку. Дайте ей въ руки кастаньеты — и вотъ вамъ качуча! И зной и холодъ, и страстность, и гордое равнодушіе, и движеніе, и покой — все здѣсь соединилось въ одномъ гармоническомъ цѣломъ, и образовало нѣчто загадочное, отвратительно-плѣнительное...

«Изъ числа присутствующихъ въ особенности выдавались два маститыхъ сановника, изъ коихъ одинъ, получивъ въ Уфимской губерніи землю, съ благодарностью ее возвратилъ, другой же не возвратилъ, ибо не получилъ. Не менѣе видную роль игралъ и нашъ знаменитый странствующій витязь-богатырь, Полканъ Самсоновичъ Редедя, который прямо съ праздника умчался въ далекую страну фараоновъ, куда призываетъ его мятежный Араби-паша.

«Балъ въ кухмистерской Завитаева отличался простодушнымъ увлеченіемъ. Танцовали какъ попало, ибо, благодаря изобильному угощенію, большинство гостей сбросило съ себя оковы свѣтской условности и замѣнило ихъ плѣнительною нестѣснительностью. Однако-жь, и затѣмъ, нестерпимыхъ невѣжествъ не произошло. Веселье кончилось въ пять часовъ утра, но, весьма вѣроятно, оно продолжалось бы и до настоящей минуты, еслибъ новобрачный не обнаружилъ знаковъ нетерпѣнія (очень естественныхъ въ его положеніи), которые дали понять гостямъ, что молодымъ не до нихъ. Послѣ сего, всѣ разъѣхались, а молодые отправились въ свой домъ, на порогъ котораго ихъ ожидалъ малютка-кулидонъ, и, навѣрное, взялъ съ счастливецевъ установленную пошлину, прежде нежели допустилъ ихъ забыться въ объятіяхъ Морфея.

«Не можемъ умолчать при этомъ и еще объ одномъ достопримѣчательномъ фактѣ, вызванномъ тѣмъ же торжествомъ. Двое изъ самыхъ вредныхъ нашихъ нигилистовъ, снисходя къ просьбамъ новобрачныхъ, согласились навсегда оставить скользкій

путь либерализма, и тутъ же, при всѣхъ, твердою стопой вступили на стезю благонамѣренности.

«Богъ да поможетъ имъ соблюсти себя въ чистотѣ!»
 А еще черезъ часъ, я получилъ отъ Глумова депешу:
 «Я въ эмпиреяхъ. Съ недѣлю повременій приходить».

XIV.

Оставшись въ одиночествѣ, я разомъ почувствовалъ свою безпомощность. Зная себя какъ человѣка слабохарактернаго, я не безъ основанія опасался сдѣлаться игралищемъ страстей со стороны всякаго встрѣчнаго, которому вздумалось бы предъявить на меня права. Я мысленно уже видѣлъ устремленныя на меня очи крамолы, я ощущалъ ея тлетворное дыханіе, слышалъ ея льстивыя рѣчи, предвкушалъ свое грѣхопаденіе, и не могъ опредѣлить только одного: какой сортъ крамолы скорѣе пристигнетъ меня. Странные, совершенно невѣроятные слухи ходили въ то время по городу. Одни рассказывали будто два старыя крамольника, Зачинщиковъ и Запѣваловъ, которые еще при Аннѣ Леопольдовнѣ способствовали вступленію Елизаветы Петровны на прародительскій престолъ, ходятъ по квартирамъ и заставляютъ беззащитныхъ обывателей пѣть, вмѣстѣ съ ними, тріо изъ «Карла Смѣлаго», которого они измѣнически называютъ «Вильгельмомъ Теллемъ». Другіе, напротивъ, утверждали, что по квартирамъ ходятъ не Зачинщиковъ и Запѣваловъ, а Выжлятниковъ и Борзятниковъ, внучатные племянники Шешковскаго, которые самовольно вынырнули неизвѣстно откуда, и требуютъ отъ обывателей, кромѣ паспортовъ, предъявленія образа мыслей, и заставляютъ ихъ пѣть «Звонъ побѣды раздавайся».

Говорили объ этомъ и на еднѣяхъ, и въ мелочныхъ лавочкахъ, и въ дворницкихъ, словомъ, вездѣ, гдѣ современная внутренняя политика почерпаетъ свои вдохновенія. И странное дѣло!—хотя я, какъ человѣкъ, кончившій курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, не вѣрилъ этимъ рассказамъ, но все-таки инстинктивно чего-то ждалъ. Думалъ: придуть, заставить пѣть... съ умѣю ли?

Вообще, нынче какъ-то совсѣмъ разучились жить покойно. Всякій (не исключая и несомнѣнныхъ гороховыхъ шутовъ) пристраиваетъ себя къ внутренней политикѣ, и, смотря по количеству ожидаемыхъ пироговъ, объявляетъ себя или благонамѣреннымъ или неблагонамѣреннымъ (особенный политическій терминъ, народившійся въ послѣднее время, нѣчто среднее между

благовременною благонамѣренностью и благонамѣренностью неблаговременною). Разница тутъ самая пустая, а между тѣмъ люди подсиживаютъ и калѣчатъ другъ друга, утруждаютъ начальство, а въ жизнь вносятъ безтолковѣйшую изъ смуть. И все изъ-за того, чтобы захватить въ свою пользу безраздѣльную торговлю благонамѣренностью распивочно и навывнось.

Если хотите, въ этомъ не мало виновато и само начальство. Оно слишкомъ серьёзно отнеслось къ этимъ пререканіямъ и, повидимому, даже повѣрило, что на свѣтѣ существуетъ партія благонамѣренныхъ, отличная отъ партіи *неблагонамѣренныхъ*. И вмѣсто того, чтобы сказать и той и другой:

Спите! Богъ не спитъ за васъ!

впуталось въ ихъ взаимныя пререканія, поощряло, прижимало, соболѣзновало, предостерегало. А «партіи», видя это косвенное признаніе ихъ существованія, ожесточались все больше и больше, и теперь дѣло дошло до того, что угроза каторгой есть самое обыкновенное мѣрило, съ помощью котораго одна «партія» оцѣниваетъ мнѣнія и дѣйствія другой.

Къ сожалѣнію, всего болѣе страдаютъ отъ этого междоусобія невинные обыватели. Будучи поставлены между враждебныхъ партій, изъ которыхъ каждая угрожаетъ каторгой, и, не понимая, что собственно въ данномъ случаѣ отъ нихъ требуется, эти люди отрываются отъ своихъ обычныхъ занятій и всецѣло посвящаютъ себя отгадыванію нелѣпныхъ загадокъ. Переживая процессъ этого отгадыванія, одни мечутся изъ угла въ уголъ, а другіе (въ томъ числѣ Глузовъ и я) даже дѣлаются участниками преступленій, въ надеждѣ, что общее уголовное обвиненіе защититъ ихъ отъ притязаній обвиненія уголовно-политическаго. Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на каждомъ шагѣ испытывающія и угрожающія лица, слышать вопросы, *implicite* заключающіе въ себѣ обѣщаніе каторги, вращаться среди полемики, въ основаніи которой положены обвиненія въ измѣнѣ, пособничествѣ, укрывательствѣ и т. п.—право, это хоть кого можетъ озадачить. А коль скоро произошло озадаченіе, то слѣдомъ за нимъ неперемѣнно начинаются метанія, перебѣганія, предательства, позоръ...

Все это я совершенно ясно сознавалъ теперь, въ своемъ одиночествѣ.

Я никакъ не предполагалъ, чтобы дезертирство Глузова могло произвести такую пустоту въ моемъ жизненномъ обиходѣ. А между тѣмъ, случайно или не случайно, съ его исчезновеніемъ всѣ мои новые друзья словно сгинули. Три дня сразу я не слышалъ никакихъ словъ, кромѣ краткаго приглашенія: кушать

подано! Даже паспорта ни разу не спросили, что уже ясно свидетельствовало, что я нахожусь на самомъ днѣ рѣки забвенія.

Ни Иванъ Тимоѣичъ, ни Кшепшицпольскій, ни Очищенный—никто не поинтересовался мною. Да признаться, безъ пособія Глумова я врядъ ли и съумѣлъ бы что-нибудь сказать имъ. Есть люди, съ которыми можно бесѣдовать только сообща, чтобъ товарищъ товарищу помогаль. Одинъ одно слово бросить, другой это слово на лету подхватить и другое подкинетъ — смотришь, анъ разговоръ. Все равно какъ бумажки на полу: одна бумажка—просто только бумажка, а много бумажекъ — соръ. Раза два, я видѣлъ, какъ Молодкинъ прескакалъ на пожарной трубѣ мимо нашего дома, и всякій разъ заглядывалъ въ мои окна и даже посылалъ мнѣ воздушный поцѣлуй. Но какъ я ни заманивалъ его—однажды даже подстерегъ со штофомъ въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой—онъ только головой въ отвѣтъ моталъ. Такъ я и остался нипричемъ.

Я чувствовалъ, что надо мной что-то висить: или трагедія, или шутовство. Въ сущности, впрочемъ, это одно и то же, потому что бываютъ такія жестокия шутовства, которыя далеко оставляютъ за собой коллизія самыя трагическія. Помнится, Очищенный какъ-то обмолвился, сказавъ, что мы всю жизнь между трагедій ходимъ, и только потому не замѣчаемъ этого, что трагедіи наши черезъ чуръ ужъ коротенькія и внезапныя. Очевидно, онъ не договорилъ. Трагедіи у насъ, дѣйствительно, одноактныя (взвился занавѣсъ и тотчасъ же опустился надъ убіенными), но трагедія растянулась на такое безчисленное множество актовъ, какъ нигдѣ. И притомъ осложнилась шутовствомъ. Не обращаемъ же мы на нихъ вниманія совсѣмъ не потому, чтобъ внезапность упразднила боль, а потому что дѣваться отъ трагедій нѣкуда, и слѣдовательно, хоть жалуйся, хоть нѣтъ — все равно терпѣть надо.

Понятно, что, поджидая съ часа на часъ вторженія въ мою жизнь шутовской трагедіи, я не могъ не волноваться сомнѣніями самаго неопрытнаго свойства. А что если она пристигнетъ меня врасплохъ? что, если она прижметъ меня къ стѣнѣ, и скажетъ: выкладывай все, что у тебя есть! не вилай хвостомъ, не путайся въ словахъ, не ссылайся, не оговаривайся, а отвѣчай прямо, точно, опредѣленно!

Какъ я поступлю въ виду этихъ настояній? стану ли просить объ отсрочкѣ, но вѣдь это именно и будетъ «виляніе хвостомъ». Скажу ли прямо, что не могу применить къ суматохѣ, потому что считаю ее самою несостоятельною формою общезитія, но вѣдь суматоха никогда не признаетъ себя таковою, а присвоива-

«еть себѣ наименованіе «порядка»... Кто говорить вамъ о суматохѣ? отвѣтять мнѣ:—ему о порядкѣ напоминають, въ защитѣ порядка его призываютъ, а онъ «суматоху» приплель... хорошѣ гусь!

Ахъ, этотъ шкурный вопросъ! всякую минуту, на всякомъ мѣстѣ онъ такъ и мелькаетъ, такъ и вгрызается въ жизни!

Нѣтъ ничего капризнѣе недомыслия, когда оно взбудоражено, и въ добавокъ чувствуетъ, что въ его распоряженіи находится людское малодушіе и людское искательство. Оно не уступитъ ни ядѣ, не задумается ни передъ силой убѣжденій, ни передъ логикой, а будетъ все напирать да напирать. Оно у всѣхъ предполагаетъ отвѣтъ готовымъ (начертаннымъ въ сердцахъ), и потому требуетъ его немедленно, сейчасъ: да или нѣтъ?

Наконецъ, выдалось утро, впродолженіи котораго предчувствія мои осуществились вполнѣ.

Я сидѣлъ, углубившись въ чтеніе календаря, какъ вдругъ передо мной, словно изъ подъ земли, выросъ неизвѣстный муштина (надо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ произошло мое вступленіе на путь благонамѣренности, я держу двери своей квартиры открытыми, чтобъ «гость» прямо могъ войти въ мой кабинетъ и убѣдиться въ моей невинности).

— За календарь взялись? привѣтствовалъ онъ меня:—отлично. ха-ха!

Я взглянулъ. Муштина стоялъ высокій, дородный и повидимому веселый. Большая волосатая голова съ плоскимъ лицомъ, на которомъ природа рѣзко, но безъ малѣйшаго признака тщательности, вырубилла полагающіяся по штату выпуклости и углубленія, плотно сидѣла на короткой шеѣ, среди широкихъ плечъ. Весь онъ былъ сколоченъ прочно и могуче, словно всею фигурой говорилъ: мучить понапрасну не стану, а убить—могу. Ноги—какъ у носорога, руки—фельдъегерскія, голосъ—валить какъ изъ пропасти. Но не было въ этой фигурѣ кляузы, и это производило до извѣстной степени примиряющее впечатлѣніе. Казалось, что если ужъ нельзя обойтись безъ «гостя», то лучше пусть будетъ этотъ, наглый, но не кляузный, нежели другой, который, пользуясь безнаказанностью, яко даромъ небесъ, въ тоже время вонзаетъ въ васъ жало кляузы. Весьма вѣроятно, что это неуклюжее тѣло когда-то знавало лучшія времена. Сначала, жилъ-былъ *enfant de bonne maison*, потомъ жилъ-былъ лихой корнетъ, потомъ—блестящій вивѣръ, потомъ—вивѣръ прогорѣвшій, потомъ—ташкентецъ или обруситель, и наконецъ—благонамѣренный крамольникъ. И дѣйствительно, когда я всмотрѣлся въ него

попристальнѣе, въ головѣ моей что-то мелькнуло, какой-то отрывокъ прошлаго...

— На путь благонамѣренности вступили?.. ха-ха! продолжалъ онъ, безъ церемоній усаживаясь въ кресло.

Но я все еще вглядывался и припоминалъ. Положительно, что-то было!

— Что видите—онъ самый и есть... ха-ха!

— Выжлятниковъ! да вѣдь вы находитесь подъ судомъ! невольно вырвалось у меня.

Я вспомнилъ окончательно. Дѣйствительно, передо мной находился прогорѣвшій вивѣрь, котораго я когда-то зналъ полиціймейстеромъ въ Т.

— Экъ, батюшка, хватились! Я послѣ того еще два раза подъ судомъ былъ. Хотите, я вамъ, въ краткихъ словахъ, весь свой формуляръ расскажу?—Отчего-жь, съ удовольствіемъ! Въ Ташкентѣ—былъ, обрусителемъ—былъ, подъ судомъ—былъ. Купца—былъ, мѣшанина—былъ, мужика—былъ. Водеу—пилъ. Ха-ха!

Каждую фразу онъ подчеркивалъ хохотомъ, въ которомъ слышался цинизмъ, страннымъ образомъ перемѣшанный съ добродушіемъ.

— Я, сударь, скептикъ, продолжалъ онъ:—а можетъ быть, и киникъ. Въ суды не вѣрю, и рѣшеній ихъ не признаю. Кабы я вѣрилъ, меня бы давно ужъ засудили, а я, какъ видите, живъ. Но къ дѣлу. Такъ вы на путь благонамѣренности вступили... ха-ха!

— Но мнѣ кажется, что я и прежде... оговорился я.

— И прежде, и послѣ, и теперъ... не въ томъ дѣло! Я и про себя не знаю, точно ли я благонамѣренный или только такъ... А вы вотъ что: не хотите ли «къ намъ» поступить?

— А вы при какой крамолѣ состоите? при потрясательно злонамѣренной или при потрясательно благонамѣренной?

— Угадайте!

— Зачѣмъ угадывать? не имѣю надобности.

— Ежели я вамъ назову... ну, хоть «кружокъ любителей статистики»... ха-ха!

— Уставъ утвержденъ?

— Чудакъ вы!

— Въ такомъ случаѣ, извините. Хотя я и люблю статистику, но не чувствую ни малѣйшей потребности прибѣгать къ тайнѣ, коль скоро могу явно...

— А явно—это особю! И явно, и тайно—милости просимъ всячески! А ну-ка, благослови Господи... по рукамъ!

— Ей-Богу, не могу.

— Да вы подумайте, что такое есть ваша жизнь?—вѣдь это кукуевская катастрофа—только и можно сказать про нее! Развѣ вы живете хоть одну минуту такъ, какъ бы вамъ хотѣлось?—никогда, ни минуты! читать вы любите—вмѣсто книгъ, календарь перечитываете; общество любите—вмѣсто людей, съ Кшепшицпольскимъ компанію водите; писать любите—стараетесь не буквы, а каракули выводить! Словомъ сказать, постоянно по кукуевской насыпи ѣдете. И все это только для того, чтобъ въ кварталѣ объ васъ сказали: «какой же это опасный человѣкъ! это самый обыкновенный шалопаи!» Ну, сообразно ли это съ чѣмъ нибудь?

Разумѣется, я и самъ понималъ, что ни съ чѣмъ не сообразно, но все-таки повторилъ: не могу.

— На дняхъ, для этой цѣли, вы двоеженство устроили, продолжалъ онъ:— а въ будущемъ, можетъ быть, понадобится и подлогъ...

При этихъ словахъ, у меня даже волосы на головѣ зашевелились.

— Да, и подлогъ, повторилъ онъ:—потому что требованія все повышаются и повышаются, а сообразно съ этимъ должна повышаться и температура вашей готовности... Ну, хорошо, допустимъ. Допустимъ, что вы выполнили свою программу до конца—развѣ это результатъ? Развѣ вамъ повѣрятъ? Развѣ не скажутъ: это въ немъ шкура заговорила, а настоящей искренности въ его поступкахъ все-таки нѣтъ.

Я продолжалъ упорствовать.

— Вотъ еслибы вамъ повѣрили, что вы дѣйствительно... тово... это былъ бы результатъ! А чтобъ достигнуть этого результата, отъ васъ не потребуется даже никакихъ усилій. Ни разговоровъ съ Кшепшицпольскимъ, ни подлоговъ—ничего. Придите прямо, просто, откровенно: вотъ молъ я! И все для васъ сдѣлается яснымъ. И вы всѣмъ повѣрите, и вамъ всѣ повѣрятъ. Скажутъ: это человѣкъ искренній, настоящій; ему можно вѣрить, потому что онъ не о спасеніи шкуры думаетъ, а объ ея украшеніи... ха-ха!

— Но этого-то именно я и не хочу... украшеній этихъ! возмутился я.

— То-то вотъ вы, либералы! И шкуру сберечь хотите, да еще претендуете, чтобы она вамъ даромъ досталась! А вѣдь, по настоящему, надо ее заслужить!

— Послушайте! вѣдь кажется, что шкура и отъ природы даромъ полагается?

— Это смотря. Объ этомъ еще диспутъ идетъ. Нонѣ такъ разсуждаютъ: ты говоришь, что коль скоро ты ничего не сдѣлалъ, такъ, стало быть, шкура—твоя?—Анъ это неправильно.

Ничего-то не дѣлать всякій можетъ, а ты дѣлать дѣлай, да такъ, чтобъ тебя похвалили!

— Какъ хотите, а это, въ сущности, только влѣзну, но не умно!

— И я говорю, что глупо, да вѣдь развѣ я это отъ себя выдумалъ? Мнѣ наплевать—только и всего. Ну, да довольно объ этомъ. Такъ вы объ украшеніи шкуры не думаете? Безкорыстіе, значитъ, въ предметъ имѣете? Прекрасно. И безкорыстіе—полезная штука. Потому что изъ-подъ безкорыстія-то, смотрите, какія иногда перспективы высказываютъ!.. Такъ по рукамъ, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Тогда онъ сталъ убѣждать меня вплотнѣю. Говорилъ, что никакого особливаго оказательства съ моей стороны не требуется, что все ограничивается одними научными наблюдениями по части основъ и краугольныхъ камней, и только изрѣдка провѣркою паспортовъ... ха-ха! Что теперь время дачное, и поле для наблюдений самое удобное, потому что на дачахъ живутъ на распашку, и оставляютъ окна и двери балконовъ открытыми. Что, собственно говоря, тутъ нѣтъ даже подсиживанія, а именно только статистика, которая, безъ сомнѣнія, не останется безъ пользы и для будущаго историка. И, наконецъ, что мнѣ, какъ изслѣдователю признаковъ современности, нетолько полезно, но и необходимо освѣжить запасъ наблюдений новыми данными, взятыми изъ сферъ доселѣ мнѣ недоступныхъ.

Словомъ сказать, такъ меня заговорилъ, что я-таки не выдержалъ и заинтересовался.

— Какую же вы статистику собираете? спросилъ я:— черезъ кого? какъ?

— Статистика наша имѣетъ въ виду приведеніе въ ясность современное настроеніе умовъ. Кто объ чемъ думаетъ, кто съ кѣмъ и объ чемъ говорить, чего желаетъ. Вотъ.

— Чудесно. Стало бытъ, у васъ для статистическихъ развѣдокъ и довѣренные люди есть?

— Производство развѣдокъ поручается опытнымъ статистикамъ (непремѣнное условіе, чтобъ не меньше двухъ разъ подъ судомъ былъ... ха-ха!), которые устраиваютъ ихъ, согласуясь съ обстоятельствами. Напримѣръ, лѣто нынче стоитъ жаркое, и слѣдовательно, много купальщиковъ. Сейчасъ нашъ статистикъ бултыхъ въ воду! и начинаетъ нырять.

— Ахъ, Боже! то-то я, купаючись, всякій разъ вижу, что какой-то незнакомецъ около меня крути дѣлаетъ!

— Это онъ самый и есть. А вотъ и другой примѣръ: присѣло время для фруктовъ — сейчасъ нашъ статистикъ лотокъ на голову, и пошелъ статистику собирать.

— Но послушайте! вѣдь этакъ ваши подсудимые такихъ статистикъ насоберутъ, что житья отъ нихъ никому не будетъ.

— А я про что-жь говорю! я про то и говорю, что никому не будетъ житья!

— Но вѣдь это... междуособіе?

— И я говорю: междуособіе.

Я удивленно взглянулъ на него во всѣ глаза.

— А вамъ-то что! воскликнулъ онъ, разражаясь раскатымымъ хохотомъ.

— Какъ что! заторопился я: — да вѣдь я... вѣдь вы... вѣдь у насъ... есть отечество, родина... вѣдь мы должны... мы не имѣемъ права смущать...

— Чудакъ! шкуру бережетъ, подлоги собирается дѣлать, а объ отечествѣ плачется!

.....

Выжлятниковъ пробылъ у меня еще съ часъ, и все соблазнялъ. Рассказывалъ, какъ у нихъ хорошо: всѣ подъ номерами, и всѣ переодѣтые — точь въ точь, какъ въ водевилѣ «Актёръ, какихъ мало». Руководители имѣютъ въ виду благо общества, и потому дѣйствуютъ безвозмездно, исполнители же блага общества въ виду не имѣютъ, и, взаимнѣ того, пользуются соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ.

— И странное дѣло! заключилъ онъ: — сколько бы разъ ни былъ человекъ подъ судомъ, а къ намъ поступить—всѣ судимости разомъ какъ рукой съ него сниметь!

Къ чести своей, однакожь, я долженъ сказать, что устоялъ. Одно время чуть-было у меня не сползло съ языка нѣчто въ родѣ общанія подумать и посмотреть, но на этотъ разъ, слава Богу, Выжлятниковъ самъ сплосхалъ. Снялся съ кресла, и оставилъ меня, общавши въ непродолжительномъ времени зайти опять и возобновить разговоръ.

Но въ этотъ день мнѣ особенно посчастливилось: «гости» слѣдовали одинъ за другимъ. Не успѣлъ я проводить Выжлятникова, какъ появилась особа женскаго пола. Молоденькая, маленькая, не безъ пріятностей, но какъ будто слегка растерянная. Вѣроятно, она не сама собой въ крамолу попала, а сначала братцы или кузены воспламенились статистикой, а потомъ ужъ и ее воспламенили. Очевидно, она позабыла, зачѣмъ пришла, потому что сѣла противъ меня и долго молча на меня смотрѣла.

Мнѣ показалось даже, что у нея на глазахъ навернулись слезки, оттого ли, что ей жалко меня стало, или оттого, что «ахъ, какая я несчастная!» Наконецъ, я самъ рѣшился ей помочь въ ея миссиі.

— Вы отъ крамолы, что ли? спросилъ я.

Тогда она вспомнила и произнесла:

— Ахъ, да... Голубчикъ! переходите къ намъ!

Это было сказано такъ мило, какъ будто она приглашала меня перейти изъ кабинета въ гостинную. Очень даже возможно, что она именно такъ и смотрѣла на свою миссию, потому что когда я высказалъ ей это предположеніе, она ни мало не удивилась, и сказала:

— Ну, такъ что-жь! и перейдите!

Тогда я, взявъ ее за ручки, сказалъ: «Ахъ, Боже мой!»—и общалъ...

Потомъ, пришелъ преклонныхъ лѣтъ старецъ и отрекомендовался: «вашъ искренній доброжелатель». Этотъ началъ безъ обиняковъ:

— Нельзя такъ, государь мой, нельзя-съ!

— Въ чемъ же я, вашество, провинился?

— Во всемъ-съ. Скверно у насъ, гадко, ни на что не похуже—не спорю! Но такъ... нельзя-съ!

Онъ волновался и беспокоился, хотя не могъ сказать объ чемъ. Повидимому, что-то было для него ясно, только онъ не понималъ, что именно. Оттого онъ и повторялъ такъ настойчиво: нельзя-съ! Еще родители его это слово повторяли, и такъ какъ для нихъ, дѣйствительно, было все ясно, то онъ думалъ, что и ему, если онъ будетъ одно и то же слово долбить, когда-нибудь будетъ ясно. Но когда онъ увидѣлъ, что и онъ ничего не понимаетъ, и я ничего не понимаю, то рѣшился, какъ говорится, «положить мнѣ въ ротъ».

— Цѣли не вижу-съ! произнесъ онъ:—не вижу цѣли-съ! Все можно-съ: и критиковать, и указывать, и предъявлять... но такъ... нельзя-съ!

— Ахъ, вашество!

— Цѣли нѣтъ-съ—это главное. Гадко у насъ, мерзко-съ—это знаетъ всякій! Но надобно имѣть въ виду цѣль, а ея-то я и не вижу-съ!

— Вашество! да кто же нынче какія-нибудь цѣли имѣеть! Живутъ какъ Богъ пошлетъ. Прошелъ день, прошла ночь, а потомъ опять день да ночь...

— Вы говорите: какъ Богъ пошлетъ? — прекрасно-съ! вотъ

вамъ и цѣль-сь! Благополучно прошелъ день, спокойно—и слава Богу! И завтра будетъ день, и послѣ завтра будетъ день, а вы—живите! И за-границей не лучше живутъ! Но тамъ—довольны, а мы—недовольны!

Говоря это, старикъ волновался-волновался и, наконецъ, такъ закашлялся, что я инстинктивно бросился къ нему и сталъ растирать ему грудь.

— Вотъ видите! сказалъ онъ, успокоиваясь: — начала-то въ васъ положены добрыя! Вы и ближнему помочь готовы и къ старости уваженіе имѣете... отчего же вы не во всемъ такъ? Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! дайте мнѣ слово, что вы исправитесь!

— Но чтò же я такое...

— Ничего «такого», а просто: такъ нельзя! загвоздилъ онъ опять: — нельзя такъ, цѣли нѣтъ! И за-границей живутъ, и у насъ живутъ; тамъ не ропщутъ, а у насъ — ропщутъ! Почему тамъ не ропщутъ—потому что роптать нѣ на что! почему у насъ ропщутъ?—потому что нельзя не роптать! Постоите! кажется, а что-то такое сказалъ?

— Ничего, вашество, все слава Богу!

— Прекрасно. Обѣщайте же мнѣ...

Но тутъ опять его пристигъ пароксизмъ кашля. Взрывы слѣдовали за взрывами, а въ промежуткахъ онъ говорилъ:

— Тридцать лѣтъ... кашляю... все вотъ такъ... Въ губернаторахъ двадцать лѣтъ кашляло... теперь въ званіи сенатора... десять лѣтъ кашляю... чтò, по вашему, это значить? А то, мой другъ, что я и еще тридцать лѣтъ прокашлять могу!

— Дай-то Богъ! отозвался я.

— И даже мѣръ особливыхъ не принимаю, потому что—цѣль вижу! увѣренно продолжалъ онъ.—Вижу цѣль, и знаю, что создаемое мною зданіе—прочно! А вы цѣли не видите и строите на песцѣ!.. Не хорошо-сь! нельзя-сь!

Онъ всталъ и долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза, отечески-укоризненно покачивая головой.

— Утѣшь, мой другъ, старика! воскликнулъ онъ, простирая ко мнѣ объятія.

Я не выдержалъ и устремился. Я не понималъ, чтò именно обѣщаю, но обѣщалъ. Онъ же гладилъ меня по головѣ и говорилъ:

— Всегда я утверждалъ, что лаской можно изъ него сдѣлать... все!

Послѣ всѣхъ пришелъ дальній родственникъ (въ родѣ вну-

чатнаго племянника), и объявилъ, что онъ все лѣто ходилъ съ бабами въ лѣсъ по ягоды, и этимъ способомъ успѣлъ прослѣдить два важныхъ потрясенія. За это онъ, сверхъ жалованья, получилъ сдѣльно 99 р. 3 к., да черники продалъ въ Рамбовѣ на 3 руб. 87 коп. Да, сверхъ того, общество поощренія художествъ общаю устройте въ его пользу подписку.

— Не хотите ли, дяденька, поступить?

Но на этотъ разъ я разсердился.

XV.

Весь день я раздумывалъ, какимъ образомъ я выполню принятыя обязательства, или, лучше сказать, какимъ способомъ уклонюсь отъ ихъ выполненія. Еще недавно, мы съ Глумовымъ провели день въ окрестностяхъ Петербурга, встрѣтили въ лѣсу статистика, который, подъ видомъ собиранія грибовъ, производилъ развѣдки. И такъ онъ мнѣ показался нехорошъ изъ себя, что при одной мысли о возможности очутиться въ роли купальщика или собирателя грибовъ меня тошнило. Но спрашивается: чтò же предстоитъ предпринять, ежели вопросъ будетъ поставленъ такъ: или собирай статистику, или на всегда оставайся въ спискѣ неблагонамѣренныхъ и ѣзди по кукуевской насыпи?

Понятно, какъ я обрадовался, когда на другой день утромъ пришелъ ко мнѣ Глумовъ. Онъ былъ веселъ и весь сіялъ, хотя лицо его нѣсколько поблѣднѣло и носъ обострился. Очевидно, онъ прибѣжалъ съ намѣреніемъ рассказать мнѣ эпопею своей любви, но я на первыхъ же словахъ прервалъ его. Не нынче-завтра, Выжлятниковъ могъ дать мнѣ второе предостереженіе, а старикъ и дѣвушка, навѣрное, уже сію минуту поджидаютъ меня. Что же касается до племянника, то онъ, конечно, ужь доставилъ куда слѣдуетъ статистическій матеріалъ. Какъ теперь быть?

— Бѣжать надо! сразу рѣшилъ Глумовъ.

— А ты?

— И я за одно. И Фаинушку съ собой возьмемъ... бабочка-то какая! золото!

— Куда же мы побѣжимъ?

— А будемъ постепенно подвигаться впередъ. Сначала, по желѣзной дорогѣ поѣдемъ, потомъ на пароходъ 'пересядемъ, потомъ, на тройкѣ поѣдемъ или опять по желѣзной дорогѣ. Надоѣстъ ѣхать, остановимся. Провизіи съ собой возьмемъ, въ деревню

этнографическую экскурсію сдѣлаемъ, молова, чернаго хлѣба купимъ, станемъ пѣсни, былины записывать; если найдемъ слѣпенькаго кобзаря—въ Петербургъ на показъ привеземъ.

— Чудакъ! это прежде былины-то по деревнямъ собирали, а нынче за такое дѣло руки къ лопаткамъ и маршь въ холодную!

— А ежели всѣхъ постигаетъ такая участь, такъ и мы отъ міру не прочь. Я ужъ Фаинушку спрашивалъ: пойдешь ты за мною въ народъ? — Хоть на край свѣта! говорить. Для науки, любезный другъ, и въ холодной посидѣть можно!

— Вотъ, Глумовъ, тебѣ объ дѣлѣ говорятъ, а ты все шутишь!

— Ни мало не шучу. Говорю тебѣ: бѣжать надо—и бѣжимъ. Ждать здѣсь нечего. Спасать шкуру я согласенъ, но украшать или приспособлять ее—слуга покорный! А я же встати и вѣсточку тебѣ такую принесъ, что какъ разъ къ нашему побѣгу подходитъ. Представь себѣ, вѣдь Онуфрій-то цѣлыхъ полмилліона на университетъ отвалилъ.

— На сибирскій?

— Нѣтъ, новый хочетъ взбодрить, въ новыхъ земляхъ. Въ Самаркандѣ, или въ Маргеланѣ—еще не рѣшили.

— А про каедру митирогнозіи для Очищеннаго не забылъ?

— Помилуй, Онуфрій самъ именно ее и имѣлъ въ виду. При сношеніяхъ съ инородцами нѣтъ, говорить, этой науки полезнѣе.

— То-то будетъ радъ почтенный старичекъ!

— Мы, любезный другъ, и объ Редедѣ вспомнили. Такъ какъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, потребности въ политической экономіи не предвидится, то онъ науку о распространеніи московскихъ плисовъ и миткалей будетъ въ новомъ университетѣ читать.

— И безподобно! Для Маргелана и этихъ двухъ наукъ за глаза довольно!

— Вотъ мы въ ту сторону и направимся среднимъ ходомъ. Сначала, къ тебѣ, въ Проплѣванную, заѣдемъ—можетъ, домъ-то еще не совсѣмъ изнылъ; потомъ, въ Моршу, къ Фаинушкинымъ сродственникамъ махнемъ, оттуда — въ Нижній-Ломовъ, гдѣ Фаинушкина тѣнька у богатаго свопца въ кухаркахъ живетъ, а по дорогѣ гдѣ-нибудь и жида окрестимъ. Ужъ Онуфрій объ этомъ и переговоры какіе-то втайнѣ ведетъ. Надѣется онъ, со временемъ, изъ жида мѣнялу сдѣлать.

— Но если мы уѣдемъ, кто же объ университетѣ хлопотать будетъ?

— А мы Балалайкину полную довѣренность выдадимъ. Онъ, братъ, что угодно выхлопочетъ!

— Глумовъ! такъ пошлемъ же поскорѣй за Очищеннымъ!

— И за нимъ и за Балалайкинымъ. Переговоримъ что слѣдуетъ, а потомъ, всё вмѣстѣ—обѣдать къ Фаинушкѣ.

Черезъ часъ, Очищенный и Балалайкины были уже съ нами. Почтенный старикъ, услышавъ объ ожидающей его на востокѣ просвѣтительной мисси, хотѣлъ было, въ видѣ обращенія, проинести нѣсколько съ ногъ сшибательныхъ выраженій, но отъ смѣхъ ни слова не могъ выговорить. Когда же успокоился, то просилъ объ одномъ: чтобы предложенное по штату жалованье начать производить ему, не дожидаясь открытiя университета, а теперь же, со дня объявленiя ему радости. Что же касается до Балалайкина, то и онъ очень серьезно отнесся къ предстоящей обязанности, такъ что когда Глумовъ предостерегъ его:

— Ты смотри, Балалайка! въ одно ухо влѣзь, а въ другое вылѣзь!

То онъ прiосанился и увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ:

— За меня, господа, не безпокойтесь! Я одно такое средство, знаю, что самый «что называется»—и тотъ не рѣшится его употребить! А я рѣшусь.

Тогда мы убѣдились, что дѣло просвѣщенiя русскаго востока находится въ хорошихъ рукахъ, и уже совсѣмъ было собрались къ Фаинушкѣ, какъ Очищенный остановилъ насъ.

— Ужь коли на то пошло, сказала онъ:—такъ и я свой секретъ отерю. Выдумалъ я штуку одну. Не то чтобы особливую, но пользительную. Какъ вы думаете, господа, ежели теперича по всей Россiи обязательное страхованiе жизни ввести—выйдетъ изъ этого польза или нѣтъ?

Вопросъ этотъ на столько озадачилъ насъ, что мы смотрѣли на Очищеннаго, вытаращивъ глаза. Но Глумовъ уже что-то почувствовалъ. Онъ одинъ глазъ зажмурилъ, а другимъ взглядывался: это всегда съ нимъ бывало, когда онъ соображалъ или вычислялъ.

— По новѣйшимъ извѣстiямъ сколько имѣется въ Россiи жителей? продолжалъ Очищенный.

— По послѣднему календарю Суворина, въ 1879 году числилось 98.516,398 душъ, отвѣтилъ я.

— Значить, если обложить по рублю съ души — будетъ 98.516,398 рублей. Хорошо. Это—доходъ. Теперича, при ежегодномъ взносѣ съ души, какъ вы думаете, какую, на случай смерти, премiю можно назначить? Такъ, круглымъ числомъ?

Бросились къ Суворинскому календарю, стали искать, нѣтъ ли статьи о движенiи народонаселенiя, но таковой не оказалось. Тогда

начали припоминать, что говорилось по этому поводу въ старинныхъ статистивахъ, и припомнили, что, *кажется*, средній чело-вѣческій возрастъ опредѣлялся тридцатью однимъ годомъ.

— Тридцать одинъ рубль, предложилъ Глумовъ.

— А я назначаю тридцать пять! воскликнулъ Очищенный въ порывѣ великодушія.

— Что ты! набросились мы на него: — ты пойми, кто воспользуется твоимъ страхованіемъ! вѣдь мужикъ воспользуется! ему и тридцати одного рубля за глаза довольно!

Но Очищенный убѣдительно просилъ удержать цифру 35, такъ какъ, въ виду народной политики, эта надбавка можетъ послужить хорошей рекомендаціей.

— Теперича, какое, по вашему мнѣнію, ежегодно число смертей можетъ быть? продолжалъ онъ.

Опять бросились къ календарю и опять ничего не нашли. Но приблизительно вывели, что съ 1870-го года по 1879-й средній ежегодный приростъ населенія простирался до 1.500,000 душъ. Но сколько ежегодно было родившихся и сколько умершихъ? — Это взялся опредѣлить уже самъ Очищенный при по-собіи коковскаго глазомѣра.

— Изъ 98.516,348 душъ предположимъ на половину бабъ, сказалъ онъ:—получится круглымъ числомъ 49 милліоновъ бабъ. Изъ нихъ на половину откинемъ старыхъ и малыхъ—останется двадцать четыре съ половиной милліона способныхъ къ дѣтороженію. Изъ этой половины откинемъ хоть тоже половину бесплодныхъ и могущихъ вмѣстить дѣвство — останется съ небольшимъ двѣнадцать милліоновъ. Каждая изъ этихъ плодущихъ бабъ пушай разъ въ три года родить—кажется, довольно? — получатся четыре милліона роженій. Выключите отсюда приростъ въ полтора милліона — опредѣлится смертность въ два съ половиной милліона душъ. По тридцати пяти рублей на каждую умирающую душу—сколько это денегъ будетъ?

— Восемдесятъ семь милліоновъ съ половиной! бойко отвѣтили мы.

— А ежели вычестъ этотъ расходъ изъ дохода (въ 98 съ половиной милліоновъ), сколько въ пользу страхового общества останется прибыли?

— Один-над-цать мил-лі-о-новъ!!

— Только и всего-съ.

Очищенный торжественно умолкъ. На насъ слова «страховое общество» тоже подѣйствовали подавляющимъ образомъ. Никакъ мы этого не ожидали. Мы думали, что старикъ просто,

отъ нечего дѣлать, статистикой балуется, а онъ, подитко, какую штуку удралъ!

— Это, братецъ, такъ хорошо, первый опомнился Глумовъ:— что я предлагаю изъ прибылей жертвовать по рублю серебромъ въ пользу новорожденныхъ... въ родѣ какъ на обзаведеніе!

— А я—половину акцій оставляю за собой! прибавилъ Бала- лайкинъ, но Очищенный такъ на него зарычалъ, что онъ сей- часъ же согласился на одну четверть.

— Позвольте, господа! съ своей стороны отозвался я:— все это отлично, но мы упустили изъ вида одно: недоимщиковъ. Извѣстно, что русскій крестьянинъ...

Я уже совѣмъ-было собрался прочитать лекцію о свойствахъ русскаго крестьянина, но Очищенный на первыхъ же словахъ прервалъ меня.

— А для насъ тѣмъ и лучше-съ, сказалъ онъ просто.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ-съ. Всякій, кто хотѣ разъ не взнесъ свое- временно рубля серебромъ, тѣмъ самымъ навсегда лишается права на страховую премію — это правило. Теперь возь- мите: сколько найдется такихъ, которые много лѣтъ платять, и вдругъ потомъ перестаютъ?—вѣдь прежнія-то уплаты, стало быть, полностью въ пользу общества пойдутъ! А, во-вторыхъ, и еще: предположимъ, что число недоимщиковъ возрастетъ до одной трети; стало быть, доходъ общества приблизительно уменьшится на тридцать-три милліона рублей. Но вѣдь одно- временно съ этимъ уменьшится и количество выдаваемыхъ пре- мій, да не на треть уменьшится, а наполовину и даже болѣе. Почему на половину?—а по той простой причинѣ, что смерт- ность между недоимщиками всегда бываетъ больше, нежели между исправными плательщиками. И такимъ образомъ, ежели это предположеніе осуществится, мы будемъ имѣть дохода шесть- десять-пять милліоновъ, а расхода на уплату одного милліона трехсотъ тысячъ премій потребуется сорокъ милліоновъ пять- сотъ тысячъ. Въ остаткѣ—четырнацать милліоновъ.

— Bravo, Иванъ Ивановичъ, bravo! воскликнули мы.

— Но скажи мнѣ, голубчикъ, какими судьбами ты до такой изумительной комбинаціи дошелъ? полюбопытствовалъ Глумовъ.

— Богъ меня большими дарованіями не наградилъ, отвѣтилъ почтенный старикъ скромно:—но я и изъ маленькихъ стараюсь извлечь, что могу. Показываю между людьми, прислушиваюсь. Намѣднись слышу, одинъ умный господинъ предлагаетъ проэеть: учредить страховое общество на случай крушенія желѣзнодо-

рожныхъ поѣздовъ. Чтобъ съ каждаго, значить, пассажира не обременительный, но обязательный сборъ былъ, а потомъ, въ случаѣ крушенія, чтобы премія — хорошо-съ? Ну, слушалъ я, слушалъ — и вдругъ мнѣ блеснуло: а что, ежели эту самую мысль да въ обширныхъ размѣрахъ осуществить? И придумалъ.

— И какъ еще придумалъ! похвалилъ Глумовъ:—и дѣточекъ не забыть! Добрый ты — вотъ что въ тебѣ дорого! Теперича, возьмемъ хоть такой случай: умираетъ какой-нибудь одномѣсячный пузырь... Прежде — какъ было? И гробикъ ему отецъ съ матерью сдѣлай, и попу за погребенье отдай — смотришь, пять-то рублей между рукъ ушли! Изъ какихъ доходовъ? гдѣ бѣдняку мужичку эти пять рублей достать?—А на будущее время: умеръ пузырь — сейчасъ семейству тридцать-пять рублей... вотъ вамъ! Тридцать рублей, какъ копеечка, чистаго барыша! а въ крестьянскомъ быту на тридцать-то рублей корову купить можно! Шутка!

— И даже прекраснѣйшую-съ, подтвердилъ Очищенный.

Затѣмъ, оставаясь только приступить къ развитію дальнѣйшихъ способовъ осуществленія выдумки Очищеннаго, но я, будучи въ этотъ день настроенъ особенно придирчиво, счелъ нужнымъ предъидти собранію еще одинъ, послѣдній, вопросъ.

— Прекрасно, сказалъ я:—но меня смущаетъ одно. Упомянули вы про народную политику. Допустимъ, что при ней вамъ легко будетъ исходатайствовать разрѣшеніе на осуществленіе предпріятія, польза коего для народа несомнѣнна. Но представьте себѣ такой случай: завтра народная политика выходитъ изъ употребленія, а на ея мѣсто вступаетъ политика *не*народная. Какъ въ семъ разѣ поступить? Не предвидите ли вы, что данное вамъ разрѣшеніе будетъ немедленно отмѣнено? И въ такомъ случаѣ, какую будутъ имѣть цѣнность ваши акціи или паи?

Но тутъ уже самъ Глумовъ взялъ на себя разъяснить мнѣ неосновательность моего возраженія.

— Чудаки! сказалъ онъ:—да развѣ мы на акціи-то любоваться будемъ? Сейчасъ мы ихъ на биржу—небось, разберутъ! А продавши, мы и къ сторонѣ. Развѣ что для близиру оставимъ штучекъ по пяти. Иванъ Иванычъ! такъ ли я говорю?

— Точно такъ-съ.

Такимъ образомъ, всѣ недоумѣнія были устранены, и ничто уже не мѣшало намъ приступить къ дальнѣйшей разработкѣ. Три главныхъ вопроса представлялись: 1) что удобнѣе въ подобномъ предпріятіи, компанія ли на акціяхъ, или товарищество на вѣрѣ? 2) Сколько въ томъ и другомъ случаѣ слѣдуетъ вы-

пустить акцій или паёвъ? и 3) какую номинальную цѣну назначить для тѣхъ или другихъ?

Всѣ три вопроса были рѣшены единогласно. По первому вопросу отдано предпочтеніе компаніи на акціяхъ, такъ какъ компаніи эти безыменныя, да сверхъ того, съ акціями и на биржу пролѣзть легче, нежели съ тяжеловѣсными товарищескими паями (сравни: легкую кавалерію и тяжелую). По второму вопросу, найдено возможнымъ выпустить миллионъ акцій съ купонами, на манеръ акцій Новоторжской желѣзной дороги (ждидайся!), причѣмъ на каждой акціи написать: «выпускъ первый», чтобы публика была обнадежена, что будетъ и второй выпускъ, и что, слѣдовательно, предприятие затѣяно солидное. По третьему вопросу, хотя эгоистическій инстинктъ и нашептывалъ намъ назначить цѣну акціи возможно-большую, но, къ чести нашей, чувство благоволенія къ нуждающемуся человѣчеству одержало верхъ. Имѣя въ виду, что акціи не будутъ стоить намъ ни копейки и что, въ видахъ успѣшнаго сбыта ихъ въ публику, необходимо, чтобы онѣ были доступны преимущественно для маленькихъ кошельковъ, мы остановились на двадцати-пяти рубляхъ, справедливо разсуждая, что и за тѣмъ въ раздѣлѣ между учредителями поступятъ двадцать-пять миллионъ рублей.

Но металлическихъ или ассигнаціонныхъ?

По этому вопросу послѣдовало разногласіе. Балалайкинъ говорилъ прямо: металлическія лучше, потому что съ ними дѣло чище. Я говорилъ: хорошо, кабы металлическія, но не худо, ежели и ассигнаціонныя. Глумовъ и Очищенный стояли на сторонѣ ассигнаціоннаго рубля, прося принять во вниманіе, что наша «большая» публика утратила даже представленіе о металлическомъ рублѣ.

— До металлическихъ ли намъ! говорилъ Глумовъ: — вотъ французъ Бонту—тотъ металлическими укралъ...

Но, произнесъ слово «укралъ», онъ инстинктивно обернулся, точно хотѣлъ удостовѣриться, не посторонній ли кто-нибудь вошелъ и выразился такъ рѣзко?

— Кто сказалъ «укралъ»? спрашивалъ онъ, не вѣря, что онъ самъ, собственнымъ языкомъ, произнесъ это слово. И, видя, что никого постороннихъ нѣтъ, пришелъ къ заключенію, что ему только померещилось.

Тѣмъ не менѣе, эпизодъ этотъ случился весьма кстати, потому что сразу рѣшилъ дѣло въ пользу ассигнаціоннаго рубля.

Но когда дѣло дошло до раздѣла акцій, мы постепенно до того ожесточились, что всѣ вопросы опять всплыли наружу.

Прежде всего, Глумовъ настаивалъ, чтобъ Фаинушка была признана учредительницей. Это значительно уменьшало долю каждаго; но такъ какъ Глумовъ пригрозилъ перерывомъ сношеній, то пришлось согласиться, съ тѣмъ, однако-жь, чтобъ при первомъ выпускѣ негласно припечатать лишнихъ сто тысячъ акцій, которыя и отдать Фаинушкѣ. Затѣмъ, тотъ же Глумовъ возбудилъ вопросъ объ участіи Парамонова, но тутъ ужъ безъ разговоровъ рѣшили: напечатать еще сто тысячъ запасныхъ акцій и передать ихъ Парамонову по 25 рублей за каждую, а имѣющіеся получитья черезъ таковую продажу два милліона пятисотъ тысячъ рублей обратить въ запасный капиталъ. Когда, такимъ образомъ, основной акціонерный капиталъ оказался нетронутымъ, мы подѣлили его между собой на четыре части поровну каждому. Но тутъ какъ-то вдругъ всѣмъ повезло мало. Всѣ и всѣхъ начали уворать по очереди. Очищеннаго уворяли за то, что онъ бросаетъ чужія деньги, назначая премію въ количествѣ 35 рублей вмѣсто 31-го; Глумова—за то, что онъ бросилъ четыре милліона въ пользу новорожденныхъ; меня—за то, что я своимъ двоедушіемъ способствовалъ устраненію металлическаго рубля. Больше всѣхъ волновался Балалайкинъ, у котораго даже глаза налились кровью.

— За что я страдаю? я-то за что страдаю? кричалъ онъ до тѣхъ поръ, покуда Глумовъ не схватилъ его въ охапку и не вынесъ на лѣстницу.

Но когда это было выполнено и между нами понемногу водворился миръ, мы вдругъ вспомнили, что безъ Балалайкина намъ все-таки никакъ нельзя обойтись. Всѣ мы уѣждаемъ—кто же будетъ хлопотать объ утвержденіи предпріятія? Очевидно, что только одинъ Балалайкинъ и можетъ въ такомъ дѣлѣ получить успѣхъ. Но счастье и тутъ благопріятствовало намъ, потому что въ ту самую минуту, когда Глумовъ уже рѣшался отправиться на розыски за Балалайкинъмъ, послѣдній обѣжалъ черезъ дворъ и по черной лѣстницѣ опять очутился между нами.

— Я вамъ это дѣло такъ обдѣлаю, говорилъ онъ, совершенно забывъ о случившемся:—я такую одну штуку знаю, что просто ни одинъ, ну, самый «что называется», и тотъ не рѣшится... а я рѣшусь!

Такимъ образомъ, все кончилось благополучно и мы могли съ облегченнымъ сердцемъ отправиться обѣдать къ Фаинушкѣ. Два блестящихъ дѣла получили начало въ этотъ достопамятный день: во-первыхъ, основанъ заравшанско-ферганскій университетъ и, во-вторыхъ, русскому крестьянству оказано существенное вос-

пособленіе. Все это прекрасно выразилъ Глумовъ, который, указывая на Очищеннаго, сказалъ:

— Вотъ вамъ, господа, и примѣръ, и поученіе! Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ есть, такъ сказать, первообразъ всѣхъ нашихъ финансистовъ. Онъ не засматривается по сторонамъ, не хитритъ, не играетъ статистикой, не знаетъ извилистыхъ путей, а говоритъ прямо: по рублику съ души! Или, говоря другими словами: съ голаго по нитѣ—проворному рубашка! А дураку—пишъ! Такъ ли я говорю?

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРОНОМІЯ.

II.

Итакъ, развитіе мелкаго земледѣлія — если нужно даже въ ущербъ крупному — вотъ задача, которую мы прочли въ книгѣ жизни. Но интересно знать, какъ сельско-хозяйственный вопросъ ставится другими; въ особенности, какъ онъ трактуется лицами, заинтересованными въ судьбѣ крупнаго земледѣлія и потому склонными преувеличивать значеніе послѣдняго, а къ крестьянской культурѣ относиться нѣсколько свысока.

Мнѣнія, о которыхъ мы теперь говоримъ, ведутъ свое происхожденіе отъ кн. Васильчикова; по крайней мѣрѣ, съ его легкой руки, извѣстная постановка вопроса изъ кабинета ученыхъ взглянула на улицу и пошла бродить по свѣту. Князь Васильчиковъ, какъ извѣстно, нашъ экономическій и земледѣльческій кризисъ приписывалъ отсталости сельско-хозяйственныхъ системъ и находилъ въ возвышеніи культуры главнѣйшее средство улучшенія быта народа. Но прошло нѣсколько лѣтъ — кризисъ еще болѣе обострился; мертвая петля на шеѣ крестьянина затянулась еще сильнѣе; надежда на сельско-хозяйственный прогрессъ въ сферѣ мелкаго производства, еле дышащаго подъ тяжестью финансовыхъ и другого рода экономическихъ затрудненій, должна была блѣднѣть и блѣднѣть; возможность для массы народа утратить землю, превратиться, по образцу какой-нибудь Германіи, въ батраковъ, работающихъ на хозяевъ, сѣумѣвшихъ перенести кризисъ — перспектива, постоянно рисовавшаяся воображенію кн. Васильчикова и осуществленіе которой онъ считалъ величайшимъ несчастіемъ для страны, судя по быстротѣ обезземленія крестьянъ, близка къ осуществленію. Траты, предстоящія государству, какъ ни тяжело бремя налоговъ, будутъ расти, а не уменьшаться; значить, съ этой стороны, нечего ждать облегченія ноши, съ какою мелкому производству пришлось двинуть-

ся въ путь прогресса. Иллюзіи о нашихъ хлѣбныхъ избыткахъ, вывозимыхъ за границу, о всеобщемъ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, путемъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ покупокъ, рушились послѣ экономическихъ изслѣдованій, произведенныхъ нѣкоторыми земскими и правительственными учрежденіями. Словомъ, положеніе дѣлъ представилось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; народу оказалось не подѣ силу даже заботиться о кускѣ хлѣба и уплатѣ податей. Гдѣ же ужъ тамъ думать о прогрессѣ земледѣлія. Логическое развитіе основной социальной идеи князя Васильчикова, если только его теорія кризиса и мѣръ исправленія послѣдняго не окаменѣла настолько, что сдѣлалась неуязвимой, если она сохранила жизнь, а не превратилась въ мертвый истуканъ—требовало внесенія въ нее такихъ поправокъ, послѣ которыхъ явилась бы возможность вмѣшаться въ естественный (?) ходъ вещей, ведущій къ вѣрному раззоренію страны, силъ постороннихъ—правительственныхъ и общественныхъ—и вмѣшаться уже не съ цѣлью помочь мелкому производителю выдержатъ культурную борьбу съ крупнымъ, а чтобы прервать процессъ обѣднѣнія народа, вызванный искусственными внѣшними вліяніями, и дать ему возможность подняться экономически. Если даже признать, что кн. Васильчиковъ вполне правъ въ критической части своей теоріи, если согласиться, что возвышеніе сельско-хозяйственной культуры есть необходимое и вѣрнѣйшее средство для упроченія народнаго благосостоянія, то и тогда бѣдственное положеніе русскаго крестьянства, съ очевидностью выяснившееся въ послѣдніе годы, требуетъ неотложнаго принятія специально-экономическихъ мѣръ, способныхъ, помимо агрономическихъ преобразованій, нѣсколько улучшить его положеніе, ибо иначе невозможны и земледѣльческія реформы. Событія послѣднихъ годовъ выдвигаютъ экономическія преобразованія далеко впередъ, сравнительно съ агрономическими. Какъ же отвѣчаетъ на это разсматриваемая доктрина; какія практическія мѣропріятія предлагаются ею, для выхода изъ современнаго затруднительнаго положенія?

Отвѣтъ собственно кн. Васильчикова извѣстенъ намъ изъ его послѣдняго труда (Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи). Онъ не могъ фактами опровергнуть той картины народнаго обѣднѣнія, какая рисовалась новѣйшими экономическими изслѣдованіями и которая устраняла всякую мысль о возможности крестьянству въ ближайшемъ будущемъ собственными силами подняться на высшую сельско-хозяйственную ступень. Какъ видно, поздно было автору и отказываться отъ излюбленной идеи агрономическаго прогресса, признать, что экономическія преобразованія—вотъ логическій выводъ изъ всего, что намъ извѣстно о современной жизни народа; а взвалить всѣ заботы и расходы по агрикультурной реформѣ, коль скоро отказаться отъ этой идеи нѣтъ силы, на правительство—не дозволяли социологическія познанія кн. Васильчикова, понимавшаго роль правительства въ

исторіи культурнаго развитія страны. Поэтому, ему не оставалось ничего больше, какъ *заподозрѣть* (но не отвергнуть—чего онъ сдѣлать не могъ) правильность расположенія мрачныхъ красокъ въ картинѣ народнаго быта, рисуемой изслѣдователями, указывая главнымъ образомъ на трудность добыванія вѣрныхъ данныхъ, послѣ чего агрономическая теорія кризиса остается какъ-бы и не поколебленной, а ради практическаго осуществленія своей идеи, кн. Васильчиковъ предлагаетъ такого рода мѣры содѣйствія народу со стороны правительства и земства, которыя даже «Русь», восторгавшаяся критической частью книги князя, нашла недоузданными и нерѣшительными. Мѣры эти суть: устройство комиссіонерствъ для выписки и продажи по умѣреннымъ цѣнамъ сѣмянъ рѣдкихъ и дорогихъ растений; устройство мастерскихъ для выдѣлки дешевыхъ земледѣльческихъ орудій; поощреніе лѣсонасажденія; осушка болотъ. «Таковы намъ кажутся *главныя* нужды нашего сельскаго хозяйства, которыя должны бы составлять предметъ заботъ земства и правительства»—прибавляетъ авторъ.

Написавъ эти строки, кн. Васильчиковъ, однако, и самъ созналъ, какъ недостаточно такого содѣйствія, въ виду тѣхъ угрожающихъ явленій (обезземеленіе народа и пр.), для борьбы съ которыми онъ нашелъ необходимымъ обратиться въ помощи земскихъ и правительственныхъ учрежденій. Онъ чувствовалъ все безсиліе этой помощи, обусловливаемое, разумѣется, ложностью идеи агрономическихъ преобразованій безъ предварительнаго устраненія экономической и аграрной неурядицы, чувствовалъ и начертилъ слѣдующія многозначительныя строки: «Если этотъ перечень не полонъ, то можно его и дополнить, но надо же *наконецъ выдти изъ круга общихъ и праздныхъ разсужденій*, въ коихъ вращаются наше законодательство и наше образованное общество, *все толкуя объ улучшеніи, поощреніи, содѣйствіи*, не указывая, не опредѣляя, въ чемъ они должны состоять, что должно быть предоставлено частной инициативѣ и что составляетъ область дѣйствія земства и правительства, и постоянно развлекаясь въ разныя стороны *штатками, сбивчивыми предположеніями*».

Нашъ авторъ, какъ видите, слишкомъ скромнень для того, чтобы считать себя открывающимъ Америку; онъ первый сознаетъ, что предложенныя мѣропріятія не составляютъ того могучаго движенія впередъ, какое способно поставить шатающееся общество на вѣрный путь сознательнаго участія въ предстоящей реформѣ; онъ прежде всѣхъ видитъ нецѣлесообразность проецируемыхъ миниатюрныхъ мѣръ въ виду грандіозныхъ явленій, которыя онъ долженъ побороть. Онъ самъ сознается, что высказалъ ихъ только потому, что *нужно же что нибудь* предпринимать хоть для *пробы*, «надо же наконецъ выдти изъ круга общихъ и праздныхъ разсужденій», надо перестать толковать «объ улучшеніи, поощреніи, содѣйствіи, не указывая, въ чемъ они должны состоять»,

*

надо показать, что исповѣдываемая теорія не мертворожденное дѣтище, что она способна къ развитію.

Для насъ здѣсь важно самопроизвольное сознаніе апостола, что проповѣдываемая имъ идея, долженствующая спасти мелкаго земледѣльца, а съ нимъ и всю страну отъ ужасовъ западно-европейскихъ экономическихъ порядковъ, имѣеть еще такъ мало реального вліянія на умы ея приверженцевъ, несмотря на то, что они носятъ съ ней, какъ съ писаной торбой, и такъ еще недостаточно обрисовалась въ практическомъ ея примѣненіи, что дальше «общихъ и праздныхъ разсужденій» дѣло не подвигается, что самъ проповѣдникъ не знаетъ какъ съ ней быть, какими способами осуществить ее въ дѣйствительной жизни, и, если предлагаетъ для этого мѣры, то не въ силу собственнаго убѣжденія въ ихъ настоятельной важности, а дабы положить конецъ позорному ничегонедѣланью.

Просимъ читателя сопоставить съ этимъ опредѣленность плановъ, если не всѣхъ, то нѣкоторой части послѣдователей экономической теоріи кризиса и рѣшить которая изъ двухъ реальнѣе, которая вытекаетъ изъ дѣйствительной жизни, а какаѣ изъ «праздныхъ разсужденій!»

Къ чести нашей интеллигенціи нужно сказать, что агрономическая теорія кризиса, формулированная кн. Васильчиковымъ, произвела гораздо больше впечатлѣнія въ средѣ помѣщиковъ, чѣмъ агрономовъ. Какъ она нужна была первымъ — видно изъ того, что безпристрастнѣйшій изъ нихъ, кн. Васильчиковъ, и тотъ, при оцѣнѣ вопроса о малоземелии, не удержался на научной почвѣ и высказалъ опасеніе, что господствующія на этотъ счетъ представленія дають агитаторамъ возможность «утверждать въ крестьянахъ мнѣніе, что они стѣснены малоземельемъ, что имъ слѣдуетъ просить и ожидать прибавки ихъ первоначальнаго надѣла, возвращенія обрѣзанныхъ земель или даже уступки всѣхъ помѣщичьихъ лѣсовъ и угодій». А болѣе простодушные публицисты помѣстнаго класса выражались объ этомъ прямо въ родѣ того, напримѣръ, какъ высказался Journ. de-St. Petersburgъ объ извѣстномъ трудѣ г. Янсона, доказывавшемъ малоземеліе крестьянъ, именно, что «человѣкъ, уважающій чужую собственность, не написалъ бы такого изслѣдованія». При подобной мнительности членовъ помѣстнаго класса, имъ было чистой манной небесной читать въ солидномъ ученomъ и распространенномъ сочиненіи всѣми уважаемаго писателя хотя бы такія строки: «никакой подарокъ не былъ бы для русскаго крестьянства болѣе вреденъ, какъ чрезмѣрное расширение земельного надѣла, и въ большой части Россіи, особенно сѣверной и восточной полосѣ, надѣлы ихъ, въ настоящее время далеко превышая рабочія силы мѣстнаго населенія, обратились въ тягость сельскимъ обществамъ и всему крестьянскому сословію». ¹ Въ утвержденіяхъ подобнаго

¹ Землевлѣдѣніе и земледѣліе, т. II, с. 813.

рода наши землевладельцы видѣли какъ бы батарею, должствующую защитить ихъ противъ возможныхъ (теоретическихъ, разумѣтся) посягательствъ на крупное землевладѣніе въ пользу мелкаго.

Спѣшимъ оговориться, что, сближая идеи кн. Васильчикова со стремленіями помѣстнаго класса, мы не думаемъ ставить того и другого на одну доску. Кн. Васильчиковъ, дѣлая выводъ о достаточности крестьянскихъ надѣловъ, представилъ и его основаніе, воплотивъ, по нашему мнѣнію, разумное: нормой надѣла, по его утвержденію, должны быть не потребности, а рабочія силы; сколько семья въ состояніи обработать земли, столько она и должна ея имѣть. Если, исходя изъ высказаннаго положенія, кн. Васильчиковъ пришелъ къ выводу, что максимумъ надѣла на одного рабочаго будетъ 10 десятинъ, то это онъ сдѣлалъ, основываясь на западно-европейской практикѣ и допуская, что русское мелкое земледѣліе легко достигнетъ высоты, на какой оно стоитъ въ Европѣ. Если же послѣдующими изысканіями будетъ доказана невозможность столь быстраго прогресса разсматриваемаго промысла и необходимость русскому народу еще долгое время держаться господствующихъ нынѣ экстенсивныхъ системъ хозяйства, лишь понемногу и медленно измѣняя ихъ, сообразно указаніямъ науки и измѣняющимся экономическимъ условіямъ, то тотъ же основной принципъ автора приведетъ его къ требованію расширенія крестьянскаго надѣла до возможности занять все рабочее населеніе, желающее, при господствующихъ агрикультурныхъ пріемахъ, посвятить свои силы этому промыслу¹.

Его же послѣдователи поступаютъ совершенно иначе: они воспользовались только внѣшней, если можно такъ выразиться, аргументаціей кн. Васильчикова, его критикой противнаго мнѣнія, утверждающаго, что надѣлъ крестьянъ долженъ обеспечивать всѣ ихъ потребности, побѣдоносно разбиваютъ это ученіе, затѣмъ указываютъ на величину нормальнаго надѣла, данную княземъ, вовсе умалчивая или говоря мимоходомъ объ основной мысли кн. Васильчикова, положенной имъ въ основаніе своей системы крестьянскаго землевладѣнія и не давая съ своей стороны никакого критерія, помощью котораго можно было бы разрѣшить вопросъ о томъ — достаточны крестьянскіе надѣлы или нѣтъ. Установивъ такимъ простымъ способомъ достаточность существующихъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, не представляется уже никакихъ затрудненій сдѣлать заключеніе о крайней необходимости возвышенія сельско-хозяйственной культуры, ибо и публицисты помѣстнаго класса не рѣшаются отрицать недостаточности доходовъ отъ достаточныхъ надѣловъ крестьянъ. Впрочемъ, публицисты, о которыхъ теперь идетъ

¹ Въ посмертномъ изданіи труда кн. Васильчикова—Землевладѣніе и земледѣліе—онъ въ значительной степени смягчилъ свои категорическія утвержденія о достаточности крестьянскихъ надѣловъ.

рѣчь, не ограничились букввальнымъ повтореніемъ всѣхъ мыслей своего учителя; они изобрѣли и новыя аргументы въ защиту своего мнѣнія. Такъ, въ противность кн. Васильчикову, утверждающему, что, по мысли законодателя, надѣлъ крестьянъ долженъ обезпечивать содержаніе семьи и отбываніе повинностей, они утверждаютъ, что задача Положенія 19 февраля не такова, что, заботясь объ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ, правительство не имѣло въ виду вышеприведенной цѣли, но и самыя повинности за землю установлены имъ въ размѣрахъ, могущихъ удовлетворить помѣщиковъ за лишеніе дароваго труда. Это послѣднее утвержденіе (основаніе для котораго кроется въ уступкахъ, сдѣланныхъ при составленіи Положенія о крестьянахъ реакціонной партіи) очень понравилось нѣкоторымъ публицистамъ и общественнымъ дѣятелямъ, и они повидимому считаютъ его неопровержимо говорящимъ въ пользу достаточности существующихъ надѣловъ крестьянъ, какъ будто бы гражданскими законами можно доказывать или опровергать истинность экономическихъ воззрѣній, какъ будто бы законодатель непременно лучший экономистъ и соціологъ.

Спеціалисты же агрономы (разумѣется, не всѣ) отнеслись къ теоріи кн. Васильчикова гораздо сдержаннѣе. Это и понятно. Необходимость болѣе интенсивнаго земледѣлія въ Россіи была заявлена ими гораздо раньше, и въ первый моментъ такое заявленіе отличалось, какъ и теорія кн. Васильчикова, слишкомъ большою категоричностью. Съ теченіемъ же времени, когда они лучше познакомились съ экономическими условіями Россіи, когда они приглядѣлись къ попыткамъ улучшенія земледѣлія, имѣвшимъ у насъ мѣсто, увидѣли на практикѣ всю массу затрудненій, связанныхъ съ прямымъ перенесеніемъ агрикультурныхъ системъ изъ одной страны въ другую, они, какъ мыслящіе люди, не могли не отречься отъ прежней односторонности въ воззрѣніяхъ; взгляды ихъ прояснились, міросозерпаніе измѣнилось въ сторону признанія господствующихъ системъ земледѣлія результатомъ не одного только невѣжества русскаго народа и его привычки къ хищничеству, но и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей суммы естественныхъ и общественно-экономическихъ условій страны. Чтобы не быть голословнымъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Уже вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ извѣстнаго труда кн. Васильчикова (о земледѣліи и землевладѣніи) противъ теоріи достаточности надѣловъ и необходимости крестьянскому хозяйству перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, протестуетъ, на ряду съ экономистами, и агрономъ г. Костычевъ. Изъ его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», мы приведемъ здѣсь лишь слѣдующія строки, радикально противоположныя основнымъ послылкамъ князя: «желательно, чтобы у насъ какъ можно долѣе не наступала необходимость въ переходѣ къ интенсивному хозяйству, и если есть средства отдалить этотъ переходъ, то самую разумною мѣрою будетъ приведеніе такихъ мѣръ

въ дѣйствіе»¹. Г. Ермоловъ по данному вопросу выражается также очень осторожно. Не говоря о томъ, что системы трехпольную и лѣсопольную онъ считаетъ еще надолго пригодными для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, о грядущихъ преобразованіяхъ, гдѣ это возможно, крестьянскаго хозяйства онъ высказываетъ слѣдующее умѣренное *pra desideria*: «проповѣдую необходимость оставленія крестьянами прежней трехпольной системы и переходъ къ системамъ, считающимся болѣе совершенными, обыкновенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что для крестьянъ часто безусловно невозможно сокращеніе озимого поля, являющееся почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ введенія всякой другой системы на мѣсто трехпольной, потому что крестьяне насчетъ одного озимого поля почти только и кормятся. Тоже измѣненіе, которое предлагаемъ мы (посѣвъ въ яровомъ полѣ, кромѣ овса, еще кормовыхъ травъ, измѣненіе, слѣдовательно, очень далекое отъ радикальной ломки хозяйства), не нарушая внѣшности трехпольной системы, отъ которой крестьянинъ, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, давленію міра и вытекающимъ изъ общиннаго землевладѣнія обязательнымъ срокамъ культуры, отступить не можетъ и сохраняя хорошую сторону трехпольной системы, преобладаніе въ ней посѣвовъ озимыхъ растений, можетъ въ тоже время уменьшить дурныя ея качества, преобладаніе дешевыхъ яровыхъ и крайнее однообразіе культуры»². Г. Энгельгардтъ, въ бытность свою профессоромъ химіи, подобно другимъ агрономамъ-теоретикамъ, увлекаясь вопросомъ о развитіи интенсивности русскаго земледѣлія, ибо съ цѣлью способствовать этому необходимому, по его тогдашнему убѣжденію, процессу, онъ самъ занялся изслѣдованіемъ фосфоритовъ въ Россіи; но, приступивъ къ практическому осуществленію своихъ мечтаній, поработавъ, послѣ кабинета, нѣсколько лѣтъ въ полѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что высказалъ слѣдующее положеніе: «Только агрономы-чиновники, да либералы, не понимающіе сути дѣла, могутъ думать, что крестьянамъ слѣдуетъ измѣнить трехпольную систему и замѣнить ее многопольною съ травосѣяніемъ. Для крестьянъ, имѣющихъ возможность работать лѣто на себя и заготовлять кормъ на сторону, трехпольная система совершенно рациональна»³. Г. Краинскій говоритъ, что для дальнѣйшаго движенія впередъ нашего земледѣлія необходимо увеличеніе потребленія населеніемъ сахара, спирта и крупитчатой муки; при теперешнихъ же размѣрахъ сбыта этихъ продуктовъ производство ихъ, а, слѣдовательно, и соотвѣтствующая организація хозяйства возможна лишь для крупныхъ промышленниковъ⁴. Такимъ образомъ, участь

¹ «Отеч. Зап.», 1878, № 12.

² Организація полевого хозяйства.

³ «Отеч. Зап.», 1881, 2 и 1882, 2.

⁴ Сел. хоз. и лѣсов., 1878, 4.

русскаго (и, слѣдовательно, крестьянскаго) сельско-хозяйственнаго производства ставится здѣсь въ зависимость отъ предварительнаго возвышенія благосостоянія народа, каковое, слѣдовательно, должно быть достигнуто не агрикультурными мѣрами, а экономическими. Того же мнѣнія держится, повидимому, и профессоръ Арнольдъ, заявившій, что наше скотоводство (а, слѣдовательно, и удобрение полей — основа интенсивныхъ системъ) разовьется лишь тогда, когда мы сами будемъ потреблять больше мяса, чѣмъ теперь. Проф. Шишинъ, во время преній въ московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ по вопросу о введеніи искусственнаго удобрения на крестьянскихъ поляхъ, въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свой взглядъ по интересующему насъ вопросу. Какъ поднять крестьянское хозяйство? «Наши недоразумѣнія исходятъ изъ того, что мы все ищемъ одну мѣру, а между тѣмъ, экономическая болѣзнь хозяйства очень сложная... Она различна въ различныхъ мѣстностяхъ, а потому для лѣченія ея для каждой мѣстности должны быть приняты и свои особыя мѣры. Поэтому прежде всего намъ необходимо изучить самую болѣзнь, и въ данномъ нашемъ случаѣ нужно крестьянъ прежде всего освободить отъ всѣхъ препятствующихъ развитію ихъ благосостоянія условий; есть мѣстности, гдѣ нужно допустить свободу переселеній, такъ какъ расселение крестьянъ у насъ совершилось не подъ вліяніемъ экономическихъ условий, а чисто политическихъ. Далѣе выяснилось уже ясно, что во многихъ мѣстностяхъ платежи непосильно велики: въ этихъ случаяхъ ихъ слѣдуетъ снять или уменьшить. Выяснилось также, что крестьянамъ нуженъ кредитъ, что они продаютъ свой трудъ впередъ, платятъ при этомъ 100% и т. д., что крестьянину необходимо также и образованіе, развитіе. Общей же мѣры лѣченія недуга, повторяю найти нельзя, потому что она и существовать не можетъ». Даже такой приверженецъ интенсификаціи хозяйства, какъ проф. Стебуть, и тотъ сознается, что «едва ли намъ удастся рѣшить вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго положенія, потому что оно обусловливается существованіемъ многихъ причинъ, и понятно, что для подъема хозяйства можетъ быть указано и множество мѣръ. Этотъ вопросъ есть чисто земскій, потому что онъ можетъ рѣшаться только сообразно мѣстнымъ условіямъ, которыя намъ вовсе неизвѣстны» ¹. А проф. Золомановъ написалъ цѣлую брошюру для доказательства неприменимости въ русскому крестьянскому хозяйству агрономическихъ теорій, выработанныхъ на основаніи западно-европейской практики ².

Этихъ примѣровъ достаточно для составленія убѣжденія, что наши ученые агрономы начинаютъ достаточно трезво относиться въ окружающей дѣйствительности и не только не ломаютъ ея въ

¹ Тр. Моск. общ. сел. хоз., вып. VIII.

² О причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства въ Россіи.

угоду интенсивному земледѣлю, но, напротивъ, изъ уваженія къ экономическимъ законамъ, значительно сѣуживаютъ агрономическія требованія, предъявляемыя ими къ крестьянскому хозяйству.

Но въ то время, какъ специалисты-агрономы освобождались отъ увлеченія «раціональнымъ» земледѣліемъ, когда и въ настоящее время значительная ихъ часть признаетъ необходимость увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, въ обществѣ, только что знакомящемся съ истинами сельско-хозяйственной науки, шелъ обратный процессъ, укрѣплялась идея интенсивнаго крестьянскаго земледѣлія, дѣлались попытки осуществить ее въ жизни. Хотя во всемъ этомъ было гораздо больше недомыслия, нежели истины, но указанное увлеченіе принесло и свою долю пользы, такъ какъ послужило къ лучшему еще выясненію сути современнаго экономическаго кризиса и способовъ его исправленія: интенсивное крестьянское земледѣліе такъ же теряетъ свое обаяніе, какъ это случилось нѣкогда съ помѣщичьимъ.

Характеристической чертой переживаемаго обществомъ момента служить то, что всѣ говорятъ и заботятся объ упроченіи и развитіи крестьянскаго земледѣлія и почти вовсе молчатъ о крупномъ хозяйствѣ. Положимъ, что эти рѣчи не всегда искренни, что и мѣропріятія предлагаются иной разъ таковаго рода, что сейчасъ видно, изъ какихъ побужденій они выросли. Но интересна принципиальная сторона вопроса, важно то, что выдавшіяся впередъ лица помѣстнаго класса не только не рѣшаются отрицать значенія для будущаго Россіи крестьянскаго хозяйства, но готовы выставить его на первый планъ, сдѣлать цѣлью общественныхъ и правительственныхъ заботъ. Какъ же они разрѣшаютъ при этомъ вопросъ объ отношеніи мелкой и крупной культуръ; думаютъ ли, что послѣдняя должна погибнуть ради интересовъ мелкаго хозяйства или считаютъ такой исходъ нежелательнымъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, какія, по ихъ представленію, установятся отношенія между помѣщиками и крестьянами, послѣ того, какъ народъ воспользуется совѣтами своихъ благодѣтелей, возвыситъ культуру, будетъ получать больше дохода, перестанетъ нуждаться въ работѣ на владѣльческихъ поляхъ? Огнестись, не скажу правильно, но даже просто логически къ сельско-хозяйственному вопросу Россіи невозможно безъ предварительнаго разрѣшенія только-что указаннаго вопроса, и если послѣдняго-то у публицистовъ мы не находимъ, то уже заранѣе слѣдуетъ ожидать прорѣхъ въ ихъ теоретическихъ основаніяхъ; ихъ системы, какъ игнорирующія одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ сельско-хозяйственную фязіономію страны, будутъ односторонни, незаконченны. Читатель въ этомъ легко убѣдится, познакомившись съ планами, о которыхъ мы говоримъ.

Мы упоминали раньше, что идеи современныхъ публицистовъ помѣстнаго класса тѣсно связаны съ ученіемъ вн. Васильчикова.

Это учение, съ момента своего появленія, было подхвачено любителями «праздныхъ разсужденій» и въ продолженіи нѣкотораго времени не выходило изъ области послѣднихъ. Приступить къ практическому выполненію своихъ взглядовъ заставило поклонниковъ интенсивнаго земледѣлія все болѣе ухудшающееся положеніе народа и паденіе его хозяйства. Мы видѣли тѣ остальные мѣропріятія, которыя съ этою цѣлью были предложены кн. Васильчиковымъ. Для послѣдователей названнаго публициста, болѣе его одностороннихъ, тѣмъ необходимымъ было выйти «изъ круга общихъ и праздныхъ разсужденій», принять хоть какія-нибудь вытекающія изъ исповѣдываемой теоріи мѣры помощи народу, что и противная доктрина, съ своей стороны, не дремала, а хотя и крайне робко, но все-таки кое-что дѣлала для расширенія крестьянскаго землевладѣнія: во многихъ земствахъ вопросъ этотъ былъ поставленъ довольно категорично, и не вездѣ вѣдь отъ него удастся отдѣлаться указаніемъ на нѣкоторую близость вопроса къ экономическимъ тенденціямъ «Земли и Воли». Указанное обстоятельство побудило, между прочимъ, и московскихъ общественныхъ дѣятелей бросить «праздныя разсужденія» въ духѣ агрономической теоріи и приступить къ провѣркѣ ея жизнью. Случилось это два года тому назадъ, а поводомъ послужило ходатайство московскаго уѣзднаго земства къ губернатору объ организаціи банка для помощи крестьянамъ при покупкѣ земли. Не будемъ воспроизводить здѣсь преній, возбужденныхъ по этому случаю въ губернскомъ земскомъ собраніи; скажемъ лишь, что ораторы помѣстнаго класса, по преимуществу, они же и приверженцы агрономической теоріи кризиса, показали здѣсь себя гораздо болѣе ловкими, чѣмъ ихъ противники по данному вопросу. Ловкость ихъ выразилась въ томъ, что они сумѣли уклониться отъ провозглашенія принципа, по которому, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ судить: достаточны крестьянскіе надѣлы или нѣтъ. Впрочемъ, можетъ быть, мы и преувеличиваемъ ловкость этихъ ораторовъ: уклониться отъ прямого выраженія своихъ душевныхъ мнѣній помогали имъ и сами защитники расширенія крестьянскаго землевладѣнія, которые также оказались, вѣроятно, не настолько свободными отъ предразсудковъ, связанныхъ съ принадлежностью къ помѣщичьему сословію, чтобы прямо и категорически выставить принципъ полной самостоятельности крестьянина-земледѣльца и тѣмъ заставить противную сторону показать карты. Этого не случилось; мало того, дѣло окончилось къ общему удовольствію: образована была комиссія, имѣющая цѣлью выработать средства улучшенія настоящаго строя крестьянскаго хозяйства (туда же передано и предложеніе уѣзднаго земства), въ помощь которой рѣшено пригласить на службу земству специалиста-агронома; управа уполномочена была войти въ соглашеніе съ нѣсколькими общинами о введеніи на ихъ земляхъ проектированныхъ комиссіей улучшеній, гарантируя этимъ общинамъ обычный урожай въ теченіи нѣ-

сколькихъ лѣтъ. Такъ какъ все это въ глазахъ земства было въ сущности комедіей или, пожалуй, ловкимъ полемическимъ приемомъ, изъ котораго, однако, не должно выйти ничего путнаго, то губернское собраніе приняло мѣры, чтобы, паче чаяніе, увлекшаяся какъ-нибудь своей высокой задачей, комиссія не произвела опыта улучшенія крестьянскаго хозяйства въ достаточно широкихъ размѣрахъ, а потому оно ограничило сумму ежегодной улаты по гарантіи урожая 3,000 рублей, а на всѣ расходы по этому дѣлу ассигновано 5,000 р. с. въ годъ.

Комиссія приступила къ дѣлу. Первый годъ своего существованія она посвятила разсужденіямъ, а второй, въ теченіи котораго результаты послѣднихъ должны были въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ осуществиться въ жизни, доказалъ, что разсужденія эти, какъ и слѣдовало ожидать, были «праздными». Такова ужъ судьба теорій «на затычку», что кромѣ толковъ «объ улучшеніи, содѣйствіи, поощреніи» и «шатяхъ», сбивчивыхъ предположеній» ничего изъ нихъ не выжмешь. Впрочемъ, упомянутыя «праздные разсужденія» комиссіи многимъ показались очень содержательными; «Русь», такъ та прямо говоритъ, что члены комиссіи «и во главѣ ихъ Д. Э. Самаринъ первые поставили вопросъ на настоящую почву, первые съумѣли найти ключъ къ взаимному разумѣнію съ мужикомъ, первые сдѣлали попытку къ переходу къ лучшей культурѣ, и что самое главное, *первые стали безпристрастно, въ всякой предвзятой идее, отыскивать истинный путь, пожелали быть посредниками между наукой и практикой*»¹. Каковъ этотъ ключъ—покажетъ ближайшее будущее, а что за безпристрастіе комиссіи въ дѣлѣ отысканія истиннаго пути—это читатель узнаетъ, ознакомившись съ ея трудами.

Еслибы главенство въ комиссіи г. Самарина и не было громко заявлено «Русью», то всякое сомнѣніе въ этомъ исчезло бы по ознакомленіи съ докладами этого учрежденія земскому собранію сессіи 1880 года. Не довольствуясь журнальной борьбой съ теоріей недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, представителемъ и чуть ли не основателемъ которой г. Самаринъ считаетъ профессора Янсона, онъ напалъ на нее и въ комиссіи, которая и начала свою дѣятельность именно съ критики упомянутой теоріи, о чемъ и представила собранію докладъ, назвавъ его, впрочемъ, докладомъ «о содѣйствіи сельскимъ обществамъ для покупки земли». Но если въ журнальной статьѣ г. Самаринъ воленъ былъ выбирать себѣ любого противника и въ своей критикѣ преслѣдовать только эту узкую задачу побіенія избраннаго врага, то «комиссія по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія» не должна ограничиваться разборомъ лишь одного представителя теоріи недостаточности надѣловъ, а коль скоро она сочла нужнымъ затронуть этотъ вопросъ принципиально, ей слѣдовало обсудить и другія основанія,

¹ «Русь», 1881, 16, курсивъ въ подлинникѣ.

высказанныя въ пользу расширенія крестьянскаго землевладѣнiя. Ей это было сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что, разбирая учение о надѣлѣ, пропорциональномъ потребностямъ крестьянъ, комиссія прямо подходила и къ другому, не мало распространенному принципу пропорциональности надѣла рабочимъ силамъ семьи; и если, тѣмъ не менѣе, она ни словомъ не обмолвилась о его существованiи, то это доказываетъ или поразительное невѣжество членовъ комиссії (что, разумѣется, невѣроятно), или желанiе ихъ непременно уклониться отъ такой постановки вопроса, которая должна разрушить всѣ вождедѣнiя самихъ членовъ и ихъ присныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, формулировавъ положенiе г. Янсона, что надѣлъ долженъ обеспечивать всѣ потребности крестьянъ и отказавшись отъ разбора его по существу, комиссія приступила къ приложенiю этой теорiи къ Московской губерни, причемъ оказалось, что въ этой мѣстности не достанетъ земли для надѣленiя всѣхъ крестьянъ по указанной нормѣ. Констатировавъ этотъ фактъ, комиссія вдругъ дѣлаетъ слѣдующее удивительное заключенiе: «и-такъ, очевидно, что осуществить теорiю о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ въ предѣлахъ Московской губерни невозможно; слѣдовательно, она должна быть устранена отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнiя комиссiи». Сознавъ, что выводъ этотъ, дѣйствительно, можетъ удивить сторонняго наблюдателя ея дѣяній, комиссія вслѣдъ затѣмъ продолжаетъ: «конечно, могутъ сказать, и, дѣйствительно, говорятъ, что когда земли оказывается недостаточно для надѣленiя ею крестьянъ въ должномъ размѣрѣ, слѣдуетъ выселить излишекъ народонаселенiя. Но, насколько комиссiи извѣстно, изъ Московской губерни крестьяне добровольно не переселяются и едва ли думаютъ о томъ, а объ насильственномъ выселенiи крестьянъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи». Правда! Но могутъ сказать и, дѣйствительно, говорятъ еще вотъ что: невозможность осуществить какой-нибудь идеаль сразу не доказываетъ, что послѣднiй долженъ быть вовсе отвергнутъ, иначе никакое сознательное улучшенiе жизни невозможно. Практическiе люди, понимая это, никогда и не мечтаютъ провести въ жизнь извѣстное требованiе теорiи во всей его широтѣ, а остаются довольны, если имъ удастся сдѣлать шагъ въ желательномъ направленiи. Въ данномъ случаѣ, если земли въ Московской губерни недостаточно для удовлетворенiя *всѣхъ* потребностей крестьянъ, то сдѣлайте такъ, чтобы она удовлетворяла по возможности *большую ихъ часть*. Этого желаетъ и сама комиссія, для чего она предлагаетъ поднять земледѣлие. Но пока не произойдетъ желательное поднятiе промысла — той же цѣли можно достигнуть расширенiемъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ. Когда это будетъ сдѣлано, если вслѣдъ затѣмъ возымѣютъ должное дѣйствiе и другiя мѣропрiятiя, выработанныя комиссiей, направленные къ возвышенiю сельско-хозяйственной культуры, то очень можетъ быть, что требованiя ученiя о на-

дѣлѣ, способномъ удовлетворить всѣ потребности семьи, будутъ весьма близкіе къ полному осуществленію.

Итакъ, приложение теоріи г. Янсона къ Московской губерніи приводило къ необходимости расширенія крестьянскаго надѣла этой области, а невозможность достигнуть идеала ни въ какомъ случаѣ не давала права отвергнуть разсматриваемую теорію. Сдѣлавъ же этотъ послѣдній шагъ, комиссія впала въ очевидную логическую ошибку, и, кромѣ того, показала намъ образчикъ хваленаго своего «безпристрастія». Впрочемъ, это ея качество еще ярче обрисовалось въ послѣдующемъ развитіи мысли комиссіи. Отвергнувъ одинъ идеалъ за невозможностью сразу осуществить его въ жизни, комиссія, задача которой въ данномъ случаѣ заключалась въ оцѣнкѣ всѣхъ доводовъ въ пользу расширенія надѣловъ крестьянъ, дабы окончательно рѣшить вопросъ, можно ли этимъ путемъ возвысить благосостояніе населенія губерніи и потомъ принять соотвѣтствующія мѣры, комиссія, говоримъ, не упомянувъ о нихъ ни единымъ словомъ, перешла прямо къ формулированію своего окончательнаго вывода, который заключается въ слѣдующемъ: «все, сказанное до сихъ поръ въ опроверженіе теоріи о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ (слѣдовало бы сказать «теоріи г. Янсона», ибо есть и другія), вмѣстѣ съ тѣмъ служить подтвержденіемъ взгляда комиссіи, что быть крестьянъ въ Московской губерніи можетъ быть обезпеченъ только *надѣломъ и личнымъ трудомъ* (курсивъ въ подлинникѣ) крестьянъ, приложеннымъ къ разнымъ промысламъ».

Положимъ, что шесть членовъ изъ семи лицъ, подписавшихъ докладъ, о которомъ мы теперь говоримъ, не обязаны быть столь образованными, чтобы знать, что говорится по извѣстному вопросу въ литературѣ (хотя отъ столичнаго земскаго собранія можно требовать, чтобы лица, назначенныя имъ для производства серьезныхъ изслѣдованій, обладали и извѣстной подготовкой къ этому дѣлу); но вѣдь «глава» ея — самъ журналистъ, сдѣлавшій притомъ вопросы крестьянскаго хозяйства своей специальностью. Ссылка комиссіи на кн. Васильчикова доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ, ея руководитель знакомъ съ этимъ авторомъ; а въ такомъ случаѣ онъ тѣмъ паче долженъ былъ знать, что даже на Западѣ, гдѣ большая половина народа обезземлена, и тамъ публицисты ломаютъ копья изъ-за вопроса, что должно быть нормой крестьянскаго надѣла: потребности семьи или ея *рабочія силы*. Нельзя поэтому, при разборѣ ученія о недостаточности надѣловъ нашихъ крестьянъ, ограничиться критикой одной варьяціи этого мнѣнія, и послѣ того, какъ первая изъ двухъ приведенныхъ нормъ крестьянскаго землевладѣнія была отвергнута комиссіей, г. Самаринъ обязанъ былъ указать ей на необходимость обстоятельной оцѣнки второй. Въ сочиненіи кн. Васильчикова комиссія нашла бы и еще основанія для болѣе разносторонней разработки вопроса о существующихъ на-

дѣлахъ крестьянъ. Она бы тамъ, напримѣръ, столкнулась съ мнѣніемъ, «что человѣческій трудъ только тогда можетъ быть признанъ вполне производительнымъ и вполне вольнымъ, когда онъ примѣняется къ собственному имуществу или къ личнымъ способностямъ самого рабочаго»¹ (впрочемъ, по логикѣ комиссіи, такъ какъ этотъ идеаль въ настоящее время въ Московской губерніи не приложимъ, то позволительно не принимать никакихъ мѣръ къ тому, чтобы по возможности избавить население губерніи отъ кабалы, въ какой оно находится, напримѣръ, у ростовщиковъ, скупщиковъ). «Поэтому, не подлежить сомнѣнію, что работа хозяина, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ всегда производительнѣе труда наемника». А такъ какъ возвысить производительность крестьянскаго труда — одна изъ задачъ комиссіи, то, по всестороннемъ (и, разумѣется, безпристрастномъ) обсужденіи вопроса, она можетъ быть и снисходительнѣе бы отнеслась къ ученію о расширеніи народнаго землевладѣнія. Вотъ что почерпнула бы комиссія, познакомившись съ литературой даже въ лицѣ противниковъ (но безпристрастныхъ) расширенія надѣловъ крестьянъ. А затѣмъ остаются еще доводы приверженцевъ этого мнѣнія (соціальныя неудобства крупной и частной собственности, несправедливость сосредоточенія земли въ немногихъ рукахъ, мертворожденность нашего помѣщичьяго хозяйства и т. п.), съ которыми тоже нужно посчитаться!

Таково-то «безпристрастіе» московскихъ общественныхъ дѣятелей; ясно, какой плодъ «истины» вырастетъ на почвѣ такого отсутствія «всякой предвзятой идеи». Впрочемъ, мы должны оговориться, что «отвѣтственность за то и другое, можетъ быть, и не лежитъ на всей комиссіи, ибо голова, а не тѣло виновато въ проступкахъ организма; насколько же намъ извѣстно, ни самъ г. Самаринъ, ни кто либо другой не опротестовали заявленія «Руси», что главою комиссіи былъ именно онъ. Итакъ, мы можемъ безъ особенной натяжки сказать, что главнымъ образомъ по милости г. Самарина затормозился вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи, да встали же прибавимъ, что заботы этого почтеннаго общественнаго дѣятеля простираются не на одну только область, его родившую; свое вліяніе онъ пытается распространить и на остальную Россію. А «Русь» между тѣмъ недоумѣваетъ, почему это г. Самаринъ «либеральною прессою обозванъ тормазителемъ, брѣвостникомъ и т. д.»

Какую же истину открыли московскіе земцы? Истина эта велика есть! Отнынѣ, передъ несчастныхъ экономическимъ положеніемъ народа «московское» земство стоитъ уже не съ завязанными глазами, какъ прежде. Путь найденъ, еще немного свѣту, и мы имѣемъ полное право надѣяться, это земство выработаетъ

¹ Землевладѣніе и земледѣліе, с. 565.

и начнет проводить въ жизнь плодотворную земледѣльческую реформу, данныя для которой почти готовы теперь» («Русь»). Посмотримъ же на найденный путь.

Дѣйствительно, если кто можетъ узнать истину о современномъ положеніи народа, такъ это прежде всего московское земство, ибо вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ московская губернія изслѣдуется вдоль и поперекъ земскими статистиками. Ни въ какой другой мѣстности невозможно болѣе или менѣе точно опредѣлить даже только размѣры того бѣдствія, съ которымъ нужно бороться; а московская комиссія могла сдѣлать это, при чемъ разрушеніе народнаго благосостоянія оказалось громаднымъ. Изъ 200,000 дворовъ губерніи 20,000 безземельныхъ, около 30,000 получили землю, но ее бросили; 27,000 за отсутствіемъ скота обрабатываютъ свои надѣлы наймомъ; настоящихъ хозяевъ такимъ образомъ осталось съ небольшимъ 60%. Пахатной земли крестьянами заброшено 130,000 десятинъ; убыль скота съ 1869 года доходитъ до 3, 50%.

Труды земскаго статистическаго комитета давали возможность опредѣлить не только размѣры упадка крестьянскаго хозяйства, но и причины указаннаго явленія; но чтобы открыть ихъ, необходимо было, во-первыхъ, изрядно потрудиться, а, во-вторыхъ, отнестись къ вопросу, не скажу безъ предвзятой идеи, но во всякомъ случаѣ безпристрастно; а послѣднимъ свойствомъ, какъ мы видѣли выше, комиссія не обладаетъ: къ извѣстнымъ идеямъ, у нея существуетъ не только предвзятость, но и слѣпое пристрастіе; повидимому, и къ труду у нея не особенно большая склонность, вслѣдствіе чего ложь предвзятыхъ идей не могла быть обнаружена основательнымъ изученіемъ подлежащаго матерьяла. Въмѣсто того, чтобы доискиваться основныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства, комиссія прямо оперлась на первое попавшееся невыгодное въ экономическомъ отношеніи явленіе, извѣстное ей раньше, именно на семейные раздѣлы, которымъ и приписала главное вліяніе на разрушеніе народнаго благосостоянія: «семейные раздѣлы создали многочисленный, почти неизвѣстный у насъ дотолѣ разрядъ домохозяевъ безлошадныхъ, вынужденныхъ бросать земледѣльческій промыселъ». Для подтвержденія своей мысли, она приводитъ цѣлую таблицу, изъ которой видно, что за 20 лѣтъ семейный составъ крестьянскаго двора уменьшился на 23% (съ 3,5 д. м. п. на 1 дворъ до 2,7). Повидимому, комиссія права; но еслибы она потрудилась еще немного, то и правота ея усугубилась бы. Именно, еслибы она сравнила быстроту обезземеленія съ движеніемъ раздѣловъ по десятилѣтіямъ, то увидѣла бы, что разсматриваемый факторъ народнаго обѣднѣнія вовсе не играетъ приписываемой ему главнѣйшей роли. Мы знаемъ, что на 1 дворъ приходилось душъ мужскаго пола: въ 1858 году—3,7; въ 1869 г.—2,9; въ 1878 г.—2,7. Въ первый періодъ произошло ослабленіе двора на 17%, во второй на 6%, т. е. въ послѣднее время се-

мейные раздѣлы совершаются менѣе часто, чѣмъ въ первое время послѣ реформы. Обращаясь же къ росту группы крестьянъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, мы увидимъ здѣсь совершенно обратное: въ Подольскомъ уѣздѣ съ 1869 по 1877 годъ число забрасывающихъ надѣлы увеличилось въ 3 раза; «имѣющіяся указанія по отдѣльнымъ волостямъ другихъ уѣздовъ даютъ возможность заключить, что число пустырниковъ увеличивается по всей губернии, хотя *вѣроятно* и не такъ быстро, какъ въ Подольскомъ уѣздѣ». На чемъ основано это «вѣроятно», коммиссія не говоритъ; и намъ кажется, что это слово здѣсь вовсе не кстати. Сравнивая, напримеръ, два изданія статистическаго сборника о Московскомъ уѣздѣ, раздѣленные промежуткомъ въ четыре года (1877 и 1881 г.), мы увидимъ, что число не занимающихся хлѣбопашествомъ возросло за это время, съ 1,478 до 3,248 т. е. слишкомъ въ 2 раза, и это въ продолженіи 4 лѣтъ. Но пусть коммиссія права: не въ три, а въ два раза увеличилось за послѣдніе 8 лѣтъ число безземельныхъ — все-таки останется не поколебленнымъ положеніе, что обезземеленіе народа особенно быстро пошло въ то время, когда семейные раздѣлы сдѣлались въ $2\frac{1}{2}$ раза рѣже. Это не значитъ, что раздѣлы вовсе неповинны въ обѣднѣніи народа, а показываетъ, что вліяніе разсматриваемаго фактора ступевывается передъ силою другихъ воздѣйствій, толкающихъ крестьянина на путь раззоренія. Какія-же это другія воздѣйствія? Что намъ открыла о нихъ коммиссія?

Второю главною причиною раззоренія народа она считаетъ недостатокъ кормовыхъ (для скота) средствъ.

По мнѣнію коммиссіи упадокъ скотоводства въ Московской губерніи объясняется тѣмъ, «что подъ пашню отведено въ ней слишкомъ много земли въ ущербъ пространству, занятому лугами и пастбищами». Интересны основанія, которыя привели коммиссію къ этому выводу.

По свѣдѣніямъ земскаго статистическаго комитета въ крестьянскомъ надѣлѣ на 100 дес. пашни приходится 57 дес. луговъ; этимъ однако не опредѣляется сельско-хозяйственный составъ угодій Московской губерніи; «чтобы судить о томъ, правильно или нѣтъ отношеніе кормовой площади къ пищевой, иначе сказать, не слишкомъ ли велика въ ней площадь земли, отведенная подъ пашню, сравнительно съ пространствомъ, занятымъ лугами и пастбищемъ—слѣдовало бы сравнить цифры всей пахатной и луговой земли въ губерніи, такъ какъ большая часть земель, принадлежащихъ казнѣ, удѣлу и частнымъ лицамъ, арендуется крестьянами. Къ сожалѣнію, въ матерьялахъ статистическаго отдѣленія нѣтъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Если же можно хоть отчасти положиться на другіе источники, болѣе или менѣе официальные, то оказывается, что въ Московской губерніи на 100 дес. пахатной земли, приходится луговъ только 25 дес. Какъ-бы то ни было, 25 или 57 дес. луговъ, приходится на 100 дес. пашни въ Московской губерніи, нельзя кажется не при-

знать, что луговъ и пастбищъ для скота въ губерніи, слишкомъ мало».

Не знаешь, чему больше удивляться—невѣжеству или научной недобросовѣстности комисси. Она повѣрила, что въ нечерноземной мѣстности, гдѣ земледѣліе основано на удобреніи полей и гдѣ поэтому размѣры пашни опредѣляются размѣрами скотоводства, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ количества луговъ—что въ такой мѣстности пахатное поле можетъ расширяться до того, чтобы занять отъ 66 до 80% земли, находящейся подъ сельско-хозяйственной эксплуатаціей, т. е. столько же, сколько оно занимаетъ во многихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ скота держать гораздо меньше (рабочій скотъ) и потому не нуждаются въ большомъ количествѣ луговъ. Комиссія заявляетъ, что въ матеріалахъ земскаго статистическаго комитета нѣтъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса; мы же дополнимъ ея заявленіе утвержденіемъ, что данныхъ комитета слишкомъ достаточно для того, чтобы воздержаться отъ недѣлности, высказанной комиссіей. Во-первыхъ, комиссія должна была знать, что въ надѣлѣ крестьянъ пашня занимаетъ относительно гораздо большую часть, чѣмъ въ землѣ другихъ владѣльцевъ, поэтому средняя цифра, луговъ по губерніи будетъ во всякомъ случаѣ больше 57 дес. на 100 дес. пашни, т. е. указанное отношеніе обоеихъ угодій составляетъ низшій предѣлъ луговыхъ пространствъ, и всякая цифра, еще болѣе уменьшающая количество луговъ въ губерніи, должна быть отвергнута, какъ завѣдомо невѣрная. Во-вторыхъ, изъ матеріаловъ, собранныхъ земствомъ и давнымъ давно напечатанныхъ, комиссія могла бы ознакомиться съ двумя явленіями: первое, что крестьяне цѣлыми обществами арендуютъ 400,000 дес. помѣщичьихъ земель, представляющихъ почти исключительно кормовыя угодья, и, второе, что послѣ освобожденія крестьянъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ запущено больше 75% пашни (около 100,000 дес.),¹ такъ что въ настоящее время количество помѣщичьей запашки врядъ ли достигаетъ 50,000 дес. Это значитъ, что почти вся частновладѣльческая земля губерніи, за исключеніемъ лѣса, состоитъ изъ выгона и сѣнокосныхъ угодій, эксплуатируемыхъ крестьянами, вслѣдствіе чего пропорція кормовой поверхности къ пищевой крестьянскаго надѣла (57 на 100) въ цѣлой губерніи измѣняется въ такомъ направленіи, что первая становится больше послѣдней и такимъ образомъ сохраняется то отношеніе между ними (60 дес. луга на 40 дес. пашни), какое необходимо для веденія трехпольнаго хозяйства съ удобреніемъ. Кромѣ того комиссія должна была обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по ея собственнымъ расчетамъ, послѣ реформы запущено крестьянской пашни 130,000 дес., а по расчетамъ земскихъ статистиковъ и помѣщичья запашка сократилась на 75—100 тыс. десятинъ, и это произошло

¹ Сб. ст. св. по Моск. губ. т. I, II, III, V.
Т. ССLIX. — Отд. II.

одновременно съ сокращеніемъ скотоводства губерніи. Такимъ образомъ, это послѣднее явленіе шло параллельно съ расширеніемъ *не пищевой поверхности, какъ утверждаетъ комиссія, а кормовой, не пашни, а муга*, и причина его, значить, заключается не въ томъ, что «подъ пашню отведено слишкомъ много земли въ ущербъ пространству, занятому лугами и пастбищемъ», а въ другихъ вліяніяхъ, комиссіей не выясненныхъ ¹. Такова-то прославленное безпристрастіе—скажемъ больше—добросовѣстность комиссіи, предводительствуемой г. Самаринымъ; такова-то истинность ея выводовъ, а отсюда ясно само собой, насколько «въ спора», по выраженію «Руси», стоитъ и окончательное заключеніе комиссіи, какъ выводъ изъ всего предшествующаго, именно, что поднятiе благосостоянiя населенiя невозможно при нынѣшней системѣ хозяйства, которая должна быть поѣтому преобразована изъ трехпольной въ многопольную съ посѣвомъ травъ. Это послѣднее положеніе не вытекаетъ логически изъ той картины крестьянскаго быта, какая рисуется на основаніи фактовъ, собранныхъ московскимъ земскимъ статистическимъ отдѣленіемъ; логичность всей аргументаціи комиссіи только внѣшняя, происшедшая отъ того, что факты были ею извращены въ такую форму, чтобы ими подтверждалось вышеприведенное положеніе. Комиссія приступила къ работѣ съ предвзятой идеей, къ которой она относилась крайне пристрастно и которую пожелала во что бы то ни стало оправдать въ глазахъ несвѣдущихъ и мало-мыслящихъ лицъ. Самая же идея агрикультурной реформы приобрѣтена ею не на основаніи добросовѣстнаго изученія русской жизни, а инымъ путемъ. Какъ это ни прискорбно для патристическихъ чувствъ «Руси», мы должны сказать, что понравившаяся ей идея зародилась въ «головѣ» комиссіи подъ вліяніемъ творческаго Запада. По крайней мѣрѣ, сама-то «голова», сирѣчь г. Самаринъ, развивая на губернскомъ собраніи (еще раньше учрежденія комиссіи) идею о необходимости измененія трехпольной системы въ многопольную, въ пользу своей мысли приводилъ то, что указанное преобразование все равно должно совершиться само собой, что дѣйствовать въ его, Самарина, духѣ, значить предугадывать естественный ходъ вещей. Почему же именно должно совершиться желательное преобразование? Очевидно потому, что оно совершилось на Западѣ.

Такъ какъ въ экономическихъ вопросахъ мы не настолько западники, какъ наши современные славянофилы, то и аргументація г. Самарина для насъ вовсе необѣдительна; а такъ какъ основанія его теоріи, *почерпнутыя изъ русской жизни*, разобраны

¹ Кстати, серьезность работъ и заключеній пресловутой комиссіи, видно изъ того, что послѣ всего, что она говорила о факторахъ, разрушающихъ благосостояніе населенія и въ частности ведущихъ къ паденію скотоводства, въ другомъ докладѣ она очень важное значеніе въ этомъ дѣлѣ придаетъ продажѣ скота за недоимки, разоряющей «цѣлыя селенія, волости и даже уѣзды».

нами выше, причѣмъ оказалось, что жизнь сама по себѣ, а теорія—сама по себѣ, то мы и оставимъ послѣднюю саму въ себѣ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда она явится передъ нами уже освобожденной отъ облаченія, въ какое нарядили ее московскіе земцы.

Не много болѣе благообразной сдѣлалась агрономическая теорія и послѣ того, какъ за нее взялся смоленскій помѣщикъ Шараповъ, изложившій свои взгляды въ докладѣ московскому обществу сельскаго хозяйства: «Малоземелье, какъ результатъ ненормальныхъ отношеній труда къ вознагражденію въ крестьянскомъ хозяйствѣ». Докладъ написанъ съ цѣлью «лишить почвы сторонниковъ расширенія надѣловъ и направить работу общественной мысли въ ту сторону, гдѣ она можетъ найти настоящій спасительный выходъ». Выходъ этотъ заключается, разумѣется, въ развитіи интенсивности земледѣлія, въ частности—въ широкомъ примѣненіи минеральнаго удобрения. Свою задачу авторъ разрѣшаетъ на основаніи «совершенно самостоятельнаго и практическаго изученія условій быта и работы нашего среднерусскаго крестьянина», ибо онъ «поставилъ себѣ задачей изслѣдовать на мѣстѣ тѣ неблагопріятныя условія, которыя тормозятъ прогрессъ нашего хозяйства въ такой ужасной степени». Что же почерпнулъ авторъ изъ такого основательнаго изученія, чѣмъ онъ побиваетъ противную теорію и поддерживаетъ излюбленную, каковы его аргументы?

Аргументы его, нужно признаться, очень легковѣсны. Это, во-первыхъ, низкая производительность земледѣльческаго труда, до того низкая, что обработка земли для крестьянина есть повинность болѣе тяжелая, чѣмъ ушлата податей; подтверждается это и примѣромъ крестьянской семьи, которая еле не умерла съ голоду, работая на своемъ надѣлѣ въ неурожайный 1879 годъ, а когда на слѣдующій годъ она, умудренная опытомъ предыдущаго («перезаложено рѣшительно все»), поступила на 96-ти-рублевое жалованье въ батраки, то вмѣсто 100 рублеваго дефицита семьдесятъ девятого года имѣла 150 рублей барыша («Разница для цѣлаго семейства выразится въ 250 рублей!» восклицаетъ авторъ). Впрочемъ, мужикъ, повидимому, не понимаетъ столь простаго расчета: вмѣсто того, чтобы откеститься отъ собственного убѣточнаго хозяйства и получать барыши въ барскихъ экономіяхъ, онъ, напротивъ того, всѣми силами стремится заарендовать помѣщичью землю; «какія бы суммы ни предлагалъ помѣщикъ, прилагать свой трудъ къ его землѣ есть для крестьянина всегда крупная жертва (кромѣ меньшинства бѣдняковъ), и онъ подчиняется ей только въ силу необходимости». За то, распахавъ на своемъ 3 — 4 десятинномъ надѣлѣ все, что возможно распахать, такъ что въ лугахъ и выгонахъ оказался «страшный недостатокъ» (полно! оттого ли только явился этотъ послѣдній, что крестьянинъ все распахать на своемъ надѣлѣ, а разграниченіе его земли отъ помѣщичьей тутъ не причѣмъ?),

*

общество крестьянъ готово на всякія жертвы, даже на работу въ пользу барина, лишь бы получить отъ него выгонъ, повошь, приволье. И работы этой у крестьянина страшно много; онъ работаетъ «за приволье, за оброкъ, за отръзки (вотъ, наконецъ, появились и они), работаетъ для добыванія денегъ, работаетъ въ счетъ процентовъ, изъ уваженія, словомъ, работаетъ безъ конца». Есть способъ избавить мужика отъ необходимости вѣчно трудиться на другихъ: снабдить его привольемъ, возратить отръзки, соразмѣрить платежи за все это съ доходомъ отъ промысла и проч. Но г. Шараповъ отвергаетъ пользу такихъ палъ-тивовъ, ибо если на первое время крестьянинъ, благодаря имъ, и поправится, то вскорѣ онъ истощитъ свой большой надѣлъ такъ же чисто, какъ теперь истощилъ уже маленькій. Ибо «нѣтъ той нормы земельного надѣла, которая удовлетворила бы надолго экстенсивную систему. За то для интенсивной существуетъ цѣлый рядъ величинъ, удовлетворяющихъ различнымъ типамъ культуры. Рожь, основной хлѣбъ сѣвооборота средней Россіи, мы можемъ довести до урожайности въ самъ-20». Такъ и давайте же вводить интенсивную систему. Самъ-20, пожалуй, для мужика слишкомъ много — ну, дадимъ ему самъ-12; введемъ, на примѣръ, пятипольное хозяйство, съ посѣвомъ травъ и уничтоженіемъ чернаго пара, и 4 десятины надѣла будетъ достаточно для прокормленія семьи. «Мы взяли минимумъ, а вѣдь сравнительно съ нимъ у нашего крестьянина въ 3 раза больше земли!» Включая и эту землю въ тотъ же сѣвооборотъ, очевидно, что существующаго надѣла крестьянъ будетъ не только достаточно, но и слишкомъ много для удовлетворенія всѣхъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ потребностей крестьянъ.

И такъ, благосостояніе народа обезпечено, и виновникъ этого — г. Шараповъ. Заслуга его сдѣлается въ нашихъ глазахъ тѣмъ большею, что онъ не задумался ради народа пожертвовать интересами сословія, къ которому самъ принадлежитъ. Дѣйствительно, въ организациі русскаго хозяйства, которой, по мысли г. Шарапова, принадлежитъ будущее, нѣтъ мѣста помѣщичьему земледѣлію: оно упраздняется совершенно естественно по той причинѣ, что мужикъ, обезпеченный собственнымъ надѣломъ, не нуждающійся ни въ привольи, ни въ отръзкахъ, не только не займется къ помѣщику въ батраки, но и не станетъ арендовать его земель. Владѣлецъ лишается не только рабочихъ рукъ, но и ренты: его земля никому не нужна, она обречена на запустѣніе. И такую жестокую судьбу цѣлому классу приготовляетъ не мужикъ, а администрація и земство по инициативѣ помѣщика же.

Справедливость требуетъ, чтобы, при прозектированіи плановъ будущей организациі сельскаго хозяйства въ Россіи, не были, какъ это допускаютъ помѣщики, приверженцы агрономической теоріи — игнорированы интересы крупныхъ землевладѣльцевъ. Изъ двухъ методовъ поднятія народнаго благосостоянія слѣдуетъ, если возможно, выбирать таковой, который не столь не-

благоприятно отразится на послѣднихъ. А этого-то и нельзя сказать объ интенсивныхъ системахъ, какъ сохраняющихъ потребность народа въ землѣ, дѣлающихъ половину (помѣщичью) территоріи страны излишней для сельскаго хозяйства. Остается единственный выходъ—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ помѣщичьяго на безобидныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ.

Затѣмъ, позволительно задать г. Шарарову слѣдующій вопросъ: во имя какаго историко-экономическаго закона онъ обрекаетъ половину страны на заустѣніе съ тѣмъ, чтобы на другой основать интенсивную систему земледѣлія? Насколько извѣстно, послѣдняя является умѣстной въ тѣхъ случаяхъ, когда скученность населенія достигнетъ степени, при которой территорія народа не въ состояніи прокормить его при господствѣ экстенсивнаго хозяйства; въ Россіи такой моментъ наступитъ, когда ея населеніе увеличится въ 2—3 раза. Затѣмъ, такъ какъ при интенсивныхъ культурахъ сильно возрастаетъ валовой доходъ отъ промысла, т. е. земледѣлецъ добываетъ продуктовъ гораздо больше, чѣмъ нужно ему самому (въ схемѣ г. Шарарова, напримѣръ, русскій крестьянинъ получить отъ своего надѣла втрое больше, чѣмъ самъ потребитъ), то кромѣ земледѣльцевъ въ странѣ непременно долженъ находиться многочисленный классъ лицъ этимъ промысламъ не занимающихся, но потребляющихъ его продуктъ. Иначе говоря, развитію интенсивнаго хозяйства въ Россіи должно предшествовать быстрое движеніе впередъ обрабатывающей промышленности, образованіе обширнаго спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ — перспектива, противъ которой сильно возстаютъ приверженцы агрономической теоріи прогресса и предупредить которую они и надѣются именно скорѣйшимъ осуществленіемъ своихъ плановъ. «Что пользы для государства восклицаетъ, напримѣръ, г. Шараровъ:—если на далекихъ окраинахъ сосредоточится сытое и здоровое русское населеніе (это—въ случаѣ, если правительство путемъ переселеній снабдитъ крестьянъ большими надѣлами), а въ центрѣ Россіи земледѣліе, падая все болѣе и болѣе, оставитъ, наконецъ, одни невоздѣланные пустыри и уступить свои руки фабрикамъ?» Увы, г. Шараровъ, это-то нежелательное для васъ явленіе и есть социальная основа излюбленнаго вами интенсивнаго хозяйства! Наконецъ, какъ бы ни разрывались апостолы интенсивныхъ системъ, а продукты послѣднихъ очень скоро становятся дороже продуктовъ экстенсивнаго хозяйства; поэтому, для возможности замѣны послѣдняго первыми, необходимо, чтобы цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ достигли извѣстной высоты; иначе говоря, производительность обрабатывающаго труда должна возвыситься настолько, чтобы съ избыткомъ окупить потери, связанныя съ переходомъ къ интенсивному хозяйству—чего у насъ опять-таки нѣтъ.

Какъ видите, кромѣ проступковъ передъ обществомъ или, если хотите, передъ помѣщичьимъ сословіемъ, наши агрикультуртре-

геры не чужды и преступлений передъ наукой. Вообще, въ этомъ отношеніи они представляются какими-то агнцами, невинными отъ всякихъ мало-мальски серьезныхъ социальнo-экономическихъ познаній. Кто половчѣе, тѣ умѣютъ замаскировать свою голубиную чистоту, а вотъ у г. Шарапова, напримѣръ, научная пустота агрономической теоріи является во всей своей наготѣ. Построивъ формулу, выражающую доходы земледѣльца въ зависимости отъ урожайности и площади посѣва, онъ далѣе говоритъ: «всѣ данныя уравненія могутъ измѣниться и, производя надъ ними различныя комбинаціи, мы получимъ рядъ новыхъ условий, *выборъ между которыми принадлежитъ несомнѣнно центральному органу*»¹. «Приведенная формула доказываетъ, какъ нельзя нагляднѣе, что у центрального органа поле *совершенно свободно*, и онъ можетъ выбрать любую точку приложенія своихъ усилій, можетъ принять политику, какую найдете наиболѣе цѣлесообразной»². Захочетъ—расширить крестьянскіе наделы, захочетъ—введетъ интенсивную систему хозяйства. И ни малѣйшаго намека на ограниченіе свободы реформатора общественно-экономическими условиями! Какъ будто бы придется имѣть дѣло только съ землей внѣ всякаго мѣста и историческаго момента. Удивительная, право, простота!

Немудрено, что при подобной эманципаціи протектора отъ обязанности подчиняться социальнo-экономическимъ законамъ самое грандіозное предпріятіе покажется легко исполнимымъ, что мы и видимъ на практической сторонѣ идеи г. Шарапова. Эту сторону вопроса онъ развилъ въ рядѣ статей въ «Руси» 1881 г. подъ заглавіемъ: «Задачи центрального хозяйственнаго органа въ Россіи», а потомъ изложилъ въ видѣ доклада тому же московскому обществу сельскаго хозяйства. Какъ видитъ читатель, г. Шараповъ является героемъ послѣдняго учено-сельско-хозяйственнаго сезона и героемъ настолько, по мнѣнію его сторонниковъ, солиднымъ, что его статьи рекомендуются «особенному вниманію министерства государственныхъ имуществъ, ибо въ нихъ затронуты и разработаны впервые нѣкоторыя очень важные вопросы сельскаго хозяйства, и, что самое главное, намѣченъ путь (если помнить читатель «путь» московскихъ земцевъ, то это уже второй) къ практическому разрѣшенію этихъ вопросовъ» («Русь»). Какой же это путь?

Мы видѣли, что если мѣры для борьбы съ кризисомъ, предложенныя гн. Васильчиковымъ, не отличаются особенной дѣятельностью, то большая ихъ часть, по крайней мѣрѣ, практически возможны и не требуютъ большихъ финансовыхъ затратъ. Московскіе дѣятели пошли далѣе: земство, по ихъ проекту, не ограничивается устройствомъ комиссіонерствъ и т. п., а беретъ на себя почти всѣ расходы по грядущему преобразова-

¹ «Русь», 1881, № 27.

² Id., № 29.

нію промысла, обезпечивая населенію доходъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, кредитуя его для покупки скота, устраивая маслодѣльни и пр. Планы г. Шарапова еще шире. Инициаторомъ въ дѣлѣ сельско-хозяйственной реформы должно сдѣлаться правительство: оно опредѣляетъ, что, какъ и когда нужно здѣсь измѣнить, и выдаетъ деньги. Оно дѣлаетъ агрономическіе опыты, выращиваетъ хорошій скотъ (для чего имѣетъ собственныя образцовыя хозяйства), строитъ заводы для добыванія минеральнаго удобрения (главное, по мысли г. Шарапова, средство для поднятія крестьянскаго хозяйства) и производства удобныхъ и дешевыхъ орудій и затѣмъ все это отпускаетъ народу въ кредитъ, даетъ ему и средства для расширенія надѣла, разумѣется, «тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительное малоземеліе», снабжаетъ деньгами для веденія хлѣбныхъ операцій, помогаетъ пострадавшимъ и т. д. Словомъ — «кредитъ самый широкій, напряженіе всѣхъ средствъ государства къ поднятію условій народнаго труда. Нужны деньги, деньги и деньги, хотя бы даже путемъ займа, хотя бы въ громадныхъ количествахъ»¹.

Кн. Васильчиковъ, конечно, не хуже г. Шарапова понималъ положеніе крестьянскаго хозяйства; онъ видѣлъ его постепенное паденіе и сознавалъ, что безъ вмѣшательства внѣшней силы дѣло окончится разрушеніемъ нашей экономической организаціи, обезпечивавшей массѣ населенія болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе матеріальныхъ благъ и возведеніемъ на ея мѣсто западно-европейскаго промышленнаго зданія съ его роскошными покоями для небольшой кучки монополистовъ и собачьими конурами для громаднаго большинства обыкновенныхъ смертныхъ. Возрѣнія князя на причины переживаемаго нами историческаго момента сходны съ таковыми г. Шарапова, и если, однако, онъ не пришелъ къ подобнымъ же практическимъ мѣропріятіямъ, логически вытекающимъ изъ основныхъ посылокъ исповѣдуемой ими обоими агрономической теоріи прогресса, то виною этому—его болѣе широкое соціологическое образованіе и большая опытность, пріобрѣтенная на поприщѣ общественной дѣятельности. То и другое научило его ставить очень не широкія границы правительственному вмѣшательству въ экономическую жизнь народа, отъ котораго, обыкновенно, рядомъ съ пользой, бываетъ не мало и вреда. Вотъ это-то противорѣчіе выводовъ послѣдовательно проведенной теоріи и данныхъ соціальной науки, и служить, по нашему мнѣнію, причиной противорѣчій, столь часто встрѣчающихся въ трудахъ покойнаго автора, и на которые неоднократно было указываемо въ печати. Теорія требовала грандіозныхъ плановъ переустройства промысла, приводимыхъ въ исполненіе по инициативѣ и на средства правительственныхъ и общественныхъ учреждений, а наука отрицала возможность выполненія подобныхъ проектовъ. Нужно

¹ «Русь», 1881, № 31.

было ихъ слузить, но, подвергнутые такой операціи, они уже перестаютъ соотвѣтствовать размѣрамъ той болѣзни, съ которой призваны бороться; приходится поэтому умалить и самое страданіе, дабы сдѣлать его доступнымъ прописанному лекарству. Но факты остаются фактами, и, какъ бы благопріятно ни объясняли сомнительныя стороны явленія, какъ бы ни преувеличивали свѣтлые оттѣнки жизни, мрачныя краски отъ этого не исчезнутъ, и лишь вся картина получитъ фальшивый колоритъ. Нужно совсѣмъ отбросить неправильную точку зрѣнія или оставаться послѣдовательнымъ до конца, рискуя, правда, очутиться между небомъ и землей.

Отъ послѣдняго исхода спасъ князя научный баласть, съ которымъ онъ отправился въ море общественной и публицистической дѣятельности; но за то и его значеніе въ постановкѣ экономическаго вопроса на почву разсматриваемой теоріи ограничивается установленіемъ основныхъ положеній. Окончательные же выводы князя собственными его послѣдователями названы, совершенно вѣрно, не рѣшительными; мѣры, имъ предлагаемыя—неодобренными. Эти отсутствующія свойства должны быть имъ приданы лицами, настолько свободными отъ науки, чтобы не смутиться никакими съ виду приличными нелѣпостями, если только они логически вытекаютъ изъ основныхъ положеній. Такимъ рѣшительнымъ агентомъ своего ученія, «додѣлавшимъ» неодобренное его предшественникомъ, и является г. Шараповъ; ему принадлежитъ честь довести агрономическую теорію до логическаго конца, не испугавшись заключеній, каковы бы они ни были и тѣмъ показать всю ея нелѣпость.

Послѣднее свойство теоріи было прямо констатировано самимъ г. Шараповымъ въ томъ единственномъ случаѣ, когда, не ограничиваясь простымъ перечисленіемъ задачъ, возлагаемыхъ на правительство, онъ попытался болѣе подробно опредѣлить одно изъ проэктируемыхъ мѣропріятій въ его практическомъ осуществленіи.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ проэкта г. Шарапова есть организація мѣстныхъ правительственныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ. Важность указаннаго вопроса сдѣлается читателю совершенно ясной, если онъ сообразитъ о тѣхъ задачахъ, которыя долженъ выполнить мѣстный органъ. Онъ «долженъ» проводить въ населеніе знакомство съ лучшими формами хозяйства: онъ долженъ быть, слѣдовательно, правильно организованнымъ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Онъ долженъ снабжать населеніе улучшенными орудіями, скотомъ и сѣменами, слѣдовательно, долженъ имѣть при этомъ хозяйствѣ складъ машинъ и небольшую мастерскую для починокъ, производить хорошія посѣвныя сѣмена и выращивать хорошія породы скота. Мѣстный органъ долженъ быть далѣе кредитнымъ учрежденіемъ и, кромѣ того, на немъ же будетъ лежать исполненіе всевозможныхъ хозяйственныхъ порученій центральнаго органа и собираніе

для послѣдняго статистическихъ свѣдѣній и метеорологическихъ наблюдений». Какъ это устроить?

«Правительство приобретаетъ въ данной мѣстности (по крайнѣй мѣрѣ, въ каждомъ уѣздѣ) частное имѣніе небольшого размѣра, даетъ средства на устройство хозяйства, обзаведеніе и первоначальные обороты, и посылаетъ туда своего агента съ совершенно точной программой дѣятельности. Въ присканіи такихъ агентовъ недостатка быть не можетъ, такъ какъ нашими высшими сельско-хозяйственными учебными заведениями выпускается ежегодно значительный контингентъ агрономовъ-спеціалистовъ». Нарисовавъ эту картину организациі мѣстнаго сельско-хозяйственнаго управленія, г. Шараповъ, затѣмъ, самъ начинаетъ доказывать ея нелѣпость. «Осуществленіе этой задачи сразу, на всемъ пространствѣ государства, говоритъ онъ:—является дѣломъ до того грандіознымъ, требуетъ такихъ колоссальныхъ затратъ и такой массы спеціалистовъ (въ которыхъ по вышесказанному недостатка не будетъ), что при существованіи только этого пути къ разрѣшенію задачи—она надолго можетъ остаться въ качествѣ неосуществимаго *pium desiderium*». Автора смутила сумма 45—70 тыс. руб. на уѣздъ единовременной затраты на первоначальное обзаведеніе, сумма, передъ которой «можетъ въ раздумьи остановиться и болѣе богатая государственная касса, чѣмъ наша». Дѣйствительно, для всей Россіи это составитъ не менѣе 25—35 милл. руб. единовременнаго расхода. Но эта трата представляетъ лишь небольшую часть расходовъ, требуемыхъ проэктомъ г. Шарапова; это только содержаніе мѣстнаго управленія, а самое управленіе вѣдъ вводится для того, чтобы, кромѣ руководства народомъ въ реорганизаціонной работѣ, кредитовать его для покупки сѣмянъ, орудій, туковъ, скота, земли, и т. д. Затѣмъ, правительство устраиваетъ заводы для добыванія туковъ, производства земледѣльческихъ орудій и пр., что также потребуетъ не малыхъ единовременныхъ и постоянныхъ расходовъ. Словомъ, 25—35 милліоновъ рублей, смутившіе г. Шарапова, это—капля въ морѣ, сравнительно съ массою предстоящихъ, по его плану, расходовъ, и если послѣдніе, тѣмъ не менѣе, переносятся имъ довольно равнодушно, то это потому, что авторъ или не представляетъ себѣ конкретно ихъ громадной величины, или расчитываетъ, что дѣло преобразованія будетъ развиваться медленно, причеиъ постепенно же будутъ увеличиваться и расходы правительства. Однако, подобный расчетъ не соотвѣтствуетъ какъ степени дѣйствительнаго разстройства народнаго благосостоянія, такъ и мнѣнію, составленному о крестьянскомъ хозяйствѣ самимъ г. Шараповымъ. Напримѣръ, въ началѣ разбираемой нами статьи, авторъ приводитъ фактъ сокращенія вывоза сѣрыхъ хлѣбовъ въ первые годы послѣ крестьянской реформы, а затѣмъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказываетъ свое негодованіе по поводу оптимизма составителей «Обзора Управленія государственными имуществами за послѣдніа двадцать

пять лѣтъ», обрадовавшихся очень быстрому росту нашего экспорта. «Эти цифры (вывоза) имѣютъ другое и притомъ роковое значеніе. Когда послѣ реформы уменьшился вывозъ сѣрыхъ хлѣбовъ, это значило просто, что освобожденный мужикъ началъ сытнѣе ѣсть и благоденствовать до тѣхъ поръ, пока не вышелъ изъ равновѣсія и не сталъ стѣсняться, продавая хлѣбъ на подати и избобрѣтая разные суррогаты. Пшеницы, котзрую мужикъ не ѣлъ, потому что, вѣроятно, не находилъ въ ней вкуса, оказалось мало для покрытія дефицитовъ по вѣншей торговлѣ; понадобились сѣрые хлѣба, и эти сѣрые хлѣба поползли со всѣхъ сторонъ, по безчисленнымъ рельсовымъ путямъ, нарочно для этого построеннымъ. Дѣйствительно, для нашей вѣншей торговли началась эра! Но эта эра стала вскорѣ эрой лебеды внутри государства и хроническихъ голодобоь». Дальнѣйшее развитие своего взгляда онъ выражаетъ выписками изъ статей г. Энгельгардта, гдѣ тотъ говоритъ, что хорошую розь мы отправляемъ за границу и перекуриваемъ въ вино, а «самую что ни-есть плохую, съ пухомъ, костеремъ, сивцомъ и всякимъ отбоемъ, покупаемымъ при очисткѣ ржи для винокурень—вотъ это ѣсть ужъ мужикъ. Но мало того, что мужикъ ѣсть самый худшій хлѣбъ, онъ еще не доѣдаетъ», и т. д. ¹.

Въ виду такого положенія, при которомъ народъ (продолжаю выписку г. Шаропова изъ Энгельгардта) «худѣетъ, болѣетъ, ребята растутъ туже», когда «скотоводство страшно падаетъ» (это уже подлинныя слова г. Шаропова) и съ каждымъ годомъ бросается земледѣльцами масса истощенныхъ земель—въ виду подобной картины возможно ли тянуть съ необходимыми преобразованіями, заниматься производствомъ опытовъ вмѣсто того, чтобы сразу испытанными мѣрами прервать процессъ обѣднѣнія и сопутствующаго ему вырожденія народа. Нѣтъ, г. Шароповъ, если вы серьезно убѣждены въ истинности проповѣдаваемыхъ мѣропріятій, то, поелику они предлагаются вами, по причинѣ безвыходнаго положенія, въ какомъ очутился народъ и его хозяйство—требуйте немедленнаго ихъ осуществленія. Вспомните, что ваши средства—не только спослѣшествованіе процессу, уже естественно возникшему по законамъ нормальнаго развитія общества, а и направленіе послѣдняго на путь, съ котораго оно, по вашему мнѣнію, свернуло; это не руководство правильно развивающихся организмовъ, а леченіе опасно-страдающаго. Пусть предлагаемая вами мѣры рациональны, пускай безъ ихъ примѣненія обойтись невозможно, такъ какъ онѣ соотвѣтствуютъ сущности болѣзни, но въ данный моментъ на первомъ планѣ стоятъ такіе припадки болѣзни, которые должны быть устранены немедленно, ибо они угрожаютъ жизни. Здѣсь уже вы лишаетесь выбора средствъ и должны прибѣгать даже къ такимъ, которыя вообще не безвредны, но которыя въ данномъ случаѣ

¹ «Русь», 1881, № 24.

устраняютъ опасность. Для борьбы съ тѣмъ, что вы сами называете «страшными явлениями», нужны быстро дѣйствующія средства. Если ваше таково—примѣняйте его; расходы не должны васъ смущать, ибо вы, вѣроятно, рассчитали ихъ раньше. Если же нѣтъ, если грандіозность затратъ возникла передъ вами впервые, если вы поражены ею и ясно видите несоразмѣрность ея съ нашими финансовыми силами — отложите планъ въ сторону, вырабатывайте другой.

Итакъ, система агрономическаго леченія недуга, которымъ страдаетъ наше общество, по сознанію самихъ ея пропагандистовъ, оказывается неприложимой въ данному моменту болѣзни; за помощью приходится обратиться къ средствамъ, если и не столь радикальнымъ въ теоріи, за то болѣе доступнымъ на практикѣ и дѣйствующимъ быстрѣе. Такое средство заключается между прочимъ въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, а опытъ выкупа бывшими крѣпостными своихъ надѣловъ показываетъ, съ какими сравнительно незначительными затратами государственныхъ средствъ можетъ быть произведена русская реформа. Но это, впрочемъ, а прогос, а теперь обратимся къ проекту г. Шарапова.

Отчаявшись въ возможности осуществить сразу систему мѣстнаго сельско-хозяйственнаго управленія, удовлетворяющую вышеприведеннымъ условіямъ, авторъ предлагаетъ пока удовольствоваться ея суррогатомъ—въ видѣ системы помѣщичьихъ хозяйствъ. Основаніемъ для такой замѣны послужило ему то обстоятельство, что дѣятельность владѣльца, поставившаго свое хозяйство рационально, во многомъ сходна съ задачами мѣстныхъ органовъ: онъ не только производитъ хозяйственные опыты, выращиваетъ хорошій скотъ и пр., но «и непремѣнно стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ окружающими крестьянами, постоянно заимствующими что-либо изъ его хозяйства и большею частью пользующимися даже кредитомъ, конечно, въ ограниченномъ размѣрѣ и при тяжелыхъ условіяхъ (вѣроятно, зимняя наемка на лѣтнія работы), въ чемъ и винить помѣщика особенно нельзя, такъ какъ условія всякаго другого кредита въ деревнѣ неизмѣримо тяжелѣе». Отказываясь отъ разрѣшенія вопроса, можно ли, съ нравственной точки зрѣнія, оправдать помѣщика въ томъ, что онъ, въ виду безмѣрно тяжелыхъ условій, на которыхъ приходится кредитоваться крестьянину, пользуется его дешевымъ трудомъ или другими жертвами, тоже, однако, «тяжелыми»—мы скажемъ лишь, что такой человекъ не годится въ агенты предпріятія, непосредственнымъ результатомъ котораго будетъ ослабленіе или полное уничтоженіе экономической зависимости крестьянина отъ крупнаго землевладѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, рабочая сила помѣщичьяго хозяйства набирается изъ окрестныхъ крестьянъ, вынужденныхъ предпочесть лѣтній трудъ на помѣщика обработкѣ собственныхъ полей. По мѣрѣ поднятія ихъ благосостоянія, необходимость наниматься къ помѣщику

уменьшается до полного ея уничтоженія, и параллельно съ этимъ растутъ затрудненія владѣльца. И вотъ, агентъ-помѣщикъ долженъ сознательно работать въ этомъ направленіи, убійственномъ для его хозяйства, долженъ рыть яму самому себѣ. Положеніе, въ которомъ онъ очутится черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ сходно съ обстановкою владѣльца, смежнаго съ «Счастливымъ уголкоемъ», описаннымъ г. Энгельгардтомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жители этого, тогда несчастнаго, уголка готовы были идти на всякія барскія работы, «только бы деньги впередъ зимой получить; но въ настоящее время уже рѣдко кто изъ крестьянъ возьметъ убирать десятину луга или скосить десятину клевера за деньги; между тѣмъ какъ убирать изъ части всѣ луга разбираютъ на расхватъ». Допустить же такой способъ уборки помѣщика, рационально ведущій хозяйство, не можетъ, ибо это значить соками своей земли удобрять чужія поля. «Тоже и относительно батраковъ, поденщицъ. Бывало около 1-го марта, когда начинаютъ выбивать подати, ежедневно только и слышишь: мужикъ изъ Д. пришелъ. — Что тебѣ?—Хлѣбца нѣтути, укусить нечего, нѣтъ ли работки какой?—А теперь въ кои вѣки придетъ какой нибудь унылый, лядащій Филимонъ попроситъ денегъ подь уборку покоса». Теперь уже не мужикъ барина, а баринъ мужика ищетъ: «Что же ты, Михайла, не берешь клеверъ косить?—Нынче я не возьму, весело говоритъ Михайла:—нынче я, слава Богу, съ хлѣбомъ». Михайлѣ весело, а у помѣщика-агента кошки на сердцѣ скребутъ. «Агрономія — прекрасно. Для агрономіи, однако, нуженъ мужикъ. Но мужикъ самъ агрономъ, зачѣмъ онъ пойдетъ чужую агрономію разводить?» Онъ ее разводитъ, когда самъ перестаетъ быть агрономомъ; а такъ какъ усилія агентства направлены именно на то, чтобы превратить мужика въ агронома, да къ тому же не простого, а рациональнаго, то понятно, какая перспектива рисуется мѣстному агенту землевладѣльцу, если онъ будетъ добросовѣстно исполнять взятую на себя обязанность, а не воспользуется удобнымъ случаемъ поддержать на казенныя денежки свое, хотя и рациональное, но тѣмъ не менѣе жиждущееся на пескѣ хозяйство. Дѣйствительно, «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ измѣненія, которыя могутъ произойти въ хозяйствѣ помѣщика вслѣдствіе требованій правительственной программы будутъ состоять въ улучшеніи самаго хозяйства». Замѣна простыхъ сѣмянъ хорошими сортами, увеличеніе числа племенныхъ быковъ, проба новыхъ машинъ, введеніе новаго «особенно выгоднаго для данной мѣстности растенія»... «ни одно изъ этихъ измѣненій не отзовется убытками на хозяйствѣ помѣщика. Наоборотъ, огромное большинство рациональныхъ хозяевъ только вслѣдствіе рѣшительнаго недостатка средствъ стѣсняется производить въ своихъ хозяйствахъ разнаго рода капитальные улучшения, сущность которыхъ давно всѣми признана и понята». Теперь эти улучшения будутъ произведены на казенныя деньги.

Здѣсь мы наталкиваемся на образчикъ простоты и наивности, съ которой публицисты помѣстнаго класса трактуютъ столь сложный предметъ, какъ развитіе рациональнаго земледѣлія на крестьянскихъ поляхъ. Крестьянское хозяйство должно сдѣлаться рациональнымъ, а у насъ уже есть рациональныя помѣщичьи хозяйства, слѣдовательно, заключаютъ, послѣднія могутъ служить образцами для первыхъ. Крестьяне нуждаются въ руководствѣ для преобразованія теперешнихъ способовъ культуры земли въ болѣе рациональныя, а у насъ есть крупные владѣльцы, поставившіе свои хозяйства на надлежащую агрономическую высоту, слѣдовательно, они могутъ быть руководителями народа. «Въ этомъ смыслѣ готовые агенты для центрального органа существуетъ повсюду. Рѣшительно въ каждомъ уѣздѣ можно встрѣтить одного-двухъ такихъ хозяевъ-помѣщиковъ». Они и сдѣлаются агентами правительства, руководителями народа. Какъ видитъ читатель, весьма легкое разрѣшеніе очень труднаго вопроса явилось благодаря тому, что терминъ, которымъ опредѣляется цѣль, преслѣдуемая проэктомъ автора («рациональность») приложимъ и къ помѣщичьимъ, и къ крестьянскимъ хозяйствамъ. Этого оказалось для г. Шарапова достаточно, чтобы отождествить оба вида хозяйства, причемъ имъ игнорируется какъ различіе цѣли, преслѣдуемой крупной и мелкой культурой въ Россіи (полученіе наибольшаго количества продуктовъ для *продажи*—цѣль первой и для собственнаго *потребленія производителя*—цѣль второй), такъ и различіе условій, опредѣляющихъ агрикультурную форму той и другой: то, что исполнимо для одного-двухъ хозяевъ въ уѣздѣ, можетъ оказаться немислимымъ для всей его территоріи; то, чего достигъ частный владѣлецъ, имѣющій достаточное количество земли, можетъ быть недоступно общинникамъ, обязаннымъ арендовать чужія угодья и потому въ ходѣ своего хозяйства зависящимъ отъ чужой воли. Поэтому, хозяйство крупнаго владѣльца можетъ познакомить крестьянъ съ нѣкими частностями рациональной постановки дѣла, но въ цѣломъ, какъ образецъ, для нихъ вовсе непригодно; задачу крестьянскаго земледѣлія оно не разрѣшитъ, моделью ему не послужитъ, замѣнить образцовыя фермы не можетъ.

Если помѣщичье хозяйство не годится въ образцы крестьянскому, то организаторъ перваго тѣмъ болѣе не въ силахъ сдѣлаться руководителемъ послѣдняго. Онъ здѣсь не только вынужденъ дѣйствовать противъ своихъ интересовъ, какъ экономической единицы, но и долженъ стать на иную точку зрѣнія въ агрикультурномъ отношеніи. Онъ долженъ перестать быть одностороннимъ помѣщикомъ, а сдѣлаться разностороннимъ учителемъ. Такихъ людей можно, разумѣется, встрѣтить, но никакъ не «въ каждомъ уѣздѣ», да притомъ еще имѣя выборъ лишь между двумя-тремя, ведущими рациональное хозяйство лицами. Если такъ, то суррогатъ, предложенный г. Шариковымъ, не удовлетворяетъ своему назначенію и не избавляетъ правительство отъ не-

обходимости устройства повсемѣстно собственныхъ образцовыхъ фермъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся не только съ финансовыми затрудненіями, столь смутившими автора, но и съ вопросомъ, благого разумно имъ обойденнымъ, именно о вліяніи, какое подобныя фермы будутъ имѣть на окрестное населеніе. Для рѣшенія этого вопроса есть нѣкоторыя данныя, такъ какъ правительственныя сельско-хозяйственныя фермы въ Россіи не новость, и жаль, что г. Шараповъ не воспользовался опытомъ, приобрѣтеннымъ ими.

Но допустимъ, что всѣ соціальныя и финансовыя затрудненія преодолѣны: правительство рѣшилось взять на себя руководство въ дѣлѣ грядущаго преобразования земледѣлія, готово затратить на это много денегъ, добытыхъ «хотя бы путемъ займа, хотя бы въ огромныхъ размѣрахъ», имѣеть и достаточный контингентъ агентовъ. Можетъ ли оно приступить къ дѣлу съ надеждой, что всѣ его громадныя затраты не пропадутъ даромъ? Иначе говоря, имѣется ли готовый планъ новаго сельско-хозяйственнаго зданія; созданы ли конкретныя формы, въ которыя должно вылиться въ будущемъ крестьянское земледѣліе, формы, признаваемыя учеными—агрономами, а не гг. Самаринымъ, напрямѣръ, или Шараповымъ? Словомъ, есть ли въ прозектахъ, предлагаемыхъ адептами агрономической теоріи что либо настолько прочное и опредѣленное, что выдерживаетъ критику самихъ агрономовъ и единодушно предлагается ими правительству, какъ руководящая нить въ его преобразовательной дѣятельности? Что станетъ дѣлать правительство, слѣдуя совѣту г. Шарапова?

Вводитъ искусственное удобреніе—отвѣчаетъ послѣдній! Но это говоритъ г. Шараповъ, а онъ вѣдь не есть воплощенное знаніе и искусство. Правительство, можетъ быть, пожелаетъ узнать мнѣніе на этотъ счетъ специалистовъ, а обратившись къ нимъ, оно услышитъ ужъ инныя рѣчи. Оно узнаетъ, что въ 60 годахъ «многіе серьезно вѣрили, что курскіе фосфориты навсегда спасутъ Россію отъ неурожаевъ», но горячка скоро прошла и «увлеченіе смѣнилось столь-же мало основательнымъ равнодушіемъ. И все это потому, что въ то время увлеченіе не въ мѣру туками мѣшало уясненію условий, при которыхъ возможно выгодное при-мѣненіе ихъ. Къ сожалѣнію, уроки даже недалекаго прошлаго легко забываются». Фосфориты являются опять панацеей противъ всѣхъ нашихъ экономическихъ затрудненій. Это вынуждаетъ «Земледѣльческую газету» повторить въ краткихъ словахъ элементарныя агрономическія положенія, опредѣляющія роль минеральныхъ удобреній въ земледѣліи. Дѣло въ томъ, что для поддержанія плодородія почвы необходимо внесеніе въ почву одновременно какъ азотистыхъ, такъ и минеральныхъ частей. Тѣ и другія можно получать изъ скопленій и залежей, находящихся въ природѣ, но азотистыя удобренія, добытыя такимъ путемъ, крайне дороги; минеральныя же если и дешевле, то одни безъ азотистыхъ оказываютъ на почву очень малое вліяніе. Въ виду этого поневолѣ приходится обратиться къ навозу, какъ

наибольше дешевому источнику азотистыхъ веществъ, тѣмъ болѣе, что онъ заключаетъ въ себѣ и минеральныя частицы почвы, слѣдовательно, служить полнымъ удобреніемъ. Необходимость въ прибавкѣ фосфоритовъ является тогда, когда продолжительнымъ унавоживаніемъ полей *хорошимъ* навозомъ въ нихъ накопился избытокъ азотистыхъ веществъ; чтобы они не лежали въ почвѣ даромъ, а могли превратиться въ хлѣбъ, въ почву нужно внести недостающее количество минеральныхъ веществъ. «Поэтому, введенію искусственныхъ удобреній должно предшествовать введеніе хорошаго удобренія навозомъ, а слѣдовательно разведеніе кормовыхъ растений, расширение и улучшеніе скотоводства»¹. И въ Западной Европѣ процессъ поднятія урожайности полей шелъ тѣмъ же путемъ: и тамъ «туки явились въ хозяйствѣ только послѣ известной степени подготовки почвы обработкою и накопленіемъ въ ней перегноя»². Примѣненіе искусственныхъ удобреній оказывается небезвыгоднымъ и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ; но и здѣсь «давно уже примѣняется навозное удобреніе; тамъ нѣтъ уже вопроса (какъ у насъ въ иныхъ мѣстахъ) о томъ нужно-ли навозить пашню»³. Какая степень подготовки почвы здѣсь необходима—сказать à priori невозможно: въ каждомъ частномъ случаѣ опытъ долженъ разрѣшить вопросъ о своевременности перехода къ минеральному удобренію. Такой опытъ былъ у насъ сдѣланъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, но предпріятіе оказалось преждевременнымъ. Теперь опытъ повторяется снова (дѣятельность тульскихъ помѣщиковъ, напримѣръ, смоленскаго земства и пр.), можетъ быть, онъ дастъ лучшіе результаты; но нужно же признать, что это только опытъ, а не разрѣшеніе вопроса—какъ поставлено дѣло г. Шарাপовымъ. Впрочемъ, мы заранѣе можемъ сказать, что каковы бы ни были результаты предпринимаемыхъ крупными хозяевами опытовъ введенія минеральныхъ удобреній, они не будутъ имѣть значенія въ смыслѣ г. Шарاپова: если поля землевладѣльцевъ и окажутся настолько насыщенными перегноемъ, что наступилъ уже моментъ наполнить ихъ составныя части суперфосфатами, то крестьянскія земли—можно навѣрное сказать—находятся въ другомъ положеніи: не въ минеральныхъ веществахъ, а въ азотистыхъ, вотъ въ чемъ они теперь нуждаются.

Помимо агрономической стороны въ данномъ вопросѣ есть еще и экономическая. Примѣненіе дорого стоящихъ минеральныхъ туковъ возможно и при малой подготовкѣ почвы, т. е. и при ожиданіи небольшого возвышенія урожая, но подъ условіемъ высшихъ цѣнъ хлѣба. Это обстоятельство, нужно полагать, и смутило г. Шарاپова построить грандіозный планъ облагодѣлительствованія населенія путемъ удобренія его полей суперфосфа-

¹ «Землед. газ.» 1881, 26.

² Тр. Моск. общ. сел. хоз., вып. VIII, с. 18.

³ «Земл. газ.» 1881, 14.

тами. По крайней мѣрѣ, въ Московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ, имъ было заявлено, что по опытамъ, произведеннымъ на *квадратныхъ саженьяхъ* онъ получилъ «положительное убѣжденіе въ выгодности затратъ на удобреніе, но *только при цѣнахъ на урожаѣхъ нынѣшняго (1881) года*»¹. Одного этого сознанія достаточно, чтобы похоронить всю агрикультурную часть прозекта г. Шарарова. Цѣны хлѣба послѣднихъ годовъ—голодные цѣны; онѣ вызваны именно малыми урожаями въ Россіи и за границей; съ улучшеніемъ послѣднихъ, онѣ должны упасть, а всѣ прозекты приверженцевъ агрономической теоріи сводятся именно къ повышенію урожая. По плану, напримѣръ, г. Шарарова добываніе хлѣба въ Россіи утроится, т. е. цѣна его упадетъ вдвое и больше, при каковой стоимости его производство уже не окупитъ издержекъ интенсивнаго хозяйства. Поэтому, мы смѣемъ сказать, что прозектъ г. Шарарова, можетъ быть, имѣетъ въ настоящее время смыслъ для помѣщичьяго хозяйства, добывающаго лишь незначительную часть производимаго Россіей хлѣба, но никакъ не для крестьянскаго. Иначе говоря, ошибка г. Шарарова кроется въ томъ, что выводы, почерпнутые изъ опыта крупнаго земледѣлія, онъ примѣнилъ къ мелкому хозяйству. Для крупнаго хозяйства теперь дѣйствительно очень благоприятный моментъ: цѣны земледѣльческихъ продуктовъ безмѣрно высоки, т. е. искусственно создано одно изъ условий, необходимыхъ для развитія интенсивной культуры. Это же обстоятельство даетъ владѣльцамъ и средства для преобразованій, а раззореніе крестьянъ, потеря ими инвентаря и рабочаго скота и вытекающая отсюда неспособность обрабатывать помѣщичью землю на прежнихъ основаніяхъ—побуждаютъ владѣльцевъ попытаться обзавестись собственными орудіями производства, организовать батрацкое хозяйство. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вмѣстѣ съ этимъ явилась и мысль о введеніи искусственнаго минеральнаго удобрения и что предложеніе въ этомъ смыслѣ, обращенное къ хозяевамъ, появилось на страницахъ «Земледѣльской газеты». Весьма вѣроятно, что предпринимаемые опыты будутъ не безуспѣшны: хозяева, примѣнившіе туки, при нынѣшнихъ высокихъ цѣнахъ хлѣба, не останутся въ убыткѣ. Но это случится лишь потому, что нововведенію послѣдуютъ не многіе владѣльцы, производство которыхъ не окажетъ замѣтнаго вліянія на общее производство хлѣба въ Россіи. Предлагать же тоже средство для поднятія крестьянскаго хозяйства—значитъ совершенно игнорировать социально-экономическую обстановку земледѣльческаго промысла въ Россіи: общее примѣненіе искусственныхъ туковъ путемъ удешевленія хлѣба приведетъ къ уничтоженію условія, дѣлающаго такое примѣненіе экономически возможнымъ.

Итакъ, еслибы правительство пожелало помочь населенію поднять падающее хозяйство и, остановившись на мысли объ

¹ Тр. Моск. общ. с. хоз. вып. VIII, с. 17.

искусственномъ удобреніи, обратилось за разъясненіемъ дѣла и совѣтомъ къ специалистамъ, то оно услышало бы отъ нихъ такія рѣчи, которыя значительно охладили бы его преобразовательныя стремленія. Въсто обѣщаннаго г. Шарповымъ урожая самъ-12, оно получило бы увѣреніе, что одни минеральныя удобренія, «если и повышаютъ въ первые годы урожай, то очень незначительно, такъ что не окупаютъ издержекъ по ихъ приобрѣтенію», и что все дѣло пока въ накопленіи въ почвѣ органическаго вещества, т. е. въ навозѣ ¹.

Разочаровавшись въ одномъ средствѣ для поднятія крестьянскаго земледѣлія и оставаясь вѣрнымъ агрономическому принципу, принятому въ руководство, правительству обратится къ другой мѣрѣ, диктуемой приверженцами интенсивныхъ системъ, хотя и болѣе длиннымъ путемъ, но ведущей къ той же цѣли, именно къ развитію скотоводства (для приготовления навоза), чему должно предшествовать развитіе кормовыхъ растений. Эта сторона вопроса подробно развита, какъ мы видѣли, московскими хозяевами съ г. Самаринымъ во главѣ, при чемъ формой, въ которой должно осуществится ожидаемое преобразование, принять многопольный сѣвооборотъ. Не довольствуясь мнѣніемъ однихъ только дилетантовъ-москвичей и обращаясь опять къ ученой экспертизѣ, правительство услышитъ такое заключеніе, что введеніе многопольнаго сѣвооборота на крестьянскихъ поляхъ крайне затруднительно, и что такой проэктъ явился результатомъ черезчуръ поспѣшнаго отождествленія крестьянскаго хозяйства съ помѣщичьимъ. «Если мысль превратить хозяйство каждаго отдѣльнаго члена общины въ кѣчто въ родѣ миниатюры крупнаго хозяйства, если эта хитрая мысль не удастся, то отсюда слѣдуетъ лишь то, что надо отъ нея отказаться и подуматъ объ обезпеченіи хозяйства кормовыми средствами инымъ, болѣе практичнымъ путемъ. На вопросъ: что же именно предложили бы мы, т. е. какія растения и какой сѣвооборотъ, отвѣчаемъ: общепригоднаго рѣшенія дать невозможно; но вполне возможны частныя рѣшенія, примѣнительно къ извѣстнымъ мѣстнымъ условіямъ». Такъ въ черноземныхъ губерніяхъ «Земледѣльческая Газета» совѣтуетъ разводить кормовую кукурузу, высѣвая ее въ яровомъ клину, вмѣсто части овса или ячменя ². Другой сотрудникъ того же органа утверждаетъ, что крестьяне черноземной полосы не утилизируютъ какъ слѣдуетъ и имѣющіяся у нихъ кормовыя средства (солому), сжигая ихъ вмѣсто того, чтобы скармливать скоту; поэтому главнѣйшимъ вопросомъ сельскаго хозяйства этой области является не столько введеніе культуры новыхъ кормовыхъ растений, сколько отысканіе горючаго матерьяла для замѣны имъ топлива—соломы. А насколько затѣмъ полезно прибѣгнуть къ разведенію корма, то авторъ со-

¹ «Землед. Газ.», 1881 г., № 26.

² «Землед. Газ.», 1881, 7.

гласенъ съ редакціей относительно кукурузы, только культивировать это растеніе предлагаетъ не на поляхъ, а въ огородахъ, конопляникахъ и проч. ¹ Но какъ тотъ, такъ и другой писатель—вовсе не считаютъ свои заключенія законченными рецептами, которые остается только передать въ аптеку для надлежащаго исполненія; они ихъ высказываютъ съ цѣлью выставить вопросъ на разработку, узнать о немъ мнѣніе хозяевъ, побудить ихъ «приложить посильное стараніе къ введенію попытокъ культуры кормовой кукурузы въ крестьянскія хозяйства».

Другой рядъ агрономовъ (Заломановъ, Вернеръ) и вовсе отвергаютъ пользу и возможность травосѣянія въ крестьянскихъ хозяйствахъ Россіи, ибо, за неизмѣнимъ сбыта для продуктовъ скотоводства, оно не поведетъ къ развитію послѣдняго. Г. Вернеръ (агрономъ московскаго земства), напримѣръ, рассчитываетъ, что въ Московской губерніи «скотоводство, даже хорошо организованное, оплачиваетъ 1 пудъ сѣна не дороже 18 копеекъ». «Спрашивается, много ли такихъ мѣстностей, гдѣ бы можно было купить или произвести сѣно за эту цѣну? Очевидно, что производительность нашего скота настолько мала, что сѣно, особенно клеверное, составляетъ для него слишкомъ дорогой кормъ. Вотъ, между прочимъ, причина, почему нерѣдко крестьяне продаютъ сѣно на рынокъ, а не скармливаютъ его въ своемъ хозяйствѣ. Очевидно, съ другой стороны, что въ интересахъ увеличенія скотоводства необходимо стараться добыть дешевый кормъ, а не такой дорогой, какъ клеверное сѣно» ². Такой дешевый кормъ авторъ находитъ въ отбросахъ крахмально-паточнаго производства, и ратуетъ за поддержаніе и развитіе соответствующихъ крестьянскихъ промысловъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что безъ увеличенія народнаго потребленія у насъ не разовьется ни скотоводство, ни крахмально-паточное производство. Впрочемъ это мимоходомъ; обращаясь же къ предмету нашей рѣчи, мы прибавимъ, что если читатель вспомнитъ при этомъ тотъ рядъ мнѣній нашихъ агрономовъ о современныхъ задачахъ крестьянскаго хозяйства, который мы привели раньше, то онъ убѣдится, что правительство, еслибы и пожелало, не можетъ имѣть опредѣленнаго плана интенсивнаго хозяйства, по которому бы оно могло смѣло приняться перекаривать современное народное земледѣліе. Здѣсь все планы, построенные à priori, по аналогіи; пожалуй, попытки стать на реальную почву и только. Изъ этихъ попытокъ, можетъ быть, выработается что-нибудь прочное въ будущемъ, но для настоящаго момента здѣсь нѣтъ ничего практическаго, положительнаго.

А между тѣмъ исторія не ждетъ! Кризисъ не слѣдитъ за мыслью ученыхъ и не ученыхъ радѣтелей мужика, а настойчиво требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Агрикультурная тео-

¹ Id., № 14.

² Сб. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VII, вып. I, стр. 40.

рія не въ силахъ предложить таковыхъ; она — предвѣстница отдаленнаго будущаго, а не указатель для настоящаго. Остаются специально-экономическія преобразованія, на путь которыхъ правительство, повидимому, уже и выступаетъ.

В. В.

Іюль, 1882 года.

СЕКТА ШАЛАПУТОВЪ.

Малорусскимъ рационалистамъ-штундистамъ очень посчастливилось въ нашей литературѣ: почти съ самаго начала возникновенія штунды, въ газетахъ постоянно появлялись корреспонденціи о новыхъ сектантахъ, а за послѣдніе 4 года появилось даже нѣсколько большихъ журнальныхъ статей, трактующихъ о штундистахъ съ самой выгодной стороны для послѣднихъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится другое новое русское разновѣріе, возникшее раньше штунды и распространившееся одновременно съ нею—*шалапутство*. Въ литературѣ о шалапутствахъ почти нѣтъ ничего. Въ этомъ отношеніи шалапутство раздѣляетъ общую участь почти со всѣми новыми сектами, появившимися въ послѣдніе 25—30 лѣтъ. Почти о всѣхъ мы знаемъ только или какой-нибудь анекдотъ (напримѣръ, «никогда не стригутъ волосъ», «молятся предъ щелью», «кладутъ въ печь для очищенія купленные на базарѣ калачи» и т. п.), или данное имъ народомъ, духовенствомъ или корреспондентомъ какой-нибудь газеты болѣе или менѣе остроумное названіе (напримѣръ, «сапуны», «чебураховцы», «дыроломы» и др.), или, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, два-три религиозныхъ воззрѣнія сектантовъ. А о многихъ новыхъ сектахъ мы не знаемъ даже и этого, не подозреваемъ даже самаго ихъ существованія. Но, несмотря на такое отношеніе нашей интеллигенціи къ сектантству вообще, полная неизвѣстность шалапутства—вещь трудно объяснимая. Дѣло въ томъ, что, въ то время, какъ всѣ новыя секты (кромѣ штунды) распространены въ болѣе или менѣе ограниченномъ районѣ, шалапутство наполняетъ своими послѣдователями весь югъ и юго-востокъ Россіи. Самая штунда въ этомъ отношеніи уступаетъ шалапутству. Уже одно такое широкое распространеніе шалапутства, помимо его внутренняго содержанія, казалось бы, должно обратить всеобщее вниманіе на это оригинальное движеніе. Между тѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ корреспонденцій, боль-

шая часть которыхъ наполнена баснями, да нѣсколькихъ статей въ «Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», составленныхъ изъ донесеній священниковъ и представляющихъ собою не что иное, какъ рядъ обвиненій шалапутовъ, мы имѣемъ по вопросу о шалапутствѣ только одинъ болѣе или менѣе добросовѣстный трудъ г. Левицаго: «Шалапуты на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерній» («Кіевскій Телеграфъ», 1875 г., № 41, 42 и 43). Но, во-первыхъ, трудъ этотъ имѣетъ исключительно мѣстное значеніе, во-вторыхъ, онъ содержитъ крайне недостаточное количество фактическихъ данныхъ, и, въ-третьихъ, авторъ, къ сожалѣнію, не удержался на высотѣ безпристрастнаго изслѣдованія и внесъ въ свой трудъ тѣ же басни, которыми вообще полны извѣстія о шалапутахъ и о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ...

Не беря на себя смѣлости представить полное изслѣдованіе о шалапутахъ, такъ какъ для этого нужны наблюденія во многихъ мѣстностяхъ распространенія шалапутства, я въ настоящемъ трудѣ намѣренъ просто сообщить то, что мнѣ извѣстно изъ собственныхъ наблюденій, изъ свѣденій, доставленныхъ мнѣ людьми, стоявшими болѣе или менѣе близко къ шалапутамъ, изъ официальныхъ документовъ (донесеній должностныхъ лицъ, актовъ слѣдственныхъ производствъ и т. п.) и изъ тѣхъ немногихъ извѣстій о шалапутахъ, которыя уже появились въ печати.

I.

Кѣмъ и когда дано было оригинальнымъ сектантамъ, о которыхъ я поведу рѣчь, имя шалапутовъ совершенно неизвѣстно. По словамъ священника Критскаго ¹, имя это было придумано священникомъ Орловымъ, произведшимъ это имя отъ словъ «шалъной путь», сообразно съ чѣмъ имя «шалапутъ» должно означать челоуѣка, сбившагося съ правильнаго пути и вступившаго на «шалъной» путь. Не говоря уже о наивности этого утвержденія, нелѣпость его очевидна какъ изъ того, что слово «шалапутъ» существовало въ русскомъ языкѣ гораздо ранѣе появленія сектантовъ, получившихъ это странное имя, такъ и изъ того, что послѣдніе получили это имя при своемъ появленіи вездѣ, даже тамъ, гдѣ населеніе никогда не могло узнать объ остроумномъ изобрѣтеніи о. Орлова. Всего естественнѣе предположить, что шалапуты окрещены этимъ страннымъ прозвищемъ коллективнымъ умомъ народа, увидѣвшаго въ жизни и ученіи новыхъ сектантовъ такія особенности, понятіе о которыхъ входитъ въ содержаніе понятія, соответствующаго слову «шалапутъ». И дѣйствительно, наблюденія, произведенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что словомъ

¹ «Кавказ. Епарх. Вѣд.», 1875, № 3.

«шалапутъ» народъ обозначаетъ человѣка, устраивающаго вообще свою жизнь и въ особенности жизнь семейную на началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ устроена жизнь самаго народа. Такъ, напримѣръ, на Сѣверномъ Кавказѣ народъ называетъ шалапутами лицъ, живущихъ въ станицахъ и селахъ и не принадлежащихъ ни къ какой сектѣ, но образъ жизни которыхъ рѣзко отличается отъ образа жизни остальныхъ обывателей: «въ церковь не ходятъ, постовъ не блюдутъ, въ кабаки не бывають и т. д.—какъ есть шалапуты». Неудивительно, что, употребляя въ такомъ смыслѣ слово «шалапутъ», народъ обратилъ это слово въ имя сектантовъ, которые ведутъ жизнь, совсѣмъ не похожую на жизнь православнаго населенія. Въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, православные прямо говорятъ, что сектанты прозваны шалапутами, «*бо въ нихъ все якое чудно: людей жахаются, не ходятъ ні до кого; та якое и жінки въ нихъ не жінки и діти не діти—все не помодскому; постричаеця зъ кимъ своимъ—чуть земли не лиже, а нашему тілво кивне, якъ вобила въ спасівку*»¹.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шалапутовъ называютъ еще другими именами. Такъ въ Ставропольской губерніи, рядомъ съ именемъ шалапутовъ, тѣже сектанты обозначаются именемъ *хлыстовъ* и *кадушечниковъ* или *кабочниковъ*. Въ Терской области сюда присоединяется еще имя *богомольцевъ* или *богомоловъ*. Последнее названіе употребляется также въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, и въ Кубанской области. Объяснить появленіе и употребленіе этихъ названій очень не трудно. Богомолами нѣкоторые группы шалапутовъ прозваны за свою сильную религіозность. Кадушечниками ихъ называютъ тамъ, гдѣ распространены рассказы о тайныхъ обрядахъ шалапутовъ, въ которыхъ будто бы видную роль играетъ кадушка съ водою. Наконецъ, прозваніемъ «хлысты» шалапуты всецѣло обязаны священникамъ.

Дѣло въ томъ, что наши священники относительно новаго сектантства не знаютъ того немногаго, что извѣстно въ этомъ отношеніи въ свѣтской литературѣ. Поэтому, когда имъ приходится, по собственному побужденію или по требованію консисторіи, опредѣлять появившуюся въ приходѣ секту, они впадаютъ въ крайнее затрудненіе. Священникъ вспоминаетъ преподававшуюся въ семинаріи исторію церкви, гдѣ говорилось о манихейнахъ, монтанахъ, арианахъ и т. п., а если онъ учился въ такой семинаріи, гдѣ есть каедрa раскола, то слышалъ названія Аввакумовщины, Ѳедосѣевщины, Хлыстовщины и т. д. Съ этими названіями онъ приступаетъ къ опредѣленію того, что за секта появилась въ его приходѣ, и по какому-нибудь случайному признаку называетъ новую секту какимъ-нибудь знакомымъ ему именемъ древнихъ еретиковъ. Результаты получаются, конечно, курьезные. Такъ, напримѣръ, въ Саратовской губерніи въ 70-хъ годахъ де-

¹ «Кіевлянинъ», 1873, № 3. «Секта шалапутовъ».

вятнадцатаго столѣтія оказались *монганы*, секта первыхъ вѣбовъ христіанства.

Особенно много послужило въ этомъ отношеніи слово «хлысть». Какъ извѣстно, хлыстовщина съ ея отпрыскомъ-скопчествомъ—чрезвычайно нелюбима нашимъ народомъ: это единственная секта, къ которой нашъ крестьянинъ не можетъ относиться такъ добродушно, какъ онъ вообще относится къ иновѣрцамъ. Этимъ и пользуются. Желая сразу подорвать авторитетъ новой секты, безъ церемоніи называютъ ея хлыстовщиной, приписываютъ сектантамъ хлыстовскіе обряды и иногда этимъ путемъ возбуждаютъ преслѣдованія противъ сектантовъ, какъ со стороны властей, такъ и со стороны массы православнаго населенія. Тоже было и съ шалапутствомъ.

Сами шалапуты называютъ себя въ различныхъ мѣстностяхъ различно; но наиболѣе распространенныя между ними названія слѣдующія: во-первыхъ, «во истину духовные христіане» (въ отличіе отъ всѣхъ другихъ христіанъ, которыхъ шалапуты называютъ «мірскими» или «плотскими») и, во-вторыхъ, «братья духовной жизни».

Къ названіямъ, усвоеннымъ шалапутамъ православными, они относятся различно. Въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, они обижаются прозвищемъ шалапутовъ; было даже нѣсколько разбирательствъ у мѣстныхъ мировыхъ судей по жалобамъ сектантовъ на православныхъ, нанесшихъ имъ оскорбленіе кличкою «шалапутъ»¹. Шалапуты Терской области, обычаемые хлыстами, отвѣчаютъ православнымъ: «Сами вы хлысты—нахлыщетесь въ кабакъ да и зашалапуетаете». Названіе «шалапутъ», впрочемъ, Терскіе сектанты не считаютъ для себя обиднымъ; они говорятъ: «Мы шалапуты, потому что шалости путаемъ, т. е. обличаемъ пороки». Что же касается названія «богомоловъ», то шалапуты не прочь отъ него, а во многихъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа даже вполне усвоили его себѣ и иначе не называютъ себя, какъ богомолами.

Относительно численности шалапутовъ нельзя привести даже и приблизительныхъ данныхъ, при полномъ отсутствіи у насъ статистики сектантства. Поэтому, для составленія понятія о распространеніи шалапутства приходится довольствоваться простымъ перечисленіемъ мѣстностей, въ которыхъ появились послѣдователи этого ученія. Къ сожалѣнію, и данныя этого рода далеко не полны и довольно случайны. Появятся, положимъ, въ какой-нибудь мѣстности шалапуты; если въ этой мѣстности найдется человѣкъ, балующійся писаніемъ въ газеты и не смотрящій на сектантство такъ, что «тамъ все религія—неинтересно», тогда появится въ печати извѣстіе о новой сектѣ. Не найдется такого человѣка, и существованіе въ данной мѣстности шалапутовъ останется неизвѣстнымъ. А иной разъ и проникнетъ въ печать

¹ «Кіевлянинъ», 1873, № 3.

извѣстіе о сектантахъ, да толку изъ того никакого нѣтъ: шалапуты названы какими-нибудь *чебураховцами* или *сапунами*, а характерныхъ чертъ, по которымъ можно было бы узнать, что это за секта—не указано. И останется, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ существованіе шалапутства тамъ, гдѣ оно не только существуетъ, но даже уже окрѣпло и пустило глубокіе корни. Наконецъ, сами сектанты, «страха ради іудейска», нерѣдко скрываютъ свою принадлежность къ шалапутской сектѣ и по наружности остаются православными.

Тѣмъ не менѣе, на основаніи извѣстій, проникшихъ въ печать, а также на основаніи свѣденій, собранныхъ лично мною, можно констатировать распространеніе шалапутства въ губерніяхъ: *Херсонской* (особенно въ Николаевскомъ уѣздѣ), *Таврической*, *Полтавской* (особенно въ уѣздахъ: Миргородскомъ, Кобеляескомъ и Константиноградскомъ), *Екатеринославской* (въ Новомосковскомъ, Верхнеднепровскомъ, Мариупольскомъ, Александровскомъ, Павлоградскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ), *Харьковской*, *Курской*, *Воронежской* (особенно въ уѣздахъ Новохоперскомъ, Павловскомъ и Богучарскомъ), *Рязанской* (особенно въ Михайловскомъ уѣздѣ), *Тамбовской* (особенно въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ), *Ставропольской* и въ областяхъ: *Донской*, *Кубанской* и *Терской* ¹.

¹ Чтобы дать понятіе о распространенности шалапутовъ въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, привожу списокъ селъ и станицъ, сѣвернаго Кавказа, въ которыхъ встрѣчаются эти сектанты. Въ Ставропольской губерніи шалапуты живутъ въ самомъ Ставрополѣ и въ селахъ: Безопасномъ, Ладовской Балкѣ, Ново-Михайловскомъ (Тамбовка тожъ), Ново-Егорьевскомъ, Сандагѣ, Крымъ-Гиреевскомъ, Благодарномъ, Михайловскомъ, Преградномъ, Александровѣ, Надеждинскомъ, Медвѣженскомъ, Винодѣльномъ, Покойномъ, Песчанокопскомъ, Пелагидѣ, Кабурѣ (Предтеченское тожъ), Московскомъ, Медвѣдскомъ, Высоцкомъ, Александровскомъ и Круглолѣскомъ; въ Кубанской области—въ станицахъ: Курской, Лабинской, Кавказской, Ахтырской, Расшеватской, Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Крымской, Холмской, Тенгинской, Александровской, Кабардинской, Ханской, Безкоробной, Удобной, Попутной, Передовой, Кужорской, Севастопольской, Сторожевой, Смоленской, Полтавской, Эриванской, Брюховецкой, Исправной, Ново-Щербиновской, Уманской, Мингрельской, Ладовской, Подгорной, Невинномисской, Бѣломечетской, Темиргоевской, Отрадной, Успенской, и въ городахъ: Екатеринодарѣ, Майкопѣ, Ейскѣ и Баталпашинскѣ; въ Терской области—въ городахъ: Владикавказѣ, Георгіевскѣ и Пятигорскѣ, въ слободахъ Налчикъ и въ станицахъ: Эссентукской, Кисловодской, Горячеводской, Прохладной, Забань-Юртовской, Лисогорской, Бугурустанской, Солдатской, Переправной и Павловской.

Списокъ этотъ составленъ на основаніи данныхъ, которыя удалось мнѣ собрать, но онъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ мѣстностей. По крайней мѣрѣ, многія лица, всю жизнь прожившія на сѣверномъ Кавказѣ и извѣдившія его изъ конца въ конецъ, говорили мнѣ, что въ Кубанской области и Ставропольской губерніи шалапуты не встрѣчаются только въ очень немногихъ станицахъ и селахъ, преимущественно тѣхъ, въ которыхъ живутъ значительную массу другіе сектанты-старообрядцы, такъ какъ шалапутство рекрутируется

По отношенію къ національности своихъ послѣдователей, шалапутство представляетъ чрезвычайно любопытное явленіе. Старообрядчество, напримѣръ, со всѣми своими подраздѣленіями—явленіе чисто великорусское: малоруссы, даже тамъ, гдѣ въ со-сѣдствѣ съ ними (напримѣръ, въ Черниговской губерніи) цѣлыя вѣка существуетъ плотное старообрядческое населеніе, не давали и не даютъ прозелитовъ старообрядчеству. Штунда, наоборотъ, явилась исключительно сектою малорусскою. Между тѣмъ, шалапутство привлекаетъ одинаково и великороссовъ, и малороссовъ. Оно распространяется и въ чисто малорусскихъ мѣстностяхъ, и въ чисто-великорусскихъ, и, наконецъ, тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, на сѣверномъ Кавказѣ, населеніе смѣшанное, изъ обоихъ племенъ.

По отношенію къ общественнымъ классамъ шалапутство является исключительно «простонародною» вѣрою: ряды шалапутовъ пополняются крестьянами, казаками, отчасти мѣщанами и отставными солдатами; ни дворянъ, ни даже купцовъ среди шалапутовъ нѣтъ.

Покончивъ съ предварительными свѣденіями, перейдемъ теперь къ самой исторіи возникновенія и распространенія шалапутства.

II.

Причины, вызвавшія оригинальное религиозное движеніе, прозванное народомъ шалапутствомъ, суть тѣ же самыя, которыя вызвали всю массу новыхъ сектъ, возникшихъ въ послѣдніе 25—30 лѣтъ и продолжающихъ появляться доселѣ. Причины эти—рѣзкія перемѣны, происшедшія во всѣхъ сферахъ народной жизни—экономической, общинной, правовыхъ понятіяхъ народа и т. п. Перемѣны эти вызваны какъ естественнымъ ходомъ развитія внутри самой народной жизни, такъ и факторами, воздѣйствовавшими на эту жизнь извнѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ, во-первыхъ, реформы прошлаго царствованія, какъ непосредственно касавшіяся народной жизни (освобожденіе крестьянъ, реорганизація земельныхъ отношеній и т. д.), такъ и общегосударственныя, отразившіяся на народной жизни, главнымъ образомъ, увеличеніемъ податной тягости, и, во-вторыхъ, усиленіе въ русской жизни господства капитала, выразившееся какъ въ такихъ крупныхъ явленіяхъ, каково, напримѣръ, созданіе громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ и вообще въ проникновеніи въ деревенскую жизнь началъ *laissez faire, laissez passer*.

почти исключительно на счетъ православія. Что касается численности шалапутовъ на сѣверномъ Кавказѣ, то, по имѣющимся у меня даннымъ, въ именованныхъ селахъ и станицахъ шалапуты составляютъ отъ 5 до 15 процентовъ общаго числа жителей.

Теперь уже ни для кого не тайна, что переменны, произведенныя въ народной жизни внѣшними факторами — исключая, конечно, личнаго освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщиковъ—въ большинствѣ случаевъ суть переменны не вполне и даже прямо неблагопріятны. Такъ, урегулированіе поземельныхъ отношеній на практикѣ обратилось въ приверженіе къ опредѣленнымъ обществамъ, а слѣдовательно, и къ опредѣленному мѣстожителству, всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ надѣленіе большинства ихъ недостаточными надѣлами. Безземеліе и недостаточные надѣлы поставили крестьянъ въ зависимость отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, зависимость, которая иной разъ ничѣмъ не уступаетъ крѣпостной зависимости. Иногда реставрируются даже самыя внѣшнія формы, въ которыхъ нѣкогда выражалась крѣпостная зависимость; такъ, напримѣръ, крестьяне, поселенные на земляхъ многихъ землевладѣльцевъ приазовскаго края, являются къ «барину» (роль котораго часто играетъ просто разжирѣвшій кулакъ) по праздникамъ и въ дни семейныхъ торжествъ «барина» съ поздравленіями и приносятъ ему на поклонъ что-либо изъ сельскихъ произведеній—куръ, гусей, поросятъ, молоко и прсч., цѣлуются съ «бариниомъ» и «барыней» или даже подходятъ къ «ручкѣ», получаютъ изъ «барскихъ» рукъ чарку водки т. д.¹ Съ другой стороны, всѣ прочія реформы: земская, судебная, школьная и др., дошли до народа только въ видѣ новаго денежнаго налога по столько-то съ души! Увеличеніе податей, необходимое для поддержки и проведенія этихъ реформъ, привело къ накопленію недоимокъ, употребленію крайнихъ средствъ для собиранія платежей и, наконецъ, къ закабаленію крестьянина деревенскимъ ростовщикамъ-кулакамъ. Всѣ эти явленія привели къ страшному обѣднѣнію народа.

Эти внѣшніе факторы вызвали къ жизни цѣлый рядъ крайне печальныхъ явленій въ народномъ бытѣ. Выдѣлилась изъ народной массы группа людей, сумѣвшихъ воспользоваться общими бѣдствіями для собственныхъ выгодъ. Кулакъ — явленіе, давно извѣстное въ народной жизни; но та обыкновенная сила, которою онъ владѣетъ теперь, тѣ удобства, которыми въ настоящее время обставлена его дѣятельность—все это явленія небывалыя въ прежнее время. Держа массу народа въ полной экономической зависимости, кулаки подчинили своей волѣ и заставили служить себѣ всѣ тѣ учрежденія, которыя издавна существовали въ народѣ и служили выраженіемъ народной идеи справедливости. Таковы сельскіе сходы, крестьянскіе суды, обычай «помочей» и т. д. Какъ напримѣръ того, до какой степени подчинили себѣ кулаки эти народныя учрежденія, можно указать на приговоры сельскихъ сходовъ о высылкѣ въ Сибирь членовъ сельскихъ обществъ, почему-либо непріятныхъ кулакамъ.

Побирая, такимъ образомъ, выражающуюся въ народныхъ

¹ «Русскій Курьеръ», 1882, № 43. Корр. изъ Таганрога.

учрежденіяхъ идею справедливости, вообще, кулаки явились крайне развращающимъ примѣромъ въ деревнѣ. И этотъ примѣръ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что почва для воспріятія этого дѣйствія очень и очень подготовлена. Экономическая зависимость, бѣдность, доходящая во многихъ мѣстностяхъ до того, что населеніе значительную часть года питается, вмѣсто хлѣба, всевозможными «подспорьями» — соломой, корой, травами и т. д.. необходимость такъ или иначе уплатить подати — все это принудило мужика направить всѣ свои мысли на добываніе денегъ. Какъ ни добыть, да добыть. А тутъ, какъ разъ передъ глазами, въ лицѣ кулака живой, убѣдительный примѣръ того, какъ привольно и спокойно живетса человѣку, когда онъ не особенно церемонится съ своею совѣстью и съ «святыми преданіями». И вотъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, необходимости добыть деньги, *во что бы то ни стало*, и развращающаго примѣра кулака — съ другой, происходитъ полный переворотъ въ правовыхъ понятіяхъ крестьянина и въ его отношеніяхъ къ «міру», сосѣдямъ, семьѣ и вообще къ людямъ. Общественныя дѣла, какъ не могущія дать тотчасъ же *непосредственной* выгоды (а именно это и нужно) становятся для большей части вещью второстепенною, а то и просто неважною, пустяшною, которою если и занимаются, то просто потому, что при этомъ можно водки выпить. Правда въ отношеніяхъ къ ближнимъ, правда семейныхъ обязанностей и правъ, честность, цѣломудріе — все это становится въ подчиненіе къ главной цѣли: къ добыванію денегъ. Начинается разложеніе общины и семьи, обычное право падает.

Но такой порядокъ вещей, поработавшій большинству населенія меньшинству, не можетъ пройти безслѣдно. Мысль большинства все-таки останавливается на вопросѣ о томъ, можно ли и если можно, то какъ — выйти изъ подобнаго положенія. Старыя понятія о правдѣ, выработанныя вѣками, не могутъ быть уничтожены десятками лѣтъ. Подчиняясь закону необходимости, народъ, тѣмъ не менѣе, сохранилъ въ своей массѣ любовь къ тому порядку вещей, который былъ всегда его идеаломъ, и который онъ старался, по мѣрѣ возможности, осуществлять на практикѣ. Отсюда возникаетъ раздвоеніе: рядомъ съ совѣстью, правдой, закономъ, которымъ народъ поклоняется, появляется представленіе о «бумажной» правдѣ и «бумажномъ» законѣ. Первому должно поклоняться, вторымъ нужно руководиться въ жизни. Такъ рѣшаетъ большинство. Что большинство принимаетъ такое рѣшеніе съ болью въ сердцѣ, это доказываютъ, съ одной стороны, постоянныя жалобы большинства на плохую жизнь въ настоящемъ, и восхваленія прошлаго, а съ другой — постоянно присыпающіяся смутныя мечтанія о «вольныхъ земляхъ», поднимавшія тысячи переселенцевъ съ старыхъ, насиженныхъ мѣстъ и гонящія ихъ въ неизвѣстную даль, мечтанія, нерѣдко переходящія въ пылкія фантазіи о таинственной странѣ Бѣловодья, гдѣ народныя идеалы находятъ полное осуществленіе. Недоволь-

ство разладомъ между идеаломъ и практикою, требованіями совѣсти, непосредственнаго чувства и требованіями жизни, всего рѣзче выражается въ необыкновенной чуткости и воспримчивости народа ко всякаго рода слухамъ, будутъ ли это слухи о «вольныхъ земляхъ», или рассказы о томъ, что Персидскій царь выдвигаетъ охотниковъ селиться въ его царствѣ, и обѣщаетъ дать всѣмъ много земли, свободу отъ податей и жизнь безъ начальниковъ. Однако, какъ ни сильно это недовольство, большинство принуждено тяжелою необходимостью терпѣть и переносить. Но наиболѣе сильные характеры не могутъ послѣдовать за большинствомъ и отворачиваются отъ него. Отсюда — происхождение цѣлага ряда деревенскихъ отщепенцевъ, крайне разнообразныхъ типовъ. Одни изъ нихъ остаются жить въ прежней средѣ, отказываясь отъ участія въ какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлахъ, и, ограничивая свои сношенія съ мірянами и вообще съ людьми только крайне необходимымъ. Другіе оставляютъ «міръ» и уходятъ въ «пустыню», устроивая себѣ кельи гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ степи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ жилья. Третьи уходятъ въ странствіе по св. мѣстамъ, надѣясь тамъ найти успокоеніе отъ мучительнаго состоянія духа, вызваннаго созерцаніемъ всеобщаго господства неправды. Наконецъ, четвертые идутъ въ какую-нибудь существующую секту, относящуюся крайне отрицательно къ существующему строю, напр., въ согласіе бѣгуновъ или скрытниковъ, прячутся на чердакахъ или въ погребкахъ, иногда въ собственныхъ домахъ, и т. д. Относясь отрицательно къ существующимъ порядкамъ, эти «нелюдимцы», странники, отшельники, трудники стараются выразить это отрицаніе всею своею жизнью. Ихъ критика, поднятая во имя правовыхъ понятій, присущихъ массѣ народа, находитъ откликъ въ умахъ этой массы. Повсюду распространяются слухи и толки о появленіи какихъ-то странныхъ людей, пророковъ и пророчицъ, предсказывающихъ будущее и дающихъ отвѣты на всѣ запросы смущенной совѣсти человѣка. Сначала рассказы объ этихъ пророкахъ носятъ крайне фантастическій характеръ: пророкъ рисуется въ видѣ столѣтняго старца, который совѣтъ не принимаетъ пищи, или, если и принимаетъ, то только по одной просфорѣ въ недѣлю; старецъ этотъ — безграмотенъ, но, будучи умудренъ Богомъ, свободно читаетъ имѣющуюся у него «живую» или «святую» книгу съ золотыми листами, книгу, въ которой сказано «все» и по которой старецъ даетъ отвѣты на всѣ вопросы. Но, мало по малу, эти фантастическіе рассказы смѣняются болѣе реальными толками о дѣйствительно существующихъ лицахъ. Въ роляхъ таинственныхъ старцевъ оказываются просто умные мужики, не пожелавшіе оставаться въ деревнѣ и участвовать въ ея «грѣхахъ» и удалившіеся въ «пустыню», на какой-нибудь хуторъ, въ лѣсную сторожку или въ степной зимовникъ. Терзаемые и волнуемые разными сомнѣніями и вопросами, они, дѣйствительно, охотно вступаютъ въ

разговоры по поводу всевозможных вопросов житейской практики и отвлеченной морали. И вотъ къ этимъ «нелюдимцамъ», отшельникамъ, странникамъ, пустынноикамъ начинаютъ приходить со всѣхъ сторонъ, чтобъ послушать ихъ критики, попросить ихъ совѣта въ томъ или другомъ дѣлѣ, предложить тотъ или другой не дающій покоя вопросъ. Отшельники и «нелюдимцы» дѣлаются учителями, руководителями окрестнаго населенія. Къ нимъ обращаются въ крайне разнообразныхъ случаяхъ: обидѣлъ попъ, случилась неурядица въ семейной жизни, совершилась какая-либо «мірская» неправда, все это сообщается отшельнику, обо всемъ онъ долженъ разсудить и на все дать отвѣтъ. Тяжелая дѣйствительность не даетъ массѣ ни времени, ни возможности думать о вопросахъ, которые на каждомъ шагѣ ставятъ жизнь, и такъ или иначе рѣшать ихъ. Масса рада, что есть человекъ, понимающій ее, знающій ея жизнь и не отзывающійся обсуждать возникающіе въ умахъ массы вопросы. Такимъ образомъ, отшельнику приходится, какъ по собственному побужденію, такъ, еще болѣе, по побужденію окружающихъ, думать и говорить обо всемъ, что касается народной жизни. При этомъ критикѣ подвергаются какъ новыя явленія, проникшія и продолжающія проникать въ народную жизнь, такъ и старыя устои жизни, которые теряютъ характеръ неприкосновенности, именно потому, что не смогли противостоять напору новыхъ явленій. Эта критика, съ одной стороны, уясняетъ отшельнику и его собесѣдникамъ существующее, даетъ возможность разобраться среди хаоса явленій, и отвести каждому изъ нихъ подобающее мѣсто, а съ другой—указываетъ на средства для выхода изъ современнаго тяжелаго положенія. Такимъ образомъ, мало по малу, вырабатывается цѣлая система воззрѣній, цѣлое міросозерцаніе, съ положительной и отрицательной стороной. Содержаніе отрицанія обусловливается печальными явленіями жизни; положительная же сторона создается на почвѣ социальнo-экономическихъ понятій. При этомъ, всѣ отдѣльныя части новой системы связываются какъ цементомъ религіознымъ элементомъ, что и понятно, такъ какъ въ числѣ вопросовъ, которые приходится дебатировать отшельнику, не послѣднее мѣсто занимаютъ вопросы религіозные. Вопросы эти необходимо возникаютъ потому, что правовыя понятія народа тѣсно переплетены съ его религіозными воззрѣніями и понятіе о жизни «по правдѣ» совпадаетъ съ понятіемъ о жизни по «божески».

Вслѣдствіе этого, міросозерцаніе, вырабатываемое отшельникомъ совокупно со всѣми, ставящими ему вопросы и обсуждающими съ нимъ разныя недоумѣнія, ярко окрашивается религіознымъ оттѣнкомъ, и, такимъ образомъ, создается новая религіозная система, въ которой выражаются и религіозныя воззрѣнія автора системы, и его нравственныя понятія, и его взгляды на природу. Слагаясь подъ вліяніемъ разнообразныхъ житейскихъ обстоятельствъ, новая религіозная система является продуктомъ

коллективной дѣятельности многихъ умовъ, не представляетъ собою ничего законченнаго, постоянно видоизмѣняется и содержитъ въ себѣ нерѣдко воззрѣнія, несогласныя между собою и даже прямо другъ другу противоположныя. Не имѣя безусловнаго авторитета, система провѣряется другими системами, созданными также, какъ и первая. Но мало-по-малу изъ этого хаоса выдѣляются нѣкоторыя положенія, которыя признаются за несомнѣнныя; вырабатывается извѣстный кодексъ практическихъ, житейскихъ правилъ—и матеріаль для образованія сектантской общины готовъ. Масса, которая доселѣ шла къ пустынноку только какъ къ «божьему человѣку», стоящему выше другихъ, но тѣмъ не менѣе живущему на тѣхъ же незыблемыхъ началахъ, на которыхъ построена жизнь всѣхъ, эта масса вдругъ начинаетъ—болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно—чувствовать, что изъ ея среды выдѣлились какіе-то люди, группирующіеся вокругъ пустыннока или нелюдимца, которые живутъ и вѣруютъ какъ-то иначе, чѣмъ живетъ и вѣруетъ сама она, масса. Въ чемъ заключаются особенности вѣрованій и жизни этихъ странныхъ людей, масса никогда не сѣмѣетъ ясно опредѣлить; но она чувствуетъ, что «тутъ что-то не ладно». Стоитъ только произойти какому-нибудь рѣзкому случаю, который выдѣлитъ бы приверженцевъ новой системы отъ остальнаго населенія, стоитъ, напр., священнику или деревенскому начальству разогнать приверженцевъ этой системы, собравшихся побесѣдовать и почитать св. писаніе, стоитъ духовенству или свѣтскимъ властямъ возбудить преслѣдованіе противъ «пустынника» или одного изъ его послѣдователей, и образуется формальная секта.

Таковъ путь возникновенія новыхъ сектъ, и такимъ же образомъ возникли во многихъ мѣстностяхъ Россіи совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга шалапутскія общины.

Съ первыхъ же шаговъ существованія новыхъ сектантскихъ общинъ, между ними возникаютъ постоянныя взаимныя сношенія. Тѣ вопросы и сомнѣнія, которыя привели извѣстную группу людей къ выдѣленію изъ остальной массы народа, побуждаютъ ее знакомиться съ ученіями, какъ старыхъ раскольничьихъ сектъ и согласій, такъ и вновь возникающихъ сектантскихъ общинъ, и такимъ образомъ провѣрять собственныя рѣшенія и выводы. Происходитъ взаимная критика, очистка и провѣрка выработанныхъ системъ, сходныя системы сливаются въ одну, и всѣ вообще приобрѣтаютъ опредѣленную физиономію. Вотъ именно въ этотъ періодъ первыхъ столетней между только что народившимися сектантскими общинами (первая половина 60-хъ годовъ), выступили на сцену народной жизни нѣсколько лицъ, ставшихъ во главѣ шалапутскаго движенія, и создавшихъ существующую нынѣ федерацію шалапутскихъ общинъ. Это были такъ называемые *богомолы*.

III.

Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, въ селѣ Перевозъ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, жилъ крѣпостной чело-вѣкъ помѣщицы Виляевой, Аввакумъ Иванычъ Копыловъ. Это былъ уже пожилой чело-вѣкъ, отецъ многочисленнаго семейства, много потрудившійся на своемъ вѣку и теперь находившійся на отдыхѣ. Онъ былъ вдовъ и жилъ въ особой кельѣ, построенной для него въ усадьбѣ его сына, Филиппа.

Время, къ которому относится нашъ разсказъ, во многихъ отношеніяхъ сходно съ временемъ, переживаемымъ нами нынѣ. Патріотическое возбужденіе 1812 года вызвало въ народѣ страстныя ожиданія «воли»; въ обществѣ европейскія вліянія вызвали не менѣе сильное желаніе переустройства. Какъ ожиданія народа, такъ и желанія общества остались неудовлетворенными, что вызвало недовольство и стремленіе найти выходъ этому недовольству. Въ полную аналогію настоящему, въ тогдашнемъ обществѣ мы замѣчаемъ усиленіе мистицизма, дошедшее до созданія цѣлыхъ сектъ крайне-мистическаго характера (въ родѣ секты Татариновой), съ одной стороны, а съ другой—стремленіе добиться переустройства русскихъ порядковъ путемъ переворота. Въ народной средѣ разочарованіе выразилось въ крайне разнообразныхъ явленіяхъ, каковы разбой и другія насильственныя дѣйствія, аскетизмъ, самоубійство, бродяжничество, сектантство и проч. Изъ всѣхъ этихъ явленій мы остановимся только на сектанствѣ, какъ составляющемъ предметъ нашего изслѣдованія.

Недовольство социальнымъ строемъ существовало въ народѣ на протяженіи всей русской исторіи, и съ самыхъ первыхъ вѣковъ этой исторіи мы постоянно встрѣчаемся съ сектантскими движеніями. Ересь Адриана, стригольническое движеніе, ересь Схаріи и его сподвижниковъ, вольнодумство Башкина и многія другія сектантскія движенія придаютъ своеобразный характеръ исторіи русскаго народа. Къ этой же категоріи явленій должна быть отнесена и хлыстовщина, возникшая едва ли не въ первое же время насажденія у насъ христіанства. Такимъ образомъ, этотъ способъ выраженія недовольства существующимъ и стремленія къ лучшему можно считать исторически-присущимъ русскому народу. Сектантское движеніе течетъ непрерывною струею на протяженіи всей русской исторіи, превращаясь по временамъ, когда народная жизнь подвергалась перелому, въ сильный и могучій потокъ. Такъ было во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, такъ стоитъ дѣло теперь, и также было, хотя и въ меньшей степени, въ періодъ времени, слѣдовавшій за 1812 годомъ.

Сектантское движеніе въ періодъ 1815 — 1830 годовъ было очень сильно. Въ это время приобрѣли необыкновенный авторитетъ и чрезвычайно широкое распространеніе хлыстовщина и

скопчество; старообрядчество съ его отпрысками пріобрѣтало громадную силу и выступало уже въ видѣ замѣтнаго дѣателя въ социальнo-экономической сферѣ народной жизни; секты молокано-духоборческаго пошиба пріобрѣтали новыхъ послѣдователей тысячами, и, наконецъ, возникали многія новыя секты. Изъ послѣднихъ я укажу только на секту «общихъ», основанную въ 20-ныхъ годахъ крестьянникомъ Михаиломъ Акинфѣевичемъ Поповымъ, на мистическую секту, основанную донскимъ казакомъ Колесниковымъ ¹, и секту «богомоловъ», основателемъ которой былъ вышеупомянутый Аввакумъ Копыловъ.

Секты, возникшія въ двадцатыхъ годахъ въ народной средѣ и секты, подобныя сектѣ Татариновой, распространившіяся въ тоже время среди высшихъ классовъ, были далеко не одно и тоже; тѣ и другія имѣли также мало общаго между собою, какъ мало сходства между новыми народными сектами, какъ штунда, воздыханство и другія, и проникнутыми мистицизмомъ современными барскими кружками, каковы пашковцы, апостолическая община и т. п. Различіе между сектами народными и сектами, имѣющими успѣхъ и распространеніе среди лицъ высшихъ классовъ, лежитъ въ самомъ ихъ возникновеніи. Барскія секты являются продуктомъ глубокаго отвращенія отъ жизни (я не говорю о такихъ религіозныхъ движеніяхъ, которыя являются просто дѣломъ забавы, какъ, напримѣръ, движеніе, вызванное въ нашемъ обществѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ Редстокомъ; а говорю только о такихъ религіозныхъ движеніяхъ въ барской средѣ, которыя находятъ искреннихъ послѣдователей и образцомъ которыхъ могутъ служить упомянутыя выше кружки пашковцевъ и апостолическая община въ Петербургѣ). Это отвращеніе отъ жизни, *taedium vitae*, являющееся естественнымъ результатомъ пустоты содержанія жизни высшихъ классовъ, дѣлается въ критическія эпохи необыкновенно сильно и ведетъ или къ самоубійству, или къ крайнему мистицизму. Возникшая изъ такого источника секта существуетъ не для того, чтобы улучшить, серасить теперешнюю жизнь, къ которой сектанты не чувствуютъ ничего, кромѣ отвращенія, а только для того, чтобы дать своимъ членамъ больше возможности спастись. Поэтому общество такихъ сектантовъ никакого *культурнаго* значенія не имѣетъ. Понятно, что и въ народной средѣ могутъ возникать подобныя, антисоціальныя секты. Но какъ изученіе народнаго сектантства, такъ и наблюденіе надъ источникомъ возникновенія въ народной средѣ сектантскаго движенія показываютъ, что огромное большинство народныхъ сектъ носитъ совсѣмъ другой характеръ. Народныя секты возникаютъ не въ силу овладѣвшаго народомъ отвращенія отъ жизни, а, напротивъ, въ силу *страстнаго желанія, страстной жажды жить* и притомъ *жить лучше*, нежели жилось доселѣ. *«Секты суть продуктъ стремленія на-*

¹ См. «Вѣст. Евр.», 1871, № 3. «Библейская секта 20-хъ годовъ», *Пыпина*.

родныхъ массъ создать себѣ удобнѣйшія формы общежитія», сказалъ одинъ изслѣдователь сектантства ¹. Неудивительно, что въ народномъ сектанствѣ, возникшемъ изъ такого глубоко-жизненнаго источника, возрождается *культурное творчество*, процвѣтаетъ и развивается *обычное право*, идетъ *критическая работа мысли*, создаются *идеалы* и вырабатывается опредѣленное *мировоззрѣніе*. Что именно такимъ характеромъ отличается народное сектантство, это мы увидимъ при знакомствѣ съ *шаманутствомъ* и его прототипомъ — *богомолствомъ*.

Какъ и огромное большинство крѣпостного крестьянства, основатель богомолства, Аввакумъ Копыловъ, питалъ полную увѣренность, что съ изгнаніемъ французовъ выйдетъ «воля». Но— вотъ сгорѣла Бѣлокаменная, «французъ» побѣжалъ домой, тысячами замерзалъ, тонулъ при переправахъ и попадалъ въ плѣнъ — а «воля» не выходила. Ждали сперва «управки» съ французомъ за границей; но вотъ и управка кончилась, русскія войска воротились на родину—а «воли» все не было. А между тѣмъ, крѣпостная зависимость давала себя знать крестьянамъ: тысячи примѣровъ помѣщичьяго произвола, свѣденія о которыхъ только теперь раскапываются въ разныхъ архивахъ, наполняютъ этотъ періодъ народной жизни. Сносить это для крестьянина было тѣмъ тяжелѣе, что, во время недавняго общаго патриотическаго возбужденія, онъ, поджигавшій свое жилище и свой хлѣбъ, чтобъ ими не воспользовался врагъ родины, онъ, отдававшій на общее дѣло послѣдніе гроши и шедшій въ ополченцы или посылавшій собственнаго сына, чувствовалъ себя человекомъ. Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на «волю», народъ принужденъ былъ обратиться къ «своимъ средствамъ»: одни бѣжали въ Черноморскія степи, на Кавказъ и въ Заволжье и тамъ устраивались по фальшивымъ видамъ или въ качествѣ «непомнящихъ родства»; другіе производили расправы и попадали въ остроги и на каторгу; третьи присоединялись къ существующимъ сектамъ; наконецъ, четвертые, въ поискахъ за «правдою» и лучшею жизнью, додумывались до собственныхъ социальна-религіозныхъ системъ. Къ послѣднему разряду принадлежалъ и Аввакумъ Копыловъ.

По однимъ извѣстіямъ, Копыловъ былъ безграмотенъ, по другимъ—онъ умѣлъ читать, но только церковную печать. Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо познакомился съ священнымъ писаніемъ, нѣкоторыми богослужебными книгами, въ родѣ «Чиновника», по которому архіереи служатъ обѣдни, и съ книгою Тихона Задонскаго «О истинныхъ каждаго христіанина должностяхъ». Послѣднія двѣ книги Аввакуму далъ тогдашній тамбовскій епископъ Аѳанасій, къ которому онъ ходилъ съ вопросами о «правдѣ» и о «жизни». Съ этими вопросами, волновавшими Аввакума и недавними ему покою, онъ обращался всюду,

¹ «Слово», 1878, № 4. Куликовскій: «Культурные пионеры», стр. 125.

гдѣ надѣялся найти нужныя разъясненія и указанія. Такъ онъ неоднократно ѣздилъ въ село Уварово къ молоканамъ, которые, однако, не удовлетворили его. Изъ бесѣдъ съ молоканами и съ епископомъ Аеанасіемъ онъ вынесъ рѣшеніе побывать въ св. мѣстахъ и посмотреть людей «разныхъ вѣръ». Въ отлучеѣ изъ своего села онъ пробылъ очень долго, но гдѣ былъ въ это время— неизвѣстно. Замѣчательно, что едва ли не всѣ основатели русскихихъ сектъ, толковъ и согласій, возникшихъ въ теченіи настоящаго столѣтія и второй половины прошлаго, прежде нежели выступать съ собственнымъ ученіемъ, предпринимали странствованіе по святымъ мѣстамъ и по разнымъ раскольничьимъ скитамъ и убѣжищамъ; въ этотъ именно періодъ ихъ жизни окончательно формировались убѣжденія, которыя они потомъ и начинали проповѣдывать. Тоже было и съ Аввакумомъ: изъ своего долгаго странствія онъ воротился съ выработанною собственною религіозною системою. Онъ находился въ это время въ крайне экзальтированномъ состояніи. Образъ жизни велъ крайне суровый и почти ничего не ѣлъ. Постоянный постъ окончательно подорвалъ его здоровье, разстроенное невзгодами странствованія. Во время болѣзни онъ видѣлъ разныя видѣнія: въ одномъ изъ нихъ онъ видѣлъ себя взатымъ на небо, гдѣ говорилъ съ Богомъ, который приказалъ ему «соблюдать заповѣди», «доходить» до нихъ до св. книгамъ и говорить о нихъ народу. По выздоровленіи, Аввакумъ выступилъ съ проповѣдью своего ученія.

Онъ сталъ устраивать «бесѣды», на которыя собирались почти всѣ его односельчане послушать св. писаніе. Самъ Аввакумъ занимался только толкованіемъ и проповѣдью; роль же чтца исполняли сперва мѣстный дьячекъ, а потомъ родной сынъ Аввакума, Филиппъ. Послѣдній сначала былъ пьяница, гуляка, развратникъ, но, увлекшись ученіемъ отца, онъ рѣзко измѣнился, пересталъ пить и сталъ вести строгую, подвижническую жизнь.

Свѣденій объ ученіи Аввакума осталось довольно мало, но достаточно для того, чтобы судить объ общемъ характерѣ и направленіи этого ученія. Онъ отрицалъ всѣ церковныя учрежденія и обряды, таинства, священство и проч. Собственное ученіе Аввакума запечатлено крайнимъ мистицизмомъ; его нравственныя предписанія носятъ строго-аскетическій характеръ. Всѣ православныя христіане живутъ по вѣрѣ ветхаго Адама и суть дѣти ветхаго рожденія; человекъ во грѣхѣ зачинается и во грѣхѣ рождается; для избавленія отъ грѣха нужно отрѣшиться отъ міра, что достигается постомъ, молитвою и удаленіемъ отъ женщинъ. Сообщеніе съ женщинами—самый тяжкій грѣхъ. Не должно ѣсть мяса, рыбы, луку, чесноку, картофеля и пить вина. Не должно ходить на игрища, ругаться скверными словами, а женщинамъ не должно носить нарядовъ и украшеній. Нравственныя предписанія Аввакума доходили до мелочности: такъ, по его

ученію, женщины должны для скромности повязывать платки на головѣ какъ можно ниже на глаза ¹.

Однако, въ самомъ скоромъ времени Аввакуму пришлось дѣлать уступки требованіямъ жизни и значительно измѣнить аскетическій характеръ своего ученія. Тутъ-то и обнаружилось, что послѣдователи Аввакума шли въ сектанство вовсе не для того, чтобы изнуреніемъ плоти приобрѣсть себѣ загробныя блага. Такъ Аввакуму пришлось исключить изъ своего ученія требованіе безбрачной жизни и создать званіе *духовницъ*. Возникло это званіе слѣдующимъ образомъ. Въ виду гоненій, которымъ подвергались сектанты въ концѣ царствованія Александра I и далѣе, послѣдователи Аввакума держали свои сектантскія воззрѣнія въ тайнѣ и по наружности оставались православными, тщательнo соблюдая всѣ обрядности господствующей церкви. Такимъ образомъ, не придавая никакого значенія таинству бракосочетанія, послѣдователи Аввакума, *богомолы*, какъ ихъ прозвали православные, тѣмъ не менѣе вѣнчались въ православныхъ церквахъ. Это вынужденное лицемѣріе клало въ глазахъ богомолъ своего рода клеймо на отношенія мужа къ женѣ. Къ этому присоединялись еще два обстоятельства: съ одной стороны, при крѣпостномъ правѣ не рѣдки были браки *по насилью*, по волѣ барина, управляющаго или бурмистра, и совершенно противъ воли брачующихся; съ другой — бракъ въ крестьянской средѣ обусловливался, да и теперь часто обусловливается скорѣе хозяйственными соображеніями, чѣмъ любовью. Между тѣмъ, у мужика существуетъ такая же потребность любви, какъ и у всякаго человѣка. Большинство, склоняясь предъ требованіями жизни, заглушаетъ эту потребность или удовлетворяетъ ее случайно; но въ сектанство идутъ какъ разъ люди, не желающіе смиряться предъ требованіями жизни. Въ результатѣ всего сказаннаго у богомолъ явилось своеобразное ученіе о бракѣ, свойственное и многимъ сектамъ новаго времени, напримѣръ, «Любушкину согласію», недавно явившемуся и быстро распространившемуся въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи ². Ученіе это состоитъ въ слѣдующемъ: плотскихъ сношеній съ женою не должно быть; бракъ долженъ быть союзомъ только хозяйственнымъ, экономическимъ. Истинная же любовь можетъ быть только по отношенію къ постороннему человѣку, съ которымъ не живешь. Такимъ образомъ и создались *духовники* и *духовницы*.

Проповѣдническая дѣятельность Аввакума продолжалась около 20 лѣтъ. За это время онъ приобрѣлъ многочисленныхъ послѣ-

¹ «Русскій Вѣстникъ», 1869, № 3. Ст. Мельникова; стр. 351—354. «Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1875, № 18. «Союзъ Богомолъ», свѣд. *Канискаго*. Замѣчательно, что г. Мельниковъ причисляетъ богомолъ къ хлыстамъ.

² См. «Московскій Телеграфъ», 1882, № 56.

дователей въ своемъ родномъ селѣ Перевозѣ, въ селѣ Уваровѣ и въ деревнѣ Березовѣ. Отдѣльныя лица, наслышавшіяся о примѣрной, благочестивой жизни Аввакума и его ученіи, пріѣзжали къ нему издалека и присоединялись къ союзу богомоловъ. Такимъ образомъ, въ концу дѣятельности Аввакума, у него были послѣдователи въ Кирсановскомъ, Тамбовскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, Аткарскомъ — Саратовской, Бузулукскомъ — Самарской и Ростовскомъ — Екатеринославской. Понятное дѣло, что такая успѣшная пропаганда сектанства не могла не обратить на себя вниманія властей и, прежде всего, мѣстнаго священника. Священникомъ въ Перевозѣ тогда былъ «дряхлый и больной старичекъ, о. Григорій, произведенный въ священники изъ пономарей, слѣдовательно, для Аввакума вовсе не опасный человекъ»¹. Онъ только и могъ найти одно средство для борьбы съ богомолствомъ — обратиться къ помѣщицѣ съ просьбою «принять мѣры». И «мѣры» принимались: Аввакума всячески срамили, сѣли на конюшнѣ и послали для сѣченія въ кирсановскую полицію. Аввакумъ, дошедши до сознанія своего человѣческаго достоинства, рѣшительно отказался нести барщину. Понятное дѣло, что помѣщицѣ это не могло понравиться. Вотъ подлинныя, очень характерныя слова дочери г-жи Виляевой: «Самъ Аввакумъ и сыновья его прежде были хорошіе работники, а какъ завели эту секту, такіе стали лѣнтыя да грубіаны, что не жалъ было встать въ Сибирь сослать. Бывало придетъ рабочая пора, люди нужны, а они всё пропадутъ Богъ знаетъ куда; а вѣдь вы сами видите, спрятаться есть гдѣ: кругомъ лѣсъ. Ну, и надо было отрывать и другихъ людей, да ихъ разыскивать. Найдутъ въ какой-нибудь лѣсной труппѣ и приведутъ къ намъ въ домъ. Гдѣ ты пропадалъ, лѣнтая? спросишь его. «Извините, сударыня, на небесахъ былъ». Да что же ты веселъ въ грязи, развѣ тамъ грязно? «Да это вотъ когда я сошелъ на землю, такъ вотъ они меня тащили да и вымазали». Что же ты на небесахъ дѣлалъ? «Божію службу слушалъ. Вонъ тамъ еще къ обѣднѣ заблаговѣстили, работать грѣшно, сударыня». Сколько разъ случалась эта исторія при гостяхъ, *вст такъ и умрутъ со смѣха, а онъ и не улыбнется, негодный. Послѣ этого что хотите съ нимъ дѣлайте, а онъ работать ужъ не станетъ. Мы и добромъ просили и наказывали, и въ Кирсановъ высылали, ничего не помогало. Ужъ мы рады были, когда они пожелаю откупиться, и отпустили ихъ, помнится, за самую ничтожную сумму*². «Къ сожалѣнію, точной цифры, за которую выкупился Аввакумъ, помѣщица не пожелаю сообщить. Какъ бы то ни было, Аввакумъ, купивъ себѣ свободу, повелъ дѣло пропаганды свободнѣе и смѣлѣе прежняго. «Прежде, боясь господъ,

¹ «Тамб. Еп. Вѣд.», 1875, № 18, стр. 529.

² Id.

богомолы запирались въ избѣ и жужжали, какъ пчелы въ ульѣ ¹. Теперь они повели дѣло открыто: на собранія ихъ собиралось столько народу, что собравшіеся не вмѣщались нетолько въ избѣ, но даже на дворѣ, и многіе принуждены были слушать пѣніе, стоя на улицѣ. Какъ разъ въ это время умеръ священникъ Григорій, и на его мѣсто былъ поставленъ священникомъ человекъ «строгий», нѣкто Смирновъ. Онъ дебютировалъ въ Перевозѣ тѣмъ, что послалъ по начальству доносъ на Аввакума и его послѣдователей. Доносъ взбудоражилъ всѣхъ, кого слѣдуетъ, и Аввакумъ былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Кирсановскій тюремный замокъ. Вмѣстѣ съ Аввакумомъ была арестована крестьянка села Перевоза, Татьяна Магаровна Черноствитова, по народному прозванію Ремизова, одна изъ первыхъ послѣдовательницъ Аввакума. Аввакумъ умеръ въ Кирсановской тюрьмѣ, не дождавшись суда, а Ремизова была судима и сослана на поселеніе. Это было въ началѣ 40-хъ годовъ ².

Тѣмъ не менѣе, арестованіе Аввакума и Ремизовой, смерть перваго въ тюрьмѣ и ссылка послѣдней въ Сибирь произвели совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидали. Богомолство нетолько не ослабѣвало, но еще усиливалось, такъ какъ за него теперь были тѣни «страдалцевъ за вѣру». Ближайшимъ результатомъ преслѣдованій богомоловъ было страшное ожесточеніе противъ православнаго духовенства вообще и въ особенности противъ перевозовскаго священника, Василя Смирнова. Этотъ послѣдній воевалъ не съ одними только богомолами, но и съ молоканами, которыхъ было также не мало въ Перевозѣ. Дѣятельность о. Смирнова по отношенію къ молоканамъ была на столько успѣшна, что многіе изъ нихъ предпочитали переселиться въ Оренбургскую губернію; наконецъ, ожесточеніе дошло до того, что однажды, подъ самую пасху, подожгли новый домъ священника. О. Смирновъ не выдержалъ и перешелъ въ другой приходъ ³.

Въ самомъ богомолствѣ несчастія, постигшія Аввакума и Ремизову, произвели расколъ. Одни видѣли въ печальной судьбѣ Аввакума и Ремизовой наказаніе, постигшее богомоловъ за то, что они отступили отъ своего прежняго аскетизма и стали жить «просто». Во главѣ этой фракціи стоялъ сынъ Аввакума, Филиппъ, самоучкою выучившійся грамотѣ. Другіе, напротивъ, желали еще большаго уклоненія отъ прежняго аскетическаго образа жизни, желали такого устройства жизни, при которомъ возможны были бы бѣльшія удобства. Они отдѣлились отъ фракціи Филиппа и образовали въ Перевозѣ особую общину, во главѣ которой сталъ крестьянинъ Перфиль Петровичъ Кутасоновъ, въ послѣдствіи игравшій самую выдающуюся роль въ шалапутствѣ. Послѣдователи Филиппа впади въ крайній мистицизмъ. Умер-

¹ Id.

² Id.; «Рус. Вѣстн.», 1869, № 3, ст. *Мельникова*

³ «Тамб. Ел. Вѣд.», 1875, № 18, стр. 530.

шаго Аввакума они чуть не боготворили и слагали въ честь его пѣсни, чрезвычайно сходныя съ пѣснями скопцовъ о Селивановѣ. На самыхъ ихъ собраніяхъ не рѣди были случаи крайней экзальтаціи присутствующихъ, выражавшіеся въ истерическомъ плачѣ, конвульсивномъ дрожаніи, прыганьѣ и т. п. Самое ихъ мировоззрѣніе получило характеръ какой-то мрачной, безнадежной отчаянности, признаки которой были, впрочемъ, еще въ ученіи Аввакума. Они думали, что весь міръ на столько погрязъ въ грѣхахъ, что непременно погибнетъ, и спасутся только одни они, не многіе избранные, ведущіе строгую, суровую жизнь, не знающую земныхъ радостей. Совсѣмъ другое было въ общинѣ Кутасонова: въ ней, рядомъ съ религіозною жизнью, развивалась и крѣпла жизнь оштинная, возникло множество явленій взаимопомощи и общинности, которыми община Кутасонова очень приближается къ современнымъ шалапутскимъ общинамъ. Въ самомъ религіозномъ ученіи Кутасонова пробилась струйка раціонализма и многое изъ этого ученія почти цѣликомъ вошло въ ученіе многіхъ шалапутскихъ группъ.

Время 40-хъ годовъ и первой половины 50-хъ, наполненное предсмертными потугами крѣпостничества, отразилось крайне неблагоприятно на богомолствѣ. Масса крестьянства впадала въ полную безнадежность относительно улучшенія своей участи и была далеко не расположена къ воспринятію раціоналистическихъ идей. Фракція богомолства, представляемая Филиппомъ, впадавшая все въ болѣе мистицизмъ, приобрѣтала громадное число послѣдователей; между тѣмъ, какъ община Перфила Петровича не только не расширялась, но еще теряла своихъ наличныхъ членовъ, переходившихъ къ Филиппу. Такъ продолжалось до конца 50-хъ годовъ.

Это время было началомъ перелома въ народной жизни, приведшаго къ тому необыкновенному развитію сектантства, которое мы видимъ теперь. Перфиль Петровичъ и его послѣдователи поняли, что теперь настало ихъ время, и разсѣялись по всему югу съ цѣлями пропаганды своего ученія. Вездѣ они находили или уже сформировавшіяся общины сеетантовъ, ученіе которыхъ близко подходило къ ученію богомолцовъ или представляло дальнѣйшее развитіе принциповъ богомолства. Доктрина, которую приносили богомолцы, будучи родственною съ ученіемъ самихъ новыхъ сектантовъ, быстро усваивалась послѣдними; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта доктрина, постоянно сталкиваясь съ новыми сеетантскими ученіями, и сама видоизмѣнялась и понемногу превратилась въ оригинальное ученіе современнаго шалапутства.

Собственно роль богомолцовъ, какъ пропагандистовъ, была крайне ограниченная. Они не столько распространяли свое ученіе, сколько находили его уже распространеннымъ. Ихъ главное значеніе—значеніе организаторовъ, создавшихъ изъ готовыхъ эле-

ментовъ тотъ союзъ шалапутскихъ общинъ, какой существуетъ теперь.

Для характеристики дѣятельности богомолловъ въ первый періодъ образованія шалапутскихъ общинъ, я расскажу исторію возникновенія и распространенія шалапутства на Сѣверномъ Кавказѣ.

Въ концѣ 40-хъ годовъ на Сѣверный Кавказъ пріѣхали изъ Тамбовской губерніи помѣщики Садомцевы. Въ числѣ ихъ дворни былъ богомоль Я., исполнявшій обязанности садовника. Это былъ ретивый сектантъ, тотчасъ же по пріѣздѣ приступившій къ пропагандѣ своего ученія. Однако, долгое время эта пропаганда не имѣла никакого результата и только около 1850 г. Я. удалось увлечь въ богомольство нѣсколько крестьянъ въ с. Новомихайловскомъ (Тамбовѣ) и двухъ крестьянъ с. Ладовской Балки, П. В—ова и Ф. О—ва. Но на этомъ успѣхи богомолства на Сѣверномъ Кавказѣ и остановились до самаго конца 50-хъ годовъ. Въ это время стали появляться первые признаки современнаго сектантскаго движенія: среди массы населенія стала замѣтно усиливаться религіозность; странствованія по св. мѣстамъ, бывшія доселѣ чрезвычайно рѣдкими случаями, сдѣлались зауряднымъ явленіемъ; стало входить въ обычай «поне-дѣльничанье», т. е. неупотребленіе скоромной пищи въ поне-дѣльникъ, на ряду со средой и пятницей; появились около сель отшельники; изъ среды женщинъ выдѣлились «чернички», «христовы невѣсты» и т. д. Въ это-то время и началась ассимиляція богомолства съ новымъ сектантскимъ движеніемъ, образованіе существующей нынѣ шалапутской секты. Богомолы Я., О—въ и В—овъ начали разъѣзжать по селамъ и столицамъ и вездѣ присоединяли къ союзу богомолловъ уже образовавшіеся сектантскія общины или отдѣльныхъ лицъ, отказавшихся отъ православія, но еще не присоединившихся ни къ какой сектѣ. Нерѣдко также къ этимъ организаторамъ шалапутства пріѣзжали представители новыхъ сектантскихъ общинъ, до которыхъ дошелъ слухъ о шалапутскихъ дѣятеляхъ, потолковать о вѣрѣ и «столковаться». Въ результатѣ этихъ толковъ получалось, въ большинствѣ случаевъ, присоединеніе пріѣхавшихъ представителей и представляемыхъ ими общинъ къ шалапутству. Время отъ времени, въ помощь мѣстнымъ дѣятелямъ, Кутасоновъ присылалъ своихъ ближайшихъ друзей и послѣдователей. Изъ нихъ особенно видную роль въ дѣлѣ распространенія шалапутства сыграли нѣкто Гавріилъ и женщина Гаяя. Успѣхи шалапутства были необыкновенные: къ концу 60-хъ годовъ шалапуты встрѣчались почти во всѣхъ селахъ западной части Ставропольской губерніи и той половины Кубанской области, которая находится по правую сторону Кубани; въ началѣ же 70-хъ годовъ они проникли во всѣ села восточной половины Ставропольской губерніи, распространились за Кубанью и въ настоящее время

съ необыкновенною быстротою распространяются въ Терской области.

Собственно шалапутскія общины на Сѣверномъ Кавказѣ возникли не путемъ пропаганды, а совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и почти одновременно, подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы разсматривали во второй главѣ, и которыя были болѣе или менѣе одинаковы для всѣхъ селъ и станицъ. Задача пропаганды заключалась только въ соединеніи всѣхъ новыхъ сектантскихъ общинъ въ одинъ союзъ. Невольно, однако, возникаетъ вопросъ: почему новые сектанты присоединялись къ союзу, образованному первыми шалапутскими общинами, а не къ какой-нибудь другой сектѣ, или не образовали свою собственную самостоятельную секту? Объясняется это, впрочемъ, очень легко, во-первыхъ, тѣмъ, что социальнo-экономическіе взгляды, составляющіе суть шалапутства, были почти тождественны какъ у богомолъ, такъ и у тѣхъ новыхъ сектантовъ, которые присоединялись къ шалапутскому союзу, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что шалапутское движеніе съ самаго же начала было увѣнчано ореоломъ мученичества и этимъ путемъ приобрѣло громадный авторитетъ въ народной средѣ.

Преслѣдованія шалапутовъ на Сѣверномъ Кавказѣ начались со времени появленія первыхъ признаковъ сектантскаго движенія. Такъ «еще въ 1857 г. ставропольскій губернскій страпчій доносилъ своему начальству о появленіи вредной ереси, подъ названіемъ шалапутовъ, между нѣкоторыми крестьянами селъ Ладовской-Балки и Новомихайловскаго, Ставропольскаго (нынѣ Медвѣженскаго) уѣзда. По поводу этого донесенія произведено было слѣдствіе, которымъ обнаружено, что сборища нѣкоторыхъ крестьянъ сел. Ладовской-Балки и Новомихайловскаго происходили не для какого-нибудь безчинства и противонаравственныхъ дѣйствій, а единственно для чтенія и пѣнія церковныхъ стиховъ, а потому опредѣлено было всѣхъ подсудимыхъ оставить безъ преслѣдованія и только внушить имъ, чтобы впредь не возобновляли подобныхъ сборищъ, въ отвращеніе соблазновъ прочимъ ихъ односельцамъ»¹. Съ этого времени на шалапутовъ начинаютъ сыпаться доносы: доносятъ мелкіе полицейскіе чины, доносятъ частныя лица, преимущественно бывшіе шалапуты, исключенные изъ сектантскихъ общинъ, а всего болѣе священники. Доносовъ послѣдняго рода такъ много, что подъ ними полки ломаются въ консисторіи кавказской епархіи. Нѣкоторые изъ нихъ напечатаны въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», впрочемъ, съ значительными измѣненіями и выписками. Вотъ для образца отрывокъ изъ одного рапорта: «Хлысты далеко не то, что наши кавказскіе шалапуты; тамъ есть хоть какая-нибудь религія, а у нашихъ шалапутовъ нѣтъ ничего священнаго и завѣтнаго; они ушли гораздо дальше хлы-

¹ «Кавказскія Епарх. Вѣд.», 1873, № 23.

стовъ, отъ которыхъ произошли, и ушли не по пути совершенства, а по дорогѣ нравственной распущенности; ихъ можно называть *нигилистами* ¹.» И вотъ на основаніи этихъ доносовъ на головы шалапутовъ обрушился цѣлый рядъ преслѣдованій. Такъ въ 1862 г., «оказавшіеся главными распространителями и руководителями» шалапутской секты, крестьяне Маркъ Хмыровъ (слѣпецъ, нынѣ умершій), П. Св — овъ, Ф. О — овъ и многіе другіе были арестованы и посажены въ ставропольскій тюремный замокъ. Однакожъ, высшая инстанція нашла, что держать подъ арестомъ шалапутовъ не за что и они были освобождены, причемъ съ нихъ была взята подписка въ томъ, что они не будутъ «составлять между собою никакихъ сходбищъ и будутъ воздерживаться отъ всякихъ толкованій и дѣйствій, противныхъ правиламъ православной церкви, подъ опасеніемъ строгаго взысканія». вмѣстѣ съ этимъ шалапуты отданы были подъ надзоръ полиціи. Последнее обстоятельство сдѣлалось самымъ тяжелымъ условіемъ жизни шалапутовъ. Съ этого времени начинаются непрерывные обыски въ домахъ шалапутовъ; собранія ихъ разгоняются, и самихъ шалапутовъ арестуютъ и заключать въ тюрьмы цѣлыми толпами. Для примѣра приведу слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ губ. г. Ставрополь. Въ ночь на 20-е декабря 1865 года, полицейскіе служители и обходные солдаты, пришедши къ дому, въ которомъ происходили собранія одной группы ставропольскихъ шалапутовъ, схватили изъ числа присутствующихъ 14 человекъ и доставили ихъ въ часть. Началось дѣло. Шалапуты были заключены въ тюрьму и преданы уголовному суду. Судъ (дореформенный) не нашель, однако, за ними вины и освободилъ ихъ.

Особенно тяжелое впечатлѣніе на шалапутовъ произвелъ приговоръ ставропольскаго окружного суда (безъ участія присяжныхъ), которымъ присужденъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ наставниковъ шалапутства, крестьянинъ села Безопаснаго, Ставропольской губерніи, Яковъ Федоровичъ Глѣбовъ. Изъ 9 свидѣтелей, допрошенныхъ на судѣ, 6 показали въ пользу Глѣбова и только трое противъ него; но судъ нашель показанія свидѣтелей, оправдывавшихъ подсудимаго, не заслуживающими довѣрія: четверыхъ — на томъ основаніи, что они принадлежатъ къ сектѣ шалапутовъ, одного потому, что *онъ за недѣлю до суда обратился въ православіе*, а одного — безъ всякихъ основаній. Показанія же трехъ *православныхъ* свидѣтелей судъ призналъ вполне достоверными и на основаніи ихъ сослалъ Глѣбова въ Сибирь. Мало того, судъ призналъ ихъ, несмотря на ихъ неграматность, компетентными экспертами по сектантству, и, на основаніи ихъ показаній, причислилъ шалапутство къ сектамъ особенно вреднымъ.

Преслѣдованія шалапутовъ не ограничились одними полицей-

¹ «Кавказскія Епарх. Вѣд.», 1874, № 6. Свящ. *Михаиль Воиновъ*.

скими и судебными мѣрами. Имѣются въ запасѣ еще и «свои средства», какъ напримѣръ, приговоры сельскихъ обществъ о высылкѣ шалапутовъ въ Сибирь. Изъ числа извѣстныхъ мнѣ случаевъ сообщу одинъ, очень недавній. Священникъ одного села, Ставропольской губерніи, уговорилъ сельскій сходъ постановить приговоръ о высылкѣ въ Сибирь мѣстнаго наставника шалапутовъ. Сходъ сначала колебался, указывая на то, что послѣ ссылаемаго останется семья, которую некому будетъ содержать. Тогда священникъ заявилъ, что онъ принимаетъ остающуюся семью на свое содержаніе, и сходъ постановилъ желательный для священника приговоръ. Къ счастью, присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ вассировало приговоръ сельскаго схода. Однако, цѣль все-таки была достигнута, такъ какъ на основаніи обвиненій, выставленныхъ въ приговорѣ противъ шалапутскаго вожака, о немъ было произведено полицейское дознаніе и, какъ кажется, возбуждено судебное слѣдствіе.

Но все это не только не остановило распространенія шалапутства, но еще содѣйствовало ему. Масса крестьянства, не видя въ жизни шалапутовъ ничего позорящаго, смотритъ на нихъ, какъ на страдальцевъ и невольно увлекается ими.

Такова въ общихъ чертахъ исторія распространенія шалапутства на сѣверномъ Кавказѣ. Такой же характеръ носить это распространеніе и въ другихъ мѣстностяхъ, каковы Донская область, Харьковская, Рязанская, Воронежская и Тамбовская губерніи и нѣкоторыя мѣстности Малороссіи. И здѣсь шалапутскія общины возникали самостоятельно, независимо другъ отъ друга; и здѣсь роль сектантскихъ вожаковъ, пропагандистовъ, ограничивалась только установленіемъ связи между отдѣльными общинами, объединеніемъ ихъ въ одинъ союзъ. Не мало также горькихъ минутъ пришлось вынести и здѣшнимъ шалапутамъ. Такъ, еще 25-го сентября 1880 г., рязанскій окружной судъ приговорилъ четырехъ шалапутовъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и късылкѣ на поселеніе въ Закавказскій край. Въ томъ же году, по требованію екатеринославской духовной консисторіи, было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ шалапутовъ Екатеринославскаго и Александровскаго уѣздовъ, по обвиненію ихъ въ распространеніи вредной секты и въ кощунствѣ. Самъ Кутасоновъ былъ сосланъ въ Закавказье, гдѣ и пробылъ много лѣтъ. Возвращенный изъ ссылки на родину, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, и только не особенно давно выпущенъ на свободу. Теперь это уже дряхлый старикъ.

Въ Малороссіи и Новороссіи существуютъ многочисленныя группы шалапутовъ, стоящія внѣ всякой связи съ образовавшимся шалапутскимъ союзомъ и, такимъ образомъ, представляющія собою какъ бы отдѣльныя, самостоятельныя небольшія секты. Для примѣра можно указать на шалапутскую общину Портянскихъ хуторовъ, Барановской волости, Миргородскаго уѣзда, на Ковалевскихъ шалапутовъ Зеньковского уѣзда, на ша-

лапутовъ Николаевского уѣзда, на крайне интересную и довольно многочисленную группу *шалапутовъ-дуплевъ* и др. Собственно причины возникновенія этихъ шалапутскихъ общинъ и условія, которыми сопровождался ихъ ростъ, тѣ же, которыя мы видѣли въ исторіи возникновенія и распространенія шалапутства на Сѣверномъ Кавказѣ. Различіе состоитъ только въ томъ, что эти отдѣльныя группы не присоединились къ существующей федераціи шалапутскихъ общинъ.

Такимъ образомъ, шалапутство представляетъ не одну, а нѣсколько сектъ. Еще менѣе оно можетъ быть признано одною сектою, если смотрѣть только на религіозное ученіе шалапутовъ. Единство шалапутства заключается въ единствѣ быта, единствѣ соціально-экономическихъ взглядовъ сектантовъ. Что такое единство существуетъ, тому лучший свидѣтель—народная масса, усвоившая сектантамъ повсюду одно и то же имя—шалапутъ, хотя, рядомъ съ этимъ именемъ, въ каждой мѣстности существуетъ областное прозвище сектантовъ.

Окончивъ, такимъ образомъ, историческое обозрѣніе судебъ шалапутства, перейдемъ теперь къ изложенію религіознаго ученія шалапутовъ и ихъ соціально-экономическихъ взглядовъ, а также къ ознакомленію съ ихъ бытомъ ¹.

Я. Абрамовъ.

(До слѣдующаго №).

¹ Глава эта составлена какъ на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ упоминавшихся въ примѣчаніяхъ статей, такъ и на основаніи свѣденій, собранныхъ мною на мѣстахъ и извлеченныхъ изъ неизданныхъ консисторскихъ и судебныхъ документовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Политическія дѣла.—Неудавшаяся перестройка министерства.—Мертворожденный кабинетъ Леблон.—Обращеніе къ Бриссону.—Бюро дѣвухъ.—Напрасная попытка восстановленія большинства.—Образованіе кабинета Дюклера.—Краткая программа мира и согласія.—Протестъ Клемансо.—Закрытіе палаты по случаю каникулъ, 9-го августа.—Равнодушіе общественнаго мнѣнія къ египетскимъ дѣламъ.—Усмиреніе Туниса.—Затишье въ департаментскихъ совѣтахъ.—Антиклерикальное социалистическое движеніе въ Монсо-Ле-Монъ.—Пастырское посланіе епископа Отѣнскаго.—Бонапартистская манифестация на Ваграмской площади.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я сообщалъ, какимъ образомъ всплывшее на поверхность, по поводу одного внутренняго вопроса (о центральной парижской мэри), министерство Фрейсинэ снова пошло ко дну, по вопросу внѣшней политики, а именно: объ ассигнованіи кредита на египетскую экспедицію. Въ началѣ, президентъ республики, казалось, отнесся къ голосованію 29-го іюля не болѣе серьезно, чѣмъ къ тому, которое происходило 18-го, несмотря на почти полное единогласіе палаты. Онъ получилъ прошенія объ отставкѣ вечеромъ, но не сказалъ, что принимаетъ ихъ и ждалъ слѣдующаго засѣданія палаты, т. е. понедѣльника, 31-го числа, чтобы посмотреть, не удастся ли какому-нибудь «водолазу» изъ среды «Демократическаго Союза» или «радикальной лѣвой», снова выудить утопающихъ. Предъ открытіемъ засѣданія, президентъ бюджетной комиссіи, зять Греви, Вильсонъ, выразилъ мнѣніе, что слѣдовало бы предложить палатѣ продолжать обсужденіе финансоваго закона, несмотря на случившееся. Радикаль Жюль Рошъ и умѣренный Рибо замѣтили ему, что подобное предложеніе можетъ быть названо насмѣшкой надъ парламентскимъ режимомъ. Большинство членовъ комиссіи не допустило Вильсона дѣйствовать отъ имени комиссіи. Но вопросъ, тѣмъ не менѣе, былъ поставленъ, такъ какъ обсужденіе статей, касающихся государственныхъ расходовъ, стояло во главѣ очереднаго порядка. Противъ отсрочки до слѣдующаго четверга, за которую подали голоса 368 депутатовъ, высказалось только 112 голосовъ, а правые воздержались отъ подачи голоса.

Послѣ того, во вторникъ, 1-го августа, президентъ республики приступилъ наконецъ къ переговорамъ, въ видахъ образованія болѣе или менѣе новаго кабинета. Онъ пригласилъ въ Елисейскій дворецъ Жюля Ферри, затѣмъ президентовъ: сената и палаты депутатовъ, Ройе и Бриссона, а вечеромъ того же дня совѣщался съ Леономъ Сэ. На слѣдующее утро, 6-го, онъ собралъ у себя шестерыхъ изъ прежнихъ министровъ: Варруа, Кошери, Бильо, Жорегиберри, Тирара, де-Маги и убѣдилъ ихъ остаться на своихъ постахъ въ нейтральномъ кабинетѣ, безъ опредѣленной окраски относительно внутренней политики, и роль котораго ограничивалась бы освобожденіемъ внѣшней политики отъ египетскаго вопроса, во время каникулъ, сообразно съ несомнѣнно миролюбивыми желаніями законодательнаго большинства.

Въ четвергъ, депутаты снова собрались на засѣданіе и нашли министерскую скамью пустой, а въ галлерейхъ прочитали наклеенную на стѣнахъ выдержку Агентства Гавасъ изъ берлинской корреспонденціи «Times», въ которой сообщалось, что германскому посланнику Гогенлоэ поручено было выразить Фрейсина глубокое сожалѣніе по поводу паденія его кабинета и надежду на его возстановленіе, такъ какъ «германское правительство расположено поддерживать, по мѣрѣ своихъ силъ, французскую политику на востокѣ». Это сообщеніе было опровергнуто на слѣдующій же день, но возбудило всеобщее негодованіе въ парламентскомъ мѣрѣ, вылившееся въ яростную полемику: оппортунисты съ ожесточеніемъ нападали на павшаго министра, а ихъ противники обвиняли Гамбетту и его друзей въ томъ, что они сами сочинили депешу, помѣщенную въ лондонской газетѣ. Какъ бы то ни было, этотъ инцидентъ сдѣлалъ Фрейсина невозможнымъ для какой бы то ни было немедленной министерской комбинаціи.

Настаивая на образованіи дѣловаго кабинета, Гриви полагалъ 4-го августа, что успѣетъ поставить во главѣ его пріятеля своего сенатора Леблона, товарища по Учредительному собранію 1848 года. Но младшіе статсъ-секретари, которыхъ желали при этомъ сдѣлать министрами, рѣшительно отказались отъ этой чести.

Убѣдившись въ неосуществимости вполнѣ нейтральнаго кабинета, президентъ республики рѣшился обратиться къ обычному способу для составленія политическаго министерства, т. е. пріискать министра-президента и поручить ему найти себѣ товарищей. Онъ призвалъ Бриссона, но президентъ палаты депутатовъ отказался. Затѣмъ пригласилъ Ферри, но и тотъ объявилъ, что не видитъ для себя возможности создать большинство. Въ тотъ же день, онъ вторично призвалъ Бриссона, который продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ, мотивируя его незнакомствомъ съ дипломатическими дѣлами и тѣмъ, что не считаетъ себя спо-

способнымъ къ ликвидаціи внѣшнихъ затрудненій, причиненныхъ египетскимъ вопросомъ.

Какъ истинный уроженецъ Франшъ Контэ, по терпѣнію и лукавству, Греви попробовалъ заставить само республиканское большинство принять отвѣтственность за образованіе кабинета въ духѣ примиренія. Онъ пригласилъ въ Елисейскій дворецъ гг. Пьера Леграна и Феллье, принадлежащихъ къ «республиканскому союзу», Дэво, члена «демократическаго союза» и Бернара изъ радикальной лѣвой. Вслѣдствіе выраженнаго имъ президентомъ республики желанія, эти депутаты созвали собранія своихъ фракцій. Но только одинъ республиканскій союзъ отнесся сочувственно къ предложенію Леграна и Дэво о томъ, чтобы попытаться убѣдить Бриссона взять назадъ свой отказъ, и покинуть кресло президента палаты депутатовъ для президентства въ совѣтъ министровъ. Но вслѣдствіе слишкомъ ревностной поддержки со стороны «République française», «Paris» и другихъ гамбеттскихъ газетъ, прочія республиканскія фракціи отнеслись къ предложенію съ недоувѣріемъ, видя въ немъ уловку, вносящуюся къ тому, чтобы, какъ принято выражаться въ этомъ случаѣ, быстро «исчерпать» и Бриссона и Греви, съ цѣлью ускорить возвращеніе къ кормилу Гамбетты.

Крайняя лѣвая, одинъ изъ вождей которой, Клемансо, былъ главнымъ виновникомъ сплоченія болѣе 400 голосовъ противъ Фрейсинэ, и которая вслѣдствіе этого могла и должна была бы удостоиться призванія на совѣщаніе въ Елисейскій дворецъ, крайняя лѣвая первая собралась и отвергла предложеніе Клемансо, Камилля Пеллтана и Жюля Роша, заключавшееся въ томъ, чтобы пригласить Бриссона объяснить причины, заставившія его отказаться отъ предложенія, сдѣланнаго ему президентомъ республики. Непримируемую часть фракціи удалось сгруппировать только относительно отрицательнаго очереднаго порядка, противъ восстановленія кабинета Фрейсинэ, Ферри или Сэ, къ чему, какъ она полагала, вложилъ президентъ республики и чего надѣялся достигнуть, послѣ цѣлаго ряда предусмотрѣнныхъ неудачъ. Въ этомъ очередномъ порядкѣ говорилось: «Общій интересъ республиканской демократіи настоятельно требуетъ политики мира извнѣ и политики реформъ внутри, а потому мы протестуемъ заранѣе противъ всякой уловки, вносящей къ восстановленію, вопреки голосованію палаты, низложенныхъ ею министровъ». Между тѣмъ бюро «республиканскаго союза» добилося если не общаго собранія группъ, то, по крайней мѣрѣ, общаго совѣщанія съ бюро демократической лѣвой, радикальной лѣвой и крайней лѣвой. На этомъ совѣщаніи вышеуказанное обращеніе къ Бриссону признано было антиконституціоннымъ, и потому отвергнуто тремя названными фракціями, такъ какъ «президенту республики присвоено исключительное право выбора министровъ». На предложеніе Леграна и Дэво, одобренное—или вѣрнѣе, возбужденное Жюлемъ Греви, большая часть пред-

ставителей бюро республиканскихъ группъ выразила, впрочемъ, довольно ясно, «что республиканское большинство съ удовольствіемъ встрѣтитъ кабинетъ примиренія».

Въ воскресенье утромъ, 6-го, въ Елисейскій дворецъ былъ призванъ: сенаторъ Эженъ Дюклеръ, бывшій редакторъ «National'я» вмѣстѣ съ Арманомъ Каррелемъ, и младшій статс-секретарь министерства финансовъ при временномъ правительствѣ 1848 г. Устраненный изъ политическаго міра вторымъ декабря, онъ посвятилъ себя при второй имперіи крупнымъ предпріятіямъ, и былъ однимъ изъ основателей «Crédit mobilier» въ Испаніи. Начиная съ 1870 г., и во время осады Парижа, и въ версальскомъ собраніи, и въ сенатѣ, онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ, а именно примиряющимъ, обезоруживая даже раціонаровъ обаятельностью своей личности. Въ двухъ рѣшающихъ случаяхъ, при голосованіи конституціи 1875 г. и назначеніи первыхъ несмѣняемыхъ сенаторовъ, онъ съ замѣчательною ловкостью устроилъ, при помощи переговоровъ, союзъ лѣвыхъ, о который разбилась монархическая коалиція. Въ концѣ септената, даже маршалъ Макъ-Магонъ на минуту увлекся Дюклеромъ, и чуть не взялъ его въ министры, на мѣсто Жюля Симона. Еслибы это случилось, то, безъ сомнѣнія, 16-ое мая не имѣло бы мѣста и, во всякомъ случаѣ, Дюклеръ болѣе либерально, чѣмъ Дюфоръ, воспользовался бы конституціонными законами, изготовленными врагами демократіи.

Несмотря на скромность и отсутствіе честолюбія, Дюклеръ не могъ не отозваться на призывъ президента республики. Послѣ восьмидневнаго министерскаго кризиса, его отказъ легко могъ повлечь за собою правительственный кризисъ, къ которому страна не была приготовлена и серьезность котораго лишь удвоила бы внѣшнія затрудненія. Онъ принялъ предложенный ему постъ, дѣйствительно, по чувству гражданскаго долга. Относительно выбора товарищей, ему не было поставлено никакихъ условій, и онъ поспѣшилъ сохранить для военнаго, морскаго и министерства почтъ и телеграфовъ, генерала Билльо, адмирала Жорегиберри и Кошери. При министерствѣ земледѣлія онъ оставилъ де-Маги. Если онъ не взялъ на себя управленія министерствомъ финансовъ, къ чему всего болѣе подготовленъ предыдущею дѣятельностью своею, то сдѣлалъ это единственно для того, чтобъ вполне посвятить себя внѣшней политикѣ, въ виду серьезности положенія иностранныхъ дѣлъ. Не имѣя возможности вернуть Леона Сэ и не желая усиливать парламентскихъ затрудненій выработкой третьяго бюджета на 1883 годъ, онъ перевелъ Тирара изъ министерства торговли въ министерство финансовъ, только для того, чтобы поддержать обсужденный уже бюджетъ, такъ какъ вопросъ о договорахъ съ большими желѣзнодорожными обществами совершенно отложенъ. Въ министерство народнаго просвѣщенія, за отказомъ Ферри, онъ выбралъ его младшаго статс-секретаря, депутата Дюво, бывшаго про-

фессора, вполне знакомого съ университетскими дѣлами и чело-
вѣка, способнаго привести въ исполненіе начатія реформы по
народному образованію, въ особенности же законъ объ обязатель-
ности народнаго образованія, къ примѣненію котораго только
что приступлено въ настоящее время.

Дюво принадлежитъ къ республиканскому союзу точно также,
какъ и Лепранъ (Шьеръ), бывшій старшина совѣта лильскихъ
адвокатовъ и префектъ въ Сѣверномъ департаментѣ при прави-
тельствѣ національной обороны, которому поручено теперь управ-
леніе министерствомъ торговли. Портфель министра юстиціи по-
лучилъ Дэвель, бывшій въ министерствѣ Гамбетты, а министерство
внутреннихъ дѣлъ перешло въ вѣденіе Фалльера, который также
входилъ въ составъ низложеннаго 26-го января кабинета, въ
качествѣ младшаго статсъ-секретаря въ томъ же вѣдомствѣ. На-
конецъ, министерство общественныхъ работъ поручено Гериссону.
Это радикаль, одинъ изъ бывшихъ мэровъ и президентовъ па-
рижскаго муниципальнаго совѣта, депутатъ отъ департамента
Верхней Сены, а затѣмъ и 6-го парижскаго округа и одинъ
изъ самыхъ молодыхъ и замѣчательныхъ адвокатовъ кассацион-
наго суда. Новый министръ, которому пришлось вскорѣ по на-
значенію предсѣдательствовать на окружной земледѣльческой вы-
ставкѣ въ Безулѣ, весьма удачно опредѣлилъ въ своей рѣчи ха-
рактеръ возобновленнаго управленія. Онъ назвалъ его «союзомъ
республиканцевъ въ видахъ наступательнаго движенія».

Во вторникъ, 8-го августа, Дюклеръ представился парла-
менту. Онъ прочелъ въ палатѣ и поручилъ адмиралу Жореги-
берри прочитатъ сенату слѣдующее заявленіе, которое и приво-
димъ здѣсь цѣликомъ:

«Голосованіе палаты, происшедшее 29-го іюня, привело къ
вамъ новый кабинетъ.

«Первою обязанностью его будетъ сказать вамъ, какое значеніе
имѣетъ для него это голосованіе и какого образа дѣйствій оно
требуетъ отъ него.

«Отказывая въ ассигнованіяхъ, необходимыхъ для занятія части
Суэскаго канала, палата сдѣлала это въ видахъ сдержанности
и благоразумія, но отнюдь не въ видахъ отреченія; правитель-
ство будетъ дѣйствовать въ духѣ этого голосованія и сообразо-
ваться съ нимъ.

«Въ случаѣ возникновенія событій, которыя затронули бы инте-
ресы и честь Франціи, мы поспѣшимъ созвать палаты и поверг-
нуть на ихъ разсмотрѣніе рѣшенія, которыхъ потребовали бы
обстоятельства.

«Если требованія внутренней политики въ настоящую минуту
и не столь настоятельны, тѣмъ не менѣе, они заслуживаютъ въ
немѣншей мѣрѣ нашего вниманія. Но съ этой стороны ничто
не угрожаетъ опасностью, и не связано съ какими-либо обяза-
тельствами, которыя могли бы осложнить положеніе вещей въ
теченіи предстоящаго закрытія засѣданій вашихъ.

«Мы воспользуемся каникулярнымъ временемъ для изученія этихъ вопросовъ. Мы постараемся, при содѣйствіи вашихъ коммисій, дать перевѣсъ либеральнымъ рѣшеніямъ.

«Мы поставимъ себѣ также цѣлью сближеніе и примиреніе различныхъ фракцій республиканскаго большинства, и если, при вашемъ содѣйствіи, намъ удастся достигнуть желаемыхъ результатовъ, то мы полагаемъ, что тѣмъ самымъ выполнимъ дѣло, которое, при настоящихъ обстоятельствахъ, наиболѣе важно для интересовъ палаты, республики и Франціи».

Большинство сенаторовъ весьма сочувственно встрѣтило это скромное заявленіе. Въ палатѣ также обрисовалось довольно широкое большинство въ пользу новаго министерства и привѣтствовало рукоплесканіями послѣднюю фразу заявленія. Особенно же сочувственно встрѣчены были слова: «въ видахъ сдержанности и благоразумія, *но не отреченія*», касавшіяся внѣшней политики.

Крайняя лѣвая задумала внести запросъ. Но демократическій союзъ рѣшилъ отложить его немедленное обсужденіе и предложить простое заявленіе довѣрія. Этого заявленія добиться было нелегко. Потому-то, Клемансо ограничился тѣмъ, что вмѣшался въ пренія, возбужденныя министромъ финансовъ Тираромъ, предложившимъ отложить до конца каникулъ продолженіе обсужденія бюджета и утвердить только четыре прямые налога, распределеніе которыхъ производится департаментскими совѣтами во время ихъ августовской сессіи. Ораторъ крайней лѣвой указалъ своимъ сторонникамъ, что присутствіе въ новомъ кабинетѣ Дэвеса, должно вызвать оппозицію съ ихъ стороны. Онъ перечиталъ программу, представленную этимъ депутатомъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ которой онъ приглашалъ кабинетъ Фрейсина высказаться противъ центральной мэрии для Парижа и противъ радикальныхъ муниципальныхъ реформъ, совѣтуя держаться «одинаково далеко и отъ крайней лѣвой и отъ крайней правой». — «Эта программа, воскликнулъ Клемансо:—единственная политическая программа, которую мы имѣли предъ собой... Мы поднимаемъ перчатку, брошенную намъ тѣмъ, кто теперь сдѣлался хранителемъ государственной печати... Мы воздержимся отъ голосованія четырехъ наголовъ, чтобы заявить вамъ о нашемъ недовѣрїи».

Но этотъ протестъ остался безъ отклика. Дюклеръ привелъ къ численному ничтожеству крайнюю лѣвую и соединенныя правы посредствомъ назначенія Гериссона министромъ финансовъ и трехъ другихъ представителей радикальной лѣвой: Лабюза, Ложеротта, Байго—младшими статсъ-секретарями въ министерства: финансовъ, народнаго просвѣщенія и общественныхъ работъ.

Сенатъ, отвергнувшій во время кризиса предложеніе маіора Лабордера, касавшееся ограниченія пассивнаго повиновенія въ войскѣ, нѣсколько измѣнилъ законъ о ремесленныхъ синдикатахъ, вотиrowанный палатой, окончилъ вторымъ чтеніемъ до-

вольно либеральную реформу въ порядкѣ производства уголовного слѣдствія и утвердилъ 9-го прямыя налоги. Въ тотъ же день президентскій декретъ объявилъ очередную сессію 1882 г. закрытой. Время возобновленія парламентской сессіи еще не назначено, но было условлено, что палаты будутъ немедленно созваны въ случаѣ важныхъ вѣшнихъ или внутреннихъ событій. И затѣмъ всѣ успокоились и преисполнились довѣрія, убѣжденные, что съ настоящей минуты до сбора винограда и далѣе, ничего особеннаго не случится.

Египетскими дѣлами — съ той поры какъ рѣшено было, что французскіе солдаты принимать въ нихъ участія не будутъ — интересуются теперь только журналисты, да биржевики, играющіе египетскими бумагами, да и то безъ особенной страсти. Парижане, продолжающіе прогуливаться по опустѣвшимъ, по случаю переселенія на нормандскіе и бретаньскіе берега, бульварамъ, много восхищались энергіей почти восьмидесяти-лѣтняго Лессепа, отправившагося на Суэзскій каналъ, имъ прорытый, и его горячими протестами, когда англичане сдѣлали изъ этого канала свой операціонный базисъ.

Но господамъ финансистамъ еще болѣе понравилось свиданіе Лессепа съ генераломъ Уольсли, который устроилъ дѣла Суэзскаго канала такимъ образомъ, что предсѣдатель общества, эксплуатирующаго нейтральный проѣздъ между Европой, Африкой и Азіей, можетъ безопасно вернуться во Францію. Акции, упавшія на минуту, снова стали чудовищнымъ образомъ подниматься; различныя другія египетскія бумаги послѣдовали ихъ примѣру. И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло національной политикѣ до восточныхъ бумагъ! Франція соблюдаетъ экономію въ деньгахъ и людяхъ. Англія довольно богата, чтобы платить за свою славу и заставлять платить по купонамъ, въ какія бы руки они ни перешли. Итакъ, все обстоитъ благополучно. Всеобщему успокоенію содѣйствовали и извѣстія о замиреніи тунисскаго возстанія. Мятежныя племена и осколки племенъ, укрывавшіяся въ триполійскихъ владѣніяхъ, вернулись и заявили о своей покорности, что не мѣшаетъ пессимистамъ ожидать новаго взрыва мусульманскаго фанатизма въ Сиріи или мароккскихъ владѣніяхъ.

Лѣтняя сессія департаментскихъ совѣтовъ открылась почти во всѣхъ 86 департаментахъ французскаго континента съ полнымъ спокойствіемъ.

Никакихъ столкновеній и бурныхъ сценъ не произошло, только въ Коррезѣ, и то внѣ засѣданій совѣта, одинъ журналистъ-бонапартистъ де-Тюль выкололъ дождевымъ зонтикомъ глазъ совѣтнику Ватэ, вслѣдствіе ссоры съ этимъ послѣднимъ. Монархисты, въ тринадцати департаментахъ, гдѣ они еще сохраняютъ большинство, довольно миролюбиво повторили свой протестъ противъ закона объ обязательности первоначальнаго образованія, общее примѣненіе котораго должно совершиться послѣ каникуль, т. е. при открытіи школъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Рес-
Т. ССLIX. — Отд. II.

публиканскіе предсѣдатели или вовсе воздержались отъ рѣчей, имѣющихъ политическій характеръ, или развивали въ разныхъ формахъ тезисъ о необходимости союза между республиканскими фракціями, въ видахъ осуществленія популярныхъ реформъ, чему препятствовало за послѣдній годъ разьединеніе въ парламентской средѣ. Весьма немногіе, какъ, напримѣръ, Буассэ въ департаментѣ Сены и Луары, пытались сдѣлать изъ Гамбетты возлище отпущенія по случаю разочарованій, постигшихъ французскій народъ. Нѣкоторые, напротивъ, вернулись къ гамбеттовской тѣмъ списочногн избирательства и указывали, что этотъ способъ избирательства единственный, могущій доставить устойчивое демократическое большинство, способное поддержать министерство и осуществить желаемыя преобразованія, которыхъ страна все еще продолжаетъ ждать.

Еслибы Гоблэ остался министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ представилъ бы департаментскимъ совѣтамъ свои проекты расширенія муниципальных вольностей, погребенные теперь въ картонахъ законодательныхъ комиссій якобинской оппозиціи, которая сгруппировала большую часть депутатовъ и республиканскихъ сенаторовъ. Такъ какъ устраненіе всѣхъ могущихъ повести къ разьединенію вопросовъ, есть лозунгъ кабинета Дюклера, то всѣ условились отложить внутренніе вопросы до той минуты, когда будутъ разсѣяны заволакивающія европейскій горизонтъ тучи. Въ Энкскомъ департаментѣ (мы ограничимся однимъ этимъ примѣромъ) предсѣдатель генеральнаго совѣта, историкъ Анри Мартенъ, сослался на исторію, чтобы доказать необходимость единства и нераздѣльности Франціи, а также и развитія всѣхъ общественныхъ и личныхъ силъ для поддержанія во что бы то ни стало *сильнаго, очень сильнаго государства* въ видахъ отпора сосѣду по ту сторону Вогезовъ. Мартенъ предсѣдательствуетъ въ одно и тоже время въ двухъ большихъ обществахъ: въ образовательной лигѣ (основанной Жаномъ Массе и организующей военное образованіе отъ выхода изъ школы до вступленія въ полкъ) и въ лигѣ патриотовъ съ поэтомъ Деруледомъ. Эта послѣдняя ассоціація, объединяющая всѣ гимнастическія общества, получила недавно приглашеніе на праздникъ нѣмецкихъ гимнастовъ, присланное какимъ-то неизвѣстнымъ и плохимъ шутникомъ. Члены французскаго общества хотѣли отправиться на праздникъ и на нѣмецкій «Wacht am Rhein» отвѣчать «Марсельезой», но ошибка въ приглашеніи была обнаружена, праздникъ разстроился, а парижскій кафе St. Мауръ былъ закрытъ на одинъ вечеръ. Тѣмъ не менѣе, этотъ пустой случай не остался безъ послѣдствій, онъ зажегъ въ парижской печати горячія полемики противъ нѣмцевъ, которые толпами вернулись въ нашу столицу, шпіона за французами и принимая по отношенію къ нимъ вызывающій тонъ.

Въ самую минуту закрытія парламентской сессіи, въ Монсо

Ле-Минь (Monceau les Mines), одномъ изъ центровъ эксплуатаціи каменноугольной компаніи Бланзи, въ департаментѣ Сены и Луары, началось совершенно неожиданное и весьма своеобразное пролетаріатское движеніе. Не было объявлено забастовки и не было выставлено предварительно сформулированнаго требованія объ увеличеніи заработной платы. Нѣсколько ночей сряду, начиная съ 12-го и до 19-го августа, образуются шайки, которыя ломаютъ кресты на дорогахъ, разоряютъ общинную школу, въ которой учили монахини, грозятъ викарію, пытаются взорвать маленькую церковь, какъ увѣряли, при помощи динамита. Отѣнскій подпрефектъ и префектъ и подпрефектъ Шалона на Сенѣ спѣшатъ на мѣсто происшествія. Они приводятъ туда баталіонъ 134-го линейнаго полка. Появленія послѣдняго, вмѣстѣ со всѣми окрестными жандармскими бригадами было достаточно для немедленнаго возстановленія порядка, причемъ не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла. Арестовали около тридцати бѣдняковъ, которые, повидимому, убѣждены были, что вся Франція отзывается на ихъ кликъ «да здравствуетъ социальная революція!» что патроны, собственники и кюрэ уже исчезли, а часть великаго народнаго правосудія пробилъ. Полагали, что починъ этого движенія принадлежалъ тайному обществу, во главѣ котораго стоялъ бывший въ 1870 г. мэромъ въ Крѣзо, рабочій Демэ. Говорили, что онъ будто бы бѣжалъ въ Швейцарію при появленіи войска. Но это извѣстіе опровергнуто было письмомъ Демэ къ прокурору французской республики, написаннымъ изъ его обычнаго мѣстожительства въ Крѣзо. Въ письмѣ заявлялось, что никакого тайнаго общества въ Крѣзо не существуетъ, а имѣется ремесленный синдикатъ, устроенный такимъ же правильнымъ и законнымъ порядкомъ, какъ и вездѣ; народное же движеніе возникло внезапно и непосредственно. Авторъ письма прибавляетъ, что все его отношеніе къ этому движенію ограничивается тѣмъ, что онъ читалъ лекціи, въ которыхъ нападалъ на существующій общественный строй, «основанный на несправедливости и хищеніи». «Если, говорилось въ письмѣ:—буржуазія, сознающая трудности положенія дѣлъ, рѣшилась бы стать на путь экономическихъ реформъ, то социальный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ; но если она будетъ настаивать на несправедливой эксплуатаціи челоуѣка челоуѣкомъ и, сверхъ того, предъявлять гнусное притязаніе на регулированіе частной жизни рабочихъ, то мы роковымъ образомъ придемъ къ рѣшенію путемъ насильственныхъ мѣръ».

Дѣйствительно, управляющій рудниками въ Монсо, нѣкій Шаго, извѣстный фанатикъ-клерикаль, а за нѣсколько дней передъ началомъ вышеописаннаго движенія, и католическій конгрессъ въ Отѣнѣ праздновалъ осуществленіе нѣкоторыхъ мѣръ, навязанныхъ мѣстнымъ рудокопамъ. Въ матеріальномъ отношеніи эти послѣдніе поставлены не хуже, можетъ быть, даже лучше рабочихъ той же профессіи въ другихъ округахъ, но ихъ при-

нуждають выполнять религіозные католическіе обряды. Рабочіе, посылающіе дѣтей своихъ въ свѣтскія школы и присутствовавшіе на гражданскомъ погребеніи, немедленно изгоняются. Кюре и викаріи приходоѡвъ, на территоріи которыхъ распространяется эксплуатація, играютъ роль, такъ сказать, *contre maître* оѡвъ въ нравственномъ отношеніи и со свойственной духовенству безтактностью отправляютъ обязанности полиціи.

Изъ другого письма, напечатаннаго въ «*Progrès de Saône et Loire*» и подписаннаго каретникомъ изъ Бланзи, Бенуа Ватто, братомъ арестованнаго рудокопа Филиппа Ватто, оказывается, что пресловутыя красныя знамена, также подвергшіяся аресту, были ничѣмъ инымъ, какъ флагами, предназначавшимися для украшенія статуи республики въ день іюльскаго національнаго праздника, а кусокъ динамита, якобы найденный близъ церкви въ Буа-дю-Вернь, былъ просто «кускомъ краснаго мѣла, которымъ тестъ арестованнаго Ватто отмѣчалъ скотъ, отправлявшійся на ярмарку».

Несмотря на болѣе или менѣе искреннія упованія, возлагавшіяся на движеніе въ Монсо нѣкоторыми крайними органами нашей печати, напимѣръ, «*Bataille*» и «*Citoyen*», которые называли его правозвѣстникомъ соціальной революціи, оно осталось вполнѣ изолированнымъ. Даже крестьяне окрестныхъ бургундскихъ деревень остались спокойными и не выказали ни малѣйшаго страха, надъ распространеніемъ котораго работали бонапартисты и клерикалы, истинные вдохнователи движенія.

Тѣмъ не менѣе, епископъ Перро, одинъ изъ 40 бессмертныхъ французской академіи, съ весны нынѣшняго года издалъ пастырское посланіе, съ цѣлю объясненія недавнихъ событій и необходимости искупительныхъ молитвъ, назначенныхъ имъ вслѣдствіе совершившихся святотатствъ. Кроткій и литературный пастырь почти извиняетъ «заблудшихъ» для того, чтобы тѣмъ съ болѣею силой разить «истинныхъ виновниковъ», которые суть: журналисты, сѣющіе безвѣріе, палаты и правительство, «возведшее безбожее въ законъ, ломающіе замки монастырей» и т. д. Само собою разумѣется, что подобная проповѣдь не способна утишить религіозную вражду и поощрить республиканское правительство къ примиряющимъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, стилистикой монсеньора Перро восхищались только реакціонныя газеты. Даже весьма умѣренный «*Temps*» не оставилъ ихъ безъ насмѣшки. Такъ называемое «общество» или, какъ говорятъ во Франціи, *le grand public*, которое пришло бы въ дѣйствительный ужасъ отъ возстанія коммуналистовъ, не придало соціальнаго значенія этому антиклерикальному движенію.

Съ такимъ же равнодушіемъ отнеслось общественное мнѣніе къ шумнымъ манифестаціямъ, которымъ предавались бонапартисты и роялисты, по поводу министерскаго кризиса.

15-го августа, въ день Св. Наполеона, Жюль Амигъ и Поль де-Кассаньякъ заказали обѣдню въ церкви Св. Августина, а за-

тѣмъ созвали собраніе въ Ваграмской залѣ. Редакторъ «Petit Sarogal» назвалъ пасхальнымъ агнцемъ, искупившимъ ошибки своихъ родителей. Наполеона IV, убитаго зулусами, и провозгласилъ Наполеона V или Виктора I.

Другая бонапартистская газета «Pays» восклицала: «Пора поставить третье число рядомъ съ брюмерскимъ и декабрьскимъ... Пусть поразмыслить о томъ провинціалъ.. Мы желаемъ власти и добьемся ея! На нашу долю выпадетъ честь въ третій разъ поднять Францію?? (Вѣроятно для того, чтобы вновь привести ее къ Лейпцигу, Ватерлоо и Седану!!). — Пусть въ третій разъ погибнетъ гнусная республика, которую поразить рука бонапартиста... Да здравствуетъ принцъ Викторъ!»

Газеты обычнымъ порядкомъ перепечатали это воззваніе, но ни малѣйшаго преслѣдованія не было предпринято властями, такъ какъ это было бы нарушеніемъ свободы печати и сходакъ, а эти двѣ вещи ни при одномъ изъ предъидущихъ режимовъ не уважались въ такой степени, какъ при настоящемъ правительствѣ, что и обезпечиваетъ республикѣ безопасность относительно заговоровъ. Въ настоящее время заговорщики наши сами доглядываютъ о себѣ съ шумомъ и трескомъ и, болтая на собраніяхъ, сами мѣшаютъ себѣ дѣйствовать; толпа же слушаетъ эту болтовню съ насмѣшливымъ скептицизмомъ, ни на одну минуту не воображая, что «это можетъ случиться».

Роялисты, не желая отставать отъ бонапартистовъ, устроили два платонически-инсуррекціонныхъ банкета; одинъ въ Нантѣ, 6-го августа, гдѣ собралось до 2000 человекъ вѣрныхъ, другой въ Шаллонѣ, 19-го, гдѣ было 6000 человекъ. Графъ Шамборъ прислалъ своего секретаря Монти, который и принялъ, для передачи своему господину, обычный адресъ съ неизмѣнными восклицаніями: «Король придетъ! Король идетъ!» На эти празднества съѣхались всѣ монархическія знаменитости; что касается народа, присутствовавшего на банкетахъ, то онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ фермеровъ крупныхъ вандейскихъ землевладѣльцевъ, которые и оплачивали путевыя издержки и продовольствіе своихъ кліентовъ. Не преминулъ явиться на торжество и эсэ-генераль папскихъ зуавовъ, Шареттъ, провозглашенный вождемъ будущей, впрочемъ, весьма проблематической шуанріи. Хотя болота и кустарники, столь удобные для борьбы въ разсыпную, существуютъ и понынѣ, но съ другой стороны, развелось множество большихъ дорогъ и онѣ связаны между собою и желѣзными путями, могущими съ надлежащей быстротой доставить на какой угодно пунктъ Морбигана или Вандей войска и пушки. Въ адресѣ, прочитанномъ Бодри д'Ассономъ шаллонскимъ гостямъ и гостямъ (былъ особенный столъ для женщинъ), между прочимъ, говорилось: «Близокъ часъ Божій, часъ избавленія и возстановленія... Сыны Франціи, вы будете царствовать!.. Ненавистная республика находится при послѣднемъ издыханіи!.. Недалека минута, когда королевская рука ваша, государь, призоветъ насъ для вы-

слушанія *верховныхъ ршешій!*.. Клянемся Святымъ Сердцемъ, которое предки наши носили во время битвъ, клянемся знаменами, омоченными ихъ кровью на благородной вандейской землѣ, возстающей на призывъ ихъ разгнѣванныхъ тѣней! Какъ внуки бессмертныхъ солдатъ Кателино, Шаретта и Ларошжаклена, клянемся, что готовы биться до послѣдней капли крови и умереть за Бога, короля и Францію!

Все это читалось и подписывалось на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью палатки, среди бѣла дня, и мятежные возгласы безпрестанно доходили до жандармовъ, собранныхъ около тѣхъ мѣстъ... не для того, чтобы хватать мятежниковъ, намѣревающихся нарушать существующій правительствующій строй, а просто въ видахъ предотвращенія столеновѣй пировавшихъ съ непировавшими, при возвращеніи первыхъ во-свося.

На другой же день въ Шаллонѣ былъ мѣстный праздникъ и скачки. Никто и не подумалъ прокричать: да здравствуетъ король! но многіе привѣтствовали республику и пѣли Марсельезу. Недавно мнѣ пришлось совершить небольшую поѣздку въ западные департаменты и я имѣлъ случай убѣдиться, что даже въ Вандеѣ, роялисты существуютъ только въ имѣніяхъ роялистовъ-помѣщиковъ, и, что если крестьяне тамъ, какъ и вездѣ, подаютъ голоса за господъ, то ни въ какомъ случаѣ не желаютъ за нихъ драться. Пусть генераль Шарретъ попробуетъ пошуанствовать вмѣстѣ съ Бодри д'Ассономъ! Напрасно будетъ трубить ихъ рогъ, напрасно будутъ лаять ихъ собаки: ни доли, ни болота, ни роши не откликнутся на ихъ призывъ. Ихъ экспедиція имѣла бы, по всей вѣроятности, еще болѣе жалкій конецъ, чѣмъ продѣлка герцогини Беррійской въ 1831—1832 годахъ!

II.

Судебная хроника.—Театръ.—Новыя книги.

9-го августа «весь Парижъ», не разгнѣвавшійся на воды и морскія купанья, отправился въ Версаль, гдѣ въ залѣ окружнаго суда департамента Сены и Уазы разбиралось дѣло объ убійствѣ въ Пекѣ, недалеко отъ Парижа. Въ числѣ присутствовавшихъ замѣчали австрійскаго и турецкаго посланниковъ, а рядомъ съ ними драматическихъ артистовъ Коулена и Лафонтена, знаменитостей медицинскаго міра, извѣстныхъ художниковъ и множество священниковъ и генераловъ. Публика ломилась въ залу суда и никогда парижско-версальская желѣзная дорога не привозила такой массы пассажировъ, а отчеты о процессѣ въ парижскихъ газетахъ раскупались несравненно быстрѣе, чѣмъ извѣстія объ египетской экспедиціи или министерскомъ кризисѣ.

29-го мая трое моряковъ вытащили у береговъ Корбьерскаго

острова, въ Пекѣ, напротивъ Сень-Жермена, совершенно нагой трупъ, перевитой сплющенной свинцовой трубкой, которая, образуя четыре кольца вокругъ шеи, обвивала ноги, прижатые къ груди. Ротъ былъ заткнутъ салфеткой, прикрѣпленной къ нижней губѣ булавкой. Мѣтка на салфеткѣ была снята, но слѣды двухъ буквъ: М. и Ф. остались. Трупъ былъ сильно раздутъ, что обличало долгое пребываніе въ водѣ, а на черепѣ констатированы были слѣды многочисленныхъ ударовъ, изъ которыхъ три, по свидѣтельству мѣстнаго врача, нанесены были острыми орудіемъ.

Три дня спустя, полицейская префектура получила отъ г-жи Барбэ, урожденной Оберъ, заявленіе объ исчезновеніи брата ея Луи Обера, аптекаря на бульварѣ Мальзербъ, не возвращавшагося домой съ 18-го числа. 7-го іюня трупъ былъ показанъ сестрѣ погибшаго и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, которыя не безъ труда, признали въ немъ аптекаря Обера. 8-го полиція получила безъимянное письмо, въ которомъ заявлялось: «Если желаете узнать убійцу г. Обера, обратитесь къ г-жѣ Фенейру, 25, на бульварѣ Гувіонъ-Сень-Сиръ». Изъ показанія г-жи Барбэ полиціи уже было извѣстно, что у несчастнаго Обера была любовница, носившая это имя. Начальникъ полиціи отправился по указанному адресу и арестовалъ указанную женщину, ея мужа и брата этого послѣдняго. Братья Фенейру упорно отрицали свою виновность на первыхъ допросахъ, пока ихъ не привезли на мѣсто преступленія, въ Круасси, а затѣмъ въ Шату, гдѣ они были узнаны жителями и, наконецъ, въ уединенный загородный домикъ, гдѣ сохранились кровавыя пятна, при видѣ которыхъ главный обвиняемый потерялъ голову. Затѣмъ судебный слѣдователь вскорѣ узналъ всѣ подробности изъ показанія г-жи Фенейру.

Въ 1870 году, читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ, Габріэль Жибу была выдана замужъ матерью своею за аптекаря въ предмѣстѣхъ Сентъ-Онорэ, Морена Фенейру. Она его не любила; онъ обращался съ нею грубо; сталъ лѣниться и сдѣлался игрокомъ. Она сошлась съ ученикомъ своего мужа, Луи Оберомъ, поступившимъ въ аптеку въ 1872 г., и отношенія ихъ продолжались, несмотря на удаленіе изъ аптеки молодого человѣка, до 1881 г. Эти отношенія ни для кого изъ сосѣдей не были тайной. Однако, по увѣренію мужа, онъ узналъ о невѣрности жены только изъ анонимныхъ писемъ, полученныхъ въ 1882 г. Тогда онъ обѣщаль простить ее, если она поможетъ ему отомстить за поруганную честь.

По настоянію Морена Фенейру, молодая женщина возобновила прерванную связь съ Оберомъ и, такимъ образомъ, ей удалось заманить его въ ловушку, гдѣ его ждала смерть. 26-го апрѣля Фенейру нанялъ уединенный загородный домикъ въ Шату. 7-го мая, вмѣстѣ съ женой, онъ купилъ молотокъ, лопатку и кирку, а затѣмъ дѣтскую коляску, когда замѣтилъ, что неудобно бу-

детъ похоронить трупъ подъ плитами каменнаго пола кухни, и рѣшилъ бросить его въ Сену. 11-го, онъ отправился къ брату своему столарю, Люсьену Фенейру, и, пользуясь авторитетомъ старшаго, уговорилъ того служить ему пособникомъ.

14-го мая, жена Фенейру видѣлась съ Оберомъ и пригласила его провести съ нею вечеръ на дачѣ, 18-го.

Въ этотъ день мужъ, жена и братъ оканчивали приготовленія въ загородномъ домикѣ въ Шатю. Мужъ купилъ веревку, жена приспособляла дѣтскую коляску, а братъ сплющивалъ приобрѣтенную наканунѣ свинцовую трубу. Затѣмъ они вернулись втроемъ въ Парижъ, обѣдали въ Батиньольскомъ кафе Pèrè Lathuile и весело пили кофе въ café d'Amsterdam. Въ семь часовъ вечера, братья снова отправились на желѣзную дорогу, и г-жа Фенейру пошла въ церковь Saint Louis d'Antin и, помолвившись тамъ, явилась на свиданіе съ Оберомъ въ Гаврскій Пассажъ. На 8-ми-часовомъ поѣздѣ они отправились въ Шатю и, полчаса спустя, она привела его на дачу.

Было уже темно. Войдя въ переднюю, Оберъ зажегъ восковую свичку. Тогда изъ за-дверей выскочилъ Моренъ Фенейру и повалилъ его на полъ ударомъ молотка. Онъ успѣлъ подняться и бросился на убійцу, но жена загородила ему дорогу со словами: «Негодяй, нѣтъ, ты не убьешь моего мужа!» Она помогла Морену высвободиться. Удары молоткомъ снова посыпались на голову молодого человѣка, который былъ доконченъ тростью съ лезвеемъ. При этомъ мужъ кричалъ: «Ты заставилъ меня страдать сердцемъ и умрешь отъ раны въ сердцѣ».

Какъ только жертва испустила послѣднее дыханіе, трупъ былъ раздѣтъ до нагѣ, перевитъ свинцомъ, покрытъ холстиной и положенъ на дѣтскую коляску. Затѣмъ жена вытерла кровь на полу, мужъ переодѣлся, а братъ обшарилъ окрестности, чтобъ убѣдиться, что никого нѣтъ около дома. Въ 11 часовъ всѣ трое направились ко мосту въ Шатю и безъ шума спустили трупъ въ Сену.

Отвезя колясочку на дачу, они отправились на станцію и, такъ какъ до отхода поѣзда оставалось еще нѣсколько времени, то выпили пива въ сосѣднемъ кафѣ. Вернувшись въ Парижъ, они сожгли свое платье. 20-го снова поѣхали на дачу въ Шатю съ цѣлью уничтожить послѣдніе слѣды убійства и, возвратясь въ Парижъ въ 11 часовъ утра, позавтракали въ буфетѣ выставки картинъ. 28-го ихъ видѣли въ Jardin d'acclimatisation, на отейльскихъ скачкахъ и въ Булонскомъ лѣсу, гдѣ они обѣдали на травѣ. 3-го іюня они были также на скачкахъ въ Лоншанѣ.

Въ заключеніяхъ обвинительнаго акта прокуроръ призналъ, что столарь Люсьенъ Фенейру находился подъ вліаніемъ брата, но указалъ на то обстоятельство, что за сообщничество ему было заплачено 200 франковъ. Г-жа Фенейру названа сантиментальной ханжей, которая еженедѣльно исповѣдуется въ церкви St-Louis d'Antin и въ той же церкви назначаетъ свиданія любов-

нику. Далѣе отрицается исключительность страсти, такъ какъ одновременно съ Оберомъ у нея былъ другой любовникъ, и указывается на кокетство и отсутствіе темперамента, вслѣдствіе чего не можетъ быть допущено смягчающихъ обстоятельствъ ни для проступка, ни для страшнаго возмездія. Что касается мужа, то не ревность и слишкомъ позднее желаніе возстановить свою супружескую честь заставили его проникнуться къ бывшему ученику и другу такою ненавистью, что онъ задумалъ сперва разставить ему капканъ, затѣмъ подарить ему театральную лорнетку съ пружиной, которой выкололо бы ему оба глаза, какъ только онъ посмотрѣлъ бы въ нее, и, наконецъ, останозиться на планѣ убійства, который и былъ приведенъ въ исполненіе. Не осложнялась ли ревность мужа соперничествомъ иного рода, а именно профессиональнымъ? Обвиненіе настаивало на томъ, что Фенейру раззорился, лишился своей аптеки, уступленной ему тещей послѣ женитьбы, судился недавно за поддѣлку медикамента и былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, между тѣмъ, какъ трудолюбивый и интеллигентный Оберъ только-что купилъ аптеку, процвѣталъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Къ тому же, прокуратура полагала существованіе между этими двумя людьми тайны, которую необходимо было уничтожить смертью одного изъ нихъ.

Моренъ-Жозефъ Фенейру человѣкъ высокаго роста, съ длинной рыжей бородой и усами съ просѣдью. У него длинные волосы, энергическій взглядъ, голову держитъ высоко, не безъ гордости.

Жена его, Габріэль, сильная брюнетка, съ тонкими, судорожно сжатыми губами. Она старается укрыться отъ любовныхъ взоровъ, на нее обращенныхъ.

Люсьенъ Фенейру очень похожъ на брата, но держитъ себя иначе. Когда ему пришлось сѣсть на скамью подсудимыхъ, онъ зарыдалъ и закрылъ лицо руками.

Допросъ главнаго подсудимаго очень подробенъ и повременамъ производитъ потрясающее впечатлѣніе на публику. Развязный тонъ и слишкомъ замѣтно разчитанная холодность его разсказа о фактѣ убійства неприятно дѣйствуютъ и на присяжныхъ, и на слушателей.

Онъ начинаетъ съ того, что отрицаетъ приписываемую ему страсть къ игрѣ. «Я бывалъ на скачкахъ лишь случайно, а въ кафе заходилъ одинъ разъ въ полгода. Правда, я игралъ со страстью, но это было естественно и объяснялось тѣмъ, что я игралъ очень рѣдко».

Объ отношеніяхъ своихъ къ Оберу онъ сказалъ, что любилъ его, какъ сына.

— Оберъ былъ любовникомъ вашей жены, замѣтилъ ему на это предсѣдатель.

— О! еслибы я это зналъ! вослихнулъ онъ и зарыдалъ.

Когда же ему замѣтили, что это знали всѣ и самъ онъ былъ

извѣщенъ о невѣрности жены однимъ изъ свидѣтелей его брака, то онъ сталъ утверждать, что узналъ только изъ признанія жены, которая вмѣстѣ съ тѣмъ созналась, что давала любовнику деньги.

— Что же произошло между вами и женой, когда вы узнали?

— Я хотѣлъ немедленно убить ее и сказалъ ей: И любовникъ твой погибнетъ... Но затѣмъ я подумалъ о дѣтяхъ, о скандалѣ и ничего не сдѣлалъ... Позднѣе, я сказалъ ей, что прошу ее, если она приведетъ ко мнѣ Обера... Пока онъ живъ, мы не могли бы быть счастливы... Если ты не согласна, это будетъ значить, что еще любишь его... И тогда я убью сперва дѣтей на твоихъ глазахъ, а потомъ и тебя. Это-то и заставило ее отвѣтить мнѣ послѣ нѣкотораго колебанія: «Я твоя раба и буду повиноваться тебѣ».

Онъ утверждалъ также, что для замеченія Обера онъ заставилъ жену написать ему цѣлую дюжину писемъ, съ которыхъ, къ сожалѣнью, не снялъ копій и которыя не были найдены; что первыя изъ этихъ писемъ были приняты холодно, хотя и написаны въ весьма нѣжномъ тонѣ, а послѣднія оказали дѣйствию, потому что въ нихъ предлагалось 2,000 франковъ.

Разсказъ его о самомъ фактѣ преступленія не прибавилъ ничего къ извѣстнымъ уже подробностямъ, кромѣ слѣдующаго: нанося послѣдній ударъ въ сердце Оберу, онъ назвалъ его «Альфонсомъ низшаго разбора». Отправляя жену въ Шатю, онъ не велѣлъ ей брать обратнаго билета для Обера, такъ какъ онъ не вернется, а рассчитавъ, что приготовленія къ убійству доходятъ до суммы 7—800 франковъ, онъ воскликнулъ, что «Оберъ слишкомъ дорого ему стоитъ!»

На торжественный вопросъ предсѣдателя о мотивахъ преступленія, онъ съ пафосомъ отвѣчалъ: «Мести!»

Предсѣдатель отвѣчалъ, что ни одинъ обманутый мужъ не мстилъ за себя такъ, какъ онъ. Что еслибы онъ отправился къ Оберу, чтобы убить его, то могъ бы воспользоваться извиненіемъ, даруемымъ закономъ, но устроенная имъ ловушка лишаетъ его этого права.

Подсудимый напелся отвѣтить на это только: «Я хотѣлъ избѣжать скандала; я думалъ о своихъ дѣтяхъ».

Предсѣдатель напомнилъ, что отношенія между женою Фенейру и Оберомъ продолжались цѣлые годы, почти завѣдомо для всѣхъ, въ его аптекѣ, что эта аптека была продана, бывший аптекарь раззорился и, сверхъ того, подвергся судебному приговору за поддѣлку слабительной воды Гуниади Яанось. Онъ прибавилъ, что если даже допустить, что признаніе было сдѣлано ему женою дѣйствительно только 21-го марта, то все-таки слѣдуетъ объяснить, какимъ образомъ супружеская месть возгорѣлась только въ маѣ. Въ заключеніе предсѣдатель поставилъ вопросъ, не существовала ли, кромѣ профессиональнаго соперни-

чества, между Фенейру и его бывшимъ ученикомъ какаля-либо тайна, напимѣръ, вытравленіе плода.

Фенейру возмущается «такою гнусностью» и прибавляетъ, что онъ честный человѣкъ.

Наконецъ, предсѣдатель закончилъ такую гипотезой: «Не была ли ужасная мѣсть, жертвой которой палъ Оберъ, мѣстью женщины? Не послушались ли вы въ этомъ случаѣ вашей жены?»

— Нѣтъ, твердо отвѣтилъ подсудимый:—напротивъ, она сама была орудіемъ моей мести.

Габриэль Фенейру показала на судебномъ слѣдствіи, что дѣйствительно вышла замужъ вскорѣ по выходѣ изъ пансіона, не питая къ мужу, выбранному ей матерью, ни симпатіи, ни отвращенія. «Мы не подходили другъ къ другу, по характерамъ; я была любяща и нѣжна; мой мужъ былъ холоденъ». Она отрицала, что послѣ рожденія двухъ дѣтей будто бы измѣнилась въ своемъ поведеніи, сдѣлавшись кокеткой, невѣрной, развратной. Однако, созналась, что одновременно съ Оберомъ у нея былъ и другой любовникъ, а именно редакторъ одной спортсменской газеты, но клялась, что, кромѣ этихъ двухъ, не отдавалась никому. Относительно денегъ, которыя она въ разное время передала Оберу изъ аптечной кассы, подсудимая также созналась, прибавивъ, что самой большой суммой было 60 франковъ, а общая сумма не превышала 300 или 400 франковъ. По ея увѣренію, прелюбодѣяніе ея сдѣлалось извѣстнымъ мужу только 21-го марта 1882 г. «Послѣ признанія, мой мужъ пріѣхалъ къ моей матери. Онъ поставилъ условіемъ прощанія съ своей стороны то, что я помогу ему отомстить; въ противномъ случаѣ, говорилъ, что убьетъ меня и дѣтей. Онъ терроризировалъ меня изо дня въ день... Я боялась, въ особенности за дѣтей, и уступила ему».

Заставивъ подсудимую подтвердить точность всѣхъ приготовленій къ убійству, приводимыхъ обвинительнымъ актомъ, предсѣдатель спросилъ ее, въ какомъ настроеніи она находилась по выходѣ изъ церкви Сенъ-Луи-д'Антенъ, когда зашла за Оберомъ, цѣлые полчаса ѣхала съ нимъ по желѣзной дорогѣ и вводила его въ загородный домикъ въ Шатю?

«Я была очень взволнована», отвѣчала она коротко.

Она помнила, что бросилась между мужемъ и любовникомъ въ ту минуту, когда раненый Оберъ попробовалъ навалиться на Фенейру. «Я вмѣшалась, это правда, но только для того, чтобы прекратить эту борьбу и ни для чего другого».

Она утверждала, что была вполнѣ пассивнымъ орудіемъ, такъ какъ ее подавляли угрозы противъ нея и дѣтей. Въ свою очередь, она отрицала существованіе семейной тайны, которую требовалось затушить.

Третій подсудимый, рабочій Люсьенъ Фенейру, отецъ трехъ дѣтей, своими показаніями подтвердилъ то, что уже ранѣе было обнаружено судебнымъ слѣдствіемъ, а именно, что онъ испол-

являть всё приказанія старшаго брата, какъ главы семейства, и изъ почти животнаго уваженія къ его физической и умственной силѣ. Замѣчанія судьи нѣсколько разъ вызвали слова: «Я дол-женъ былъ повиноваться... Онъ старшій братъ».

Изъ свидѣтелей первую была выслушана г-жа Барбэ, урожденная Оберъ, сестра жертвы. Весьма естественно, что она не вѣритъ факту передачи ея брату денегъ г-жею Фенейру; она полагаетъ, что братъ ея убитъ за то, что былъ любовникомъ этой женщины, а также и по другимъ причинамъ», Она высказала также предположеніе, что братъ донесъ на Фенейру по поводу поддѣлки медикамента.

Мужъ свидѣтельницы привелъ слова г-жи Фенейру: «Оберъ не умретъ иначе, какъ отъ руки Фенейру!»

Теща главнаго подсудимаго г-жа Жибу заявила, что она чуть не умерла, когда зять привезъ къ ней дочь 23-го марта и она узнала объ ея проступкѣ. Она была у Обера и просила отдать письма г-жи Фенейру, а такъ какъ онъ отказалъ, то назвала его негодяемъ и дала пощечину. Относительно угрозы зятя убитъ ея дочь, она увѣрена, что онъ въ состояніи былъ привести эту угрозу въ исполненіе.

Аптекарь Флѣри, близко знакомый съ семействомъ Фенейру, развеселилъ публику рассказомъ о томъ, какъ «считалъ своей обязанностью передавать этому слѣпому мужу нелестные отзывы о немъ жены, которая, осыпая его ласками, мѣняла тонъ, какъ только онъ поворачивалъ спину. Онъ прибавилъ, что «однажды Габріэль шла къ нему самому навстрѣчу, въ одной рубашкѣ, съ вызывающимъ видомъ... но онъ не счумѣлъ воспользоваться случаемъ». Этотъ чудакъ заключилъ свое показаніе, объявивъ, что считаетъ г-жу Жибу «комедіанткой, которая все знала», а братьевъ Фенейру—«славными ребятами».

Показанія врачей мы не приводимъ, такъ какъ они ничего не прибавили къ выясненію дѣла.

Нѣсколькими свидѣтелями было установлено, что Оберъ соби-рался жениться и даже обращался въ какое-то агентство, чтобы прійскать невѣсту съ надлежащимъ приданымъ.

Второй любовникъ г-жи Фенейру, нѣкій Крусто, молодой че-ловѣкъ лѣтъ 27, секретарь редакціи газеты «Жюкей», показалъ, что познакомился съ Фенейру въ 1874 г., что аптекарь очень интересовался свачками и приглашалъ бывать у него. «Мои от-ношенія съ его женой, сказалъ онъ: — начались 13-го ноября 1880 г. и были прерваны 1-го января 1882 г. Это была жен-щина не страстная, но несчастная; она любила сердечныя излія-нія и утѣшенія... Она часто говорила мнѣ, что желала бы имѣть во мнѣ брата».

Старый врачъ изъ Обенъ-Сюръ-Мэръ, Дюранъ, видѣвшій г-жу Фе-нейру у Оберовъ, показалъ, что нашелъ ее «странной, мистич-ной и упрямой». Онъ говорилъ ея любовнику: «Будь остороженъ, не волочись за замужними женщинами; это можетъ оказаться

опаснымъ». Оберъ отвѣчалъ на это: «О, я ничего не боюсь. Ско-рѣе они должны бояться!» Этотъ свидѣтель прибавилъ, что «подъ мостомъ въ Шатү, вѣроятно, утонула какая-нибудь тайна».

Свидѣтельница со стороны защиты, какая-то старушка, заявила, что убѣждена въ томъ, что г-жа Фенейру дѣйствовала единственно вслѣдствіе измѣны Обера. Какой-то парикмахеръ, имѣвшій практику у Фенейру, торжественно заявилъ, что «еслибы Габріэль была лучше направлена, то она пошла бы по пути добродѣтели, а не по пути въ Шатү».

Изъ письма Обера къ матери любовницы, прочитаннаго предсѣдателемъ въ концѣ второго засѣданія, выяснилось, что Оберъ побуждалъ Фенейру продать аптеку, желая приобрести ее за полцѣны.

Вотъ еще одна черта. Стараясь объяснить свою ревность, Фенейру далъ понять, что послѣ рожденія двухъ дѣтей, «берѣгъ» жену и тѣмъ болѣе «долженъ былъ досадовать, когда она не берегла себя съ другими».

Прокуроръ, допуская существованіе тайны, ушедшей въ могилу вмѣстѣ съ Оберомъ, призналъ достойными смертной казни Фенейру, назвавъ его «вульгарнымъ преступникомъ», и жену его— «это гнусное чудовище, типъ лицемѣрія и разврата».

Защитникъ главнаго подсудимаго, Деманжъ, напрасно пытался сдѣлать изъ Фенейру неумолимо-ревниваго мужа и низвести Обера на степень грязнѣйшаго альфонсизма. «Въ средніе вѣка, воскликнулъ онъ, заключая свою рѣчь:—нѣкто де-Куси, погибшій во время Крестовыхъ походовъ, завѣщалъ свое сердце любовницѣ, нѣкоей г-жѣ де-Файелль. Мужъ этой особы отомстилъ, заставивъ ее съѣсть сердце любовника. Фенейру—человѣкъ среднихъ вѣковъ. Онъ омылъ кровью свою супружескую честь. Онъ не долженъ ни идти на эшафотъ, ни носить зеленого колпака каторжника.»

Адвокатъ г-жи Фенейру, Клеманъ де-Роје, настаивалъ на вліяніи, которое имѣлъ надъ нею и братомъ своимъ главный подсудимый и находилъ, что и тотъ, и другая не могутъ считаться отвѣтственными за роли, которыя ихъ заставили играть въ преступленіи.

Присяжные признали виновными всѣхъ трехъ подсудимыхъ, со смягчающими обстоятельствами для жены и брата.

Судья приговорилъ Морена Фенейру къ смертной казни, Габріэль Фенейру — къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, и Люсьена Фенейру—къ 7-лѣтней каторгѣ.

Наслѣдникамъ Обера опредѣлено уплатить 3,000 франковъ про-торей и убытковъ.

По всей вѣроятности, Фенейру не будетъ гильотинированъ, такъ какъ президентъ республики противникъ смертной казни, и, вѣроятно, его помилуеъ. По этому поводу, остряки «Figaro», слѣдуя указаніямъ либреттистовъ Галеви и Мельяка, закажи-

вають примиреніе супруговъ-убійць въ Новой Каледоніи, гдѣ они соединяются, чтобы основать аптеку, на манеръ парижской.

Въ «Ambigu», купленный для малолѣтнаго сына Сары Бернаръ, и въ «Théâtre des Nations», прибрѣтенный для ея мужа, актера. Дамала, уже представленъ сценарій драмы, озаглавленной «*Le crime de Pecq*». Впрочемъ, едва ли знаменитая артистка возьметъ пассивную роль г-жи Фенейру. У нея слишкомъ много темперамента для такой роли.

Въ томъ же «Ambigu» для закрытія лѣтнихъ спектаклей, даваемыхъ обыкновенно странствующими труппами, исполняющими пьесы неизвѣстныхъ авторовъ, раза три-четыре шла историческая драма, «Bertade de Montfort», содѣянная полицейскимъ комиссаромъ Эмилемъ Гамономъ изъ Филиппвилля, въ Алжирѣ. И сущность и форма одинаково плохи.

Несравненно удачнѣе передѣлка Луи Мартини изъ романа Понсонъ де-Террайля: «*La Juive du Château Trompette*», которую даютъ въ театрѣ Fantaisies Parisiennes и которая доставляетъ немало удовольствія населенію Сентъ Антунскаго квартала и предмѣстья, находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ театромъ. Дѣйствіе происходитъ почти въ 1789 году; дворяне, духовенство и народъ обмѣниваются несовѣмъ вѣжливыми словами, далѣе происходятъ похищенія и нападенія. Особенное впечатлѣніе производитъ сцена, гдѣ наемные убійцы внезапно переходятъ на сторону того, кого должны были удавить. Если въ литературномъ отношеніи эта пьеса оставляетъ многого желать, то по сценичности она не хуже извѣстныхъ мелодрамъ, къ тому же и исполняется съ большимъ одушевленіемъ труппой молодыхъ актеровъ.

Въ театрѣ «Nations» поставили «*La Belle aux cheveux d'or*», романиста Артюра Арну и Армана Ливро. «*La Belle*»—гувернантка, по имени Франсина, имѣвшая несчастье связаться съ злодѣемъ Бернаромъ, незаконнорожденнымъ сыномъ богатаго типографщика Бремона, изъ фирмы Бремонъ и Дарделль. Такъ какъ у послѣдняго есть дочь, то Бернару удается помѣстить свою любовницу въ качествѣ наставницы молодой дѣвушки. «Золотыя кудри» гувернантки, само собою разумѣется, плѣняютъ обоихъ представителей фирмы и Бремонъ не находитъ иного способа устранить соперника, какъ сочетаться съ красавицей законнымъ бракомъ. Но по выходѣ замужъ, Франсина отказывается обокрасть кассу въ пользу своего бывшаго любовника, а этотъ послѣдній, желая убить Бремона, убиваетъ, вмѣсто него Дарделля. Въ убійствѣ обвиняють Бремона, который отравляется изъ страха передъ судомъ. Его хоронятъ и вдова отправляется на могилу, упрекая себя въ томъ, что скрыла свое прошлое и не предостерегла его противъ Бернара. Но внезапно могила открывается и Бремонъ выходитъ изъ нея въ своемъ саванѣ: ядъ который онъ выпилъ, былъ только сильнымъ наркотическимъ средствомъ. Наконецъ, все объясняется: красавица съ золотыми кудрями снова дѣлается

честной женщиной, Бремонтъ—счастливейшимъ изъ мужей, а Бернара гильотинируютъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Среди всѣхъ этихъ банальностей есть двѣ, дѣйствительно живописныя картины: одна весьма живо передаетъ веселую суету наборной въ типографіи, другая—праздникъ 14-го іюля. Но главная прелесть пьесы заключается въ томъ, что въ ней появляются барабанщики, изгнанные генераломъ Фарромъ и возстановленные генераломъ Билльо.

Роль Франсины съ большимъ драматизмомъ и чувствомъ исполняетъ Жанна Андрэ Нѣкая m-lle д'Эскорваль играетъ молодого наборщика съ «самыми парижскими» ухватками и приѣмами, а играющій Бремона актеръ Рено очень страшенъ когда выходитъ изъ могилы. Однако, я смѣю думать, что не это произведение поставитъ Артюра Арну на ряду съ такими драматургами, какъ Александръ Дюма-сынъ, Викторьенъ Сарду, Эмиль Ожье.

Остальные театры не даютъ еще пока ничего новаго и повторяютъ старый репертуаръ: «русскія» пьесы, въ родѣ «Michel Strogof» и Serge Panine» и т. д.

Благодаря дурной погодѣ, а также наплыву иностранцевъ и провинціаловъ все это сходитъ за новое.

Въ ноябрѣ, въ «Comédie française» будетъ поставлена драма Виктора Гюго «Le roi s'amuse». Это будетъ второе представленіе и его назначать на тотъ самый день, въ которой пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при Луи Филиппѣ, было дано первое представленіе, послѣ котораго пьесу запретили.

Неутомимые издатели братья Шаравэ (Chagavaу) выпустили въ свѣтъ, несмотря на лѣтнюю пору, множество томовъ. Изъ нихъ укажу русскимъ читателямъ на весьма хорошо выполненный этуждъ «Цензура при второй имперіи», Анри Вельтингера. Весьма назидательная вещь для цензоровъ, гдѣ они еще существуютъ.

Интересенъ «Рихардъ Вагнеръ» г-жи Жюдиты Готье. Поль Гервье собралъ греко-парижскія фантазіи, озаглавивъ ихъ «Dioné le Chien», а Шарль Норуа написалъ историческое изслѣдованіе о тайнахъ Бурбонскаго дома, «Les secrets des Bourbons».

Послѣдній томъ имѣетъ не болѣе 150 страницъ и заключаетъ результаты ученѣйшихъ изслѣдованій по остающемуся и понынѣ спорнымъ вопросу: умеръ или нѣтъ въ Тамплѣ сынъ Людовика XVI-го. Вопросъ все-таки остается спорнымъ и послѣ изслѣдованія Норуа. Но въ другой части своего труда, гдѣ говорится о первой женѣ герцога Беррійскаго, онъ доказываетъ законность брака, заключеннаго въ Англии съ Эмми Броунъ, отъ котораго родились двѣ дочери и сынъ. По просьбѣ Людовика XVIII, папа объявилъ бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ желалъ женить брата на Маріи-Каролинѣ Неаполитанской и извлечь изъ этого брака «дита чудо», именующееся Гейнрихомъ V. Обѣ дочери были приняты герцогиней Беррійской, въ день убійства герцога (13-го февраля 1820 г.), натурализованы во Франціи,

получили титулы: одна графини Иссудёнской, другая — Варзонской (въ Берри) и выданы замужъ, первая за графа Фосиньи Люсенжъ, вторая за барона Атаназа Шаретта, племянника знаменитаго вандейскаго инсургента. Князь Люсенжъ, забракѣванный въ 1877 г. депутатъ Котдорскаго департамента—одинъ изъ пяти сыновей первой; а генераль Шареттъ, нынѣшній глава роялистской партіи—одинъ изъ сыновей второй.

Мать ихъ Эмми Броунъ умерла въ маѣ 1876 г. въ Куфрѣ (департаментъ Луары), шесть лѣтъ спустя послѣ герцогини Беррійской, умершей въ Брунзѣ (въ Штири) 17-апрѣля 1870. Что касается сына герцога Беррійскаго, который былъ бы законнымъ наследникомъ французскаго престола, еслибы бракъ его отца не расторгнутъ былъ папой, то его воспитали въ Швейцаріи, въ Уши. Мать успѣла укрыть его и отъ развѣдокъ, и отъ династическихъ претензій. Онъ нѣкоторое время состоялъ на службѣ у короля Неаполитанскаго, затѣмъ въ 1843 г. пріѣхалъ во Францію. Подъ именемъ Броуна онъ купилъ домъ въ Мантѣ (департаментъ Сены и Уазы), гдѣ и ведетъ жизнь обыкновеннаго добраго буржуа. Онъ натурализовался во Франціи съ 1848 г. и женился на дѣвицѣ Броунъ, родственницѣ съ материнской стороны. Подобно графу Шамбору, онъ бездѣтенъ.

Людвигъ.

Парижъ, 30-го августа 1882 г.

ЖЕСТОКІЙ ТАЛАНТЬ.

(Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Томы II и III. Спб. 1882).

Человѣкъ деспотъ отъ природы и любить быть мучителемъ.

Достоевскій («Игрокъ»).
Тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность.

Достоевскій («Дядюшкинъ сынъ»).
Я до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать.

Достоевскій («Записки изъ подполья»).
Странная вещь, эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять-десятихъ сталъ съ нимъ друженъ изъ злобы.

Достоевскій («Кривошій»).

I.

Опять Достоевскій!

Да, опять Достоевскій, и, можетъ быть, это повторится еще не разъ. Не то, чтобы Достоевскій представлялъ собою одинъ изъ тѣхъ центровъ русской умственной жизни, къ которымъ критика должна волей-неволей часто возвращаться, въ виду бьющаго въ нихъ общаго пульса. Есть люди, которые желали бы сдѣлать изъ него нѣчто подобное; но, несмотря на старательность этихъ людей, принимающихся за свое дѣло съ терпѣніемъ дятла, ничего какъ-то изъ ихъ усилій не выходитъ. Одинъ г. Орестъ Миллеръ чего стоитъ! Онъ именно подобенъ дятлу, когда въ своихъ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ, имъ же нѣсть мѣры и числа, восхваляетъ Достоевскаго, воздастъ хвалу Достоевскому, восторгается Достоевскимъ, благовѣститъ о Достоевскомъ и восклицаетъ: о, Достоевскій! Правда, этими сьлоненіями и ограничивается роль г. Ореста Миллера, какъ пропагандиста и комментатора, но, все-таки, подумайте, сколько тутъ вложено труда! А гдѣ результатъ? Болѣе стремительный г. Владиміръ Соловьевъ дѣйствуетъ наскокомъ. Мнѣ попалась какъ-то лито-

графированная рѣчь или лекція г. Соловьева о знаменитомъ покойницѣ. Она была построена приблизительно такъ: въ мірѣ политическомъ данной страной управляетъ всегда, въ концѣ-концовъ, одинъ человѣкъ; тоже самое и въ мірѣ нравственномъ: здѣсь всегда есть одинъ духовный вождь своего народа; этимъ единымъ вождемъ былъ для Россіи Достоевскій; Достоевскій былъ пророкъ божій! Я ручаюсь за слова «пророкъ божій» и за конструкцію этихъ размышленій, если можно назвать размышленіями переправу по жердочкамъ и граціозные прыжки съ одной жердочки на другую безъ всякой мысли о томъ, чтобы какъ-нибудь укрѣпить ихъ и связать. Во всякомъ случаѣ, переправа выполнена, г. Соловьевъ на томъ берегу и торжественно и побѣдоносно кричитъ: вотъ пророкъ божій! Гдѣ же результатъ? Я не только не вижу результата, а и г. Соловьева не вижу, ни его самого, ни провозглашеннаго имъ пророка. Какіе-то совсѣмъ другіе люди занимаютъ сцену, а «пророка божія» не поминаютъ въ своихъ молитвахъ даже тѣ, кто, такъ или иначе, хотѣлъ примазаться къ имени Достоевскаго на его свѣжей могилѣ. Погибе память его съ шумомъ. Шуму было много, это правда, но въ сущности шумомъ все и кончилось. Шумъ составилъ изъ двухъ теченій. Во-первыхъ, всегда есть плакальщики, люди особенно умиленно настроенные или настройвающіе себя, которые, вмѣсто того, чтобы серьезно и трезво отнестись къ потерѣ, начинаютъ, по простонародному выраженію, вопить и причитать: такой-сякой, сухой-немазаный. Это бы еще ничего, конечно, потому что вѣдь можетъ быть покойникъ и въ самомъ дѣлѣ такой-сякой. Но надо же все-таки объ этомъ хоть съ приблизительною точностью дать себѣ отчетъ, а не разбрасывать сокровища своего умиленія, что называется, зря. А то придется по прошествіи нѣкотораго времени умиляться по новому поводу и притомъ такъ, что о предъидущемъ не будетъ даже помину. Такъ именно и произошло со многими по случаю смерти Достоевскаго. Но кромѣ такихъ умиленныхъ, которыхъ собственно мамка въ дѣтствѣ ушибла, почему съ тѣхъ поръ отъ нихъ и отдаетъ умиленіемъ, а чѣмъ и какъ умиляться, это имъ безразлично; кромѣ, говорю, этихъ, есть еще разные болѣе или менѣе тонкіе политиканы. Такіе не зря умиляются, а примазываются къ умиленію и тоже въ грудь себя волотятъ и тоже ризы свои раздираютъ, но единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы «поймать моментъ». А прошелъ моментъ, прошла и нужда. Достоевскій въ послѣднее время передъ смертью изображалъ изъ себя какой-то оплотъ официальной мощи православнаго русскаго государства въ связи (не совсѣмъ ясной и едва ли самому Достоевскому понятной) съ нѣкоторымъ мистически народнымъ элементомъ. Ну, кто пожелалъ, тотъ въ этихъ направленіяхъ и примазался къ имени крупнаго художника, въ самый моментъ смерти загорѣвшемуся такимъ, казалось, яркимъ огнемъ. Прошло нѣсколько времени и гдѣ же вы теперь найдете у гг. Аксакова,

Катцова и иных слѣды ихъ стenanій и разодранныхъ на могилѣ Достоевскаго ризъ? Гдѣ тѣ поученія, которыя они черпаютъ въ труднейшій случай изъ твореній столь прославленнаго учителя? Я, впрочемъ, отношусь къ нимъ въ этомъ не виню. Они виноваты только въ томъ, что раздули или старались раздуть значеніе талантливаго художника до размѣровъ духовнаго вождя своей страны («пророка божія»). Но если облыжно созданный вождь никуда не ведетъ ихъ, то это вполне натурально.

Для наглядности, припомните, что происходило какой-нибудь мѣсяць тому назадъ. Умеръ генералъ Скобелевъ. Умеръ внезапно, будучи на верху почестей и популярности. Разумѣется, явились плакальщики (впереди всѣхъ, какъ водится, г. Гайдебуровъ въ должности церемоніймейстера) и полчтиканы (впереди всѣхъ г. Аксаковъ, расчищая мѣсто генералу Черняеву и графу Игнатьеву поближе къ траурному катафалку Скобелева). Пройдетъ нѣсколько времени и если нашу родину постигнетъ скорбь войны, всѣ не разъ вспомнятъ «бѣлаго генерала», даже тѣ, кто по справедливости считалъ безтактными и дѣтскими его парижскіе ораторскіе опыты: дескать, вотъ бы тутъ Скобелева нужно! и: былъ бы Скобелевъ живъ, такъ было бы то-то и то-то! Конечно, будь бѣлый генералъ живъ, можетъ быть ему и счастье измѣнилось бы, и разное другое могло случиться, но вѣрно, что въ случаѣ войны, его имя будетъ часто поминаться. Угажите же тѣ трудные случаи, въ которыхъ сами плакальщики и политиканы, не говоря о простыхъ смертныхъ, вспомнили какъ бы съ вѣрою и надеждою о Достоевскомъ: онъ бы выручилъ, онъ бы научилъ, показавъ свѣтъ! Ничего подобнаго не было, а со смерти Достоевскаго прошло только полтора года или, пожалуй, уже полтора года. Это время слишкомъ короткое, чтобы забыть духовнаго вождя и божія пророка, и слишкомъ продолжительное, чтобы не было случая со скорбнымъ вздохомъ вспомнить о помощи, которую пророкъ оказалъ бы, еслибы былъ живъ. А припомните-ка, какіе это были полтора года—волосы на головѣ дыбомъ встать!

Но Богъ съ нимъ, съ этимъ вздоромъ о роли Достоевскаго, какъ духовнаго вождя русскаго народа и пророка. Этотъ вздоръ стоило отмѣтить, но не стоить заниматься подробнымъ его опроверженіемъ. Достоевскій просто крупный и оригинальный писатель, достойный тщательнаго изученія и представляющій огромный литературный интересъ. Только такъ изучать его мы и будемъ.

Тотчасъ послѣ смерти Достоевскаго, мы представили читателю бѣглую характеристику литературной физиономіи покойника, предполагая съ теченіемъ времени возвратиться къ болѣе подробному развитію нѣкоторыхъ частныхъ. Между прочимъ, было упомянуто, что къ тому страстному возвеличенію страданія, которымъ кончилъ Достоевскій, его влекли три причины: уваженіе къ существующему общему порядку, жажда личной проповѣди и жестокость таланта. Этой послѣдней чертой мы и предла-

*

гаемъ читателю теперь заняться. Второй и третій томы полнаго собранія сочиненій Достоевскаго (первый томъ еще не вышелъ) представляютъ для этого прекрасный поводъ. Здѣсь собраны небольшія повѣсти и рассказы, изъ коихъ нѣкоторые большинство читателей едва ли даже помнятъ, но которые, однако, для характеристики Достоевскаго представляютъ огромный интересъ. Во второй томъ вошли: «Бѣдные люди», «Двойникъ», «Господинъ Прохарчинъ», «Романъ въ девяти письмахъ», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Честный воръ», «Елка и свадьба», «Бѣлыя ночи», «Нечотка Незванова», «Маленькій герой»; въ третій томъ: «Дядюшкинъ сынъ», «Село Степанчиково и его обитатели», «Северный анекдотъ», «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣнiяхъ», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ или необыкновенное событiе въ пассажѣ», «Игрокъ». Все это вещи весьма различной художественной цѣнности и весьма различной извѣстности. Кто не знаетъ «Бѣдныхъ людей»? Ну, а, напримѣръ, рассказъ «Чужая жена и мужъ подъ кроватью» едва ли многие читали. И по всей справедливости не читали: рассказъ плохъ. Но для нашей цѣли этотъ ничтожный рассказъ можетъ оказаться очень полезнымъ и важнымъ. Въ этихъ мелочахъ Достоевскій остается все-таки Достоевскимъ со всѣми особенными силами и слабостями своего таланта и своего мышленiя. Въ нихъ, въ этихъ старыхъ мелочахъ можно найти задатки всѣхъ послѣдующихъ образовъ, картинъ, идей, художественныхъ и логическихъ приемовъ Достоевскаго. И было бы въ высшей степени интересно совершить эту операцію вполнѣ, отъ начала до конца; то есть прослѣдить всю, такъ сказать, литературную эмбриологiю Достоевскаго. Но этой задачи мы на себя не беремъ и посмотримъ только на тѣ черты повѣстей и рассказовъ, вошедшихъ во второй и третій томы, которыя оправдываютъ заглавiе предлагаемой статьи: жестокий талантъ.

Прежде всего надо замѣтить, что жестокость и мучительство всегда занимали Достоевскаго и именно со стороны ихъ привлекательности, со стороны какъ бы заключающагося въ мучительствѣ сладострастiя. По этой части въ его мелкихъ повѣстяхъ и рассказахъ разсыпано множество иногда чрезвычайно тонкихъ замѣчанiй. Примѣры ихъ приведены у насъ въ эпиграфѣ. Простая вписка ихъ могла бы наполнить цѣлыя страницы; особенно если заимствовать ихъ не изъ старыхъ только мелочей Достоевскаго, а и изъ его позднѣйшихъ вещей, когда въ его творческой фантазiи мелькалъ образъ Ставрогина («Бѣсы»), который «увѣрялъ, что не знаетъ различiя въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы жертвою жизнью для человѣчества, что онъ нашелъ въ обоихъ полюсахъ совпаденiе красоты, одинаковость наслажденiя». Впрочемъ, и ниже, вовсе не касаясь послѣднихъ и крупныхъ произведенiй Достоевскаго, мы увидимъ великолѣпные

образчики того пониманія и того интереса, которые онъ владывалъ въ свои изображенія мучительскихъ поступковъ и жестокихъ чувствъ. Конечно, художникъ на то и художникъ, чтобы интересоваться и понимать: ему «звѣздная книга ясна», съ нимъ «говорить морская волна». И хотя въ звѣздной книгѣ едва ли что-нибудь написано о жестокости, мучительствѣ, злости, да и морская волна объ нихъ не говоритъ; но разъ эти вещи существуютъ и играютъ важную роль въ человѣческой жизни, художникъ долженъ интересоваться ими и понимать ихъ. *Долженъ*—это, впрочемъ, немножко сильно сказано. Платонъ изгонялъ изъ своей идеальной республики поэта, «особенно искуснаго въ подражаніи и способнаго принимать множество различныхъ формъ». Платонъ понималъ величіе такого художника и предлагалъ украсить его вѣнками и облить благовоніями, но, вопреки прославленной многосторонности античнаго духа, все-таки выпроваживалъ его изъ республики, на основаніи «несовмѣстности нѣсколькихъ занятій въ одномъ лицѣ». Мы, конечно, не потребуемъ такой узкости и специализаціи поэтическаго творчества. Напротивъ, чѣмъ шире художникъ, чѣмъ больше струнъ души человѣческой онъ затрогиваетъ, тѣмъ онъ намъ дороже. Но нельзя же требовать, чтобы поэтъ съ одинаковою силою и правдою изобразилъ ощущенія волка, пожирающаго овцу, и овцы, пожираемой волкомъ. Которое нибудь изъ этихъ двухъ положеній ему ближе, интереснѣе для него, что и должно отозваться на его работѣ.

Мнѣ попался очень удобный, по наглядности, примѣръ и я думаю, что никто въ русской литературѣ не анализировалъ ощущеній волка, пожирающаго овцу, съ такою тщательностью, глубиною, съ такою, можно сказать, любовью, какъ Достоевскій, если только можно въ самомъ дѣлѣ говорить о любовномъ отношеніи къ волчьимъ чувствамъ. И его очень мало занимали элементарные, грубые сорта волчьихъ чувствъ, простой голодъ, напримѣръ. Нѣтъ, онъ рылся въ самой глубокой глубинѣ волчьей души, разыскивая тамъ вещи тонкія, сложныя—не простое удовлетвореніе аппетита, а именно сладострастіе злости и жестокости. Эта специальность Достоевскаго слишкомъ бросается въ глаза, чтобы ея не замѣтить. Несмотря, однако, на то, что Достоевскій далъ въ сферѣ этой своей специальности много крупныхъ и цѣнныхъ вещей, она какъ бы нѣсколько противорѣчитъ другой, обыкновенно усвоиваемой дѣятельности Достоевскаго чертѣ. Останавливаясь на нашей метафорѣ, иной скажетъ, пожалуй, что Достоевскій, напротивъ, съ особенною тщательностью занимался изслѣдованіемъ чувствъ овцы, пожираемой волкомъ: онъ въдѣ авторъ «мертваго дома», онъ пѣвецъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», онъ такъ умѣлъ разыскивать лучшія, высшія чувства тамъ, гдѣ ихъ существованія никто даже не подозрѣвалъ. Все это справедливо и было еще болѣе справедливо много лѣтъ тому назадъ, когда опѣнка Достоевскаго впервые отлилась въ ту

форму, которая и донныѣ господствуетъ. Но, принимая въ соображеніе всю литературную карьеру Достоевскаго, мы должны будемъ ниже придти къ заключенію, что онъ просто любилъ травить овцу волкомъ, причеиъ въ первую половину дѣятельности его особенно интересовала овца, а во вторую—волкъ. Однако, тутъ не было какого-нибудь очень крутого поворота. Достоевскій не сжигалъ того, чему поклонялся, и не поклонялся тому, что сжигалъ. Въ немъ просто постепенно произошло нѣкоторое перемѣщеніе интересовъ и особенностей таланта: то, что было прежде на второмъ планѣ, выступило на первый, и на оборотъ. Добролюбовъ былъ въ свое время правъ, говоря объ относительной слабости таланта Достоевскаго и о «гуманическомъ» направленіи его художественнаго чутья. Одыко, и тогда уже были крупныя задатки того большого, но жестокаго таланта, который такъ пышно развернулся впоследствии. Второй и третій томы сочиненій Достоевскаго какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Это цѣлый тщательно содержимый звѣринецъ, цѣлый питомникъ волковъ разнообразныхъ породъ, владѣлецъ котораго даже почти не щеголяетъ своей богатой коллекціей, а тѣмъ паче не думаетъ объ извлеченіи изъ нея прямой выгоды; онъ такъ тонко знаетъ свое дѣло и такъ любитъ его, что изученіе волчьей натуры представляетъ для него нѣчто самодовлѣющее; онъ нарочно дразнить своихъ звѣрей, показываетъ имъ овцу, кусокъ красиваго мяса, бьетъ ихъ хлыстомъ и каленымъ желѣзомъ, чтобы посмотрѣть на ту или другую подробность ихъ злобы и жестокости—самому посмотрѣть и, разумѣется, публикѣ показать.

II.

Начнемъ съ того отдѣленія звѣринца, которое называется «Записки изъ подполья».

Подпольный человекъ (будемъ для краткости такъ называть неизвѣстное лицо, отъ имени котораго ведутся «записки изъ подполья») начинаетъ свои записки нѣкоторыми философскими размышленіями. При этомъ, среди безразличныхъ для насъ въ настоящую минуту, но не лишенныхъ блеска и оригинальности мыслей, онъ выматываетъ изъ себя передъ читателемъ душу, стараясь дорыться до самаго ея дна, и показать это дно во всей его грязи и гадости. Разоблаченіе происходитъ жестокое и именно въ томъ направленіи, чтобы предъявить публикѣ «всѣ изгибы сладострастія» злобы. Это уже само по себѣ производитъ впечатлѣніе чего-то душнаго, смраднаго, затхлаго; истинно, точно въ подпольѣ сидишь, или точно какой-нибудь нераха прокаженный снимаетъ передъ тобой одну за другой грязныя тряпки съ своихъ гноящихся, вонючихъ язвинъ. Затѣмъ, разоблаченіе по-

степенно переходитъ изъ словеснаго въ фактическое, то-есть идетъ рассказъ о нѣкоторыхъ подвигахъ героя.

Разныя мелочныя и вздорныя обстоятельства, среди которыхъ онъ не перестаетъ злиться и искать новыхъ и новыхъ поводовъ для злобы, проводятъ подпольнаго человѣка въ веселый домъ и оставляютъ его тамъ почевать. Здѣсь онъ заводитъ съ своей случайной, минутной подругой длинный и мучительный для нея разговоръ съ специальною цѣлью ее поучать. Онъ ее въ первый разъ въ жизни видитъ, ничего, собственно говоря, противъ нея не имѣетъ и имѣть не можетъ. Но въ немъ заговорили волчьи инстинкты. *«Больше всего меня увлекала игра»*, вспоминаетъ онъ. Дѣло удастся не съ разу. Волкъ пробуетъ подойти къ намѣченной жертвѣ то съ той, то съ другой стороны, чтобы вѣрнѣе вонзить зубы. *«Въ тонъ надо попасть, мелькнуло во мнѣ; сангвиничностью-то не много возьмешь»*... *«пожалуй, и не понимаетъ, думалъ я; да и смѣшно — мораль»*... *«картинками, вотъ этими картинками-то тебя надо! — подумалъ я про себя»*. Такъ поощрялъ себя подпольный специалистъ жестокости и злобы, оглядывая и обхаживая свою жертву. Онъ началъ съ рассказа о видѣнныхъ имъ похоронахъ публичной женщины, похоронахъ печальныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ, какія, дескать, и тебѣ предстоитъ; потомъ заговорилъ о судьбѣ публичныхъ женщинъ вообще, злорадно тыкая въ большыя мѣста и ища какихъ-нибудь уже готовыхъ ранъ, которыя было бы удобно бередить. Потомъ пошли картинки противоположнаго свойства, розовыя картинки семейнаго счастья, котораго слушательница лишена. Между прочимъ система мучительства и жестокости вкладываютъ сюда еще одну лепту, разумѣется, въ соответственной случаю окраскѣ. *«Въ первое то время, говоритъ подпольный человѣкъ:— даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама, чѣмъ больше любить, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; и зналъ такую: «такъ вотъ, люблю, дескать, очень и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй»*. Знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить?» Простому сердцу несчастной слушательницы чужды эти утонченности, но «картинки» ее видимо пронимаютъ, и подпольный человѣкъ такъ и сыплеть ими, точно хлыстомъ хлещетъ ими свою жертву, уже прямо начиная предсказывать ей ея мрачную будущность, и болѣзнь, и смерть, и похороны, и все это выходитъ такъ безотрадно, такъ мучительно. Жертва пробуетъ сопротивляться, оттолкнуть отъ себя эти назойливыя, непрошенныя видѣнія недоступнаго счастья и неизбѣжнаго несчастія. Но подпольный человѣкъ увлеченъ «игрой» и имѣетъ вести ее. Однако, такъ какъ онъ только играетъ въ волки и овцы, даже въ помышленіи не имѣя «изъ мрака заблужденья горячимъ словомъ убѣжденья» и т. д., то... Но пусть онъ самъ рассказываетъ.

«Теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсилъ. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія!

Она лежала ничкомъ, ерѣпко утенувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырвались наружу. Тогда еще сильнѣе приняла она къ подушкѣ; ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь здѣсь, хотя одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь (я видѣлъ это потомъ) или, вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усиліи, сдерживая дыханіе и стискивая зубы).

Этого подпольный человѣкъ не ожидалъ и растерялся, а растерявшись, ни съ того ни съ сего далъ Лизѣ (такъ звали публичную женщину) свой адресъ и пригласилъ ее къ себѣ. Понятное дѣло, что на другой же день подпольный человѣкъ сталъ злиться и на себя, и на Лизу. Не за то, что безъ нужды и цѣли, а собственно ради «игры» измучилъ ее, а за то, что пригласилъ къ себѣ. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что, можетъ быть, она и не придетъ, что ее, «мерзавку», не пустять. Иногда ему приходило въ голову самому съѣздить къ ней, «рассказать ей все» и упросить ее не приходить. «Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ поднималась такая злоба, что, кажется, я бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, еслибы она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ бы ее, оплевалъ бы, выгналъ бы, ударилъ бы!» Прошелъ день, прошелъ другой, Лиза не шла. Подпольный человѣкъ началъ было уже успокоиваться, какъ вдругъ, на третій день Лиза является и вдобавокъ застаётъ нашего героя въ самой неприглядной обстановкѣ и въ ссорѣ, чуть не въ дракѣ съ лакеемъ. Онъ «стоялъ передъ ней убитый, ошельмованный, омерзительно-сконфуженный и, кажется, улыбался, всѣми силами стараясь запахнутья полами своего лохматого ватнаго халатишка». Послѣ нѣкоторыхъ истерическихъ прелюдій, ломаній и вывертовъ, подпольный человѣкъ предложилъ Лизѣ чаю и вотъ какъ онъ объ этомъ вспоминаетъ:

— Пей чай! проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но, разумѣется, достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нея закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее, кажется. Чтобы отместить ей, я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она же всему причина», думалъ я. Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ, мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобы этимъ отяготить ее еще больше, ей же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ, конечно, я самъ, потому что воплѣ сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости и въ тоже время никакъ не могъ удержать себя.

А затѣмъ пошли въ ходъ уже настоящіе волчьи клыки. Подпольный человѣкъ разразился длиннымъ монологомъ, прямо разсчитаннымъ на то, чтобы въ конецъ заколотить званную, но не желанную гостью: въ ту памятную для нея ночь, онъ вралъ, смѣялся надъ ней, издѣвался; онъ пріѣхалъ, чтобы отомстить

одному человѣку, а такъ какъ этого человѣка на лицо не оказалось, а подвернулась она, то на нее и вылилась его злоба, ему до нея никакого дѣла не было и нѣтъ, и т. д., и т. д. Но расчеты подпольнаго человѣка оказались невѣрными или, по крайней мѣрѣ, эффектъ его монолога оказался совершенно для него неожиданнымъ. Изъ всей его злобной рѣчи Лиза поняла только, что онъ несчастливъ, бросилась къ нему, обняла и зарыдала. Подпольный человѣкъ на минуту смутился, но тотчасъ же въ сердцѣ его «вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство — чувство господства и обладанія». Подпольный человѣкъ поступилъ съ своей гостьей, какъ съ публичной женщиной, грубо, оскорбительно, такъ что она ощутила оскорбленіе, и сунуль ей на прощанье въ руку пятирублеву бумажку (которую она не взяла—оставила на столѣ). Онъ прибавляетъ въ этомъ мѣстѣ своего разсказа, что сдѣлалъ эту жестокость, то есть сунуль бумажку «со злости». Дѣвушка ушла и тѣмъ записки изъ подполья, собственно говоря, и кончаются.

Я очень бѣгло изложилъ содержаніе этой повѣсти, минуя множество чрезвычайно тонкихъ подробностей. Вся повѣсть представляетъ какое-то психологическое кружево. Но я думаю, что и изъ тѣхъ грубыхъ очертаній, которыми передана повѣсть у меня, видно какъ глубоко интересовался Достоевскій явленіями жестокости, тиранства, мучительства, и какъ пристально онъ къ нимъ приглядывался. Можетъ быть, самое интересное въ «Запискахъ изъ подполья», это безпричинность озлобленія подпольнаго человѣка противъ Лизы. Вы не видите причинъ его озлобленности вообще. Человѣкъ является на сцену сорокалѣтнимъ мужчиной, вполне готовымъ, и что въ его жизни такъ изломало его—остается, говоря слогомъ Кайданова, покрыто мракомъ неизвѣстности. Точно вся его гнусность какимъ-то самозарожденіемъ должна объясняться или даже никакого объясненія не требуетъ. На этотъ счетъ въ повѣсти есть только общія фразы, лишеныя опредѣленнаго содержанія; въ родѣ того, на примѣръ, что подпольный человѣкъ отвыкъ отъ «живой жизни» и прильнулся къ жизни «книжной». Но положимъ, что авторъ просто такъ и хотѣлъ готоваго злеца и мучителя изобразить, и во всякомъ случаѣ это его, автора, дѣло, а не черта характера подпольнаго человѣка. Гораздо любопытнѣе то обстоятельство, что подпольный человѣкъ начинаетъ мучить Лизу въ самомъ дѣлѣ рѣшительно ни съ того, ни съ сего: просто она подъ руку подвернулась. Ни причинъ для злости противъ нея нѣтъ, ни результатовъ никакихъ подпольный человѣкъ отъ своего мучительства не предвидитъ. Онъ предается своему занятію единственно изъ любви къ искусству, для «игры». Съ этою ненужною жестокостью мы еще встрѣтимся. А теперь замѣтимъ только, что самая постановка картинъ жестокости въ рамки ненужности свидѣтельствуемъ о пѣнѣ, которую давалъ Достоевскій этому сюжету. Герой могъ бы мучить Лизу съ благою цѣлью наведенія

ея на путь истины; могъ бы мстить ей за какую-нибудь обиду, насмѣшку и т. п. Картина потрясенной души во всѣхъ этихъ случаяхъ была бы на лицо. Но Достоевскій отвергъ всѣ внѣшнiе, постороннiе мотивы: герой мучить, потому что ему хочется, нравится мучить. Ни причины, ни цѣли тутъ нѣтъ, да вовсе ихъ, по мысли автора, и не надо, ибо есть жестокость безусловная, жестокость an und für sich, и она-то интересна.

По этой или по какой другой причинѣ, но довольно трудно сказать, какъ относится Достоевскій къ своему герою. Въ двухъ-трехъ заключительныхъ строкахъ онъ называетъ его отъ себя безразличнымъ въ нравственномъ отношенiи именемъ «парадоксалиста». Что касается умственного багажа подпольнаго человѣка, то здѣсь можно найти очень различныя вещи; между прочимъ, и такія философскія размышленiя (напримѣръ, о свободѣ воли), которыя не имѣютъ ровно никакого отношенiя къ жестокости, а также такія, которыя очень родственны самому Достоевскому. Въ «Запискахъ изъ подполья», напримѣръ, впервые, еще въ неясной и вопросительной формѣ, является одна изъ излюбленнѣйшихъ мыслей послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Достоевскаго. Подпольный человѣкъ пишетъ: «И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, однимъ словомъ, только одно благоденствiе челоуѣку выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть челоуѣкъ любить не одно благоденствiе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любить страданiе? Можетъ быть страданiе ему ровно настолько же и выгодно, какъ благоденствiе? А челоуѣкъ иногда ужасно любить страданiе, до страсти, это фактъ». Если читатель припомнитъ, какъ впоследствии Достоевскій страстно проповѣдывалъ страданiе; какъ онъ видѣлъ въ страданiи интимнѣйшее требованiе духа русскаго народа; какъ онъ возводилъ въ перлъ созданiя острогъ и каторгу; если читатель припомнитъ все это, то можетъ быть удивится, встрѣтивъ ту же мысль въ запискахъ жестокаго звѣря. Но въ томъ-то и вопросъ — звѣрь ли еще подпольный челоуѣкъ съ точки зрѣнiя Достоевскаго. Мнѣнiя подпольнаго челоуѣка о самомъ себѣ на первый взглядъ поражаютъ безпощадностью: всякую, повидимому, мерзость челоуѣкъ готовъ рассказать. Но, всматриваясь въ эту странную исповѣдь нѣсколько ближе, вы видите, что подпольный челоуѣкъ очень не прочь нетолько порисоваться своей безпощадностью къ самому себѣ, а и оправдаться до извѣстной степени. Прежде всего, онъ вовсе не считаетъ себя уродомъ, челоуѣкомъ исключительнымъ по существу. Онъ, правда, полагаетъ себя дѣйствительно исключительнымъ челоуѣкомъ, но только по смѣлости мысли и ясности сознанiя. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ въ моей жизни до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумiе и тѣмъ утѣшались, обма-

нивая сами себя». Въ другомъ мѣстѣ, пространно толкуя о «наслажденіи въ зубной боли», подпольный человѣкъ утверждаетъ, что *всякій* «образованный человѣкъ девятнадцатаго столѣтія» на второй, на третій день зубной боли стонетъ уже собственно не отъ боли, а отъ злости. «Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно злые и продолжаютъ по дѣльнымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ стопами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзѣніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ, со злости, съ ехидства балуется. Дескать, «я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькій человѣкъ, шенапанъ. Ну, такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну, такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю»... Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, надо видно глубоко доразвиться и досознаться, чтобы понять всѣ изгибы этого сладострастія!»

Такимъ образомъ, разница между подпольнымъ человѣкомъ и большинствомъ образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія состоитъ только въ томъ, что онъ яснѣе сознаетъ истекающее изъ злобы наслажденіе, а пользуются-то этимъ наслажденіемъ всѣ. Такое обобщеніе значительно смягчаетъ самобичеваніе подпольнаго человѣка. На людяхъ и смерть красна. Не очень уже, значить, скверенъ подпольный человѣкъ, если всѣ таковы; онъ даже выше остальныхъ, потому что смѣлѣе и умнѣе ихъ. Пусть же кто-нибудь изъ «образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія» попробуетъ бросить въ него камнемъ!

Кромѣ этого смягчающаго или даже возвышающаго обстоятельства, подпольный человѣкъ рѣшился бы, можетъ быть, выставить еще одно. Читатель видѣлъ, что въ числѣ розовыхъ картинъ, которыми подпольный человѣкъ мучительски ущемлялъ душу Лизы, былъ абрисъ женщины, мучающей своего мужа изъ любви. А затѣмъ слѣдовало обобщеніе: «знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить?» Объ себѣ же подпольный человѣкъ прямо говоритъ: «любить у меня значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не могъ даже себѣ представить иной любви и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и состоитъ въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ нена-

висти и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ, что дѣлать съ покореннымъ предметомъ». Если разумѣть дѣло такъ, что вотъ, дескать, уродъ, даже любви никогда не ощущавшій, то, конечно, нужно много смѣлости и искренности, чтобы сдѣлать такое заявленіе. Любовь, кажется, чувство достаточно общедоступное и достаточно само себя вознаграждающее. Чтобы испытать его, не требуется какой-нибудь особенной умственной или нравственной высоты, и должно быть въ самомъ дѣлѣ жалкій, скудный уродъ тотъ, на языкѣ котораго любовь и тиранство однозначащи или, по крайней мѣрѣ, всегда сопутствуютъ другъ другу. Это такъ. Ну, а если эта кажущаяся скудость мыслей и чувствъ совсѣмъ не уродство, а только глубина «проникновенія» въ душу человѣческую? Что если душа, ну, положимъ хоть не человѣка вообще, а только образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, такъ ужъ устроена, что любовь и тиранство въ ней неизбежно цвѣтутъ рядомъ? Простому смертному не понятъ этого, да мало ли что! Простой смертный любитъ на красоту красиваго лица, а ученый человѣкъ подойдетъ съ микроскопомъ, да и увидитъ въ этомъ красивомъ лицѣ цѣлую сѣть очень некрасивыхъ морщинъ, рытвинъ и проч. Такъ же и тутъ. Тонкіе психологи въ родѣ подпольнаго человѣка и самого Достоевскаго могутъ находить въ душѣ такія вещи и такія сочетанія вещей, которыя намъ, простымъ смертнымъ, совершенно недоступны. И если въ самомъ дѣлѣ любовь и тиранство растутъ, цвѣтутъ и даютъ плоды рядомъ, даже переходя другъ въ друга; если это нѣкоторымъ образомъ законъ природы, то опять-таки кто это образованныхъ людей девятнадцатаго столѣтія посмѣетъ бросить камнемъ въ подпольнаго человѣка? Камень неизбежно отскочитъ отъ него, какъ отъ стѣны горохъ, и поразитъ самого метальщика. И, значить, подпольный человѣкъ опять оправданъ и даже возвеличенъ. Вѣдь ужъ не объ себѣ лично, а въ видѣ общаго наблюденія, онъ говоритъ: «знаешь ли, что можно изъ любви нарочно мучить человѣка?»

Такое скептическое отношеніе къ лучшимъ или вообще благожелательнымъ чувствамъ едва ли ограничивается въ подпольномъ человѣкѣ одною любовью. Эпиграфомъ къ разсказу о встрѣчѣ съ Лизой (онъ имѣетъ отдѣльное заглавіе «По поводу мокраго снѣга») взяты стихи Некрасова: «Когда изъ мрака заблужденья горячимъ словомъ убѣжденья я душу падшую извлекъ» и т. д. Въ устахъ подпольнаго человѣка эти слова чистѣйшая иронія, потому что хотя Лиза дѣйствительно «стыдомъ и ужасомъ полна», «разрѣшилася слезами, возмущена, потрясена», но этого результата подпольный человѣкъ вовсе не имѣлъ въ виду и, какъ мы видѣли, занимался просто «игрой» въ волки и овцы. Но не даромъ же поставленъ такой эпиграфъ, и отъ скептического ехидства подпольнаго человѣка можно ожидать самыхъ общенныхъ киваній на Петра: дескать, еслибы такой казусъ

съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, господа, произошла, такъ вы не преминули бы продекларировать стихи Некрасова и имѣть при этомъ чрезвычайно душеспасительный и даже геройскій видъ, ну, а я знаю какъ эти дѣла дѣлаются, знаю, что если даже дѣйствительно вы о спасеніи падшей души думали, то все-таки тутъ примѣшивалось много желанія помучить человѣка, потерзать его; я знаю это и рассказываю про себя откровенно, а вы за высокія чувства прятаетесь...

Справедливо это объясненіе или нѣтъ, но достоверно, что въ подпольномъ человѣкѣ каждое проявленіе жизни осложняется жестокостью и стремленіемъ къ мучительству. И не случайное это, конечно, совпаденіе, что самъ Достоевскій всегда и вездѣ тщательно разглядывалъ примѣсы жестокости и злобы къ разнымъ чувствамъ, на первый взглядъ не имѣющимъ съ ними ничего общаго. Въ мелкихъ повѣстяхъ, собранныхъ во второмъ и третьемъ томахъ сочиненій Достоевскаго, разсыпаны зародыши этихъ противоестественныхъ сочетаній, зародыши, получившіе впоследствіи дальнѣйшее развитіе.

Въ «Крокодилѣ» намѣчено сочетаніе дружбы со злобой («странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы»). Ниже мы встрѣтимся съ чрезвычайно своеобразнымъ выраженіемъ этого сочетанія въ «Вѣчномъ мужѣ».

Въ «Игрокѣ» есть нѣкая Полина—странный типъ властной до жестокости, взбалмошной, но обаятельной женщины, повторяющейся въ Настасьѣ Филипповѣ, въ «Идиотѣ» и въ Грушенькѣ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Этотъ женскій типъ очень занималъ Достоевскаго, но въ разработкѣ его онъ во всю жизнь ни на шагъ не подвинулся впередъ. Пожалуй, даже первый абрисъ—Полина яснѣе послѣдняго—Грушеньки. Но и Полина напоминаетъ собой какое-то облако, что-то туманное, не сложившееся и не могущее сложиться въ вполнѣ опредѣленную форму, вытягивающееся то въ одну, то въ другую сторону. Между этой Полиной и героемъ «игрокомъ», существуютъ чрезвычайно странныя отношенія. Она его любитъ, какъ оказывается, впрочемъ, уже очень поздно, а между тѣмъ третируетъ какъ лакея, и даже хуже, чѣмъ лакея. Въ каждой подробности ея отношеній къ «игроку» сквозитъ «что-то презрительное и ненавистное». Игрѣ ея тоже любить и она знаетъ объ этомъ и именно поэтому всячески издѣвается надъ нимъ, приказываетъ дѣлать разныя глупости, мучитъ намѣренной циничностью и пошлостью своихъ разговоровъ. Правда, что въ ней это, кажется, фатально. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи ея наружности встрѣчается одна очень курьезная и характерная черта: «слѣдокъ ноги у нея узенькій и длинный — *мучительный. именно мучительный*». Что же уже тутъ подѣлаешь, коли слѣдокъ ноги мучительный! Въ свою очередь и герой хорошенько не знаетъ, дѣйствительно ли онъ любитъ Полину или, напро-

тивъ, ненавидитъ. По одному случаю онъ записываетъ: «И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не сумѣлъ на него отвѣтить, т. е. лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, что я отдалъ бы полъ-жизни, чтобы задушить ее! Клянусь, еслибы возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святого, еслибы на Шпангенбергъ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ».

Въ повѣсти «Село Степанчиково и его обитатели» есть вводное лицо, старичокъ Ежевикинъ, играющій роль шута, на видъ очень добродушный и всѣмъ желающій угодить, а въ сущности очень ядовитый — прототипъ цѣлаго ряда старыхъ шутовъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго. Дочь Ежевикина, бѣдная гувернантка, находящаяся въ особенно трудномъ положеніи, полагаетъ, что отецъ представляетъ изъ себя шута *для нея*. По ходу повѣсти, это предположеніе очень вѣроподобно, но самъ Достоевскій рѣшительно его отрицаетъ. Онъ говоритъ, что Ежевикинъ «корчилъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобы дать выходъ накопившейся *злости*»...

Впрочемъ въ «Селѣ Степанчиковѣ» есть лица, гораздо болѣе интересныя, чѣмъ злобный старый шутъ Ежевикинъ.

III.

Владѣлецъ села Степанчикова, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, оставной гусарскій полковникъ, есть настоящая овца, смиренная и благодушная до глупости. Всякій охочій человекъ можетъ на немъ ѣздить сколько душѣ угодно, оскорблять его, тиранить и онъ же будетъ считать себя виноватымъ передъ своимъ тираномъ и просить у него прощенія. Таковы именно его отношенія къ матери, вдовѣ генеральшѣ, несноснѣйшей по глупости и наглости женщины, которая, живя на шеѣ у сына и терзая его на всякія манеры, все находитъ, что онъ эгоистъ и недостаточно къ ней внимателенъ. Но тиранство матери совершенно блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что терпитъ полковникъ Ростаневъ, да и всѣ обитатели села Степанчикова отъ нѣкоего Оомы Оомича Опискина. Это чрезвычайно любопытный экземпляръ волчьей породы. Объявился онъ сначала въ домѣ покойника мужа генеральши, «въ качествѣ чтеца и мученика», попросту приживальщика, много терпѣвшаго отъ генеральскаго издѣвательства. Но на дамской половинѣ генеральскаго дома онъ разыгрывалъ совершенно другую роль. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, которое онъ поддерживалъ душеспасительными бесѣдами, снотолкованіями, прорицаніями, хожденіемъ къ обѣдни и зауг-

рени и проч. А когда генераль умеръ и генеральша перебралась къ сыну, Ома Опискинъ сталъ рѣшительно первымъ человекомъ въ домѣ. Изъ прошлаго Ома съ достовѣрностью известно только, что онъ потерпѣлъ неудачу на литературномъ прищѣ и потомъ множество обидъ отъ своего генерала. И онъ, значить, былъ овцой, во всей вѣроятности, злобной, паршивой и вообще скверной, но во всякомъ случаѣ униженной и оскорбленной овцой по своему общественному положенію. А теперь вдругъ получила возможность разыгратъ его волчьимъ инстинктамъ. «Теперь представьте же себѣ, говоритъ Достоевскій:—что можетъ сдѣлаться изъ Ома, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ Ома, втайнѣ счастлюбиваго и самолюбиваго, изъ Ома—огорченнаго литератора, изъ Ома—шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Ома въ душѣ деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Ома — хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Ома, вдругъ попавшаго въ честь и въ славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіотѣ покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ наконецъ послѣ долгихъ странствованій?»

Дѣйствительно, можно себѣ представить какаѣ оберъ-каналѣ должна была получиться при такихъ условіяхъ! А впрочемъ, если читателю покажется, что подобную каналѣ представить себѣ очень уже легко, то онъ ошибется. Легко-то, легко, но не ему, простому, хотя бы чрезвычайно проникательному читателю, не погружавшемуся надолго и по доброй волѣ во всѣ извилины мрачныхъ лабиринтовъ пакостной человѣческой души. Легко — знатоку и любителю каковъ Достоевскій. Достоевскій, однако, пожелалъ почему-то на этотъ разъ предъявить своего звѣря въ нѣсколько комическомъ освѣщеніи—капризъ художника, который можетъ всегда вернуться опять и опять къ своему сюжету и перепробовать на немъ всевозможныя освѣщенія. Тѣмъ болѣе, что комическій колоритъ при этомъ только сдѣлываетъ впечатлѣніе, заставляя васъ время отъ времени улыбнуться, но, спустивъ улыбку съ губъ, вы тотчасъ же понимаете, что передъ вами во всякомъ случаѣ злобный тиранъ и мучитель.

Вотъ образчикъ мучительства Ома Опискина.

— Прежде кто вы были? говоритъ, напримѣръ, Ома, разваливъ послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, причемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него, свѣжей липовой вѣткой, мухъ.—На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ ли я въ васъ искру небеснаго огня или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру или нѣтъ?

Ома Омичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди (полковника Ростанева) тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забытый, теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ противорѣчии. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Оома обидчивымъ голосомъ.

— Mais répondez donc, Егорушка, подхватываетъ генеральша, пожмая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ въ васъ эта искра или нѣтъ? снисходительно повторяетъ Оома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ. Это уже распоряженіе генеральши.

— Ей-Богу не знаю, Оома, отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ:—должно быть что-нибудь есть въ этомъ родѣ, и право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я совру что-нибудь...

— Хорошо! такъ по вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта. Вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ, пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Оома, Богъ съ тобой! Ну, когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! пусть буду я лгуны! пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ; пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это—я все перенесу...

— Mais, mon fils, вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Оома Оомичъ! маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи:—ей-Богу же я не виноватъ! такъ развѣ, нечаянно съ языка сорвалось! Ты не смотри на меня, Оома: я вѣдь глупъ, самъ чувствую, что глупъ...

И т. д. Конечно, Оома смѣшонъ, мелокъ и глупъ съ своими приставаніями, но чтобы быть жестокимъ тираномъ, вовсе не требуется величавой и трагической фізіономіи. Вообще мучителямъ дѣлаютъ слишкомъ много чести, представляя ихъ себѣ непременно какими-то гигантами. Напротивъ, при кровосійственномъ комариномъ жалѣ, они обладаютъ большею частью и комаринымъ ростомъ. Примѣръ—Оома Опискинъ, жалкое дрянное ничтожество, которое, однако, можетъ отравить жизнь слишкомъ деликатнымъ, или слабымъ людямъ своимъ мелочнымъ, но назойливымъ и наглѣмъ жужжаніемъ. Взвѣсьте муки, доставляемыя какимъ-нибудь сильнымъ острымъ страданіемъ, и сравните ихъ съ тѣми мелочами, что хронически терпятъ человѣкъ, осужденный на сожительство съ Оомой Опискинымъ, и еще неизвѣстно, которая чашка вѣсовъ перетянетъ. Вы видите, что несчастная овца-полковникъ совершенно забить, запуганъ тою деревянною пилюю, которою Оома неустанно пилить его изо дня въ день. Полковникъ готовъ дать своему мучителю какой угодно выкупъ, унижить себя, назвать дуракомъ, провалиться сквозъ землю, вернуться наизнанку, лишь бы кончилось это словесное пиленіе. Но Оомѣ Опискину никакого выкупа не нужно, ему нужна только нища для злобы и мучительства, и это его алканіе ненасытно: пусть полковникъ еще и еще пожметъ, повертнется, потерзается и, когда мучитель, наконецъ, устанетъ, онъ оставитъ свою жертву до слѣдующаго раза. Только усталость и можетъ положить конецъ подобному мучительству; усталость, а не сытость, ибо здѣсь сытости и быть не можетъ. На какія бы уступки жертва ни шла, каждый ея шагъ даетъ только новый поводъ для тер-

заний; все равно какъ каждое движеніе рыбы на удочѣ неизбежно терзаетъ ея внутренности. Ома не добивается никакого опредѣленнаго результата, достиженіе котораго положило бы конецъ его операціи; для него самый процессъ мучительства важенъ, процессъ самодовлѣющій и, слѣдовательно, самъ по себѣ безостановочный.

Разъ полковникъ предложилъ Омѣ пятнадцать тысячъ, чтобы онъ только убрался тихимъ манеромъ изъ дому. Ома разыгралъ трагическую сцену съ этими, какъ онъ выразился, «милліонами», распырялъ деньги по комнатѣ, надругался надъ полковникомъ всласть, заставляя его просить у себя прощенія и, въ концѣ концовъ, не взявъ денегъ, но и изъ дому не ушелъ. Нѣкто Мизинчиковъ отзывается объ этомъ случаѣ такъ: «Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобы взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что: я сомнѣваюсь, чтобы у Омы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ непрактическій, это тоже въ своемъ родѣ какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите ли, онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться». Впослѣдствіи, когда по одному, совершенно особенному случаю, полковникъ, наконецъ, поступилъ съ своимъ мучителемъ физически и буквально вышвырнулъ его за дверь, Ома смирился. Онъ даже устроилъ счастье полковника, конечно, со всякими вывертами и ломаніями. Но тѣмъ не менѣе, Мизинчиковъ правъ: Ома человѣкъ непрактическій — ему нужно ненужное.

Трудно, разумѣется, положить границу между нужнымъ и ненужнымъ. То, что вовсе ненужно, напримѣръ, русскому мужику, можетъ быть необходимо англійскому лорду, а по простествіи нѣкотораго времени и русскій мужикъ потребууетъ вещей по теперешнему ненужныхъ. Вообще, кромѣ прямого удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей въ воздухѣ, пищѣ, кровѣ, одеждѣ, все теперь нужное было когда-то совсѣмъ ненужно. Бываетъ и наоборотъ, что потребности упраздняются, нужное отходить въ область ненужнаго. Иногда это дѣло измѣнчивой моды, иногда — кореннаго измѣненія условій жизни. Но если такимъ образомъ между нужнымъ и ненужнымъ нельзя установить безусловную границу, то въ извѣстномъ обществѣ, стоящемъ на извѣстномъ уровнѣ уловить границу условную все уже не такъ трудно. Запутанность подробностей или пристрастіе изслѣдователя могутъ, конечно, затемнить дѣло и поставить подъ сомнѣніе даже такой, напримѣръ, вопросъ, какъ: нужна ли свобода русской печати или это ненужная роскошь? Но въ принципѣ тутъ все-таки никакой трудности нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что въ крупныхъ, по крайней мѣрѣ, вещахъ, условная, историческая граница между нужнымъ и ненужнымъ отмѣчается, обыкновенно, или большими общественными неурядицами, или присутствіемъ крупныхъ, выдающихся личностей, новаторовъ, которые ищутъ чего-то по общему мнѣнію ненужнаго, но долженствующаго стать, можетъ

быть, завтра же нужнымъ. Не будемъ спорить о самой механикѣ процесса; не будемъ говорить объ томъ, отдѣльныя ли выдающіяся личности создаютъ новую потребность или упраздняютъ старую, или наоборотъ, они своею дѣятельностью только подводятъ итогъ разрозненнымъ и непродуманнымъ стремленіямъ массы. Для насъ это вопросъ безразличный, который притомъ же отвлекъ бы насъ далеко въ сторону. Такъ ли, сякъ ли, но достоверно, что въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, въ области отвлеченной теории и житейской практики, отъ времени до времени являются особенно требовательные люди, которые не довольствуются нужнымъ, которымъ нужно даже противно, а дорого и важно ненужное. Для нихъ томительна прѣвшааяся сфера нужного, того, что всѣмъ требуется и безъ чего никто уже не можетъ жить. Они требуютъ отъ жизни, если не неизвѣданнаго и еще загадочнаго новаго по существу, то, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь приправы къ прѣсному нужному...

Вы ждете, конечно, разговора о тѣхъ представителяхъ человечества, которые ищутъ новыхъ истинъ, новыхъ формъ справедливости, и цѣною страшныхъ усилий, страданій, а иногда самой жизни своей переводятъ ихъ изъ области ненужнаго въ область нужнаго, обращаютъ во всеобщую потребность; о тѣхъ людяхъ, про которыхъ сказано, что никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ; о тѣхъ, кого соотечественники и современники далеко не всегда встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, а напротивъ, слишкомъ часто гонятъ, чтобы потомъ, черезъ много лѣтъ, потомки задали себѣ безустанно повторяющійся въ исторіи вопросъ: какъ это можно было гнать и распинать тѣхъ людей? и какъ можно было считать ненужнымъ то, чего они добивались?

Да, эти люди сюда относятся. Но не объ нихъ пойдетъ у насъ разговоръ, потому что насъ ждетъ Ома Опискинъ, который тоже сюда относится. Не смущайтесь этимъ сопоставленіемъ «пальца отъ ноги», по выраженію Мененія Агриппы, съ красой и гордостью людского рода. Оно только на первый взглядъ кажется оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Дѣло въ томъ, что двери ненужнаго очень широки и черезъ нихъ входятъ въ жизнь и добро и зло. Римская чернь, время упадка Рима, орала: «хлѣба и зрѣлищъ!» Но не всегда же «зрѣлища» были такъ же нужны, какъ хлѣбъ, а тѣмъ паче, тѣ жестокиа, кровавыя зрѣлища, которыми наслаждались выродившіеся римляне. Кто-то когда-то сдѣлалъ эти зрѣлища равными насущному хлѣбу. Кто сдѣлалъ—сильныя ли своимъ нравственнымъ вліяніемъ или официальною мощью личности или же сама проголодавшаяся и развращенная чернь—это опять-таки для насъ въ настоящую минуту безразлично. Но достоверно, что особенное раздраженіе нервовъ, даваемое кровавыми зрѣлищами, прежде ненужное, стало потребностью; и что первые, кто ощутилъ эту потребность, вводили въ жизнь ненужное и были своего рода

новаторами, требовательными натурами, не довольствующимися нужнымъ, хлѣбомъ. Такимъ образомъ, не совсѣмъ правъ король Лиръ, говоря: «дай человѣку то лишь, безъ чего не можетъ жить онъ—ты его сравниешь съ животнымъ». Это правда, но неполная правда, полъ-правды. Другая же половина правды состоитъ въ томъ, что и ненужное, безъ чего жить очень и очень можно, обращаясь въ нужное, равняетъ иногда человѣка съ животнымъ. Все дѣло въ свойствахъ того ненужнаго, къ которому стремятся требовательныя природы, и въ степени ихъ вліянія на своихъ соотечественниковъ и современниковъ. Ненужное можетъ быть возвышенно и даже превышать человѣческія силы и способности, но оно можетъ быть и низменно до скотства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ его можетъ усиливаться ввести въ жизнь слабосильное ничтожество и, дѣйствительно, крупная сила. Понятно, какія различныя комбинаціи могутъ выходить изъ этихъ четырехъ данныхъ.

Возвращаясь къ Оомѣ Опискину, надо будетъ признать, что онъ слишкомъ мелко, чтобы положить печать своего образа и подобія на сколько-нибудь значительный кругъ людей. Но представьте себѣ, что онъ обладаетъ какою-нибудь внутреннею силою; представьте себѣ, на примѣръ, что онъ не неудачникъ-литераторъ, а обладаетъ, напротивъ того, большимъ и оригинальнымъ дарованіемъ, оставаясь въ тоже время Оомой Опискинымъ по натурѣ...

Впрочемъ, повончимъ сначала съ портретомъ Оомы, тогда дѣло будетъ виднѣе.

По теперешнимъ условіямъ нашей жизни, курицу къ обѣду зарѣзать или быка убить нужно, но мучить при этомъ быка и курицу, растягивать ихъ агонію, отрубать имъ предварительно ноги, колесовать — не нужно. Это зрѣлище ужъ, конечно, не скраситъ вашего обѣда, а развѣ испортитъ его. Оомѣ, напротивъ, важно какъ разъ именно это ненужное. Онъ нарочно протянетъ убійство курицы, чтобы опоздать съ обѣдомъ, все время злиться и съ удвоенною жестокостью слѣдить за судорожными вздрагиваніями жертвы. Это стремленіе къ ненужному доходить въ Оомѣ до совершенной глупости, которая была бы сама по себѣ смѣшна, еслибы отъ нея не страдали люди. Былъ, на примѣръ, въ селѣ Степанчиковѣ дворовый мальчишка Фалалей, очень красивый, очень наивный, глупый и всеобщій баловень, а этого послѣдняго было совершенно достаточно, чтобы Фалалей сталъ предметомъ завистливой злобы Оомы. Но главнымъ покровителемъ Фалалея была сама генеральша, которая наряжала его, какъ куклу, да и любила, какъ хорошенькую куклу. Этого препятствія Оома не могъ преодолѣть на проломъ, а потому избралъ окольный, но вѣрный путь. Онъ самъ пожелалъ быть благодѣтелемъ Фалалея и началъ свои благодѣянія съ обученія мальчугана «нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку». «Какъ! говорилъ Оома:—онъ всегда вверху, при своей

*

госпожѣ, вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напимѣрь: доннѣ муа монъ мушураръ— онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но Фалалей оказался глупъ на всѣхъ діалектахъ, къ книжному же обученію, тѣмъ паче французскому, совсѣмъ неспособенъ. Отсюда источникъ его мученій. Допекалъ его Фома, допекала и дворня прозвищемъ «француза». Вдругъ Фома узнаетъ, что камердинеръ полковника, старикъ Гаврила, осмѣлился выразить сомнѣніе въ пользѣ французской граматки. А Фома тому и радъ, радъ тою злобною радостью, которая хватается за всякій случай приложить къ дѣлу особливо ненужное, виртуозное надругательство: въ наказаніе онъ засадилъ за французскій языкъ самого Гаврилу. А затѣмъ происходитъ такая, напимѣрь, сцена. Въ присутствіи цѣлаго общества онъ обращается къ старику камердинеру:

— Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатичъ! Это, вотъ видите ли, Павелъ Семенычъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. Ну, французъ мусью шематонъ—*терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусье шематонъ*—знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парль-ву-франсѣ?

— Вуй, мусье, же-ле-парль-эн-пе...

Разумѣется, всеобщій хохотъ веселой компаніи, старикъ обижается, поднимается страшный скандалъ, за которымъ мы ужъ слѣдить не будемъ. Насъ еще несчастный Фалалей ждетъ. Обратите только вниманіе на эту злостную черту: Фома, издѣваясь надъ Гаврилой вообще, не упускаетъ случая всадить ему еще специальную шпильку мусью шематона, чего тотъ *терпѣть не можетъ*. Этого-то Фомѣ и нужно. Онъ тщательно изучаетъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, что кому не нравится, именно затѣмъ, чтобы при случаѣ отточить изъ собранныхъ матеріаловъ ядовитую шпильку.

Такъ какъ Фома обучаетъ Фалалея, кромѣ французскаго языка, еще нравственности и хорошимъ манерамъ, то однажды предъ-являетъ его публикѣ подъ такимъ соусомъ:

— Поди сюда, поди сюда, нелѣпная душа; поди сюда, идиотъ, румяная ты рожа!

Фалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда сожралъ свой пирогъ? повтори при всѣхъ!

Фалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «Натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это или нѣтъ? говори!

— Ска-заль! подтверждаетъ Фалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, пристаётъ Оома:—кто именно этотъ Мартинъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, капитанармусъ, дворовый человѣкъ—кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вий че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Оалалей, продолжая плакать.
— Чей? чьихъ господъ?

Но Оалалей не умѣетъ сказать чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Оома, въ сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя влѣзетъ часъ своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

На другой же день послѣ исторіи съ мартыновымъ мыломъ, Оалалей, какъ ни въ чемъ не бывало, подавая утромъ Оомѣ чай, рассказалъ ему, что видѣлъ сонъ «про бѣлаго быка». Оома пришелъ въ ужасъ, распушили полковника, а Оалалей подвергъ, кромѣ того, наказанію—стоянію въ углу на колѣняхъ. Причину же такого гнѣва можете усмотрѣть изъ слѣдующаго реприманда: «Развѣ ты не можешь, говорилъ Оома Оалалею:—развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напимѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Оому бѣлый быкъ возмущалъ, какъ доказательство «грубости, невѣжества, мужичества нашего неотесаннаго Оалалея». Оалалей общалъ исправиться, но увылъ и на слѣдующій, и на третій день, и подрядъ цѣлую недѣлю видѣлъ во снѣ все того же бѣлаго быка, хотя даже молился на ночь, чтобы его не видать. Совратъ же онъ по глупости и правдивости своей не догадывался. Все въ домѣ трепетало отъ ярости Оомы, Оалалей даже исхудалъ и сердобольныя бабы уже сирсынули его съ уголька, какъ вдругъ исторія кончилась сама собою, изморомъ, потому что Оома былъ отвлеченъ другими дѣлами.

Довольно, кажется. Мы можемъ пренебречь другими подвигами Оомы, которыхъ еще много, и всѣ они въ томъ же родѣ. Оома есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ экземпляровъ волчьей породы, въ этомъ не можетъ, конечно, быть никакого сомнѣнія—всѣ его дѣйствія и даже слова запечатлѣны самою свирѣпою жестокостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по вѣрному опредѣленію Мизинчикова, непрактической человѣкъ и, пожалуй, «въ своемъ родѣ какой-то поэтъ»—всѣ его вышеизложенные поступки поражаютъ своею ненужностью. Словами—ненужная жестокость очерчивается чуть не вся нравственная физіономія Оомы, и если прибавить сюда безмѣрное самолюбіе при полномъ ничтожествѣ, такъ вотъ и весь Оома Опискинъ. Онъ никакой выгоды изъ своей жестокости не извлекаетъ, онъ предается мучительству по непосредственному требованію своей волчьей натуры, что называется, такъ. Онъ чистый художникъ, поэтъ злости и тиранства, безъ малѣйшей утилитарной подкладки. И чѣмъ вычурнѣе, необыкновеннѣе осѣннившій его голову прозектъ мучительства,

тѣмъ для него пріятнѣе. Дайте Ѳомѣ Опискину вѣшнюю силу Ивана Грознаго или Нерона, и онъ имъ не уступитъ ни на одинъ волосъ, «удивитъ міръ злодѣйствомъ». Дайте же ему какую-нибудь внутреннюю силу, произойдутъ вещи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе любопытныя.

Представьте себѣ, какъ уже выше было сказано, что Ѳома Опискинъ не бездарность, потерпѣвшая фіаско на литературномъ поприщѣ, а напротивъ, большой талантъ. Прежде всего, большой талантъ, конечно, смягчить въ Ѳомѣ Опискинѣ карикатурно грубыя черты фізіономіи. «Геній и злодѣйство несовмѣстны», говоритъ Пушкинъ устами своего Моцарта. Это неправда—очень совмѣстны. Но все-таки съ крупнымъ талантомъ несовмѣстны такія дурацкія формы, въ какія облачается тиранство Ѳомы: талантъ придастъ имъ извѣстное изящество, красоту, привлекательность, такъ что даже далеко не всякій догадается, что имѣеть дѣло съ мучителемъ по призванію природы. Затѣмъ, такъ какъ передъ нами литературный дѣятель, то мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ именно эту его дѣятельность, а до частной его жизни намъ, пожалуй, и никакого дѣла нѣтъ. О подлинномъ Ѳомѣ Опискинѣ, то есть о томъ, который показывается въ звѣринцѣ Достоевскаго, одни полагали, что онъ высокой и святой жизни человѣкъ; другіе были совершенно противнаго мнѣнія. Относительно *нашего* Ѳомы не можетъ быть даже и разговора на этотъ счетъ. Намъ только интересно знать, какъ отразится въ крупномъ литературномъ талантѣ ненужная жестокость, освободившись отъ глупости, грази и ничтожества Ѳомы Опискина.

IV.

Жестокій талантъ, который при этомъ получится, выберетъ преимущественною тѣмою для своихъ произведеній страданіе и будетъ заставлятъ страдать и своихъ дѣйствующихъ лицъ и своихъ читателей. Конечно, это можетъ сдѣлать и самый мягкій, даже приторный талантъ. Совершенно натурально, что на тѣмъ страданія построено многое множество литературныхъ произведеній, потому что литература есть только отраженіе жизни, а въ жизни страданія слишкомъ довольно. А разъ за обработку этой тѣмы берется настоящій талантъ, то опять-таки натурально, что онъ вызоветъ у читателя слезы сочувствія или негодованія, вообще заставитъ его перестрадать извѣстное страдательное положеніе. Но отличительнымъ свойствомъ нашего жестокаго таланта будетъ ненужность причиняемаго имъ страданія, безпричинность его и безцѣльность. Нашъ жестокій талантъ будетъ именно вышеупомянутою требовательною натурою, которой нужно совѣмъ ненужно, для которой нужно слишкомъ прѣсно. Формальнымъ образомъ, на архитектурѣ романа или повѣсти, это отразится

непомѣрными и совершенно не художественными длиннотами, вводными сценами, отступленіями, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ соблазнъ мучительно пощекотать нервы читателя или подвергнуть жестокому воздѣйствію кого-нибудь изъ персонажей. При этомъ, внутренняя сторона всѣхъ этихъ отступлений и вводныхъ картинъ не будетъ вызываться теченіемъ романа, не будетъ соответствовать жизненной правдѣ, не будетъ имѣть нравственнаго смысла, не будетъ шевелить въ читателѣ мысль. Все это условія или требованія нужнаго и все это жестокій талантъ презреть и повергнуть къ подножію ненужнаго страданія. Просто для того, чтобы помучить какого-нибудь, имъ самимъ созданнаго, Сидорова или Петрова (а вмѣстѣ съ нимъ и читателя), онъ навалитъ на него невѣроятную гору несчастій, заставитъ совершить самыя вычурныя преступленія и терпѣть за нихъ соответственныя угрызенія совѣсти, проволочить сквозь тысячи бѣдъ и оскорбленій, самыхъ фантастическихъ, самыхъ невозможныхъ. Житейское, обыденное, нужное онъ оставитъ безъ вниманія или удѣлитъ ему таковое въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. За то каждый мельчайшій штрихъ, каждую микроскопическую подробность ненужнаго страданія разовѣтъ съ тщательностью виртуоза. Понятное дѣло, что еслибы такую работу представила жестокая бездарность, то, конечно, ничего, кромѣ насмѣшки, въ вознагражденіе не получила бы, потому что тутъ нарушены всѣ общепризнанныя и основательно общепризнанныя условія литературнаго творчества. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ талантомъ, а талантъ имѣетъ привилегію влагать душу живу во все, за что онъ принимается. Онъ такъ предъявитъ вамъ свое ненужное, невозможное, невѣроподобное, уродливое, фантастическое, что вы не оторветесь, и не до насмѣшки вамъ будетъ, потому что вы, дѣйствительно, перестрадаете предъявленное вамъ страданіе. Онъ отуманитъ вамъ голову своими образами и картинами, заставитъ усиленно биться сердце, и развѣ въ тѣ lucida intervalae, когда во время самаго чтенія найдете на васъ трезвость, вы спросите себя: и за что онъ этого Сидорова или Петрова такъ мучитъ? за что и меня вмѣстѣ съ нимъ такъ мучительно щечочетъ? за что и зачѣмъ? Совсѣмъ вѣдь это ненужно. Ни въ какомъ смыслѣ ненужно? Это какой-то испанскій бой быковъ происходитъ. Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за перипетіями этого отвратительнаго зрѣлища, я, вмѣстѣ со всѣми зрителями, ощущаю приливъ и отливъ различныхъ чувствъ, я увлеченъ, я весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Но развѣ нужно, чтобы быкъ распоролъ брюхо лошади, посадилъ на рога пивадора и получилъ ловкій смертельный ударъ отъ матадора?

Развѣ нужно! Въ томъ-то и дѣло, что нужно, если цѣлая масса людей любитъ на эти мерзости; нужно въ смыслѣ ощущеній, ставшихъ потребностью, хотя никакихъ иныхъ оправданій они, разумѣется, за себя представить не могутъ. Вѣрнѣе будетъ, однако, сказать, что *было* нужно, потому что испанцы,

кажется, начинают отставать от этого, какъ говорится на нашемъ политическомъ жаргонѣ, самобытнаго развлечения. Но, во всякомъ случаѣ, сравнительно еще очень недавно, всѣ путешественники по Испаніи описывали восторгъ и увлеченіе, съ которыми публика, со включеніемъ прекраснаго слабаго, нѣжнаго пола, аплодировала быку, сажаящему на рога пикадора, и матадору, вонзающему шпагу въ быка. Было, однако, и въ поэтической Испаніи время, когда бой быковъ былъ вещь ненужною, когда онъ просто даже совсѣмъ не значился въ числѣ самобытныхъ испанскихъ удовольствій. Эта потребность привилась не вдругъ, какъ не вдругъ теперь упраздняется. Можно поэтому думать, что раздумье, въ которое впадаютъ по временамъ читатели и почитатели жестокаго таланта, съ теченіемъ времени будетъ постепенно ослабѣвать и ослабѣвать, пока наконецъ возбужденіе, опредѣляемое ненужною жестокостію автора, станетъ потребностью, столь же сильною, какъ испанская потребность въ боѣ быковъ и римская потребность въ зрѣлищахъ. Конечно, для такого результата нужно совпаденіе довольно сложныхъ обстоятельствъ. Первымъ дѣломъ жестокаго таланта долженъ быть дѣйствительно большимъ и оригинальнымъ талантомъ, способнымъ «глаголомъ жечь сердца людей». Но и за всѣмъ тѣмъ онъ можетъ промелькнуть падуцей звѣздой, если въ окружающей и читающей его средѣ не будетъ на лицо подходящихъ условій. Если, на примѣръ, общество будетъ имѣть передъ собою какую-нибудь широкую задачу или цѣлый рядъ задачъ, достаточныхъ для поглощенія его вниманія, то жестокаго таланта просуществовать безслѣдно, хотя его, разумѣется, будутъ читать. Можетъ быть, спустя долгое время, при совершенно иныхъ условіяхъ жизни, его вспомнятъ и упьются имъ до опьянѣнія, особливо, если явятся подходящіе продолжатели, подражатели, толкователи. Такъ не разъ случалось въ исторіи мысли и творчества. Какой-нибудь Шопенгауеръ, на примѣръ, умъ геніальный, въ свое время не произвелъ впечатлѣнія, какого заслуживалъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ воскресъ въ Гартманѣ, мыслителѣ очень ловкомъ, но развѣ достойномъ только развязать ремень у сапога Шопенгауера. Понятное дѣло, что если читающій людъ окажется на мели, то-есть будетъ сидѣть безъ дѣла, безъ настоящаго, увлекающаго дѣла, и только заниматься дѣлами, да обдѣлывать дѣла, то жестокаго таланта примется съ распростертыми объятіями: отъ бездѣлья и то руководѣле. Тутъ надо, впрочемъ, оговориться. Дѣла у людей, собственно говоря, всегда довольно, слишкомъ довольно, и нѣтъ такого ни времени, ни племени, передъ которыми не стояли бы задачи, достаточно широкія, чтобы заниматься ими, а не упиваться боемъ быковъ. Для признанія такого простаго положенія совсѣмъ не требуется быть узкимъ ригористомъ, и считать, что «печной горшокъ всего дороже» на свѣтѣ, ибо «въ немъ пищу мы себѣ варимъ». Нѣтъ, есть вещи, несравненно болѣе дорогія, чѣмъ печной горшокъ,

но ужъ навѣрное это не бой быковъ. И однако, несмотря на это постоянное присутствіе задачъ, достойныхъ всецѣлаго вниманія общества, и даже какъ разъ въ пору ихъ особенной настоятельности, жестокой талантъ можетъ стать героемъ своего времени, приближимъ для общественнаго вниманія, ищущаго куда бы ему приткнуться. Это тогда можетъ случиться, когда общество поставлено къ лежащему передъ нимъ дѣлу въ такое же отношеніе, въ какомъ лисица стоитъ къ винограду въ баснѣ Крылова. Если дѣло есть и для всѣхъ это ясно, потому что дѣло выросло изъ самыхъ нѣдръ исторіи, но постороннія обстоятельство не позволяютъ его дѣлать, то взбудораженная энергія, не находя себѣ правильнаго исхода, обращается къ разнымъ низменнымъ ненужностямъ наркотическаго свойства. Въ числѣ ихъ могутъ быть и тѣ ощущенія, которыя даются произведеніями жестокаго таланта. При такихъ условіяхъ читатель покорно, даже съ нѣкоторымъ восторгомъ, пойдетъ на тѣ ненужныя мученія, какимъ подвергаетъ его, вмѣстѣ съ своимъ Сидоровымъ или Петровымъ, жестокой талантъ. Выдуманная и нетолѣю выдуманная, а прямо-таки совсѣмъ ненужная мука станетъ потребностью, для удовольвенія которой явится цѣлая фаланга подражателей и продолжателей нашего жестокаго таланта. Понятно, что и въ самой жизни, въ «живой жизни», говоря словами подпольнаго человѣка, эта потребность въ ненужныхъ мученіяхъ и эта привычка къ нимъ должны отразиться различными трудноопредѣлимыми, но ужъ, разумѣется, не хорошими послѣдствіями. Надо помнить, что мученія эти имѣютъ отраженный характеръ. Не то, чтобы въ самомъ дѣлѣ читателя въ три вкута били. Нѣтъ, бьютъ на его глазахъ Сидорова или Петрова, бьютъ ни съ того, ни съ сего, человѣка ни въ чемъ неповиннаго, но бьютъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно, что читателю становится любо смотрѣть на это отвратительное зрѣлище; просто любо, безъ малѣйшаго участія другихъ чувствъ и мысли.

Все это я говорю въ томъ предположеніи, что жестокой талантъ есть поэтъ, беллетристъ. И, кажется, все это само собой естественно вытекаетъ изъ основной характеристической черты нашего очищеннаго и преображеннаго Омы Опискина—ненужной жестокости. Гораздо труднѣ вывести всѣ послѣдствія ненужной жестокости, если формой литературной дѣятельности ея носителя будетъ публицистика. Оно, пожалуй, на первый взглядъ даже и не трудно, особенно намъ, русскимъ, имѣющимъ въ букетѣ своей публицистики такую благоуханную розу, какъ г. Катковъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое классическое дѣтубійство, столь назойливо проповѣдуемое на Страстномъ бульварѣ въ Москвѣ, какъ не точный сколокъ съ водворенія французскаго языка Омой Опискинымъ въ селѣ Степанчиковѣ: вуй, мусью, же ле парль эн-пе—и отъ этихъ магическихъ словъ нравы смягчаются. Очень похоже, это правда, но все-таки это только родственная черта, а не черта тождественности. Родственныхъ чертъ

можно найти еще довольно много, потому что жестокость г. Каткова и его склонность къ насилію совершенно чрезвычайны. Но, въ качествѣ публициста, онъ преслѣдуетъ все-таки извѣстныя практическія задачи, добивается извѣстныхъ результатовъ. Мотивы его дѣятельности, вѣроятно, очень разнообразны. Тутъ, надо думать, есть и дѣйствительное убѣжденіе, и упрямство, и самодурство, и растерянность публициста, много дѣтъ пользовавшася небывалымъ у насъ вліяніемъ и выдающаго въ концѣ-концовъ, что ничего путнаго онъ изъ своего вліянія не сдѣлалъ. Но, такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, а г. Каткову нужно, на примѣръ, какъ Марату, сто тысячъ головъ— онъ ихъ и требуетъ; нужно, чтобы, кромѣ него, въ печати никто не смѣлъ слова пикнуть— онъ этого и добивается; нужно, чтобы всѣ читали Гомера и Виргилія въ подлинникѣ— онъ и пропагандируетъ. Фомѣ Опискину никакихъ такихъ результатовъ не надо. Онъ, вѣроятно, подалъ бы руку г. Каткову и почтилъ бы его дѣятельность своимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, но ему лично нуженъ только самый процессъ мучительства. Онъ, на примѣръ, былъ бы очень счастливъ, еслибы имѣлъ возможность пилить своей словесной пилой сто тысячъ человѣкъ изо дня въ день, но не до умерщвленія, а такъ, чтобы они неустанно корчились отъ душевной боли, а онъ бы ихъ все попиливалъ, да потыкивалъ, да поджаривалъ. Спрашивается, какъ же вмѣстить эту безпричинность и безрезультатность мучительства въ публицистику, имѣющую непременно дѣло съ причинами и результатами? Очень трудно вмѣстить и придется, пожалуй, рѣшить дѣло такъ, что чистымъ публицистомъ нашъ жестокій талантъ совсѣмъ и быть не можетъ. Онъ можетъ повременамъ дѣлать экскурсіи въ эту область, но центръ тяжести его дѣятельности долженъ непременно лежать въ художественной сферѣ, гдѣ у поэта, какъ говорится, своя рука владыка. Вызвалъ изъ мрака небытія Сидорова и тѣшся надъ нимъ сколько душѣ угодно: художникъ вѣдь не обязанъ предъявлять доводы и аргументы, почему, зачѣмъ, за что пьетъ Сидоровъ такую горькую чашу. Наконецъ, область искусства допускаетъ одинъ пріемъ, представляющій переходъ къ публицистикѣ. Стоитъ только автору вложить одному изъ дѣйствующихъ лицъ свои собственные мысли. И можно, кажется, предвидѣть, что жестокой талантъ будетъ прибѣгать къ этому пріему довольно часто, растягивая притомъ монологи своего подставного я до совершенно нехудожественной длиноты. Оборотъ для жестокаго таланта очень удобный. Тѣмъ для его разсужденій въ публицистической формѣ должно остаться все то же ненужное, безпричинное и безрезультатное страданіе. Но здѣсь она должна получить вѣдь уже не безнужно страдающихъ образцовъ, а видъ практическаго требованія. Ну, а какъ же такъ-таки прямо отъ своего имени требовать мученій для людей? Гораздо удобнѣе вложить это требованіе въ уши какого-нибудь «парадоксалиста», какого-нибудь

эксцентрическаго человѣка. А впрочемъ, мы сейчасъ увидимъ, что жестокій талантъ можетъ въ концѣ-концовъ придумать форму для прямого требованія страданія отъ своего собственнаго лица, обставляя, разумѣется, дѣло разными каріатидами и другими якобы поддерживающими зданіе украшеніями.

Но читатель, пожалуй, усомнится въ самой возможности такихъ безнужно жестокихъ людей. Онъ слышалъ, что люди мучать людей изъ мести, корысти и т. п. И когда страсть отумаманить голову, жестокость, если не извинительна, то, по крайней мѣрѣ, понятна въ пылу одури. Но такъ мучить, ради одной игры фантазій, ради одного художественнаго созерцанія мученій—бываетъ ли это? Къ сожалѣнію, несомнѣнно бываетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, знающая Ивана Грознаго, Нерона и другихъ жрецовъ чистѣйшаго и утонченѣйшаго искусства мучительства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ историческій же фактъ удовольствія, которое иногда въ теченіи цѣлыхъ длинныхъ періодовъ доставляютъ людямъ звѣрскія зрѣлища. О томъ же свидѣтельствуютъ разныя житейскія мелочи, если вы захотите къ нимъ приглядѣться. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ психологическая наблюдательность таковаго крупнаго художника, какъ Достоевскій, который, не говоря о послѣдующихъ его произведеніяхъ, создалъ хотя бы только подпольнаго человѣка и Оому Опискина. Достоевскій удостовѣряетъ, что «человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ»; что есть люди, находящіе въ мучительствѣ сильнѣйше и напряженнѣйшее наслажденіе—сладострастіе; что можно съ наслажденіемъ мучить не только ненавистнаго, а и любимаго человѣка. И какъ же намъ не повѣрить, наконецъ, этому, ну, хоть не пророку божію — это ужъ г. Соловьевъ въ забвеніи чувствъ хватилъ—но во всякомъ случаѣ чрезвычайно тонкому наблюдателю? Тѣмъ болѣе, что, независимо отъ представленныхъ имъ поэтическихъ образцовъ ненужной жестокости, Достоевскій самъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ ея живыхъ образцовъ. Онъ былъ именно тотъ жестокій талантъ, объ которомъ сейчасъ шла рѣчь...

Еслибы картонные мечи умиленныхъ плакальщицковъ, хитроумныхъ политикановъ и такъ себѣ пустопорожнихъ людей, уже давно полу-извлеченные изъ ноженъ, могли рубить и колоть, то, конечно, я былъ бы въ эту минуту поверженъ множествомъ ударовъ. Какъ! Достоевскій—звѣзда русской литературы и едва ли не правило вѣры и образъ кротости, уличается въ жестокости, да еще совершенно ненужной, сравнивается съ такимъ дряннымъ ничтожествомъ, какъ Оома Опискинъ! Только узкое пристрастіе лагера, партіи можетъ довести до такой дерзости!

Въ такомъ родѣ что-нибудь скажутъ умиленные плакальщики, хитроумные политиканы и такъ себѣ пустопорожніе люди, а не скажутъ, такъ подумаютъ, съ прибавкой, конечно, еще многихъ и разнообразныхъ неслестныхъ для меня вещей. До этихъ господъ мнѣ рѣшительно никакого дѣла нѣтъ. Но я боюсь, чтобы

кто-нибудь и изъ благомыслящихъ читателей, сбитый съ толку елейной репутаціей Достоевскаго, не предъявилъ не то что этихъ возраженій, потому что какія же это возраженія?—а этихъ попрековъ. Это было бы огорчительно. Дѣло въ томъ, что лагерное, партійное отношеніе къ Достоевскому невозможно. Ни къ какой опредѣленной партіи онъ не принадлежалъ, а тѣмъ паче не оставилъ послѣ себя школы. Можно только сказать, что въ чисто литературномъ отношеніи нѣкоторые наши молодые беллетристы, къ сожалѣнію, соблазнились примѣромъ Достоевскаго и пытаются заниматься безнужнымъ мучительствомъ, предполагая, вѣроятно, что въ этомъ и только въ этомъ состоитъ психологическій анализъ. Затѣмъ, къ различнымъ намѣтившимся у насъ политическимъ партіямъ Достоевскій былъ одними сторонами ближе, другими дальше и просто не обладалъ тѣмъ, что можно назвать политическимъ темпераментомъ. Онъ былъ прежде всего художникъ, радующійся процессу творчества, и потомъ проповѣдникъ, имѣющій дѣло исключительно съ личностью и ея судьбами. Политическую же жизнь и ея формы онъ не то что понималъ правильно или неправильно, это бы еще подлежало обсужденію, а просто не интересовался ими. Совсѣмъ онъ былъ чужія ему, всѣми своими вкусами влекомому къ разбирательству интимнѣйшихъ личныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Оттого, когда подъ конецъ разныя случайныя обстоятельства толкнули его на путь публицистики, ему случалось проговариваться нелѣпостями, которыя казались бы колоссальными, еслибы онъ не были такъ комичны. То вдругъ брякнетъ, что крѣпостное право само по себѣ нисколько не мѣшаетъ идеально-правственнымъ отношеніямъ между господами и крѣпостными. То изречетъ пророчества, что мы возьмемъ въ самомъ скоромъ времени Константинополь, а турки пойдутъ торговать калатами и мыломъ, какъ будто бы было съ татарами послѣ взятія Казани. Понятное дѣло, что политиканы, мечтающіе о возрожденіи крѣпостного права въ обновленной и юридически совершенно правильной формѣ, а также пустопорожніе люди, желающіе прибить свой щитъ къ вратамъ Цареграда, были рады этой косвенной поддержкѣ со стороны крупнаго литературнаго таланта. Понятно также, что люди, имѣющіе нѣчто противъ крѣпостного права, даже чрезвычайно и по новѣйшей модѣ разукрашеннаго, и полагающіе, что мы можемъ пова обойтись и безъ Константинополя, не могли съ радостнымъ чувствомъ слышать эти пустяки изъ устъ писателя, который пользовался обширною и заслуженною извѣстностью, хотя и совсѣмъ по другой части. Изволь еще тамъ, разбирай по какой части: *Достоевскій* говорить, и это уже очень и очень важно для многихъ. Отсюда радость однихъ и огорченіе другихъ. Но никогда ни одни, ни другіе не считали мало-мальски серьезно Достоевскаго политическимъ дѣятелемъ или опорой партіи. А потому, повторяю, партійное пристрастіе не

имѣть по отношенію къ Достоевскому никакого *raison d'être*, особливо теперь, послѣ его смерти.

Вся политика и публицистика Достоевскаго представляетъ сплошное патаніе и сумбуръ, въ которомъ есть однако одна самостоятельная, оригинальная черта: ненужная, безпричинная, безрезультатная жестокость. И если я сопоставляю Достоевскаго съ его же созданиемъ, Ѳомой Опискинымъ, то, конечно, очень хорошо понимаю, что первый уменъ и талантливъ, а второй глупъ и бездаренъ. О житейскихъ отношеніяхъ Достоевскаго намъ ничего неизвѣстно, да пожалуй и не надобно знать, ибо мы хотимъ только видѣть, какъ житейская ненужная жестокость Ѳомы Опискина отражается въ *литературной* дѣятельности Достоевскаго.

Начнемъ съ конца, то есть съ публицистики, потому что тутъ дѣло стоитъ проще и яснѣе всего, хотя довольно трудно и едва ли даже возможно говорить о публицистикѣ Достоевскаго, не касаясь его беллетристики.

Г. Катковъ негодуетъ на слабость приговоровъ суда присяжныхъ и требуетъ «строгихъ наказаній, острога и каторги». Достоевскій тоже негодовалъ на слабость приговоровъ суда присяжныхъ и требовалъ строгихъ наказаній, острога и каторги. Но разница вотъ въ чемъ. Негодованіе и требованіе г. Каткова стоятъ на чисто утилитарной почвѣ: онъ ратуетъ за распатанную «дисциплину», требуетъ, чтобы вообще обитатели земли русской, недостаточно «подтянутые», были наконецъ подтянуты въ удовлетворительной степени. Достоевскій стоялъ въ своемъ требованіи внѣ всякихъ утилитарныхъ соображеній. Самый вопросъ: зачѣмъ строгія наказанія, острогъ и каторга?—не существовалъ для него, хотя ему поневолѣ приходилось въ публицистической своей дѣятельности вертѣться около этого вопроса. Однако, и тутъ онъ больше сворачивалъ на другой, собственно говоря, необыкновенно странный вопросъ: кто хочетъ строгихъ наказаній и проч.? кто хочетъ страданія вообще? Понятно, что такая постанова чрезвычайно удобна для человѣка, не умѣющаго, не желающаго мотивировать свое требованіе, принужденнаго почему-нибудь скрывать свои истинные мотивы или наконецъ просто плохо сознающаго ихъ. (Послѣднее случается гораздо чаще, чѣмъ можетъ быть думать читатель: сплошь и рядомъ человѣкъ всю жизнь не отдастъ себѣ отчета въ истинныхъ мотивахъ своей дѣятельности). Чрезвычайно удобно, вмѣсто всякой аргументаціи по самому существу дѣла, сослаться на какой-нибудь могущественный въ данномъ случаѣ авторитетъ: дескать, онъ, авторитетъ, хочетъ. Ну, а авторитету этому можно и собственное хотѣніе подсунуть. Достоевскій перепробовалъ, кажется, всѣ подобныя авторитеты. Мы видѣли, что уже подпольный чловѣкъ говоритъ о желаніи людей страдать, объ томъ, что они «любятъ до страсти» страданіе. Затѣмъ, въ послѣдующихъ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, Достоевскій съ особенною лю-

бовью останавливался на тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда человекъ въ самомъ дѣлѣ ищетъ страданія, пожалуй, именно любить его, во искушеніе когда-то совершеннаго имъ грѣха. Съ этою цѣлью онъ заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ совершать вычурныя, фантастическія преступленія или, по крайней мѣрѣ, питать того же сорта мысли, чтобы потомъ они могли страдать, страдать, страдать. Достоинство вниманія, что человекъ иногда бываетъ готовъ идти на страданіе по совершенно инымъ мотивамъ, но Достоевскій не признавалъ ихъ законными и если вводилъ въ свои произведенія, то непременно въ извѣстномъ тонѣ. Сейчасъ мы увидимъ въ чемъ тутъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, человекъ самъ хочетъ и любить страдать, а это авторитетъ въ данномъ случаѣ достаточно высокій; ужь если самъ хочетъ страдать, такъ не зачѣмъ и разсуждать о причинахъ и цѣляхъ страданія, пусть себѣ страдаетъ. Но Достоевскій не удовольствовался этимъ авторитетомъ, основательно можетъ быть соображая, что не всякій повѣритъ такой любви человека къ страданію. Съ теченіемъ времени онъ прибавилъ авторитетъ самого Бога, а затѣмъ авторитетъ русскаго народа, и около этого послѣднаго столба собственно и вертѣлась вся его политика и публицистика, излагавшаяся отъ его собственного имени въ «Дневникѣ писателя» и отъ имени дѣйствующихъ лицъ романовъ: «Идіотъ», «Бѣсы», «Братья Карамазовы». При ближайшемъ разсмотрѣніи, открылось, видите ли, что не человекъ вообще любитъ и хочетъ страдать, а именно русскій человекъ. Французскій, нѣмецкій, турецкій и всякій другой иностранный человекъ остается по этому пункту даже какъ бы въ сильномъ подозрѣніи. Коренная же черта русскаго человека, особливо сохранившаяся въ народѣ, состоитъ въ неукротимомъ стремленіи къ страданію. Изъ этого центра идутъ въ разныя стороны радіусы въ видѣ весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ теоретическихъ и практическихъ выводовъ. Типическимъ образчикомъ едва ли не всѣхъ ихъ въ совокупности можетъ служить такое разсужденіе. Адвокаты, прокуроры, судьи и подъ влияніемъ ихъ присяжные засѣдатели (а если присяжные принадлежатъ къ такъ называемой интеллигенціи, то и совершенно самостоятельно), въ качествѣ людей, оторвавшихся отъ національной почвы, не понимаютъ потребности русскаго народа въ страданіи; они оправдываютъ преступника-мужика, тогда какъ онъ самъ хотѣлъ бы попасть на каторгу и даже преступленіе-то совершилъ именно чтобы быть затѣмъ, чтобы потомъ пострадать отъ угрызений совѣсти или въ острогѣ, или на каторгѣ.

Странныя, дикія, невозможныя размышленія, но Достоевскій ихъ высказывалъ цѣликомъ. И, конечно, одною жестокостію ихъ объяснить нельзя. Къ жестокости таланта, которою мы теперь заняты и которая, натурально, должна прорываться главнымъ образомъ въ беллетристикѣ, въ настоящемъ случаѣ прибавлялись еще другіе элементы, упомянутые въ замѣткѣ по поводу смерти

Достоевскаго: уваженіе къ существующему общему порядку и склонность къ личной проповѣди, вообще къ постановкѣ всѣхъ вопросовъ на личную почву. Этихъ элементовъ мы теперь касаться не будемъ и отмѣтимъ только слѣдующее обстоятельство.

«Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ», говорить Достоевскій устами «игрока». «Человѣкъ до страсти любитъ страданіе», говорить тотъ же Достоевскій устами подпольнаго человѣка. Мучить или мучиться, или и мучить и мучиться вмѣстѣ—вотъ, значить, не только судьба человѣка, а и глубокое требованіе его природы. Какъ въ экономіи природы существуютъ волки и овцы, такъ въ экономіи взаимныхъ людскихъ отношеній существуютъ и должны существовать мучители и мученики. Спрашивается, какъ же съ мучителями-то быть? какъ къ нимъ относиться? Вы скажете, можетъ быть, что поступать съ ними надо такъ же, какъ съ волками, то есть просто гнать и бить ихъ. Отнюдь нѣтъ. Волки человѣку неудобны и неудобны, оттого онъ ихъ и бьетъ, а тутъ самъ человѣкъ любить быть мучителемъ и самъ же любитъ страдать — двойное оправданіе для существованія мучителей. Поэтому общій порядокъ вещей, создающій мучителей и мучениковъ, представляетъ собою нѣчто священное и неприкосновенное, и Достоевскій на разнообразныя манеры преслѣдовалъ всѣхъ, кто словомъ, дѣломъ или помышленіемъ посягалъ на этотъ неприкосновенный общій порядокъ. Только въ своей рѣчи на пушкинскомъ торжествѣ Достоевскій согласился признать ихъ право на имя русскихъ людей...

Но если общій порядокъ вещей неприкосновененъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, разумѣется, что столь же неприкосновенны отдѣльныя личности мучителей. Нѣтъ, тутъ надо разбирать. Есть формы мучительства грубыя, аляповатыя, какими, напримѣръ, пробавляется Ѳома Опискинъ. Такое мучительство заслуживаетъ всяческаго посмѣянія и всяческой кары. Оно и понятно: мало-мальски тонко развитый художникъ или даже просто человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ художественнымъ чутьемъ, будетъ, конечно, непріятно оттолкнуть подобнымъ безобразіемъ. Но есть и другія формы мучительства, болѣе изящныя, болѣе интересныя, которыми при случаѣ можно даже повокетничать, открыто заявляя, что я, дескать, люблю помучить людей, но посмотрите-ка насколько я, въ самооплеваніи и самоуниженіи своемъ, все-таки выше простыхъ смертныхъ. О! такого интереснаго и красиваго мучителя можно взять подъ свое покровительство; можно назвать его не какимъ-нибудь браннымъ словомъ, котораго онъ вполне заслуживаетъ, а мягкимъ и интереснымъ именемъ «парадоксалиста»; можно вложить ему свои собственныя мысли и, слѣдовательно, какъ бы даже отождествить его съ собой... По крайней мѣрѣ, такъ любезно поступилъ Достоевскій съ подпольнымъ человѣкомъ.

V.

Пора, однако, намъ заглянуть въ другія повѣсти и рассказы, вошедшіе во второй и третій томы сочиненій Достоевскаго. До сихъ поръ мы наглядно убѣдились только въ томъ, что Достоевскій чрезвычайно интересовался различными проявленіями жестокости и необыкновенно тонко понималъ то странное, дикое, но несомнѣнно сильное наслажденіе, которое нѣкоторые люди находятъ въ ненужномъ мучительствѣ. Собственно же образчиковъ жестокости его таланта еще не видали.

Вотъ повѣсть или «петербургская поэма», какъ она почему-то называется—«Двойникъ».

Жилъ былъ титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ. Обыкновеннѣйшій былъ человекъ неопредѣленной масти, и если чѣмъ отличался отъ многихъ другихъ регистраторовъ, секретарей и совѣтниковъ, такъ развѣ только полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было мажорныхъ качествъ и необыкновеннымъ обиліемъ качествъ минорныхъ—трусости, мнительности, уступчивости и т. п. На первыхъ же страницахъ «петербургской поэмы» Голядкинъ, поднимаясь по лѣстницѣ къ доктору за медицинскимъ совѣтомъ, долженъ «переводить духъ и сдерживать біеніе сердца, имѣющаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ». Кромѣ этой запуганности, съ первыхъ же опять-таки страницъ повѣсти, обнаруживается значительный беспорядокъ въ головѣ Голядкина, такъ что даже необыкновенное обиліе минорныхъ качествъ находится, повидимому, въ прямой зависимости отъ этого беспорядка. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что Голядкинъ окончательно свихивается и его увозятъ въ сумасшедшій домъ. Слабость воли полупомѣшаннаго человека прослѣжена съ замѣчательною тщательностью на множествѣ мелочей, которыя даже утомляютъ читателя своею скученностью. И утомленіе это нисколько не смягчается юмористическимъ тономъ, котораго авторъ держится въ рассказѣ о похожденияхъ своего героя. Напротивъ, онъ подъ конецъ прибавляетъ къ утомленію еще нѣкоторое изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ достойнаго насмѣшки, что какой-то несчастный титулярный совѣтникъ сходитъ съ ума? Положимъ, онъ птица не важная, но, по человѣчеству, все-таки скорѣе пожалѣть можно «господина Голядкина», какъ неизмѣнно называетъ его авторъ. А еще лучше, пожалуй, было бы совсѣмъ оставить господина Голядкина въ покоѣ. Простой фотографъ, и тотъ, работая не по заказу, а по собственному выбору, снимая, напримѣръ, виды, выбираетъ мѣстности почему-нибудь характерныя, или очень красивые, или въ другихъ отношеніяхъ замѣчательныя. А тутъ талантливый художникъ беретъ какую-то ни мало не интересную

букашку—Голядкина, сводить его съ ума, да еще при этомъ издѣвается надъ нимъ!

Но читатель, пожалуй, замѣтитъ, что авторъ совсѣмъ не сводитъ съ ума господина Голядкина; господинъ Голядкинъ самъ сходитъ съ ума подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, авторъ же только рассказываетъ, какимъ образомъ этотъ процессъ дошелъ до своего апогея.

Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ и даже совсѣмъ не такъ. Исторія застаётъ господина Голядкина уже въ разстроенномъ видѣ, благодаря которому онъ терпитъ весьма достаточное количество вообразимыхъ оскорбленій и огорченій и дѣйствительныхъ неприятностей. И тѣ, и другія совершенно естественны въ жизни человѣка, страдающаго психическою болѣзнію. Но Достоевскому показалось мало этихъ неприятностей и оскорбленій, вызываемыхъ обыкновеннымъ теченіемъ болѣзни. Онъ устроилъ для «господина Голядкина» слѣдующій совершенно необыкновенный и невѣроятный сюрпризъ. Послѣ одной неприятности, особенно огорчившей Голядкина, онъ, возвращаясь ночью домой, встрѣтилъ своего двойника, который даже вмѣстѣ съ нимъ къ нему на квартиру вошелъ и на его кровати расположился. Все это пока еще очень просто. Но на другой день, проснувшись, успокоившись, Голядкинъ отправился на службу, и тамъ, къ величайшему ужасу своему, встрѣтилъ уже настоящаго, реальнаго своего двойника, въ видѣ новичка-чиновника. Этого только-что поступившаго чиновника звали, какъ и нашего героя, Яковомъ Петровичемъ Голядкинымъ; какъ и герой, онъ былъ титулярный совѣтникъ и по вѣнжности своей, какъ двѣ капли воды, походилъ на героя; вдобавокъ начальство посадило его за однимъ столомъ съ героемъ, какъ разъ противъ него! Отсюда новый обильный источникъ обидъ, огорченій, неприятностей для господина Голядкина, и безъ того несчастнаго, и безъ того Богомъ убитаго. Эти неприятности совсѣмъ не входятъ въ бюджетъ обыкновеннаго умственнаго расстройства. Онѣ введены авторомъ искусственно и, спрашивается, зачѣмъ? Правдѣ вещей онѣ не соотвѣтствуютъ, потому что обуславливаются такимъ страннымъ совпаденіемъ обстоятельствъ, которое хотя и удобно для водевиля съ перодѣваніемъ, но въ дѣйствительной жизни невѣроятно. Художественными требованіями ихъ оправдать нельзя, потому что эти два титулярные совѣтника, двѣ капли воды, два Якова Петровича Голядкина, сидящіе другъ противъ друга—грубая пошлость. Нравственнаго смысла въ страданіяхъ господина Голядкина тоже нѣтъ никакого. Зачѣмъ же понадобился второй господинъ Голядкинъ? Единственно затѣмъ, чтобы построить для Голядкина второй этажъ мученій, вычурныхъ, фантастическихъ, невозможныхъ, и мучительно пощекотать ими нервы читателя. Единственно ради игры фантазіи. Единственно по жестокости таланта Достоевскаго. Какъ подпольный человѣкъ единственно для «игры»

и по ненужной жестокости мучить Лизу; какъ Ома Опискинъ «совершенно безкорыстно, только въ силу потребности видѣть мученія, терзаетъ все село Степанчиково; такъ и Достоевскій безъ всякой нужды надбавилъ господину Голядкину второго Голядина и вибѣсть съ тѣмъ высыпалъ на него цѣлый рогъ изобилія безпричинныхъ и безрезультатныхъ страданій. Въ своемъ родѣ этотъ второй Голядкинъ такое же фантастическое и дикое орудіе пытки для «господина» Голядина перваго, какое французскіе вокабулы составляютъ для стараго Гаврилы и малаго Фалалея. Что будете дѣлать: «человѣкъ деспотъ отъ природы и любить быть мучителемъ!» А съ другой стороны, человѣкъ «до страсти любить страданіе». Отчего же титулярному совѣтнику Голядкину не получить лишнюю, сверхсметную порцію страданій?

Вы скажете, можетъ быть, что это невѣроятное объясненіе, потому что у кого же поднимется рука на такую жалкую козявку, какъ Голядкинъ? Но въ томъ-то и вопросъ, почему выдумываются фантастическія терзанія для козявки, и безъ того истерзанной дѣйствительнымъ теченіемъ жизни. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, не одинъ Голядкинъ подвергается ненужнымъ терзаніямъ. Подвергаются имъ и читатели или, по крайней мѣрѣ, есть расчетъ на эти отраженные терзанія читателей, должествующихъ пережить муки господина Голядина. А читателя, это цѣлый легіонъ. Въ-третьихъ, наконецъ, что-жъ такое, что козявка? Алексѣй Петровичъ («Игрокъ») замѣчаетъ: «удовольствіе всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть, *хоть надъ мугой*, вѣдь это тоже своего рода наслажденіе». Вотъ ради этого-то наслажденія, Достоевскій своимъ Голядкинымъ № 2 и попралять истину, красоту и справедливость, ту знаменитую троицу — *le vrai, le beau et le juste*—съ которою носились тридцатые и сороковые годы—годы, между прочимъ, и Достоевскаго...

Пойдемъ дальше и употребимъ на этотъ разъ приѣмъ сравнительный.

Обидно ли будетъ для памяти Достоевскаго сравненіе съ Шекспиромъ? Я думаю, нѣтъ. Оно было бы обидною насмѣшкою для какой-нибудь бездарности. Но талантъ такого роста, какъ Достоевскій, не допускаетъ возможности подобной насмѣшки. Онъ не Шекспиръ, конечно, и я не думаю мѣнять его съ Шекспиромъ. Я хочу только сравнить нѣкоторые художественные приѣмы того и другого при разработкѣ одной и той же тѣмы.

Вы помните «Отелло». Психологическая драма, образная разработка личной страсти—ревности не можетъ идти дальше. И если искать тайну этой необыкновенной глубины, то придется увидѣть ее именно въ отсутствіи ненужнаго мучительства, несмотря на мучительность тѣмы. Разъ данъ характеръ и положеніе Отелло—все остальное, всѣ мельчайшія подробности его «страданій» вытекаютъ сами собой. На двѣ стороны драмы желалъ бы я обратить особенное ваше вниманіе. Во-первыхъ, фа-

була чрезвычайно проста: подъ вліяніемъ наговоровъ Яго, родится и растетъ ревность, «чудовище съ зелеными глазами, съ насмѣшкой ядовитого надѣя тѣмъ, что пищу ей служить». Дойдя до извѣстнаго предѣла, ревность завершается убійствомъ, а такъ какъ Дездемона оказывается невинною, то измученный, разбитый Отелло, своими руками разбившій свое счастье, не хочетъ жить и закалывается. Вотъ и все. Затѣмъ, Отелло почти глупъ, когда довѣряется Яго; Отелло грубъ, когда ругаетъ и даже бьетъ Дездемону; Отелло, наконецъ, безумный убійца и никто ему не повѣритъ, что онъ все сдѣлалъ «изъ чести» и ничего «изъ злобы». И несмотря на все это, въ нигдѣ на всемъ протяженіи драмы не замѣтите руки автора, желающей унижить, придать героя, доставить ему какую-нибудь скорбь или униженіе сверхъ-естественной въ его положеніи сметы.

Теперь посмотрите, что сдѣлалъ съ этой же тѣмой Достоевскій. На мотивъ «чудовища съ зелеными глазами» у него есть двѣ вещи: одна шуточная и очень плохая — «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», другая серьезно задуманная, въ своемъ родѣ превосходно выполненная и для таланта Достоевскаго въ высшей степени характерная — «Вѣчный мужъ»¹.

Шутка рѣшительно не удавалась Достоевскому. Онъ былъ для нея именно слишкомъ жестокъ, или, если кому это выраженіе не нравится, въ его талантѣ преобладала трагическая нота. Шуточные вещи онъ пробовалъ писать не разъ. Но или шутилъ надъ тѣмъ, что ни въ какомъ смыслѣ шутки не заслуживаетъ («Двойникъ»), или же шутка напоминала — да позволено мнѣ будетъ это сравненіе — кошачью игру: кошка совершенно незамѣтно раздражается процессомъ игры и переходитъ съ него на дѣйствительное, злобное царапанье и кусанье. Разница, однако, въ томъ, что Достоевскому не доставало граціи кошки: онъ силою и рядомъ вводилъ въ свои шутки грубѣйшіе и отнюдь не граціозные эффекты («Дядюшкинъ сонъ», «Крокодилъ» и др.). «Чужая жена и мужъ подъ кроватью» — «происшествіе необыкновенное» — принадлежитъ именно въ разрядъ этихъ грубыхъ и вовсе не граціозныхъ шутокъ.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что пожилой «господинъ въ енотахъ» останавливаетъ на улицѣ вечеромъ молодого «господина въ бекешѣ» распросами о какой-то дамѣ, которая должна быть гдѣ-то по близости; такъ не видалъ ли ее молодой господинъ въ бекешѣ? Изъ дальнѣйшаго объясненія оказывается, что господинъ въ енотахъ ищетъ свою жену, подозрѣваемую имъ въ невѣрности. Но онъ конфузится сказать это откровенно и плететъ какую-то чепуху насчетъ «чужой жены». Онъ чрезвычайно

¹ «Вѣчный мужъ» не вошелъ ни во второй, ни въ третій томы сочиненій Достоевскаго, но, если не ошибаюсь, вышелъ недавно отдѣльно новѣмъ изданіемъ.

взволнованъ и все говорить о своемъ «униженіи». Еще дальше, и оказывается, что молодой человекъ есть какъ разъ любовникъ этой самой «чужой жены», которая, однако, и его надуваетъ, что и обнаруживается. Обнаруживается съ такою ясностью, что для мужа не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Но онъ все еще хочетъ «ловить». Случай представляется на другой же день. И мужъ, и жена были въ оперѣ. Мужъ сидѣлъ въ креслахъ, жена въ ложѣ съ знакомой семьей и какими-то молодыми людьми. Вдругъ «на почтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ любовная раздушенная записочка». Иванъ Андреичъ тотчасъ сообразилъ, что авторъ этой записочки его жена, а такъ какъ въ цидулкѣ было назначено свиданіе тотчасъ послѣ спектакля, то онъ и помчался по указанному адресу прямо изъ театра. Но уже на мѣстѣ, на самой лѣстницѣ Ивана Андреича обогналъ какой-то франтъ и, какъ показалось оскорбленному мужу, вбѣжалъ въ ту самую дверь, которая была обозначена въ записочкѣ. Иванъ Андреичъ за нимъ. «Онъ хотѣлъ-было постоять передъ дверью, благоразумно обдумать свой шагъ, поробѣть немного и потомъ ужъ рѣшиться на что-нибудь очень рѣшительное». Но въ эту минуту загремѣла подѣхавшая къ подъѣзду карета, на лѣстницѣ слышались чьи-то тяжелые шаги, Иванъ Андреичъ инстинктивно ворвался въ дверь, пробѣжалъ двѣ темныя комнаты и очутился въ спальнѣ молодой, прекрасной дамы, совершенно ему незнакомой. А тяжелые шаги, подвѣвшисъ по лѣстницѣ, все раздавались слѣдомъ за Иваномъ Андреичемъ. «Боже! это мой мужъ! воскликнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ блѣде своего пеньюара», Испуганный Иванъ Андреичъ полѣзъ подъ кровать. Но тамъ его ждало новое приключеніе—тамъ ужъ сидѣлъ какой-то человекъ, разумѣется, встрѣтившій его недружелюбно. И вотъ, между прекрасной незнакомкой и ея только что прибывшимъ мужемъ начинается семейная бесѣда, а подъ кроватью идетъ усиленная возня, напряженный шопотъ, взаимныя пререканія. Оказывается, что Иванъ Андреичъ и его подкроватный сосѣдъ оба ошиблись дверью, что имъ обоимъ надлежало быть этажемъ выше, вслѣдствіе чего Иванъ Андреичъ догадывается, что подкроватный сосѣдъ есть любовникъ его жены: новыя мученія, новыя толки объ «униженіи», новыя вздохи—«за что я такъ наказанъ?» Долго бы еще возились подъ кроватью мужъ и любовникъ, но у прекрасной незнакомки, кромѣ дряхлаго мужа, была еще задорная собаченка Амишка. Заслышавъ возню подъ кроватью, Амишка бросилась туда съ лаемъ, Иванъ Андреичъ, изъ самосохраненія задушилъ ее, прекрасная незнакомка упала въ обморокъ, подкроватный сосѣдъ воспользовался минутой смятенія и убѣжалъ, а Иванъ Андреичъ, бывъ вытасченъ изъ-подъ кровати, очутился одинъ передъ разгнѣванной незнакомкой и

ея не менѣе разгнѣваннымъ мужемъ. Цѣною разныхъ унижительныхъ объясненій, просьбъ, обѣщаній, Ивану Андреичу удалось все-какъ успокоить гнѣвныхъ хозяевъ и получить свободу. Онъ бѣжитъ домой, а тамъ жена, давно пріѣхавшая изъ театра, встрѣчаетъ его градомъ упрековъ за отсутствіе и подозрительность. Смущенный Иванъ Андреичъ полѣзъ-было въ карманъ за платкомъ, «затѣмъ, что не доставало ни словъ, ни мысли, ни духа». И вдругъ вытаскиваетъ, вмѣсто платка, трупъ Амишки, который, въ порывѣ отчаянія, затолкалъ къ себѣ въ чужой квартирѣ въ карманъ! Супруга накидывается на него по этому поводу съ новыми допросами и упреками...

Я нарочно рассказалъ подробно эту пустяковину, чтобы читатель могъ лучше оцѣнить всю ненужность этого обилія злоключеній Ивана Андреича. Въ два дня столько событій, столкновеній, встрѣчъ, и все унижительныхъ и мучительныхъ! Но Достоевскому все еще было мало. Онъ заканчиваетъ рассказъ слѣдующими словами: «Здѣсь мы оставимъ нашего героя до другого раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность—страсть непростительная, мало того: даже несчастіе!»

Неужели для этого вывода стоило такъ бить глупаго Ивана Андреича, такъ таскать его за волосы и плевать на него? Неужели это не бой быковъ, предпринятый единственно изъ ненужной жестокости? Допустимъ, что Иванъ Андреичъ былъ очень смѣшной, но тѣмъ неумѣстнѣе весь этотъ арсеналъ направленныхъ противъ него бѣдъ, весь этотъ персоналъ раздражающихъ, волющихъ и убивающихъ его бандильеросовъ, пикадоровъ и матадоровъ. (Надо еще замѣтить, что мучительные для Ивана Андреича разговоры на улицѣ и подъ кроватью необязательно растянуты). Вспомните опять-таки «Отелло» съ немногосложностью его фактическаго содержанія и строгою умѣренностью количества унижающихъ и оскорбляющихъ героя обстоятельствъ...

Но что же и сравнивать простую шутку, положимъ, и грубую, и неудачную, со звѣздою первой величины?

Повторяю, что я вовсе не думаю мѣрять Достоевскаго съ Шекспиромъ, а хочу отмѣтить приемы ненужной жестокости Достоевскаго. Весьма любопытно, что эти приемы господствуютъ и въ шуткѣ, которая была бы очень похожа на самый заурядный водевилъ бездарнѣйшаго поставщика этого рода произведеній, еслибы не эта растянутасть мученій героя и не эта заключительная перспектива дальнѣйшихъ терзаній Ивана Андреича. Водевилъ благодушень и кончается всегда всеобщимъ успокоеніемъ...

Обратимся къ «Вѣчному мужу».

Павель Павловичъ Трусоцкій, разбирая, послѣ смерти горячо любимой жены, ея переписку, отгрызаетъ, что она много дѣтъ

надувала его, развратничая съ разными любовниками, и что единственная его дочь Лиза, не его дочь. Жена Труссоцкаго была, по отзыву одного изъ ея любовниковъ, «типъ страстный, жестокой и чувственный». «Она любила мучить любовника», но съ мужемъ обращалась внѣшнимъ образомъ хорошо, заботилась объ немъ, только подъ башмакомъ держала. Послѣ ея смерти, Труссоцкій, обогащенный свѣденіями насчетъ своего рогатаго положенія, поѣхалъ въ Петербургъ, забравъ съ собою Лизу. Поѣхалъ онъ хлопотать о перемѣщеніи въ другую губернію, но самъ свое дѣло затягивалъ, потому что интимною цѣлью его поѣздки въ Петербургъ было, по всѣмъ видимостямъ, посмотрѣть на двухъ проживающихъ тамъ любовниковъ жены—Багаутова и Вельчанинова. На нихъ посмотрѣть и себя имъ показать, ихъ помучить и самому, глядя на нихъ, помучиться. Надо замѣтить, что съ обоими ими Труссоцкій находился въ наилучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, а къ Вельчанинову питалъ даже не совсѣмъ обыкновенную любовь и уваженіе. Другой на его мѣстѣ, правда, очень трудномъ и скверномъ, подрался бы съ своими оскорбителями, выругался, вызвалъ на дуэль, отомстилъ какъ-нибудь, или же, посмотрѣвъ на дѣло болѣе философскимъ взглядомъ, могъ бы оставить свои мученія при себѣ, постараться всю эту исторію забыть и даже, можетъ быть, никогда съ тѣми господами не видаться; вообще такъ или иначе, кровавымъ (какъ Отелло) или безкровнымъ путемъ, но поскорѣе кончить. Но созданія Достоевскаго такъ просто не поступаютъ, имъ конецъ-то, результатъ-то именно и не нуженъ, имъ нуженъ процессъ. Они должны придумать что-нибудь болѣе утонченное, жестокое, вичурное, чѣмъ простая месть. А какой процессъ имъ нуженъ, это явствуетъ изъ двухъ основныхъ свойствъ человѣческой природы: 1) человѣкъ деспотъ отъ природы и любить быть мучителемъ, 2) человѣкъ до страсти любить страданіе. И вотъ на этихъ двухъ клавишахъ Труссоцкій и разыгрываетъ свою пьесу: оскорбителей своихъ мучить и самъ мучится. Впрочемъ, онъ ничего въ этомъ смыслѣ не *придумываетъ*, онъ просто слѣдуетъ инстинктивнымъ требованіямъ своей (или вообще человѣческой?) души. Съ Багаутовымъ онъ поступаетъ такъ. Въ теченіи трехъ недѣль онъ каждый день заходитъ къ нему, но его тамъ не принимаютъ, потому что Багаутовъ боленъ. Наконецъ, приняли, но приняли уже къ покойному—Багаутовъ умеръ. Труссоцкій страшно озлобленъ. И когда другой любовникъ его жены, Вельчаниновъ, спрашиваетъ его, что съ нимъ случилось, завязывается такой разговоръ:

— Да вотъ-съ, все нашъ Степанъ Михайловичъ чудесить... Багаутовъ, извѣннѣйшій петербургскій молодой человѣкъ-съ, высшаго общества-съ.

— Не приняли васъ опять, что ли?

— Н-вѣтъ, именно въ этотъ-то разъ и приняли, въ первый разъ допустили-съ и черты созерцалъ... только у покойника!..

— Что-о-о! Багаутовъ умеръ? ужасно удивился Вельчаниновъ, хотя, казалось, и нечему было ему-то такъ удивляться.

— Онъ-съ! Неизмѣнный и шестилѣтній другъ. Еще вчера чуть не въ поленъ померъ, а я и не зналъ! Я, можетъ, въ самую-то эту минуту и заходилъ тогда навѣдаться о здоровьѣ. Завтра выносъ и погребеніе, ужъ въ гробѣхъ лежить-съ. Гробъ обить бархатомъ цвѣту масака, позументъ золотой... отъ нервной горячки померъ-съ... Допустили, допустили, созерцалъ чертн! Объявилъ при входѣ, что истиннымъ другомъ считался, потому и допустили. Что-жъ онъ со мной изволилъ теперь сотворить, истинный-то и шестилѣтній другъ—я васъ спрашиваю? *Я можетъ единственно для него одного и въ Петербургъ погаль!*

— Да за что же вы на него-то сердитесь? засмѣялся Вельчаниновъ:—вѣдь онъ не нарочно же умер!

— Да вѣдь и я сожалѣя говорю; другъ-то драгоценный: вѣдь онъ вотъ что для меня значилъ-съ.

И Павелъ Павловичъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, сдѣлалъ двумя пальцами рога надъ своимъ лысымъ лбомъ и тихо, продолжительно захихикалъ. Онъ просидѣлъ такъ, съ рогами и хихикая, цѣлыя полминуты, съ какимъ-то упоеніемъ самой ехидной наглости, смотря въ глаза Вельчанинову. Тотъ остолбѣнѣлъ, какъ бы при видѣ какого-то призрака. Но столбнякъ его продолжался лишь одно только самое маленькое мгновеніе; насмѣшливая и до наглости спокойная улыбка неторопливо появилась на его губахъ.

— Это чтò же такое означало? спросилъ онъ небрежно, растягивая слова.

— Это означало рога-съ, отрѣзалъ Павелъ Павловичъ, отнимая, наконецъ, свои пальцы отъ лба.

— То есть... ваши рога?

— Мои собственные, благопріобрѣтенные! ужасно скверно скривился опять Павелъ Павловичъ.

.....
(Трусюцкій предлагаетъ выпить шампанскаго).

— На радость веселой встрѣчи-съ, послѣ девятилѣтней разлуки—нужно и неудачно подхихикивалъ Павелъ Павловичъ. Теперь вы, и одинъ уже только вы у меня остались истиннымъ другомъ-съ! Нѣтъ Степана Михайлыча Багаутова...

— Вы мнѣ вотъ что скажите, если вы такъ прямо обвиняете Степана Михайлыча, то вѣдь вамъ же, кажется, радость, что обидчикъ вашъ умеръ; чего-жъ вы злитесь?

— Какая же радость-съ? Почему же радость?

— Я по вашимъ чувствамъ сужу.

— Хе, хе, на этотъ счетъ, вы въ моихъ чувствахъ ошибаетесь-съ, по изреченію одного мудреца, *«хорошъ врагъ мертвый, но еще лучше живой»*, хи-хи.

.....
— Слишкомъ понимаю для чего вамъ нуженъ былъ живой Багаутовъ и готовъ уважить вашу досаду, но...

— А для чего нуженъ былъ мнѣ Багаутовъ, по вашему мнѣнію?

— Это ваше дѣло.

— Бьюсь объ закладъ, что вы дуэль подразумѣвали-съ...

— На какой же чортъ послѣ этого надо было вамъ живого Багаутова?

— Да хоть бы *только поладить на дружка-съ*... Вотъ бы взяли съ нимъ бутылочку да и выпили вмѣстѣ.

Въ концѣ-концовъ, для вящаго мучительнаго самоуслажде-

нїя, Трусоцкій ѣдет на похороны Багаутова, и провожаетъ его группъ до могилы. Какъ видите, человѣкъ до страсти любить страданіе. Но замѣтите, сколько шипящей злобы въ добровольческомъ страданіи Трусоцкаго; сколько тутъ искренняго озлобленія на Багаутова, своею смертью поставившаго точку къ мучительному процессу мучительства! Дѣло въ томъ, что человѣкъ не только любитъ страданіе, а любитъ и другихъ заставлять страдать, любитъ быть мучителемъ. Поэтому, за оставшихся жить Лизу и Вельчанинова, Трусоцкій принимается съ удвоенною энергіей. Лизу онъ мучитъ сравнительно просто—«щиплетъ». Но и для нея имѣется гастрономія потоньше: Трусоцкій грозитъ при ней повѣситься и объясняетъ, что повѣсится «отъ нея»; ругаетъ ее позорнымъ именемъ; приводитъ къ себѣ на ночь, при ней, публичную женщину.

Что касается Вельчанинова, то о характерѣ отношеній къ нему Трусоцкаго можете отчасти судить по вышешприведенному разговору о Багаутовѣ. Павелъ Павловичъ все время терзаетъ Вельчанинова разными намеками и прямымъ разговоромъ объ томъ, какъ онъ узналъ о своемъ рогатомъ положеніи; то щекочетъ его ревность воспоминаніями о другихъ любовникахъ жены, то будить его совѣсть соображеніями объ ихъ старинной дружбѣ, то держитъ въ напряженномъ состояніи, намекая, что ему извѣстны отношенія Вельчанинова къ женѣ, то отпускаетъ эти возжи, притворяясь ничего не знающимъ. Вельчаниновъ, человѣкъ жолчный и раздражительный, поддается на всѣ эти удочки и волнуется, смущается, злится. Съ особенною же стремительною лѣзетъ онъ на слѣдующую удочку. Трусоцкій, ничего не говоря прямо и даже прикидываясь ничего не знающимъ, намекаетъ, что Лиза дочь Вельчанинова. Тотъ, въ страшномъ волненіи, хватается за эту мысль, беретъ на себя заботы о Лизѣ, но когда потомъ бѣдная дѣвочка умерла, Павелъ Павловичъ прямо, и уже безъ всякихъ подвоховъ объясняетъ, что отецъ Лизы совсѣмъ не онъ, Вельчаниновъ, а хорошо имъ обоемъ извѣстный «артиллеріи прапорщикъ»...

Въ извѣстномъ лагерѣ, охотно причисляющемъ Достоевскаго къ «своимъ», часто раздаются сѣтованія на такъ называемую отрицательную литературу, что она, дескать, рисуетъ все только мрачныя картины и тѣмъ обнаруживаетъ свое неуваженіе къ родинѣ, въ которой вѣдь и свѣтло-розоваго, и небесно-голубого очень много. Не будемъ останавливаться на этой пѣснѣ, которая еще со временъ Гоголя поется глупцами и лицемерами. Но спрашивается, что же сказать о писателѣ, берущемъ чисто индивидуальнаго человѣка, безъ вниманія къ какимъ бы то ни было общественнымъ изьянамъ, и въ немъ, въ душѣ человѣческой вообще водружающемъ такіа два знамени, какъ 1) человѣкъ любитъ быть мучителемъ, 2) человѣкъ до страсти любить страданіе? Не подкожь ли это подъ все, что только есть на свѣтѣ

свѣтло-розоваго и небесно-голубого? Не подкопъ ли это подъ всѣ лучшія воспоминанія и подъ всѣ надежды на лучшее будущее? Пусть объ этомъ хорошенько подумаютъ лицеѣры и глупцы, а мы пока посмотримъ на исторію Трусоцкаго, какъ на частный случай, по тѣмъ или другимъ причинамъ заинтересовавшій художника.

Если отрѣшиться отъ мысли объ общихъ законахъ человѣческой природы, съ двухъ противоположныхъ сторонъ требующихъ для человѣка мученій; если посмотрѣть на поведеніе Трусоцкаго, напротивъ, какъ на исключительный случай, даже какъ на уродство, то нельзя не признать «Вѣчнаго мужа» произведеніемъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Неистовая, но сама себя питающая злоба, не вырывающаяся наружу ни громкимъ крикомъ, ни рѣшительнымъ дѣйствіемъ, а только шипящая, ползающая, подкрадывающаяся, разработана превосходно. Это безспорно одна изъ лучшихъ вещей Достоевскаго. Однако, только до того момента, до котораго мы довели свой пересказъ. Казалось бы, и Достоевскому можно было кончить на этомъ моментѣ, то есть на смерти Лизы и «артиллеріи прапорщикѣ». Типъ Трусоцкаго ясенъ, въ утонченности злобной мести идти дальше некуда. Еслибы мы имѣли дѣло съ человѣкомъ въ родѣ Огелло, то есть съ человѣкомъ, желающимъ такъ или иначе свалить бремя съ своей души и чѣмъ-нибудь кончить, то этотъ искомый имъ конецъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ драмы. Трусоцкому никакого конца не нужно, онъ хотѣлъ бы цѣлую вѣчность поджаривать на медленномъ огнѣ и Багаутова, и Лизу, и Вельчанинова. Но вѣдь если идти въ этомъ направленіи за Трусоцкимъ, такъ и повѣсти не пришлось бы никогда кончить. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безъ конца тянуть визиты Трусоцкаго къ Вельчанинову и эти поджаривающіе, ядовитые разговоры. Смерть Лизы, въ связи съ «артиллеріи прапорщикомъ», просто даже въ техническомъ отношеніи выводитъ автора изъ затрудненія.

Но, какъ и всегда, Достоевскому мало тѣхъ мучительныхъ сценъ, которыя опредѣляются естественнымъ ходомъ вещей и условіями техники искусства. А кромѣ того, для него слишкомъ еще просты чувства Павла Павловича Трусоцкаго. До сихъ поръ мы видѣли только, что когда-то Вельчаниновъ былъ предметомъ любви и уваженія для Трусоцкаго. Когда-то вѣдь и Багаутовъ былъ его пріятелемъ, а теперь онъ только потому жалѣеть о смерти бывшаго пріятеля, что эта смерть вырвала у него изъ рукъ жертву его своеобразной мести. Можно бы было думать, что таковы же его отношенія и къ Вельчанинову. Рассказывая Вельчанинову о смерти Багаутова, Трусоцкій съ страстнымъ порывомъ говоритъ, что вѣдь теперь только онъ, Вельчаниновъ, остался для него одинъ на свѣтѣ. Потому, въ другомъ подобномъ же разсказѣ, онъ, въ еще болѣе страстномъ порывѣ, цѣлуетъ руки у Вельчанинова. Все это, конечно, варіаціи на ту же

тѣму самопитающейся злобы, которая даже любить предметъ своей ненависти, какъ точку исхода неустанно текущей мести. Это противоестественное сочетаніе, этотъ, если позволено будетъ такъ выразиться, гермафродитизмъ чувства, Достоевскій пожелалъ довести до высшей возможной точки напряженія.

Павель Павловичъ задумалъ опять жениться. Случилось это очень скоро послѣ смерти Лизы и всего три мѣсяца послѣ смерти его жены—Достоевскій вообще всегда очень торопилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ и любилъ толкотню событій, загоняя ихъ въ невѣроятномъ количествѣ въ самые короткіе сроки. Задумалъ Павель Павловичъ жениться на пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, еще посѣщающей гимназію. Свадьба, впрочемъ, предполагалась черезъ девять мѣсяцевъ, чтобы вышелъ годовою срокъ траура, да и невѣста чтобы подросла. Въ одинъ прекрасный день Трусоцкій неожиданно сообщаетъ объ этомъ своемъ рѣшеніи Вельчанинову и, кромѣ того, проситъ его ѣхать немедленно, сейчасъ же вмѣстѣ съ нимъ въ семейство невѣсты. Вельчаниновъ, разумѣется, пораженъ этой просьбой, отказывается съ отвращеніемъ, но Трусоцкій настаиваетъ, умоляетъ, съ величайшимъ жаромъ объясняется въ любви, и Вельчаниновъ, наконецъ, уступаетъ. Не будемъ слѣдить за тѣмъ, что произошло у Захлебинныхъ (фамилія невѣсты). Скажемъ кратко, что невѣста терпѣть не могла Павла Павловича и что Вельчаниновъ совершенно нечаянно поспособствовалъ окончательному разрушенію мечты «вѣчнаго мужа» о новомъ семейномъ очагѣ. Возникаетъ вопросъ: зачѣмъ Трусоцкій возилъ съ собой Вельчанинова къ невѣстѣ? Самъ Павель Павловичъ сначала объясняетъ, что возилъ просто какъ друга, но потомъ отгрызаетъ, что хотѣлъ «испытать» невѣсту нѣкоторыми блестящими качествами Вельчанинова. Вельчаниновъ же приходитъ въ концѣ-концовъ къ тому заключенію, что Трусоцкій возилъ его ради хвастовства и вызова: дескать, ты былъ любовникомъ моей жены, такъ вотъ же тебѣ, смотри, я опять буду счастливъ и ничего ты тутъ ужъ не испортишь! Вельчаниновъ, однако, испортилъ, хотя и совсѣмъ нечаянно. Понятно, что злобныя чувства къ нему Павла Павловича должны усилиться. Къ удивленію, однако, Павель Павловичъ въ ту же ночь, когда они вернулись отъ Захлебинныхъ, обнаруживаетъ необыкновенную нѣжность къ Вельчанинову. Тотъ заболѣлъ, и Павель Павловичъ ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ братомъ, такъ что даже растрогалъ Вельчанинова. Но, успокоивъ боль Вельчанинова разными припарками, за которыми бѣгалъ самъ на кухню, Павель Павловичъ въ ту же самую ночь бросился на спящаго Вельчанинова съ бритвой... Вельчаниновъ спасся только слушаемъ — во-время проснулся.

Вельчаниновъ на другой день размышляетъ: «Неужели, неужели правда была все то, что этотъ... сумасшедшій натолковалъ мнѣ вчера о своей любви ко мнѣ, когда задрожалъ у него под-

бородокъ и онъ стучалъ въ грудь кулаками? Совершенная правда!.. Онъ слишкомъ достаточно былъ глупъ и благороденъ для того, чтобъ влюбиться въ любовника своей жены, въ которой онъ въ двадцать лѣтъ *ничего* не примѣтилъ! Онъ уважалъ меня девять лѣтъ, чтить память мою и мои «изрѣченія» запомнилъ— Господи, а я-то не вѣдалъ ни о чемъ! Не могъ онъ лгать вчера! Не любилъ ли онъ меня вчера, когда изъяснялся въ любви и сказалъ: «покутаемтесь»? Да, *со злобы* любилъ, эта любовь самая сильная»...

Въ заключеніе Павелъ Павловичъ доставилъ Вельчанинову письмо, изъ котораго явствовало, что Лиза дѣйствительно его, Вельчанинова, дочь, а вовсе не артиллеріи прапорщика...

Кажется, теперь-то ужъ конецъ, самый окончательный конецъ? Отнюдь нѣтъ. Черезъ два года Вельчаниновъ сталкивается на желѣзной дорогѣ съ Павломъ Павловичемъ, который опять женатъ, ужасно боится, чтобы Вельчаниновъ къ нему не зашелъ въ гости и не испортилъ его семейнаго счастья, а между тѣмъ, состоятъ подъ башмакомъ у жены и не замѣчаетъ, что уланскій офицерикъ, съ которымъ они разѣзжаются втроемъ, есть любовникъ его жены...

Окончательные выводы до слѣдующаго раза.

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Соч. Михаила Зеленскаго. Томъ II. *Основы для развитія ума*. Спб. 1882.

Практика долго еще процвѣтаетъ послѣ смерти теоріи, ее породившей. Современные юристы и педагоги до сихъ поръ еще требуютъ «обуздыванія» человѣческой личности, смѣло выставляя обветшалую теорію «свободной воли», какъ научную аксіому. Несмотря на возникновеніе совершенно иныхъ методовъ изученія психическихъ явленій, несмотря на громадныя успѣхи физиологіи и медицины за послѣднее полустолѣтіе, они не перестаютъ держаться старыхъ метафизическихъ взглядовъ на природу душевной дѣятельности человѣчества и не желаютъ отказаться отъ тѣхъ мѣръ воздѣйствія на человѣческую личность, которыя съ упорною жестокостію примѣнялись нашими предками съ цѣлью исправленія узниковъ и школяровъ.

Едва ли кто-нибудь изъ современныхъ педагоговъ станетъ доказывать, что лучшимъ средствомъ для исправленія больного, одержимаго меланхоліею или страдающаго судорогами—является наказаніе; но весьма возможно, что они станутъ упорно защищать репрессивныя мѣры въ томъ случаѣ, если школьникъ покажется имъ недостаточно внимательнымъ или усерднымъ.

Необходимость отказаться разъ навсегда отъ мысли построить законы человѣческой психологіи на апріорныхъ данныхъ, вполнѣ уже сознана врачами, имѣвшими дѣло съ душевными отправлениями человѣческаго организма. Время пустыхъ схоластическихъ словопрений и метафизическихъ бредней, кажется, уже прошло: кто рѣшается нынѣ толковать о человѣческой душѣ и предлагать мѣры для воздѣйствія на нее, долженъ представить ясныя доказательства того, что онъ научнымъ путемъ пришелъ къ своему выводу. Если же господа «авторитеты» въ области педагогіи станутъ, по выраженію Маудсли, «взывать къ собственному уму, какъ къ оракулу», то всякій здравомыслящій человѣкъ откажется признать проріцанія оракула за научныя аксіомы.

Въ настоящее время предъ нами второй томъ сочиненія г. Зеленскаго: «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства» (*Основы для развитія ума*); первый томъ вышелъ

еще въ 1876 году (см. сентябрьскую книжку «Отеч. Записокъ» за тотъ годъ), третій—развитіе чувства и нравственности (этика), хотя уже написанъ авторомъ, но въ печати не появлялся. Авторъ сказаннаго сочиненія, развивая во 2-мъ томѣ свою теорію «целюлярной психологіи», пытается дать твердую научную почву для сознательной педагогической практики. Точка зрѣнія автора, какъ увидитъ ниже читатель, вполне научная.

Исходя изъ убѣжденія, что педагогика тогда «только выйдетъ изъ своего неопредѣленнаго эмпирически-индивидуальнаго періода, когда психологія, путемъ правильной критики, анализа и экспериментальнаго метода, приобрететъ видовыя индукціи, какъ законы воспитанія» — авторъ устанавливаетъ понятіе объ умѣ, какъ о реальномъ эволюціонномъ процессѣ, и, при помощи новой, реальной психической теоріи, пытается дать руководящую нить для ухода за воспитаніемъ мышленія. «Огромная пропасть, говоритъ онъ:—почти до настоящаго времени раздѣляетъ психологовъ отъ педагоговъ. Стоя на противоположныхъ окраинахъ, они хотѣли бы подать другъ другу руку, но покаместъ еще никто не перекинулъ нужнаго моста для возможности непосредственнаго сообщенія, при которомъ психологія могла бы служить твердой опорой педагогикѣ; покаместъ первая ограничивается только передачей апріористическихъ и эмпирическихъ совѣтовъ, которые, за отсутствіемъ реальной связи между двумя науками, мало приносятъ пользы дѣлу воспитанія» (стр. 476).

Мы не имѣемъ въ виду обсуждать достоинства самой гипотезы, представляемой авторомъ, насъ интересуетъ больше практической вопросъ: насколько современная педагогическая практика можетъ считаться, съ научной точки зрѣнія, удовлетворяющею требованіямъ физиологіи и психологіи. При этомъ невольно рождается вопросъ: что даетъ педагогу право воздѣйствовать на человѣческую личность, если онъ не понимаетъ психическихъ явленій и не имѣетъ даже представленія о строгой взаимной зависимости мозговыхъ функций, съ одной стороны, и остальныхъ отпавленій человѣческаго организма—съ другой? Если педагоги признаютъ, вмѣстѣ съ г. Зеленскимъ, «что главная ихъ задача должна состоять *въ согласованіи своихъ воспитательныхъ приемовъ съ самой природой человеческого интеллекта и съ законами его развитія*», то какимъ образомъ они оправдуютъ тѣ репрессивныя мѣры, которыя зачастую примѣняются ими въ видахъ образованія человѣческаго ума и характера? Чѣмъ могутъ извинить свое крайнее невниманіе къ здоровью подросткающаго поколѣнія; чѣмъ объяснять тотъ фактъ, что до послѣдняго времени они и не думали объ организаціи сколько-нибудь удовлетворительной санитарной статистики въ школахъ? Пусть намъ скажутъ—вслѣдствіе какихъ мотивовъ, при обсужденіи вопроса о малой успѣшности $\frac{1}{3}$ учениковъ 10—14 лѣтъ въ педагогическихъ совѣтахъ, гимназической врачъ не имѣетъ права голоса?

Послѣ всего этого, не имѣемъ ли мы права утверждать, что

педагога «не согласуютъ своихъ воспитательныхъ приѣмовъ ни съ природою человѣческаго интеллекта, ни съ законами его развитія», и, пренебрегая указаніями врачей, доказываютъ только, что стоятъ на метафизической почвѣ?

Понятно, что при такихъ взглядахъ на человѣческую природу, педагогъ вовсе не интересуется вопросомъ—съ какими физическими и умственными средствами ученикъ поступаетъ въ школу. Г. Зеленскій, напримѣръ, удивляется, что наши педагоги, приступая къ ученію и воспитанію ребенка, довольствуются лишь тѣмъ, что проэкзаменуютъ его. Ихъ не интересуетъ вопросъ, «какъ добытъ констатированныя экзаменаторомъ познанія воспитанникъ, сколько времени и труда ему стоило это приобретение, долго ли оно будетъ въ немъ жить, или заученное съ трудомъ только къ экзамену скоро забудется?» До этого педагогамъ нѣтъ дѣла; а между тѣмъ, дитя, неправильно поставленное, часто не можетъ дѣлать успѣховъ и все время страдает, пока, «наконецъ, его за негодностью не исключатъ изъ заведенія. Спрашивается: кто виноватъ въ этихъ случаяхъ напрасныхъ трудовъ и страданій несчастнаго ученика, его деморализаціи, вызываемой презрѣніемъ и наказаніемъ за неуспѣшность его ученія; кто причиною испорченной нерѣдко въ самомомъ началѣ карьеры? Разумѣется не ученикъ...» (стр. 539).

Съ своей стороны, и родители, «зная способъ оцѣнки дѣтей учителями при приѣмѣ ихъ въ заведеніе, всѣми силами стараются, что называется, «товаръ лицомъ показать».

Чтобы избѣжать подобнаго рода ошибокъ, авторъ предлагаетъ гг. педагогамъ, для составленія себѣ яснаго понятія объ умственномъ состояніи и способностяхъ ученика, производить слѣдующаго рода анализъ: во-первыхъ, педагогу предстоитъ тщательно изслѣдовать, не было ли въ семействѣ, къ которому ребенокъ принадлежитъ, идиотовъ, сумасшедшихъ и т. п.; во-вторыхъ, узнать, когда ребенокъ началъ ходить, говорить ясно и отчетливо, когда онъ научился читать, писать, какъ шло его ученіе въ началѣ и во всѣхъ періодахъ его дальнѣйшаго развитія, какова была его механическая память вообще и разумная въ особенности; въ-третьихъ, не было ли временныхъ приостановокъ въ его умственномъ развитіи, въ силу которыхъ ученіе давалось ему труднѣе, нежели прежде. Каковъ сонъ ребенка прежде и какъ спитъ онъ въ настоящее время, сколько часовъ, безпокоенъ ли сонъ, сопровождается ли онъ бредомъ, не прерывается ли, нормаленъ ли относительно времени? Такія свѣдѣнія, прибавляетъ авторъ, должны въ свое время готовить благоразумные родители, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—съ помощью врача (стр. 540).

Но подобнаго рода «педагогическій діагнозъ» потребуетъ слишкомъ много времени, возразятъ г. Зеленскому; онъ предвидитъ это возраженіе и отвѣчаетъ на него такъ: «Леченіе больного дѣло болѣе спѣшное, нежели воспитаніе, однако, каждый добро-

совѣстный врачъ находитъ время для своего изслѣдованія и для постановки вѣрнаго діагноза; надѣюсь, что и педагоги найдутъ его, *когда воспитаніе перейдетъ изъ рутиннаго, фабричнаго производства на путь научнаго труда*, стремящагося къ достиженію не количества, а качества продуктовъ, не объема, а чистоты его результатовъ» (стр. 541).

Не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, производить предлагаемый г. Зеленскимъ діагнозъ, какъ бы онъ ни казался труднымъ, тѣмъ имѣть несчастіе считать послѣ умершихъ, больныхъ и калѣкъ, или еще того хуже—собрать *post mortem* свѣдѣнія о причинахъ самоубійства дѣтей, иногда едва достигшихъ 13—14-ти-лѣтняго возраста? Такого рода посмертныя изслѣдованія, какъ говорятъ намъ обыкновенно, констатируютъ фактъ, что причины, *въ большинствѣ случаевъ*, лежатъ въ *давнишемъ органическомъ разстройствѣ здоровья*, выражавшемся или постоянною меланхоліею и нелюдимостью, или нервною возбужденностью и крайне чувствительною впечатлительностію». Но нельзя же все сваливать на *давнишее* разстройство.

Въ виду этого, педагоги нравственно обязаны передъ обществомъ организовать въ школахъ, научнымъ образомъ, санитарную статистику, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія, производимыя иногда врачами въ нашихъ казенныхъ заведеніяхъ, обнаруживаютъ довольно *посредственный*—или даже низкій—уровень здоровья учениковъ. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстны изслѣдованія врача г. Виреніуса, произведенныя имъ въ здѣшней Введенской гимназіи; изслѣдованія эти констатировали у «большинства дѣтей неудовлетворительное питаніе тѣла»; оказывается, что въ 58 случаяхъ изъ 100 желѣзы увеличены, зубы только у 28% нормальны; «господствующія болѣзни: *малокровіе* и *золотуха*». Г. Виреніусъ опредѣляетъ число воспитанниковъ крѣпкаго тѣлосложенія всего въ 24%, слабого въ 26 и *средняго* въ 50. Намъ кажется, что этотъ вопросъ настолько серьезенъ, что оставлять его безъ вниманія—значило бы завѣдомо идти наперекоръ требованіямъ науки и жизни. Чего мы можемъ ожидать отъ слабого и малокровнаго организма, при недостаточномъ или неправильномъ питаніи мозга, когда на него взваливаютъ непосильную работу — гг. педагоги сами могутъ наблюдать каждый день въ нашихъ заведеніяхъ. Г. Зеленскій особенно настаиваетъ на томъ, чтобы гг. педагоги сообразовали свои требованія съ возрастомъ воспитанника. «Къ несчастію, говоритъ онъ:—съ самыми большими требованіями школы отъ дѣтей умственныхъ занятій совпадаетъ время ихъ большей слабости, вызываемой израсходованіемъ питательныхъ соковъ на ростъ организма» (стр. 547).

Не въ этомъ ли обстоятельствѣ, спрашиваемъ мы, лежитъ причина того, что у насъ, въ низшихъ классахъ, цѣлая треть учениковъ получаетъ на экзаменахъ неудовлетворительныя отмѣтки и остается на второй годъ въ томъ же классѣ, причѣмъ

неуспѣшность учениковъ III—IV класса гимназіи особенно бросается въ глаза (изъ четвертаго класса нашихъ гимназій, въ теченіи учебнаго года, обыкновенно уходитъ свыше 20% наличнаго числа учениковъ). Стоитъ только подумать, что при недостаточномъ питаніи умъ такихъ «малоуспѣшныхъ» (хотя и старательныхъ) учениковъ, трудящихся черезъ силу, «представляетъ собою г. Зеленскаго, сосудъ безъ дна, куда они безпрестанно вливаютъ съ трудомъ приобретенные знаніе и въ которомъ почти ничего не остается».

«Въ качествѣ врача, говоритъ авторъ: — *мы безпрестанно приходится видѣть этихъ мучениковъ немалого воспитанія. Они почти все страдаютъ, вслѣдствіе малокровія, сильной головной боли, плохимъ аппетитомъ и пищевареніемъ, безпокойнымъ сномъ и сновидѣніями.*»

«Независимо отъ диспропорціи, говоритъ онъ далѣе:— между тѣмъ, что такіа дѣти могутъ продуцировать (даже при сильнѣйшемъ напряженіи своихъ силъ) и требованіями школы, подобное состояніе вызываетъ *отвратительное душевное настроеніе*, которое находится въ такомъ ужасномъ противорѣчій съ весельемъ и беззаботностію, свойственными юношескому возрасту. Отъ чрезмѣрныхъ усилій при затруднительномъ ученіи и отъ плохихъ результатовъ, получаемыхъ отъ этой египетской работы *«малоуспѣшная дѣти впадаютъ въ уныніе, теряютъ въру въ самихъ себя и ожесточаются»*. Но развѣ есть дѣло кому-нибудь изъ учителей до такого состоянія воспитанника? Онъ требуетъ знанія, проходимаго въ классѣ, *«а когда ученикъ того дать не можетъ, то онъ наказуетъ и нерѣдко издѣвается надъ несчастнымъ»* (стр. 548).

Приведенныхъ выписокъ, кажется, за глаза достаточно, чтобы показать, какъ *не слѣдуетъ* относиться къ здоровью и душевному состоянію воспитанника. Для автора, какъ врача, вполне понятно, что ослабленіе умственной способности *можетъ временно встрѣчаться и у очень даровитаго ребенка и юноши, и есть только физиолого-паталогическое—проходящее состояніе*, которое можетъ, однако, продолжаться отъ мѣсяца до года.» Умственная лѣность самихъ воспитателей или положительная небрежность являются причиною злосчастной судьбы школьника, отвѣчающаго за свою природу. «Я не сомнѣваюсь, говоритъ авторъ:— что всякій изъ *внимательныхъ педагоговъ* множество разъ убѣждается въ *страшной пертурбации въ нервной системѣ и психическомъ состояніи*, вызываемой нерѣдко такими условіями ученія въ молодыхъ людяхъ. Мнѣ случалось замѣчать у такихъ дѣтей (т. е. у обремененныхъ непосильною умственною работою) *галлюцинации и близкое состояніе къ помпшательству*».

Въ періодѣ между 12-мъ и 15-мъ годовъ, авторъ часто наблюдаетъ у мальчиковъ и въ особенности у дѣвочекъ развитіе пляски св. Витта подъ влияніемъ сказанныхъ обстоятельствъ. «Мальчики, вслѣдствіе подавляющаго вліянія этого состоянія на

душевное настроеніе, дѣлаются, какъ уже сказано, раздражительными, озлобленными, печальными. *Пессимизмъ, съ сильнымъ расположеніемъ къ самоубійству*, еѣ несчастію, есть частое явленіе въ стѣнахъ тѣхъ среднеучебныхъ заведеній, гдѣ требованія отъ воспитанниковъ были строже и суровѣе другихъ».

Такъ заканчиваетъ свою книгу г. Зеленскій... Мы не сомнѣваемся, что множество отцовъ и матерей подтвердятъ справедливость его словъ и скажутъ ему спасибо за то, что онъ, какъ врачъ, обратилъ вниманіе педагоговъ на оборотную сторону медали нашей педагогической системы. Мы выразимъ только сожаленіе, чтобы столь рѣшительный голосъ врача разбудилъ, наконецъ, сознаніе у нашихъ педагоговъ-метафизиковъ, которые оставались до сихъ поръ глухи и слѣпы ко всѣмъ указаніямъ не только литературы и науки, но и дѣйствительности. Какъ не сказать вмѣстѣ съ авторомъ книги, что «въ педагогикѣ и по настоящее время не замѣтно вліянія индукціи причинности, успѣвшей уже проникнуть во всѣ области знаній, гдѣ только серьезно работаетъ мысль человѣка».

Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Спб. 1882.

Изъ всѣхъ патологическихъ явленій нравственнаго міра самое загадочное и самое ужасное, безъ сомнѣнія, есть самоубійство. Съ глубокой древности оно начинается сопровождать тяжелый путь исторической жизни человѣка и во всѣ времена стоитъ передъ умомъ его настоящимъ сфинксомъ. Даже современныя воззрѣнія на самоубійство далеко еще не объясняютъ намъ этого самаго сложнаго и неуловимаго явленія социальнаго-нравственной жизни. Последнее слово науки, сказанное Дарвиномъ, и приложенное къ объясненію его, не поднимаетъ, однако, темнаго покрова, за которымъ скрывается загадка. Между тѣмъ, склонность къ самоубійству растетъ съ каждымъ годомъ. Все это даетъ значеніе всякой попыткѣ изслѣдованія вопроса о самоубійствѣ. Такою именно попыткою является недавно появившійся трудъ г. Лихачева о самоубійствѣ въ Европѣ и у насъ въ Россіи.

Содержаніе этого труда даетъ намъ слѣдующую общую картину самоубійствъ въ Европѣ.

Съ развитіемъ цивилизаціи параллельно идетъ прогрессъ самоубійства, почти съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубійствъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы. Въ странахъ наиболѣе высокой культуры существуетъ и болѣе высокая склонность къ самоубійству. Въ каждой національности болѣе большой процентъ числа самоубійствъ падаетъ на образованные классы. Болѣе число жертвъ выбрасываютъ центры культурной жизни—столицы и города, меньшее—земледѣльческое населеніе. Движеніе самоубійства среди земледѣльческаго населенія устанавливаетъ тотъ же фактъ: ближайшія мѣстности къ центрамъ

культурной жизни даютъ болѣе процентъ самоубійствъ, меньшій — болѣе отдаленныя.

Высшая тенденція къ самоубійству господствуетъ въ германскомъ племени. Вообще движеніе самоубійства по племенамъ представляетъ собою такой видъ. Фокусомъ, центромъ этого движенія является Саксонія. Всѣ прочія государства Европы располагаются вокругъ Саксоніи съ замѣчательною правильностью. Со всѣхъ сторонъ, по мѣрѣ приближенія къ Саксоніи, возвышается тенденція къ самоубійству; оно составляетъ 30 на 1 миллионъ жителей въ русскихъ губерніяхъ, въ остзейскихъ провинціяхъ—65, въ провинціи Пруссіи почти 107, въ Бранденбургѣ 205, въ прусской провинціи Саксоніи 235, а въ королевствѣ Саксоніи достигаетъ максимума — 408 (въ 1878 г. Эттингенъ). Такая же картина представляется и со стороны запада: въ рейнскихъ провинціяхъ приходится 65 самоубійствъ на 1 мил. жит., въ Вестфалии 70, въ Ганноверѣ 153, а въ Тюрингіи, уже граничащей съ Саксоніей — 342 (стр. 58). Почти такую же правильность движенія самоубійства представляютъ мѣстности, идущія на сѣверъ и югъ отъ Саксоніи.

Демологи объясняютъ такое направленіе движенія самоубійства по племенамъ различною степенью культуры ихъ. Такое объясненіе отличается крайнею бездоказательностію. Почему статистики и вслѣдъ за ними г. Лихачевъ признаютъ за германскимъ племенемъ самую высокую степень культуры? Почему они ставятъ ниже Германіи Англію и Францію? Вліяніе этнографическихъ условій въ туманной странѣ Альбіона должно быть неблагоприятнѣе, чѣмъ въ Германіи. Развитіе пролетариата въ Англіи обширнѣе, чѣмъ въ Германіи. Но за то относительно политической свободы Англія стоитъ выше Германіи. И не въ этомъ ли, не въ свободномъ ли духѣ и политическихъ учрежденіяхъ англійскаго народа кроется главная причина сравнительно невысокой тенденціи къ самоубійству. Надъ Германіей же почти во всѣ времена тяготѣлъ политическій гнетъ, приведшій теперь ее къ милитаризму и самому широкому развитію бюрократіи и буржуазіи.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и гибельнѣе для личнаго существованія политическаго и соціального гнета. Статистика даетъ намъ замѣчательные факты, подтверждающіе эту мысль. Въ эпохи реакцій, напримѣръ, тенденція къ самоубійству сильно поднимается, напротивъ, во время бодрой и свободной политической жизни, даже въ бурные годы революцій тенденція къ самоубійству падаетъ. Это понятный психологическій фактъ. Самый глубокій и естественный инстинктъ, присущій человѣческой природѣ, есть соціальный. Съ оживленіемъ его поднимается, возбуждается и оживляется всякая личная жизнь; напротивъ, съ паденіемъ его личная психическая жизнь становится задержанною, сдавленною и болѣзненною. Чѣмъ глубже и жизненнѣе, слѣдовательно, соціальный инстинктъ въ національности, тѣмъ меньшая

въ ней должна быть наклонность къ самоубійству. Чѣмъ быстрее и сильнѣе идутъ процессы, разлагающіе или ослабляющіе соціальныя инстинкты въ обществѣ, тѣмъ большая въ немъ должна быть наклонность къ самоубійству; потому что разрывается внутренняя связь личности съ обществомъ, порождаются непріязненные и враждебныя отношенія, недовѣріе, произволъ и т. п.

Съ этой точки зрѣнія съ большимъ удобствомъ и послѣдовательностію можно было бы объяснить движеніе самоубійства по племенамъ. Уровень соціальной жизни англійскаго народа выше стоитъ уровня этой жизни въ Германіи, поражаемой послѣдствіями крайняго развитія бюрократическаго и капиталистическаго процесса. Соціальная жизнь Франціи тоже стоитъ выше, чѣмъ въ Германіи. Соціально-демократическій строй, выросшій въ Германіи въ XIX столѣтіи, до послѣдняго дня даютъ темныя силы. Такимъ образомъ въ Германіи идетъ наиболѣе задержанная и сдавленная соціальная жизнь, послѣднимъ ужаснымъ исходомъ изъ которой является самоубійство. Дальше, наша славянская національность отличается наиболѣе демократическимъ духомъ; ей свойственны самыя глубокия соціально нравственныя инстинкты. Она создала общинныя начала жизни и самоуправленіе, которыя инстинктивно и упорно отстаиваетъ въ продолженіи вѣковъ, при крайнемъ развитіи противоположнаго начала. Что касается еврейскаго народа, этотъ, въ силу своего особеннаго историческаго уклада, сохранилъ при всѣхъ условіяхъ своей безпріютной жизни свои національныя и соціальныя инстинкты.

Въ Россіи высшая тенденція къ самоубійству существуетъ въ мѣстностяхъ Петербургской губерніи, отъ 83 до 102 самоубійствъ на 1 милліонъ, и Московской, а также Остзейскомъ краѣ — отъ 65 до 83 самоубійствъ на 1 милл. (Картограмма № 2). Мѣстности, отдаленныя отъ этихъ центровъ для Россіи, имѣютъ меньшую наклонность къ самоубійству. Такъ, напримѣръ, самоубійство крестьянъ, по мѣрѣ удаленія отъ Москвы, замѣтно уменьшается. Такое движеніе самоубійства въ Россіи правильнѣе опять-таки объяснить съ указанной нами точки зрѣнія. Въ нашемъ народѣ происходило въ послѣднее время — и тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ ближе къ центрамъ — замѣтное разложеніе общинныхъ началъ и зарожденіе капиталистическаго процесса, въ формѣ извѣстнаго кулачества и міроѣдства. Особенно переходъ отъ земледѣльческой формы труда къ фабричной, заводской и проч. колебаль устои мужицкой организаціи, сложившейся на корнѣ земледѣльческаго труда. Вообще послѣднее время есть трудное и переходное время и для крестьянства и не могло не отразиться на всей его жизни, а слѣдовательно и на самоубійствѣ.

Въ настоящее время статистика устанавливаетъ только тотъ несомнѣнный фактъ, подтверждаемый огромнымъ количествомъ статистическаго матеріала, что самоубійство растетъ въ европейскихъ государствахъ *при современномъ состояніи цивилизаціи*. Едва ли истинная цивилизація способствуетъ этому росту и тѣмъ

*

болѣе—едва ли справедливо изъ самой природы и прогресса этой цивилизаціи выводить неизбѣжность и прогрессъ самоубійства, какъ это дѣлаетъ и г. Лихачевъ.

Нѣкоторые благочестивые люди тяжкимъ упрекомъ ставятъ этой цивилизаціи матеріалистическое направленіе въ ней, вытѣсняющее старый спасительный культъ религиозныхъ вѣрованій и воззрѣній. Въ потерѣ вѣры они видятъ глубокое паденіе челоуѣка и причину самоубійства. По другому воззрѣнію, идея самоубійства возникаетъ только въ органически разстроенномъ мозгу, есть продуктъ психоза. вмѣсто этихъ воззрѣній, не державающихся критики, Морзелли, на ученіи Дарвина о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, воздвигаетъ новую теорію самоубійства. Морзелли утверждаетъ, что «параллельно росту челоуѣческой культуры поднимается все выше приливъ самоубійства, всякій годъ среди образованныхъ классовъ рождаются все новыя потребности, которымъ челоуѣчество обязано будетъ платить ту же дань, безъ всякаго въ томъ участія его воли» (стр. 159). Вѣчная значить борьба, вражда, въ которой сильные, лучше вооруженные, пожираютъ слабыхъ. Страшное напряженіе въ этой борьбѣ психической дѣятельности европейскаго челоуѣка поражаетъ его мозгъ прогрессивнымъ параличемъ, приводитъ къ сумасшествію и самоубійству...

Г. Лихачевъ съ перваго до послѣдняго слова своей книги неуклонно слѣдуетъ Морзелли, дарвинистическая идея освѣщаетъ у него весь собранный матеріалъ. «Идея прогресса, говоритъ г. Лихачевъ:—идея дарвинистическаго развитія, приложенная къ функціямъ и потребностямъ челоуѣчества, всего яснѣе обрисовываетъ понятіе цивилизаціи (стр. 66)». «Если, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—видѣть въ постоянной борьбѣ челоуѣка съ природой и съ самимъ собой первую причину его прогресса и его страданій, то самоубійство представится явленіемъ, которое необходимо должно сопровождать цивилизацію» (стр. 69).

Такое воззрѣніе представляетъ современную попытку, отражаетъ собою современную высоту науки, какъ говоритъ г. Лихачевъ. Наука, дѣйствительно, подготовила для него достаточно матеріала, современный безчелоуѣчный строй европейской культуры ярче всего объясняется имъ. Но, и не гадая о будущемъ, въ настоящемъ далеко не все объясняется этою теоріей. Законы измѣняемости, приспособленія и наслѣдственности, обнимая огромную совокупность явленій физической природы, не въ силахъ охватить безвѣчную сложность формъ и видоизмѣненій соціальной жизни челоуѣчества. У евреевъ, напримѣръ, несмотря на самую жестокую, неумолимую борьбу за существованіе, при непрерывномъ страданіи и угнетеніи, при самой возвышенной и возбужденной психической дѣятельности, при всевозможныхъ этнографическихъ условіяхъ, тенденція къ самоубійству всегда и вездѣ была незначительна. Въ тѣ моменты, когда поднималась эта психическая жизнь и осложнялись челоуѣческія потребности, когда

возбуждались соціальныя инстинкты въ европейскихъ народахъ, тенденція къ самоубійству, по свидѣтельству самой статистики, замѣтно падала. Наконецъ, предъ нами не рѣдко выступаетъ во всемъ своемъ вопіющемъ безобразіи картина гибели не слабыхъ, но сильныхъ, наиболѣе одаренныхъ для борьбы за существованіе.

Исторія прошедшаго Европы представляетъ также много несогласій съ этою теоріею. Трудно рѣшить, на какую эпоху больше всего пало борьбы за существованіе. Относительно борьбы съ природой прежнихъ поколѣній нечего и говорить. Но и во всемъ другомъ, можетъ быть, самый тяжелый періодъ борьбы за существованіе миновалъ уже. Ничто такъ страшно, напримѣръ, не колыхало и не бурлило человѣческую душу, какъ эпохи всякаго изуверства и милитаризма. Еще недавно средніе вѣка корчились въ судорогахъ бреда религиозныхъ галлюцинацій. Относительно интеллигентнаго класса въ Англии, Тэнъ въ своей книгѣ: «Английская литература» замѣчаетъ, что жизнь воображенія, фантазіи и чувства доведена была въ этомъ классѣ до чрезмѣрной крайности, витала какъ бы между міромъ реальнымъ и сумасшествіемъ. Огненная психическая дѣятельность вѣка Шекспира, Джонсона, Марло до того была интенсивна, что современный усталый человѣкъ, развѣдаемый рефлексіею, едва ли въ силахъ вынести ее.

Причины самоубійствъ лежатъ не въ психической, значить, возбужденности, не въ сложности потребностей и еще больше—не въ свойствахъ позитивнаго направленія и характера умственнаго процесса, господствующаго въ современной цивилизаціи. Эти причины надобно искать въ другихъ явленіяхъ нашего вѣка. И самая ясная, самая тяжелая сторона его—переходность. «Паденіе древней культуры, говоритъ Ланге въ «Исторіи матеріализма» (стр. 125), въ первыхъ столѣтіяхъ христіанскаго лѣтосчисленія есть процессъ, глубокія загадки котораго большею частію еще не разгаданы. Какъ ни трудно обозрѣть спутанныя происшествія римскаго императорскаго времени въ ихъ огромныхъ размѣрахъ и ориентироваться по выдающимся фактамъ, но мы еще несравненно менѣе въ состояніи оцѣнить въ полномъ объемѣ вліяніе маленькихъ, но безконечно многообразныхъ измѣненій въ ежедневныхъ сношеніяхъ націй, въ нѣдрахъ простого народа, у очага безвѣстныхъ семействъ какъ деревень, такъ и городовъ». Еще болѣе глубокой и обширной процессъ развитія происходилъ въ нашъ вѣкъ. Подъ напоромъ скептицизма падалъ религиозный инстинктъ, изъ котораго исходитъ огромный внутренній міръ человѣка. Позитивная критика сурово коснулась даже инстинктовъ эстетическихъ и художественныхъ. Привычный бурный безпорядочный потокъ жизни воображеніемъ и чувствомъ не могъ войти въ тихое спокойное русло разсудочной жизни. Новыхъ идеаловъ еще не выработалось, а все старое пошло прахомъ. Весь прежній психическій міръ человѣка рухнулъ, ког-

да разбиты были его устои; равновѣсіе было нарушено, произошелъ невообразимый хаосъ и пустота. А на развалинахъ этого опустошеннаго міра выросъ новый бичъ человѣчества — капитализмъ. Направленіе современной европейской цивилизаціи перевиѣсило въ сторону крайняго развитія капиталистическаго процесса, поглотившаго собою всё другія истинно человѣческія стороны цивилизаціи и породившаго, кромѣ экономическихъ бѣдствій, бездну всякаго другого зла...

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что главная цѣнность труда г. Лихачева заключается въ богатомъ матеріалѣ, собрать который стоило не малыхъ усилій. Но гипотезамъ о культурѣ и борьбѣ за существованіе, развитымъ въ его трудѣ, нельзя придавать важнаго значенія. Самую справедливую мысль о статистикѣ мы встрѣтили въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ 40 лѣтъ назадъ Веселовскимъ. «Она (статистика) служить съ одной стороны повѣркою выводовъ другихъ наукъ, съ другой — доставляетъ имъ факты и матеріалы для дальнѣйшихъ розысканій» (стр. 20). Въ будущемъ когда статистика и науки соберутъ больше матеріала и знаній о человѣческой жизни и природѣ, явится больше и возможности рѣшить загадку самоубійства.

В. А. Погожевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи. Москва, 1832.

Появленіе книжки г. Погожева какъ нельзя болѣе своевременно, въ виду вводимаго у насъ теперь института фабричныхъ инспекторовъ, съ которымъ публика наша очень мало знакома. Отрывочныя свѣденія, разбросанныя по журналамъ и газетамъ, не давали надлежащаго представленія о предметѣ. Болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ англійскимъ фабричнымъ законодательствомъ и Инспекторатомъ дали лишь весьма недавно проф. Янжуль (которому, между прочимъ, нынѣ предложено занять мѣсто фабричнаго инспектора московскаго округа) и г. Зиберъ; а теперь г. Погожевъ знакомитъ насъ въ этомъ отношеніи съ Германіей. Не только недавнее введеніе въ Германіи фабричнаго надзора¹, но и болѣе сходство самого фабричнаго быта этой страны съ нашимъ, дѣлаютъ книгу г. Погожева въ особенности интересной: «Читая официальные отчеты объ условіяхъ жизни фабричнаго люда въ Германіи, говоритъ авторъ: — право, можно было бы иной разъ подумать, что рѣчь идетъ о нашихъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ: стоитъ лишь замѣнить нѣмецкія фамиліи русскими и нѣскольکو усилить мрачный фонъ картины». Цѣлью своей книги г. Погожевъ выставляетъ, помимо ознакомленія будущихъ русскихъ фабричныхъ инспекторовъ съ ихъ новою сферою дѣятельности, содѣйствіе большому признанію основной мысли всякаго фабричнаго законодательства: въ самомъ

¹ Хотя право назначать особыхъ должностныхъ лицъ для надзора за фабриками и заводами еще установлено прусскимъ закономъ 16-го мая 1853 г., но настоящимъ образомъ этимъ правомъ стали пользоваться только съ 1874 г.

прогрессъ промышленности найти «возможность оградить жизнь и благосостояніе отдѣльныхъ личностей для пользы всего государства, не въ ущербъ, но въ интересъ дальнѣйшихъ устрѣховъ промышленности въ Россіи». Последнюю цѣль можно было бы формулировать нѣсколько проще и прямѣе, и это было бы не хуже; но это только между прочимъ, такъ какъ дѣлу не мѣшаетъ.

Не исчерпывая въ подробностяхъ богатый матеріалъ отчетовъ, ежедневно представляемыхъ по всѣмъ союзнымъ государствамъ Германіи министру торговли и промышленности, авторъ останавливается преимущественно на общихъ свѣдѣніяхъ объ условіяхъ дѣятельности инспекторовъ, контролъ за соблюденіемъ закона о работѣ малолѣтнихъ на фабричныхъ (чѣмъ пока и имѣеть ограничиться на первое время дѣятельность нашего инспектората), охраненіи жизни и здоровья рабочихъ и свѣдѣніяхъ объ условіяхъ, имѣющихъ въ виду правительственную и частную заботу объ улучшеніи ихъ физическаго и нравственнаго благосостоянія (страхованіи, школахъ, вспомогательныхъ кассахъ и т. п.). Всѣ эти свѣдѣнія, сопровождаенныя ссылками и сравненіями съ русскимъ фабричнымъ бытомъ, съ которымъ г. Погожевъ, въ качествѣ изслѣдователя санитарныхъ условій московскихъ фабрикъ, могъ ознакомиться не по однимъ только книжкамъ, но и практически, образуютъ весьма цѣнное указаніе на что слѣдуетъ обратить вниманіе гг. инспекторамъ и какъ нужно дѣйствовать въ интересахъ новаго дѣла. Очень возможно, что гг. новые инспектора (которыхъ пока только четыре, а съ главнымъ пять) и не нуждаются въ такомъ руководствѣ и сами могли бы ознакомиться съ сырымъ матеріаломъ, обработаннымъ г. Погожевымъ, но всѣ ли они обладаютъ знаніями и усидчивостью проф. Янжула, всѣ ли они имѣютъ возможность и стануть рыться въ нѣмецкихъ отчетахъ? наконецъ, число ихъ и ихъ помощниковъ, вѣроятно, скоро увеличится. Вотъ почему книжка г. Погожева можетъ быть для нихъ весьма небезполезна. Кромѣ того, съ нею не лишнее будетъ ознакомиться и гг. фабрикантамъ и вообще лицамъ причастнымъ къ фабричному міру и интересамъ, чтобы не видѣть во вновь учреждаемомъ надзорѣ чего-то неслыханно-злумышленнаго противъ нихъ и не видѣть придирчивости въ справедливыхъ требованіяхъ инспектора, съ одной стороны, и отличать отъ справедливаго требованія придирчивость, еслибы таковая имѣла мѣсто, съ другой. Если въ Германіи фабричнымъ инспекторамъ не разъ приходилось прибѣгать къ содѣйствію администраціи для устраненія *различныхъ столкновеній и недоразумѣній* (стр. 13), то, вѣроятно, и у насъ недостатка за этимъ не будетъ. Если въ Германіи «иные фабриканты на первыхъ порахъ принимали инспектора то за агента социаль-демократіи, то за какого-то авантюриста, то заподозривали, что миссія его есть не что иное, какъ намѣреніе правительства усилить налоги на фабрики или желаніе частнаго конкурента вывѣдать секреты производства, и т. д.», то и у насъ, конечно, всего этого не ми-

новать гг. инспекторамъ и нужно имъ будетъ заручиться не малою дозою терпѣнія и мужества, такта и въ то же время не преклонности въ преслѣдованіи цѣли. Въ видѣ образчика г. Погожевъ рассказываетъ свое посѣщеніе весьма крупной мануфактуры, владѣльца которой онъ, къ сожалѣнію, не называетъ, ссылаясь на то, что *nomina sunt odiosa*.

«Что вамъ угодно отъ насъ?» спросилъ его крупный московскій фабрикантъ (который, замѣтимъ въ скобкахъ, не былъ даже главнымъ владѣльцемъ фабрики, а принялъ на себя только общее заведываніе производствомъ и прои-валъ по большей части въ Москвѣ, а не на фабрикѣ). «Поясните цѣль изслѣдованія, говоритъ г. Погожевъ:—предпринятаго московскимъ губернскимъ земствомъ, указавъ печатную программу, согласно которой производится санитарный осмотръ фабрикъ и заводовъ; предъявивъ свои открытые листы, однимъ словомъ, совершивъ всѣ обычныя формальности, которыя были уже сдѣланы 3 дня тому назадъ, когда на фабрикѣ былъ только главный директоръ ея, мы полагаемъ, что дѣло этимъ и ограничится. Однако, фабрикантъ, видимо, былъ чѣмъ-то сильно раздраженъ, ибо разговоръ нашъ по временамъ сталъ принимать весьма шекотливый характеръ и нужно было имѣть очень много самообладанія, чтобы на дерзость не отвѣчать дерзостью... Что вамъ отъ насъ нужно? Вы пріѣзжаете къ намъ въ то время, когда намъ некогда съ вами возиться...»

Напрасно г. Погожевъ говорилъ: «Позвольте, многоуважаемый NN», называя разгнѣваннаго коммерсанта по имени и отчеству и доказывая, что изслѣдованіе ничуть его не задержитъ, что нужно дать только довѣреннаго человѣка пройти по фабрикѣ, что изслѣдователямъ трудно выбирать время удобное для фабрикантовъ и что такому изслѣдованію подвергаются цѣлыхъ 13 уѣздовъ Московской губерніи, онъ не слушалъ и твердилъ одно: «Хотя бы у васъ было 233 уѣзда... Наша фабрика устроена прекрасно: скажите, какія свѣденія вамъ нужны, и мы вышлемъ все земской санитарной комиссіи въ Москву по почтѣ... Вы съ нами силой ничего не подѣлаете. Что такое исправникъ? (презрительно отозвался онъ, когда рѣчь зашла, что исправникъ пріѣзжалъ съ г. Погожевемъ, дабы успокоить владѣлицу фабрики) исправникъ сегодня здѣсь, а завтра же слетитъ на другое мѣсто!.. Что мнѣ министръ? (къ авторитету котораго также попытался-было прибѣгнуть изслѣдователь) министр... министр самъ по себѣ, а все-таки вы, почтеннѣйшій, не должны намъ докучать своими изслѣдованіями» (стр. 170). «Положеніе наше, говоритъ г. Погожевъ:—могло легко стать критическимъ—наша тройка осталась на томъ берегу, насъ самихъ перевезли на лодкѣ черезъ разлившуюся рѣку, какъ разъ во время самого ледохода, такъ что пришлось пустить въ ходъ всю дипломатію, на которую мы только чувствовали себя способными, при данныхъ обстоятельствахъ» (169). Вотъ тутъ и пускай дипломатію. А фактовъ отвратительнаго состоянія рабочихъ, между тѣмъ, множество. Не останавливаясь на отдѣльныхъ случаяхъ—дурнаго устройства фабрикъ, работъ и больницъ, множества увѣчий и т. д., приводимыхъ въ книгѣ въ достаточномъ количествѣ, мы уважемъ только на слѣдующія общія цифры травматическихъ поврежде-

ній: на 6-ти бумагопрядильныхъ мануфактурахъ Московскаго уѣзда; при 6,900 чел. рабочихъ въ теченіи одного только года (1879—80) было по больничнымъ книгамъ и записямъ, куда, конечно, попадаютъ далеко не всё, 683 травматическихкихъ поврежденія, причемъ на нѣкоторыхъ мануфактурахъ процентъ такихъ поврежденій достигалъ до 20—22% общаго числа рабочихъ. Между тѣмъ, говоритъ г. Погожевъ, въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. дунайская армія понесла убыль ранеными въ строю только около 13,5% всего числа; французы во время итальянской войны 1859 г. потеряли ранеными 9,8%; во франко-германскую войну 1870—71 г. число раненыхъ не превышало 10,8%, подъ Никополею и Еленой число потерянныхъ не превышало 8% (стр. 60). Г-ну Погожеву, какъ врачу, производящему санитарное изслѣдованіе, гигиеническая и медицинская часть, разумѣется, ближе всего, но онъ не ограничивается ими, какъ большая часть специалистовъ, а смотритъ и на общія экономическія и нравственныя условія быта рабочихъ, приведетъ порою пѣсенку, въ которой столько же фабричнаго удалства, цинизма и безшабашности, сколько и самой тяжелой грусти, и которая ярко обрисуетъ душевное состояніе рабочихъ, обратитъ вниманіе на общее положеніе фабрично-заводской промышленности и т. д. Современный промышленный застой обуславливается, между прочимъ, по его мнѣнію, слѣдующими главными причинами: 1) отсутствіемъ правильнаго и строгаго фабричнаго законодательства; 2) неправильнымъ и слишкомъ долгимъ примѣненіемъ къ крупной промышленности исключительно покровительственной системы, которая убила въ крупныхъ предпринимателяхъ всякую энергію, самодѣтельность и стремленіе къ усовершенствованію техники производства... 3) повсемѣстнымъ упадкомъ земледѣлія въ Россіи, что уменьшило размѣры внутренняго сбыта продуктовъ производства, ослабило производительность рабочаго класса и т. д. (стр. 171). Все это, разумѣется, вѣрно. Хотя г. Погожевъ очень оптимистически смотритъ на значеніе фабричнаго законодательства, поставленнаго имъ во главѣ причинъ, и на введеніе фабричнаго инспектората, которое на практикѣ не имѣетъ того значенія, какое ему приписывается въ теоріи; хотя законы и гг. инспекторы зачастую обходятся не только фабрикантами, но и самими рабочими, которые подъ побужденіемъ голода не соблюдаютъ прекрасныхъ правилъ, выработанныхъ для нихъ фабричными уставами, и скрываютъ отъ инспекторовъ и лишніе рабочіе часы, и ночную работу, и работу ранѣе опредѣленнаго возраста; но, тѣмъ не менѣе, пока для данныхъ экономическихъ отношеній не придумано ничего лучшаго, все это можетъ приносить извѣстную пользу и лучше вѣрить въ эту пользу, чѣмъ не вѣрить и оставлять огромную человѣческую массу на произволъ судьбы. Правда, что нѣсколько странно слышать отъ г. Погожева о предложеніяхъ иной организаціи труда, какъ о нѣкоторыхъ *ребяческихъ мечтахъ, тормозящихъ мнѣ*

правильное разрѣшеніе вопроса и стюцихъ раздоръ, а не примиреніе (?) науки со всеми невзгодами современной жизни (171), или, что мично (161) онъ считаетъ должнъ высказаться противъ *безцѣльной литературной травли всѣхъ крупнѣхъ промышленниковъ* (точно такая травля производится), или, что фабрикантамъ и заводчикамъ, «которые, въ сущности, не что иное, какъ избалованныя, худосочныя дѣти, которымъ нужны болѣе чѣмъ кому-либо: *здоровая кормилица*—крѣпкое и сытое рабочее населеніе и *правильная штеническая обстановка*—строго обдуманное фабричное законодательство» (171) и т. п. Выходить, что оптимистъ г. Погожевъ, замѣтивъ, что «въ настоящее время обнаружилось несомнѣнно, что симпатіи высшихъ правительственныхъ сферъ, общества и литературы, видимо, не на сторонѣ крупной фабрично-заводской промышленности», какъ будто беретъ нашихъ «*лордовъ хлопка и мѣшка*» (162) подъ свою слабую защиту, въ которой, конечно, они еще не нуждаются. Конечно, въ буквальномъ смыслѣ слова, этого не выходитъ, но для многихъ выйдетъ именно такъ. Всего этого, какъ вводныхъ предложеній, по меньшей мѣрѣ, можно было бы избѣжать, чтобы послѣ не жалѣть, въ особенности послѣ приведенія на стр. 157—8 словъ графа Баранова, смотрѣвшаго на дѣло нѣсколько иначе, и собственныхъ наблюденій (напримѣръ, хоть изложенныхъ на стр. 129, 126 и т. п.)—но все это, тѣмъ не менѣе, не отнимаетъ у книжки г. Погожева вышеуказаннаго значенія и мы желаемъ ей успѣха.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Вы, читатель, конечно, не разъ слышали (а можетъ быть и сами говорили), что газеты наши врутъ. Не разъ, вѣроятно, приходилось вамъ читать и официальные опроверженія разныхъ учреждений и лицъ, что такое-то газетное сообщеніе *не вѣрно*, а такое-то *лишено основанія*. Весьма возможно, что вамъ приходилось иногда и убѣждаться въ дѣйствительной невѣрности того или другого слуха или факта. Все это естественно только укрѣпляло въ васъ мысль о газетномъ враньѣ и вы, суммируя все слышанное и видѣнное по этому поводу, говорили уже о лживости печати съ нѣкоторою увѣренностью и авторитетомъ. Но при этомъ вы никогда, конечно, не ставили себѣ вопросовъ: да почему же это и для чего газеты врутъ? неужели онѣ сплошь набиты лжецами и что за интересъ такой постоянно врать? Если для заманиванія публики, для подписки и розничной продажи, какъ это объясняютъ нѣкоторые чиновники, видящіе въ печатномъ словѣ только *издѣлія печати* и мѣрящіе все коммерческимъ аршиномъ, то этимъ въ концѣ-концовъ можно не привлечь, а только отбить публику. Если съ злонамѣренною цѣлью, какъ это говорилось иногда въ полемическихъ, а порою просто бражныхъ опроверженіяхъ, то не всѣ же газеты злонамѣренны, а дурная молва идетъ, между тѣмъ, почти про всю печать. Злонамѣренные люди, которые любили бы зло ради зла и желали бы погибели отечеству, разумѣется, существуютъ только въ воображеніи г. Каткова, который дѣлаетъ такіа заключенія, очевидно, по себѣ или въ пылу полемики. Я думаю, что большинство газетъ не врутъ, а если и ошибается, то ошибается въ большинствѣ случаевъ по причинамъ, по меньшей мѣрѣ, извинительнымъ. Съ одной стороны, у насъ такое множество всевозможныхъ завѣсъ и тайнъ, что общество находится въ полной неизвѣстности о томъ, что его ждетъ завтра, что ему готовятся послѣ завтра и какъ рѣшаются вопросы, отъ которыхъ зависятъ не только тѣ или другіе его интересы, но иногда и вся его жизнь. Потребность знать все это, знать хоть приблизительно, до того велика, что газеты просто не могутъ отказывать ей въ удовлетвореніи и должны прискивать для этого тѣ или иныя средства. Являются на сцену «сферы», «компетентные источники»,

«достоверные люди», которые и сообщают редакціямъ разные слухи и новости. Компетентенъ и достоверенъ источникъ, къ которому прибѣгаетъ газета, и вранья въ ней меньше; меньше у нея связей и средствъ—и вранья въ ней больше. Но, кромѣ этихъ такъ называемыхъ высшихъ сферъ, есть еще низшія сферы — крестьянство, торговое сословіе, духовенство, земство и т. д., то есть сама жизнь, жизнь огромной человѣческой массы, сложная и запутанная вереница явленій, вѣчно мѣняющихся, вѣчно складывающихся въ новыя разнообразныя формы и комбинаціи. Изученіе и вѣрное пониманіе этихъ явленій составляетъ, разумѣется, задачу гораздо болѣе сложную и серьезную, чѣмъ изученіе проходящихъ бюрократическихъ мыслей, чаще всего страдающихъ именно незнаніемъ и невѣрнымъ пониманіемъ дѣйствительности. Тутъ ошибки, конечно, гораздо опаснѣе и вреднѣе. Но когда же ошибокъ будетъ больше—когда каждый можетъ говорить и указывать на ошибки другихъ или когда будутъ говорить только нѣкоторые, а другимъ будетъ связано—держи языкъ за зубами? Еслибы, напримѣръ, печать сосредоточилась въ однѣхъ какихъ-нибудь рукахъ, еслибы, напримѣръ, г. Катковъ сдѣлался монополистомъ, откупщикомъ русской мысли, какимъ былъ когда-то въ винномъ откупѣ г. Кокоревъ и К°, то развѣ можно было бы надѣяться, чтобы ошибокъ и лжи было меньше? Онъ навѣрное сталъ бы умалчивать о томъ, что не согласенъ съ его взглядами и трубилъ бы о томъ, что отвѣчаетъ его вкусамъ. Можетъ быть, въ свѣденіяхъ и слухахъ, исходящихъ изъ «сферъ» и не было бы ошибокъ, можетъ быть, слухи эти сбывались бы съ буквальной точностью, но о нуждахъ страны и дѣйствительномъ положеніи вещей мы, навѣрное, знали бы столько же, сколько знаютъ китайцы изъ своей «Пекинской газеты» и сколько знало когда-то наше правительство отъ Пешковского. Каждый, конечно, любитъ свою страну по своему, по степени своего пониманія и разумѣнія, и каждый поэтому наблюдаетъ жизнь и относится къ ней съ своей точки зрѣнія, то опасаясь, что она идетъ не туда, куда слѣдуетъ, то стараясь, чтобы она пошла туда и такъ, какъ лучше. Любовь въ рамки не уложишь. Ее легче уложить въ гробъ, чѣмъ направить по опредѣленному маршруту, по пути, предназначающему для нея полицейскимъ порядкомъ. Конечно, любовь бываетъ разная и слово *лучше* весьма относительное слово: любить и шува карасей, находя, вѣроятно, что лучше всего ихъ ѣсть; но будетъ ли шучь меньше отъ того, что имъ не будетъ оказываться ни малѣйшаго препятствія, что не будетъ такой въ обществѣ силы, которая умѣряла бы ихъ аппетитъ и предотвратила насилье истиннаго ихъ назначенія. Истина выясняется только путемъ всесторонняго изслѣдованія. Мы могли бы привести множество фактовъ, когда газетныя сообщенія оказывались гораздо достовернѣе официальныхъ сообщеній. Припомните архангельскій голодъ, когда мѣстныя власти доносили, что никакого голода

нѣтъ; припомните ветлянскую чуму, расхищеніе уфимскихъ и оренбургскихъ земель и т. д. Истина не становится оттого иною, что мы о ней молчимъ, факты не уничтожаются тѣмъ, что мы ихъ игнорируемъ или отрицаемъ. Они властно входятъ въ общественное сознание и разносятся молвою гораздо быстрѣе, чѣмъ это кажется, при чемъ молва преувеличиваетъ и искажаетъ ихъ гораздо больше печати. Вся разница въ томъ, что чѣмъ скорѣе мы обнаружимъ извѣстный печальный фактъ и чѣмъ скорѣе придемъ къ его изслѣдованію и разрѣшенію, тѣмъ скорѣе устранимъ его вредное вліяніе. Не лучше ли поэтому торопиться въ отысканіи и оглашеніи всѣхъ золь, хотя бы съ этимъ и сопряжены были ошибки, чѣмъ все замалчивать, замазывать и подтасовывать. А главное дѣло шло въ мѣшкѣ не утаишь — оно вдругъ вылѣзаетъ тамъ, гдѣ его никакъ и не ожидаешь. Мы указывали уже какъ-то, что вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, поднятый давно уже литературой, нѣсколько разъ былъ изъятъ изъ обращенія. Катковъ и теперь говоритъ поэтому поводу не иначе, какъ: «сочинили какое-то малоземеліе», «выдумали какой-то аграрный вопросъ» и т. п. Мы и теперь не знаемъ хорошенько можно ли писать объ этомъ какомъ то вопросѣ, отъ чего фактъ недостаточности надѣловъ, конечно, не уничтожается. Между тѣмъ, вдругъ шло вылѣзаетъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»: «Крестьянскія хозяйства въ Ярославской губ. не дѣлаютъ почти никакихъ успѣховъ и вообще плохи. Неудовлетворительность хозяйствъ происходитъ отчасти (и мы тоже всегда почти говорили отчасти, или мѣстами, или вслѣдствіе прироста населенія) отъ недостатка ихъ надѣловъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ростовскаго уѣзда, крестьянскій надѣлъ составляетъ не болѣе 1 дес. 76 саж. на ревизскую душу, такъ что количество его въ большинствѣ случаевъ не соответствуетъ ни рабочей силѣ крестьянской семьи, ни потребностямъ для обезпеченія ея продовольствія; къ тому же весьма нерѣдко надѣлы, по недоброкачественности почвы, требуютъ весьма сильнаго удобренія, а недостатокъ пастбищъ, выгона и плохіе покосы не даютъ крестьянамъ возможности содержать необходимое количество скота; отсюда происходитъ постоянный упадокъ скотоводства и вслѣдствіе этого постепенное истощеніе почвы, влекущая за собою плохіе урожаи» (№ 160). Изъ той же статьи узнаемъ мы, что «крестьяне обращаются къ другимъ промысламъ, преимущественно отхожимъ» и что «ими пользуются ежегодно до 150 т. чел. изъ 464,619 мужскаго населенія»; узнаемъ также и то, что, независимо отъ этого, ярославскіе крестьяне расширяютъ свои запашки, «арендуя землю у помѣщиковъ, такъ что болѣе 91% пашни принадлежитъ крестьянамъ», тогда какъ «большинство землевладѣльцевъ или совершенно прекратили запашки, или же сократили (ихъ) до ничтожныхъ размѣровъ», такъ что «изъ 784,000 дес., принадлежащихъ дворянамъ, засѣвается только 34½ т. дес., т. е. менѣе 5%». Изъ «Сельскаго

Вѣстника» также узнаемъ не безынтересныя въ этомъ отноше-
 нии данныя, хотя рядомъ съ этимъ онъ постоянно доказываетъ,
 что бѣда не въ недостаткѣ земли, что надѣлы вполне достаточ-
 ны, а въ пьянствѣ. Такъ, напримѣръ, когда въ прошломъ году
 правительство, желая колонизовать островъ «Новую землю», вы-
 зывало желающихъ поселиться тамъ, то «многими» крестьянами
 приглашеніе это, вслѣдствіе созвучія, было истолковано въ смн-
 слѣ переселенія на новыя земли, и архангельскій губернаторъ
 былъ заваленъ прошеніями. Сначала въ № 6 «Сельскаго Вѣст-
 ника» сообщалось какъ крестьяне Трубчевскаго уѣзда, Орлов-
 ской губ., «повѣрили этимъ ложнымъ слухамъ и какія печаль-
 ныя послѣдствія имѣла для многихъ изъ нихъ ихъ легковѣр-
 ность» (они продали имущество и стали собираться въ путь,
 дойдя, впрочемъ, только до Трубчевска, откуда ихъ вернули);
 а затѣмъ архангельскій губернаторъ, вслѣдствіе продолжавшихъ
 поступать къ нему *многочисленныхъ прошеній* и заявленій отъ
 разныхъ лицъ изъ внутреннихъ губерній о желаніи пересе-
 литься на «Новую землю и на «Мурманскій берегъ», долженъ
 былъ для охлажденія желающихъ прибѣгнуть къ официальному
 разъясненію, что островъ «Новая земля» лежитъ въ Ледовитомъ
 океанѣ, что «поверхность его преимущественно скалистая (гор-
 ная, каменистая), во многихъ мѣстахъ лишенная всякой расти-
 тельности и поросшая лишь оленьимъ мхомъ», что «постоянныхъ
 жителей, кромѣ шести самоѣдскихъ семействъ, въ настоящее
 время тамъ нѣтъ», что снѣгъ тамъ «сходитъ въ іюнѣ мѣсяцѣ»,
 а въ августѣ и *нерѣдко* даже въ іюлѣ «снова покрывается зе-
 млю», что «въ продолженіи цѣлаго года» тамъ нельзя обходиться
 безъ шубы, что въ декабрѣ и январѣ тамъ «солнце вовсе не
 всходитъ» и бываетъ «постоянная ночь», однимъ словомъ, что не-
 только нельзя тамъ заниматься хлѣбопашествомъ и хозяйствомъ,
 но и жить-то трудно («Сельск. Вѣст.» № 22). Редакція газеты,
 сожальѣя, что «среди народа встрѣчаются люди, которые сожа-
 лѣютъ только одно—какъ бы попользоваться чѣмъ-нибудь дарс-
 вымъ, полегче, безъ труда», объясняетъ, что «именно по этой
 причинѣ такъ легко повѣрили въ народѣ нелѣпнымъ сказкамъ
 о новыхъ земельныхъ надѣлахъ изъ казенныхъ и частныхъ зе-
 мель, по пословицѣ: чего хочется, тому и вѣрится»; но не вся-
 кій, конечно, повѣритъ, въ особенности изъ людей живущихъ въ
 провинціи и знающихъ положеніе крестьянъ, что руководились
 они въ данномъ случаѣ только стремленіемъ къ легкой нажи-
 вѣ». Всякій знаетъ, что отъ добра добра не ищутъ, что оста-
 влять родину и переселяться въ невѣдомый край не совсѣмъ-то
 легко, и что если при этомъ кто-нибудь изъ крестьянъ и руко-
 водится стремленіемъ къ легкой наживѣ, то навѣрное большин-
 ство идетъ совсѣмъ по другимъ причинамъ. Не называйте этихъ
 причинъ, если угодно, но отъ этого онѣ не устраняются и забу-
 дутся. Затѣмъ, мы видимъ, что сами высшія сферы приступа-
 ютъ къ устройству земельного кредита для покупки крестьяна-

ми земель, и что въ министерство финансовъ, также какъ и къ архангельскому губернатору, начинаетъ поступать масса заявленій о желаніи купить землю, такъ что министерство финансовъ, въ виду невозможности удовлетворить эти ходатайства, должно было также прибѣгнуть къ объявленію, что банкъ еще не открытъ, что прежде введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 18 мая положенія о банкѣ, министръ финансовъ, по соглашенію съ другими министрами, долженъ былъ составить и представить на высшее утвержденіе правила о совершеніи вѣрностныхъ актовъ на покупку и залогъ земель, что правила эти уже составлены и внесены въ государственный совѣтъ, но получить утвержденіе могутъ лишь въ концѣ года, что, сверхъ того, должны быть назначены еще гг. министрами размѣры ссудъ для каждой мѣстности, для чего собираются по тѣмъ губерніямъ, гдѣ предположено открыть отдѣленія банка, свѣденія «о цѣнности земли и другія тому подобныя» что, вообще, открытіе банка «можетъ послѣдовать не ранѣе января 1883», о чемъ будетъ опубликовано въ всеобщее свѣденіе и послѣ чего «желающіе могутъ начать ходатайствовать о ссудахъ на покупку земельныхъ участковъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будутъ открыты банковыя отдѣленія» («Сел. Вѣст.» № 34). Очень возможно, что нѣкоторые изъ этихъ ходатайствъ были вызваны нѣсколько преждевременнымъ оглашеніемъ въ печати положенія о банкѣ, но газетныя сообщенія ни мало не разнились отъ сообщеній «Правительственнаго Вѣстника» и ничего не говорили о томъ, что банкъ уже открытъ, такъ что они повторили только неопредѣленность «Правительственнаго Вѣстника», и нинѣ вполнѣ разъясненную и уничтоженную министерствомъ финансовъ. Могъ внушить недоразумѣнія объ открытіи банка и «Сельскій Вѣстникъ», который, опровергая ложные слухи о прирѣзкѣ земли и даровомъ увеличеніи надѣловъ, говорилъ довольно категорично, что теперь каждый можетъ покупать землю при содѣйствіи банка (хотя въ одной статьѣ и было оговорено, что банкъ еще не открытъ). Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что самое поступленіе ходатайствъ, при одномъ только слухѣ о возможности купить землю, не на доровщинку приобрѣсти, а купить, и купить по дорогой цѣнѣ, показываетъ о нуждѣ въ землѣ, которая такъ недавно еще упорно отрицалась и приравнивалась къ одному изъ опаснѣйшихъ лжеученій. Все это, какъ хотите, невольно говорить, что газеты наши не вдали, когда десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ говорили тоже самое, причемъ можетъ быть нѣсколько и увлекались мрачными красками; руководило же ими при этомъ, во всякомъ случаѣ, доброе желаніе, а не злонамѣренность, и будь приняты мѣры и устроенъ банкъ тогда же, навѣрное можно сказать, что устроитъ его было бы гораздо легче, что много денегъ, протраченныхъ теперь совершенно зря, пошли бы на пользу страны, что крестьянамъ теперь будетъ труднѣе покупать землю, такъ какъ она поднялась въ цѣнѣ, и что во-

обще мы не пережили бы многих затруднений и неприятностей. Экономическое положение наше теперь не особенно привлекательно: урожай, гдѣ вслѣдствіе засухъ, а гдѣ вслѣдствіе дождей и градобитій, въ значительной степени не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій; промышленность въ застоѣ; ярмарки шли болѣе чѣмъ тихо и торговля также не процвѣтаетъ; большаго заграничнаго отпуска ждать нельзя, какъ вслѣдствіе огромнаго урожая въ Америкѣ, такъ и вслѣдствіе нужды въ хлѣбѣ внутри страны. Говорятъ о предстоящемъ въ скоромъ времени выпускѣ новаго русскаго внѣшняго займа въ 100 милліоновъ рублей, говорятъ о «неизбѣжной необходимости» этого займа, а, между тѣмъ, время для этого весьма неблагоприятное, потому что курсъ нашъ стоитъ чрезвычайно низко. «По крайней мѣрѣ, на всѣхъ биржахъ Европы и курсы нашего рубля, и курсы бумагъ ежедневно падаютъ. Нашъ кредитный рубль стоитъ нынѣ съ небольшимъ 62 копѣйки, т. е. такъ дешево, какъ никогда не цѣнился со времени восточной войны» («Нов. Вр.» № 2333). Дѣлая расчетъ, насколько новый заемъ увеличитъ общую сумму заграничныхъ долговъ нашихъ, ¹ газета говоритъ: «проценты и погашеніе по новому займу составятъ примѣрно около 7 милл. руб. въ годъ, цифра, которую нужно прибавить къ 198,603,678 руб. процентовъ, предполагаемыхъ къ уплатѣ по прежнимъ долгамъ» (изъ этой суммы 1,925,705 р. должны были бы возвратить правительству желѣзныя дороги; но онѣ не уплатятъ, конечно, по обыкновенію, и половины), и добавляетъ: если это правда, что новый заемъ необходимъ, то «непонятно, почему такъ мало прилагается усилій къ сокращенію расходовъ. Напротивъ, мы видимъ, что нѣкоторые вѣдомства, подъ предлогомъ реформъ, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ увеличеніи своихъ расходовъ, создавая массу новыхъ ненужныхъ должностей съ громадными окладами. О бережливости рѣшительно ничего не слышно» (id.). вмѣсто того, чтобы субсидировать желѣзныя дороги и содѣйствовать реализаціи ихъ капиталовъ на европейскихъ биржахъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать искусственно крупную промышленность протекціонными пошлинами и раздавать казенныя земли чиновникамъ и частнымъ лицамъ, не лучше ли было бы направить всѣ потраченныя усилія и средства на устройство земельного кредита для народа и на поддержку народной промышленности. Но мало ли что было бы лучше. Вмѣсто

¹ Въ государственную долговую книгу въ настоящее время записано внѣшнихъ долговъ: срочныхъ 78,240,000 гульденовъ, 24,669,760 фунтовъ стерлинг., 5,200,000 руб. сер.; безсрочныхъ 18,641,300 фунт. стерл. и 119,304,845 руб. сер.; всего примѣрно свыше 605 милл. руб. кредитныхъ. Кромѣ того, наше правительство приняло за свой счетъ, подъ условіемъ возврата отъ общества желѣзныхъ дорогъ, консолидированныхъ облигацій на 68,163,330 фунт. стерл. и облигацій николаевской дороги 560,776,500 фр., т. е. еще около 925 милл. рублей.

того, чтобы защищать вмѣстѣ съ г. Свальковскимъ покровительственную политику и съ кн. Васильчиковымъ достаточность надѣловъ, а потомъ начинать радѣть о мужикѣ, вмѣсто того, чтобы заглядывать дальше въ будущее и не заниматься травлею неприятой почему-нибудь печати и провозглашать, что интеллигенція и буржуазія суть одно и тоже, было бы гораздо лучше внимательно слушать, что говоритъ интеллигенція. Позднихъ сожалѣній, вообще, бываетъ всегда много, только толку изъ нихъ выходитъ мало. Недавно вышло изслѣдованіе члена-сотрудника желѣзно-дорожной Барановской комиссіи г. Петрово-Батурича о финансовомъ положеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, изъ котораго можно видѣть, что изъ 1,651,525,033 р. кредитныхъ общей суммы основныхъ и дополнительныхъ, облигаціонныхъ и акціонерныхъ капиталовъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, только 11,02 были образованы безъ прямого участія правительства, а всѣхъ долговъ казнѣ за желѣзно-дорожными обществами къ 1-му января 1880 г. числилось около 1,092,000,000 рублей. Этотъ громадный долгъ образовался изъ недоимокъ по гарантіямъ процентныхъ бумагъ (356,365,572 р.), разнаго рода ссудъ обществамъ изъ желѣзнодорожнаго фонда (223,002,080 р.), суммъ выданныхъ за счетъ облигаціонныхъ капиталовъ и на приобрѣтеніе акцій и облигацій (434,720.553 р.) и издержекъ на желѣзнодорожныя принадлежности, производствъ изысканій и прочіе расходы (77,865,875 р.). Гарантировать 1,301,823,397 руб. желѣзнодорожныхъ капиталовъ, съ вклученіемъ процентовъ и погашенія по облигаціямъ Николаевской дороги, правительство приняло на себя, въ случаѣ недостаточности чистаго дохода дорогъ, около 71,193,468 р. ежегоднаго платежа въ видѣ процентовъ по займамъ, не допучая, конечно, съ желѣзныхъ дорогъ по этому платежу, благодаря чему и образовался долгъ болѣе чѣмъ въ 356 милл. руб. Теперь все это говорится лицомъ до извѣстной степени официальнымъ, въ изслѣдованіи, которое «предпринято по порученію комиссіи графа Э. Т. Баранова, и явилось въ свѣтъ въ качествѣ доклада этой комиссіи» («Нов. Вр.» № 2238). Могла ли печать говорить что-нибудь о всѣхъ этихъ расходахъ въ то время, когда они производились, не зная въ точности ни заключаемыхъ условий, ни величины ассигнуемыхъ суммъ. Говорить-то она говорила, и говорила, пожалуй, даже много, но всегда оказывалось, что говорить она либо голословно, либо ошибается, и оказывается поэтому лгуней.

За желѣзными дорогами слѣдуютъ субсидіи пароходнымъ обществамъ. Пособія эти, напр., на 1883 г. исчислены министерствомъ финансовъ въ размѣрѣ 1,521,756 руб.¹ Затѣмъ слѣ-

¹ Изъ этой суммы назначается: 1) русскому обществу пароходства и торговли помилной платы за 401,764 мили 803,528 руб.; 2) обществу *Кавказъ и Меркурій*: а) за содержаніе почтоваго пароходства по Каспійскому морю 230,344 р., б) за содержаніе на Каспійскомъ морѣ срочныхъ линій военныхъ сообщений 58,128 р., в) за учрежденіе новой линіи почтоваго сообщенія между

думеть кредиты банкамъ и купечеству. Нижегородскому, напр., купечеству для облегченія расчетовъ по случаю затишья въ торговлѣ, выдано было въ нынѣшнемъ году на 800,000 р. болѣе противъ прошлаго года. Между тѣмъ, на устройство крестьянскаго земельного банка отпущено только 500,000 р. и банковыхъ свидѣтельствъ дозволено выпускать ежегодно только до 5 мил. руб., которыхъ, разумѣется, окажется весьма недостаточно. Распредѣлившись по уѣздамъ, сумма эта обратится въ такія капли, которая не напоитъ населенія. Г. Катковъ, конечно, по этому поводу молчитъ, а проектируетъ новыя желѣзныя дороги: южно-сибирскую (почему-то непременно южно-сибирскую) и отъ Нижняго до Казани, между которыми протекаетъ, какъ извѣстно, Волга. Правда, что нынче Волга обмелѣла, но и ее привести надо въ порядокъ: «Ассигнуя ежегодно, говорить онъ:—десятки милліоновъ на поддержанія движенія по желѣзнымъ дорогамъ, крайне непослѣдовательно удерживаться отъ необходимости затратъ на Волгу, которая принадлежитъ къ важнѣйшимъ государственнымъ путямъ сообщенія и потому имѣеть право на гораздо болѣшія о ней правительственныя заботы, чѣмъ многія, столь дорого стоящія желѣзныя дороги». («Моск. Вѣд.», № 232). И дорогу, значить, надо параллельную Волгѣ строить, и самую Волгу расчищать и углублять! Что за несправедливость, въ самомъ дѣлѣ: однимъ даются десятки милліоновъ, а другимъ ничего. Надо и нижегородскому ярмарочному купечеству оказать еще «экстренное облегченіе и расширеніе кредита», не ограничиваясь такою палліативною мѣрою, какъ предлагаемое продленіе срока ярмарки до половины сентября, съ отсрочкою до этого времени платежей по векселямъ, ибо надо «предупредить или, по крайней мѣрѣ, облегчить грозящій торговому и промышленному міру кризисъ». Объясняя причину этого грозящаго кризиса исключительно мелководіемъ Волги, «Московскія Вѣдомости» поясняютъ:

«Всѣ тѣ, чьи грузы застряли въ пути за мелководіемъ, были бы во многихъ отношеніяхъ выведены изъ затрудненія, еслибы могли получить ссуды подъ залогъ своихъ не прибывшихъ на ярмарку товаровъ. Частными банками такой кредитъ въ требуемыхъ размѣрахъ и на соответственныхъ обстоятельствахъ условіяхъ едва ли можетъ быть оказанъ. Это могъ бы взять на себя государственный банкъ съ его конторами и отдѣленіями. Въ его кассахъ скопилось чуть не полтора ста милліоновъ наличныхъ денегъ: есть изъ чего оказать содѣйствіе торговымъ расчетамъ и оборотамъ, оставленнымъ и затруненнымъ не по винѣ и оплошности торговцевъ. Правда, государственный банкъ

Астрабадомъ и Чивкишларомъ 15,088 р. и г) на учрежденіе дополнительной почтовой линіи между портами восточнаго берега Каспійскаго моря 35,244 р.; 3) товариществу Архангельско-Мурманскаго пароходства: а) на основаніи устава товарищества 50,000 р., и б) за два рейса на Новую Землю 5,000 р.; 4) товариществу срочнаго Амурскаго пароходства 221,112 р.; 5) товариществу подъ фирмой *Байкальское пароходство* 37,000 р.; 6) купцу Шевелеву, за срочные рейсы въ Приморской области Восточной Сибири по 3 р. за мѣсяцъ, 55,992 р. и 7) камеръ-юнкеру князю Гагарину, за срочные рейсы между Одессой и Измаиломъ, считая по 1 руб. 30 коп. за мѣсяцъ, 10,319 рублей. («Совр. Изв.», № 225).

накопилъ эту наличность въ видахъ изыятія кредитныхъ билетовъ; но, оставшая совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, нужно или ненужно это изыятіе, даже допуская, что оно почему либо нужно, слѣдуетъ помнить, что обязанность оказывать необходимыя по обстоятельствамъ поддержки торговлѣ и промышленности стоитъ для банка впередѣ заботъ о сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія и эти послѣднія могутъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда торговые обороты не страдаютъ отъ безденежья» (id.).

И тутъ опять государственныя пользы и нужды, и тутъ опять вселициательные знаки и *необходимость*, даже *обязанность* государства оказывать поддержку торговцамъ и промышленникамъ. И неужели же, спросимъ мы, не настанетъ конца этой патріотической мистификаціи, этому удивительному финансовому понижанію и невѣроятному апломбу, съ какимъ ставится интересы торгашей выше интересовъ государственныхъ. Можно представить себѣ, что натворила бы и нагородила бы эта финансовая голова, еслибы она осталась одна на всемъ своемъ просторѣ, еслибы не осталось газетъ, которыя выводятъ ее на чистую воду. А очень возможно, что скоро именно такъ и будетъ, по крайней мѣрѣ, условія для печати становятся все болѣе и болѣе неблагоприятными. Если перечислить всѣ закрывшіяся уже органы печати, то выйдетъ довольно порядочная поминальная записочка, довольно порядочный синодикъ, съ которымъ публика можетъ служить панихиды и поминать погибшихъ. Наша публика, впрочемъ, панихидъ по литературѣ не служить. У нея очень мало кровныхъ связей съ литературой. Ея отношенія къ печати очень напоминаютъ отношенія бурята къ ихъ идоламъ, которымъ они поклоняются, но которыхъ и бьютъ, сваливая на нихъ всѣ житейскія неудачи и бѣды. А скоро поминальная записочка, вѣроятно, и еще пополняется нѣсколькими именами, такъ какъ новый законъ о печати, слухи о которомъ такъ долго ходили, и который расширяетъ сферу административнаго усмотрѣнія, говорятъ уже внесенъ въ комитетъ министровъ и близокъ къ осуществленію, если только не прошелъ уже въ законодательномъ порядкѣ, какъ объ этомъ сообщилъ недавно «Гражданинъ». Это собственно не законъ, а только *дополненіе* къ временнымъ правиламъ о печати 1865 г., дополненіе тоже временное, имѣющее существовать до общаго пересмотра законовъ о печати.

Вопросъ объ этомъ дополненіи возникъ еще при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Игнатьевѣ, при которомъ собственно и началось гоненіе на либеральную печать и при которомъ закрылось большинство прекратившихся изданій. Мы въ свое время сообщили объ этомъ прозектѣ, составленномъ около полугода тому назадъ, но первоначальныя предположенія подверглись за послѣднее время значительнымъ измѣненіямъ. Сначала предполагалось усиленіе административныхъ взысканій: съ первымъ предостереженіемъ думали воспрещать розничную продажу газетъ, со вторымъ - печатаніе объявленій и т. д. Теперь, какъ сообщаетъ «Голосъ», никакого измѣненія во временныхъ правилахъ не по-

*

слѣдуетъ, а будетъ слѣдующее: 1) По нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право временно приостановить изданіе газеты послѣ третьяго предостереженія на срокъ не свыше 6-ти мѣсяцевъ. Это правило дополняется предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ новаго права: не приостанавливая изданія газеты, послѣ третьяго предостереженія, обязать редакцію доставлять нумера газеты въ цензурный комитетъ въ 11 часовъ вечера, накануне выхода нумера газеты въ свѣтъ. Обязательство это не ограничено никакимъ срокомъ. 2) Сверхъ главнаго управленія по дѣламъ печати, учреждается еще «высшая комиссія» изъ 4-хъ членовъ: министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и обер-прокурора святѣйшаго синода. По временнымъ правиламъ 1865 года, министръ внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о прекращеніи изданія обязанъ былъ входить въ правительствующій сенатъ. Теперь же министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ вносить въ эту комиссію предложенія о прекращеніи изданій, и редакторъ прекращеннаго, по постановленію высшей комиссіи, изданія будетъ лишаться навсегда права издавать что-нибудь.

Особенно недоволенъ прозкомъ остался г. Аксаковъ, доказывающій теперь, что такимъ путемъ ровно ничего достигнуто не будетъ и что печать будетъ только нести на себѣ тяжелое *мо муности*. Г. Аксаковъ, какъ мы это въ прошломъ году объясняли, понимаетъ свободу печати довольно условно, и если теперь голосъ его возвышается до высокихъ нотъ, то это, конечно, объясняется переменною внутренней политикой и опасеніемъ, что на уста велерѣчивыя будетъ наложена печать молчанія. Но, какъ бы тамъ ни было, а голосъ его все-таки представляетъ теперь лишній голосъ за истину. Стѣсненіе свободы мысли и слова есть дѣйствительно большое несчастіе для страны, которое только затрудняетъ ростъ общественной мысли. Въ концѣ-концовъ, мысль, конечно, возьметъ свое, но сколько испытаетъ она мукъ, самыхъ ужасныхъ на свѣтѣ мукъ, и какое нежелательное приметъ направленіе — объ этомъ никто не думаетъ...

Современное общество не можетъ жить безъ печати и безъ свободы мысли и слова. Я пробовалъ читать однѣ наши официальные и офиціозныя газеты и нахожу, что ограничиться только этимъ свѣтомъ невозможно, не по одному только тому невозможно, что мало пищи, но и потому, что нѣтъ матеріала для мысли и не получается вѣрнаго представленія о жизни. Вотъ идетъ, на примѣръ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» цѣлый рядъ статей: «О напиткахъ и ихъ діетическомъ значеніи», гдѣ и читаешь: «Первое мѣсто между всѣми напитками, само собою разумѣется, занимаетъ вода, какъ главная составная часть нашего организма, безъ которой немислимо ни кровообращеніе, ни какое-либо другое молекулярное движеніе... Вода не только не задерживаетъ, но способствуетъ пищеваренію и, быстро всасываясь, можетъ даже усилить выдѣленіе желудочнаго сока...

Кофейное дерево водится въ дикомъ состояніи въ Южной Абиссиніи... Наибольшимъ уваженіемъ пользуются мokka и аравійскій кофе, отличающіеся особенно пріятнымъ ароматомъ. Въ отличіе отъ чая, кофе нѣсколько отягощаетъ желудокъ. Въ большинствѣ случаевъ, кофе задерживаетъ кишечное выдѣленіе и производитъ запоръ, но иногда онъ имѣетъ слабительное дѣйствіе. Кромѣ своей питательности, кофе обладаетъ также и извѣстною согревательною способностью» и т. д. (№ 193). Ну, много ли можно начитать такого писанія, что изъ него вынесешь и что изъ тебя будетъ, если долго будешь предаваться такому чтенію? Часть официальная, разумѣется, еще менѣе интересна. Тоже самое и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ». Если изъ села Опты Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, писали, что получаемый волостнымъ правленіемъ «Сельскій Вѣстникъ» исправно подписывается въ общую тетрадь съ надписью «Дѣло», и чистенькіе нумера невозмутимо покоятся на полкахъ (№ 29), то, право, нельзя это объяснять однимъ невѣжествомъ, а нужно прибавить къ этому и свойство казеннаго слова и казенной морали, которой тамъ такое изобиліе. Редакція, разумѣется, приводитъ больше письма крестьянъ такого содержанія: «Когда я полчу № «Сельскій Вѣстникъ», то его съ жадностію читаю; особенно интересно читать приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ о прекращеніи пьянства» и т. д. (№ 26); приводитъ даже ссоры, когда крестьяне ссорятся изъ-за того, что волостное правленіе не даетъ читать, а прячетъ №№; но много ли такихъ случаевъ? Затѣмъ, вы иногда невольно сомнѣваетесь въ вѣрности получающихся представленій о жизни, въ вѣрности не отдѣльных фактовъ, которые, по всей вѣроятности, не сочинены, а въ вѣрности общей картины. Очень много, напримѣръ, теперь печатается благодарственныхъ адресовъ отъ крестьянскихъ обществъ разнымъ лицамъ, какъ-то: помѣщикамъ, помѣщицамъ, духовенству, старшинамъ и т. д. Явленіе это совершенно новое въ деревенскомъ быту. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько такихъ адресовъ. Волостной сходъ Падворской волости, Уманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, 20-го іюня постановилъ слѣдующій приговоръ: «Въ нашей волости, всѣ бывшія цитейныя заведенія уничтожены и пьянство, нѣсколько лѣтъ *улетающее* насъ съ нашими семействами, благодаря заботамъ его сятельства князя Леонида Дмитріевича Вяземскаго, имѣющаго о насъ, какъ о дѣтяхъ своихъ, постоянное и неуспяное попеченіе, прекратилось во всей волости. Теперь, находясь на пути *здоровомыслящихъ* людей, мы чистосердечно пожелали выразить его сятельству, какъ отъ самихъ себя, такъ равно отъ нашихъ женъ и дѣтей глубочайшую признательность, всегдашнее почтеніе и уваженіе за его отеческое наставленіе на истинный путь трезвости, а равно и за его постоянное вразумленіе насъ къ добру и всегдашній о насъ заботы. Князь лично присутствовалъ на сходахъ и для нашей же пользы уговаривалъ насъ, даже просилъ, отказаться отъ кабацкой гибели, сколько лѣтъ насъ изнуравшей, и стать на ряду съ людьми трезвыми и благомыслящими. А потому постановили копію съ сего приговора поднести кн. Леониду Дмитріевичу, съ выраженіемъ ему искренней и величайшей благодарности, а другую препроводить въ редакцію «Сельскаго Вѣстника» (С. В. № 31).

А вотъ благодарность помѣщицѣ:

«1882 года юля 18 дня, мы, нижеподписавшіеся, крестьяне собственники Херсонской губ. и уѣзда, Михайловской 18-й волости, села Михайловки, бывъ сего числа на полномъ нашемъ сельскомъ сходѣ, имѣли разсужденіе о благодѣяніяхъ, каковыя намъ дѣлаетъ бывшая наша владѣлица, вдова генералъ-лейтенанта Юлія Яковлевна Синельникова, (слѣдуетъ подробное исчисленіе благодѣяній). Эти благодѣянія и еще другія, которыя трудно исчислить, заставляютъ насъ всѣхъ крестьянъ села Михайловки изъявить ей превосходительству Юліи Яковлевнѣ Синельниковой и ея сыну Алексію Николаевичу Синельникову чувствительную и душевную нашу благодарность, съ увѣреніемъ, что нами будутъ возноситься молитвы къ Всевышнему Создателю о долгодѣіи и благоденствіи ея съ семействомъ, и будемъ внушать дѣтямъ нашимъ и внукамъ, чтобы они чувствовали всѣ благодѣянія, какія намъ сдѣланы ея превосходительствомъ. Приговоръ этотъ постановили: одинъ экземпляръ поднести ей превосходительству Юліи Яковлевнѣ Синельниковой, а другою отправить въ редакцію «Сельскаго Вѣстника» для напечатанія». (Подписались 95 домохозяевъ, № 35).

А вотъ глубочайшая признательность и совершенное уваженіе крестьянъ Михайловскаго сельскаго общества, Богучарскаго уѣзда, священнику Сцѣпенскому, «за его, отца Василя, ревностное и отличное исполненіе своей должности, за отеческое какъ съ прихожанами, такъ и прочими обращеніе, за постоянныя какъ въ церкви, такъ и въ домахъ разумныя наставленія, за непритязательность, незлобіе и кротость въ продолженіи служенія болѣе 30 лѣтъ», и «за особенныя его, отца Василя, хлопоты и изысканія средствъ при построеніи двухъ балдахиновъ къ иконамъ Тихвинской Божіей матери, позолоту иконостаса» и т. д. (№ 33). Затѣмъ слѣдуютъ благодарности старшинамъ, писарямъ и т. д., и т. д. Прочитавъ всѣ эти благодарности, невольно изумляешься какъ быстро измѣняется жизнь къ лучшему и какъ быстро народъ нашъ идетъ впередъ. Въ прошломъ году вѣдь еще ничего подобнаго не было, а теперь смотрите: и уваженіе къ 30-лѣтнимъ заслугамъ старика священника, и «всегдашнее почтеніе и уваженіе» къ князю Леониду Дмитриевичу Вяземскому за его отеческое наставленіе на истинный путь трезвости, на путь здоровомыслящихъ людей, и глубочайшая признательность Юліи Яковлевнѣ Синельниковой за ея благодѣянія—за ея *безвозмездныя* добрыя совѣты и медицинскую помощь больнымъ, за заботы о школѣ, за то, что она «своими ходатайствами и издержками» хлопотала назначеніе въ село Михайловку приходскаго священника, о чемъ общество тщетно хлопотало болѣе 4 лѣтъ и за другія благодѣянія, которыя даже исчислить трудно. И какія добрыя отношенія водворились вдругъ между крестьянами и помѣщиками, какъ стали понимать крестьяне пользу трезвости—(кабаки теперь иначе и не называются, какъ «вертепомъ пьянства», «пагубой» и соблазномъ»), образованія и труда, отъ котораго многіе было «отвыкли», какъ говорится въ одномъ приговорѣ. Приятно, конечно, все это слышать. Меня немного смущаетъ только нѣсколько витіеватый и канцелярскій слогъ всѣхъ этихъ документовъ, напоминающій иногда то юбилейныя спичи и адреса культурныхъ людей, то приказы по полиціи. Вотъ

напримѣръ какой адресъ получили нижегородскіе дворяне, братья Кальчугины: «1882 г. іюля 3 дня, мы, нижеподписавшіеся, Горбатовскаго уѣзда, Избылецкой волости, деревни Попадьяна временнообязанные крестьяне (въ числѣ 60 человекъ) имѣли сужденіе о бывшемъ у насъ 29 іюня пожарѣ, при тушеніи котораго особенно отличились: дворянинъ Дм. Ив. Кальчугинъ, везшій на себѣ съ полъ-версты пожарную трубу, чтобы доставить ее къ мѣсту пожара, и его братъ, членъ Горбатовской земской управы, Ник. Ив. Кальчугинъ. Такъ какъ гг. Кальчугины всегда съ пользою участвуютъ въ тушеніи пожаровъ... то мы, крестьянское общество означенной деревни, постановили: выразить гг. Кальчугинимъ благодарность и просить редакцію «Сельскій Вѣстникъ» о напечатаніи таковой для всеобщаго свѣдѣнія» (№ 31). Слово послѣдняго рескрипта менѣе возвышенъ и какъ-то даже высокомеренъ: «особенно отличились при тушеніи пожара», «всегда съ пользою участвуютъ при тушеніи пожаровъ», «везъ на себѣ съ полъ-версты пожарную трубу» и т. п. Зависѣло ли это отъ болѣе скромной личности самихъ адресатовъ—какіе-то дворяне Кальчугины, не то конечно, что ихъ сіятельства и превосходительства—или можетъ быть писалъ этотъ адресъ человекъ менѣе опытный? Но кто же, однако, пишетъ подобныя адреса—неужели сами крестьяне, неужели въ теченіи одного года они выучились такому высокопарному и вычурному языку? И самимъ ли имъ, наконецъ, принадлежитъ инициатива подобныхъ адресовъ? Этого вы не знаете изъ «Сельск. Вѣст.», а знать это между тѣмъ было бы очень важно, такъ какъ тогда получилась бы возможность опредѣлить, насколько дѣйствительно участвуетъ въ такихъ пріятныхъ явленіяхъ самостоятельное крестьянское желаніе и насколько выражаются ими дѣйствительныя чувства «нижеподписавшихся». Вы видите передъ собою совершенно новую цивилизацію, совершенно новое окультуриваніе и отесываніе мужика, а руки не видите. Вы чувствуете какое-то несоотвѣтствіе между высокопарнымъ адресомъ, въ которомъ гораздо больше вышней вѣжливости и формальнаго показнаго выраженія признательности, чѣмъ искренняго чувства, и мужикомъ, который до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ чувствъ своихъ не выражалъ. Вы видите, что пришелъ въ деревню какой-то новый культуртрегеръ, какой-то новый миссіонеръ (или можетъ просто комиссіонеръ), который умываетъ мужика, чиститъ ему носъ, подвигаетъ его, дѣлаетъ ему городской проборъ (фрака не надѣваетъ—это, разумѣется, самъ заведи) и заставляетъ его говорить слова: «ея превосходительство Юлія Яковлевна Синельникова» (которая до сихъ поръ, вѣроятно, была просто «генеральшей», «доброй барыней» или просто Синельничихой), «пути здравомыслящихъ людей», «неусыпныя заботы», «глубочайшая признательность», «совершенное уваженіе» и т. д. и т. д. У настоящаго мужика, еслибы его заставить залпомъ произнести всѣ эти слова, вѣро-

тно, не разъ захлестнулся бы въ узелъ языкъ. Но кто же, однако, этотъ новый облагодѣшатель нашего пьяницы, нигдѣ дальше своего кабака не бывавшаго и теперь пишущаго такіе чувствительнѣйшіе адреса? Объ этомъ, конечно, вы сейчасъ же узнаете, хотя опять не непосредственнымъ путемъ (ибо пріятныхъ явленій пока еще очень немного и распространены они далеко не повсемѣстно, это—пока только образчики того, что должно быть). Это поѣхали въ деревню все тѣже старыя наши знакомые—Акакій Акакіевичъ и Держиморда, которые сами теперь въ народъ пошли и надѣются все сами сдѣлать, своими «средствами»: жизнь упорядочить, и культуру насадить, и пьянство искоренить. Прежде, всего, конечно, искоренить пьянство. «Сами то вы, господа, пьяницы, по всей вѣроятности думаетъ мужикъ, сами же насъ недавно спивали, а теперь что говорите, какъ мельница все равно: нынче въ одну сторону, завтра въ другую. Ну, да городите, что хотите, вино не очень-то и прежде было нужно. Приговоры обществъ о закрытіи кабаковъ, которыхъ теперь такъ много публикуется, доставляются въ редакцію «Сельскаго Вѣстника» иногда гг. исправниками (№ 26), которыми, казалось бы, не зачѣмъ было голосовать чисто хозяйственныхъ крестьянскихъ вопросовъ. Принимаютъ въ нихъ участіе, конечно, и гг. становые, и «первыя пьяницы—урядники», какъ выразился одинъ пьяница. Препровождая для напечатанія два приговора о закрытіи кабаковъ въ Первоконстантиновской волости, Таврической губерніи, старшина поясняетъ, что оба приговора состоялись вслѣдствіе стараній о томъ писарей Ивана Бурлеева и Кирилла Самарскаго, внимательно прочитывающихъ «Сельскій Вѣстникъ», и просилъ потому выразить имъ благодарность. Содѣйствуютъ, какъ мы видѣли, направленію народа на путь здравомыслія и трезвости и сосѣди — бывшіе отцы-благодѣтели крестьянъ, которые и теперь относятся къ нимъ «какъ къ дѣтямъ своимъ». Все это, конечно, очень прекрасно, и мы равно ничего не имѣемъ противъ сокращенія числа кабаковъ и въ особенности противъ удаленія изъ деревень ихъ содержателей, но дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ—выйдетъ ли изъ этихъ стараній какой-нибудь толкъ, не везутъ ли они съ собою новыхъ и гораздо болѣе глубоко нравственныхъ бѣдъ и не отдадутъ ли народъ въ выучку тѣмъ же самымъ содержателямъ кабаковъ (которыхъ, конечно, изъ деревни не выживешь и которые найдутъ себѣ тамъ другое дѣло) урядникамъ, кулакамъ, становымъ и вообще всякому сброду, котораго такъ много расплодилось теперь. Въ состояніи ли будетъ новый педагогическій совѣтъ, состоящій изъ Акакія Акакіевича, Держиморды, Обломова и Разуваева, выработать для новыхъ народныхъ воспитателей и тьюторовъ какую-нибудь опредѣленную программу преподаванія, какую-нибудь опредѣленную цѣль, которая была бы ясна и привлекательна, сулила народу счастье и отвѣчала потребностямъ вѣка? Не разъ собираются они на совѣщаніе и

бесѣдуютъ о раздѣленіи міра и управленіи имъ, но ни къ какому опредѣленному заключенію не приходятъ и остаются каждый при старыхъ своихъ программахъ, программахъ давно уже упраздненныхъ жизнью. И происходитъ отъ этого одна только канитель, канитель тѣмъ болѣе скучная, что живой человѣкъ въ это время вымираетъ и подвергается упраздненію, а народъ несомнѣнно страдаетъ и развращается. Адресы, о которыхъ мы говорили, пишутся несомнѣнно тѣми же самыми лицами, которыя пишутъ и приговоры о закрѣпѣ кабаковъ; т. е. писарями, урядниками, духовенствомъ и т. п. Помогаютъ ли эти адреса дѣйствительному установленію добрыхъ отношеній, вѣрять ли имъ получающіе и подносящіе ихъ, не приучаютъ ли они ту и другую стороны къ фальши, неискренности, заставленію дѣйствительныхъ чувствъ и выраженію чувствъ совсѣмъ противоположныхъ; а затѣмъ—правильное ли получаемъ мы представленіе о существующихъ въ дѣйствительности отношеніяхъ? Мы задаемъ этотъ вопросъ вовсе не потому, чтобы сомнѣвались въ возможности существованія добрыхъ господъ и хорошихъ священниковъ, къ которымъ крестьянство относится въ высшей степени доброжелательно, а потому, что не знаемъ, можно ли считать эти факты за общее правило, или же, можетъ быть, есть и совершенно другіе, противоположные этимъ, факты, о которыхъ, однако, въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» ни слова не говорится, и которыхъ, между тѣмъ, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Узнавъ, что послѣдняго рода факты существуютъ, я, можетъ быть, дни и ночи буду думать объ упорядоченіи отношеній и, можетъ быть, что-нибудь и придумаю; тогда какъ слыша только, что все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, я буду только славословить и предаваться восторгамъ. Беря въ руки партикулярную печать (за исключеніемъ, конечно, «Московскихъ Вѣдомостей»), я захожу тамъ, рядомъ съ добромъ, и зло, рядомъ съ хорошимъ и дурныя отношенія. Вотъ, на примѣръ, читаю я въ «Странѣ», что въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, населеніе почему-то «бродитъ», что броженіе это въ селѣ Берестовцѣ выразилось тѣмъ, что «жители составили приговоръ, въ которомъ постановили (подъ страхомъ взысканій отъ 5 рублей и больше) приговоръ: не заниматься къ поамъ ниже опредѣленной цѣны, не брать съ половины поля, а за $\frac{2}{3}$ и прочъ»; а «въ селѣ Коношевкѣ, въ имѣніи князя Кочубея, побили управляющаго и вытравили траву въ лѣсу, принадлежащемъ Кочубею» (№ 69). «Голосу» писали изъ Харькова, что управляющаго имѣніемъ Квятки, г. Логвиненко, крестьяне до того избili оухами топоръ, что положеніе его было безнадежно. Въ Смоленской губерніи, Рославльскаго уѣзда, бывшіе крѣпостные О. О. Дудинскаго, при взысканіи съ нихъ въ пользу помѣщика «такъ называемой нятой копейки», оказали сопротивленіе властямъ—выбили коломъ глазъ уряднику и оскорбили словами и дѣйствіемъ становаго («Русс. В.», № 197). Въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, въ имѣніи графа

Тышкевича, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, также оказано было сопротивленіе властямъ; а корреспондентъ «Русскаго Курьера» къ этому добавляетъ, что «крестьяне настроены до того пугливо, что всякое самое невинное дѣйствіе властей истолковываютъ не въ свою пользу» (№ 153). И подобныхъ фактовъ вовсе не мало. Корреспонденцій, сообщающихъ о далеко не пастырскомъ отношеніи духовенства къ своей паствѣ, также многое множество. Оттуда и отсюда постоянно слышатся жалобы на вымогательство, придиричивость, пьянство и т. д. Въ Бирскѣ, напримѣръ, сверхъ полученныхъ наканунѣ бракосочетанія 12 р., причтъ присылаетъ къ жениху записку, прося прибавить три рубля, а затѣмъ, по полученіи таковыхъ, вторую записку—о необходимости прибавить еще за брачный обыскъ 3 р., да сверхъ того прислать «широгъ съ рыбой и ведро пива» («Голосъ»). Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи, недавно дьяконъ побилъ въ церкви попа. Оба священнослужителя склонны къ возлияніямъ, и вотъ, во время вечерни, священникъ началъ особенно придиратся къ дьякону за то, что тотъ «не такъ читаетъ». Выведенный изъ себя, дьяконъ схватилъ священника за бороду и таскалъ его по церкви въ полномъ облаченіи («Од. Листъ»). Въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сарѣ, священникъ о. Платонъ до того напивается, что бьетъ въ присутствіи крестьянъ причетника крестомъ по лицу («Русск. Рур.», № 92). Неудивительно послѣ этого, что многіе изъ крестьянъ Пошехонскаго уѣзда обратились изъ православія въ расколъ, а другіе, хотя и числятся православными, но въ церковь не ходятъ, такъ что, напримѣръ, въ Верховскомъ приходѣ изъ 700 душъ во время поста было на исповѣди не много болѣе 100 человекъ. Въ селѣ Л—нѣ, какъ сообщалъ «Южный Край», одинъ крестьянинъ, по завѣщанію отца, желалъ пожертвовать въ церковь крестъ, очень цѣнный, и сообщилъ объ этомъ священнику, который отвѣтилъ, что желалъ бы при этомъ получить съ него въ свою пользу 25 руб.; когда крестьянинъ сказалъ, что не находитъ возможности исполнить это желаніе, и, затѣмъ, по совѣту благочиннаго, отдалъ крестъ въ другую церковь, то разгнѣванный священникъ въ слѣдующій праздникъ «не только отказалъ непокорному въ помазаніи елеемъ, но и публично, съ амвона, отлучилъ его отъ церкви». Берутъ взятки, говорить «Церковно-общ. Вѣстникъ», почти во всѣхъ инстанціяхъ епархіальной администраціи. «Берутъ по большей части благочинные, берутъ въ духовномъ правленіи, берутъ почти на каждомъ шагѣ въ консисторіи (всего менѣе, впрочемъ, самые члены консисторіи), берутъ на подворьяхъ архіерейскихъ архіерейскіе секретари, письмоводители, протодіаконы и иподіаконы, келейники» и т. д. Иногда крестьяне теряютъ всякое терпѣніе и прибѣгаютъ къ собственной расправѣ съ духовенствомъ, какъ это было, напримѣръ, недавно въ деревнѣ Дорь, расположенной въ 5-ти верстахъ отъ г. Кадникова: «застали съ замуженной женщиной одного изъ духовныхъ»

лицъ, проживающихъ въ сосѣднемъ Лопашовскомъ монастырѣ, и устроили надъ нимъ церемонію всенароднаго срамленія. Поверхъ рясы на него надѣли женскій сарафанъ и громадной толпой, состоящей изъ мужчинъ и дѣтей, повели въ монастырь. Мальчишки били въ печныя вьюшки, заслонки и тазы; мужики насмѣхались, острили и ругались, женщины разговаривали, обсуждая дѣло, но вообще вели себя сдержаннѣе. Общій говоръ, крикъ и визгъ стояли надъ толпой. Процессія, придя въ монастырь, застала игумена садящимся въ экипажъ. Игуменъ покричалъ на провинившагося и велѣлъ ему убраться изъ монастыря. Тотъ отправился въ Семигородный монастырь, и тамъ его обѣщали принять, но потребовали аттестатъ изъ Лопашовскаго монастыря. Чѣмъ кончится дѣло — пока неизвѣстно. Крестьяне озлоблены потому, что, по ихъ словамъ, монахи и прочій монастырскій людъ соблазняютъ бабъ и дѣвокъ и тѣмъ разрушаютъ семейную жизнь. Взглядъ ихъ на монастырское правосудіе крайне песимистиченъ; въ данномъ случаѣ они, напр., говорятъ, будто игуменъ при нихъ прогналъ виновнаго, но черезъ три дня принялъ обратно. («Рус. Вѣд.» № 210).

Новый законъ, разрѣшающій посвящать во священники лицъ, не кончившихъ курса въ семинаріи, конечно, не только не подниметъ нравственнаго уровня и авторитета духовенства въ глазахъ народа, но неминуемо долженъ еще его понизить, такъ какъ образованіе и умственное развитіе являются все-таки большою гарантіею порядочности человѣка. Теперь во священники можетъ идти чуть ли не всякій желающій. Журналъ «Устои» сообщилъ недавно, что въ Новгородской губ. перешолъ во священники одинъ урядникъ изъ бывшихъ семинаристовъ (№ 6). Чѣмъ руководился этотъ новый пастырь человѣческаго стада, сначала надѣвая на себя полицейскую тогу и доспѣхи, а потомъ слагая ихъ и облачаясь въ рясу, когда открылась возможность занять болѣе доходное мѣсто, конечно, рѣшить не трудно. Не трудно также отгадать, если только, разумѣется, не произойдетъ какого-нибудь чуда, и то, что это будетъ за пастырь. Баронъ Корфъ недавно разсчитывалъ въ «Голосѣ», что у насъ насчитывается до 40,000 церквей съ монастырями и при нихъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ до 70,000 лицъ (№ 229). Кажется такого комплекта совершенно достаточно, чтобы приходскія церкви не нуждались въ священникахъ. Оно, конечно, гораздо пріятнѣе жить въ городахъ или въ какихъ-нибудь тихихъ и прекрасныхъ обителяхъ, но служители церкви, кажется, менѣе всего должны были бы руководствоваться такими соображеніями. Качественный составъ духовенства въ особенности важенъ въ виду предполагаемаго устройства приходскихъ школъ и привлеченія духовныхъ лицъ къ дѣлу народнаго образованія.

Я могъ бы продолжать перечень фактовъ, показывающихъ, что вовсе не все обстоитъ такъ благополучно въ жизни, какъ это излагается въ адресахъ съ глубочайшими признательностями; но

для дѣла довольно и приведенныхъ фактовъ. Упраздненіе интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ общественной дѣятельности и наплывъ въ деревню новыхъ и старыхъ благообразивателей мужика составляетъ, конечно, самую выдающуюся, самую крупную и характерную черту нашего времени. Процессъ этого упраздненія и благоображенія чрезвычайно интересенъ, но мы отложимъ это до слѣдующаго раза; а теперь, возвращаясь къ началу статьи, мы спросимъ: кому же, скажите пожалуйста, смотря на разнорѣчіе оффиціозной и партикулярной печати, мы будемъ вѣрять? Что касается до насъ лично, то мы знаемъ кому и чему вѣрять, ну, а общество-то какъ, не бездушная же оно декорация только, молодое-то поколѣніе, ищущее правды и жаждущее живого дѣла, оно-то кому будетъ вѣрять?! Затѣмъ и еще одно обстоятельство: одною оффиціальною и оффиціозною печатью дѣло, разумѣется, ограничиться не можетъ; на мѣсто упраздненныхъ органовъ непременно должны появиться другіе, должна возникнуть совершенно особаго рода литература, не особенно дорожащая независимостью мысли и истиной, равнодушная къ высшимъ интересамъ, неразборчивая къ цѣлямъ и средствамъ и бющая на низменные интересы публики. Уровень литературы и умственный и нравственный уровень общества непременно должны понизиться. Такого рода литература уже и стала появляться у насъ и даетъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все и больше. Вотъ что по этому поводу было высказано въ «Совр. Изв.» (№ 126):

Съ чувствомъ величайшаго омерзения беремся наконецъ за перо, чтобы бросить нѣсколько словъ по поводу порнографической, наскавляющей и шантальной періодической и не періодической нашей печати, пустившей свой вѣдй смирдъ особенно въ послѣднее печальное время общественнаго шатанія... Вотъ грубая реклама тайной проституткѣ; вотъ систематическое прославленіе любованнаго кабака; вотъ доброжелательное, хотя и краткое, указаніе супругу на невѣрность его жены; вотъ документы, что по счету уплачено или не уплачено; вотъ сладострастное описаніе, манящее повторить ощущенія убійцы, когда вонзаетъ онъ ножъ въ горло своей жертвы; вотъ барковщина; вотъ уголовщина, скандалъ...

Изворовавшееся правительство Наполеона III, наводнившее улицы Парижа кровью соотечественниковъ, чтобы захватить власть, и покончившее злодѣянїи своей узурпаціи величайшимъ позоромъ подъ Седаномъ, имѣло крайнюю необходимость отвлечь отъ общественныхъ дѣлъ вниманіе обманутыхъ гражданъ. Для этого-то оно, и именно одно оно во всей исторіи, создало и поддерживало порнографическую литературу. Оно угадало скотскіе инстинкты: успѣхъ безпутной словесности былъ такъ великъ во Франціи, что въ обществѣ сложилась даже поговорка: «добродѣтель даетъ газетъ 1,000 экз. розничной продажи, а развратъ 20,000 и 30,000 экз.»

Важна, конечно, не розничная продажа, а нравственный упадокъ общества, которому, чтобы подняться, нужно бываетъ употребить уже огромныя усилія, важна невозможность существованія для честной печати, для честныхъ сердецъ и мыслей, которыя нужны для общества такъ же, какъ маякъ на морѣ, такъ же какъ значки и знамена для арміи.

1-го сентября вышла и разослана подписчикамъ IX-я, сентябрьская, книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣвѣ. Къ біографіи А. Н. Радищева. Изслѣдованіе *В. Е. Якушкина*. — II. Масонство въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. — III. Ириней Нестеровичъ, архіепископъ Иркутскій: дѣло о его «бунтѣ» въ 1831 г. въ Сибири. — IV. Священникъ Теодосій Левицкій въ 1815—1845 гг. — V. Очерки и замѣтки къ исторіи художествъ въ Россіи. И. Н. Божерянова. — VI. М. Ю. Лермонтовъ въ разсказѣ о немъ. графини Е. П. Ростопчиной. — VII. Разказы, замѣтки, письма: Самозванецъ Медоксъ. — Гр. Аракчеевъ. — Декабристъ Фаленбергъ. — Императоръ Николай въ первой Харьковской гимназіи. Разказъ *Д. В. Ильченко*. — Вас. Ив. Кельсиевъ въ 1864 г. Сообщ. *Д. В. Аверкіевъ*. — Бомбардиръ Агаѣонъ Никитинъ. Сообщ. баронъ *Остенъ-Сакенъ*. — Шеншинъ и Рутценъ. — Петербургская старина. — Памяти В. Н. Лешкова. Сообщ. В. А. Гольцевъ. — VIII. Къ вопросу о генералъ-губернаторахъ въ Россіи. Записка 1858 г. — IX. О книгѣ: Обзоръ Указатель «Русской Старины» изд. 1870—1882 гг. — X. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Императора Петра III Федоровича, гелиографическій, съ современной гравюры, снимокъ, исполненъ г. *Скамони* въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ:

«Русская Старина» выходитъ въ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—**ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.**

Открыта подписка на 1883-й годъ «Русская Старина» въ 1883 г. — двѣнадцать книгъ, съ гравированными портретами, цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной библіотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: «Русскую Старину» изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изд.), 1877, 1878, 1879 и 1880 гг. (второе изд.), изд. 1881 года всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами русскихъ дѣятелей.

Цѣна на каждое изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Гостиного Двора, № 12.

Бывшій А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнецкій мость, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Боярская дума древней Руси, В. Ключевского. М. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Собственность и государство, Б. Чичерина. Часть I-я. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Всеобщая исторія литературы. Составл. при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ подъ редакц. В. Корша. Вып. XV. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Очеркъ кустарныхъ промысловъ Сѣвернаго Кавказа, съ описаніемъ техники производства. Составилъ по матеріаламъ, собраннымъ А. В. Золотаревымъ и др., О. В. Маргграфъ. М. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Основы реформъ мѣстнаго и центрального управленія. Сост. О. К. Нотовичъ. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Нотаріальное руководство. Системат. сборн. узаконеній, относящихся до нотаріальной части, съ разъясняющими ихъ рѣшеніями государственнаго совѣта и сената, стараго и новаго устройства, съ приложеніемъ программы вопросовъ для изученія нотаріальной части, потайнаго указателя и различныхъ формъ и образцовъ. Сост. нотаріусъ Ив. Дмитревскій. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.

Краткій катехизисъ для матерей и кормилицъ. Сост. д-ръ медицины Фейгинъ по руководству къ дѣтской гигиенѣ клиническаго профессора въ Нью-Йоркѣ д-ръ Яеоби. Спб. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Красный Крестъ. Въ тылу дѣйствующей арміи. Отчетъ главноуполномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880). Иллюстрированный каталогъ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 года, содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Сост. Н. П. Сопко. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Юрій Милославскій или русскіе въ 1812 г. Историческій романъ въ 3-хъ част. М. Н. Загоскина. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

«Кудеяръ». Историческая хроника Н. И. Востомарова. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Княжна Владимирская (Тараканова). Историч. романъ въ 4-хъ частяхъ А. Шадрина. Спб. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Соловьева, В. Царь дѣвица, романъ-хроника XVII вѣка въ 3-хъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Достоевскій, Ф. Бѣсы, романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ пословицъ, поговорокъ, примѣровъ и проч. (русско-народная философія). Составилъ отшельникъ Меря Хови. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Думы и пѣсни. Стихотворенія Н. В. Майскаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Мавръ Юкай. Золотой человекъ, романъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Густавъ Флоберъ. Саламбо. Историческій романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Пальшау, А. Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ, съ 7-ю таблиц. чертежей для реальныхъ училищъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Евсѣенко, С. Ветеринарная медицина и ветеринарные врачи. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Золотая рыбка, сказочная быль въ стихахъ (изъ жизни крестьянскаго мальчика). Изд. 2-е. М. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Капитанская дочка А. С. Пушкина для перевода на нѣмецкій языкъ снабдилъ примѣчаніями и словаремъ А. Ауссемъ. М. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Учебникъ ариѳметики (въ объемѣ курса младшихъ классовъ гимназій). Сост. В. Латышевъ. Спб. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Товарные склады и ихъ значеніе въ виду американской конкуренціи. А. Чупрова. М. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

В. Катазовскій. Незданный дубровницкій поэтъ Антонъ Маринъ Глеговичъ. (Историко-литературное изслѣдованіе). Спб. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ всѣ, какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія, по цѣнамъ гдѣ бы и къмъ бы то ни было опубликованнымъ.

- женіе въ Монсо-Лэ-Минъ. — Пастырское посланіе епископа Отёнскаго.—Бонапартистская манифестація въ Ваграмской залѣ. — II. Судебная хроника.—Театръ.—Новыя книги. *Людвика*. . . . 59
- XIII. — ЖЕСТОКІЙ ТАЛАНТЪ. (Полное собраніе сочиненій *Ф. М. Достоевскаго*). *Ник. Михайловскаго*. . . 81
- XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мысленія и чувства. Соч. *Михаила Зеленскаго*.—Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи. *А. В. Лихачева*. — *В. А. Погожевъ*. Фабричный бытъ Германіи и Россіи. 125
- XV. — ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. . 139

Объявленія: О книгахъ *М. Е. Салтыкова (Щедрина)*, о новой книгѣ «Разказы» *Всеволода Гаршина*, о книгѣ «Деревенскіе будни» *Н. Н. Златовратскаго*, о выходѣ сентябрьской книги журнала «Русская Старина» и отъ книжныхъ магазиновъ *Н. И. Мамонтова*.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Редакція «Отеч. Записокъ» считаетъ долгомъ напомнить гг. авторовъ присылаемыхъ стихотвореній, что послѣднія, въ случаѣ непризнанія ихъ удобными къ напечатанію, подвергаются уничтоженію. Поэтому, ни въ какую переписку по поводу этихъ стихотвореній Редакція не входитъ, даже въ томъ случаѣ, ежели на отвѣтъ прилагается почтовая марка.

3 руб.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ имѣютъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою 16 р. сер.;
съ пересылкою: 17 руб. сер.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 руб.

За расходомъ всѣхъ экземпляровъ, подписка на журналъ «Отеч. Записки» за текущій 1882 годъ прекращена.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Томы I, II и III. Цѣна 2 руб. за томъ. Иногородные, обращающіеся въ главную контору «Отечественныхъ Записокъ», за пересылку не платятъ.

Соч. Н. Н. Златовратскаго: „Среди народа“ (разказы и очерки), ц. 1 р. 50 к. „Золотыя сердца“ (повѣсть), ц. 50 к. Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при типографіи Демакова (Спб., Новый пер., д. № 7).

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 310 264

